

П.5.
367724

н 6123

Д-ръ м-ны Т. Поповъ

РУССКАЯ

НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА

ПО МАТЕРИАЛАМЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ВЮРО КНЯЗЯ В. Н. ТЕНИШЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Многолетними трудами князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной им программе, собраны обширный и ценный этнографический материал, имевший задачей всестороннее исследование жизни и быта крестьян в великорусских губерниях. Материал этот доставлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладельцами, земскими начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число таких сотрудников и корреспондентов, имевших самое тесное и близкое отношение к народной жизни, достигло по 23 губерниям до 350. Содержанием материала явились, главнейшим образом, личные наблюдения сотрудников и отчасти местные печатные источники.

Постоящая работа представляет посильную попытку со стороны автора разобраться в той части этого бытового материала, которая связана с вопросами народной медицины.

«Время оцѣнить лѫчше насть и паши дѣйствія, и наши убѣжденія, а мы будемъ утѣшать себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насть одно не разрушимое—это господство идеи, и если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему убѣжденію, вела насть къ истинѣ. путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами».

Приговоръ.

Народная поэзія, съ которой мы знакомимся въ дѣйствіи и школѣ, личные наблюденія каждого въ жизни и отрывочные газетныя сообщенія о различныхъ, болѣею частью темныхъ сторонахъ народной жизни, составляютъ почти единственный источникъ знаній о народѣ значительной части нашего образованного общества. Если исключить чисто научныя, доступныя только для немногихъ изслѣдований нѣкоторыхъ духовныхъ и экономическихъ сторонъ народной жизни, у насть окажется очень мало другихъ источниковъ, откуда мы могли бы черпать свои свѣдѣнія о народѣ въ его цѣломъ: обѣ его жизни и бытѣ въ связи съ міровоззрѣніемъ, суевѣріями, предразсудками, привычками народа и тѣми новыми условіями, которыя такъ измѣнили жизнь нашего отечества за послѣднія сорокъ лѣтъ. Оттого большинство изъ насть склонно судить о народѣ лишь поверхностно и слегка и, обыкновенно, только и можетъ сказать, что онъ бѣденъ, грубъ, невѣжественъ и даже дикъ. Но всѣ эти и тому подобныя ходячія определенія, очень мало выражая физіономію народа, ничего не говорятъ обѣ его привлекающихъ и положительныхъ чертахъ, не всегда вѣрно обозначаютъ отрицательныя и обыкновенно линіи очень односторонне указы-

ваютъ на тѣ причины и условія, которыя лежатъ въ основѣ бѣдности и невѣжества народа. Такимъ путемъ создается только приблизительное понятіе о народѣ и нѣтъ или почти отсутствуетъ его знаніе. Между тѣмъ знаніе народа, этого ядра и корня государства, имѣеть не академическій только интересъ, но и большую практическую важность. Никакія благія намѣренія и желанія и никакія безплодныя сожалѣнія о судьбѣ народа не поведутъ ни къ чему, пока въ основу нашихъ представлений о немъ не будетъ положено детальное и точное изученіе. Только такое знаніе, явившееся результатомъ изученія положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ жизни и быта народа, въ состояніи создать прочную почву для общей и частной работы въ деревнѣ и потому-то оно такъ должно быть необходимо каждому народному дѣятелю, будь то священникъ, учитель, чиновникъ или врачъ.

Еще Даль, этотъ иностранецъ по происхожденію, русскій по духу и одинъ изъ первыхъ начавшихъ изученіе нашего народа, указалъ на важность такого знанія въ той относительно небольшой области народной жизни, которой касается предлагаемая книга и которая обнимаетъ вопросы, связанные съ здоровьемъ и заболѣваемостью населенія.

«Деревенскій врачъ, назначеніе котораго жить и работать среди народа,—говоритъ Даль,—ежедневно долженъ бороться съ его предразсудками и привычками, обращающимися часто въ ненарушимый законъ, чтобы узнать, какъ нужно людей при этомъ наставлять, поучать и предостерегать». Указывая на важность изученія народной медицины въ чисто этнографическомъ отношеніи и на полезность многихъ народныхъ врачебныхъ средствъ, онъ особенное и преимущественное вниманіе обращаетъ на необходимость изученія суевѣрій народа, «сражаться съ которыми на каждомъ шагу составляетъ», по его словамъ, «долгъ и необходимость врача въ деревнѣ». Хотя слова эти относятся къ давно прошедшему времени¹⁾, но имѣютъ почти такой же смыслъ и для настоящаго.

Несмотря на сильно измѣнившіяся условія и новыя теченія жизни, нашъ крестьянинъ, въ массѣ, до сихъ поръ сохраняетъ

¹⁾ Даль. «О народныхъ врачебныхъ средствахъ». Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1843.

свои особенные представления о происхождении болезней, почти не придает никакого значения въ этомъ отношеніи ни чистотѣ, ни пищѣ, ни водѣ, лечится очень нерѣдко суевѣрными или знахарскими средствами, обращаеть мало вниманія на уходъ за больными и діэту, и на самую земскую медицину, съ ея лечебными пріемами, санитарными требованіями и мѣрами, имѣетъ весьма нерѣдко совершенно особенные взгляды.

Хорошо и точно знать все это, вмѣстѣ съ условіями деревенской обстановки и быта, имѣть для народнаго врача огромную и неоцѣнимую важность. Его воспитательное и даже чисто лечебное значеніе увеличится во много разъ, если онъ, сообразуясь со всѣми этими условіями, будетъ въ состояніи подойти и овладѣть мировоззрѣніемъ крестьянина. Тогда врачъ, узнавъ всѣ его отрицательныя и слабыя стороны, получитъ возможность не только предусматривать и предостерегать, рельефнѣе выставлять на видъ заблужденія народа, но, главное, научится говорить съ народомъ примѣнительно къ его понятіямъ и на его языкѣ, и тѣмъ откроетъ для себя путь самого широкаго и прочнаго вліянія на народъ.

Цѣлый рядъ невеселыхъ страницъ этой книги показываетъ, насколько необходимо для народа такое вліяніе и какъ далеко онъ стоитъ отъ дѣйствительного пониманія многихъ самыхъ элементарныхъ вещей.

Среди лечебныхъ пріемовъ и средствъ народа есть такие, употребленіе которыхъ въ состояніи возбудить отвращеніе и претить нравственному чувству человѣка. Мы не обошли молчаніемъ и этихъ уродливыхъ и нелѣпыхъ средствъ, въувѣренности и глубокомъ убѣжденіи, что чѣмъ больше они будутъ открыты и явны, тѣмъ скорѣе будутъ осуждены на исчезновеніе и потеряютъ свое примененіе въ жизни: такъ излечивается и перестаетъ существовать скрытая и темная болезнь, лишь только она правильно понята и достаточно обнаружена.

Но мировоззрѣніе нашего народа слагается не изъ однихъ только отрицательныхъ чертъ. Многое изъ его возврѣній и опыта подлежитъ безповоротному осужденію, многое коренной переработкѣ, но есть въ этихъ возврѣніяхъ и нечто такое, что можетъ и должно быть сохранено, не только какъ дорогое достояніе старины, но и какъ совокупность началъ, на которыхъ должно основаться буду-

шее развитіе нашего народа. Взявъ народъ такимъ, какимъ онъ есть, и отличая въ немъ внимательно хорошее, жизненное и способное къ усовершенствованію отъ всего дурного и отжившаго, мы найдемъ эти начала и, сохранивъ ихъ, тѣмъ больше послужимъ дѣлу распространенія и упроченія тѣхъ рациональныхъ и полезныхъ знаній, которыхъ такъ не достаетъ во всѣхъ безъ исключенія областяхъ народной жизни. Тогда будетъ тверже опора для этихъ знаній, установится прочнѣе связь съ дѣйствительностью и неизмѣримо легче совершится переходъ ихъ въ жизнь. Объ этомъ именно предшествовавшему намъ поколѣнію говорилъ великий знатокъ русской души и жизни—Гоголь. «Я былъ глубоко убѣжденъ всегда,—сказалъ онъ въ своей «Исповѣди»,—что если, при жадности знать чужеземное, упустить изъ вида свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, сбываются, спутаются и разбросаются мысли, вместо того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. Какъ прежде было, такъ и теперь увѣренъ я въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать внутреннюю природу русского человѣка и что только съ помощью этого знанія можно решить, чѣмъ именно намъ слѣдуетъ заимствовать изъ Европы». «Мнѣ казалось всегда,—еще разъ повторяетъ онъ,—что прежде чѣмъ вводить что-либо новое, нужно не какъ-нибудь, а въ кориѣ узнать старое»¹⁾.

¹⁾ Гоголь, т. V, 1893.

I. Причины болѣзней.

Суровыя условия деревенской дѣйствительности еще ребенкомъ обрекаютъ нашего крестьянина на существованіе, при которомъ выживаютъ только сильнѣйшіе и гибнетъ почти половина дѣтей деревни, едва доживъ до пятилѣтняго возраста. Являясь источникомъ все увеличивающейся хилости и дряблости деревенского населения, эти условия кореннымъ и самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ материальнымъ бытомъ деревни. Но немалую роль среди нихъ играетъ также духовная бѣдность народа и та скучность рациональной мысли и знаній, отсутствие которыхъ составляетъ едва ли не самую отличительную черту нашего крестьянства. Необыкновенно ярко такой недостатокъ дѣйствительныхъ знаній обнаруживается въ тѣхъ вредныхъ и нерѣдко убѣйственныхъ способахъ питания и кормленія дѣтей, которые въ широкихъ размѣрахъ практикуются въ деревнѣ. «Его надѣть захлѣбить, закрѣпить», — толкуютъ про только что родившагося ребенка и, прежде чѣмъ дать грудь матери, суютъ ему въ ротъ хлѣбную соску. «Какъ же можно обойтись безъ хлѣбнаго?» — удивляются деревенскія бабушки и матери: вѣдь, надо непремѣнно, чтобы у новорожденного «завязалось на животъ». Необходимо, полагаютъ онѣ, во что бы то ни стало добиться, чтобы желудокъ ребенка сразу же обтерпѣлся, не страдалъ бы «грызью», чтобы у него не «цвѣло» во рту¹⁾ и, соображая такъ, предусмотрительно даютъ ему соску изъ жеванаго яблока, моркови, свеклы и жеваной конопли съ хлѣбомъ (Череповецк. у. Новгородск. г., Хвалынск. у. Саратов. г., Болховск. и Карабачевск. уу. Орловск. г.). Также рано соска получаетъ значеніе и какъ питательное сред-

¹⁾ Цвѣть — молочница (soor).

ство. По всеобщему убежденію, хлѣбъ—первооснова всякаго человѣка, не исключая и только что явившагося на свѣтѣ ребенка и подготовленнаго природой исключительно къ питанію молокомъ матери¹⁾. По мнѣнію деревни, материнскаго молока далеко не достаточно для ребенка, а отъ хлѣба онъ крѣпнетъ и быстрѣе развивается. На этомъ основаніи добавочное питаніе начинается всего чаще съ первыхъ же дней жизни ребенка, гораздо рѣже со 2-й недѣли и самое позднее—съ 6-й или 8-й²⁾. Болѣе или менѣе зажиточными крестьянами для этого употребляются жеваные или толченые баранки и крендели съ сахаромъ, пшеничный и бѣлый хлѣбъ, а среднезажиточными и бѣдными обыкновенно жеванный черный хлѣбъ съ солью. Нѣсколько позже начинается подкармливаніе сваренными на молокѣ или водѣ кашами изъ пшеной, гречневой, овсяной и иногда манной крупъ, «тиурей» изъ пшеничной или «ржаной» муки и толокномъ, а уже съ полугода въ меню ребенка иногда входятъ такие пищевые предметы, какъ жеванный картофель, у бѣдныхъ квасъ вместо молока и даже жеваные отурицы (Жиздрин. у. Калуж. г., Орлов. у. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г.). Вредъ отъ вскармливанія всѣми этими веществами увеличивается оттого, что они даются ребенку въ видѣ «жеванины», или «жвачки», сначала въ соскѣ, потомъ, послѣ полугода, изо рта въ ротъ или съ пальца³⁾. Но едва ли не болѣе вреднымъ является то, что подобное кормленіе ребенка совершается безъ всякой мѣры и времени. Обыкновенно, едва успѣеть мать откорить малютку, его уже пичкаютъ соской. Она поминутно суется въ ротъ ребенка, бодрствуетъ ли онъ, или отъ чего-нибудь спитъ тревожно и часто просыпается. Быть можетъ, ребенокъ кричитъ

¹⁾ Полная способность превращенія крахмала въ сахаръ, въ видѣ котораго хлѣбъ усваивается организмомъ человѣка, приобрѣтается слюной ребенка только во второй половинѣ первого года его жизни.

²⁾ Бѣлоозерск., Демьянск. и Тихвинск. уу. Новгор. г., Порховск. у. Исковск. г., Гжатск. и Сычевск. уу. Смолен. г., Велико-Устюжск., Кадников. и Яренск. уу. Волог. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Галичск. у. Костромск. г., Спасск. у. Казан. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Ростов. и Пощеконск. уу. Ярославск. г., Саранс. у. Пензенск. г., Сузdalьск. и Юрьевск. уу. Владимірск. г., Жиздрин. и Медынск. уу. Калужск. г., Орлов. и Брянск. и Ливен. уу. Орловск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Тульск. г. и у. Зарайск. у. Рязанск. г.

³⁾ Антигигиеничность этого приема едва ли искупается той долей пользы, которую приносить ребенку слюна матери или нянѣки, содержа въ себѣ необходимое для усвоенія хлѣба количество фермента.

отъ боли, отъ неудобства положенія или оттого, что лежить мокрый, его плачъ неизмѣнно и всегда принимается, какъ заявленіе, что онъ голоденъ. Часто даже на рвоту и поносъ, хотя бы до 20—30 разъ въ сутки, не обращаютъ вниманія, считая это явленіе какъ бы нормальнымъ.—«И чѣмъ больше у ребенка поносъ, тѣмъ больше пичкаютъ его соской, такъ какъ и въ этомъ случаѣ крикъ ребенка объясняется пустотой его желудка». (Хвалынск. у. Саратовск. г.). Въ лѣтнюю страду, когда мать отсутствуетъ изъ дома шѣлыми днями и возвращается съ поля только къ вечеру, здоровъ ли, боленъ ли ребенокъ, такая соска нерѣдко является даже единственнымъ источникомъ его питанія: «небось, не помретъ, живъ будешь», мирияется съ такой необходимостью крестьяне. Не въ лучшихъ условіяхъ находится ребенокъ, когда для подкармливанія примѣняется коровье молоко. Замѣчательно, что оно употребляется гораздо рѣже, чѣмъ хлѣбныя вещества, чаще всего тогда, когда мать недостаточно «молочна», а иногда считается даже вреднымъ (Юрьевск. у. Влад. г., Ростовск. у. Ярославск. г.). Оно дается безъ такого же соблюденія времени и мѣры и также всякий разъ, какъ ребенокъ беспокоится или реветь. Но главное зло при молочномъ подкармливаніи, безспорно, составляютъ коровы или бараны соски, въ видѣ кислыхъ и гнилыхъ кусковъ мяса отравляющія молоко и являющіяся истиннымъ бичемъ грудныхъ дѣтей деревни¹⁾. Хотя кормленіе грудью обыкновенно продолжается свыше года, почти обязательно «три поста» и нерѣдко затягивается до 2, 3 и даже болѣе лѣтъ, но переходъ ребенка на пищу взрослыхъ совершается гораздо ранѣе. Не оставивъ еще груди матери, нерѣдко уже годовой ребенокъ, безъ разбора, есть все, что ёдятъ взрослые: «будетъ здоровый», говорятъ крестьяне. Обыкновенно, какъ только ребенокъ начинаетъ понимать, говорить, мало-мальски разжевывать твердую пищу, есть и не давиться или только что научится держать ложку въ рукахъ, онъ уже сидитъ за общимъ столомъ и питается, наравнѣ съ другими, такими кушаньями, въ которыхъ входятъ и сырые овощи, и кислый квасъ.

Другимъ и послѣднимъ актомъ деревенского ухода за ребенкомъ является его качаніе, которое съ необыкновеннымъ постоянствомъ и усердіемъ, до ожесточенія, производится всякий разъ, какъ ребенокъ отъ соски не унимается и продолжаетъ пищать.

¹⁾ Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ понемногу входить въ употребленіе резиновые соски.

Другихъ потребностей у ребенка какъ бы не существуетъ. Обыкновенно считается достаточнымъ перевернуть его раза 2—3 въ сутки, наблюдая, чтобы онъ не «промокъ» и въ предупреждение этого навертывая и подкладывая подъ него кучи тряпокъ. Обычая купать ребята, хотя бы въ корытахъ, у крестьянъ нѣтъ. Ихъ моютъ обыкновенно не больше одного раза въ недѣлю, чаще всего нахлестывая березовымъ вѣникомъ въ банѣ или печи, замаранного же ребенка оттираютъ сухой тряпкой, лишь поплевавъ на запачканное мѣсто. Мокрое бѣлье ребенка обыкновенно только высушивается, а моется, по драгоценности для многихъ мыла, всего чацѣ въ простой водѣ или щелокѣ. Прѣлый запахъ выдѣленій ребенка, постоянно ощущаемый около «люльки», является достаточнымъ показателемъ той деревенской «гигіены», съ которой знакомится крестьянскій ребенокъ съ самыхъ первыхъ дней своего существованія.

Помимо развитія всевозможныхъ острыхъ и хроническихъ сыпей, такія ненормальная условія ухода и вскармливанія деревенскихъ дѣтей являются источникомъ возникновенія тяжелыхъ диспептическихъ разстройствъ и желудочно-кишечныхъ катарровъ, уносящихъ въ могилу, на первомъ же году жизни, $1/4 — 1/3$ дѣтей деревни. При этомъ въ высшей степени интереснымъ является фактъ, что наибольшая смертность въ Россіи наблюдается среди великорусского населения и наименьшая среди татаръ, башкиръ, вотяковъ и евреевъ. Благодаря тому, что у этихъ народностей кормленіе дѣтей исключительно грудью матери считается обязательнымъ, а подкармливаніе начинается не раньше 2-го года жизни ребенка, иногда въ одной и той же губерніи, при совершенномъ равенствѣ прочихъ условій, смертность инородческихъ дѣтей въ 2—3 раза ниже, чѣмъ русскихъ¹⁾). Эти же условія, благопріятствующія высокой дѣтской смертности, создаютъ тяжелыя разстройства общаго питанія, способствуютъ развитію среди населения золотухи и малокровія и подготовляютъ тѣ хронические катарры желудка, которые такъ распространены и такъ типично выражены у нашихъ крестьянъ.

Развитію этихъ страданій въ зрѣломъ возрастѣ способствуетъ однообразіе и господство по преимуществу растительной пищи. Говядина, какъ и рыба, на столѣ и богатаго крестьянина бываетъ

¹⁾ В. П. Никитенко. Дѣтская смертность въ Европейской Россіи за 1893—96 гг. 1901 г.

не каждый день, у среднезажиточного чаще только въ праздникъ, а за обѣдомъ бѣднаго и совсѣмъ рѣдкость, притомъ обыкновенно соленая и далеко не всегда доброкачественная. Употребляя молоко и яица скорѣе какъ лакомство и относительно большие вводя въ себя жировъ, главнымъ образомъ, въ видѣ растительныхъ маслъ, средній мужикъ питается почти исключительно хлѣбомъ, крупами, горохомъ, картофелемъ, капустой, огурцами и овощами, въ которыхъ черпаетъ необходимые для его организма растительные бѣлки и сахаръ¹⁾). Что касается бѣднаго крестьянина, то онъ, особенно въ годины неурожаевъ, нерѣдко «не доѣдаетъ», употребляя хлѣбъ въ недостаточномъ количествѣ или же съ суррогатами. Въ зависимости отъ такого питанія, помимо острыхъ и хроническихъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ, расширенія желудка, гастралгіи—деревенской «грызи» въ животѣ, вялости мышечной системы и проч., развиваются нѣкоторыя специально деревенскія болѣзни, неизвѣстныя городскимъ состоятельнымъ классамъ. Въ посты, особенно въ весенній, Петровъ, когда съѣдобные припасы наисходѣ, а до новыхъ еще далеко, нерѣдко появляется у крестьянъ «куриная слѣпота», а при неурожаѣхъ, иногда эпидемически, цынга.

Рядъ другихъ заболѣваній вызывается крестьянскими жилищами. Обыкновенно даже въ лѣсистыхъ губерніяхъ семья въ 10—15 человѣкъ, имѣя двѣ избы, зимнюю и лѣтнюю, юится зимой только въ одной. Если изба хорошо «держитъ тепло», t° здѣсь бываетъ нерѣдко положительно банная и лишь разбавляется струями холоднаго воздуха, врывающимися черезъ постоянно открываемую дверь. Неблагопріятное вліяніе такой естественной вентиляціи, въ смыслѣ возможности простуды, усиливается тѣмъ, что при русскихъ избахъ обыкновенно устраиваются только холодныя сѣни и часто нѣть никакихъ, а изба состоитъ изъ одной силошной комнаты, поль которой, кромѣ печи и полатей, является и кроватью жильцовъ. Тамъ, где лѣсу мало, а изба уже поизносилась, въ ней нерѣдко холодно, она промерзаетъ и обитатели ея часто хронически дрогнутъ. Если въ первой избѣ t° достигаетъ 20°—25° и выше по Р., то здѣсь бываетъ ниже 10°, а ночью спускается иногда до того, что замерзаетъ вода. Правда, въ такихъ избахъ, сидя на печи, въ шубахъ, и экономизируя тепло, иногда стараются закрыть

¹⁾ По даннымъ Бюро, количество потребляемаго среднезажиточнымъ крестьяниномъ мяса равняется 12—15-ти ф. въ годъ, а среднее количество картофеля и хлѣба—16—18-ти пуд.

трубу пораньше и «захватить духъ», но зато платятся угаромъ. Не говоря о тѣхъ крестьянскихъ избахъ, которыя топятся еще до сихъ поръ по черному, многія изъ нихъ часто содержать воздухъ удушливый и спертыи, а нерѣдко и зловонный, такъ какъ, кромѣ взрослыхъ членовъ семьи и маленькихъ ребятъ, здѣсь довольно часто обитаютъ коровы, молодые телята и ягныта, живутъ курицы и ночуютъ собаки и кошки. Немудрено, что въ такихъ избахъ дѣти младшаго возраста, сидя всю зиму безвыходно въ избѣ, къ веснѣ становятся блѣдными, вялыми и малоподвижными¹⁾.

Неблагопріятное вліяніе на здоровье крестьянскихъ жилищъ усиливается и другими условіями. Изба даже средняго крестьянинна обыкновенно содержитъ грязно, поль метется кое-какъ или даже не каждый день, а моется, бѣльею частью, только 3 раза въ годъ: къ Пасхѣ, престольному празднику въ деревнѣ и Рождеству.

Если къ этому прибавить грязное содержаніе своего тѣла крестьяниномъ, который такъ поразительно мало тратитъ мыла и моется въ нѣкоторыхъ деревняхъ, вмѣсто бани, въ печахъ, обычную загрязненность его нижней и верхней одежды, иногда одной и той же для нѣсколькихъ членовъ семьи, обиліе всевозможныхъ насѣкомыхъ, то сдѣлается понятной та совокупность условій, которая вызываетъ цѣлый рядъ накожныхъ болѣзней, во главѣ которыхъ стоитъ чесотка, и благопріятствуетъ развитію многихъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Не менѣе дурно обстоитъ дѣло съ деревенскимъ водоснабженіемъ. Въ лучшемъ случаѣ деревня пользуется водой изъ ключей, ручьевъ и рѣчекъ, но эта вода часто портится притокомъ дождевыхъ водъ, несущихъ сюда всякія нечистоты, загрязняется мытьемъ бѣлья, водопоями для скота,сосѣдствомъ и нерѣдко поразительной близостью кладбищъ и проч.²⁾. Большая часть селеній снабжается водой изъ прудовъ и колодцевъ. Послѣдніе, ради удобства пользованія, устраиваются въ большинствѣ случаевъ возлѣ скотныхъ дворовъ, бани и весьма нерѣдко вблизи тѣхъ мѣстъ, которыя носятъ название «отхожихъ». Случается, что въ деревнѣ, на пространствѣ 2-хъ квадратныхъ саженей, можно встрѣтить въ трогатель-

¹⁾ По отношенію къ крестьянской избѣ едва ли даже могутъ возникать вопросы о томъ или другомъ количествѣ кубического содержанія воздуха, падающаго на долю одного человѣка, вентиляціи, степени освѣщенія и т. п.

²⁾ По условіямъ водоснабженія и содержанію источниковъ питьевой воды не многимъ отличается отъ деревни большинство и нашихъ городовъ, даже крупныхъ.

номъ симбіозъ выгребную яму, отхожее мѣсто и колодецъ. Простой, часто полуслгнившій деревянный срубъ, части котораго кое-какъ прилажены другъ къ другу, съ отверстиемъ ниже уровня земли—вотъ обычный типъ деревенскаго колодца. Грязь и фекальная массы получаютъ легкій и свободный сюда доступъ, особенно весною, во время таянія снѣговъ. Но едва ли не хуже вода изъ прудовъ. Часто деревенскій прудъ—это яма, иногда въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ версты длины и ширины и арш. 2— $2\frac{1}{2}$ глубины, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ. Яма эта, расположенная нерѣдко посрединѣ деревни и вблизи дороги, принимаетъ въ себя всѣ деревенскія нечистоты. Лѣтомъ въ такихъ нрудахъ вода гнѣтъ и кипитъ ми-риадами инфузорій и насѣкомыхъ. Въ одномъ и томъ же прудѣ берется вода для питья, моется грязное бѣлье, кадки и прочая домашняя утварь, поится скотъ и, наконецъ, купаются лошади, ребятишки и взрослые; словомъ, прудъ въ деревнѣ—это, нерѣдко, отхожее мѣсто и выгребная яма вмѣстѣ.

Не говоря о болотной водѣ, которой иногда приходится пользоваться по необходимости, крестьянинъ не побрезгуетъ напиться воды, особенно на работѣ, въ страдную пору, изъ канавъ и даже лужъ.

Какъ результатъ плохого и часто отвратительного водоснабженія, является распространеніе въ деревнѣ кишечныхъ заболѣваній, дизентеріи и въ особенности эпидемій брюшного тифа.

Особенности земледѣльческаго труда и быта крестьянина также придаютъ деревенской заболѣваемости характеръ отличный отъ заболѣваній городскихъ классовъ населенія. Непосредственная близость крестьянина къ природѣ, землѣ, и трудѣ, почти исключительно проходящій внѣ дома, на открытомъ воздухѣ, создаютъ то, что деревня въ гораздо болѣйшей степени, чѣмъ городъ, подвержена вліянію климатическихъ и почвенныхъ условій. Полевые работы въ холодную и дождливую пору, осенью и весной, сѣнокосъ и нерѣдко ночлегъ на голой землѣ, рубка и вывозка дровъ, сплавка и выгрузка лѣса, иногда по колѣно въ водѣ, рыбная ловля, земляные работы, извозный и другіе промыслы вызываютъ цѣлый рядъ простудныхъ и иныхъ заболѣваній, между которыми ревматизмы, перемежающаяся лихорадка и воспаленіе грудныхъ органовъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Часто плохая одежда и въ особенности обувь, въ видѣ лаптей или дырявыхъ сапогъ, увеличиваютъ наклонность къ этимъ заболѣваніямъ, а пренебреженіе здоровьемъ, столь свойственное русскому человѣку, иногда дѣлаетъ

ихъ неизбѣжными. Многіе и осенью, и весной ходятъ и работаютъ почти постоянно съ мокрыми ногами, относясь къ этому преравно-дунно: «хоть бы те что, мы — привыкли къ этому». Крестьянину не только ничего не стоитъ, вспотѣвши, зимой, на молотьбѣ, выпить, сколько будетъ его душѣ угодно, холодной воды или квасу, но онъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой свободно выйдетъ изъ бани въ морозъ и дойдетъ такъ до дому. Пойти въ холодное время года босому на дворъ, безъ всякой обуви сходить за водой и даже предпринять такъ отдаленную экскурсію — для крестьянина дѣло самое обыкновенное.

Особенности крестьянскаго труда создаютъ также рядъ другихъ заболѣваній, отличающихъ деревню. Прежде всего, почти каждый крестьянинъ-хлѣбопашецъ владѣетъ топоромъ и самъ, безъ особой помощи плотниковъ и ремесленниковъ, справляется съ необходимымъ ремонтомъ и даже постройкой новыхъ хозяйственныхъ зданій и орудій. Поэтому, пораненія топоромъ и другими инструментами, равно какъ и всевозможные порѣзы серпомъ и косой во время полевыхъ работъ встречаются на каждомъ шагу. Ходя и работая босикомъ и наступая нечаянно на стекла, щенки, гвозди, острые камни, крестьяне ранятъ ноги, прокалываютъ ихъ вилами, получаютъ раны отъ укушенія животными, ударовъ копытами лошади или рогами коровы. Нерѣдки также ушибы бревнами и тѣ или другія поврежденія во время дракъ. При молотьбѣ хлѣба происходитъ иногда попаданіе въ глаза мякины, а при жнитвѣ случаются раненія роговицы и глазного яблока соломой.

Поясничная боль и общій ломъ въ тѣлѣ, какъ результатъ продолжительного мышечнаго напряженія при полевыхъ работахъ, воспаленія сухожильныхъ влагалищъ и между ними такъ называемый «скрыпунъ» большого пальца правой руки¹⁾, особеннаго вида головныя боли, развивающіяся отъ долгаго пребыванія въ наклонномъ положеніи при жнитвѣ, въ сильную жару, съ непокрытой головой, грыжи, иногда достигающія такой степени массивности, что про грыжнаго въ шутку говорятъ: «у него брюхо въ порткахъ» и т. п. заболѣванія — все это по преимуществу крестьянскія болѣзни, зависящія отъ особенностей жизни и быта деревни.

Различныя деревенскія профессіи также являются источникомъ тѣхъ или другихъ заболѣваній. У кузнецовъ часты простудныя

¹⁾ Фибринозное воспаленіе сухожильного влагалища разгибателя, дающее при движениі, вслѣдствіе образующихся шероховатостей, особаго рода хрустъ.

богъзни. Въ холодной кузницѣ, съ постояннымъ сквознымъ вѣтромъ, кузнецъ работаетъ всегда въ одной рубашкѣ, несмотря ни на морозъ, ни вѣтеръ. Съ одной стороны, отъ раскаленного горна его нечестъ, а съ другой—онъ мерзнетъ. Землекопы и каменщики весьма часто страдаютъ ревматизмами, горшечники трещинами и сыпями на рукахъ, валяльщики и трепальщики чахоткой, портные геммороемъ, расширеніемъ венъ и варикозными язвами на ногахъ, кружевницы—тѣми или другими разстройствами зрѣнія и т. п. Тамъ, где крестьяне, не оставляя земледѣлія, занимаются фабричнымъ трудомъ, присоединяются другія заболѣванія. Хотя на фабрикахъ работаютъ только 9 ч. въ сутки, но зато безъ перерыва, и фабричные изъ ближайшихъ деревень, верстъ за 5—7, пройдя верстъ 10 впередъ и обратно и сдѣлавъ по дому немало хозяйственныхъ работъ, очень утомляются. Утомленію рабочихъ еще болѣе способствуетъ фабричная духота, въ особенности лѣтомъ: «оттого и темны мы съ лица, что работа наша томна», — говорятъ фабричные, — «простоишь 9 часовъ на ногахъ въ такой духотѣ, такъ, небось, не зацвѣтишь».

Эти условія содѣйствуютъ развитію малокровія и чахотки, отъ которой гибнетъ въ особенности немало молодого народа. Почти всѣ ткачи, работающіе на станкахъ, отъ постояннаго шума, страдаютъ глухотой, работающіе на спичечныхъ фабрикахъ или химическихъ заводахъ нерѣдко получаютъ тяжелые пораженія внутреннихъ органовъ, нервной системы и костей¹⁾.

Совокупность всѣхъ приведенныхъ условій, выясняя происхожденіе тѣхъ или другихъ заболѣваній деревни, объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту непомѣрно-высокую общую смертность, которою такъ невыгодно отличается наше отечество отъ другихъ государствъ Европы. Смертность Россіи наивысшая ($32^{0}/\infty$) изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая Болгаріи ($25^{0}/\infty$) и Сербіи ($27^{0}/\infty$). Значительно превосходя смертность Германіи ($23^{0}/\infty$) и Франціи ($21^{0}/\infty$), она ровно вдвое превышаетъ смертность Швеціи ($16^{0}/\infty$). По сравненію съ этимъ послѣднимъ государствомъ, нами ежегодно теряется болѣе чѣмъ 1.500.000 линніхъ жизней²⁾.

Изъ всѣхъ болѣзнетворныхъ агентовъ наиболѣе яснымъ представляется крестьянамъ простуда. Въ обстановкѣ жизни и быта

Народныя понятія

¹⁾ О сифилисѣ въ деревнѣ см. IV гл.

²⁾ Смертность въ Россіи и борьба съ нею. Д. А. Соколовъ и В. И. Гребенниковъ. 1901 г.

**о б ъ е с т-
с т в е н н ы х
п р и ч и н а х
б о л ё з н е й .**

крестьянина и въ особенностяхъ его труда существуетъ такъ много условій для проявленія этого фактора и связь между нимъ и послѣдующими заболѣваніями въ глазахъ крестьянина часто настолько очевидна, что извѣстная степень опредѣленности его воззрѣній на этотъ предметъ вполнѣ понятна. Крестьянинъ признаетъ простуду какъ въ видѣ виѣшняго вліянія, такъ и внутренняго фактора: «озябъ, простылъ, пилъ и застудилъ нутро», — такъ обыкновенно объясняетъ онъ свою болѣзнь домашнимъ, сосѣду или врачу, къ которому приходитъ за лекарствомъ. Хотя область вліянія простуды въ настоящее время все болѣе и болѣе съуживается и многими ея значеніе, какъ самостоятельного болѣзнетворного агента, почти совершенно отрицается, для крестьянъ ея вліяніе является настолько обширнымъ, что съ нею въ нѣкоторыхъ случаяхъ связываются заболѣванія, къ которымъ простуда не имѣеть даже самаго отдаленнаго отношенія. Простудѣ часто приписываются не только такія болѣзни, какъ ревматизмъ, перемежающаяся лихорадка, тифы, рожа, всѣ легочныя заболѣванія и между ними крупозная пневмонія и чахотка, но иногда трипперъ и сифилисъ. Во всѣхъ случаяхъ, чтобы простудиться и заболѣть тою или другою изъ этихъ болѣзней, нужно непремѣнно «простыть», т. е. испытать общее чувство холода. Что же касается частичнаго вліянія простуды и охлажденія одной какой-либо части тѣла, то такое вліяніе почти совсѣмъ не признается крестьянами: они рѣдко говорятъ, что ихъ «продуло», повидимому, не пытаютъ вѣры въ вредоносное дѣйствіе сквозняковъ, которые считаются такими гибельными для здоровья среди нашихъ привилегированныхъ классовъ и не придаютъ никакого значенія промачиванію и охлажденію ногъ. Представляя простуду, какъ непосредственное вхожденіе въ организмъ человѣка холода, крестьянинъ также понимаетъ и тепло: «вончель жарь», — часто говорить онъ при нарывахъ, рожѣ и флегманахъ.

Тяжелый физический трудъ создаетъ другую категорію болѣзней, которая крестьянинъ опредѣляетъ словами: надорвался, заболѣлъ отъ надсады, съ подъема, натуги или «сорвалъ съ пупа». Отъ этой причины происходитъ столь часто наблюдающаяся у крестьянъ, особенно въ лѣтнее, страдное время, поясничная боль, или такъ называемый «поясничный ударъ», который всего чаще формулируется выражениемъ: «отнялась поясница». Этой же причиной объясняются разнаго рода заболѣванія суставовъ, ломота и боли въ конечностяхъ и пр. Но, какъ и при простудѣ, область заболѣваній, происходящихъ отъ этой причины, далеко не исчерпывается

мышечнымъ утомлениемъ и частичной травмой, которыя лежать въ основѣ большинства только что указанныхъ заболеваний. «Натугъ» крестьяне приписываютъ также многія болѣзни брюшныхъ органовъ, въ томъ числѣ и желудочно-кишечная разстройства. Большинство этихъ послѣднихъ заболеваний, если они соединены съ болью, обыкновенно опредѣляются словомъ «грыжа», или «нутряная грыжа»—название, которое въ большинствѣ случаевъ ни мало не соответствуетъ медицинскому и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ съ нимъ совпадаетъ, а гораздо ближе подходитъ къ слову «грызъ», т. е. заключается въ себѣ понятіе рѣзи, боли. Всего чаще такая предполагаемая грыжа является результатомъ надсады. Надсадой и натугой крестьянинъ склоненъ иногда объяснять рвоту, поносъ, запоръ и даже желтуху (Сарапульск. у. Вятск. губ.). Но особенное отношеніе имѣеть надсада къ пупу. Довольно распространеннымъ является мнѣніе, что человѣкъ «основанъ на пупу» и что пупъ — существеннѣйшая часть человѣческаго организма. Вотъ, это-то основаніе чаще всего и способно, вслѣдствіе надсады, подвергаться заболеванію. У одного болѣзнь просто — «пупъ», у другого — пупъ сопелъ съ мѣста, сорванъ, скрянутъ и волочеть въ двойку, у третьаго онъ разсыпался и приросъ къ спинѣ. Иногда эта болѣзнь получаетъ название перетяговъ. «Надорвался», или «перетянулся», — такими словами объясняется мужикъ происхожденіе подобныхъ, по его мнѣнію, пучинчатаго рода заболеваний (Новорж. у. Исковск. г.). Причина — «сорвалъ съ пупа» — распространена почти повсюду.

Изъ внѣшнихъ агентовъ довольно видную роль играетъ «дурной вѣтеръ», въ особенности, какъ причина многихъ инфекціонныхъ заболеваний. Словомъ «понѣтре» массовые заболевания опредѣляются въ очень многихъ мѣстностяхъ и хотя, по своему первоначальному смыслу, оно имѣеть особенное, специальное значеніе¹⁾, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ народномъ представлениі вѣтра, какъ причинѣ болѣзней, отводится мѣсто и какъ физическому агенту. Подобная же роль приписывается иногда и росѣ. По убѣждѣнію многихъ крестьянъ, послѣдняя (1892 г.) холера произошла оттого, что на овощи и плоды пала какая-то особенная роса. Въ

¹⁾ Первоначально съ развитиемъ повѣтрій связывалось представлениѳ о нечистыхъ духахъ. Въ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи эти духи были существами стихійными, демонами темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ: къ разряду такихъ же стихійныхъ демоновъ причислялось и повѣтре. Афанасьевъ. Поэтическій возврѣнія славянъ на природу. Т. III. 1865.

нѣкоторыхъ мѣстахъ вообще придерживаются мнѣнія, что всѣ повальной болѣзни приходятъ съ туманомъ или съ росою (Егорьевск. у. Рязанск. г.). Иногда повальная болѣзни переносить какая-то муха и мошка, отъ которой никакъ нельзя оборониться (Черепов. у. Новгор. г., Сарапульск. у. Вятск. г.)¹⁾.

Совершенно особенный кругъ составляютъ заболѣванія, въ основѣ которыхъ лежать своеобразныя представленія крестьянъ о патологическихъ процессахъ въ организмѣ человѣка. Очень интереснымъ въ этомъ отношеніи является взглядъ на нѣкоторыя сыпи золотушного происхожденія и даже на чесотку, что ихъ лечить не слѣдуетъ, такъ какъ можно «раздразнить» болѣзнь и согнать въ нутро (Вельск. у. Волог. г.). «Это нуда (болѣзнь) изъ нутра выходитъ»,—объясняютъ появление такихъ сыпей крестьяне:—«если ее залечить дать, спрячется на нутро и будетъ стоять тамъ». На этомъ основаніи иногда считается также вреднымъ лечить коросты и парши на головѣ дѣтей: дитя, будто бы, или осѣпнетъ, или же оглохнетъ (Тотемск. у. Волог. г.). Подобныя представленія, певидимому, стоять въ непосредственной связи съ воззрѣніемъ о такъ называемой «дурной кровинѣ». Дурная кровница нашего народа—это нѣчто въ родѣ *materia reссans* средневѣковыхъ врачей. Отъ нея бываетъ головная боль, нѣкоторыя глазные болѣзни, ломота и проч. «Кровь замаяла, кровь не даетъ покоя»—постоянное объясненіе всѣхъ такихъ заболѣваній. Необыкновенная любовь нашего народа къ кровопусканіямъ и столь частыя требованія деревенскихъ пациентовъ «открыть кровь» своимъ первоначальнымъ источникомъ имѣютъ именно это воззрѣніе народа на свойства крови. Въ другихъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ, получаетъ значеніе не только порча, но и застой крови. Оттого, что кровь «застоялась», могутъ происходить чирьи, боль въ пояснице и другія болѣзни.

Существуетъ въ народной этіологии болѣзней и своего рода отдель «чужеядныхъ». Лихорадка иногда происходитъ, будто бы, оттого, что съ водой проглатываются лягунечки яица (Орлов. и Караачевск. уу. Орловск. г.). При ракѣ тѣло человѣка «пробѣдаетъ» какое-то особенное насѣкомое, а въ каріозныхъ зубахъ заводятся червячки, которые разѣдаются ткань зuba (Пошехон. у. Яросл. г.). Развитіе костоѣды, известной подъ названіемъ «нырокъ», или «волосатикъ», стоитъ въ зависимости отъ того, что въ тѣло человѣка

¹⁾ Современная научная медицина переносу инфекціонныхъ болѣзней различными насѣкомыми отводить все болѣе и болѣе мѣста.

вливается особаго рода червь-волосатикъ, «струнецъ», который и продѣлываетъ въ мягкихъ частяхъ ходы и отверстія (свищи). Волосъ этотъ до такой степени реаленъ, что нѣкоторые его видятъ, а особые специалисты и вынимаютъ изъ раны¹⁾). Кромѣ волоса, нѣкоторые вѣрятъ еще въ существованіе особенной, длинной глисти, которая, живя въ человѣкѣ, играетъ такую важную роль, что если выйдетъ изъ человѣка, то онъ неизбѣжно долженъ умереть: въ предупрежденіе этого такую глисту слѣдуетъ высушить и съѣсть (Саранск. у. Пензен. г.).

При оцѣнкѣ всѣхъ подобныхъ воззрѣній на болѣзнетворныя причины, немалый интересъ возбуждаютъ тѣ представленія, какія имѣютъ крестьянѣе обѣ устройствъ организма человѣка и направленіяхъ его органовъ. Представленія эти въ высшей степени просты, примитивны и грубы. Темнота и неясность ихъ видна уже изъ того значенія, какое народными понятіями приписывается пупу. Крестьянѣе, не интересуясь и не вникая въ природу человѣка, о назначеніи даже главныхъ органовъ не имѣютъ почти никакого понятія. О существованіи ихъ они знаютъ или, вѣрнѣ, догадываются лишь по аналогіи съ организмами животныхъ. «Конечно, у человѣка въ нутрѣ заключается то же самое, что и у скотины, а какъ тамъ и что—не знаемъ ничего»,—откровенно сознается большинство крестьянъ. «Кто жъ его знаетъ? такъ Богомъ созданы»,—часто отвѣ чаютъ они на вопросъ о значеніи того или другого органа. Дыхательное горло нерѣдко не отличаются отъ пищевода, а на мѣстѣ желудка обыкновенно помѣщаются сердце. Смѣщеніе этихъ двухъ органовъ настолько обычно, что почти всегда ненормальныя ощущенія въ области желудка относятся къ сердцу. «Сердце сосетъ, подъ сердце подкатывается, жгота сердца, видно, что волосъ попалъ на сердце»—обыкновенная опредѣленія желудочныхъ ощущеній. Вотъ почему роль желудка и кишечкѣ является для многихъ крестьянъ далеко не ясной. «Возьмешь пищу, положишь ее въ ротъ, пережуешь и проглотишь, а куда, какъ она идетъ и что съ нею дѣлается —это не нашего ума дѣло»,—говорятъ крестьянѣе или, самое

1) Въ представленіе о волосѣ, какъ реальному, по понятіямъ народа, болѣзнетворному агентѣ, входитъ значительная доля и суевѣрного элемента. По этому представленію, когда человѣкъ умираетъ, волосъ не остается въ тѣлѣ мертвца, а переходитъ въ живого человѣка. Въ предупрежденіе этого, тотъ, кто можетъ умершаго, долженъ три раза сказать: «волосъ, ты волосъ, не выходи ты на голосъ, къ живымъ не являйся, а въ старомъ тѣлѣ оставайся, изъ него не выходи, а съ нимъ вмѣстѣ пропади» (Черепов. у. Новгородск. г.).

большее, скажутъ: «идетъ въ утробу». О пищеварении одни думаютъ, что пищу перерабатываютъ пары, потому что въ человѣкѣ очень много жару, другіе же утверждаютъ, что непремѣнно у каждого человѣка долженъ быть особенный червякъ, или глистъ, который «перетачивается» пищу. Иногда, какъ и при надсадѣ, все дѣло опять сводится къ пупу: обѣйтсѧ мужикъ, заболить у него животъ—ну, значитъ, пупъ не въ порядке и надо его «направить». Для крестьянина также мало понятно и назначеніе кишечкѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, они служатъ, будто бы, исключительно для того, чтобы «перегонять» воду, которую человѣкъ пьетъ. О дыханіи въ большинствѣ случаевъ мужикъ знаетъ едва ли не одно только, что мы дышемъ ртомъ и носомъ, сущность же процесса иногда понимаетъ такъ, что это тренещеть душа или приписывается его участью Св. Духа. Есть и такое мнѣніе, что дыханіе производится, главнымъ образомъ, животомъ и если «оттуда выпустить духъ», то человѣкъ сразу умретъ. Деревенскія понятія о сердцѣ исчерпываются обыкновенно тѣмъ, что если сердце перестаетъ биться, то человѣкъ умираетъ, что кровь идетъ по жиламъ то тихо-медленно, то быстро и остановить ее ничѣмъ невозможно. Интересно, что въ сообщеніяхъ сотрудниковъ нѣтъ ни одного указанія, чтобы движение крови связывалось съ работой сердца. Въ большинствѣ случаевъ этотъ вопросъ совсѣмъ обходится, въ другихъ же, по понятіямъ мужика, кровь ходить сама, своею силою¹⁾). Есть одно только указаніе по данному вопросу, что «снадобье, данное человѣку, какъ и пища, изъ утробы идетъ въ рудовую кровь и доходитъ такъ до сердца». Темнота и неясность крестьянскихъ возврѣній на природу человѣка видны и изъ достаточно распространенного повѣрья въ существование такъ называемыхъ «двужильныхъ людей». Небыкновенная крѣпость организма и способность нѣкоторыхъ людей противостоять всевозможнымъ заболѣніямъ иногда объясняется тѣмъ, что эти люди двужильные. Это такие люди, у которыхъ кровь идетъ не по одной жилѣ, а по двумъ: оттого у нихъ и силы, и здоровья въ 2 раза больше: они живутъ двумя жизнями и ихъ не береть никакая хворь. Представляется интереснымъ, отчего въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходит кашель, который считается крестьянами за самостоятельную болѣзнь. Различаются три вида кашля:

¹⁾ Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Волог. г., Вытегор. у. Олон. г., Скопинск. у. Рязан. г., Калужск. и Мелковск. уу. Калужск. г., Орлов. и Болховск. уу. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратовской губ. и др.

охрачный, сухой и удущливый. Первый зависит от желудка, второй от печени, а третий от селезенки. Эти три органа соединяются жилами с горломъ, въ немъ «копошатъ» и производятъ кашель. Интересно также, что поносъ у дѣтей иногда имѣеть свою особенную причину. Онъ приписывается свертыванію наружу, отъ паденія ребенка, колчиковой кости, отчего задне-проходное отверстіе остается, будто бы, открытымъ. Оттого поносъ этотъ носить название «вихлецъ» (с. Курилово, Новгородск. г.). Не менѣе загадочень такъ называемый «темный зубъ», росту котораго приписываются въ Брянскомъ у. (Орлов. г.). Нѣкоторыя дѣтскія заболѣванія. Такое же особенное происхожденіе имѣютъ иногда краски (мѣсячныя) у женщинъ: онъ могутъ «пристать» отъ другихъ. Необыкновенно просто можетъ происходить иногда и падучая болѣзнь: ее можно получить, находясь около падучаго и «пропитавшись» его дыханіемъ (Сарапульск. у. Вятск. г.). Но едва ли не всего больные смутность и туманность крестьянскихъ воззрѣній на физиологические процессы видны изъ довольно распространенной вѣры, что, будто бы, змѣи берутъ (пьютъ) ядъ изъ солница, что змѣя, забравшись въ человѣка, можетъ выйти обратно на парное молоко и что на языкѣ собаки имѣется, до 12-ти различныхъ лекарствъ (Пощеконск. у. Ярослав. г.).

Помимо условій, лежащихъ вѣтъ человѣка или въ немъ самомъ, нѣкоторыя изъ явлений общественного характера также составляютъ причину болѣзней. Такъ, по мнѣнію одного новгородского старика, зубная боль поняла не отъ чего другого, какъ отъ баловства.

«Раньше никакихъ зубныхъ болѣзней не знали: народъ былъ крѣпкій, а отчего? Меньше баловались. Чаевъ этихъ, почитай, лѣтъ 50 тому назадъ и не слыхивали. У насть во всей деревнѣ и было-то одинъ самоваръ, а теперь послѣдній бездомовникъ и тотъ чай суслить, зубы и брюхо полощеть. Мальченко или дѣвченка соплей не смыгнть утереть, ужъ чаю просить: вотъ, и пошли зубы болѣть».

Среди естественныхъ причинъ болѣзней есть еще одна—старость. Народъ не могъ не замѣтить, что съ наступленіемъ старости настаетъ, такъ сказать, законное время болѣзней, но при этомъ не въ состояніи былъ отфильтровать чисто старческихъ заболѣваній отъ другихъ, которыми старики страдаютъ въ такой же мѣрѣ, какъ и люди другихъ возрастовъ: но мнѣнію народа, все болѣзни старииковъ зависятъ отъ старости, почему во многихъ случаяхъ и лечение ихъ считается совершенно излишнимъ.

Этотъ терминъ «умеръ отъ старости», какъ известно, перешелъ

и въ церковныя метрики и, заключая въ себѣ понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ старческое источеніе, развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти обозначаетъ собой точную причину смерти и соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Вотъ то немногое, что, съ точки зрѣнія крестьянина, составляеть группу естественныхъ причинъ заболѣваній человѣка.

Сверхъ-естественные причины болѣзней и ихъ олицетвореніе.

Гораздо обширнѣе циклъ возврѣній, приписывающихъ происхожденіе болѣзней сверхъестественнымъ и суевѣрнымъ причинамъ.

Религіозность нашего крестьянина и его глубокая вѣра въ Бога, съ одной стороны, и до сихъ норѣ еще сильная вѣра въ лѣчаго и чорта—съ другой, создали особую категорію причинъ болѣзней, въ которой гораздо болѣе мѣста отводится второму началу, чѣмъ первому¹⁾.

Безъ сомнѣнія, это обстоятельство стоитъ въ связи съ представлениемъ нашего народа о Божествѣ, какъ о существѣ кроткомъ, милующемъ и прощающемъ, а не истительномъ и карающемъ началѣ, способномъ посыпать страданія людямъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Волѣ провидѣнія приписывается, болѣшею частью, появленіе эпидемическихъ болѣзней, какъ Божіе наказаніе и какъ кара за общій грѣхъ и неправду людей. Иногда, впрочемъ, Богъ посыпаетъ эти болѣзни и «любя» (Скопинск. у. Рязан. г.). Уйти отъ нихъ никто не можетъ и не избавить никакой докторъ (Гжатск. у. Смоленск. г.). Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ Божіе попущеніе, случаются отдѣльные заболѣванія, напр., травматическая поврежденія, происходящія случайно и отъ неосторожности (Хвалынск. у. Саратовск. г.). По вѣрованіямъ, сохранившимся въ нѣкорыхъ мѣстахъ (Орлов. г.), болѣзни живутъ между небомъ и землей, въ домѣ изъ желѣза и стали, съ мѣдными дверями, 12 замками, наложенными на нихъ отъ Бога печатями и съ ключами у дьявола. Когда Господь прогнѣвается на человѣка, то посыпаетъ ангела выпустить одну изъ болѣзней. Ангелъ прилетаетъ къ дому болѣзней и снимаетъ печати, а дьяволъ отпираетъ дверь и выпускаетъ одну изъ болѣзней. По указанію ангела, она является, поражаетъ человѣка, которому назначено заболѣть ею, и идетъ съ отвѣтомъ къ

¹⁾ Новоладожск. у. С.-Петербург. г., Гжатск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Волог. г. и у., Котельнич. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Меленковск. у. Владимірск. г., Елатомск. у. Тамбов. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Мещовск. у. Калужск. г. и др.

Богу. Послѣ отвѣта ангель снова отводить ее въ домъ болѣзней, запираетъ двери и накладываетъ на нихъ печати¹).

Гораздо обширенѣе и разнообразнѣе участіе въ происхожденії болѣзней нечистой силы, которая выступаетъ на сцену, какъ только Богъ отступается отъ грѣшниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придерживаются такого убѣжденія, что болѣзни находятся въ непосредственномъ распоряженіи дьявола и проживаютъ у него въ аду (Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Иные признаютъ дьявола даже какъ бы отцомъ всѣхъ болѣзней, обязанныхъ ему безусловнымъ повиновенiemъ и потому-то такія болѣзни, происходящія отъ чертей, и являются самыми трудными и неизлечимыми (Калужск. г. и у.). Иногда нечистая сила въ состояніи навести всякую болѣзнь, иногда только повальныя болѣзни, иногда же роль ея ограничивается почти исключительно сферой психическихъ и нервныхъ заболеваній. «Вѣснованіе», «бѣснуется», слова для выраженія извѣстнаго психического состоянія, пользуются и до сихъ порь правами самаго широкаго гражданства²).

Но, въ особенности, демонологическая этіология болѣзней разработана народной фантазіей по отношенію къ лихорадкѣ, которая, при равнинномъ и часто болотистомъ характерѣ мѣстности, избытокъ растительности въ прежнее время и неизвѣстности хинина, была настоящимъ бичемъ населенія. Миѳъ о лихорадкахъ общезнѣстенъ, повсюду распространенъ и почти одинаковъ. По этому миѳу лихорадка посыпается на людей сатаною, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи 12 лихорадокъ, дочерей Ирода. Когда дочери Ирода принесли на могилу Иоанна Предтечи, тогда внезапно раскрылась земля и поглотила ихъ. Съ тѣхъ-то порь Иродовы дочери и служатъ сатанѣ

¹) Многія славянскія названія болѣзней заключаютъ въ себѣ понятіе о ка-рающемъ божествѣ: bogine—оспа, boža гапа—язва, чума; božj bič или boža moč—иадучая, бѣщенство; boža гика—наралічъ (чешск.). Въ зависимости отъ такого представленія о происхожденіи болѣзней и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ про выздоровѣвшихъ говорятъ: «Богъ простиль».

²) Народныя названія болѣзней свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ прежде прямо отождествлялись съ нечистыми духами: стрѣль—чортъ и стрѣлы—колотье; чѣморъ—дьяволъ и чемеръ—боли въ животѣ, головѣ или пояснице; худоба (сухотка), худая болѣзнь (сифилисъ) и худой—злой бѣсь; черная немочь (параличъ), черная смерть (моръ) и черный — эпитетъ нечистаго духа; лядѣть, болѣть (лядацій, безсильный) и лядъ—чортъ (ну те къ ляду!); ворогуша (лихорадка) и врагъ—ворогъ, дьяволъ (Афанасьевъ. Т. III).

и онъ посыаетъ ихъ мучить людей¹). Гораздо рѣже лихорадка считается дочерью не Ирода, а Каина, и потому-то она трясется, какъ Каниъ. Иногда лихорадки рисуются соблазнительной наружности женщинами, которые действуютъ на людей посредствомъ чаръ и называются такъ потому, что ужъ очень «лихо радуются» страданіямъ больныхъ (Городищен. у. Пензена. г.). Чаще всего это злые, худыя, безобразныя и простоволосыя существа²), въ другихъ случаяхъ старыя старухи, которые ходятъ въ лаптяхъ, съ палкою, и стучать по почамъ въ окно клюкою: кто отзовется на ихъ стукъ, къ тѣмъ онъ и «пристаютъ». Каждая изъ этихъ сестеръ, по выражению одной калужской знахарки (Медынск. у.), имѣеть «свой вкусъ». Одна отбивается отъ ѳды, другая гонитъ сонъ, третья сосетъ кровь, четвертая тянетъ жилы и пр. Но другимъ, каждая изъ нихъ терпить и сама то или другое страданіе. Одна вѣчно дрожитъ отъ холода, другая постоянно мечется въ жару, третья корчится отъ ломоты въ костяхъ и т. д. (Жиздр. у. Калужск. г.). Называются онъ и по именамъ: Ломиха, Огниха, Трясовица, Желтяница, Горчиха, Безсониха и др.³). Почти всегда сестерь лихорадокъ 12, но иногда только 7, а иногда число ихъ доходитъ до 40 (Козельск. у. Калужск. г.). Живутъ онъ то на морѣ, то въ рѣкахъ и болотахъ, а иногда въ ущельяхъ горъ, или летаютъ по воздуху. Во главѣ всѣхъ лихорадокъ стоитъ старшая, которая управляетъ всѣми остальными и тѣ исполняютъ ея приказанія (Красносльоб. у. Пенз. г.). Иногда онъ прямо накидываются на людей, кто только попадется имъ подъ руку, въ другихъ случаяхъ называются по имени и нападаютъ только на тѣхъ, кто отзовется на ихъ зовъ, «забираются» и такихъ, кто сругнется не въ часть или напьется воды, не благословясь (Ме-

¹) Вотъ одно изъ сказаний о лихорадкахъ. «Сѣдѣ преподобный старецъ у озера Тиверіадскаго. Егда сидяще ему тако и размышиляющу, явися убо видѣніе нѣкое. Всплескася вода и аbie изопедии изъ бездны и ста ошую преподобнаго дванадцать женъ босыхъ, хворастіемъ оболжченыхъ, простоволосыхъ. Рече къ нимъ преподобный Пафнутий: «кто убо жены сіи суть?»—Отвѣща онъ ему:—«Дщери Продовы убо суть, лихоманки, трясиони зовимы. Рѣче къ нимъ Пафнутий: «нечили родъ человѣческій мучити?»—Онъ же, сказуя, рече:—«истинно суть, яко мѣсяцъ отъ начала вѣка до конца образъ Каина и Авеля носить, тако и мы до конца имамъ родъ человѣчъ мучити» (Симбирск. г. и у.).

²) Простоволосый—человѣкъ съ распущенными, нечесанными волосами. Интересно, что деревенскія бабы, производящія при эпидемическихъ болѣзняхъ «опахивание» (см. VII гл.), принимаютъ вѣнѣній видъ сестеръ лихорадокъ.

³) Въ этихъ названіяхъ олицетворены симптомы лихорадки. Перечисленіе ихъ см. въ VII главѣ (заговоры отъ лихорадокъ).

щовск. у. Калужск. г., Гжатск. у. Смоленск. г.). Иногда онъ ста-раются передать болѣзнь черезъ свой поцѣлуй, а иногда оборачи-ваются мухой или соринкой и попадаютъ въ лицу: кто не дога-дается ихъ вынуть и проглотить, заболить лихорадкой. Въ нѣко-торыхъ случаяхъ можно «наспать» лихорадку, особенно тому, кто любить соснуть подъ вечеръ, весной. Если, увидѣвъ лихорадку, представившуюся женщиной, ударить наотмашь, то она «отста-нетъ». Иногда зовутъ ее теткой, полагая, что если звать ее лихо-радкой, то она осердится и, пожалуй, «затрясеть». Каждая изъ ли-хорадокъ чѣго-нибудь своего боится и каждую можно выжить изъ-вестными средствами, дѣйствительными только противъ нея одной (Зарайск. у. Рязан. г., Сарап. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Ко-стромск. г.).

Это представление лихорадокъ въ образѣ живыхъ существъ не ограничивается только одной этой болѣзнью. Въ видѣ безобразной женщины, съ волосыми пузырями вмѣсто глазъ, представляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оспа. На языкѣ у неї ядъ: какъ только облизнешь кого-нибудь языкомъ, такъ тотъ сейчасъ и заболѣваетъ оспой (Орловск. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видѣ живыхъ существъ, представляются всѣ повѣтря. Переходя изъ одного селенія въ другое, они заражаютъ всю окрестность и появленіе ихъ то здесь, то тамъ и вызываетъ моръ. Жители дер. Посонной (Са-ранск. у. Пензенск. г.) разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нихъ была повалъная болѣзнь, пущенная въ колодцы дѣв-кой, и многие видѣли, какъ по зорямъ приходила какая-то неизвѣст-ная дѣвка, доставала изъ колодцевъ воду, наполняла и выливала ее обратно въ колодцы. Дѣвку ловили, но она всегда исчезала, какъ дымъ. Особенно часто представляется въ видѣ живого существа хо-лера и выраженія—«холера идетъ, холера приближается» нерѣдко напимъ народомъ понимаются буквально. Иногда она предста-вляется въ видѣ безобразной женщины, иногда же принимаетъ дру-гие виды, начиная со скота и звѣрей и кончая человѣкомъ, иногда попомъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, она поражаетъ людей и идетъ болѣе сумерками и ночью, чтобы быть незамѣченюю (Калужск. г. и у.). Во время послѣдней холерной эпидеміи въ нѣкоторыхъ мѣ-стахъ видели женщину, летавшую даже по воздуху. Она разсы-пала какія-то ядовитыя сѣмена, которыя падали въ колодцы, источники, рѣки, на огороды и пр. (Р. Борисогл. и Даниловск. уу. Яро-славск. г.). Въ дер. Крутой (Меденк. у. Владим. г.), гдѣ, въ преду-прежденіе холеры, было произведено опахиваніе, въ предположеніи,

что она не перейдет за магическую черту, въ первые дни послѣ этого передавали, что ночью «что-то бѣлое подъѣзжало къ селу, но, доѣхавъ до черты, повернуло назадъ». Это не помѣшало потомъ холерѣ, прибавляясь сотрудникъ, вырывать изъ среды крестьянъ этой деревни 27 человѣкъ.

Иногда образъ холеры достигаетъ въ народномъ воображеніи удивительной степени реальности.

«— Въ 1892 г., въ ожиданіи холеры,—сообщаетъ одна наша ка-
лужская сотрудница¹⁾,—въ нашемъ уѣздѣ были предприняты нѣкото-
рыя мѣры, возбудившія очень много толковъ въ местномъ на-
селеніи. Въ дер. Чепляевкѣ было приказано спустить сажалку съ
стоячей водой».

«— Поди ты,—разсуждали мужики, исполнняя это приказаніе,—
чтамъ и въ голову не приходило, что она въ водѣ прячется: оттого,
стало быть, и колодцы надо на ночь запирать»?

«— Ну, братъ, отъ нея не запрешь, она во всякую щелочку про-
лѣзетъ, а тамъ и рѣка недалеко, туда можетъ склониться, возра-
жали другіе. Толковъ было множество. Говорили, между прочимъ,
что холерѣ ходить цѣлыхъ пять—три бабы и два мужика. Потомъ
распространился слухъ, что одну изъ холерѣ убили. Дѣло, будто-
бы, происходило такъ: бѣхалъ передъ самыми вечеромъ одинъ му-
жикъ по дорогѣ, вдругъ его кто-то окликнулъ».

«— Стой, мужичекъ, подвези меня.—Оглянулся мужикъ, видѣть,
гонится за нимъ старуха, худая, слабая, зипушишка на ней изо-
рванный, изъ подъ платка волосы треплются, смоклась вся. Жаль
стало мужику старуху, остановилъ лошадь, посадилъ старуху къ
себѣ на телѣгу».

«— Ну, спасибо тебѣ,—говорить старуха,—услужилъ ты мнѣ,
услужу и я тебѣ.»

«— Чѣмъ же ты мнѣ услужишь, бабушка?»

«— Да, вѣдь, я холера. Приду въ деревню, пущу ядъ во всѣ
колодцы, кто изъ нихъ напьется, тотъ и захвораетъ: а ты бери на
свою семью воду изъ рѣки, покуда хворость пройдетъ, туда я не
буду ядъ пускать».

«— Посмотрѣль мужикъ на старуху, а она черная, страшная,
глаза, словно уголья, горятъ. Ну, думаетъ, хорошо, что сказалась,
угощу я тебя, старую вѣдьму. Привезъ ее къ себѣ, водочки поднесъ,
угостилъ. Улеглась она на печку, захрапѣла. Мужикъ взялъ топоръ,

¹⁾ Жиздринск. у.

подкрайся, хвать ее по шею, сразу голову отеськъ. Смотритъ, а она вся начинена пузырьками съ ядомъ. На другой день онъ съ нею въ волость. Осмотрѣли старуху и дали мужику сто рублей награды».

Роль нечистой силы въ этюлогіи болѣзней далеко не исчерпывается участіемъ ея въ происхожденіи лихорадокъ и ловальныхъ болѣзней. Дѣйствіе ея гораздо шире и проявляется иногда болѣе непосредственнымъ образомъ. Вологжане Грязовецкаго уѣзда происхожденіе многихъ болѣзней приписываютъ тому, что больной перешелъ слѣдъ нечистой силы, послѣдняя повстрѣчалась съ нимъ и «опахнула» его своимъ духомъ. Костромичи Ветлужск. у. уверены, что болѣзни, происходящія отъ перехода черезъ слѣдъ «большого» (лѣшаго), одни изъ самыхъ серьезныхъ болѣзней. Особенно опасны въ этомъ отношеніи перекрестки дорогъ, любимое мѣстопребываніе «пострѣла», одного изъ видовъ нечистаго духа. По мнѣнію орловцевъ Карабачевскаго у., такое вліяніе нечистой силы простирается и на околицы. Вотъ почему въ этихъ мѣстахъ надо креститься: иначе заболитъ спина, ноги или голова. Отъ такихъ дьявольскихъ продѣлокъ нельзя быть гарантированнымъ иногда даже у себя дома. Такъ, неизбѣжно случается кашель у того, кто пройдетъ ночью босикомъ по полу, по слѣдамъ домового, имѣющаго привычку всю ночь бѣгать по хатѣ и играть со своими дѣтьми (Орловск. г. и у.¹⁾).

Въ состояніи нечистая сила причинять болѣзни и другими способами. Иногда она принимаетъ видъ вѣтра и мчится въ видѣ вихря. Поэтому, многіе боятся его, съ серьезнымъ убѣжденіемъ, что это несетъ сатана (Жиздринск. у. Калужск. г.). Отъ вихря надо бѣжать, чтобы онъ не прошелъ черезъ человѣка, иначе можно умереть, получить тяжелую болѣзнь или сойти съ ума.

«— Вотъ, намеднись,—рассказывается про такой случай орловская знахарка Марфа,— наль мужикъ юхалъ изъ города, будетъ, это, съ товарищами, глядь, вихрь находитъ. Мужикъ-то и скажи: ой, братцы, какъ бы этотъ вихрь съ меня шапки не снялъ.—Сказала такъ-то, вихрь, какъ налетить, шапку-то ему и сбилъ. Ну, пріѣхалъ мужикъ домой, пріѣхалъ да и «залежалъ». Жена его бѣжитъ ко мнѣ: «бабушка Марфа, мужикъ мой залежалъ, какъ бы не отъ глазу? «Ну, я пришла, глянула: «нѣтъ, говорю, это вихрь на-

Непосредственная зависимость заболеваний отъ нечистой силы.

¹⁾ Въ высшей степени замѣчательно, что такому обыденному и простому факту, связанному съ простуднымъ вліяніемъ, народъ придалъ сверхъестественное значеніе.

шелъ, а не отъ глазу: отъ глазу — «коверкаеть», а тутъ такъ, — лежить себѣ, да и все. Ну, я наговорила, и ничего,—полегчало».

Дѣйствуетъ нечистая сила иногда и болѣе скрытно, и требуется известная опытность, чтобы умѣть разобраться въ подобнаго рода случаѣхъ. Орловскіе, новгородскіе и вологодскіе крестьяне многія болѣзни относятъ къ «подшуту», или «поглуму». Если заболѣваніе произошло ночью, то это, несомнѣнно, указываетъ, что въ данномъ случаѣ подшутилъ дворовый хозяинъ, домовой¹⁾). Чехъ, наスマркъ, а иногда и водянка бываютъ у тѣхъ, кто напьется ночью воды, не перекрестившись. Вода эта, если она быланичѣмъ не закрыта, приобрѣтаетъ вредныя свойства оттого, что туда нахаркаютъ и наплюютъ нечистые духи. Можетъ случиться даже и такъ, что нечистый прямо нырнетъ въ ночевошную воду и вызоветъ заболѣваніе кашлемъ или произведетъ какое-нибудь бурное желудочно-кишечное заболѣваніе.

«— Это недобрикъ усожилъ, — объясняютъ тогда деревенскія бабы урчаніе въ животѣ:—вотъ, онъ и рычитъ, хочетъ выйти, да не можетъ».

«— Встала это я, въ полдень, у ручья въ наклонку,—разсказываетъ баба о моментѣ подобнаго заболѣванія,—не перекрестилась, да и пью. Вдругъ, какъ юркнетъ мнѣ что-то въ самую средку, такъ вотъ сразу и вступило» (Козельск. у. Калуж. г.). Съ нечистой силой нужно соблюдать поэтому большую осторожность и очень опасно, напр., спать съ разинутымъ ртомъ или зѣвать, стоя на молитвѣ (Болховск. у. Орловск. г.). Несоблюдение такого правила ведетъ подчасъ къ очень непріятнымъ иослѣдствіямъ.

«— Начала я передъ сномъ молиться Богу,—передаетъ о такой оплошности другая баба,—да три раза и зѣвнула. Только на четвертый разъ ротъ открыла, слышу, зажужжало что-то съ правой стороны, какъ все равно муха, да прямо въ ротъ и улетѣло. Я проглотила, вскрикнула и съ той-то минуты со мной что-то, какъ будто, подѣялось».

Усиленіе многихъ болѣзнейныхъ явлений во время ночи и ночное начало нѣкоторыхъ заболѣваній, напр., острого ревматизма суставовъ, ревматическихъ и алкогольныхъ параличей, почти всегда

¹⁾ Въ выраженияхъ «подшутъ», «поглумъ», повидимому, сказывается известная доля благодушія, свойственная характеру нашего народа: только этимъ свойствомъ народа можно объяснить его представление о нечистой силѣ, способной шутить.

заставляло крестьянъ видѣть въ этихъ явленіяхъ таинственныя и сверхъестественныя причины. Выраженіе «сдѣлалось съ ночи» часто и теперь имѣеть въ устахъ мужика особенное и многознаменательное значеніе.

Къ разряду такихъ таинственныхъ болѣзней относится и такъ называемый «ночной щипокъ», одна изъ сыпей пустулезнаго характера. Бываетъ также особый кашель, который напускается на человѣка, не перекрестившаго свой ротъ передъ отходомъ ко сну, полуночникъ, духъ, въ родѣ домового. Полуночникъ пользуется оплошностью позабывшаго закрестить свой ротъ, захватить его въ самую полночь, дунувъ ему въ ротъ, и съ этого момента человѣкъ закашливается. Отличительная черта кашля-полуночника та, что онъ съ вечера бываетъ сильнѣе, нежели утромъ или днемъ. Подобной же причиной объясняются и нѣкоторыя другія заболѣвания. Чахотка, но возрѣніемъ нѣкоторыхъ орловскихъ крестьянъ, которые вообще отличаются чрезвычайной изобрѣтательностью по части всякихъ фантастическихъ выдумокъ, происходитъ таки прямо отъ того, что домовой «надыхаетъ больному въ самый ротъ». Отсюда является сильный кашель при чахоткѣ, и оттого же иногда заболѣваетъ горло.

«— Это ему нечистикъ надыхалъ,—съ видомъ серьезнаго убѣжденія говорятъ про ребенка:—видно, ты положила спать его, постель не закрестила, а онъ, недобрый, тутъ какъ тутъ» (Орловск. г. и у.).

Прибѣгаетъ нечистый и къ другимъ уловкамъ, чтобы вызывать заболѣвания: то подъ видомъ лошади отдавить въ ночномъ ногу заспавшемуся парню, то опустить въ бочку вина особую, запойную каплю, обладающую удивительнымъ свойствомъ: выпивший ее или запьется до смерти, или начнетъ нить запоемъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ, по особой милости Божией, эта капля не приноситъ вреда и пропадаетъ даромъ—бутылка съ водкой лопается. Дѣйствуетъ нечистый иногда и болѣе прямо, начистоту: то толкнетъ кого-нибудь, и тотъ сломаетъ руку или ногу или отхватить топоромъ палецъ, то «попутаетъ» нанести ударъ другому, а иногда причинить и смертельное новрежденіе. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ нечистый прямо поселяется на жительство въ человѣкѣ: отъ этой именно причины, по мнѣнію многихъ вологодскихъ новгородскихъ, орловскихъ и др. мужиковъ, происходитъ падучая болѣзнь, сумасшествіе, кликушество и нѣкоторыя другія болѣзни. Нѣкоторые калужане думаютъ при этомъ даже такъ, что бѣсъ мо-

жетъ входить и въ отдельныя части тѣла человѣка: «войдетъ онъ въ губу—губа вздуется, въ руку—рука отнимется, въ ногу—отнимется нога» (Менцовск. уѣз.).

**Роль духовъ
въ происхо-
жденіи дѣт-
скихъ забо-
лѣваній.**

Очень интересно, что народъ для дѣтскихъ заболѣваній избрѣлъ еще особенныхъ духовъ, которые, не обладая всѣми отталкивающими свойствами представителей настоящей чортовой породы, многое деликатнѣе и легче послѣднихъ. Таковы, напр., «ревунъ», «вопунъ» или «щекотунъ». Если ребенокъ сильно плачетъ и взвизгиваетъ, значитъ, на него напалъ одинъ изъ этихъ духовъ¹). Когда ребенокъ сильно и долго кричитъ, это въ него вселилась «крикса», а если онъ беспокоится и не спитъ по ночамъ, значитъ, къ нему пристала «полуношница», или «полуношникъ» (Никольск. у. Вологодск. г., Череповецк. у. Новгородск. г.). Чрезвычайно любопытно лечение этихъ болѣзней, рельефно рисующее ихъ олицетвореніе. Для лечения полуношницы кладутъ въ лульку мальчику игрушечный лучекъ²), а дѣвочкѣ—маленькую пряслицу (прилку), съ наговорами: «вотъ тебѣ, полуношница—щебетунья, дѣло и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни въ ночи, ни въ какіе часы» (Никольск. у. Волог. г.). Полуношника отгоняютъ въ банѣ. Мать ребенка остается въ предбанникѣ, а знахарка съ ребенкомъ входитъ въ самую баню и начинаетъ парить его, приговаривая: «парю, парю».

«— Кого ты паришь?»—спрашиваетъ изъ-за двери мать.

«— Полуношника»,—отвѣчаетъ бабка.

«— Паръ его горазже, чтобы прочь отошелъ, да вѣкъ не пришель» (Череповецк. у. Новгородск. г.).

По своему происхожденію, съ этими болѣзнями сходна другая дѣтская болѣзнь—родимчикъ (eclampsia neonatorum), который въ

¹) Для лечения этой болѣзни съ ребенкомъ идутъ къ вереѣ и говорятъ: «верея, вереюшка, тебѣ стоять, не гнить, здоровой быть, а моему младенцу не вонить, не ревѣть. Возьми съ него щекотунъ и ревунъ и дай ему сонъ и угомонъ».—Выходить нужно въ зорь, утромъ и вечеромъ. Если это не подѣйствуетъ, то нужно 12 зорь носить младенца въ овинѣ и, наклонивъ ребенка къ окну, говорить: «батюшка, овинъ, возьми съ моего младенца щекотунъ и ревунъ, а ему дай сонъ и угомонъ».—Еще берутъ вѣнкѣй и бьютъ его на порогѣ тупымъ косаремъ и говорятъ: «парю вопунъ, припариваю щекотунъ, денежной, полуденный, нощной и полуночной, минутный, полуминутный, часовой, получасовой. Поди, вопунъ-щекотунъ, на пень, на болото, ломай пенья да колоды, а моего младенца не трогай. Аминь».—Это нужно проговорить три раза и вѣнкѣй выбросить за дверь (Вязниковск. у. Владим. г.).

²) Снарядъ, на подобіе смычка отъ скрипки, которымъ бьюгъ шерсть.

и въ некоторыхъ мѣстахъ Новгородск. г., въ противоположность крикѣ, зовутъ «тихонькій». При этой болѣзни больше всего боятся «измѣшать» ребенка и говорять: пусть «ссыпаетъ»¹⁾.

Есть также особый младенческий духъ—«тиренькій». Если только что родившійся ребенокъ начинаетъ смѣяться, то это означаетъ, что въ немъ находится тиренькій. Съ такимъ ребенкомъ нужно обходиться очень осторожно, иначе изъ него выйдетъ уродъ. Чужому человѣку такого ребенка нельзя показывать: тиренькій этого не любить (Медынск. у. Калужск. г.).

Очень обширнымъ является классъ заболѣваній, въ основѣ которыхъ лежитъ порча, произведенная изъ ненависти или злобы къ заболѣвшему, по просьбѣ другихъ, за деньги, а то и такъ себѣ, изъ любви къ такому искусству со стороны иныхъ злыхъ людей. Люди эти—знахари, ворожеи и колдуны, известные у котельничанъ (Вятск. г.) подъ особеннымъ названіемъ «еретиковъ»²⁾. Всѣ они могутъ причинять самыя разнообразныя болѣзни: вогнать въ человѣка бѣсей, произвести существо и кликушество, нагнать, какъ говорятъ вологжане Грязовецкаго уѣзда, «вопль», отнять силу, изсушить до кости, вызвать икоту, тоску, параличи, родимчикъ, падучую болѣзнь и половое безсиліе. Они же иногда являются виновниками повальныхъ болѣзней и лихорадки, вызываютъ пьянство у мужчинъ, производятъ «затвореніе кровей» у

Порча.

¹⁾ Иногда называютъ «тихонькимъ» также поясничную ломоту у взрослыхъ и избѣгаютъ какого бы то ни было лечения потому, что боятся «раздразнить». Эта ломота, по своему происхожденію, тождественна съ тѣмъ видомъ поясничной ломоты, которая производится «пострѣломъ» (Зарайск. у. Рязанской губ.).

²⁾ Хотя, въ настоящее время, роли колдунонъ и знахарей нерѣдко смѣшиваются, но, по первоначальному смыслу и значенію словъ, между ними существует громадная разница: колдуны, какъ и еретики, дѣствуютъ съ помощью дьявольской силы, знахары же—это «знатки», знающіе люди, и роль ихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, чисто лечебная. По стародавнему сказанію, первый знахарь первоначально обладалъ знаніемъ только одиѣхъ «добрыхъ» травъ, посѣянныхъ Богомъ на пользу человѣку. Знахарь этотъ различалъ шесть и говорилъ травы, быть надѣленъ способностью слышать шепотъ матери-земли и всѣ тайны природы были для него открыты. Онъ жилъ, какъ нраведникъ, счастливый и своимъ волшебнымъ знаніемъ, и тѣмъ добромъ, которое онъ приносилъ людямъ. Но, сдѣлавшись старикомъ, подъ вліяніемъ соблазновъ дьявола, захотѣлъ вернуть себѣ молодость и тогда-то узналъ «злые травы». Узнавъ ихъ, сталъ оказывать на одну помогу людямъ, а и творить пагубу. Такимъ-то образомъ пошли по бѣлу свѣту знахари, передавая отъ поколѣнія въ поколѣніе чудесныя знанія и «вѣщія» слова, которыми владѣлъ первый знахарь на Руси. «Народная Русь».—А. А. Коринфскій, 1901 г.

женщинъ, отнимаютъ у нихъ молоко и напускаютъ «безвременное» (неправильная менструаци). Колдуны могутъ также наводить на человѣка глухоту, куриную слѣпоту и отнимать аппетитъ¹⁾.

Иногда они производятъ совершенно непонятныя болѣзни: напускаютъ на мужчинъ «бабью муку», «надѣваютъ хомутъ»²⁾ и даже ухитряются продѣлывать, преимущественно надъ бабами, такія не-постижимыя вещи, что у нихъ, безъ всякой видимой причины, начинаетъ пучить животъ (Макарьевск. у. Костромск. г.). Колдунъ иногда является въ глазахъ мужика такимъ всемогущимъ чародѣемъ, что для него все является возможнымъ. «Я все могу сдѣлать,—бахвалится знахарь:—отнять ноги, отнять руки. Только правую руку,—снисходительно добавляетъ онъ,—оставляю для того, чтобы человѣкъ крестъ на себя могъ положить». Но чаще всего колдуны славятся тѣмъ, что они могутъ присаживать килы³⁾. «Я те ужо насажу киль, такъ будешь меня знать»,—нерѣдко и теперь еще посылаетъ знахарь угрозу своему врагу.

Порча, въ видѣ той или другой изъ этихъ болѣзней, бываетъ двоякая: временная, на нѣсколько лѣтъ, отъ которой можно и выздоровѣть, или же навѣкъ, до смерти: такая порча неизлечима (Пензен.-г. и у., Тотемск. у. Вологодск. г.).

Но и въ случаяхъ излечимой порчи ничего не можетъ сдѣлать ни врачъ, ни фельдшеръ: «порченыхъ» можетъ вылечить только знахарь или колдунъ, тотъ же, который испортилъ, или другой, болѣе сильный. Только они, нашптывая и «пытая отъ киль», могутъ снять и киль, и всякий другой «насадъ».

Чрезвычайно интересны способы, при посредствѣ которыхъ производится порча. Всего чаще она пускается по вѣтру, по водѣ, примѣшивается къ пищѣ и питью, а иногда достигается и путемъ

¹⁾ Большинство сообщеній изъ Орловской, Пензенской, Калужской, Рязанской, Смоленск., Псковск., Вологодской и Новгородской гг.

²⁾ Такъ называются опоясывающія боли туловища. Крестьяне увѣрены, что если больного «хомутомъ» раздѣль, то на животѣ и спинѣ его окажется красная полоса (Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г.).

³⁾ Различного происхожденія опухоли, въ томъ числѣ грыжи и абсцессы. Отличительная черта ихъ та, что они бываютъ на «притошихъ мѣстахъ»: на липѣ, въ горлѣ, заднемъ проходѣ и на половыхъ органахъ. Вотъ какъ опредѣляетъ килу одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ: «гдѣ-нибудь на тѣлѣ человѣка, всего чаще на рукѣ, ногѣ, на лбу, появляется, безъ всякой причины, поверхностный нарывъ съ кровянистымъ или прозрачнымъ содержимымъ, который сопровождается невыносимой болью и необъяснимой тоской». (Ростовск. у. Ярославск. г.).

заклинанія¹⁾). Такимъ образомъ, одна изъ нихъ имѣеть случайный характеръ и является болѣе общей, другая же — чисто индивидуальной: порча въ видѣ заклятія и данная въ пищѣ и питьѣ неизмѣнно входитъ въ того, кому «дано», апущенная по вѣтру и по водѣ, на кого попадеть. Вѣроятно, на основаніи такой случайности, про порченыхъ и говорятъ иногда, что они «вбрели» (Скопинск. у. Рязанск. г.). «Идешь себѣ,—объясняютъ крестьяне такой случайный видъ порчи,—и вдругъ тебѣ лицо раздуется, во, какое» (Владимирск. г. и у.).—«Колдунъ зайдетъ на вѣтеръ, — стараются объяснить порчу другое,—такъ, чтобы ты стоялъ подъ вѣтромъ и пустилъ на тебя ее съ этимъ вѣтромъ» (Малмыжск. у. Вятск. г.).—«Увидитъ колдунъ проходящаго мужика, дунетъ на него — и готово», — еще проще объясняютъ такую порчу третыи (Городищенск. у. Пензенск. г.). При посредствѣ одного изъ такихъ удивительныхъ способовъ «присаживается и кила».—«На вечерней зарѣ выходитъ колдунъ на перекрестокъ, дѣлаетъ изъ теплаго навоза крестъ, обводитъ его кругомъ чертой и посыпаетъ какимъ-то порошкомъ, что-то напоитъвая. Оставшуюся часть порошка кидаетъ но вѣтру и если хотя одна кручинка этого порошка попадеть на человѣка, то у него черезъ три дня непремѣнно появится кила» (Пензенск. у. и г.).

Подобными же трудно объяснимыми способами пускается порча и по водѣ. Сюда также пускаются какіе-то порошки и особенные яды, а иногда иѣчто совсѣмъ необъяснимое. «Замѣтилъ колдунъ,— объясняетъ такую порчу мужикъ,—что ты хочешь, примѣромъ, купаться, и пустилъ это свое колдовство по водѣ» (Орловск. г. и у.).

Нѣсколько болѣе понятной является индивидуальная порча. Здѣсь какія-то невѣдомыя снадобья и напитки подмѣшиваются къ хлѣбу, кушаньямъ, квасу, пиву, водкѣ, чаю и т. п.²⁾.

1) «Ходить духъ грозный по землѣ, вырывать пенье и коренье, бѣлос каменье и суховерховое дерево ломить по землѣ. Симъ заклинаю, чтобы моего недруга и супостата также ломало порчею, во вѣки вѣковъ, аминь» (Череповецк. у. Новгородск. г.).

2) «Главой производить порчу пользуются, между прочимъ, большие бѣлые черви, которые заводятся въ бочкѣ изъ-подъ вина. Доставъ червей и подойдя къ кабаку, пускаютъ ихъ ползти по землѣ. Тотъ червякъ, который поползть къ кабаку, и есть обладатель вредоносныхъ свойствъ. Стоить его взять, высушить, перетереть въ порошокъ, подсыпать кому-нибудь въ кушанье или питье — и человѣкъ этотъ будетъ пить запоемъ (Саран. у. Пенз. г.). Подобными же свойствами обладаетъ и землиной наука. Если его, поймавъ, высушивъ и превративъ въ порошокъ, запечь въ хлѣбѣ и дать кому-нибудь пойсть, то тотъ въ 3 года исчахнетъ (Алатырск. у. Симбирск. г.).

Народная фантазія питается многочисленными и самыми разнообразными рассказами, гдѣ такая порча и способы ея полученія изображаются во всевозможныхъ видахъ. Въ одномъ случаѣ рассказываютъ, какъ женщину испортили на лапшѣ и какъ она, пойѣвъ лапши, сейчасъ же «стала кричать на голоса»¹⁾, а другую, которой знахарка дала сѣсть вареное яйцо, «сейчасъ же стало свертывать въ клубокъ и какая-то невидимая сила начала поднимать такъ легко вверхъ, какъ мячикъ резиновый подпрыгиваетъ» (Брянск. и Орлов. уу. Орловск. г.).—«Въ квасу дали, родимый», — просто-душно объясняетъ больная свою болѣзнь, — «такъ и услышала, какъ по животу пошло, а перекреститься-то, какъ стала нить, и не перекрестилась: вотъ, єнть, супостать-то, и вошелъ въ нутро» (Мещовск. у. Калужск. г.).

«— Прихожу къ бабкѣ—передаетъ другая женщина,—она какъ поглядѣла въ воду, такъ все и узнала, у тебя, говоритъ, несчастье случилось, ты сама больна да и мужъ твой нездоровъ: вамъ «поддали» въ Ѳдѣ. А передъ этимъ у насть кто-то проткнулъ кашу въ чугунѣ, должно, сосѣдка по сердцамъ поддѣлала. Мы всю эту кашу съ хозяиномъ и пойли. На него напала тоска, хоть со двора долой иди, ничего не мило, а меня лихорадка затрепала совсѣмъ».

Въ случаѣ невозможности испортить человѣка на пищѣ и питьѣ, колдуны, будто бы, ухитряются какъ-нибудь «наколдоватъ у одежи».

«— Измучила меня лихоманка совсѣмъ,—жалуется женщина,—съ тѣхъ поръ, какъ у меня вырѣзали крестъ на шубѣ. Трепеть каждый день, да и все. Была и у фельдшера, и у доктора,—никакой помочи нѣть».

«— А рубахи у нихъ съ мужемъ разрѣзали и подушку, вотъ, и заболѣла,—крайне просто объясняетъ баба источникъ происхожденія болѣзни у другой больной.

«— Ну, такъ что же? Развѣ можетъ отъ этого что-нибудь сдѣлаться?»

«— А какъ же? Вырѣзано, значитъ, было съ умысломъ: она въ тѣжъ поры и заболѣла».

«— Кто же это могъ сдѣлать?»

«— А вѣстимо кто: недобрый человѣкъ—сноха девернина, злющая, презлющая баба... И бабка такъ рассказывала—надѣ ими издѣлано, говоритъ: ему-то немного попало, ну а ей, значитъ, во всю».

¹⁾ Сдѣлалась кликушею.

Существуютъ и многіе другіе способы порчи. Съ этою цѣлью бросаются на дорогѣ различные заговоренные предметы: стоять поднять такой предметъ—и человѣкъ уже испорченъ (Скопинск. у. Рязан. г.). Передаютъ также, что колдуны кидаютъ подъ ноги намѣченного человѣка какіе-то небольшіе шарики, скатанные изъ овчьеї шерсти, съ примѣсью кошачьихъ и человѣчьихъ волосъ (Грязовецк. у. Вологод. г.). Достигаютъ колдуны порчи, будто бы, и тѣмъ, что замазываютъ въ трубѣ волосы намѣченной жертвы, зашиваютъ ихъ съ перьями неизвѣстныхъ птицъ въ подушки, а также подкидываютъ въ печь, подкладываютъ подъ стѣну въ хатѣ и зарываютъ подъ ворота (Пензенск. г. и у., Карабашевск. у. Орловск. г.).

Способы, при помощи которыхъ колдуны ухитряются причинять порчу, иногда положительно неуловимы и предъ объясненіемъ ихъ останавливается даже фантазія русского мужика, склоннаго вѣрить въ возможность существованія самыхъ необычайныхъ вещей.

«— Незадолго до смерти Сухорукаго,¹⁾—разсказываетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ отъ его продѣлокъ,—вышелъ такой случай. Ко-сили Гавриковы лугъ, вотъ, я, въ обѣдахъ, и зашелъ къ нимъ, пособить и убрать сѣно. Они поднесли мнѣ водочки. А духота стояла— страсть. И такъ меня разобрало съ двухъ стакановъ, что пошелъ я по кладямъ, черезъ ручей, да и оступился, клади-то въ воду, а за ними—я. Намокъ я, а Сухорукий стоитъ на возу, навиваетъ сѣно, увидалъ меня, да и кричить — «хоть бы тебѣ захлебнуться тамъ: всѣ клади разгородилъ». А я-то, съ пьяну: «не мнѣ, а тебѣ, говорю, вѣдьмѣ, давно бы пора захлебнуться, а то никакъ не потонешь, нечистый!». Пришелъ я вечеромъ домой, разостлалъ свитку, по конику, подъ святыми, и легъ спать. По утру встаю весь мокрый. Что, думаю, за прічта, никогда со мною этого не бывало, не только что съ трезвымъ, а и съ пьянымъ. На другую ночь—то же. Я не сталъ ложиться, нерешелъ на другое мѣсто, къ печкѣ, а на конику-то легла моя дочь, Наташка. По утру встала и она мокрая. И пошло такъ изо дня въ день. Какъ только уляжемся спать, а ёнъ, Сухорукий, на Наташку-то—съ потолка. Пошли у Наташки по тѣлу волдыри, расхворалась совсѣмъ дѣвка.—«Зачѣмъ ты, говорить, тятя, Сухорукова обругалъ? Сходи

¹⁾ Прозваніе колдуна изъ с. Жидкаго (Болховск. у. Орловск. г.).

къ нему и попроси у него прощенія». Пошелъ я къ нему, захожу, кланяюсь, а онъ и не глядить на меня».

«— Поди,—говорю,—ко мнѣ, дядя Петръ, сдѣлай такую милость, посмотри мою Наташку».

«— Приду,—пробурчалъ онъ».

«— Я скорѣе домой, купилъ бутылку водки и поставилъ на столъ. Пришелъ Сухорукій, посмотрѣль Наташку, и, никому ничего не говоря, сѣлъ за столъ, да и выпилъ всю бутылку».

«— Ну, что, дядя,—спрашиваю я,—нолегчаетъ Наташкѣ?»

«— Полегчаетъ,—опять пробурчалъ онъ,—тоже, молодъ ты еще говорить-то со мною: помнишь, чай, покосъ-то? и ушелъ».

«—Глядь, по утру, Наташка встала сухая, а черезъ два дня и совсѣмъ оздравѣла. Вотъ какой былъ, анахима, Сухорукій, духъ его не махни!»

Особенный интересъ представляютъ разсказы о такихъ случаяхъ, гдѣ вхожденіе бѣса въ человѣка и его пребываніе въ немъ представляется въ видѣ тѣхъ или другихъ животныхъ.

«— Какъ стала матушка кончаться,—передаетъ про одинъ такой необыкновенный случай дочь,—раздуло въ животѣ у ней, незнамо какъ, глаза выкатились, стали большие, большие. Поднялась рвота—черная, пречерная, и выблевала она червяка чернаго, лохматаго, съ четверть длины и въ палецъ толщины. Не успѣли мы опомниться, а онъ уползъ подъ печку, и матушка кончилась. Это бѣсь-то, который сидѣлъ въ ней и мучилъ, и вышелъ червякомъ. Оттого покойница при жизни не могла стоять въ церкви, не подходила сама къ священнику и причащать ее подводили насильно: это бѣсу-то не любо было» (Мещовск. у. Калужск. г.).

«— Моего мужа,—рассказываетъ вдова,—испортила невѣстка. Когда онъ собралсяѣхать къ вѣнцу, она выхватила помело изъ подъ печки, выскочила на улицу, бросила его подъ побѣздѣ и крикнула:— «штобъ вамъ ни нути, ни дороги, чортъ подъ ноги!»

«—Съ тѣхъ поръ и заболѣть, и вскорости же померъ. Нередъ смертью онъ сталъ кричать по-телячъи, все харкаль и говорилъ, што что-то въ глотку ему подступаетъ, почесъ душитъ. Разъ мы собирались завтракать, а онъ захотѣлъ приподняться и облегнулся обѣ столъ. Чтобы помягче было, я ему подъ руки завѣску подложила и только что отошла въ сторону, онъ какъ харкнетъ на всю избу и выхаркнулъ лягушку. Всѣ видѣли, лягушка, какъ оиметокъ большая, ускакнула подъ печку и пропала. Послѣ того онъ положилъ голову на столъ, разъ дохнуль и померъ».

-- «Меня съ хозяйкой,—передаетъ еще одинъ больной,—въ свадьбу испортили: бабка тогда узнала, что на винѣ намъ сдѣлано было. Сперва на меня тоска навалилась, бывало, до того пройметъ, што прошу матеръ зарѣзать меня, а пуще тоски боль въ брюхѣ меня доймала, особенно на полномъ мѣсяцѣ. Извѣстно, што нечистая сила, ежели есть въ человѣкѣ, то на исходѣ мѣсяца и она исходитъ, а на молоду да на полномъ мѣсяцѣ и нечистая сила прибываетъ въ человѣкѣ и пуще начинаетъ мучить. У меня въ брюхѣ жила нечистая сила мышью: какъ зачнетъ, бывало, она ползать тамъ по кишкамъ, животъ и станетъ дуться, того гляди, лопнеть. Я ужъ и гашинкъ, и поясь распушу, да безъ памяти по избѣ катаюсь. А тоска, во, какая бывала: чисто передъ смертью. А какъ зачнетъ къ глоткѣ подползать, такъ и чую, какъ въ шерсти ворочается, тутъ, во,—показываетъ разсказчикъ на горло.—Кабы не одинъ человѣкъ, давно бы меня эта нечисть доканала. Присовѣтвалъ онъ мнѣ коренья пить, отъ порчи девять ихъ, а самый главный Адамова голова прозывается, потому что онъ прямъ, какъ голова человѣчья и образину имѣть такую, даже борода есть. Этотъ корень надыть было напослѣдъ всего пить, и дюже тяжело мнѣ сдѣлалось: ни пить, ни ъсть, а гадина въ брюхѣ еще злѣе лазить стала. Мать и жена такъ и думали, что я кончаюсь и за попомъ послали, причастить меня. Тутъ, съ обѣда зачаль я блевать и какъ разъ, какъ попу пріѣхать, еще пуще натошновалъ п выблевалъ мышь, мышь какъ есть, въ шерсти, и сразу мнѣ легостно стало» (Орловск. г. и у.).

Любопытны тѣ виды порчи, которые вызываются при посредствѣ такъ называемыхъ заломовъ и выниманія слѣда¹⁾. Заломъ— это завязанный въ узель и предварительно запутанный или закрученный пучекъ колосьевъ какого-либо еще несжатаго хлѣба, чаще всего ржи.²⁾ Иногда онъ обвязывается лошадиными или женскими волосами, обсыпается углемъ, золой изъ печи, землей

Заломъ и
выниманіе
слѣда.

¹⁾ Вѣра во всевозможные виды порчи показываетъ, что извѣстная часть народа до сихъ поръ живетъ міромъ понятій, которая въ допетровскую эпоху состоянія удѣльне ие его одного, а раздѣлялись всѣми классами русского общества, не исключая и придворныхъ сферъ. «Сыскное дѣло о колдовствѣ на царицынѣ слѣдѣ» (1638 г.) и др. Иванъ Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царницъ въ XVI и XVII ст. 1901 г..

²⁾ Иначе заломье (Пензенск. г. и у.), закрутка (Городищ. у. Пензенск. г.), завитокъ (Калужск. г. и у.).

сь кладбища и пр.¹⁾). Всякий, кто срѣжетъ такой заломъ, скоро умретъ или получить лихую и продолжительную болѣзнь: у него отнимаются ноги или сохнетъ рука и пр. Отъ залома же часто появляются особенныя раны, въ которыхъ заводится тонкій, узкій червякъ въ родѣ волоса. Этотъ червякъ имѣть способность постоянно разъѣдать рану, не давая ей поджигать.

Порча, съ мѣста залома, сообщается всей заломной полосѣ. Вотъ почему хлѣба съ такихъ полосѣ крестьяне не ѓдятъ, а про-даютъ и самую мякину выкидываютъ. Для нейтрализаціи силы заломовъ обыкновенно приглашается знахарь²⁾, а иногда священникъ, служится молебенъ и «поднимаются» иконы (Жиздринск. у. Калужск. г., Брянск. у. Орловск. г.). Эта вѣра въ существованіе заломовъ и ихъ отдельныхъ видовъ иногда является удивительно непоколебимой и сильной.

«— И какъ ты тамъ не говори, что нѣть заломовъ,—убѣжденно говорить орловская крестьянка Р-ва своему собесѣднику,—а заломы есть. Ну, ладно, хай нѣту. А скажи ты мнѣ, отчего у Степаниды Гудихиной, вотъ другой годъ, рука отнявшись? Нука-ся, а? Оттого, отнявшись, что она не разслѣпowała, да заломъ-то и скрамсолила. А ты говоришь нѣть: вотъ тебѣ и нѣть!»

«— Заломы разные бываютъ,—продолжаетъ она,—на человѣка, а то—на зерно. Стеха-то, вотъ, и срѣзала человѣчій заломъ, видно, на нее поддѣланъ былъ. Она, какъ разглядѣла его, такъ и ахнула: матушка, родимая! Да ужъ поздно было: срѣзала, вотъ, и болить теперь».

«— А-то заломъ на зерно бываетъ: вѣсомъ зерно-легковѣсно; на боромъ — не дай, Господи, у сосѣдей столько-то, а у тебя наполовину. Въ чемъ не хватись—все неспорно. А ты говоришь—нѣтути. Вонъ, въ прошломъ году, у насъ такъ-то было поддѣлано, спасибо, углядѣла я. Скорѣй за бабкой, вонъ, ажно къ Кромамъ ъздила. Ну, ничего, слава Богу, отчитала. Посмотрѣла на воду и прямо сказала:

¹⁾ Вотъ какъ, по рассказамъ одного крестьянина, производить заломы знахарка изъ с. Ильинского (Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.), А-на: «на вечерней зарѣ она приходитъ въ поле, выбираетъ нужную ей полосу, становится лицомъ на западъ, наклоняется, съ заклинаніями, пучекъ колосьевъ къ землѣ, закручиваетъ, перевязываетъ сурою ниткой и посыпаетъ его взятой съ могилы самоубийцы землей. Чтобы молитвы и благочестіе семьи, которой принадлежитъ полоса, не ослабляли силы заклинаній, А-на становится ногами на образъ, обрашенный лицомъ вверхъ».

²⁾ Знахарская процедура уничтоженія закрута называется «раскрутъ».

на зерно было сдѣлано. Такъ-то. И лучше ты не говори, что заломовъ нѣту: есть, рука отсохни, есть».

Другой таинственный и загадочный способъ производить порчу заключается въ выниманіи слѣда.—«Идешь ты утромъ, разувши, а твои слѣды видны на землѣ. Колдунъ возьметъ да и вынетъ этотъ слѣдъ: вотъ, и испорченъ человѣкъ»¹⁾). Земля, вынутая изъ очертаній слѣда, сушится на огнѣ, вѣшается, въ мѣшечкѣ, у чela печки или относится на погость. Испорченный такимъ способомъ человѣкъ обыкновенно сохнетъ, а если слѣдъ бросить въ воду, то заболѣваетъ водянкой (Пензенск. г. и у., Мещовск. у. Калужск. г.).

Среди всевозможныхъ видовъ порчи совершение особенной и наиболѣе распространенной является порча молодыхъ. Благодаря вѣрѣ въ возможность такой порчи, во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ сохраняется обычай приглашать на свадьбы колдуновъ или тѣхъ, кто выдается себя за нихъ, чаще всего простыхъ любителей выпивки. Получивъ такое почетное приглашеніе и хорошо угостившись, они не только не портятъ молодыхъ сами, но и предотвращаютъ порчу со стороны другихъ²⁾.

Порча молодыхъ производится, болѣшею частью, во время свадебного столованья, на различныхъ кунданяхъ и напиткахъ, но существуютъ для этой цѣли и нѣкоторые специальные приемы. Можно испортить молодого и сдѣлать его неспособнымъ къ отправленію супружескихъ обязанностей, воткнувъ булавку въ то мѣсто, гдѣ онъ, выйдя на дворъ, въ первую брачную ночь, исполнитъ свою естественную надобность (Брянск. у. Орловск. г.). Рассказываютъ, что въ одномъ случаѣ невѣста едва не была испорчена тѣмъ, что какою-то худой человѣкъ бросилъ на нее дубовый листокъ. Она спаслась только тѣмъ, что этотъ листокъ вѣ-время сняла ея сестра. Зато у послѣдней заболѣла рука и черезъ нѣсколько времени она умерла (Ростовск. у. Ярославск. г.). Въ другомъ случаѣ свекровь испортила молодую на сорочьемъ сердцѣ. Изловивъ сороку, убивъ ее, вынувъ

Порча
молодыхъ»

¹⁾ Многіе виды заболеваній, приписываемыхъ этой причинѣ, несомнѣнно, имѣютъ простудное происхожденіе. Здѣсь опять обнаруживается удивительная наклонность русского человѣка, вмѣсто естественныхъ причинъ, искать ихъ суетѣрнаго объясненія.

²⁾ Въ видѣ предохранительной мѣры противъ такой порчи, существуетъ обычай подпоясывать жениха сѣтями и обкалывать подоль платья невѣсты иголками и булавками (Ростов. у. Ярославск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Брянского уѣзда, (Орлов. губ.) молодыхъ провожаютъ изъ церкви до дома священнико, съ крестомъ въ рукѣ, при чёмъ молодые идутъ въ вѣнцахъ.

сердце и настоять его на водки, она дала выпить настой невѣсткѣ, и та потеряла способность говорить: стала издавать лишь неопределенные звуки: «запекотала сорокой» (Сѣвск. у. Орловск. г.).

Результатомъ свадебной порчи, кромѣ полового безсилія, является безплодіе, кликушество, «припадки», а также физическое отвращеніе молодыхъ одного къ другому. «Отворожили другъ отъ друга», — такъ опредѣляется обыкновенно этотъ видъ порчи (Шуйск. у. Владим. г.). Въ противоположность половому безсилію, бываетъ иногда и обратнаго рода порча—пріанизмъ (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.).

Но такая порча, разумѣется, случается крайне рѣдко, наиболѣе же часто она выражается въ формѣ «нестоихи», «невстаючки». Испробовавши всѣ деревенскія, по преимуществу, знахарскія средства, какъ къ послѣдней надеждѣ, обращаются въ этихъ случаяхъ къ медицинской помощи.

«— Сына по осени женила,—жалуется крестьянка фельдшеру,— да надѣй нимъ порчу сдѣлали и молодица-то и по сю пору дѣвкой ходить. Ну, вѣстимо, дѣло молодое, кровь-то ходить, охота береть, а ему не въ моготу. Да и сосѣдки-молодицы разговоры поведутъ съ ней на счетъ этого, а ей и отвѣтъ нельзя дать: еще ничего не было».

«— Нѣть ли средствія?—просить и кланяется баба: говорять, капли какія-то бываютъ?» (Карацевск. у. Орловск. г.).

Гораздо чаще въ такихъ случаяхъ фигурируетъ и, кажется, часто не безъ пользы, знахарь.

Еще уходя съ брачнаго пира и прощаюсь съ молодымъ, хорошо угощенный и опытный знахарь, въ ободреніе его, говоритъ:

«— Ты, малый, если что будетъ неладно, завтра пришли за мной: мы это дѣло живо обкомандуемъ».

Въ случаѣ неудачи, молодой посыпаетъ за знахаремъ, тогдѣ приходить.

«— Ну, какъ дѣла?»—спрашивается.

«— Плохо, дядюшка. Нельзя ли помогнуть? Вѣкъ не забуду твоей милости».

«— Помогнемъ, не бойся».

Знахаря сейчасъ же сажаютъ за столъ и начинаютъ усиленно угощать. Достаточно угостившись, онъ требуетъ ведро воды и приказываетъ всѣмъ выйти изъ дома, ведетъ жениха на дворъ, становитъ около воротъ, подгѣб пятной верен, дѣлаетъ наговоръ надъ водой и обливаетъ молодого съ головы до ногъ. При этомъ дуетъ, плюетъ, топаетъ ногами и кривляется на разные манеры. Продѣ-

лавши все это, говоритъ молодому: «ну, теперь конечно, теперь ничего не бойся, лучшимъ манеромъ справишь свое дѣло» (Орловск. г. и у.).

Народное представлениe о различныхъ видахъ и способахъ порчи было бы не полно, если бы мы не упомянули о томъ, что ея возникновеніе приписывается иногда прикосновенію и взгляду.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ростовскаго у. (Ярославск. г.) мнѣніе, что худые люди портятъ, главнымъ образомъ, черезъ прикосновеніе, является, повидимому, даже преобладающимъ. Въ Котельническомъ уѣздѣ (Вятск. губ.) допускается, что порча можетъ быть передана человѣку при ударѣ рукою. Изъ Цензен—го у. сообщаютъ о томъ, какъ колдунъ, будучи сердитъ на одну женщину, схватилъ ее за плечо и та съ этого момента заболѣла. При встрѣчахъ онъ постоянно окликалъ ее, и та падала тотчасъ на землю и начинала биться. Даже дружеское прикосновеніе худыхъ людей является въ нѣкоторыхъ случаяхъ источникомъ порчи. Въ д. Талызиної (Орловск. г. и у.) знахарка испортила молодую женщину тѣмъ, что, какъ бы въ шутку, потрепала ее по плечу. Въ другомъ случаѣ, въ д. Мѣшковой, минувшей колдунья, давая яйцо на Пасхѣ, ударила дружески бабу по плечу два раза: «ту сейчасъ же и подрало, словно кто подъ кожу влѣзъ». Вѣра въ порчу отъ прикосновенія настолько распространена, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянки, при встрѣчѣ съ колдуномъ, предусмотрительно не позволяютъ ему касаться ихъ плеча (Меленковск. у. Владимірск. г.).

Подобное же значеніе приписывается часто и взгляду. По мнѣнію нѣкоторыхъ егорьевскихъ крестьянъ (Рязанск. г.), есть такие колдуны, которые однимъ взглядомъ могутъ изсушить человѣка или свести его съ ума. Такого же мнѣнія придерживаются и дорожобужские крестьяне (Смоленск. г.), допуская, что люди худѣютъ и заболеваютъ отъ одного взгляда колдуна. «Стоитъ только колдуну моргнуть своимъ глазомъ на человѣка и послѣдній тотчасъ же почувствуетъ себя дурно», — такъ думаютъ и многіе грязовецко-вологодскіе крестьяне¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Болховск. у. Орловск. г.) эта

Прикосновение и взглядъ.

¹⁾ Противъ чародѣйской силы колдуновъ народная практика выработала свои мѣры. При свиданіи съ колдуномъ, чтобы онъ не могъ причинить вреда, нужно упереться безыменнымъ пальцемъ о сучекъ, гдѣ бы онъ ни былъ, а при спорѣ или ссорѣ съ колдуномъ слѣдуетъ плонуть ему въ лицо и смотрѣть въ глаза: тогда онъ на время лишается своей силы. Терять онъ эту силу и въ томъ случаѣ, если «вышибить» изъ него кровь. При этомъ необходимо пользоваться осиновой или вязовой палкой, а если нужно совсѣмъ убить колдуна, то этогоничѣмъ другимъ нельзя сдѣлать, какъ только осью изъ лѣтней повозки (Грязовецк. у.

способность производить порчу и вредъ взглядомъ приписывается особенной разновидности колдуновъ, такъ называемымъ «виритникамъ».

Виритникъ имѣть такой ядовитый взглядъ, что если задумаетъ кого-нибудь сглазить, можетъ въ одну минуту сглазить такъ, что тотъ въ одинъ часъ отправится на тотъ свѣтъ, если только не приметъ энергичныхъ мѣръ къ разрушенію взгляда виритника. Поэтому, онъ внушаетъ къ себѣ гораздо болыне страха, чѣмъ самый сильный колдунъ или вѣдьма. Послѣднихъ можно въ сердцахъ и побить, виритника же никогда: его взглядъ разрушаетъ всѣ такія попытки. Въ такихъ случаяхъ онъ, отойдя на три шага, устремляется, будто бы, такой взглядъ на противниковъ, что тѣ totчасъ же начинаютъ кричать: «прости насть! Не будемъ тебя бить, только вынь свой ядъ». Въ эту минуту они ощущаютъ ломоту во всемъ тѣлѣ, у нихъ начинаетъ кружиться голова, появляется боль въ сердцѣ, а руки каменѣютъ такъ, что не только бить, но и кверху ихъ поднять нельзя. По народному мнѣнію, если виритникъ разсердится на цѣлую деревню и пожелаетъ ее извести, то можетъ въ теченіе одного мѣсяца истребить всю, со всѣмъ скотомъ и всей живущей въ ней тварью. Даже птицы, которыхъ въ это время будутъ пролетать черезъ деревню, и тѣ попадаютъ на землю мертвыми: вотъ какова сила ядовитаго взгляда виритника (Орловск. г. и у.). Весьма интересно, что такое же свойство во многихъ мѣстахъ приписывается глазу св. Кассіана (29-го февраля). Если онъ взглянетъ на людей—начинается моръ, на скотину—появляется надежъ, на хлѣба—они пропадаютъ (Скопин. у. Рязанск. г.).

**Сглазъ,
оговоръ и
испугъ.**

Къ числу такихъ же темныхъ и загадочныхъ болѣзней, какъ предыдущія, относятся тѣ, въ основѣ которыхъ лежитъ сглазъ, оговоръ и испугъ. При сглазѣ порча происходитъ не по злой волѣ человѣка, а отъ врожденной способности известнаго лица причинять вредъ всему, на что бы онъ ни посмотрѣлъ, даже безъ какой-либо пред-

Вологодск. г.). Орловцы, для того, чтобы пустить колдуну кровь, прямо рекомендуютъ «бить его по носу, разбить ему губы или зубы», а въ болѣе легкихъ случаяхъ—ударить его наотмашь и сказать: «чуръ меня». Тѣ же орловцы, для обезвреживания колдуна, поить его чистымъ дегтемъ, смѣшаннымъ съ лошадиными испражненіями, и прокалывать лѣвое ухо, но иногда пользуются и болѣе невинными средствами. Хорошо, оказывается, пробить тѣнъ колдуна осиновымъ коломъ и пользоваться палкой съ прожженнымъ концомъ. Такой палкой, при встрѣчѣ съ колдуномъ, слѣдуетъ едѣвать кругъ на землѣ и встать на его серединѣ: тѣда колдунъ ничего не можетъ сдѣлать.

взятой мысли: таково печальное и непонятное свойство некоторыхъ людей. Хотя въ прямомъ смыслѣ и это есть порча, но въ такихъ случаяхъ уже не говорять—«испортили», а говорятъ лишь—«сглазили», или «приключилось» съ глазу.

Иногда глазу приписывается лишь легкое недомоганіе—головная боль, соединенная съ зѣвотой, а иногда всѣ болѣзни внезапныя, особенно сопровождающіяся тяжелымъ общимъ чувствомъ и жаромъ (Керенск., Городищенск. и Саранск. уу. Пензенск. г.).

Сглазу же приписываются параличи и другія заболѣванія, причина которыхъ является для крестьянина неясной и темной (Масальск. у. Калужск. г., Пощеконск. у. Ярославск. г.). Особенною воспріимчивостью къ глазу отличаются дѣти, имѣющія способность заболѣвать не только отъ порицанія, но даже похвалы, послѣ того, какъ ими любовались (Сарапульск. у. Вятской губ., Ливенск. у. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.). Въ виду той опасности, которую представляеть для дѣтей сглазъ, ихъ во многихъ мѣстностяхъ избѣгаютъ даже показывать постороннимъ, незнакомымъ людямъ. Недобрыми глазами чаще всего считаются черные, большие, блестящіе и глубоко впавшіе¹⁾.

Такое же значеніе, какъ глазу, приписывается дѣйствію дурныхъ или сказанныхъ «не въ честь» словъ и смѣха. Дѣйствующая въ этихъ случаяхъ причина называется въ некоторыхъ мѣстахъ «обуроченіемъ», или «изуроченіемъ», а происходящія отъ этой причины болѣзни опредѣляются словомъ «уроки». Сдѣлается у кого-нибудь лихорадка, заболить голова или заноетъ нога, это больного «взяли уроки», или его кто-нибудь «обурочилъ» (Никольск. у. Вологодск. г.). Къ урокамъ же относятъ тошину и тяжесть въ области желудка

¹⁾ По Афанасьеву, вѣра въ призоръ или сглазъ, общая всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, связана съ древнимъ культомъ солнца и грозы: то, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ (засухи, неурожай, болѣзни и пожары, въ зависимости отъ знайаго блеска солнечного ока и сверкающихъ взоровъ Перуна), впослѣдствіи было понято буквально и перенесено человѣкомъ на самого себя. Даль эту вѣру объясняетъ дѣйствительнымъ вліяніемъ какой-то скрытой и необъяснимой силы человѣка: «безспорно, есть люди,—говорить онъ,—одаренные какой-то темной, непостижимой для настѣ силой и властью поражать приковываніемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношеніи подчиненное, слабѣшее существо, дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, обнаруживать на него, временно, явно какое-либо дѣйствіе. Ученые называютъ это магнитизмомъ, а народъ сглазомъ». Даль. «О повѣрьяхъ, сувѣріяхъ и предразсудкахъ русского народа». 1881 г.

и рѣшаютъ: «должно быть, изурочили» (Сарапульск. у. Вятск. г.). Особенно неблагопріятныя послѣдствія имѣютъ слова, сказанныя въ худой часъ. У каждого человѣка, въ теченіе сутокъ, есть свой худой часъ. Этотъ часъ всякий можетъ подмѣтить, если будетъ внимательно слѣдить за своею жизнью: всѣ несчастія и непріятности случаются съ человѣкомъ въ этотъ опредѣленный часъ (Козельск. у. Калужск. г.).

Болѣзни, происходящія отъ оговора, иногда носятъ специальное название — «озыкъ». Отъ озыка происходятъ многія внутреннія и нервныя болѣзни, въ особенности ему приписываются, новидимому, нѣкоторыя формы нѣрастеній.

По мнѣнію народа, находящійся въ озыкѣ, собственно, ничѣмъ не боленъ, однако, не домогаетъ, но только потому, что его «озыкнули», т. е. признали больнымъ другіе люди, а ему подумалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ боленъ: вотъ, «отъ думы» ему и приключилось (Кадниковск. у. Волог. г.).

«Сглазили», «оговорили» — очень частое происхожденіе болѣзней, въ особенности соединенныхъ съ исхуданіемъ заболѣвшаго. Если ребенокъ, молодая дѣвушка или парень будуть блѣднѣть, худѣть и сохнуть, причина лежитъ непремѣнно въ чьемъ-нибудь глазѣ или оговорѣ, всегда найдется человѣкъ, который это сдѣлалъ и подыщется случай, когда это произошло. Съ глазу и оговору можетъ пропасть молоко у женщинъ послѣ родовъ, приключиться всякая другая болѣзнь и кончиться даже смертью больного.

« — Это они, значитъ, съ ребятами поѣхали въ ночное лошадей стеречь, — объясняетъ мать потерю сына, — а вы сустѣтились съ ними, глянули на моего-то, засмѣялись это промежъ себя, да и говорите: виши, малый-то какой, на кукушечку похожъ. Енъ тѣмъ же вечеромъ воротился: въ ночномъ, значитъ, его взяло, вступило ему въ голову, въ животъ начало горѣть, денечка четыре промаялся, а тамъ Богу душу отдалъ».

« — Что же, ты лечила его?»

« — И, да, што тамъ лечить: люди не присудили, потому, говорятъ, это у него съ оговору, все одно, никакое лекарство не поможетъ».

Одной изъ довольно частыхъ причинъ заболѣваній считается въ деревнѣ также испугъ. Словами «заболѣть съ испугу, испужанъ, измѣшанъ» всего чаще опредѣляется происхожденіе такихъ страданій, которыя относятся къ идиотизму, умопомѣшательству, истеріц, эпилепсіи и кликушеству. Представляя часто совпаденіе и случайность, простое *post hoc, ergo propter hoc*, испугъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, коре-

нясь на почвѣ крайнихъ суевѣрій народа, является дѣйствительно ближайшимъ причиннымъ моментомъ нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваній и играетъ въ такихъ случаяхъ роль какъ бы самовнушенія. Нѣкоторые калужскіе, пензенскіе, орловскіе и другіе крестьяне до сихъ поръ не потеряли вѣры въ «насыльного» бѣса, который можетъ принять видъ какого-нибудь животнаго или птицы и, появившись неожиданно передъ жертвой, произвести то или другое заболѣваніе. При суевѣрно настроенному воображеніи самые простые случаи въ состояніи производить потрясающее впечатлѣніе и создавать непоколебимую увѣренность въ неизбѣжности такого заболѣванія. «Сидимъ это мы, прядемъ»,—передаетъ баба,—а на дворѣ ночь темная, претемная. Вдругъ, будто курица заклохтала, а онъ у насъ въ сѣнцахъ, на переметъ сидѣли,—я и говорю: поди-ка, Наська, глянь-ка, что это тамъ съ курами подѣялось? А она только, это, за крюкъ взялась, какъ шаркнетъ ей подъ ноги кошка, я это скорѣй къ дверямъ, запираю, а дѣвка-то, глянь подъ лавку, а тамъ ужъ не кошка, а курица рябая: это онъ такъ обернулся. Вотъ, съ той поры въ дѣвку и вступило».

Есть еще очень загадочная деревенская болѣзнь «притка». Къ приткѣ относится все то, что случается съ человѣкомъ внезапно. Если кто оступится и захромаетъ — это притка, если сдѣлается ударъ и отнимется рука, нога или языкъ — это тоже притка.

«Вотъ, попрятчилось ему что-то — говорятъ про больного: — надысь шель съ гумна, вдругъ, въ бокъ колынетъ, такъ съ того времени и слегъ, словно въ дурное мѣсто ступилъ» (Керенск. у. Пензенск. г.).

Безъ сомнѣнія, многіе виды порчи, какъ она рисуется народнымъ представлениемъ, въ дѣйствительности обнимаютъ собою болѣзnenные случаи, развитіе которыхъ стоитъ въ зависимости отъ физическихъ и нѣкоторыхъ другихъ агентовъ и факторовъ здоровья. Въ особенности это относится къ порчѣ, пущенной по вѣтру, по водѣ и примѣшанной къ пищѣ и питью. Имѣя въ болѣзнистѣ случаевъ болѣе чѣмъ слабое представление о сущности и происхожденіи заболѣваній и столь же мало понимая значеніе для здоровья недоброкачественной воды и пищи, немудрено, что нашъ народъ всѣ подобныя заболѣванія относитъ по преимуществу къ порчѣ.

Если, такимъ образомъ, въ известномъ, притомъ значительномъ рядѣ случаевъ, народная вѣра въ порчу является исключительно результатомъ невѣжества и недостатка положительныхъ знаній въ нашемъ народѣ,—источникъ этой вѣры въ отношеніи происхожденія многихъ нервныхъ, а также нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваній, напротивъ, имѣть за собой достаточно реальную основу.

Порча и
сглазъ, наль
внушеніе.

Въ настоящее время, когда внушеніе пріобрѣло, до извѣстной степени, научныя основанія, едва ли можно къ народной вѣрѣ въ порчу относиться съ тою пренебрежительностью, съ какой къ ней относились еще очень недавно, и едва ли можно считать натяжкой утвержденіе, что сущность и происхожденіе многихъ случаевъ порчи заключается не въ чемъ иномъ, какъ во внушеніи. Это послѣднее понятіе и народное понятіе о порчѣ, примѣнительно къ извѣстной группѣ заболѣваній, безъ сомнѣнія, могутъ считаться между собою тождественными. Замѣчательно, что нашъ народъ названіе «порченыхъ» даетъ почти исключительно нервнымъ больнымъ и примѣняетъ его къ случаямъ деревенской истеріи—кликушества, истеро-эпилепсіи, нейрастеніи, психической импотенціи новобрачныхъ, къ нѣкоторымъ случаямъ душевныхъ заболѣваній и т. п. То предрасположеніе, которое требуется для внушенія, создается въ нашемъ народѣ, главнымъ образомъ, той глубокой вѣрой въ порчу, которая такъ крѣпко укоренилась въ немъ. Помимо этой общей причины, въ отдельныхъ случаяхъ получаетъ извѣстное значеніе и чисто индивидуальное предрасположеніе, а также личное настроеніе, создаваемое исключительными жизненными моментами. Такую восприимчивую и благодарную почву для всякаго рода внушенія представляеть, напримѣръ, повышенное нервное настроеніе новобрачныхъ или боязнь заболѣванія, доходящая до паники и охватывающая деревенское населеніе при появлениі въ деревнѣ одного или нѣсколькихъ случаевъ, а иногда и цѣлой эпидеміи кликушества. При подобныхъ условіяхъ, одного изъ тѣхъ моментовъ, изъ которыхъ, по народнымъ понятіямъ, слагается порча, достаточно для того, чтобы вызвать дѣйствительное заболѣваніе. Въ этихъ случаяхъ, въ видѣ внушенія и самовнушенія, одинаково могутъ дѣйствовать какъ взглядъ и прикосновеніе, такъ и сказанное съ умысломъ или безъ умысла слово, простая встрѣча съ извѣстнымъ лицомъ, полученіе изъ рукъ его какой-нибудь вещи, питья, пищи и т. п.

Говоря объ этихъ видахъ порчи, какъ о внушеніи, мы не можемъ не отмѣтить, что чуткая и непосредственная душа народа уловила то вліяніе духа на духъ и тотъ циклъ явлений, которыя до сихъ поръ отвергались наукой и только въ самое послѣднее время начали укладываться въ рамки «внушенія» (Брайдъ, Шарко, Льэбо, Бернгеймъ¹⁾).

¹⁾ Не говоря объ оккультизмѣ, теченіи, очень распространенному во Франціи и поддерживаемомъ такими научными представителями, какъ Ш. Ришэ (физиология и психологъ) и Фламмаріонъ, уже «внушеніемъ», какъ точно установленной

При этомъ замѣчательнымъ является соотвѣтствіе между указаніемъ Шарко и его школы относительно значенія личности экспериментатора при гипнотическомъ внушеніи и той вѣрой, которая связывается народомъ съ порчей: снять ее можетъ только тотъ же колдунъ, который причинилъ порчу, или же колдунъ, гораздо болѣе сильный¹.

Безъ сомнѣнія, въ народномъ учениі о порчѣ грубые предразсудки и суевѣрія должны быть отдѣлены отъ того, что составляеть факты вѣрного наблюденія. Съ этой стороны, народныя вѣрованія въ порчу представляютъ широкое и благодарное поле для изслѣдованія со стороны земскихъ врачей. Эти изслѣдованія представлять интересъ не только въ бытовомъ отношеніи, но они выработають и тѣ своеобразные методы, которые должны быть положены въ основу леченія этихъ видовъ заболѣваній¹).

Не разрѣшая вопроса о порчѣ во всей полнотѣ его значенія и ограничиваясь объективной задачей изображенія воззрѣній народа на порчу, лишь только какъ на одну изъ болѣзнетворныхъ причинъ, мы, съ чисто бытовой точки зрѣнія, отмѣтимъ, въ чемъ, по понятіямъ народа, заключается специфичность той силы, при посредствѣ которой производится порча, или, что одно и то же, внушеніе. Порча есть не только сознательный актъ и выраженіе злой воли человѣка, но почти всегда есть результатъ проявленія дьявольской силы: злой человѣкъ, и причиняющій порчу, есть только

научной системой, безъ особенной натяжки, можетъ быть объяснена тѣхноторая часть даже такихъ явлений, которые приписываются народной вѣрой взгляду и сглазу. Въ настоящее время признается особый видъ внушенія безъ сна, достигаемый посредствомъ фиксации глазъ и называемый Гиршемъ состояніемъ бодрствованія съ повышенной внушаемостью (Captivation). Внѣ всякихъ сомнѣній стонѣть также парализующее дѣйствіе взгляда крупныхъ змѣй и хищныхъ животныхъ на животныхъ меньшей величины и такое же дѣйствіе на животныхъ взгляда укротителей звѣрей (очарованіе). D-r Loewenfeld. «Der Hypnotismus». Wiesbaden. 1901.

По сообщенію Ляфонтена, такое оцѣненіе можетъ иногда кончаться даже смертельнымъ параличомъ: взятая въ руки жаба издыхаетъ въ нескользко минутъ, подъ вліяніемъ устремленаго на нее упорного и пронизывающаго взгляда. Ch. Lafontaine. «L'art de magnetiser». Paris. 1886.

¹) Земскіе врачи, мало индивидуализируя, съ народной точки зрѣнія, подобного рода заболѣванія, примѣняютъ къ нимъ почти исключительно лекарственную терапію. Лишь въ самое послѣднее время начинаютъ появляться попытки такой индивидуализаціи, съ примѣненіемъ пріемовъ лечебнаго внушенія. «Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни». Д-ра мед. Н. В. Краинского, съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. 1900 г.

факторъ этой послѣдней силы. Такимъ образомъ, тому несомнѣнному вліянію, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, одинъ человѣкъ въ состояніи оказывать на другого и которое подтверждается пѣльмъ рядомъ фактovъ народнаго наблюденія, народъ придалъ демонологический характеръ, отдавъ этимъ дань тому міровоззрѣнію, во власти которого онъ находился и находится до настоящаго времени.

*Передача
болѣзней и
дѣйствіе не-
одухотворен-
ныхъ при-
чинъ.*

Помимо порчи, болѣзнь можно иногда получить черезъ передачу ея кѣмъ-нибудь другимъ, черезъ «подбросъ» и «относъ». Такимъ образомъ передаются, напр., бородавки, насморкъ, лихорадка, собачья старость, или сѣдунъ (англійская болѣзнь). Эта передача совершается или черезъ какіе-нибудь наговоренные предметы, которые бросаются на дорогѣ, межѣ и т. п., или черезъ платье, снятое съ больного и гдѣ-нибудь оставленное. Во всѣхъ этихъ случаяхъ болѣзнь переходитъ на того, кто подниметъ или возьметъ эти предметы ¹⁾.

Вотъ почему поднять какую-нибудь вещь на межѣ или на перекресткѣ крестьяне всегда опасаются. Поднявший долженъ отнести вещь на прежнее мѣсто и тамъ три раза плюнуть на сторону (Масальск. у. Калужск. г., Чембарск. у. Пензенск. г.). За несоблюденіе необходимой осторожности въ такихъ случаяхъ можно жестоко поплатиться.

«— Ёду я однажды,—рассказывастъ крестьянка С-ва,—глядяу, узелочекъ. Я, вѣстимо, бабье дѣло, и подняла. Поглядѣла; рубаха, крестъ, поясъ, щепочка и угольки. Положила въ сани, ёду. На возвратномъ пути нагоняю старуху Мышину, прозвище ей такое, посадила ее и рассказала про находку. Старыѣ-то человѣкъ не то, што мы, глупыя, какъ ахнетъ, руками-то всплеснетъ, да и закричитъ—неси скорѣй туда, гдѣ подняла: это, баба, на дурное! Отнесла, но съ той поры я не баба стала: тоска, ёды лишилась, ни дѣти, ни дворъ не милы. Съ годъ мучилась, пока на человѣка не попала, который наговорилъ и снялъ. А другая наша сельчанка яйцо у колодца подняла и съ той же поры на голоса зачала кричать, дотоль кричала, поколь на тотъ свѣтъ не пошла» (Каравеевск. у. Орлов. г.).

¹⁾ Способы, которыми передаются болѣзни, болѣе подробно будутъ указаны въ отдѣлѣ «Суевѣрныя средства лечения». Въ основѣ этого вѣрованія, безъ сомнѣнія, лежитъ подмѣченный народомъ фактъ распространенія нѣкоторыхъ болѣзней, инфекціоннаго характера, черезъ вещи, бывшія въ соприкосновеніи съ больными.

Въ другихъ случаяхъ виновникомъ болѣзни является самъ больной: нѣкоторыя сыпи, напр., вѣтреница, или летучій огонь (*herpes labialis*) происходятъ отъ «подуму» и человѣкъ заболеваетъ ими, глядя на больного съ другой сыпью. Иногда, впрочемъ, сыпь привязывается и съ вѣтру (Череповецк. у. Новг. г.).

Вообще, область таинственного въ дѣлѣ происхожденія болѣзней чрезвычайно велика и разнообразна.

Болѣзни часто могутъ вызывать и неодухотворенные причины и иногда онѣ такъ пусты и ничтожны, что, кажется, если не та, то другая болѣзнь сторожить каждый шагъ и каждое неосторожное дѣйствие крестьянина. Обнаруживается полная скудость разумныхъ взглядовъ на причины заболѣваемости и открывается широкое господство суевѣрій. Въ Новгородской г. существуетъ у дѣтей болѣзнь «щетинка», «щекотунъ». Причина этой болѣзни въ высшей степени проста: если беременная женщина tolknеть случайно или нарочно поросенка, то родившійся младенецъ заболеваетъ щетинкой, т. е. будетъ плакать дни и ночи, не давая никому покоя, отъ раздраженія щетинками, которыя появляются на поверхности его тѣла. Интересенъ спосѣбъ распознаванія этой болѣзни, необходимый для пѣлей ея леченія. Для опредѣленія, точно ли у ребенка щетинка, мать третъ своею щекою о спинку дитяти, или же, взявъ его на печь, «выстрекиваетъ» молоко на спинку ребенка и начинаетъ поглаживать ладонью. Если у ребенка точно щетинка, то сначала появляются на спинѣ, будто бы, черныя точечки, а затѣмъ и волосики. Интересна также болѣзнь, извѣстная въ Орловской губ. подъ названіемъ «круги». Круги—сыпи, имѣющія круговидное расположение, появляются непремѣнно и всякий разъ у тѣхъ, кто переходитъ черезъ каталица—мѣста, где каталась лошади, всегда обозначаемыя очертаніями нѣсколькихъ круговъ. Чтобы не заболѣть кругами, орловскіе крестьяне избѣгаютъ переходить танія каталица или, въ предупрежденіе заболѣванія, плюютъ три, а то и девять разъ на землю.

«— Ты, стало быть, ослѣпъ, что ишь прямо на каталище?— журишъ одинъ мужикъ другого:— я думаю, можно разсмотретьъ. Если ужъ ты не разматриваешь, гдѣ ходишь, то, когда пройдешь по каталищу, обратись назадъ и 9 разъ плюнь, таданичаво не будетъ. Лошадиное каталище еще можно вылечить у знахарки, а, помилуй Богъ, ступить на собачье каталище, вотъ, тада узнаешь: все тѣло будетъ въ кругахъ, што нельзя будетъ ни сѣсть, ни лечь, а выговоромъ собачье каталище не возьмешь: не беретъ».

Подобнымъ же образомъ происходит письакъ (ячмень). Причина этой болѣзни—собака, песь: если человѣкъ ѓсть что-нибудь и не дастъ собакѣ, которая глядить ему въ глаза, то непремѣнно сядеть письакъ (Орловск., Новгородск., Вологодск. и др. гг.). Кто стѣсть кусокъ хлѣба, мяса или обгложеть кость, предназначеннуя собакѣ, у того подъ мышками появятся «сучьи сиськи» ¹⁾. Если черезъ ребячью пеленку перебѣжть собака, въ ребенка «увяжется сущецъ», или собачья старость ²⁾.

Вообще, многимъ непонятнымъ, отступающимъ отъ нормы явленіямъ дается чисто суевѣрное объясненіе: рождается ребенокъ съ обмотанной во кругъ шеи нѣсколько разъ пучиной, значитъ, мать, когда была беременна, мотала нитки на святкахъ, по вечерамъ; идутъ роды медленно и затягиваются на болѣшій промежутокъ времени, чѣмъ слѣдуетъ, значитъ, она, будучи беременной, оступалась, переходила черезъ оглобли или перешагнула черезъ помело (Болховск. у. Орловск. г., Яранск. у. Вятск. г., Макарьевск. у. Костромск. г.).

Едва ли есть какая-либо надобность разбирать и проводить разницу между дѣйствительными причинами заболѣваній деревни и тѣми воображаемыми, какъ ихъ представляютъ себѣ народъ: разница между ними такъ же велика, какъ между голой и неприглядной дѣйствительностью и самой крайней, несбыточной фантазіей.

Если взять эти послѣднія причины въ томъ видѣ, какъ онѣ вырисовываются народными воззрѣніями, и исключить три дѣйствительно болѣзнетворныхъ фактора, допускаемыхъ народомъ—простуду, тяжелую работу и старость, присоединивъ сюда и дурную кровищу, въ представленіи о которой видны зачатки кое-какихъ физіологическихъ и раціональныхъ понятій, то окажется, что вся остальная народная теорія о причинахъ возникновенія болѣзней почти сплошь обоснована на суевѣріяхъ.

Сравнивая первую группу этихъ воззрѣній со второй, чисто и всецѣло суевѣрной, мы увидимъ, что послѣдняя заключаетъ въ себѣ гораздо больше опредѣленности, глубже исчерпываетъ предметъ и является не только болѣе обширной, но и болѣе детально

¹⁾ Воспаленіе подмышечныхъ лимфатическихъ железъ (Юхновск. у. Смоленск. г.).

²⁾ Рачитъ.

разработанной. Суевърныя воззрѣнія народа часто обнимаютъ со-бою и касаются такихъ мелочей, что, будь они направлены въ разумную сторону, они не свидѣтельствовали бы только о безплодной пытливости ума, а дѣлали бы большую честь народной наблю-дательности.

Всѣ эти воззрѣнія стары, какъ старъ народъ, и ни время, ни новизна нѣкоторыхъ условій народной жизни не могли сдѣлать ихъ болѣе разумными. Мы будемъ имѣть потомъ возможность показать, что земская медицина, несмотря на краткость своего существова-ванія сравнительно съ тысячелѣтней жизнью народа, оказала на него неоспоримое вліяніе, измѣнивъ взгляды на лечение, больницы и нѣкоторыя заразныя болѣзни, но она не повліяла на выработку народомъ общихъ разумныхъ воззрѣній на здоровье, требующихъ для своего образованія всегда и больше времени и опыта, и болѣ-шой суммы и опредѣленности тѣхъ подготовительныхъ понятій, изъ которыхъ формируются общія. Вотъ почему всѣ тѣ воззрѣнія народа на заболѣваемость, которыя суть извѣстнымъ правомъ можно отнести къ разряду раціональныхъ и разумныхъ, почти такъ же древни, какъ и чисто суевърныя, слишкомъ односторонни и бѣдны, и обнаруживаются до нельзя малую наблюдательность народа отно-сительно всего того, что фактически касается его здоровья. Нельзя не удивляться тому обстоятельству, что лишь въ видѣ исключеній встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія о сознаніи народомъ чистоты, какъ фактора здоровья и какъ хотя бы до извѣстной степени сложившагося гигієническаго понятія. Если это понятіе и существуетъ у народа, то скорѣе, какъ религіозное: извѣстно, что нашъ крестьянинъ чистится и моется почти исключительно передъ праздниками. Слишкомъ мало также указаний, которыя бы гово-рили о сознаніи и значеніи для здоровья неудобоваримой пищи и недоброкачественной воды и которыя бы связывали появление желудочно-кишечныхъ разстройствъ съ этими факторами здоровья. Такого сознанія почти нѣть, какъ по отношенію къ взрослымъ, такъ и дѣтямъ, и причины непомѣрно высокой дѣтской смертности великорусскихъ губерній, какъ мы видѣли это выше, лежать именно въ отсутствіи такого сознанія.

Желудочно-кишечныя заболѣванія какъ дѣтей, такъ и взрос-лыхъ, крестьянинъ припишетъ чemu угодно—простудѣ, пупу, грызи, порчѣ и т. п., но только не свяжетъ ихъ ни съ пищей, ни съ питьемъ и развѣ только при массовыхъ заболѣваніяхъ, напр., при холерѣ, когда связь употребленія воды съ развитиемъ болѣзни ста-

новится ясной до очевидности, рѣшить, что воду «не иначе, какъ отравляютъ», и подчасъ припишетъ эту отраву докторамъ.

Уже одно это нелѣпое убѣжденіе, значительно распространенное, указываетъ, насколько далеко стоитъ нашъ народъ отъ истиннаго пониманія значенія для здоровья вредныхъ свойствъ воды: свойства эти вода можетъ, по его понятіямъ, пріобрѣтать только путемъ намѣренного внесенія въ нее отравы, яда.

Такимъ образомъ, у народа отсутствуютъ одни изъ самыхъ элементарныхъ понятій о здоровьѣ, они не привились ни школой, ни институтомъ земской медицины и не выработались наблюдениемъ.

Почва зна-
харства въ
современной
деревнѣ.

II. Знахарство.

Вѣка, въ теченіе которыхъ народъ, въ дѣлѣ врачеванія, былъ предоставленъ самому себѣ, и весьма слабое развитіе среди него истинныхъ понятій о сущности заболеваній создали настолько прочныя условія для процвѣтанія знахарства, что знахарь, этотъ единственныи врачеватель народа, почти до самаго послѣдняго времени, нерѣдко и въ настоящее время представляеть изъ себя въ деревнѣ силу, сть которой приходится считаться.

Хотя земская медицина, за время своего 35-лѣтняго существованія, нанесла знахарству тяжелый ударъ, но этотъ ударъ лишь пробилъ, а не разрушилъ той стѣны, которая, въ силу вѣковыхъ условій, должна отѣлять научную медицину отъ народа: 35 лѣтъ слишкомъ небольшой срокъ для того, чтобы народъ, въ теченіе этого промежутка времени, могъ кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на существо и причины болѣзней и отрѣниться отъ тѣхъ способовъ врачеванія, которые онъ выработалъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Медицина — не всемогуща и въ лучшемъ случаѣ она могла бы функционировать и приносить свои плоды среди народа въ такой же мѣрѣ, какъ среди нанихъ образованныхъ и обеспеченныхъ классовъ. Но самая лучшая стремленія убѣжденныхъ и преданныхъ дѣлу земскихъ врачей всегда разбивались о трудность, а иногда и прямую невозможность, во многихъ случаяхъ, примѣнить научную медицину къ практикѣ деревенской дѣйствительности. Многія условія, среди которыхъ приходится работать деревенскому врачу, дѣйствительно, неодолимы: врачъ очень часто долженъ лечить же гудочно-кинечные заболѣванія при полномъ отсутствіи какой бы то ни было возмож-

ности для крестьянина соблюдать хотя бы самую элементарную діту; онъ долженъ лечить массу накожныхъ болѣзней, разнаго рода нагноительные процессы, раны, язвы и пр., при грязи, которой покрыто тѣло, пропитана одежда и которой полна изба крестьянина; при той же обстановкѣ и часто въ избѣ, переполненной, сверхъ членовъ семьи, еще четвероногими жильцами, врачъ долженъ нерѣдко вести борьбу съ инфекционными заболѣваніями, разнаго рода тифами, скарлатиной, дифтеритомъ и т. п. Громадность разстояній, съ которой долженъ считаться врачъ, случайность и мимолетность появленія его у крестьянина, или крестьянина у него, и невозможность постояннаго наблюденія за постепеннымъ ходомъ болѣзни деревенскихъ пациентовъ увеличиваютъ трудность положенія врача. Если къ этому прибавить, что крестьянинъ, по всему складу своихъ понятій о существѣ болѣзней, стоитъ далеко отъ рациональной медицины и что онъ, въ большинствѣ случаевъ, и не придаетъ значенія для здоровья ни чистотѣ, ни пищѣ, ни питью, что, въ силу роковыхъ и трудно устранимыхъ условій, онъ будетъ, напр., пить воду изъ колодца, зараженную испражненіями заболѣвшаго брюшнымъ тифомъ его сосѣда или родственника изъ одной съ нимъ семьи,— нужна совокупность благопріятныхъ моментовъ и случайностей для того, чтобы, при подобныхъ условіяхъ, какая-либо начавшаяся эпидемія не имѣла распространенія, какой-нибудь отдѣльный больной выздоровѣлъ или получилъ облегченіе. На такой почвѣ создается, съ одной стороны, очень многое условія для развитія скептическаго отношенія народа къ медицинѣ, а съ другой—развивается не разумное довѣріе народа къ врачу, а во многихъ случаяхъ лишь простая вѣра во врача, такая же вѣра, какую прежде питалъ крестьянинъ къ знахарю, такъ какъ оцѣнить и понять, отчего получился успѣхъ лечения въ одномъ случаѣ, и отчего безплоднымъ осталось лечение въ другомъ, онъ не въ состояніи.

Выздоровѣлъ больной — и во врача создается вѣра, умеръ или не получилъ больной облегченія — и вѣра во врача пропадаетъ.

Что же удивительного въ томъ, если при подобныхъ условіяхъ нашъ крестьянинъ, по старой, протоптанной дорожкѣ, идетъ нерѣдко къ своему старинному знакомому — знахарю, вѣрить въ котораго онъ привыкъ гораздо раньше, чѣмъ во врача?

Поэтому многіе напрасно думаютъ, что знахарство уже совсѣмъ отжило свое время, не имѣть подъ собою почвы и, какъ система и профессія, не существуетъ.

Знахарство—старое преданіе, но для многихъ мѣсть нашего отечества оно все еще ново и ему приходится вѣрить и теперь¹⁾.

Обращеніе крестьянина къ знахарю, съ его точки зренія, во многихъ случаяхъ, совершенно логично и послѣдовательно. Разъ известное заболеваніе произошло не по той или иной физической причинѣ, а случилось отъ вмѣшательства нечистой силы, порчи, напуска по сердцамъ, глаза, слова и т. п., то и средства лечения должны соответствовать причинамъ заболѣванія и должны быть имъ равносильны: эта вѣра народа въ существованіе какихъ-то таинственныхъ силъ, прекращающихъ болѣзни, есть лишь слѣдствіе его иѣры въ такія же силы, которыхъ производятъ болѣзни.

Въ основѣ этой вѣры и въ существѣ знахарства лежитъ, такимъ образомъ, своего рода принципъ: «*similia similibus cingantur*».

Помимо этихъ основныхъ условій, существуютъ и нѣкоторыя другія, частичные причины, поддерживающія знахарство въ народѣ. Говоря о нихъ, одинъ изъ сотрудниковъ, г-нъ Сахаровъ²⁾, обращаетъ вниманіе на слѣдующую сторону вопроса: «если,—говорить онъ,—знахари и не достигаютъ прямой цѣли помочь больному, то они разными механическими дѣйствіями, употребляемыми при заговорахъ — поглаживаніями, постукиваниями и нащипываніями значительно успокаиваютъ нервы больного. Извѣстная обстановка и таинственность, запахъ какихъ-то травъ, окуривание—все это, такъ или иначе, дѣйствуетъ на психическую сторону больного, и въ особенности крестьянина, вѣрующаго и въ силу чорта, и могущество колдуна. Достаточно больному крестьянину небольшого подъема духа, чтобы улучшеніе состоянія болѣзни было приписано таинственной волѣ чародѣя. Многіе деревенскіе знахари, начавъ свою профессію шарлатанствомъ, настолько убѣдились въ своей силѣ и вошли въ роль, что даже подъ клятвой говорятъ, что они что-то знаютъ. Естественно, что такая самоувѣренность знахаря передается и больному. Какъ одно и то же лекарство, но прописанное различными докторами, способно оказать большую пользу въ томъ случаѣ, когда оно назначено докторомъ, внушающимъ къ себѣ больше довѣрія, такъ и простая вода способна оказать чудеса при вѣрѣ въ знахаря.

¹⁾ Этой вѣры въ знахарство, судя по успѣхамъ Гачковскаго, барона Вревскаго и въ послѣднее время Бадмаева въ Петербургѣ, не лишена известная часть даже нашего образованнаго общества.

²⁾ Болховск. у. Орловск. г.

НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА.

«Успѣхъ знахарей и бабоекъ,—продолжаетъ далѣе онъ,—я еще объясняю тѣмъ, что крестьяне очень любятъ поговорить про свою болѣзнь или, какъ они выражаются, «отвести душу». Между тѣмъ, врачи часто обрываютъ ихъ на полусловѣ, не давъ высказаться. Уходя отъ врача съ лекарствомъ, но въ скверномъ настроеніи духа, крестьяне думаютъ: «вотъ, путемъ и не разспросилъ меня, а тоже лекарство дать; должно больше, чтобы отвязаться». Если же при этомъ дано еще безвкусное лекарство, тогда вѣра въ доктора потеряна уже окончательно: «далъ воды». Другое дѣло у знахарки. Знахарка постарается увѣритъ его въ большой пользѣ отъ ея лекарства и приведетъ много случаевъ исцѣленія при помощи ея. Отъ знахарки крестьянинъ возвращается въ хорошемъ расположеніи духа, да притомъ и лекарство ея очень горько и имѣеть цвѣтъ, что, по мнѣнію крестьянъ, очень важно. Это не то, что у доктора, лекарство котораго и безцвѣтно, и безвкусно, да и порція почтеннѣа у знахарки: по цѣлой кружкѣ пить приказала, а докторъ только по ложкѣ. «Вотъ снадобье,—говорилъ мнѣ одинъ сифилитикъ-крестьянинъ, лечившійся у знахарки,—какъ выпьешь—нѣбо съ овчинку покажется, такъ вомарекъ и водить, мѣста себѣ не найдешь, а докторъ что? Даетъ такъ, что ни то, ни се». Лекарство врача состояло изъ юдинаго калія, а лекарство знахарки—изъ сулемы, квасцовъ и купороса».

Нельзя не согласиться съ г. Сахаровымъ въ томъ, что взаимнаго пониманія гораздо больше между знахаремъ и крестьяниномъ, чѣмъ между послѣднимъ и врачомъ. Какъ бы ни былъ хороши врачи и какъ бы сердечно не относился къ крестьянину, онъ отдаленъ отъ него и своимъ строемъ понятій, и всѣмъ складомъ жизни; онъ хоть и не чиновникъ, и не баринъ, все же для крестьянина чужой человѣкъ, не свой братъ, какъ знахарь.

Заставляютъ крестьянина обращаться къ знахарю и другія побужденія. Извѣстно, что нашъ крестьянинъ, по натурѣ болѣйшей практикѣ, очень не любить лежать въ болѣзни, работаетъ до послѣдней возможности и, заболѣвъ, ищетъ средствъ вылечиться какъ можно скорѣе. Не имѣя даже приблизительного понятія о ходѣ физиологическихъ процессовъ и крѣпко вѣря, что противъ каждой болѣзни существуетъ свое особенное лекарство, которое дѣйствуетъ чуть ли не магически, и надо только умѣть найти его, онъ часто идетъ къ знахарю, въ погонѣ за такимъ средствомъ.

Г-жа С—ва¹⁾ сообщаетъ обѣ одномъ типичномъ случаѣ, гдѣ ле-

¹⁾ Орловск. г. и у.

ченіе больної, получившій тяжелые ожоги, изъ рукъ врача и г-жи С., дѣлавшій больної перевязки, перешло къ знахаркѣ. Больная стала уже поправляться и успѣхъ леченія признавался и самой больної, и ея семейными, но всѣ они были недовольны медленностью леченія и стали поговаривать, что если все тѣмъ же пользовать больную, такъ она, пожалуй, и черезъ мѣсяцъ не выздоровѣеть.

«— Есть другія средства, что скорѣе помогаютъ», — заявляютъ они.

«— Какія же это средства?»

«— Да мы того не знаемъ, а да бають, что ожогъ скорѣе проходитъ, коли его другимъ чѣмъ полечить. Вонъ, въ Салтыкахъ есть женщина; она хошь и не очень старая, а знаетъ всякия средства, отъ всякихъ болѣстей, а отъ ожоговъ человѣкъ пятнадцать ужь пользовала».

«— Ну, хоть она и знаетъ всякия средства, а все не большие доктора».

«— Ни, матушки! Доктора-то больше надъ больными валандаются. Коли ихъ слушать, такъ и сама-то заморишься, за больными ходочи, да и снадобья-то ихъ не больно способно потреблять».

«Пріѣхавъ на другой день, — продолжаетъ рассказчица, — я нашла въ хатѣ больної нестарую еще бабу съ хитрымъ лицомъ; она что-то старательно терла и мѣсила въ грязной, сальной черепушкѣ».

«— Ну, что Матрена, какъ себя чувствуешь?»

«— Слава Тебѣ Создателю, матушка, много легче стало».

«— Теперь, сударыня, — вмѣшалась дочь больної, Дунька, — мы скоро и совсѣмъ вылечимъ мать. Вотъ, салтыковская бабочка пришла, берется за семь дней всѣ раны заживить».

«На всѣ доводы, что мѣнять лекарство, которое, очевидно, помогаетъ, на неизвѣстное, не слѣдуетъ, мнѣ отвѣчали увѣренno, что бабка вылечить гораздо скорѣе».

«— Ну, а если мать помретъ? — спрашиваю я».

«— Какъ можно, матушка, да развѣ она, бабка-то, невѣдомо чѣмъ лечить? вѣдь мы же видимъ, какое она снадобье дѣлаетъ: вотъ, взяла семь яицъ, да сварила ихъ круто-прекруто, вынула изъ нихъ желтки да поставила ихъ топить, а кады вытонится изъ нихъ масло, всыпить въ него порошокъ и будетъ этою мазью ожоги мазать».

«— А порошокъ-то какой?»

«— Вѣстимо, цѣлебный».

«— Да изъ чего онъ сдѣланъ-то?»

«— Извѣстно, изъ травъ».

«— Да изъ какихъ травъ-то?»

«— И чего вы сумлѣваетесь? — вмѣшивается сама лекарка: разъя какая неизвѣстная? Меня всѣ тута знаютъ: ужъ не одного, этта, я вылечила, а ужъ коли гдѣ обгорятъ, то завсегда за мной посылаютъ. Вотъ, за прошлый годъ у насъ мальчионка обгорѣлъ, такъ даже до кости гдѣ пригорѣло, и то я его лечила, и много ему получало».

«Я снова пыталась уговорить Дуньку не слушаться совсѣмъ бабки, убѣждала также Матрену, но она качала только головой и приговаривала:»

— «Охъ, матушка, ихъ воля. Что хотятъ, то пусть и дѣлаютъ, а мнѣ, калѣкѣ, что же гуторить?»

«За нее стала возражать старая бабка, тетка больной, пользующаяся не только въ семье, но и во всей деревнѣ большими авторитетомъ. Ея маленькие глаза злобно смотрѣли на меня изъ-подъ надвинутаго на лобъ чернаго платка, скрюченныя корявыя руки чуть не касались моего лица, когда она жестикулировала, беззубый, шамкающій ротъ, съ брызгами слюны, издавалъ хриплые, прерывающіеся звуки».

«— Чего это ты, сударыня, такъ на нашу лекарку-то напустилась? — заговорила она, — кажется, не зла она намъ желаетъ. Мы, вѣдь, не хулимъ вашихъ докторовъ, говоримъ только, что они надъ больными долго валандаются. Оно, конечно, господамъ-то хорошо по пуховикамъ нѣжиться, а намъ работать надо: вотъ, и выходитъ, что наша лекарка намъ скорѣе потрафить, коли въ семь дѣнь бабу подыметъ».

Поставить на своеѣ не было возможности и сотрудница предпочла удалиться.

Черезъ пять дней Дунька приноситъ забытые у нихъ ножницы.

«— Ну, что Матрена?»

«— Померла, сударыня, вчера съхоронили».

«— Ну, вотъ, видишь, не говорила ли я, что бабка ее уморить?»

«— Ни, сударыня, да развѣ же бабка тутъ при чемъ?»

«— Какъ же не причемъ, когда мать поправляться стала да и умерла отъ лекарскихъ снадобій?»

«— Какъ усѣжъ отъ снадобій? Отъ нихъ-то у матери раны по затянуло, а потомъ изнутри что-то стало краснѣть да утечь, да потомъ точно гнить, духъ отъ всей пошелъ такой нехорошій».

«— Да это у ней отъ вашего лечения Антоновъ огонь сдѣлался».

«— Огонь, огонь, матушка, это точно, только онъ изнутри шелъ, бабка говоритъ — передъ кончиной всегда такъ-то бывалъ. Ну, вѣ-

стимо, противъ всякихъ лихихъ болѣстей она снадобья знаетъ, а противу часа смертнаго она не вольна, потому отъ Господа».

Самымъ интереснымъ въ разсказанномъ эпизодѣ является то, что, въ концѣ концовъ, не вышло ни малѣйшаго недоразумѣнія между знахаркой и домашними умершей больной, чего, навѣрно, не случилось бы, если бы лечение перешло, наоборотъ, отъ знахарки къ врачу: такова сила обоюдного пониманія.

Наконецъ, въ извѣстномъ рядѣ случаевъ крестьянинъ идетъ къ знахарю по необходимости, будучи лишенъ возможности получить другую, болѣе разумную помощь. Такое безвыходное положеніе крестьянина всего лучше выражается пословицей: «нечего на зубы положить, такъ имѣшь ворожить»¹⁾.

Знахари, прежде всего—снегаисты по части заговоровъ. Хотя знаніе заговоровъ на тѣ или другіе, болѣе простые случаи жизни, довольно распространено среди народа и знаніемъ ихъ, особенно изъ лицъ женскаго пола, обладаютъ многіе опытные и достаточно поживиціе на свѣтѣ люди и не носящіе громкаго названія знахарей, но репертуаромъ заговоровъ на всѣ случаи жизни и умѣньемъ разобраться въ примѣненіи ихъ къ болѣе сложнымъ заболѣваніямъ, владѣютъ только настоящіе знахари и знахарки, бабы-угадки, лѣчайки, вѣдуны, шептухи и ворожене.

Замѣчателенъ остатокъ сѣдой старины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г., гдѣ лекарство называется вѣшти, вѣнистинъ, а самое слово лечиться замѣняется словомъ ворожиться: «ужъ чѣмъ, чѣмъ не ворожился, жалуется заболѣвшій мужикъ, а Господь не прощаетъ грѣховъ, не даетъ здоровья».

Контингентъ профессиональныхъ знахарей составляется болѣею частью изъ ловкихъ бобылей и бобылокъ, которые занимаются этимъ ремесломъ иногда изъ нужды, имѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ

Лечебные
пріемы
знахарей.

¹⁾ Относительно того, что въ исключительныхъ случаяхъ обращеніе къ знахарямъ и вѣра въ нихъ могутъ основываться и на нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ ихъ знаніяхъ, Аниченковъ, весьма добросовѣтный и беспристрастный изслѣдователь народной медицины, говорить слѣдующее: «сомнѣваться въ невѣжествѣ знахарей нѣть никакой возможности, но нельзѧ также отрицать и того, что между нашими простолюдинами могли образоваться такие субъекты, которые, отаявшись врожденной любознательностью, обладая должною степенью наблюдательности и имѣя случай соприкасаться со людьми, знающими врачебныя свойства растеній, могли ознакомиться съ пользой ихъ въ медицинѣ. Присоединимъ къ этому чудесныя, цѣлебныя силы многихъ растеній и мы окончательно убѣдимся, что могли существовать случаи удачнаго врачеванія, укрѣпившіе первоначально вѣру въ знахарей и удержаніе ее исторически впослѣдствіи».

хорошій заработка и получая вознаграждение деньгами или натурой, иногда же дѣлаются такими по своего рода призванию. Это— почти всегда люди почтенного возраста: вѣдь старость, своею опытностью, всегда внушаетъ болѣше довѣрія. Рѣдко знахарь обладаетъ заговорами отъ всѣхъ болѣзней, болѣшею же частью знахаремъ избирается какая-нибудь одна заговорная специальность, благодаря которой онъ особенно становится известнымъ въ окружѣ: одни пре- восходно заговариваютъ зубы и головную боль, другіе кровь, третыи отъ укуса змѣи и пр.

Наиболѣе частымъ и необходимѣйшимъ элементомъ при всѣхъ заговорахъ и знахарскихъ манипуляціяхъ является вода. Будучи наговорена, она получаетъ чудодѣйственную силу и способность снимать всякую болѣзнь. Для того— слѣдуетъ ее дать внутрь, а снаружи вспрыснуть, «умыть» больного— операциѣ, которая совершается особыми специалистками этого дѣла, «умывальницами», и до сихъ поръ еще имѣющими почти въ каждой деревнѣ. Лечебное значеніе такой воды еще болѣе увеличивается, если «спустить» ее съ креста или иконы, иначе говоря, облить ихъ этой водой и сбратъ потомъ въ подставленную чашку. Можно, впрочемъ, сообщить водѣ цѣлебную силу и другими способами. Для этого слѣдуетъ «пропустить» воду черезъ дверную скобу и, кстати, самое умываніе больного произвести въ такомъ случаѣ на порогѣ избы (Масальск. у. Калужск. г., Судогод. у. Владим. г., Чембарск. у. Пензенской г.). Необыкновенные свойства водѣ можно сообщить также, опустивъ въ нее комокъ глины, камешекъ или кремень, иногда самый обыкновенный, а иногда принесенный съ Афона или Гроба Господня. Но всего лучше дѣйствуетъ та заговорная вода, въ которой была окунута «громовая стрѣла»¹⁾, одна изъ тѣхъ таинственныхъ стрѣлъ, которыми стрѣляеть съ неба въ чертей Богъ, во время грозы (Зубцовскій у. Тверск. г.). Хотя въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такія стрѣлы понимаются различно, но въ знахарской заговорной гидротерапіи онѣ цѣнятся вполнѣ одинаково. Тамъ, где это — простыя лучинки съ дерева, въ которое ударила молнія, для умыванія больного, ихъ берется 9 штукъ. Знахарка зажигаетъ такія «стрѣлы» и, набравши въ ротъ воды, брыжетъ черезъ нихъ на больного съ такой силой, что лучинки тушатся (Зарайскій у. Рязанск. г.).

Въ виду рѣдкости такихъ предметовъ, всего чаще замѣняютъ ихъ простые угольки изъ печи. Стоитъ только уголекъ, съ наго-

¹⁾ Сидавленный ударомъ молніи песокъ (Даль).

воромъ, опустить въ стаканъ съ водой — это уже будетъ вода съ совсѣмъ другими свойствами¹⁾. Вотъ какъ «спускаетъ съ уголька» воду орловская знахарка А—на. Придя въ домъ больного полечить отъ глазу, она стелеть на столъ скатерть, ставить чашку съ водою и кладеть три уголька, а у иконъ зажигаетъ чисто-четверговую свѣчу²⁾. Сдѣлавши эти приготовленія и прочитавши заговоръ, знахарка береть въ руку одинъ уголекъ, другою обмываетъ его въ водѣ, потомъ то же дѣлаетъ со вторымъ и съ третьимъ уголькомъ и этой водой поитъ больного.

Нѣсколько другихъ приемовъ съ углями придерживается саратовская знахарка П—ва. Всякій, кто тянется, зѣваетъ и чувствуетъ себя изломаннымъ, идетъ къ ней лечиться отъ глазу. Знахарка нажжетъ въ печкѣ углей, зачерпнетъ ковшъ непитой воды и, читая заговоръ, кидаетъ въ него приготовленные угли. Если они потонуть, то она говоритъ, что больному «подѣлилось съ глазу». Водой этой П—ва умываетъ больного, а оставшуюся воду съ угольями выливаетъ подъ пятку двери (д. Осиновка, Балашовскаго у.).

Иногда для увеличенія силы дѣйствія, къ уголькамъ присоединяется хлѣбъ, соль и др. предметы. При посредствѣ такого комбинированного способа производится (въ Нижнеломовскомъ и Керенскомъ уу. Пензен. г.) умывальницами «смываніе глаза». Старуха-знахарка береть небольшую чашку, наполняетъ водою и сыплетъ въ нее нѣсколько соли. Затѣмъ, перекрестившись, подходитъ къ печкѣ, береть изъ гарнушки горячій уголь, опускаетъ его въ воду и начинаетъ, смотря въ печку, что-то нашоптывать. При этомъ сама, подергивая плечами и раскачиваясь, сильно и часто зѣваетъ, отплевывается въ стороны и приговариваетъ: «тьфу, тьфу, прощать, ишь ты, окаймлѣнныи, ишь ты, негодный, ну, и глазъ! на-ко, кормилецъ, выпей, да перекрестись, перекрестись прежде», — наставляетъ она больного. Затѣмъ, давши три глотка воды, умывальница опрыскиваетъ ему голову, лицо и шею, руки и ноги, спину и грудь: «ну, теперь усни, голубчикъ, постой, я тебя одѣну, вотъ такъ, покрѣпче», — говоритъ старуха, укутывая больного съ головой.

Нѣсколько иначе снимается специалистками этого дѣла «переполохъ» (испугъ). Знахарка береть лущину, щепаетъ спичекъ, зажи-

¹⁾ Вѣроятно, вѣра въ цѣлебныя свойства углей явилась результатомъ вѣры въ цѣлебныя свойства огня, распространенной среди всѣхъ первобытныхъ народовъ.

²⁾ Свѣча, съ которой стоять въ церкви, на страстной недѣльѣ, во время чтенія 12 евангелій.

гаетъ ихъ и опускаеть въ чашку съ водой. Потомъ идеть къ тому мѣсту, гдѣ, по предположеніямъ, случился переполохъ, и тамъ говоритьъ: «дѣнадцать недуговъ, дѣнадцать переполоховъ, денные, полуденные, ношные, полунощные, во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь». Воду даетъ больному выпить.

При «крикѣ» ворожея береть блюдо съ водой, шейный крестъ, два угля и, держа на рукахъ ребенка, нашоптываетъ воду и молится, ломая угли и опуская ихъ на блюдо съ водой. Послѣ этого погружаетъ туда крестикъ и этой водой спрыскиваетъ ребенка (Инкарск., Городиц. и Чембарск. уу. Нензенск. г.). Довольно своеобразный пріемъ примѣняется зناхарями при лечениі отъ «обуроченія» (Никольскій у. Вологодск. г.). Секретъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы получить воду, черпая ее, буракомъ, не противъ, а внизъ по теченію рѣки. Зачерпнувъ и придерживая края бурака руками, знахарь наклоняется надъ нимъ и читаетъ молитву. Наговоренной водой поить и умывать больного, снускаеть «капелекъ десятокъ запазуху, на сердце», а затѣмъ велитъ немнго соснуть.

Другимъ общимъ пріемомъ зناхарской терапіи является «прикальваніе» больного. Оно примѣняется значительно рѣже, чѣмъ умываніе и совершается при помощи какихъ-нибудь остроконечныхъ предметовъ — иголки, гвоздя, лучинки и т. п., а иногда шейного креста. Подобно тому, какъ при первомъ способѣ производится «смываніе» болѣзни, здѣсь, при посредствѣ уколовъ больного мѣста, достигается ея изгнаніе.

Помимо такихъ общихъ, существуютъ и нѣкоторые специальные пріемы. Одинъ изъ нихъ, при испугѣ, употребляется нѣкоторыми курскими знахарками для «выливанія страха». «Какъ же это ему страхъ-то выливали? — спрашиваются про ребенка, подвергшагося такой знатарской манипуляціи.

— Да повели мы его къ бабкѣ, а она поставила ему блюдо, на голову, съ водою, льетъ туда воскъ да приговариваетъ. Цѣлыахъ 15 коп. отдала ей, а все не помогаетъ. Потомъ мы пошли къ Т-нѣ, — она тоже, говорятъ, помогаетъ. Т-на-то взяла клинушекъ, обвела имъ кругъ, поставила моего малаго посрединѣ круга, а клинушекъ-то и забила въ землю, супротивъ ногъ. Та уже съ настѣ ничего не взяла: дѣло, говоритъ, Божеское, за что тутъ братъ? Ну, вотъ, моему малому полегчало было послѣ того, а потомъ опять за прежнее взялось» (Обоянскій у.).

Нѣсколько другого, также не совсѣмъ обыкновенного способа придерживается, при лечениі отъ испуга, балашовская знахарка

II—ва: она надъ испуганными «сливаетъ жиръ». Сажаетъ больного на порогъ, даетъ ему чашку съ непитой водой, а сама беретъ сковороду съ растопленнымъ саломъ, выливаетъ его въ чашку и причитываетъ: «пропу Матушку-кормилицу, Пречистую, Пресвятую Богородицу, со всѣми Твоими ангелами и со святыми апостолами и мучениками, помоги и пособи рабу Божію (имя)». Такъ она сливаетъ иѣсколько разъ, разматривая, будто бы, вылившееся чудо-вище, котораго испугался больной. Сало, которое сливается въ воду, сжигаетъ въ печкѣ, а воду выливаетъ на отмашину.

При леченіи зубицъ¹⁾, знахарка въ д. Мѣшковой (Орловск. г. и у.) начинаетъ съ того, что прежде убѣждается, точно ли у ребенка зубиці. Для этого она пальцами лѣзетъ ребенку въ ротъ и ищетъ зубовъ. Нащупавъ, говоритъ: «охъ, дѣвушка ты моя, смотри, какіе зубиці больше выросли, а голова-то какъ горитъ: словно ты изъ котла его вытащила». Беретъ ребенка на руки, находить въ стѣнѣ сукъ и начинаетъ вокругъ его водить пальцемъ и приговаривать: «сукъ, сучище, возьми свои зубиці, отъ младенца Ивана, крещенаго, пороженнаго». Совершивъ эту манипуляцію трижды, знахарка каждый разъ лѣзетъ съ пальцами снова въ ротъ ребенку и надавливаетъ зубы.

Подобно тому, какъ для врача первой задачей является определеніе болѣзни больного, такъ иногда и знахарь, являясь къ нему, начинаетъ дѣло съ того, что производить осмотръ и ставить свою знахарскую діагностику: болѣзнь отъ испуга, отъ дурного вѣтра, отъ глаза или норчи. Для определенія характера болѣзни знахарь не рѣдко гадаетъ, смотритъ въ воду, въ зеркало, тонитъ воскъ, раскидываетъ карты и т. п. При такой діагностикѣ получаетъ иногда большое значеніе позѣвата: если, при произнесеніи заговора, знахарю сильно зѣвается, значитъ, у больного «больше уроки». Если онъ зѣвнетъ пять разъ, значитъ, обурочила баба, а если больше—мужчина (Вельскій и Никольск. уу. Вологодск. г.).

Въ другихъ случаяхъ, при умываніи больного съ угольковъ или каменцковъ, загадываютъ имя человѣка, на котораго надаетъ подозрѣніе, что слазилъ онъ. Если камни, падая въ воду, запилють, а угли упадутъ на дно, значитъ, слазилъ человѣкъ, имя котораго задумано. Такая физическая проба на угли, предпринимаемая съ діагностическою цѣлью, производится иногда при очень торжественной обстановкѣ. Знахарка береть ковшъ холодной воды, кладетъ

Знахарская
діагностика.

¹⁾ Всѣ дѣтскія болѣзни, являющіяся осложненіемъ прорѣзыванія зубовъ.

въ него соли, горячихъ угляевъ и при этомъ приговаривается, кладя первый уголекъ: «съ мужичья глаза», второй — «съ бабья глаза». Если тонетъ первый уголекъ, значитъ, болѣзнь приключилась съ мужичья глаза, а если второй — «съ лиха бабья глаза». Старуха возвѣщаетъ о результатахъ изслѣдованія больной или больному, проклинаетъ врага — супостата и, совмѣстно съ родными и больнымъ, какъ бы ех consilio, дѣлаетъ предположеніе на знакомыхъ, кто сглазилъ. Затѣмъ уже слѣдуетъ самое умываніе (Зарайск. у. Рязанск. г., Городниц. у. Пензенск. г.).

Нѣкоторыя знахарки вносятъ въ эту пробу еще ту разницу, что берутъ не два, а три горячихъ угля и послѣдній уголь намѣчаютъ «дѣвичымъ», воду же, въ которую погружаютъ угли, солятъ и мѣшаютъ ножомъ (Красноселободск. и Инсарск. уу. Пензенск. г.).

Узнать, кто сглазилъ, дѣло относительно легкое. Гораздо труднѣе знахарю разобраться и опредѣлить видъ заболѣванія. И лечить многія изъ такихъ заболѣваній труднѣе, и лечение ихъ бываетъ разное.

«— Хлопотливое это дѣло, — разъясняетъ важность такой пра- вильной діагностики знахарка, — хорошо, если сглазъ, а если отъ худого часу, а нѣтъ — порча: тогда, вѣдь, лечить много труднѣе. Сглазъ всего три зари надо отчитывать, а отъ худого часу и отъ порчи цѣльныхъ двѣнадцать зорь. Ну, да мы сейчасъ узнаемъ, что ей, сглазъ или другое что».

Начинаетъ знахарка читать молитвы, почитаетъ немногого, а сама плюнетъ, начитается — и опять плюнетъ. Глянетъ въ кувшинъ съ водой и опять плюнетъ. Кончивъ, она говоритъ: «когда принесешь эту воду, всѣ ваши должны поглядѣться въ нее, можетъ, не сглазилъ ли кто изъ своихъ? За чужихъ я глядѣлась въ кувшинѣ, не знаю, не подходитъ, чтобы быть сглазъ. Если бы сглазъ, я бы зѣвала, а то ни разу не зѣвнула. Все-таки, попробуй. Если не полегчаетъ, опять приходи ко мнѣ: придется лечить отъ худого часу и отъ порчи» (с. Сергиевское, Орловск. г. и у.).

Киды знахарей-заговорщиковъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ знахарь, несомнѣнно, является сознательнымъ надувателемъ своего брата-мужика, иногда украшаетъ свою обстановку даже атрибутами знахарства — змѣйными головами, костями лягушекъ (Дорогобужск. у. Смоленск. г.), у него на виду сидить и котъ большой, стоять и ступа, и толкачъ, кочерга, котелъ и кадка съ водой (Болховск. у. Орловск. г.), а у нѣкоторыхъ имѣются и кости человѣческія, «разрывъ трава» и ир. (Караб. у. Орловск. г.). Такой знахарь напускаетъ на себя особую ловкость

и беззастѣнчиво приписываетъ себѣ силу, способную не только причинить и отогнать болѣзнь, но и поднять мертваго: «захочу—и мертваго подниму этой (наговорной) водой,—бахвалится знахарь изъ ряда такихъ,—только у васъ состоянія не хватить со мной расплатиться».

Заговоры, которыми владѣютъ этого сорта знахари, по болѣйшей части, неизвѣстны: они обыкновенно увѣряютъ своихъ пациентовъ, что если сказать кому-нибудь слова заговора, то онъ потеряетъ черезъ это силу. Заговоры эти передаются знахарями и знахарками, по убѣждѣнію крестьянъ, только на смертномъ одрѣ, кому-либо изъ близкихъ родственниковъ, наединѣ, въ строгой тайнѣ, и тѣ, въ свою очередь, блюдутъ тайну заговора до своей смерти.

Такихъ крестьянинъ побаивается, у себя дома принимаетъ со страхомъ и трепетомъ и, чтобы задобрить, угощаетъ водкой. Это въ особенности относится къ тѣмъ «знаткамъ, которые при заговорахъ не употребляютъ имени Божія и Святыхъ, къ порченникамъ¹⁾ и и ясновидцамъ²⁾». Такое же почтительное и подобострастное отношеніе, въ мѣстахъ съ татарскимъ населеніемъ, проявляется къ знахарямъ и ворожеямъ изъ татаръ. Вѣроятно, на этомъ основаніи татарскія ворожеи считаются даже искуснѣе и сильнѣе русскихъ. Такой славой, напр., пользуются ворожеи татарской дер. Чудовки (Керенск. у. Пензенск. г.), куда возятъ для лечения русскихъ порченыхъ.—«Ужь чѣмъ мы ее (порченую) не лечили, нерѣдко приходится слышать отъ пензенскихъ бабъ: ко всѣмъ ворожеямъ вошли, татарскій наговоръ пила, ничего не помогло, видно, такъ Богу угодно».

Обращаясь въ крайности къ знахарямъ-нехристямъ и къ тѣмъ, которые, при леченіи, по мнѣнію мужика, пользуются услугами нечистой силы, онъ все же прежде всего пойдетъ къ тѣмъ изъ знахарей, которые врачаютъ именемъ Бога.

Знахари этого сорта, въ большинствѣ случаевъ, простые, иногда благодушные и почти всегда дѣйствительно вѣрующіе люди. Заговариваются они всегда съ крестомъ и молитвою, призывая св. угодниковъ, Спасителя, Божію Матерь и апостоловъ. Эта черта проходитъ характерною нитью черезъ большинство заговоровъ и манипуляцій знахарей, и эта религіозная сторона знахарской терапіи

¹⁾ Знахари, способные, кромѣ леченія, причинять и порчу.

²⁾ Лица, способныя видѣть въ водѣ, какъ зеркаль, того, кто испортилъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

заслуживаеть нашего особенного вниманія. Правда, вѣра эта иногда дѣтски наивна, перемѣшана съ суевѣріями и даже остатками язычества, но она несомнѣнна. Это обстоятельство, сообщая лишь большую живучесть и устойчивость знахарству, вполнѣ понятно: если сущность болѣзней, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, заключается, въ смыслѣ ли прямого или косвенного участія, въ нечистой силѣ, то единственнымъ и могущественнымъ орудіемъ противъ нея можетъ служить только молитва и крестъ. Поэтому-то, наговаривается ли знахарь воду, которой опрыскиваетъ, «умываетъ» больного, наговаривается ли онъ пиво или водку, которыми поить, и масло, которымъ мажетъ больныхъ, производить ли свои нашоптыванія надъ водой, хлѣбомъ, солью, ладаномъ и пр., все это онъ совершаетъ подъ знаменіемъ креста: натирая ноги больного суконкою, онъ чертитъ на ней мѣломъ крестъ и крестомъ же, прикальвая или примѣняя массажъ, онъ растираетъ ушибленное мѣсто. Тотъ же крестъ держитъ надъ чашкой съ водой даже знахарь-шарлатанъ, произнося надъ ией заговоръ отъ порчи и говоря больной, что онъ видитъ на днѣ этой чашки лицо того, кто ее испортилъ. Большинство самыхъ заговоровъ неизмѣнно начинаются словами: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». И многіе знахари, повидимому, дѣйствительно убѣждены, что шепчутъ и заговариваютъ они во имя Божіе.

«— Какъ же ты, бабушка, лечить началала?» — спрашивають орловскую знахарку М-фу, умную, бойкую и энергичную старуху.

«— Да какъ начала?—осталась я отъ мужа вдовой съ шестью дѣтenkами, такъ надо же было чѣмъ ни на есть пропитаться».

«— Все же училась у кого-нибудь лечить то?»

«— А это мнѣ отъ Бога».

«— Такъ сразу и лечить стала?»

«— Какъ можно сразу? Я помаленьку. Приводилось и самой лечиться, и другихъ видѣла, какъ лечили,—ну, я и присматривалась, а тамъ и сама зачала: отъ людей научилась».

«— Чѣмъ же ты лечишь, травами?»

«— И травами, и наговоромъ, и водой наговорной умываю».

«— А можешь ты сказать кому-нибудь эти наговоры?»

«— Отчего же не сказать? Тутъ грѣха нѣту. Это мнѣ отъ Бога. Я, вотъ, но богомольямъ-то ходила, такъ спрашивала, не грѣхъ ли, моль, лечить-то? Ну, старцы сказывали — ничего, не грѣхъ. Да, вотъ, и въ Оптиної отецъ Амбросій тоже говорилъ. И сонъ мнѣ такой былъ. Это, какъ зачали ко мнѣходить лечиться-то, я и ду-

маю: ой, не грѣхъ ли? А тутъ мнѣ сонъ и приснись. Снится, это, мнѣ комната, и входить въ эту комнату дѣвушка, въ одной рукѣ у неї книжечка, а въ другой—кувшинчикъ мафонкій. Идетъ, это, она и спрашивается, будто про себя: а не грѣхъ ли ходить къ М-фѣ лечиться? Заглянетъ въ кувшинчикъ, а потомъ въ книжку посмотритъ: нѣтъ, скажетъ, не грѣхъ ходить къ М-фѣ лечиться, да такъ до трехъ разъ. Я отца Амбродія спрашивала про сонъ-то, а онъ и говорить: ничего, говорить, это тебѣ, значитъ, такъ отъ Бога дадено. Ну, и другіе монахи, самые божественные, тоже, ничего, дозволяли».

«— Что же ты многимъ помогаешь?»

«— А какъ же? Дамъ испить, умыться—и нолегчаетъ. Иные приказываютъ умываться-то скроль скобку, ну, а я такъ—и ничего,—помогаетъ».

Не менѣе простодушно разсказываетъ про свое леченіе другая орловская знахарка, Н-лья.

«— Вѣдь я тоже бабка,—сообщаетъ она,— и помогаю, какъ могу: умываю я. Съ глазу приключится что, съ недобраго слова, либо еще съ чего, умою — и какъ рукой сниметь. Матушка-покойница научила меня. Не колдовство это какое, дочка, говорила она мнѣ, а Божеское дѣло, потому съ молитвой творится. Дала она мнѣ мафонкій образокъ Божія Матери, Сиропитательница называется, и велѣла спускатъ крещенскую воду и умывать той-то водой. Ну, вода-то у меня всегда есть, кака годовъ пять стоитъ, бережешь такъ-то и для себя, и для добрыхъ людей. Умою такъ-то и поможетъ. По осени нонча кумъ мой Д-сь крышу крылъ да и упалъ оттуда. Повредилъ руку, разнесло ему ее, какъ подушку. Пришелъ ко мнѣ и говорить: помоги, кума, Христа ради. Будто и упалъ-то легко, такъ катомъ и скатился, анъ вотъ что! Давай поворожу, смѣюсь я ему. Спустила водицы, дала ему руку мочить, да велѣла на другой день приходить. Приходитъ на другой день веселый такой: ну, кума, рукѣ-то лучше, говоритъ.—Лучше? и слава Богу, кумакnekъ, говорю я. Пришелъ такъ до трехъ разъ—и прошла боль».

Съ такой же вѣрой лечить отъ глазу и отъ «нодѣю» бабушка М-на изъ д. Яклива, Орловск. г. «Приходитъ къ бабушкѣ и старый, и малый полечиться отъ глазу, или другое што подѣется. Бабушка наливаетъ воды въ чашку, становить ее на столъ, на уголъ, который къ порогу ближе, встаетъ передъ иконами, молится вслухъ Богу и всѣхъ угодниковъ скликаетъ: Божія Матерь Казанская, помощница, похрани и помилуй раба или рабу такую-то,

Скорбящая Божія Мать, Троеруца Божія Мать, Нечаянная, Тихвинская Божія Мать и всіє Кіевскіе угодники, иохраните и помилуйте раба или рабу Божію. Спаситель, Миколай угодникъ, Сергій чудотворецъ, Михайл архангель, Петры-Павла, Тихонъ святой, предодобный, спасите и сохраните раба или рабу Божію; садитесь на Сіонскія горы, подумайте думу о рабѣ такомъ-то; сядьте къ нему на правое плечико, дуньте въ ушко, выдуните всю хворь и боль изъ жилья, изъ костей, изъ буйной головы¹⁾. Послѣ этого она подходитъ къ чашкѣ, кладеть въ землю три поклона, дуетъ хрестъ на хрестъ въ чашку, опять кладеть въ землю три поклона, опять дуетъ на воду хрестъ на хрестъ, третій разъ кладеть три поклона, опять дуетъ въ чашку и каждый разъ говоритъ: черный глазъ, лопни разъ, сѣрий глазъ, ненавистникъ! Похрани, Господи, рабу на всякий день, на всякий часъ, отъ чернаго глазу, отъ ненавистнаго глазу, отъ радостнаго глазу. Откутаєтъ бабушка печку, сажаетъ этого человѣка на загнетку, взыгрываетъ его съ ногъ до головы, а остальную воду льеть въ бутылку и говоритъ, чтобы три раза умывались этой водой, а если этой водицы останется отъ женщины или мунцины, вылей, ты, говоритъ, въ печку, за правое скуло²⁾.

При леченіи лихорадки-варагуши, совершається цѣлое священно-дѣйствие. Придя въ домъ больного, знахарка требуетъ три кувшина съ водой, выгоняетъ всѣхъ вонъ изъ избы, становить кувшинъ на вышкѣ, подъ святыми, и начинаетъ наговаривать въ нихъ воду: сначала читаетъ «Отчу», а потомъ специальный заговоръ отъ варагуши³⁾. Прочитавъ заговоръ разъ, знахарка дунеть на одинъ кувшинъ; потомъ опять читаетъ заговоръ и «Отчу» и дуетъ на второй. Затѣмъ продѣливаетъ то же самое съ третьимъ, береть пѣнь первого кувшина немнога въ ротъ водицы и брызгаетъ на голову больного, водой изъ другого кувшина обрызнетъ грудь и руки, а изъ третьего—ноги и животъ. Потомъ, призвавъ семейныхъ больного, отдастъ приказъ, чтобы они три раза въ день обрызгивали больного и столько же разъ давали ему пить—изъ одного кув-

¹⁾ Этотъ заговоръ въ извлечениі приводится какъ образецъ религіозныхъ заговоровъ знахарей. Впечатлѣніе однообразія и чувство утомленности, которыя испытываются при его чтеніи, и есть необходимые элементы дѣйствія, какъ это мы увидимъ потомъ, всѣхъ заговоровъ вообще.

²⁾ Углубленіе съ правой стороны печки, тамъ, где находился древній очагъ: мѣсто непопираемое, въ иѣкоторомъ родѣ, святое.

³⁾ См. VII гл.

шина утромъ, изъ второго вечеромъ, а изъ третьаго передъ обѣдомъ. Знахарка ходить къ больному до девяти разъ (Орловск. г. и у.).

Не менѣе сложнымъ ритуаломъ сопровождается леченіе разныхъ болѣзней знахарками въ Коротоякскомъ у. (Воронежской г.). Бабка-повитуха беретъ въ особый деревянный сосудъ, изъ котораго не пьютъ и не єдятъ, чистой, свѣжей воды, кладетъ въ нее уголь, ладанъ и соль, читаетъ надъ этимъ составомъ троичную, а иногда Богородичную молитву, кладетъ иѣсколько поклоновъ передъ святыми иконами и, помолившись, начинаетъ вспрыскивать больного съ приговоромъ, послѣ произнесенія котораго дуетъ на больного трижды, со словами: «аминь, аминь» (с. Архангельское).

При всемъ разнообразіи приведенныхъ пріемовъ и средствъ, въ нихъ есть одно общее—стремленіе оказать воздействіе на психику больного, которое должно быть тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ сложнѣе и таинственнѣе эти пріемы, чѣмъ содергательнѣе, съ точки зрењія крестьянина, произносимый при этомъ заговоръ и чѣмъ больше онъ можетъ тронуть его душу. Таковы, въ особенности, заговоры и пріемы чисто религіознаго свойства, носящіе характеръ какъ бы домашняго богослуженія.

Эта основная черта знахарской терапіи, считающаяся съ духомъ больного и всецѣло проникнутая стремленіемъ внести въ него уснокоееніе, при всей иногда уродливости ея практическаго примѣненія, неизмѣримо выше того бездушиаго взгляда на больного, которымъ отмѣчена средневѣковая западно-европейская медицина, съ ея по истинѣ чудовищнымъ господствомъ кровонусканій, процвѣтаніемъ каленаго желѣза, обливаніемъ ранъ кипящей смолой или варомъ, съ ея моксами, фонтанелями, заволоками и пр.¹⁾). Но, что не менѣе важно, въ этой чертѣ еще яснѣе сказалась идея того «вліянія духа на духъ», которая выразилась въ народномъ ученинѣ о порчѣ. Только втіяніе это направлено здѣсь не во вредъ, а на пользу человѣку. Идея эта настолько ясна, что теперь уже невозможно не признать, что сила и значеніе заговорныхъ пріемовъ и средствъ заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ лечебномъ видѣ внушенія. Элементы внушенія можно усматривать какъ въ самомъ способѣ произношенія заговоровъ,—шепотомъ, монотоннымъ и размѣреннымъ тономъ, такъ и въ ихъ содерганин, въ этомъ многочисленномъ перечисленіи цѣлаго ряда святыхъ и угодниковъ, боль-

Значеніе
заговорной
терапіи
знахарей.

¹⁾ Взглядомъ на больного, лишь какъ на «матеріаль», западно-европейская научная медицина, въ известной степени, проникнута и до сихъ поръ.

шинство именъ которыхъ такъ много говоритъ сердцу простого русскаго человѣка, въ тавтологіи, свойственной нѣкоторымъ заговорамъ и, наконецъ, въ самыхъ пріемахъ, которыми сопровождается ихъ произнесеніе: въ требованіи тишины въ избѣ, въ таинственныхъ манипуляціяхъ суть предметами наговоровъ и въ заключительномъ пріемѣ сбрызгивать и дуть на больного. Религіозный характеръ многихъ заговоровъ и заговорныхъ пріемовъ, при обоюдной вѣрѣ въ ихъ силу и знахаря, и пациента, въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ еще болѣе усиливать значеніе заговоровъ, создавая, быть можетъ, особый родъ внушенія—религіознаго.

Принявъ такой взглядъ на заговоры, нельзя будетъ отказать въ извѣстномъ значеніи даже простому напоптыванію, тѣмъ заговорамъ безъ словъ, которыми, болѣею частью, пользуются знахари-шарлатаны: нужды нѣтъ, что содержаніе такихъ заговоровъ остается неизвѣстнымъ для больного—вѣдь онъ увѣренъ, что именно это незнаніе заговора и обусловливаетъ его силу. Съ этой точки зрѣнія, «напоптываніе» является очень ловкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ психологическимъ маневромъ.

Хотя, такимъ образомъ, элементъ внушенія, а также самовнушенія, можно усматривать во всѣхъ заговорахъ вообще, нѣкоторые изъ заговорныхъ пріемовъ знахарей носятъ на себѣ неоспоримый характеръ внушенія.

Одинъ череповецкій знахарь лечилъ зубную боль такимъ образомъ: усаживалъ больного на стулъ, спрашивалъ его имя, потомъ становился отъ больного шагахъ въ 5-ти и пристально смотрѣлъ ему въ глаза, что-то про себя напоптывая¹⁾). Послѣ этого онъ удалялся въ чуланъ и оттуда выносилъ, черезъ нѣсколько времени, маленьку полоску бумаги, свернутую въ клоечекъ. Передавая бумажку больному, онъ строгимъ голосомъ наказывалъ: «вотъ, какъ будешь ложиться спать, положи эту бумажку на болѣй зубъ, а развертывай ее и смотрѣть ни подъ какимъ видомъ не моги. Ночью эта бумажка исчезнетъ, а зубы къ утру заживутъ». И, дѣйствительно, зубы у многихъ заживали. Одному больному, не осо-

¹⁾ Безъ сомнѣнія, пріемъ этотъ, такъ напоминающій пріемы врачебнаго внушенія, вполнѣ самостоятельный и независимый отъ влиянія современной медицины. Лечебное внушеніе до сихъ поръ еще составляетъ удѣль лишь немногихъ врачей и не выходитъ за предѣлы крупныхъ научныхъ центровъ. Созданіе этого метода народомъ можетъ быть объяснено тою наблюдательностью, которую отличается нашъ народъ относительно всего, что касается духовной стороны человѣка.

бенно довѣрявшему знахарю, захотѣлось посмотретьъ, что такое заключается въ таинственной грамоткѣ. Придя домой, онъ развернулъ бумажку и на ней оказалось три слова: «комуна, амуна, ма-муга».

Очень интересными пріемами пользуется знаменитый лекарь болѣзни «жабы» въ д. Ватлановъ, близъ Вологды, Сол-нъ, 67-лѣтний старикъ. Лечиться къ нему отъ этой болѣзни приходять за 50 и болѣе верстъ. Очень рѣдко крестьяне этого края обращаются съ этою болѣзнью даже къ врачу. Леченіе болѣзни состоитъ въ слѣдующемъ: пришедшаго больного С-нъ садить спиною къ бревенчатой, ничѣмъ не оклеенной стѣнѣ, гдѣ есть сучекъ, который бы приходился на уровнѣ верхушки головы, прижимаетъ послѣднюю крѣпко къ стѣнѣ и зажигаетъ три лучинки, воткнутыя неподалеку, въ щель стѣны. Потомъ, три раза крестить этотъ сучекъ, при каждомъ крестномъ знаменіи произнося вполголоса: «Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй нась», и послѣ этого прикладывается къ сучку толстый конецъ веретена, со словами: «какъ сучекъ сей изсохъ, такъ изсохнетъ жабка сія». Послѣ этого онъ прикладывается къ больному мѣstu слегка накаленное надъ зажженными лучинками желѣзо, а потомъ прикасается нагрѣтымъ надъ этими же лучинками двойнымъ пруткомъ, отъ выпаренного въ банѣ вѣника, и сдѣланымъ на подобіе вилочки. Въ заключеніе всего, онъ даетъ больному пить, вмѣсто чая, листья сухого березового вѣника: «этимъ средствомъ,—говорить,—я исцѣляю сотни больныхъ каждую зиму».

Такимъ же пріемомъ пользуется при леченіи зубовъ 60-лѣтний старикъ, крестьянинъ д. Дубовой¹⁾, Г. А-нъ, который въ секрѣтъ этого пріема посвятилъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ и сообщилъ способъ, какъ и когда его примѣнять.

«Если у тебя заболятъ зѣбы,—наставляетъ онъ,—возьми ты кру-пинку соли²⁾), а нѣть—воску, можно и кусочекъ хлѣба, а всего лучше соли,—заверни въ чистенькую тряпочку, обмотай ее три раза ниткой и завяжи три узелка, потомъ, лучше рано утромъ, на то-щакъ, положи тряпочку въ ротъ, на зѣбы, и до девяти разъ, не пропуская ни одного слова, говори: «первый царь—сонъ мѣсяцъ, второй царь—камень ладъ, третій царь—на синемъ морѣ зеленъ дубъ. Чтобы этимъ тремъ царямъ не сходиться, такъ раба Божія

¹⁾ Орловск. г. и у.

²⁾ Съ солью заговариваетъ зѣбы также крестьянинъ дер. Мостовой (Сара-пульск. у. Вятск. г.), Ч-въ. Заговариваетъ онъ на годъ, на два и, прибавляя сотрудникъ, зѣбы. дѣйствительно, не болятъ.

Василья зубамъ—не шумѣть, не болѣть. Стой сія сторона—изъ-подъ третьей горе плывутъ, выплывають три акарента: на этихъ трехъ акарентахъ стоять три престола, на этихъ трехъ престолахъ сидитъ Пречистая Мати, а съ ней безвѣстница Мати. И такъ, рабу божьему Василію зубы залечити и его червяка заморити».

«Послѣ этихъ словъ зубы у тебя безпремѣнно пройдутъ. Только передъ тѣмъ, какъ дѣлать это, не нужно синопенія имѣть съ бабой, должно быть чистому и бѣлье надѣть свѣжее; себѣ ли, другому ли будешь заговаривать, безпремѣнно въ зубахъ держи, што я сказалъ, а то заговоръ твой не подѣйствуетъ. Ежли-ча захочешь передать заговоръ кому—передавай одному, чтобы никого больше не было и передавай такому, который млаже тебя, а старше никому нельзя сказывать, потому твой заговоръ не будетъ ужъ послѣ дѣйствія имѣть».

Интереснымъ является то, что большинство этихъ народныхъ пріемовъ внушенія относятся къ зубной боли и касаются, очевидно, случаевъ, когда эта боль носить чисто-нервный характеръ, т. е. такихъ, въ которыхъ пользуется внушеніемъ и современная невропатология.

Принявъ взглядъ на заговоры, какъ на внушеніе, мы съ полнымъ правомъ можемъ признать извѣстное терапевтическое значеніе и за тѣми изъ нихъ, которые относятся къ приткѣ, порчѣ, глазу, озыку, въ дѣйствительности же часто касаются заболѣваній чисто-нервного характера, каковы истерія, нейрастенія и др. То же можно сказать про заговорный способъ леченія пьянства. Что же касается примѣненія заговоровъ для остановки кровотечений, то оно и здѣсь, несмотря на свою видимую нелѣпость, получаетъ достаточныя основанія. Извѣстно, что паренхиматозныя и венозныя кровотечения, а также кровотеченія изъ мелкаго калибра артерій останавливаются сами собою, путемъ образованія кровяного сгустка, механически закупоривающаго просвѣтъ кровоточащихъ сосудовъ. При обычной равномѣрной дѣятельности сердца образование такого сгустка происходитъ довольно скоро, но въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ испуга и возбужденія, дѣятельность сердца повышается, образованіе сгустка замедляется и кровотеченіе будетъ тѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе, чѣмъ испугъ и страхъ больного передъ кровотечениемъ больные. Заговоръ, внося уснокoenіе, понижаетъ и дѣлаетъ болѣе равномѣрной возбужденную и повышенную работу сердца, и тѣмъ содѣйствуетъ образованію сгустка и остановкѣ кровотеченія.

Извѣстный смыслъ получають заговоры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примѣняются къ нѣкоторымъ травматическимъ поврежденіямъ, дѣтскимъ и другимъ заболѣваніямъ. Въ первомъ случаѣ, подъ вліяніемъ заговорнаго внушенія, возможно уменьшеніе и ослабленіе боли, а во второмъ получаетъ значеніе то успокоеніе матери и семьи, которое на уходѣ за больнымъ и на направлениѣ дальнѣйшей терапіи, часто въ высшей степени несвойственное и вредной, оказывается громадное вліяніе.

Во всякомъ случаѣ, заговоръ, несмотря даже на безполезность его примѣненія во многихъ случаяхъ, является однимъ изъ наиболѣе невинныхъ средствъ, какъ въ знахарской, такъ и домашней терапіи крестьянина.

Если, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ изъ только что изложенныхъ пріемовъ, безъ особой натяжки, можно усматривать разумныя основанія, но своему внутреннему смыслу и содержанію допустимыя съ точки зреінія и современной медицины, въ большинствѣ остальныхъ часто трудно было бы искать простого, здраваго смысла.

Но и относительно этихъ пріемовъ нужно сказать, что большинство изъ нихъ находится въ логическомъ соотвѣтствіи съ тѣми представлѣніями, какія имѣются народъ о возникновеніи болѣзней. Этой чертой послѣдовательности отмѣчены, какъ мы видѣли выше, религіозные заговоры и эта же самая черта лежитъ на тѣхъ заговорахъ и пріемахъ знахарей, къ которымъ мы сейчасть перейдемъ. Народное воззрѣніе, между прочимъ, допускаетъ возможность заболѣванія «съ вѣтру», путемъ «насада», черезъ передачу болѣзни кѣмъ-нибудь другимъ, и, вотъ, является цѣлая система испытанныхъ пріемовъ и методовъ, имѣющихъ цѣлью, такъ или иначе, отѣлѣваться отъ болѣзни—пустить ее, въ свою очередь, на вѣтеръ, самымъ простымъ образомъ «снять» съ больного, перенести на животныхъ, растенія, подкинуть или передать отъ себя кому-нибудь другому и пр.¹⁾.

Иногда болѣзнь пускается съ больного какъ бы въ пространство. При крикѣ у дѣтей, непремѣнно на зарѣ, приносятъ ребенка къ ворожеѣ. Та береть его на руки, дѣлаетъ крестное знаменіе и

Зависимость
лечебныхъ
пріемовъ
зناхарей отъ
народныхъ
воззрѣній
на болѣзни.

¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ представлѣніи, какъ мы замѣтили раньше, можно усматривать зародышъ развивающагося понятія о заразительности нѣкоторыхъ болѣзней; страннымъ является только то, что, по этому представлѣнію, передавшій болѣзнь—самъ освобождается отъ нея.

до трехъ разъ говоритъ на зорю: «зоря Марья, зоря Дарья, зоря Маріанна, возьми крикъ съ младенца денной, полуденный, часовой, полчасовой, унеси ты въ темны лѣса, въ круты горы¹⁾). При этомъ, держа ребенка на рукахъ, знахарка кланяется на зорю, а иногда подкрѣпляетъ лечение обращенiemъ къ печкѣ, говоря: «матушка-печурка, тебѣ на стоянье, а ангельской душенъкѣ на здоровье. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Керенск. у. Пензенск. г.). При ознообѣ, ощущеніе холода изгоняется знахарями такъ: «морозъ ты, морозъ, не стой за спиной, гуляй ты по лугамъ и доламъ, по лѣсамъ и рощамъ, обсыпай морозомъ деревья, а не людей, выйди на просторъ, въ чисто поле». Съ болью поясницы поступаютъ еще болѣе просто, приказывая ей: «боль, выйди вонъ, въ лошадиныхъ копыта, въ бараны рога, тутъ тебѣ не стоянье, тутъ не житье тебѣ». Дѣтей, у которыхъ отъ ползанія по грязному и неровному полу, появляются на колѣнкахъ ссадины и язвы, знахарь избавляетъ отъ страданія заговоромъ: «войдите вы, раны, въ лѣсная охраны, нападите на хищныхъ звѣрей и на ихъ дѣтей». При этомъ знахарь плюетъ на раны и размазываетъ слону (Орловск. г. и у.).

Также незамысловато лечатся сыпи и коросты у дѣтей: «сойди, нечистота,—обращается знахарь къ коростамъ,—отвались, ты скорлупа, въ широкое море, сядь ты на дно морское, сядь, не подымайся и къ дѣтямъ не прививайся» (Медынск. у. Калужск. г.).

Освобожденіе отъ болѣзни не всегда носить такой неопределенный и общій характеръ, а иногда имѣть въ виду вполнѣ определенно обозначаемый объектъ и принимаетъ характеръ непосредственной передачи. При этомъ, подобно происхожденію болѣзни отъ дѣйствія какой-нибудь неодухотворенной причины, и передать ее можно иногда любому неодушевленному предмету. Въ Вологдѣ г. знахари чрезвычайно просто передаютъ «скрыпунъ» притвору двери. Для этого защемляютъ большую кисть руки въ притворъ двери или воротъ, произносятъ три раза—«притворъ, ты, притворъ, возьми свой скрыпунъ»,—тутъ же моютъ большому руки мыломъ и говорятъ: «какъ у мертваго мертвеца ничего не болить, не щемить,

¹⁾ Несомнѣнно, многіе изъ заговоровъ, заключающіе въ себѣ обращеніе къ небу, свѣтиламъ, зарѣ, грому, вѣтрамъ и т. п., первоначально были молитвами къ стихійнымъ божествамъ. Въ эпоху христіанства эти древнѣйшія воззванія были подновлены вставками именъ Спасителя, Божіей Матери, апостоловъ и разныхъ угодниковъ. Многіе заговоры были до такой степени передѣланы сообразно съ новымъ вѣроученіемъ, что вошли въ составъ требниковъ XV—XVII ст. подъ именемъ молитвъ (Афанасьевъ, т. I).

не слышно ни тоски, ни болѣзни, такъ бы и у раба Божія (такого-то) ничего не болѣло, не щемило, и не слышалъ бы онъ ни тоски, ни болѣзни» (Никольск. у. Вологодск. г.).

Не менѣе просто передаются болѣзни птицамъ и животнымъ. «Когда ребенокъ,—передаетъ про такую передачу одна карачевская знахарка,—выходитъ у кого-нибудь изъ кожечки крикомъ, мать бѣется, бѣется, приходитъ ко мнѣ и просить полечить ребенка отъ криксы. Я беру его въ полу, въ правую, и иду нодъ нашесть, подъ куриную, прочту Вотчу и говорю я курамъ: куры рыбья и куры черныя, куры красныя и куры бѣллыя, возьмите вы Иванову криксу и дайте спокой рабу Ивану и денной, и ночной, и полуночный. И до трехъ разъ такъ-то выговариваешь и три раза плунешь».

Нѣсколько иначе передаетъ «крикъ» курамъ хвалынская знахарка Д-я. Она беретъ кружку воды, ведетъ больного въ «курникъ» и начинаетъ брызгать водой соннаго пѣтуха, мѣсто котораго, где сѣлъ, примѣтила засвѣтло. Когда пѣтухъ, проснувшись, закричитъ, Д-я приговаривается: «пѣтухъ-хрипъ, возьми съ младенца Ивана хрипъ, а ему дай сонъ».

Очень любопытенъ способъ передачи собачьей старости щенку, практикующійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Керен—го у. (Пензенск. г.). Топятъ баню и несутъ туда ребенка и маленькаго щенка. Знахарка моетъ въ корытѣ сначала щенка, а потомъ, въ той же водѣ ребенка, и кончаетъ лечение тѣмъ, что парить ихъ вмѣстѣ на полкѣ, ударяя вѣникомъ по ребенку разъ, а по щенку два.

Иногда, для передачи собачьей хили съ ребенка на щенка, применяется совершенно другой пріемъ. Ихъ привязываютъ вмѣстѣ къ хлѣбной лопатѣ, всовываютъ въ горячую печь и бьютъ прутомъ, поперемѣнно, ребенка и щенка, чтобы хиль перешла съ первого на послѣдняго (Городищ. у. Пензенск. г.).

Это сажаніе въ печь ребенка при собачьей хили представляеть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ¹⁾ совершенно самостоятельный пріемъ лечения и носитъ название «перепеканія младенца». Основаніемъ для этой операции считается то, что, будто бы, такой ребенокъ не доказывается въ утробѣ матери. Соединеніе этого послѣдняго пріема съ только что разсмотрѣннымъ, основаннымъ на принципѣ передачи болѣзни, создаетъ въ высшей степени оригиналъ и сложный пріемъ, который чаще всего совершаются слѣдующимъ образомъ.

¹⁾ Алатырск. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Яросл. г., Варнав. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Городищ., Кѣренск. и Инсарск. уу. Пензенск. г., Хвалынск. у. Сарат. г., Орловск. и Волховск. уу. Орловск. губ.

Утромъ, когда затопятъ печку, призываютъ бабку-знахарку. Она береть ребенка, кладеть или сажаетъ его на хлѣбную лепешку и до трехъ разъ подносить лопату съ ребенкомъ къ устью печки, а мать ребенка идеть въ сѣнцы, смотрить въ дверь и говоритъ:

«— Бабка, бабка, что дѣлаешь?»

«— Перепекаю младенца Алексѣя».

«— На что?

«— Выгоняю изъ него собачью старость».

«— Перепекай же и выгоняй собачью старость, чтобы не было отрыжки».

Знахарка, еще не снимавши ребенка съ лопаты, приказываетъ поймать щенка и посадить его подъ плетуху, сзади знахарки. Когда это сдѣлаютъ, тогда знахарка говоритъ: «перепекла младенца Алексѣя, выпекла изъ него собачью старость. На собачью старость дую и плюю, а младенца Алексѣя цѣлую». Потомъ, обратясь задомъ къ младенцу, начинаетъ плевать и дуть на щенка, а затѣмъ три раза цѣлуетъ ребенка. Послѣ этого, на плетухѣ, подъ которой лежитъ щенокъ, купаютъ ребенка въ теплой водѣ, настоенной на соломѣ, поднятой съ перекрестка дорогъ. Выкупавши ребенка, щенка выгоняютъ изъ избы, приговаривая: «иди, ты, собака, и разноси свою собачью старость отъ младенца Алексѣя по буграмъ, по лугамъ, по буеракамъ, по пашнямъ, по лѣсамъ, по садамъ, по кустамъ и прочимъ мѣстамъ, чтобы твоя старость не сушила младенца Алексѣя и не крушила его отца съ матерью». На младенца надѣваютъ свѣжее платье, а старое сжигаютъ въ печкѣ и золу развѣваютъ по воздуху, воду же, которая осталась отъ купанья, выливаютъ подъ печку. Потомъ бабка береть младенца на руки, подносить его къ печкѣ, поднимаетъ три раза вверхъ, приговаривая: «будь теперь, мой внучекъ, съ столбъ вышины, съ печь толщины», передаетъ младенца матери и лечение кончается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губ. такое перепеканіе производится не только надъ больными дѣтьми, но въ видахъ профилактики, надъ каждымъ ребенкомъ, для чего, тотчасъ по окончаніи родовъ, нарочно затопляется печь. При запеканіи ребенокъ или просто кладется на лопату во что-нибудь завернутый, или, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской г., обертывается тѣстомъ.

Очень остроумное видоизмѣненіе этого способа составляетъ такъ называемое нерерожденіе ребенка, предпринимаемое въ тѣхъ слу-чаяхъ, когда онъ рождается недоношеннымъ и слабымъ. Для этой операциіи мать съ ребенкомъ идеть къ знахаркѣ. Та береть ребенка,

кладеть на полъ и покрываетъ корытомъ, въ которомъ стираютъ бѣлье. Затѣмъ она выбираетъ какой-нибудь хрупкій камень и изо всей силы ударяетъ имъ по дну корыта, такъ что камень весь разсыпается вдребезги. Сдѣлавъ это, вынимаетъ ребенка изъ-подъ корыта и приказываетъ матери снять съ себя верхнее платье и оставаться въ одной рубашкѣ. Раздѣваетъ также до нага ребенка и продѣваетъ его сверху внизъ, черезъ воротъ рубашки матери (д. Мал. Новинка, Тихвинск. у., Новгородск. г.). Иногда перерожденіе совершается при посредствѣ мѣшка. Для этого берутъ мѣшокъ, распарываютъ на нижнемъ концѣ его шевъ и трижды продѣваютъ ребенка, изъ конца въ конецъ, черезъ середину мѣнника (д. Званка, Тихвинскаго у., Новгородск. г.).

Какъ ни просты всѣ эти лечебные способы, есть еще болѣе простой способъ избавиться отъ болѣзни—это напугать болѣзнь¹⁾. Въ Череповецкомъ у. существуетъ даже особое слово «запуги», для обозначенія тѣхъ сувѣрныхъ пріемовъ, которые употребляются для этой цѣли. Такіе зануги, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сопровождаются выполненіемъ довольно-таки грозной операции.

Вотъ какъ въ Новгородск., Вологодск. и Орловск. гг. лечится «запугомъ» поясничная боль (утинъ). Больной ложится на порогъ избы съ обнаженной поясницей. Производящій операцию знахарь становится по одну сторону, съ топоромъ въ рукахъ, свидѣтель по другую, первый замахивается топоромъ и прикасается его острѣемъ къ пояснице больного, второй спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь?» «Угинь рублю». Отъ свидѣтеля получается приказаніе: «руби его больше, чтобы и близко не было»—и тотъ начинаетъ махать топоромъ надъ поясницей. Въ Юхновскомъ у. (Смоленск. г.) операция эта, для вѣрности дѣйствія, совершается непремѣнно на трехъ порогахъ, а въ Сарапульскомъ у. (Вятск. г.) ее могутъ производить только первенцы и послѣдніи въ семье.

Видоизмѣненіе этого способа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключается въ томъ, что знахарка кладетъ больного ничкомъ на лавку и начинаетъ кусать поясницу: «грызи, грызи,—поощряетъ знахарку больной,—чтобы не было отрыжки».

Въ одномъ изъ такихъ пріемовъ, гдѣ также видно стремленіе передать и вмѣсть «запугать» болѣзнь, обнаруживается замѣчательная дикость и безсердечіе. Для леченія «грызи» у дѣтей нѣкоторые

¹⁾ Подобное представление, очевидно, создалось подъ вліяніемъ воззрѣнія, что, въ свою очередь, нѣкоторыя болѣзни происходятъ отъ испуга.

орловцы ловятъ полевую мышь и привязываютъ къ задней ногѣ я нитку. Раздѣвъ ребенка, садятъ его на столъ и дразнятъ пойманную мышь, чтобы она укусила ребенка за болѣное мѣсто. Послѣ того, какъ укуситъ, мыши прокалываютъ иглой глаза, протаскиваютъ чрезъ нихъ суровую нитку и подшосязываютъ ею ребенка, а мышь пускаютъ въ поле, приговаривая: «неси ты, мышь, Андрееву грызь. За то тебѣ прокололи глаза, чтобы не воротилась съ грызью назадъ».

Въ зависимости отъ представленія о «олосатикѣ», какъ причинѣ каріознаго пораженія «костей», существуютъ особаго рода хитрецы, специальность которыхъ «гнать волосъ». Гонять они волосъ слѣдующимъ образомъ: въ горшокъ или кадку, на дно, кладутъ песку, наливаютъ теплой воды, послѣ чего захаръ «наговориваетъ». Больной опускаетъ руку или ногу въ воду и накрываются одеждой. Гной, вытекающій изъ свища, располагается въ водѣ и на нескѣ нитями и хлопьями. Это даетъ поводъ захарю указать больному: «посмотри, дескать, сколько у тебя волосу-то вышло, такъ и свернулся клубками».

Курская захарка Н-я К-ва, большая специалистка по части выливанія волоса, прямо увѣряетъ своихъ пациентовъ, что при вскрытиї нарыва, вмѣсть съ матеріей, вылѣзаютъ волосы, либо сѣдые, либо черные, смотря по тому, на что выливать волосъ—на рожь или на нехворощу¹⁾). Операцию выливанія волоса при ногтобѣдѣ она начинаетъ съ того, что обводитъ острѣемъ иглы вокругъ ногтя, вскрывая такимъ пріемомъ абсцессъ, кладетъ на больной палецъ нехворощи, выливаетъ на болѣное мѣсто 30 горстей теплой воды и читаетъ соответствующій заговоръ.

Въ другихъ случаяхъ, для выливанія волоса, приготовляютъ въ кадкѣ особаго рода щелокъ, опуская въ него 12 накаленныхъ камней, взятыхъ съ 12-ти разныхъ полей. Когда щелокъ остынетъ, погружаютъ туда больную часть тѣла, соблюдая строгую тишину въ домѣ: волосатикъ боится шума и не пойдетъ изъ тѣла въ щелокъ.

Иногда пріемы захарей и содержаніе заговоровъ также необычайны, безсмысленны и фантастичны, какъ необычайны и не опровергиваются никакимъ здравымъ смысломъ воззрѣнія народа на причины болѣзней. Въ Череповѣ—мѣстѣ, для сниманія «киль», захаръ кладетъ дрожжей въ какой-нибудь маленький сосудъ и, заставивъ

¹⁾ *Artemisia campestris*.

больного наклониться надъ печнымъ шесткомъ, приказывается три раза проговорить: «отъ киль каменныхъ, чугунныхъ, желѣзныхъ, стеклянныхъ и деревянныхъ, отъ мертвыхъ, сонныхъ и живыхъ», — и всякий разъ плюнуть въ сосудъ. Потомъ захаръ мажеть этими дрожжами килу и она «присыхаетъ». Въ Саратовской г., отъ киль, одна балашовская захарка наговариваетъ на вино. Взявъ полбутылки вина и прочтя заговоръ, она обводитъ вокругъ бутылки лошадиной костью и дуетъ въ сосудъ. Водку эту больной пьетъ по зорямъ. Магические свойства кости захарка сообщается очень простымъ и несложнымъ способомъ: найдя кость, она обводитъ кругомъ ея безымяннымъ пальцемъ и прочитываетъ по три раза «Отче нашъ» и «Богородицу». По словамъ крестьянъ, очень удачно лечить килы захаръ Л-въ, изъ дер. Зарѣчья, Черенов—го у. Система его лечения заключается въ томъ, что онъ беретъ кусочекъ глины изъ устья печки, обращенной на востокъ, опускаетъ въ деревянное масло или водку и произносить: «во имя Отца... не отъ килы мозга, не отъ камени плода, не отъ пѣтуха яйца, во вѣки вѣковъ, аминь», а затѣмъ читаетъ молитву «Отче нашъ». Слова заговора и молитву произносить трижды и наговореннымъ масломъ или виномъ смазываетъ килу, которая сейчасъ же, будто бы, прорывается и проходитъ.

При хрипотѣ у ребенка, вслѣдствіе сильного бронхита или коклюша, а по соображеніямъ нѣкоторыхъ крестьянъ, оттого, что въ немъ «младенчикъ стоитъ», захарки ставятъ мать этого ребенка противъ солнца, вертятъ на лѣвой пяткѣ, берутъ изъ-подъ нея землю и растираютъ ею ребенка (Псковск. и Орловск. гг.). Совершенно неизвѣстные также приемы продѣлываютъ захарки при лечении отъ «стыя»¹⁾). Когда взрослый человѣкъ или дитя «сожнеть», захарки выбираютъ изъ него «стенъ».

Захарка становится больного къ стѣнѣ, измѣряетъ его ростъ ниткой и завязываетъ узелокъ, мѣряетъ суставы ногъ и рукъ больного и опять дѣлается на ниткѣ узелки. Сдѣлавъ такія измѣренія, ставить посреди избы скамейку, съ дырой по срединѣ, подкладываетъ подъ нее черепокъ съ горящими углеми и садить на скамейку больного. Послѣ этого изъ каждого угла избы береть по щепоткѣ мху, мететь полъ противъ «матицы» и собранный соръ, вмѣстѣ съ вынутымъ мхомъ и ниткой, кладеть въ черепокъ и сжигаетъ.

¹⁾ Исходаніе, сухота, иногда то же, что собачья старость. (Духовщинск. у. Смоленск. г.).

Если больной кашлянетъ въ это время, будетъ здоровъ, а если не—останется болынмъ или умретъ.

Знахари-лекари и ихъ специализациі.

Молитвословія, заговоры и соединенные съ ними суевѣрные пріемы составляютъ далеко не единственныя средства, которыми пользуются знахари при лечениі болѣзней. Нѣкоторые изъ нихъ, кроме заговоровъ, примѣняютъ также физические и механическіе пріемы лечения, а также употребляютъ и лекарственные вещества, по преимуществу изъ міра растительного. Въ этой роли народныхъ врачевателей выступаютъ нерѣдко коновалы, кузнецы, пастухи, мельники, бывшіе больничные служители изъ солдатъ, а также наша «бродячая Русь»—странники и странницы, которые, приїдя на ночевку въ деревню, разсыпаютъ врачебные совѣты направо и налево. Такъ какъ одному человѣку трудно удовлетворить всѣ запросы, касающіеся человѣческихъ недуговъ, то почти каждымъ такимъ знахаремъ избирается какая-нибудь отдельная врачебная манипуляція, въ производствѣ которой онъ пріобрѣтаетъ особый навыкъ и благодаря которой дѣлается известнымъ среди окрестнаго населенія. Такимъ образомъ, появляется своего рода специализація знахарей. Между такими специалистами есть особые «знатки» по внутреннимъ болѣзнямъ¹⁾, дающіе для нитяя больнымъ разныя травы—сухой звѣробой, мяту, ромашку, смородиновыя или березовыя почки и т. п., такія вещества, какъ деготь, скопидаръ, купорось, «бѣль» (сулему) или окуривающіе больныхъ киноварью и травами. Эти же «знатки» нерѣдко останавливаютъ кровотеченіе, засыпая раны сажей, золой, табакомъ, толченымъ сахаромъ, чортовымъ пальцемъ, или лечатъ нарывы, прикладывая къ нимъ собственного издѣлія пластиры изъ краснаго воска и сѣры, муки съ медомъ, творога съ тѣстомъ и т. п. Подъ влияніемъ развитія земской медицины, число такихъ знатковъ, по сравненію съ прежнимъ, въ настоящее время, безспорно, значительно сократилось и большої известности достигаютъ теперь изъ нихъ только очень рѣдкіе.

Къ одной такой старухѣ-лечейкѣ, въ Сойгенскомъ приходѣ (Сольвычегодск. у. Волог. г.), крестьяне бредутъ нерѣдко за 60—70 в. Такія же знаменитости проживаютъ въ г. Тихвинѣ (зناхарь С-въ) и въ дд. Якимовой и Лебедянкѣ (Пошехонск. у. Яросл. г.). Одинъ

¹⁾ Къ числу такихъ «знатковъ» въ Самарской г. принадлежалъ знаменитый Кузьмичъ, пріобрѣтшій въ 80 годахъ всероссійскую известность лечениемъ всевозможныхъ болѣзней эфедрой. Контингентъ паціентовъ Кузьмича, какъ известно, состоять далеко не изъ одного простонародья.

изъ пошхонскихъ знахарей пользуется славой, какъ необыкновенный специалистъ по лечению запоя. Въ д. Кузнецахъ (Егорьевск. у. Рязанск. г.) проживаетъ нѣсколько знахарей, известныхъ далеко за предѣлами своей округи. Къ числу такихъ же известностей принадлежитъ знахарь с. Городища (Орловск. г. и у.). Всъ болѣзни онъ лечитъ травами, собирая ихъ разъ въ годъ, въ день Ивана Купалы. Еще до восхода солнца онъ отправляется на тѣлѣгѣ въ лѣсъ, беретъ съ собой нѣсколько человѣкъ рвать траву, которую укажетъ, набираетъ этой травы цѣлый возъ, привозить домой, высушиваетъ, дѣлаетъ настой и раздастъ его больнымъ болѣзнями бутылками. Изъ Калининской волости, Вологодск. г., сообщаютъ о другомъ такомъ специалистѣ, который всѣ свои познанія получилъ чрезъ чтеніе медицинскихъ книгъ и лечитъ по «цвѣтнику». Практика его въ волости очень обширная и довѣріе чрезвычайно велико. Лечитъ онъ бесплатно.

Вотъ какъ разсказываетъ о своей практикѣ одинъ изъ такихъ знатковъ, представитель знанія, теперь все болѣе и болѣе глохнувшего и очень распространенного когда-то на старой Руси.

—Я ни колдовствомъ, ни заговоромъ не занимался,—разсказываетъ онъ,—а были у меня коренья разные, дюже полезительные, отъ всѣхъ болѣствей, а больше всего отъ порчи. Пріѣзжало ко мнѣ лечиться народу столько, что, бывало, подводъ болѣе десятка каждый день подъ двора стояло. Про меня вся округа знала: изъ-подъ Малоархангельска, изъ-подъ Кромъ, и изъ-подъ Орла, бывачи, Ѳдугъ, даже купцы и тѣ не брезгали. Разъ привезли ко мнѣ молодайку одну изъ Кошелева. Вся распухши она была: нутро болѣло у ей, и лицо, какъ желѣзо, синее стало. Чего-чего съ ней не было, три мѣсяца она болѣла и на голоса тоже кричала. Четыре холста пролечили свекры на нее, и по докторамъ, и по бабкамъ Ѳздили—ничѣмъ не изняли. Какъ приѣзли ко мнѣ, сотворилъ я молитву, посмотрѣлъ по своей книгѣ, что дать, взялъ, натопилъ кореньевъ,—про такой случай у меня всегда вода горячая въ печкѣ держалась и два чайника желѣзныхъ было у меня—далъ ей пить и рассказалъ, сколько дней пріѣмать надоть. Послѣ пріѣзжали они ко мнѣ, недѣль черезъ пять, и благодарили, что я ее на ноги поставилъ. Тутъ-то я не призналъ эту молодайку—личность совсѣмъ перемѣнилась: такая здоровая да румяная она стала. За лечение я не бралъ много, а сколько кто дастъ. Конечно, ково используетъ, такъ тотъ и самъ хорошо заплатитъ: сколько разъ бумажекъ по пяти и больше давали. Нашлись у меня завистники и донесли на

меня попу и уряднику, что я чернокнижій занимаюсь. Я ничево не знаю, сижу дома. Глядь, ко мнѣ въ хату приходитъ попъ съ урядникомъ, а избу понятые окружили. На перво попъ обратился ко мнѣ и говорить:

«—Ты, Михайло, сказываютъ, лечишь народъ по книжкамъ отъ всякихъ болѣзней, такъ покажи намъ свои книги».

«Я ему наоборотно говорю:»

«—Лечу, батюшка, это правда, и у меня разные коренья и травы есть, да и книга тоже есть. По ей разбираю, какихъ кореньевъ отъ какой хвори дать, и съ молитвою творю это, а вреда никакого не дѣлалъ людямъ. Я, говорю, хоши при васъ, какую угодно, траву откоплю и самъ попробую, и больнымъ даю».

«Урядникъ какъ крикнетъ на меня: «ты не разговаривай съ нами, а подавай свои книги и коренья, а мы ихъ становому представимъ. Загонить онъ тебя въ Сибирь за это лечение».

«Я не спужался, открылъ укладочку, гдѣ книга моя лежала и коренья. «Извольте, говорю, братъ укладку, тутъ все лечение мое, только, прошу я васъ, не растеряйте листиковъ изъ книги, да корешковъ не трусите, дюже трудно собирать ихъ».

«Урядникъ отвезъ укладочку мою къ становому, енъ и книгу, и коренья къ доктору въ Яковлево отправилъ, а докторъ посмотрѣлъ на мою книгу и сказалъ: «это безвредная книга, травникъ называется».

«Такъ все и отдали мнѣ назадъ. Въ тотъ же годъ случился пожаръ, и укладочка моя сгорѣла. Теперича, какія по памяти знаю травки, тѣ и собираю каждый годъ, а лечить совсѣмъ мало сталъ».

Большинство знахарей, примѣняющихъ при лечениі травы, обыкновенно знанія свои тщательно скрываютъ отъ непосвященныхъ, разспросы о способахъ лечения рѣдко достигаютъ своей цѣли и узнать отъ нихъ что-либо положительное бываетъ очень трудно. Между тѣмъ, по словамъ иѣкоторыхъ сотрудниковъ, лечение ихъ иногда останавливается на себѣ вниманіе и невольно создаетъ въ нихъ вѣру. Г-нъ Корвинъ-Круковской (Васильсурскій у. Нижег. г.) передаетъ даже о такомъ случаѣ, гдѣ больной, искусанный бѣненой собакой, былъ вылеченъ знахаремъ, понишимъ его настоемъ какою-то неизвѣстной травы. Фактъ, что собака была дѣйствительно бѣненою, по словамъ Корвинъ-Круковского, былъ установленъ, будто бы, неопровержимо, у больного наблюдалась неодолимая тоска, потеря аппетита и пр. и его положеніе было признано безнадежнымъ со стороны врача. «Несомнѣнно,—заканчиваетъ описание этого слу-

чая г-иъ Корвинг-Круковской,—нѣкоторымъ знахарямъ извѣстны цѣлебныя травы, неизвѣстныя еще наукѣ¹⁾.

Другой классъ специалистовъ — костоправы, между которыми встречаются часто и лица женского пола, такъ называемыя «баушки». Онъ, будто бы, вправляютъ вывихи и помогаютъ при переломахъ костей, накладывая самыя примитивныя повязки. Хотя въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторые изъ знахарей, повидимому, обладаютъ искусствомъ различать вывихи и вправлять нѣкоторые изъ нихъ, напр., вывихъ плеча, но въ большинствѣ случаевъ они принимаютъ за вывихи растяженія связокъ, простые ушибы суставовъ или переломы суставныхъ концовъ костей: устранивши ихъ смѣщеніе и положивъ повязку, говорятъ, что вывихъ вправленъ. Вообще же, умѣнья различать вывихи, по ихъ признакамъ и какихъ-либо выработанныхъ пріемовъ вправлять ихъ, даже между присяжными костоправами, повидимому, совершенно не существуетъ. Изъ многочисленнаго ряда сообщеній корреспондентовъ имѣется только одно (с. Борисоглѣбское, Яросл. г.), въ которомъ содержится намекъ на техническіе пріемы при вправлениі вывиховъ: «при вывихахъ обыкновенно встѣряхаютъ вывихнутую конечность, стараясь придать ей естественное положеніе и растираютъ ушибленное мѣсто, моютъ, какъ говорятъ». Въ большинствѣ же случаевъ костоправы, имѣя дѣло съ вывихомъ, опредѣляютъ его выраженіемъ—«хребетокъ расшибенъ» и лечатъ, какъ ушибъ, примочками, припарками изъ травъ и даже заговорами²⁾). Не лучшіе обстоитъ у костоправовъ дѣло съ переломами. Повязки при переломахъ изъ лубковъ, бересты и т. и. накладываются костоправами далеко не во всѣхъ случаяхъ, и большинство переломовъ, особенно верхнихъ конечностей, срастаются безъ всякихъ повязокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ знахарь обѣщается, что кость срастется безъ всякой помощи, по одному его наговору (Краснинск. у. Смоленск. г., Карабачевск. у. Орловск. г.). Результатами такой хирургической терапіи костоправовъ являются застарѣлые вывихи и неправильно сросшіеся переломы, съ которыми потомъ приходится имѣть дѣло врачу. Какого-либо значенія покою при всѣхъ такихъ поврежденіяхъ, а равно при простыхъ ушибахъ, повидимому, не придается. Не совсѣмъ также исчезли въ

¹⁾ Этотъ случай имѣлъ мѣсто лѣтъ 14 тому назадъ, когда пастеровскій способъ лечения бѣшенства только что началъ примѣняться и относится, вѣроятно, къ разряду врачебныхъ ошибокъ.

²⁾ См. VII гл., заговоры 160 и 161-й.

деревни такіе специалисты, какъ «рудометы и рудометки». Изъ нихъ одни открываютъ кровь «жильную», другіе кидаютъ, мечутъ и бросаютъ кровь «баночную или роговую»¹). (Новгородск., Волог. и Исков. гг.). Рудометы научаются своему искусству по преемству и передаютъ его отъ отца къ сыну. Мечутъ кровь и женщины, но преимущественно пожилыя. Рудометовъ и рудометокъ также зовутъ знахарями и ворожеями, хотя бы они заговоровъ и сувѣрныхъ пріемовъ при кровопусканіи и не употребляли.

Въ извѣстныхъ случаяхъ больной, когда, по его соображеніямъ, необходимо пустить кровь, призываетъ такого знахаря или ворожею и говоритъ: «выпусти ты мнѣ, кормилецъ, Бога ради, дурную кровь, много ея накопилось, тяжело стало!» «Вѣрно, вѣрно,—говорить знахарь,—много у тебя дурной крови, давно надо выпустить. Бѣда,—высказываетъ онъ свои соображенія,—когда накопится много крови: тяжко человѣку».

Это убѣжденіе, что можетъ быть тяжко человѣку отъ крови, заставляетъ нѣкоторыхъ киданіе крови повторять ежегодно, обыкновенно весной, а то и нѣсколько разъ въ годъ. «Какъ худую кровь выпуши,—объясняетъ крестьянинъ,—опять человѣкомъ сдѣлаюсь, сколько хочу работай. А ты говоришь, что крови бросать не нужно. Да ты посмотри-ка, какая она черная, какъ деготь, худая. Вонъ ее надоть, потому она только тяжелитъ человѣка» (с. Покровское, Новгор. г.).

Знахарь перочиннымъ ножомъ или старой бритвой дѣлаетъ на спинѣ, возлѣ лопатки, продольный разрѣзъ, настолько глубокій, чтобы кровь шла струей, и выпускаетъ ее, приблизительно, съ чайную чашку. Когда, по мнѣнію знахаря, дурная кровь вся вышла, онъ прикладывается къ ранѣ тряпку, намоченную въ холодной водѣ. Если кровь не идетъ струей, а только едва просачивается, знахарь ее высасываетъ и сплевываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускаютъ кровь изъ «соколка»²). Знахарь наставляетъ долото на мѣстѣ прохожденія этой вены между сухожиліями разгибателей большого пальца и ударомъ кулака нересѣкаетъ вену.

Чаще всего кровь пускается «рожками». Для этого берется коровій рогъ, широкій конецъ котораго ровно обрѣзанъ, чтобы плотно

¹⁾ Кровь, извлекаемая банками или рожками.

²⁾ Вена на тылѣ большого пальца, собирающая кровь съ этого пальца и переходящая въ головную вену (v. saphenica). Название «соколокъ» имѣеть связь съ соколиной охотой въ старой Руси: у ловчихъ, которые держали соколовъ, при вытянутомъ положеніи большого пальца, у его основанія, она выступала всего рѣзче.

прилегалъ къ спинѣ, а на узкомъ концѣ сдѣлана небольшая дырочка, закрывающаяся снаружи клапаномъ. Знахарь, сдѣлавъ на спинѣ небольшой разрѣзъ, накрываетъ его широкимъ концомъ рожка, а черезъ узкий вытягиваетъ воздухъ: рожокъ закрывается клапаномъ и наполняется кровью. Между этого рода специалистами есть и такие, которые kleцками извлекаютъ зубы и производятъ даже другія мелкія хирургическія операциі—вскрываютъ парызы, вырѣзываютъ мелкія кожныя опухоли, по преимуществу на ножкахъ, ампутируютъ пальцы и т. д.

Есть также особые «правильщики» и «правильщицы». Они направляютъ пупъ, который оказывается сорваннымъ отъ тяжелой работы, подъема, или просто отъ того, что человѣкъ оступится или сдѣлаетъ неловкое или рѣзкое движеніе. Достигается это всего чаще накидываніемъ горшка. При этой операциі знахарка кладетъ больного, намазываетъ ему животъ гущею или мыломъ, беретъ горшокъ, зажигаетъ немного льну, бросаетъ его въ горшокъ и опрокидываетъ на животъ больному. Горшокъ играетъ роль, такимъ образомъ, большой сухой банки. Эта операциі иногда бываетъ настолько мучительна, что больной кричитъ отъ боли и требуетъ немедленного удаленія горшка, но сдѣлать это бываетъ не всегда легко: часто животъ такъ сильно втягивается въ горшокъ, что послѣдній приходится иногда разбивать. Знахарка продолжаетъ это раза два, три, всегда натощакъ, а когда операциі кончена, даетъ больному выпить вина съ солью или сажей (Орловск., Смоленск., Новгородск., Вологодск. и Вятск. гг.). Накидываніе горшковъ предпринимается также съ цѣлью разогнать дурную кровь, но едва ли не чаще всего производится теперь у женщинъ для производства выкидыша, и у маленькихъ дѣтей отъ грызи, при чемъ горшокъ замѣняется стаканомъ. Въ Черновецкомъ уѣздѣ, гдѣ, повидимому, наиболѣе распространена теорія пупныхъ болѣзней, стараются сдѣлать такъ, чтобы при «накидываніи» горшка пупокъ находился въ его центрѣ: когда животъ втягивается въ горшокъ, то этимъ вполнѣ обезпечивается собраніе разсыпавшагося пупа въ одно мѣсто. Тамъ же существуютъ и другіе способы лечения знахарями «пупныхъ болѣзней». При одномъ изъ такихъ способовъ «рвать пупъ пальцами», т. е. болѣшимъ и серединой согнутаго указательного пальца захватываютъ складку кожи и поднимаютъ ее, стараясь перекрутить складку. Иногда щипаніе кожи пальцами производится по всему животу и представляетъ видъ массажа. Употребляется также «завертываніе пупа» палкой: беруть коротенькую

палку, средину ея кладутъ на нупокъ и начинаютъ производить круговыя движения палки по животу, съ цѣлью «закрѣпить» сорванный пупъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «катаеть пупомъ»¹⁾, производится операциѣ «сдергиванія пупа». Больной, съ обнаженной спиной, ложится внизъ животомъ на лавку, а приглашенный знахарь, согнувъ у себя на рукахъ по три пальца и оставивъ свободными остальные два, указательные кладетъ поперекъ спины больного, а большими захватываетъ кожу на спинѣ и сильно тянеть до тѣхъ поръ, пока въ спинѣ «что-то не щелкнетъ»: это пупъ сдернулся съ того мѣста, на которомъ ему быть не слѣдуетъ, и попалъ опять на свое.

Аналогичная операциѣ въ Вельскомъ у. (Волог. г.) называется «защипываніемъ пупа». Эта операциѣ примѣняется здѣсь къ тѣмъ случаямъ поясничной ломоты, когда она является результатомъ «срыванія пупа». Больной также ложится спиной вверхъ, и знахарка защипываетъ пупъ, забравъ кожу на спинѣ, противъ пупа, въ складку и вытягивая ее до тѣхъ поръ, пока не послышится хрустенье: это опять, значитъ, пупъ попалъ на свое мѣсто.

Въ Сарап—мъ у. (Вятск. г.), при «наджадѣ», когда пупокъ всталъ не на мѣстѣ, привять брюхо и пупъ бабушки повитухи или самъ больной. Для этого онъ ложится внизъ животомъ, стараясь возможно больше выгнуть спину и положивъ подъ животъ какой-нибудь предметъ.

Въ Саратов—ой г. (с. Бобылевка, Балашов. у.), когда появятся боли въ животѣ, бабки говорятъ, что онъ «отбитъ или надорванъ». Для лечения, больного кладутъ, съ согнутыми ногами, на спину и начинаютъ обѣими руками поглаживать животъ снизу вверхъ, причитывая: «во имя Отца, и Сына, и св. Духа». Потомъ берутъ больного за ноги и, встряхнувъ раза три, велятъ немногого полежать и даютъ стаканъ водки. Когда заболитъ шея и бываетъ нельзя повернуть голову, бабка говоритъ, что она «развилась». Для исправленія, больного берутъ за голову обѣими руками, поворачиваютъ ее то на ту сторону, то на другую, приказывая не задерживать поворачиванія, и вдругъ производятъ такое повертываніе, что, по словамъ больныхъ, «затрецигъ шея». Когда заболитъ отъ работы спина, бабушки также говорятъ, что она «развилась»: велятъ больному сложить руки по мертвому, лечь вверхъ спиной и надавливаютъ ее ногой.

¹⁾ Сильныя боли въ животѣ.

Особые специалисты лечатъ также глухоту и вытягиваютъ сбру изъ ушей. Промывъ уши водою, кладутъ въ нихъ маленькие кусочки камфоры, завернутой въ вату или тоненькую тряпичку, съ листиками душистой герани. Потомъ, свернувшись изъ лоскутка бумаги, пропитанной воскомъ, трубочку, вставляютъ одинъ конецъ въ ухо, а другой зажигаютъ. Операция эта считается самой действительной противъ глухоты: вся сбра, которая закладывается уши, если она даже копилась годами, «выгоритъ» или ее вытянетъ огнемъ на бумагу (Черепов. у. Новгородск. г.).

Особые специалистки-трихи (массажистки) или парильщицы занимаются исключительно растираниемъ больныхъ въ пару, т. е. въ въ печахъ и баняхъ. Натирание производится рѣдкою, деревяннымъ масломъ, керосиномъ, виномъ, краснымъ медомъ и пр. и длится продолжительное время. Свои манипуляции они нерѣдко сопровождаютъ произнесениемъ молитвъ и заговоровъ, а нѣкоторые изъ нихъ усиленно при этомъ втягиваютъ въ себя воздухъ: вдыхаютъ и уничтожаютъ болѣзнь (Макарьевск. у. Костромск. г.). Нѣкоторые изъ трихъ, при поносѣ у дѣтей, правятъ «пердячью» (копчиковую) косточку. Въ зависимости отъ представлений, что нѣкоторые виды дѣтскихъ поносовъ развиваются отъ свертыванія копчиковой кости наружу, такія трихи, намыливъ палецъ и введя въ задній проходъ ребенка, производятъ поглаживающія движения, надавливая и выгиная изнутри эту косточку (Саранск. у. Пензенск. г.).

Подобная же специалистки ломаютъ глазъ при «переломѣ» (язвахъ роговицы), т. е. растираютъ, черезъ закрытые вѣки, глазное яблоко. Особаго рода трескъ, который слышиится при этой манипуляціи въ глазу больными, очевидно, и даѣтъ поводъ назвать это глазное примѣненіе массажа «ломаніемъ глаза». Такія же специалистки, при попаданіи инородныхъ тѣлъ въ глаза, часто слушающемся, особенно во время молотьбы и вѣянія хлѣба, вывертываютъ глазъ на кольцо и достаютъ соринку руками или вылизываютъ ее языкомъ. Лизаніе языкомъ пускается ими въ ходъ и при другихъ глазныхъ болѣзняхъ, а иногда и при нарывахъ (Волог. и Орловск. гг.). Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ сообщилъ намъ о случаѣ, гдѣ такое высасываніе гноя изъ полости нарыва было произведено при флюсѣ. (Васильсурск. у. Нижег. г.). Нѣкоторые изъ сотрудниковъ сообщаютъ даже о такихъ искусствницахъ, которые высасываютъ ртомъ, при задержаніи, мочу у младенцевъ (Черепов. у.).

Знахари-шарлатаны.

Совершенно особенное место занимаютъ знахари-шарлатаны. По нашимъ даннымъ, такихъ знахарей, по сравненію, такъ сказать, съ идеиними, убѣжденными знахарями, значительное меньшинство. Это обстоятельство, конечно, можетъ быть объяснено отчасти тѣмъ, что такие знахари болѣе тщательно, чѣмъ первые, скрываютъ отъ посторонняго, не мужицкаго глаза свою профессію, почему получить отъ нихъ какія бы то ни было свѣдѣнія въ высшей степени трудно. Но, съ другой стороны, нельзя не признать того, что трудно и держаться такому знахарю, очень долго, въ деревнѣ, такъ какъ его дѣятельность на виду однодеревенцевъ, а нашъ мужикъ, несмотря на все свое суевѣrie, практическій обманъ разгадывается очень быстро¹⁾. Вѣроятно, успѣхъ большинства изъ нихъ основывается на нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ знаніяхъ, которыми они очень ловко умѣютъ пользоваться. Въ с. Новотроицкомъ (Инсарск. у. Цензенск. г.) населеніе, несмотря на свою развитость, грамотность и, будучи, вообще, почти или очень мало суевѣрнымъ, упорно вѣрить въ заговоръ отъ сибирской язвы. Сибирская язва, въ этомъ селѣ, до нѣкоторой степени, профессіональная болѣзнь, такъ какъ многие жители его занимаются выдѣлкою дубленыхъ овчинъ, которыя попадаются иногда съ животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы. Относясь со страхомъ ко всякимъ операциямъ и къ больницѣ, где сибирскую язву выжигаютъ и вырѣзываютъ, больше стараются обойтись своими средствами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались мѣстные шарлатаны, увѣривъ и распустивъ молву, что они знаютъ отъ сибирки заговоры, отъ которыхъ ее, какъ рукой, снимаетъ. И, какъ это ни удивительно, нѣкоторые изъ нихъ очень бойко практикуютъ и даже стяжали себѣ громкую известность.

Весь секретъ успѣха ихъ заключается въ томъ, что настоящія заболѣванія сибирской язвой случаются относительно рѣдко, а крестьяне, не зная ся отличительныхъ признаковъ, всякую воспалительную опухоль, нарывъ и даже какой-нибудь прыщъ принимаютъ за сибирку и спѣшатьскорѣе къ знахарю. Тотъ, конечно, подтверждаетъ распознаваніе, за извѣстную плату заговариваетъ---и минимая сибирка проходитъ.

¹⁾ Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.) сообщаютъ о существованіи цѣлыхъ шарлатанскихъ деревень. Такова, напр., приволжская дер. Шепели, жители которой чуть ли не сплошь занимаются такимъ шарлатанскимъ ремесломъ, одурачиваютъ окрестныхъ крестьянъ и эксплуатируютъ довѣрчивыхъ пациентовъ.

Когда же къ такому шарлатану явится действительно заболевшій сибирской язвой, то онъ старается отѣлаться отъ больного, заявляетъ, что болѣзнь устарѣла, что заговоръ уже не подѣйствуетъ, или же говоритъ, что эта сибирка совсѣмъ не та, которую онъ заговариваетъ, что такую сибирку заговариваетъ-де другой знахарь, живущій въ сосѣднемъ селѣ, и совѣтуетъѣхать за нимъ.

Такой именно случай произошелъ въ этомъ селѣ въ 1898 г. У крестьянина С. Б-ва заболѣлъ сибирской язвой сынъ. Обращаются къ мѣстному знахарю М. С-ву. Тотъ осмотрѣлъ больнаго и, увидѣвъ, что у парня настоящая сибирская язва, отъ заговора уклонился и посовѣтовалъ какъ можно скорѣеѣхать въ с. Николаевку, за тамошнимъ знахаремъ Г-мъ В-мъ: онъ знаетъ-де болѣние въ этомъ дѣлѣ и непремѣнно заговорить эту сибирку.

Б-въ приѣзжаетъ къ этому знахарю.

— Къ твоей милости, Григорій Васильевичъ».

«— Што скажешь?»

«— Да парень захворалъ».

«— Это ѣкой?»

«— Болыпакъ».

«— Нигоже. А што съ нимъ?»

«— Извѣстно што—язва, вотъ, и прїѣхалъ за тобой».

«— Да у васть вѣдь есть свой, Максимъ?»

«— Онъ-то и послалъ».

«— Што, видно, въ цѣнѣ не сошлисъ, онъ, чать, пятишкѣ ломитъ?»

«— Нѣть, онъ ничего не просить, говорить, что ничего не можетъ сдѣлать, а можешь сдѣлать только ты, я ужъ въ цѣнѣ не постою, только поѣдемъ».

Польщенный такимъ вниманіемъ коллеги, знахарь согласился и поѣхалъ, взявъ за свой визитъ четыре рубля. Больной, конечно, умеръ. Результатомъ такого неумѣстнаго вмѣшательства было то, что слава нослѣдняго знахаря окончательно померкла, а перваго еще болѣе упрочилась.

Несомнѣнно, современные условия деревни, съ ея новыми вліяніями, не только ведутъ, мало-по-малу, къ вытѣсненію знахаря изъ обихода деревенской жизни, но и мѣняютъ самыи его типъ. Нынѣшній знахарь часто далеко не во всемъ похожъ на прежняго, онъ съумѣлъ приспособиться къ новымъ понятіямъ и измѣнившимся требованиямъ и очень хорошо знаетъ, за что и какъ браться. Вотъ

какъ знахарь этой новой формациі, Гр. Шабара, аттестуетъ свою антагонистку по профессіи и вотъ что онъ разсказываетъ о себѣ.

«— Есть тутъ, въ нашемъ уѣздѣ (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), въ с. Ильинскомъ, старуха одна, А—на, тоже по нашей части промышляетъ. Она, вотъ, и въ церковь ходитъ, и съ попадьями дружна, а для чего? Только, чтобы за ней не доглядывали. А ея дѣло—только портить людей, всякое зло варганить, а чтобы помочь кому-нибудь въ бѣдѣ, на это у ней смысла не хватаетъ. Докторовъ она нахралъ ненавидитъ и распускаетъ о нихъ всякую худую славу, чтобы только у нихъ не лечились. Отъ больницы отбиваешься и говорить, будто доктора все подкуплены нѣмцами и нарочно морятъ мужиковъ, чтобы послѣ этого всю нашу землю выбрать себѣ. А безъ докторовъ нельзя, они по своей наукѣ знаютъ все тѣло человѣка: сколько ли кость, вывихнула ли руку, разрѣзала ли гдѣ ногу—это ихъ дѣло. И прочіе недуги тоже знаютъ. Бываетъ, что въ человѣкѣ боли не видно, а онъ таетъ, какъ свѣча, лекарства не помогаютъ, а отъ слова, сказанного знающимъ человѣкомъ, легче проходитъ. Я уговариваю, ежели болѣзни не знаю, сперва сходить къ доктору, а отъ него къ себѣ велю зайти, разспросить у больного, что надо, потомъ и дамъ своего лекарства, на прибавокъ къ докторскому, и наставлю, какъ надобно мое снадобье принимать. Много разъ случалось, что выздоровѣвшіе приходили благодарить за помощь, сказывали, что только одно мое снадобье принимали, а докторское цѣло лежитъ. Доктора, которые изъ поляковъ или изъ нѣмцевъ, тѣ нашего брата, мужика, не долюбливаютъ, ну, а который нашъ братъ, русскій—тотъ простой, того не опасайся: если гдѣ и на промыслѣ застанеться, много, много, что посмѣется. Отъ нѣмца я видалъ страсть. Сынъ одного богатѣя захворалъ тутъ, въ городѣ. Болѣзнь такая, что лечиться у докторовъ стыдно, вотъ, я его и пользовалъ. Чтобы скорѣе поправиться, онъ принялъ лекарства столько, что чуть языкъ не высунулъ. Позвали доктора, нѣмца, онъ и прижалъ больного: гдѣ взялъ снадобье? Спасибо, удержался парень, не объявилъ, а то притянули бы меня къ отвѣту. Опасли-вѣ сталъ, не даю теперь съ собою крѣпкихъ снадобьевъ».

Про очень интересный случай, относящийся къ послѣднему холерному году, разсказываетъ тотъ же Шабара. Совершенно случайно ему пришлось очутиться въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какое попалъ убитый въ г. Хвалынскѣ врачъ Молчановъ¹⁾. Шабара избѣгъ

¹⁾ См. IV гл.

опасности, только благодаря своему чутью, върной оцѣнкѣ своего положенія и хорошему пониманію своего брата-мужика.

«— Много тогда,—рассказывает Шабара,—умирало народу отъ этой самой холеры. Пришлось мнѣ идти, по своему дѣлу, въ Залѣсье, и пока я проживалъ три дня въ Казаревѣ, умерло отъ холеры въ этой деревнѣ пять человѣкъ. Какой-то дуракъ и пусти молву, будто, онъ видѣлъ, какъ я портиль въ колодцахъ воду. До прихода Шабары, говорятъ, пили изъ колодцевъ и не помирали, а теперь помирать стали: надо, дескать, поучить его. Дѣло было около Ильина дня, время стояло, страсть, какое жаркое. Въ полдень хоть на улицу на выходи, солнце, какъ огнемъ, обжигало. Я съ вечера сказалъ хозяевамъ, что пойду отъ нихъ до солнышка, чтобы по холодку дойти до Волхова, поспѣть къ отходящему отъ деревни Чубовиковъ пароходу. Изъ дома пошелъ я не деревней, а задворками, для того, чтобы черезъ ближній лѣсокъ скорѣе дойти до прямой дороги. Вѣремя добрался до рѣки, вѣремя перѣѣхалъ къ пароходной пристани. Сижу на пароходѣ. Просвисталъ третій свистокъ, вижу, на томъ берегу, откуда я перѣѣхалъ, куча народа. Кричать, шумятъ, машутъ руками на пароходъ, а колыя, косы такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Я ужъ догадался, въ чемъ дѣло. Три человека, съ косами, кинулись на лодкѣ и иѣхали было наперѣрѣзъ отвалившему отъ пристани пароходу, но пароходъ опередилъ ихъ. Я своими ушами слышалъ, какъ они кричали: убить Шабару надо! Народъ чужестранный сидѣлъ тутъ, на палубѣ. Я и виду не подалъ, что эти слова касаются до меня, а шкиперъ-то смекнулъ, да смолчалъ. Ужъ послѣ я узналъ, что эти дураки, какъ не удалось имъ надо мной потѣшиться, воротились въ деревню и положили: вычерпать по сорока ведеръ воды изъ каждого колодца, вылить ее на зарѣзанного надъ колодцемъ пѣтуха, принесенного изъ того дома, гдѣ я ночевалъ. Однако, и послѣ того у нихъ умерли два человѣка». Характеризуя врачебно-знахарскую дѣятельность Шабары, нашъ сотрудникъ говоритъ: «нѣкоторыя душевныя болѣзни онъ излечиваетъ превосходно, за дѣтскія болѣзни берется рѣдко. Его заговоры отъ кровотеченія, разнаго рода болей, укушенія змѣй, съ употребленіемъ перевязокъ, втираній и тому подобныхъ средствъ, всегда удачны».

Судя по сообщеніямъ нашихъ сотрудниковъ, крестьяне рѣдко лечатся у знахарей отъ всѣхъ или отъ большинства болѣзней и гораздо чаще отъ извѣстной группы ихъ: истерии, эпилепсіи, помѣ-

шательства, импотенції, « волоса », дѣтскихъ, женскихъ и разнаго рода затяжныхъ болѣзней. Все это такія болѣзни, причиной которыхъ, по понятіямъ мужика, являются порча, подшутъ, слазь и которыхъ быстро и скоро, какъ то надобно мужику, не въ состояніи вылечить врачъ. На степень приверженности къ знахарству всего больше вліяетъ возрастъ, при чмъ люди зрѣлаго возраста и старики склоняются больши въ пользу знахарей, молодое же поколѣніе тяготѣеть чаще къ врачамъ, наличность или отсутствіе грамотности и большая или меньшая доступность врачебной помощи. Въ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи и около врачебныхъ пунктовъ, предпочтительнѣо лечатся у врачей, въ мѣстахъ же отдаленныхъ и глухихъ по преимуществу у знахарей¹⁾. Немаловажную роль, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ, играетъ также полъ, такъ какъ женщины иногда являются болѣе ярыми адептками знахарства, чмъ мужчины. Это обстоятельство получаетъ тѣмъ большее значеніе, что, вѣря въ знахарей сами, женщины тащатъ къ нимъ и своихъ дѣтей.

Суммируя всѣ, полученные на этотъ счетъ заявленія, можно было бы сдѣлать выводъ, что, въ общемъ, крестьяне почти въ одинаковой степени лечатся и у врачей, и у знахарей: сначала сходять къ врачу или фельдиеру и, если лекарство не помогаетъ, идутъ къ знахарю, или, наоборотъ, обращаются къ врачу или фельдиеру, предварительно побывавъ у знахаря. Заявленій, въ которыхъ изображается полное предпочтеніе знахарей врачамъ и совершенное отрицаніе научной медицины, значительное меньшинство, хотя, съ другой стороны, не особенно велико и количество заявлений, чтобы знахарство, въ той или другой формѣ, не признавалось совсѣмъ, а признавалась лишь одна научная медицина, въ лицѣ ея представителей, земскихъ врачей²⁾.

¹⁾ По свидѣтельству большинства сотрудниковъ, знахари, отчасти тайные или явные ц., отчасти, не какъ профессионалы, а лишь какъ знающіе и опытные соѣтники, есть почти въ каждой деревнѣ.

²⁾ О предпочтительномъ отношеніи къ врачамъ предъ знахарями всего больше поступило заявлений: изъ Демян., Тихв. и Череп. уу. Новгородской г., Кадник., Грязовец. и Яренск. уу. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Пощѣх. и Романово-борисоглѣбскаго уу. Яросл. г., Зарайск. у. Рязанска. г., Алатыр. у. Симб. г., Саранскаго у. Пенз. г., Караб. у. Орлов. г., Сычев. и Юхнов. уу. Смол. г., Сузdalск. и Юрьевск. уу. Владим. г., Балаш. у. Сарат. г. Наиболѣе многочисленны и категоричны заявленія о предпочтеніи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, знахарской помощи получены изъ Орлов. и Болхов. уу. Орловской г., Скопинскаго у. Рязанска. г., Зубцов. у. Тверской г., Меленк. у. Владим. г., Ростов. у. Яросл. г.,

Окидывая взглядомъ средства и пріемы знахарей и исключая чисто лекарственную терапію, съ современной точки зре́нія, мы можемъ признать имѣющими значение только тѣ изъ нихъ, въ основѣ которыхъ лежать внушеніе и примѣненіе массажа. Достойно удивленія, что эти два метода лечения сдѣлались достояніемъ научной медицины лишь въ самое послѣднее время, тогда какъ въ медицинѣ народной они практиковались и существовали цѣлый столѣтія. Поразительно также то, что методы эти пришли къ намъ съ запада, когда столь давно были у насъ, можно сказать, подъ руками: таковы результаты пренебрежительного отношенія и недостатка изученія народа.

Что же касается остальныхъ знахарскихъ средствъ и пріемовъ, по большей части суевѣрныхъ, то нельзя не признать—обстоятельство, на которое мы указали раньше,—что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они находятся въ строгой и иногда поразительной зависимости отъ тѣхъ возврѣній на болѣзни, какія имѣются о нихъ народъ: терапія знахарей построена на народной теоріи о болѣзняхъ и есть только слѣдствіе и выводъ изъ нея. Логика народа здѣсь не дѣлаеть ошибки и, если выводъ невѣренъ, то единственно потому, что невѣрна та посылка, на основаніи которой онъ сдѣланъ.

Въ пріемахъ этихъ, далѣе, поражаетъ ихъ ритуальная разработанность. Намъ кажется, что это обстоятельство имѣеть существенное и немаловажное значение: все то, что существуетъ не въ видѣ лишь общей, неопределенной идеи и представлениія, а выражается въ тщательно выполняемыхъ и сохраняемыхъ мелочахъ, то всегда бываетъ внѣдрено и связано съ жизнью, какъ отдельного лица, такъ и цѣлаго народа самыми тѣснѣмъ и органическимъ образомъ и не скоро, и не легко можетъ быть утрачено. Одно то, что эти мелочи существуютъ и не забываются, говорить за жизненность явленія. Въ случаяхъ же, когда народное вѣрованіе начинаетъ утрачивать свою силу и значеніе, оно, прежде всего, освобождается отъ этихъ мелочей и потому только, но мѣрѣ постепенной утраты ихъ, остается, такъ сказать, одинъ остовъ вѣрованія, свободный отъ всякихъ внѣшнихъ формъ.

Спасск. у. Каз. г., Ветлуж. у. Костр. г., Великоустюжск., Сольвыч. и Тотем. уу. Волог. г., Орлов. у. Вятск. г. (Шалѣговская вол.), Череп. у. Новгор. г. (Шухтовск. вол.), Вытегор. у. Олон. г., Городищ. у. Пенз. г. Дорогобуж. и Гжатск. уу. Смол. г. Средину, по нашимъ сообщеніямъ, занимаютъ: Галич. у. Костр. г., Васильсур. у. Нижегор. г., Тульск. г. и у., Жиздринск. у. Калуж. г., Смоленск. г. и у. и др.

Обращаетъ на себѧ вниманіе также распространенность и общность многихъ изъ этихъ пріемовъ въ такихъ несходныхъ по условіямъ и отдаленныхъ другъ отъ друга громадными разстояніями мѣстностяхъ, каковы, напр., Вологодская и Саратовская, Псковская и Орловская или Вятская ітд. Трудно допустить, чтобы явленія эти были совершенно случайны, а не имѣли бы одной общей причины и не были бы связаны между собою какими-то невидимыми нитями. Эта причина и это связующее звено заключается въ міровоззрѣніи народа, какое остается одинаковымъ какъ у вологодского и саратовского, такъ и псковского, орловского и вятского мужика.

Необыкновенная стойкость этого міровоззрѣнія составляетъ третью и его основную черту.

Теряясь своимъ началомъ въ отдаленнѣйшихъ временахъ, оно прошло неизмѣннымъ черезъ всѣа исторіи и, въ своихъ сущесственныхъ чертахъ, остается и до нашихъ дней все такимъ же, какимъ было много сотень лѣтъ тому назадъ.

Говорятъ иногда о быстрой эволюціи народныхъ представлений и понятій. Безспорно, извѣстная степень такой эволюціи существуетъ, но едва ли она не касается только самыхъ виѣшнихъ и поверхностныхъ формъ и проявленій народной жизни. Все же то, что связано съ жизнью и бытомъ народа, въ его практическомъ значеніи, болѣе тѣсно, то измѣняется въ высшей степени медленно и удерживается народомъ необыкновенно стойко. Поразительнымъ является фактъ, что группы русскихъ людей, заброшенныхъ назадъ тому нѣсколько вѣковъ въ отдаленнѣйшія мѣста нашего отечества, имѣютъ почти тождественныя вѣрованія съ жителями губерній центральныхъ¹⁾). Удивительно не то, что эти вѣрованія сохранились въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ углахъ, но то, что они не измѣнились и не отклонились отъ своего первоисточника, по своему происхожденію общаго для тѣхъ и другихъ мѣсть, въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ, несмотря на вліяніе земской медицины, школы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и пр. Это обстоятельство, напротивъ, указываетъ, до какой степени слабо проникаютъ въ нашъ народъ всѣ культурныя начинанія, въ томъ видѣ, какъ

¹⁾ «Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ». Некленаевъ. 1900 г. Сургутский округъ (Тобольской губ.) расположены по среднему течению р. Оби, на границѣ съ Томской губ., и колонизация этого края относится къ первымъ временамъ заселенія Сибири.

они примѣняются къ народной жизни и до какой степени народъ нашъ въ своей массѣ является недвижимъ.

Вотъ почему намъ кажется, что знахарство не есть выдохшася, мертвая формула, а оно глубже, чѣмъ это кажется съ первого взгляда, проникаетъ въ жизнь народа и коренится въ народномъ міровоззрѣніи и вотъ почему, съ нашей стороны, едва ли будетъ ошибкой допустить, что и топографическая область распространенія знахарства, въ той или иной его формѣ, не уже, а шире той, которая опредѣляется нашими сообщеніями и выводами.

Какъ совмѣщается въ народѣ приверженность его къ знахарству съ потребностью въ научной медицинѣ и каковы отношенія народа къ представителямъ этой послѣдней, земскимъ врачамъ, вопросъ этотъ составляетъ предметъ разсмотрѣнія слѣдующей главы.

До сихъ поръ была предъ нами старая Русь или остатки той отдаленной Руси, когда на ней существовали еще кудесники и волхвы, колдуны и вѣщие люди.

Распространеніе христіанства не разрушило вполнѣ языческаго міровоззрѣнія народа, а во многомъ сохранило его, сообщивъ ему только христіанскую сущность и удержавъ многія языческія черты. Отчего бы не зависѣло подобное явленіе, передъ нами тотъ несомнѣнныи фактъ, что міровоззрѣніе народа, поскольку оно выразилось въ представлениіи его о сущности болѣзней и тѣхъ способахъ врачеванія ихъ, которые мы только что разсмотрѣли и которые намъ еще предстоитъ разсмотрѣть, во многихъ своихъ чертахъ является языческо-христіанскимъ.

Это опредѣленіе «языческій», съ нанѣй точки зрењія, обнимаетъ собою не только прямые слѣды язычества, такъ, какъ они обнаружились предъ нами въ предшествовавшихъ главахъ, но заключаются въ себѣ также и многочисленный классъ суевѣрій: несомнѣнно, что эта вѣра въ порчу, напускъ, глазъ и пр. и многочисленные суевѣрные приемы знахарей, при лечениіи различныхъ болѣзней, сложились на Руси еще въ дохристіансскую эпоху, подобно тому, какъ вѣра въ домовыхъ и лѣшихъ создалась задолго до того, какъ нашъ народъ узналъ о дьяволѣ изъ христіанскаго вѣроученія. Но большинство деталей и сущность рассматриваемаго міровоззрѣнія являются безспорно христіанскими, и этотъ послѣдній элементъ является доминирующими не только надъ элементомъ языческимъ, но онъ почти всецѣло подавляетъ собою и факты опыта, и наблюденія, всегда примитивнаго и по своему происхожденію восходящаго также къ самымъ отдаленнымъ временамъ.

Въ той реальной области, къ которой относится это міровоззрѣніе, въ области болѣзней и здоровья, подобное явленіе, безспорно, должно казаться удивительнымъ, но оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ высокимъ нравственнымъ вліяніемъ и могущественнымъ авторитетомъ, который приобрѣли и которымъ пользовались первоначальные просвѣтители Русской земли въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ и проявленіяхъ государственной и народной жизни, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что они, будучи учителями народа, были въ то же время и его врачами, и цѣлителями. Христіанскіе миссіонеры-подвижники, по необходимости, изъ религіозныхъ побужденій или ради привлеченія къ новой религії народа, берутъ въ свои руки дѣло врачеванія и имена многихъ изъ нихъ сохраняются исторіей и народной памятью, какъ необыкновенно искусныхъ и славныхъ народныхъ врачевателей: преп. Антонія, свв. Даміана, Олімпія, Агапита печерскихъ, Пимена постника и др. Такимъ образомъ, древніе русскіе монастыри являются не только центрами религіозной жизни и очагами просвѣщенія, но получаютъ и врачебное значеніе. Переяславскій архіепископъ Ефремъ приказываетъ, въ 1091 г., строить при монастыряхъ больницы для приходящихъ больныхъ и въ кормчей книгѣ, помимо встрѣчающагося названія — «монастыреве-больницы», прямо упоминается въ числѣ церковныхъ людей «лечецъ». Черпая свои познанія по преимуществу изъ греческой медицины, врачи-монахи являются авторами многочисленныхъ рукописныхъ травниковъ, лѣчебниковъ, зелениниковъ, которые потомъ во множествѣ списковъ распространяются въ народѣ и, кромѣ народныхъ русскихъ, содержать описание средствъ, имѣющихъ большое сходство съ древней греческой, арабской и римской медициной¹⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лѣчебниковъ, помимо буквального перевода, сохраняются даже греческія названія многихъ врачебныхъ средствъ и заключаются предисловія духовнаго или богословскаго содержанія, что дѣлаетъ несомнѣннымъ византійскій источникъ происхожденія этихъ медицинскихъ сочиненій и принадлежность ихъ авторовъ къ лицамъ духовнаго сословія²⁾. Въ

¹⁾ Поэтому, нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе Рихтера (*Geschichte der Medicin in Russland*, 1814), который считаетъ первый рукописный лѣчебникъ за переводъ съ польского. Польское вліяніе было позднѣйшимъ и касалось только нѣкоторыхъ частей сѣверо-запада и юго-запада Россіи.

²⁾ Въ предисловіи одного лѣчебника изъ Соловецкаго монастыря (библиотека Казанской духовной академіи) прямо указано, что онъ сочиненъ изъ дохтурскихъ наукъ преосвящ. Кирѣя Афанасіемъ, архіепископомъ Холмогорскимъ и Важскимъ (Флоринскій. «Русскіе простонародные травники и лѣчебники». Казань. 1879 г.).

XIII—XV вв., подъ вліяніемъ усобиць князей, татарскаго разоренія и совершившагося наденія Византії, гаснетъ и заглушается начавшаяся образованность, почти прерываются сношениі съ иностраннімъ міромъ и медицинскія познанія, заимствованныя отъ грековъ, вытѣсняются суевѣріями и предразсудками. Начало новой образованности кладется только Петромъ Великимъ, но эта образованность не проникаетъ въ народъ и появляющіеся вскорѣ врачи служить или только интересамъ высшихъ сословій, или удовлетворяютъ цѣлямъ чисто государственнымъ. Такой-то Русь оставалась почти до самаго послѣдняго времени.

Теперь передъ нами новая Русь, начало которой положили реформы Императора Александра II.

Черезъ институтъ земскихъ врачей, вызванный къ жизни этими реформами, должны были начать влияться въ народную жизнь совершенно новыя начала науки, выработанныя чуждой этой жизни культурой и не имѣющія ничего общаго съ существовавшимъ до селѣ міровоззрѣніемъ. Земскіе врачи выступили на исполненіе этой миссіи при полной неподготовленности народа къ воспріятію этихъ новыхъ началъ и при такихъ условіяхъ должны были не только лечить народъ, пріохотить его къ медицинѣ, но и насаждать раціональныя понятія о самомъ происхожденіи болѣзней.

Земская медицина когда-нибудь дождется своего историка, который развернетъ любопытныя страницы внутренней борьбы этихъ двухъ во многомъ совершенно несходныхъ и противоположныхъ міровъ—мира воззрѣній, на которыхъ до сихъ поръ покоилась народная медицина, и началъ, на которыхъ зиждется медицина научная.

При всемъ ихъ несходствѣ, между ними было только одно небольшое общее и только одна точка соприкосновенія—это существованіе и въ медицинѣ народной ряда нѣкоторыхъ раціональныхъ средствъ, въ видѣ, главнымъ образомъ, травъ. Но и самыя травы народъ употреблялъ не въ силу тѣхъ или другихъ ихъ физіологическихъ свойствъ, напр., потогоннаго, мочегоннаго или слабительного дѣйствія, а потому, что надѣлялъ ихъ специфическими чудесными свойствами противъ данной болѣзни и вѣрилъ въ давшаго эти травы знахаря.

Въ нашу задачу не входитъ изображеніе хода этой борьбы и того духовнаго процесса, которымъ совершился и совершается переходъ отвлеченнаго міровоззрѣнія народа къ реальному признанію значенія современной научной медицины: мы имѣемъ въ виду

только разсмотрѣть вопросъ — какъ относится народъ къ земской медицинѣ въ настоящій моментъ и какую степень вліянія она оказала на него?

Передъ земскими врачами, когда они выступали на поприще новой и неизвѣстной до сихъ поръ на Руси дѣятельности, было два пути: или, не задаваясь никакими побочными цѣлями, просто начать лечить народъ, или, въ то же время, стараться измѣнять міровоззрѣніе народа, приближая его къ усвоенію началъ научной медицины. Неизвѣстно, какъ поступили бы земскіе врачи и какое направленіе приняла земская медицина, если бы сама жизнь не указала, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Рѣдкость врачебныхъ пунктовъ на первыхъ порахъ, громадность разстояній и масса больныхъ, съ которыми, съ самаго же начала, пришлось имѣть дѣло земскимъ врачамъ и которая явилась результатомъ полной безпомощности народа въ медицинскомъ отношеніи, сразу опредѣлили направленіе ихъ дѣятельности, линивъ ее предвзятыхъ стремленій и значенія педагогической миссіи. Избрали этотъ второй путь и оставивъ въ сторонѣ исполненіе непосильной для нихъ задачи—измѣненіе міровоззрѣнія народа, земскіе врачи избрали путь вполнѣ научный, своей дѣятельностью какъ бы сказавъ народу: «намъ нѣтъ дѣла до того, какъ ты думаешь и вѣришь, но, вотъ, передъ тобою факты», и предъявили ему такое количество этихъ фактовъ, что не признать и не считаться съ ними народъ былъ не въ состояніи.

А факты были для него иногда поразительные. Врачи давали больному хининъ, который въ нѣсколько дней излечивалъ его отъ лихорадки, салициловый нагрѣ, который оказывалъ разителное дѣйствіе при ревматизмѣ, юдистый калій и ртуть, которые такъ магически дѣйствовали при сифилисѣ, пагсotica, которая быстро и вѣрно унимали разнаго рода боли и пр. Не менѣе, если не болѣе, поразительной для народа была дѣятельность врачей въ области хирургіи, начиная съ простыхъ разрѣзовъ при гнойныхъ воспаленіяхъ, удаленія камней изъ мочевого пузыря, вырѣзыванія большихъ опухолей изъ полости живота и кончая глазными операциями, возвращавшими слѣпымъ зрѣніе.

Всѣ эти и подобные имъ факты впервые предстали предъ со-
знаніемъ народа со времени введенія земской медицины, такъ какъ
до нея они могли существовать и быть извѣстными народу лишь
въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній. И хотя съ первыхъ же поръ
существованія земской медицины жизнь выдвинула цѣлый рядъ не-

Земскіе вра-
чи и отноше-
ніе къ нимъ
народа.

благопріятныхъ условій, тормозившихъ ея развитие и содѣйствовавшихъ скептическому отношенію къ ней, послѣдняя мало-помалу входитъ въ сознаніе народа и уже пріобрѣла среди него значительное число безусловно вѣрныхъ и стойкихъ адептовъ. Съ виѣшиней стороны успѣхъ и признаніе земской медицины рельефно выразились ежегодно увеличивающимся количествомъ врачебныхъ пунктовъ и цифрой обращающихся къ земскимъ врачамъ больныхъ¹⁾.

Сообщенія нашихъ сотрудниковъ, касающіяся рассматриваемаго вопроса и относящіяся къ той части населенія, среди которого успѣло выработать безусловное и крѣпкое довѣріе къ медицинѣ, въ разныхъ словахъ и выраженіяхъ, говорятъ объ одномъ и томъ же: крестьяне начинаютъ сознавать значение и необходимость медицины, съ каждымъ годомъ оказываются врачамъ все больше и больше довѣрія и съ охотой идутъ за помощью въ больницы и врачебные пункты. По совѣту врачей, они охотно ложатся въ больницы, находя, что тамъ и уходъ лучше и лечение идетъ правильнѣе, а «харчи и чистота такія,—говорятъ нѣкоторые мужики,—что не хошь, да поправишься». Не говоря о молодомъ, грамотномъ поколѣніи, въ больницы и къ врачамъ одинаково охотно идутъ и женщины, и мужчины, какъ при тяжелыхъ, такъ и при легкихъ заболѣваніяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, напр., при заболѣваніи тифомъ, скарлатиной и дифтеритомъ, не прибѣгая ни къ какой другой помощи, немедленно обращаются къ врачу. Иногда это отношение опредѣляется высшимъ коэффиціентомъ, который не всегда приложимъ и къ образованнымъ классамъ, и характеризуется выражениемъ «чрезвычайного довѣрія къ медицинѣ». Крестьяне довѣрчиво открываютъ врачамъ свои интимныя и семейныя тайны, не стыдятся прибѣгать къ нимъ въ щекотливыхъ случаяхъ, касающихся первой брачной ночи, охотно прибѣгаютъ къ хирургической помощи и иногда, рѣшаясь на серьезную и тяжелую операцию, всецѣло отдаются на волю врача, говоря—«ты лучше знаешь».

Среди всѣхъ такихъ положительныхъ данныхъ, замѣчательнымъ является фактъ благопріятнаго отношенія народа къ лечению диф-

¹⁾ По даннымъ мед. деп. М. В. Д., въ 1900 г., на 73 мил. населенія всѣхъ земскихъ губерній, число больныхъ, обращавшихся за медицинской помощью, достигло цифры 34 мил., т. е. одинъ больной приходился на 2 чел. населенія, а если имѣть въ виду только сельское населеніе, то на $2\frac{1}{2}$ —3 чел. этого населенія. («Медико-статистич. свѣдѣнія». Вѣстникъ общ. гигиены, судебн. и практич. мед.—ны. 1902 г.).

терита и водобоязни впрыскиваниемъ сыворотки. Въ большинствѣ случаевъ, на него смотрятъ, какъ на вѣрно и скоро помогающей способъ лечения и подвергаются ему охотно (Кадниковск. у. Волог. г., Зарайск. у. Рязан. г.). Вѣря въ него безусловно и считая его благодѣяніемъ, многіе не только прибѣгаютъ къ нему сами, но являются сознательными пропагандистами впрыскиваний и, видя пользу отъ одного, нерѣдко просятъ его повторить (Сузdalльск. у. Влад. г.). Укушенные бѣшеными животными охотно єдутъ на земской счетъ въ Москву и отказы отъ такой поѣздки народомъ не одобряются. (Жиздринск. у. Калуж. г.). Популярность противудифтеритной сыворотки до того велика, что являющіеся въ больницу съ дѣтьми, при тѣхъ или другихъ заболѣваніяхъ горла, прямо просятъ впрыснуть дѣтямъ сыворотки (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Многіе крестьяне къ лечению дифтерита сывороткой относятся, какъ къ умнѣйшей выдумкѣ докторовъ, и вѣрятъ, что впрыскиваніе всегда спасаетъ почти отъ вѣрной смерти (Спасскій у. Казанск. г.). Въ другихъ мѣстахъ относятся къ этому средству даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «поди ты, нашли же средство да еще какое!» (Зубцовск. у. Тверск. г.). Даже въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ населеніемъ, которое отнеслось сначала къ такому лечению съ недовѣріемъ и усмотрѣло въ немъ печать антихриста, лечение это начинаетъ пользоваться довольно широкимъ довѣріемъ, послѣ того, какъ населеніе увидало, что сыворотку не «прививаютъ, а впрыскиваютъ» (Хвалынск. у. Сарат. г.).

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сообщаютъ о томъ, какъ народъ въ томъ или другомъ случаѣ являлся инициаторомъ устройства больницъ или хлопоталъ обѣ устройствѣ врачебныхъ пунктовъ. Всѣ эти и подобные имъ факты убѣдительно показываютъ, насколько крѣпко, въ извѣстной части населенія, успѣло привиться довѣріе къ медицинѣ и во многихъ изъ такихъ случаевъ приходится говорить не только лишь о вѣрѣ въ медицину, но и о ясномъ, и разумномъ сознаніи значенія ея. Любопытно, что многія изъ этихъ сообщеній касаются и такихъ уѣздовъ (напр., Орловской г.), населеніе которыхъ, но свѣдѣніямъ сотрудниковъ изъ другихъ мѣстъ этихъ уѣздовъ, отличается наибольшою привязанностью къ знахарству. На разницу во взглядахъ на научную медицину всего болѣе влияютъ близость вра�ебнаго пункта и продолжительность его существованія, степень грамотности, развитія и достатка населенія, а также личныя качества врачебнаго персонала. Изъ этихъ качествъ, прежде всего, высоко цѣнится народомъ доступность врача и его вниманіе.

тельность къ больнымъ¹⁾). «Ужь такой баринъ-то хороший и не брезгливый,—хвалить баба такого врача,—всю меня просмотрѣлъ и обо всемъ поразспросилъ: который тебѣ годъ, сколько у тебя дѣтей, какая ѳда и какая боль раньше была? Всякаго онъ выслушаетъ, обо всемъ поговорить, лекарство дасть и растолкуетъ, какъ его принимать надо: чисто съ маленькимъ ребенкомъ входитъ».

Особеннымъ успѣхомъ и уваженіемъ крестьянъ пользуются врачи, которые терпѣливо выслушиваютъ пространнія объясненія мужика и если и остановятъ ненужную болтовню, то сдѣлаютъ это мягко, не сердясь. Напротивъ; очень не любятъ такихъ, которые безъ причины сердятся и покрикиваютъ на мужика и обходятся съ нимъ свысока и строго. Такихъ крестьяне, въ особенности бабы, побаиваются, идуть къ нимъ неохотно и чаще предпочитаютъ помошь фельдшера (Тульск. г. и у., Болхов. у. Орловск. г., Спасск. у. Каз. г.). Изрѣдка цѣнится мужикомъ во врачѣ его аккуратность и точность, но гораздо чаще его знанія и опытность²⁾.—«Вотъ, это докторъ,—говорять про такого,—насквозь видѣть все твое нутро: вотъ, это у тебя болить, это болить—все равно, какъ по писаному читается» (Черепов. у. Новг. г.). Но едва ли не больше всего цѣнится во врачѣ его простота, сердечность и привѣтливость.—«Будь въ деревнѣ,—говорить одинъ изъ сотрудниковъ,—профессоръ, знатокъ своего дѣла и живи по сосѣдству самый обыкновенный врачъ, но съ теплой душой и обращайся со своими пациентами просто и сердечно, и, навѣрно можно сказать, послѣдній будетъ пользоваться большей популярностью, чѣмъ первый». Долго потомъ вспоминаютъ крестьяне такого врача, когда онъ уйдетъ отъ нихъ въ другое мѣсто. — «Нѣть, далеко нашъ Н. Н.,—говорятъ про такого врача крестьяне, — большие, видно, не увидимъ его, нашего кормильца и благодѣтеля: батюшка говорилъ, что онъ въ Н—ской губ.». Цѣнить также крестьяне, когда врачъ понимаетъ мужика, когда врачу известны всѣ условія жизни деревни и онъ знаетъ, какъ и въ какомъ случаѣ повлѣять на крестьянина. Къ такимъ врачамъ кресть-

¹⁾ Великоустюж., Кадниковск. и Яренск. уу. Волог. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Смоленск., Сычевск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Галич. у. Костромск. г., Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Пощеконск. у. Ярославск. г., Зубцовск. у. Тверск. г.

²⁾ Алатыр. у. Симбирск. г., Вытегор. у. Олонецк. г., Жиздрин. у. Калуж. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Демянск. у. Новгородск. губ.

яне относятся съ полнымъ довѣріемъ и слѣдуютъ ихъ совѣтамъ и указаніямъ (Орловск. у. Вятск. г.).

Тѣ же личныя качества, повидимому, вліяютъ, главнымъ образомъ, на складъ отношеній народа и къ женщинамъ-врачамъ и со-здаются имъ и своихъ горячихъ приверженцевъ, и антагонистовъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ нихъ, обладая сердечностью, столь свойственной русской женщинѣ, и отличаясь, такимъ образомъ, той чертой, которая всего больше цѣнится крестьяниномъ во врачи, завоевываютъ себѣ глубокія и прочныя симпатіи деревни (Кадник. у. Вологодск. г., Черепов. и Тихвинск. уу. Новгородск. г.). «Въ нашемъ уѣздѣ,—сообщаетъ одинъ изъ черновецкихъ сотрудниковъ,—долгое время служили, одна послѣ другой, двѣ женщины-врачи и пріобрѣли себѣ истинную любовь народа, особенно женщинъ изъ ближайшихъ къ городу деревень. Одну изъ нихъ, М. И.—ну, служившую въ земствѣ около 15 лѣтъ, знали почти всѣ крестьяне уѣзда.—«Вотъ, хорошо бы попасть къ М. И.—нѣ,—говорили они, їдучи на приемъ въ больницу». Во время бывшей въ с. Богородскомъ холеры больныхъ лечили врачъ-мужчина и М. И.—на— и вотъ что разсказываютъ богородскіе мужики. Какъ пріѣдетъ докторъ, выйдетъ изъ тарантаса, такъ и начнетъ сейчасъ же опрыскиваться да руки мыть, съ полчаса душится да моется: какой ужъ это докторъ, коли самъ боится? А какъ пріѣдетъ М. И.—на, такъ та немного оконцеливается и прямо изъ тарантаса да въ избу. За то, коихъ М. И.—на пользовала, половина выздоровѣла, а коихъ докторъ — почесть, всѣ перемерли». Нѣкоторые изъ сотрудниковъ, говоря объ умѣстности женской врачебной помощи въ деревнѣ указываютъ на создавшуюся исторически и неисчезнувшую до сихъ поръ привычку народа обращаться съ своими недугами къ мѣстнымъ барынямъ-помѣщицамъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Указаніе это имѣеть, безъ сомнѣнія, свои основанія, въ особенности въ отношеніи къ женской и дѣтской половинѣ деревенского населенія. Сомнѣвающіхся въ способности женщин.-врачей лечить женскія и дѣтскія болѣзни, повидимому, не tanto много, и деревенскіе антагонисты женщинъ-врачей возражаютъ больше противъ умѣстности леченія ими мужчинъ. — «Какъ къ ней съ хворобой пойти? — разсуждаютъ скептики-мужики,— всякая хворь бываетъ и какъ бабѣ про нее говорить будешь? Срамно сказать, не только что показать: не бабье это дѣло и смѣлости у нихъ настоящей не можетъ быть». Другіе ограничиваются болѣе общими соображеніями: «не за свое дѣло берутся», бабамъ ли варить, да ребята

родить, а не лечить», «баба, какъ она есть, такъ и будетъ бабой, а то, ишь, куда лѣзетъ» и т. п.¹⁾.

Въ общемъ очень вѣрно понята народомъ роль фельдшеровъ въ деревнѣ, какъ вспомогательного элемента при врачѣ. Въ противоположность купцамъ и мѣщанамъ города, крестьянинъ почти всегда предпочитаетъ докторскую помошь помощи фельдшера. «Фельдшеръ меньше доктора знаетъ, у него образованность не та и онъ—въ родѣ какъ бы подмастерья у доктора», врачъ же въ большинствѣ случаевъ является въ глазахъ мужика представителемъ книжной учености и не даромъ онъ «все что-то такое непонятное говоритъ, а фельдшеръ только головой поматываетъ да лекарство готовитъ». Если мужикъ и обращается иногда къ фельдшеру одинаково, какъ къ врачу, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ такому, который, по его мнѣнію, не меньше доктора знаетъ, и опытность и знанія котораго мужикъ уже испыталъ на дѣлѣ. Хотя нѣкоторые изъ фельдшеровъ и приобрѣтаютъ громадную популярность въ деревнѣ, но все это по болѣйшей части смѣтливые, добросовѣстные и практическіе люди, очень хорошо понимающіе условія жизни и быта мужика и сообразно съ этимъ имѣющіе возможность дать ему наиболѣе практическіи-полезный и вѣрный совѣтъ. Иногда фельдшеръ подкупаетъ крестьянина тѣмъ, чего подчасъ не достаетъ врачу—своей отзывчивостью, простотой, близостью къ народу и способностью понимать мужицкіе интересы и входить въ своеобразную психологію мужика. Къ такому фельдшеру, по простотѣ душевной, мужикъ прямо можетъ обратиться съ просьбой, недопустимой, съ точки зрѣнія того же мужика, передъ врачемъ: «а даль бы ты мнѣ, батюшка, вонъ той желтой водицы, что давалъ такому-то, больно ужъ она, бають, полезительна». Такой уважительный и испытанный фельдшеръ покажется мужику подчасъ даже авторитетнѣе доктора, особенно изъ молодыхъ, не вполнѣувѣренныхъ въ себѣ и еще не обжившихся въ деревнѣ.—«А лучше бы ты, П—ль И—чъ, поглядѣль меня»,—останавливается мужикъ, въ присутствіи врача, около фельдшера, кланяясь ему и почесывая свой затылокъ.—«Погляди-ка, ладно ли, будеть ли польза та?»—просить такого фельдшера баба, показывая написанный докторомъ рецептъ. Но допуская такія оплошности, мужикъ почти всегда различаетъ, съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло: док-

¹⁾ Караб. у., Орловск. г., Тульск. г. и у., Зубцовск. у., Тверск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Ростовск. у., Яросл. г., Котельнич. у., Вятск. г.

торъ доктору и фельдшеръ фельдшеру — рознь. Тотъ же мужикъ плохо признаеть и «объгасть» фельдшеровъ изъ военныхъ, особенно изъ мѣстныхъ крестьянъ. — «Какой онъ фельдшеръ, когда его въ солдатахъ выучили только банки ставить да горчицу лѣпить? Заправский фельдшеръ — другое дѣло».

Въ нашу задачу не входитъ очерчивать вполнѣ дѣятельность земско-врачебнаго персонала и роль земскихъ врачей: дѣятельность ихъ признана и известна, насчетъ ея существуетъ множество печатныхъ источниковъ и матеріаловъ, разсѣянныхъ въ земскихъ отчетахъ, въ специальной и общей прессѣ и ир., и потому мы на-мѣчаемъ только общіе штрихи ихъ дѣятельности и ихъ положительного вліянія на народъ. Мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе явлений, относительно меныше известныхъ, ускользающихъ отъ обычныхъ способовъ наблюденія жизни и быта деревни, не исчерпанныхъ въ печати и известныхъ только лицамъ, близко соприкасающимся съ духовной сущностью и жизнью крестьянина. Поэтому мы, оставивъ разсмотрѣніе вопроса о безусловномъ признаніи медицины народомъ и благопріятномъ отношеніи его къ врачамъ, перейдемъ къ другимъ видамъ этихъ отношеній, какъ они вырисовываются нашими сообщеніями.

Слѣдующій рядъ сообщеній касается тѣхъ случаевъ, когда крестьяне при легкихъ заболѣваніяхъ перемогаются, «отлеживаются», или, напротивъ, «расхаживаются», терпѣливо ждутъ облегченія болѣзни, пользуются домашними средствами, иногда прибѣгаютъ и къ услугамъ знахарей, но при серьезныхъ и тяжелыхъ заболѣваніяхъ, большую частью тогда, «когда болѣзнь разыграется», принимаетъ упорный характеръ, грозить опасностью жизни больного или причиняетъ сильныя физическія страданія, обращаются къ доктору¹⁾. «И такъ пройдетъ», — обыкновенно надѣется на первыхъ порахъ заболѣвшій крестьянинъ. — «Ей покорись только, — разсуждаетъ онъ о болѣзни, — живо съ ногъ сшибеть». — «На жизнь (на жизнь), — думаетъ онъ, — такъ и самъ выстоишь (поправишься), а на смерть, такъ не сиасутъ никакіе доктора». Относясь къ заболѣваніямъ такимъ образомъ, крестьяне нерѣдко простые и легкіе случаи превращаютъ въ серьезные. Обрубить или норѣжетъ кресть-

¹⁾ Большинство сообщеній изъ Волог., Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Черепов. у. Новгородск. г., Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г., Городищ., Инсарск., Саранск. и Чембарск. уу. Пензенск. г., Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г.

янина руку или ногу, полечится сначала своими средствами, и потомъ уже, когда нога распухнетъ, а въ другихъ случаяхъ образуется и гангрена, идетъ къ доктору. Попадеть въ налецъ иголка, прежде чѣмъ идти къ врачу, онъ ноковыряетъ, попробуетъ прежде вытащить иголку самъ или предоставить попытаться сдѣлать это другимъ и доводить дѣло до воспаленія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда благопріятный моментъ леченія пропущенъ и оно становится болѣе труднымъ, затягивается или оканчивается смертью, въ концѣ концовъ обвиняютъ врача или фельдшера, что тѣплоо лечать, не стонѣ-де къ нимъ обращаться: «вотъ, какъ бы не лечился по докторамъ, можетъ, и быль бы живъ» (Сольвычегодск. у. Волог. г., Спасск. у. Казанск. г.).

Часто крестьяне обращаются къ врачамъ лишь по настоящему и убѣжденію образованныхъ людей.

Вотъ какъ описывается ходъ дѣла въ такихъ случаяхъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, которому часто приходится давать советы мужикамъ въ указанномъ направлениі.

При тяжкихъ заболѣваніяхъ испробуютъ сначала домашнія средства, напоять больного мятої, извалять на печку и укроютъ шубами или въ пару натрутъ рѣдьюко; обратятся также къ знахарю и выполнятъ его неѣдіяя предписанія, и уже если и это не поможетъ, найдутъ за совѣтомъ къ сосѣднему помѣщику, священнику, учителю и лишь въ крайнемъ случаѣ, но болѣшей части, по настоятельному совѣту кого-нибудь изъ упомянутыхъ лицъ, повезутъ больного въ земскую больницу. Когда ко мнѣ обращаются за совѣтомъ, при болѣе или менѣе серьезномъ заболѣваніи, я всегда стараюсь домашнимъ сильно увеличить опасность болѣзни и этой хитростью заставляю крестьянъ иногда прибѣгнуть къ медицинской помощи, хотя эта хитрость далеко не каждый разъ удается. Обыкновенно крестьянинъ соглашается, что помощь врача нужна больному и что больного необходимо свезти въ больницу, но тутъ же представить и свои соображенія противъ этого: «лошиаденка-то, винъ, пахать или щѣхать куда нужна, да и какъ его свезешь, этакого? чего, Боже сохрани, умреть дорогой, — куда съ нимъ дѣненіться? да и дѣло наше крестьянское, щѣхать-то некому, работать надоть» и т. д. Разобѣешь его доводы — и съ этимъ согласится, но въ больницу все-таки не поѣдетъ» (Власовъ. Черепов. у. Новгородск. г.).

Причинами такого отношенія крестьянъ къ легкимъ заболѣваніямъ или такимъ, которыя они считаютъ легкими, наичаше вы-

ставляется пассивность крестьянина въ болѣзни, надежда на Бога и, всего чаще, отдаленность врачебныхъ пунктовъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, въ страдную пору, когда нужны рабочія руки и лошади, и когда «дюже начетистоѣздить къ доктору», нерѣдко и серьезныйѣ больной остается безъ медицинской помощи и терпѣливо ждетъ смерти.

Замѣчательно, что въ другихъ мѣстахъ наблюдается совершенно обратное явленіе: народъ охотнѣе обращается къ врачу при легкихъ заболѣваніяхъ — въ случаяхъ порѣзовъ, ушибовъ, зубной боли, чесотки и пр. (Шуйск. у. Владим. г.). Стоитъ фельдшеру пріѣхать въ какую-нибудь деревню, сообщаютъ намъ изъ Вельскаго у. (Вологодск. г.), какъ чуть ли не половина обитателей ея объявляетъ себя больной. У фельдшера выпрашиваются себѣ лекарства отъ всевозможныхъ болѣзней, въ большинствѣ случаевъ незначительныхъ.

Обращаются въ такихъ случаяхъ иногда не одни больные, но и совершенно здоровые, желая предупредить болѣзнь.—«Ты даешь хорошее лекарство отъ живота, дай и мнѣ, какъ бы у меня не заболѣть»,—проситъ лекарства одна баба.—«Нашн сядутъ за столъ, только подавай, а я и каши не хочу, а молоко въ одну руку (безъ хлѣба) хлѣбаю»,—сомнѣвается относительно своего здоровья другая.—«Я хоть сколько попью чаю, а на дворѣ мало хожу, ужъ не захворать ли я хочу?»—тревожится третья и тоже проситъ лекарства.

Всѣ такія сообщенія касаются почти исключительно тѣхъ случаевъ, когда кто-либо изъ представителей медицинского персонала является въ деревню или же тѣхъ мѣстностей, которыя близки къ врачебнымъ пунктамъ.

Это обстоятельство, свидѣтельствуя о любви нашего народа полечиться и до извѣстной степени даже заботливомъ отношеніи его къ своему здоровью, какъ будто, говорить за то, что одна изъ главныхъ причинъ, почему онъ, помимо врачебной помощи, прибегаетъ къ другимъ, напр., знахарскимъ средствамъ лечения, находится въ зависимости отъ рѣдкости и отдаленности врачебныхъ пунктовъ; по крайней мѣрѣ, этотъ мотивъ звучитъ въ нашихъ сообщеніяхъ очень нерѣдко и косвенно указываетъ, что среди условий, препятствующихъ развитию земской медицины, есть много такихъ, которые лежать совершенно вѣтъ духовной сферы народа. Имѣя знахаря всегда подъ рукой и обращаясь часто къ нему, мужикъ подчасъ самъ очень разумно смотрѣть на такой видъ по-

моци и на вопросъ врача—быть ли у знахаря, откровенно отвѣчаетъ: «что же грѣха таить? быть, чтобы и своихъ ногъ не сбивать, да и твоей головы не убивать» (Карачевск. у. Орловск. г.). Вотъ почему большинство крестьянъ обыкновенно посѣщаетъ врачебные земскіе пункты только кстати, между дѣломъ, когда бываетъ въ мѣстѣ жительства врача или фельдшера по какимъ-либо хозяйственнымъ, торговымъ или другимъ дѣламъ, когда пріѣзжаетъ на базарь что-либо продать или купить, по какому-нибудь дѣлу въ волостное правление, къ следователю, становому или другому начальству, — нарочно же за медицинскою помощью мужикъ поѣдетъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, да и то лишь при условіи, если поѣздка его не отразится невыгодно на полевыхъ работахъ и хозяйствѣ. Самый обычный отвѣтъ на вопросъ со стороны медицинскаго персонала, почему болѣзнь такъ запущена и почему онъ раньше не обратился за совсѣмъ и лекарствомъ? это—«было недосугъ прийти» или «лошади были въ работе» (Васильсурск. у. Нижегородск. г. ¹⁾).

Скептицизмъ въ медицинѣ.

Среди сообщеній имѣется немало такихъ, которыя рисуютъ скептическое отношеніе народа къ медицинѣ и тѣ поводы, которые находятъ деревенскіе скептики для такого отношенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ роль своеобразная философія мужика.

«— Это пошавка (повальная болѣзнь) такая зашла,—резонируетъ онъ,—Божье попущеніе... дохтуръ—не Богъ, ея не изниметъ. Время придется, если на живое, очунѣтъ».

«— Послушай, вѣдь докторовъ-то учать всѣмъ болѣзнямъ. Пускай будетъ это пошавка по твоему, но не отъ Божьяго же она попущенія? Одинъ заболѣлъ, а отъ него другой и такъ вся семья, затѣмъ и въ другую избу. Это отъ плохого воздуха и отъ тѣсноты вашей: отчего же не обратиться къ доктору?».

«— Не то ты балакаешь. Если же не Божеское на то попущеніе, то подшутъ какой-либо. Дѣдъ въ этомъ скорѣе помошь окажетъ: подшутъ сниметъ, или водицы наговорной дастъ. А дохтуръ што? палецъ посѣкешь, «перхуй» (кашель) схватишь, если запорище какое выйдетъ, ну, знамо дѣло, облегченье дастъ, къ тому енъ и учень, а штобъ того... пошавку уничтожить — ни въ жисть»,—стоитъ такой резонеръ на своемъ (Орловск. г. и у.).

¹⁾ Благодаря такимъ неустранимымъ условіямъ, до нѣкоторой степени, дѣлается справедливымъ упрекъ, что фактически земская медицина въ большей степени служить интересамъ состоятельной части населенія, чѣмъ бѣдной.

«— Все это неправда,— говорят про медицину другіе скептики:— кому умереть, такъ и докторъ не поможетъ, а кому живому да здоровому быть, такъ и безъ доктора оздоровить» (Болх. у. Орловск. г.).

Вѣрный своему міровоззрѣнію, мужикъ часто бываетъ увѣренъ, что нѣкоторыя изъ болѣзней доктора лечить совсѣмъ не въ состояніи.

По мнѣнію многихъ новгородскихъ, вологодскихъ, нензенскихъ и др. крестьянъ, они не могутъ, напр., лечить отъ притки, подшута, дурного глаза, озыка, порчи, нервныхъ и душевныхъ болѣзней и эпилепсіи¹⁾. По мнѣнію немалаго числа орловскихъ крестьянъ, некомпетентность врачей простирается и на нѣкоторыя другія болѣзни: поясничную ломоту, круги, бородавки, рожу, волосатикъ, кашель-полуночникъ, младенческое, криксу, зубиці и пр. Увѣренность костромичей (Солигалич. у.) въ безсиліи врачей что-либо подѣлать съ такими болѣзнями настолько велика, что они категорически рѣшаются: — «если ужъ знахарь не вылечить, то никакому доктору въ свѣтѣ не сдѣлать этого». — «Што дохтора понимаютъ?—пренебрежительно отзываются о нихъ другіе:—они только народъ православный морочатъ да людей на тотъ свѣтъ переправляютъ» (Шензенск. г. и у.).

По убѣжденію нѣкоторыхъ, врачи не могутъ также лечить всѣ дѣтскія, а также женскія болѣзни (Хвалынск. у. Саратовск. г.). Скептицизмъ иныхъ простирается до того, что они отрицаютъ способность врачей распознавать и лечить также и внутреннія болѣзни: наружная болѣзни врачи, будто бы, еще могутъ, такъ-сякъ, вылечить, а внутреннихъ не понимаютъ (Орловск. г. и у.). Поэтому при наружныхъ болѣзняхъ, иногда даже очень незначительныхъ, крестьяне охотно идутъ къ фельдшеру, при внутреннихъ же обращаются къ знахарямъ или знахаркамъ, а когда отъ нослѣдниковъ помощи не будетъ, тогда уже идутъ къ фельдшеру или доктору (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.).

Помимо этого скептицизма, исходной точкой развитія котораго являются суевѣрія народа, большое сомнѣніе возбуждаетъ въ крестьянинѣ также способъ дѣйствія лекарства, его доза и его видимыя физическія свойства. Въ большинствѣ случаевъ, увѣренный,

¹⁾ Бѣлозерск. у. Новгор. г., Тотемск. у. Вологодск. г., Ветлужск. и Галичск. уу. Костромск. г., Гжатск. и Дорогобужск. уу. Смоленской губ., Меленковск. у. Владимирск. г., Тульск. губ. и у., Городищенск. у. Пензенск. г. и др.

что каждое лекарство должно действовать чуть ли не сразу и не магически, крестьянинъ начинаетъ сомнѣваться, если оно действуетъ медленно. Думая, что физическая тѣла не имѣютъ никакихъ другихъ свойствъ, кроме тѣхъ, которыя опредѣляются его чувствами, онъ часто относится съ сомнѣніемъ къ тѣмъ лекарствамъ, которыхъ не имѣютъ цвета, вкуса и запаха.

Отношение народа къ медицинѣ скептическое, пишутъ намъ изъ Балашовск. у. Саратовской г.; крестьянамъ хочется, чтобы болѣзнь прошла съ 1—2 приемовъ лекарства.

Напиши крестьяне нейтуть къ доктору, сообщаютъ намъ изъ Череповецкаго уѣзда (Новгородск. г.), между прочимъ, потому, что лекарство его не сразу действуетъ: «я, — говоритъ крестьянинъ, — лекарство отъ доктора трижды принимать, а хоть бы те чего было — ничего не сѣло».

Когда крестьяне получаютъ лекарство, то прежде всего несутъ кому-нибудь показать, какъ тотъ скажетъ, потомъ попробуютъ сами, горько ли, сладко ли, чѣмъ пахнетъ, и затѣмъ уже даютъ больному. Если послѣ одного — двухъ приемовъ ему не действуется лучше, говорять, что плохо лечатъ, если же больному стало хуже, то всю вину взваливаютъ на доктора (Караб. у. Орловск. г.).

При такихъ требованіяхъ отъ медицины и врачей, вѣра въ нихъ крестьянина оказывается очень легковѣсной и чрезвычайно быстро утрачивается.

Полученный отъ доктора лекарства первый и второй день крестьяне принимаютъ такъ, какъ приказалъ докторъ, а если послѣ несколькихъ приемовъ больному не станетъ лучше, то приемъ лекарства или удваивается, или сразу выпивается вся микстура. Если выпитое лекарство не поможетъ, мужикъ йдетъ къ доктору за новымъ, а если не помогаетъ и это, бросаетъ лечиться у доктора и идетъ къ знахарю или лечится по советамъ сосѣдей (Болховск. у. Орловск. г.). Иногда въ такихъ случаяхъ приказъ доктора исполняется и пунктуально, и съ рѣдкимъ усердіемъ, но все-таки, если больному мало легчаетъ отъ трехъ — четырехъ поѣздокъ въ больницу, мужикъ бросаетъ доктора и обращается къ знахарямъ (Балашовск. и Хвалынск. уу. Саратовск. г.).

Вообще этотъ переходъ отъ доктора къ знахарю крестьянинъ съ легкимъ сердцемъ совершаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ побывалъ у доктора не однажды, а нѣсколько, хотя и не много разъ: несмотря на такой подвигъ съ его стороны, онъ не чувствуетъ улучшенія болѣзни и безсиліе медицины для него становится совершенно яснымъ: «лучше у своихъ старухъ полечиться»,

безнадежно машетъ на медицину рукой такой отчаянныи скептикъ, или: «сходи-ка лучше къ бабкѣ», подаютъ ему тогда участливый совѣтъ другіе (Вельск. у. Волог. г.).

Иногда мужики сомнѣваются въ пользу лекарства, представляя его дѣйствіе самыи примитивнымъ образомъ. Докторъ даетъ пить лекарство отъ головной боли—мужикъ не понимаетъ: «ну, зачѣмъ онъ пить даль, когда голова болитъ? надо что-нибудь къ головѣ, а это въ животѣ останется». Удивляется также мужикъ, когда тифозному больному врачъ назначаетъ обтирание: «нанто, это, енъ растирку даетъ, когда у него вся боль въ головѣ?». При головной боли фельдшеръ велитъ горчициники приставить къ ногамъ—мужикъ опять недоумѣваетъ: «голова болитъ, а онъ къ ногамъ велитъ становить, какой же тутъ будетъ толкъ, прости Богъ грѣха?». Еще больше удивляетъ мужика, когда онъ вместо ожидаемой мази получаетъ микстуру: «бокъ болитъ, а онъ даетъ пить въ середину».

При золотухѣ у дѣтей, когда болятъ глаза, мужики часто и вѣрить не хотятъ, что надо принимать лекарство внутрь: «надо лечить глаза, а не нутро»,—говорятъ они.

Очень не любить мужикъ внутреннія, безцвѣтныя и безвкусныя лекарства и считаетъ ихъ за пустое.—«Хотя бы натираться чего дали, а дали одну воду—съ чего и пользу-то быть?—недогадуетъ одинъ мужикъ (Шуйск. у. Владим. г.).—«Все вода да вода, весь колодезь, кажись, повышиль, а пользы все иѣтъ да иѣтъ»,—сокрушается другой (Караб. у. Орловск. г.).—«Ужь гдѣ я, гдѣ не была?—жалуется по такому же поводу баба,—и по дохтурамъ, и по больницамъ, а какая отъ нихъ польза? Наболтаютъ тебѣ въ склянку воды, дуешь ее, дуешь, а все въ животѣ никакой твердости иѣть» (Орловск. г. и у.).

Увѣренный, что болѣзнь должна пройти чуть не моментально, разъ лекарство «дадено впопадъ», мужикъ очень недоволенъ, когда одно и то же лекарство повторяется нѣсколько разъ.—«Что въ земскую больницу ходить? Я тамъ былъ, никакъ, разовь пять и все даютъ одно пойло. Я чую, что нутро у меня не болитъ, только вотъ тутъ хрипъ ломитъ: должно, кровинища, что ли? (Скопин. у. Рязанск. г.).—«Была и въ больницѣ,—рассказываетъ баба,—да дали того же пойла. Попоила больного, да пользы то не вижу, ништо, такъ и вылила въ лохань»¹⁾ (Шуйск. у. Владим. г.).

¹⁾ Вѣра въ быстроту дѣйствія лекарства и его специфичность прежде была обще-распространенной. «Если съ одного приема болѣзнь не облегчалась, это значило, что

Но чуть ли не съ большими скептицизмомъ относится крестьянина къ дозѣ лекарства. Имѣя очень смутныя представлениа объ ядахъ, кромѣ самыхъ грубыхъ и общеупотребительныхъ, онъ впадаетъ въ большое сомнѣніе, если назначенная доза какого-нибудь сильно дѣйствующаго лекарства, напр., атропина, мышьяка и т. п., по его мнѣнію, слишкомъ мала. Одна капля подобнаго лекарства ему кажется совершенно ничтожной величиной, а пять настолько малой, что онъ удваиваетъ или утраиваетъ пріемъ, или пьетъ лекарство изъ всего пузырька: «какая же бѣда, что я сразу выпью?—думаетъ онъ: отъ этого должна пройти боль, а вреда не можетъ быть» (Калужск. г. и у.).

Наблюдаются десятки случаевъ, когда больные, получивъ отъ врача лекарство на недѣлю, выпиваютъ его въ два—три пріема или сразу, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, они скорѣе «проймутъ хворь»: «ужъ если отъ ложки будетъ польза,—соображаетъ мужикъ,—то отъ бутылки побольше» (Скопинск. у. Рязанск. г.).

При такихъ несложныхъ взглядахъ на болѣзни и ихъ леченіе, нѣкоторые, не обращаясь къ доктору, принимаютъ лекарства, оставшіяся отъ другихъ: «тебѣ получало,—заключаютъ они,—можетъ и у меня пройдетъ боль, дай-ка и я попробую».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ большое сомнѣніе въ мужикѣ возбуждаетъ назначеніе дѣты: нерѣдко дѣта считается выдумкой докторовъ и возбуждается только насмѣшки. — «Можетъ, для нѣжныхъ людей такъ оно и нужно, а нашему брату, мужику, не приходится это. Ну, что это такое? того не ъешь, этого не ней. А что ъесть? Нѣть, коли ты настоящій докторъ, дай лекарства такого, чтобы какъ рукой сняло. Такъ гдѣ же намъ дадутъ? Барамъ да благачамъ—такъ, а намъ—погоди. Мы, выжилъ—выжиль, а подохъ—туда и мѣсто: столько и толковъ про насть» (Вяземскій у. Смоленской г.).

У одного крестьянина, большого скептика относительно дѣты, нашли доктора катарръ желудка и запретили ему ъесть кислое и соленое.—«Вотъ выдумали, что сказать,—возмущается онъ,—какъ будто, мужику можно дыхать безъ квасу? Вонъ, докторъ думаетъ, какъ господа живутъ: того поѣсть, да другого, да третьяго, а му-

лекарство не поможетъ и царскимъ медикамъ, въ XVII ст., приказывали давать другое, и не позволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ». Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусского народа въ XVI и XVII ст. 1887 г.

жикъ, какъ квасу не попилъ, такъ и бока подвело. Бабка мнѣ сказала: никакой катары нѣтъ, все можно Ѳсть, лишь бы душа принимала».

Вообще русскій человѣкъ, даже больной, крѣпко стоитъ за квасъ. Лѣтомъ 1898 г. во многихъ деревняхъ близъ Шуи (Владимирской г.) свирѣпствовала дизентерія и заболѣвшіхъ лечили фельдшеръ и женщина-врачъ. Крестьяне охотно шли къ нимъ за лекарствомъ и охотно показывали больныхъ. Полученными лекарствами лечились правильно, только не могли согласиться не поить больныхъ квасомъ. «Что чай, что вода—только брюхо промываютъ хуже, да ими и не напьешься, а квасъ—хлѣбное, крѣпче въ брюхѣ держится, а доктора мало ли что наскажутъ: все это пустое»,—говорили тогда бабы.

Смукаетъ иногда мужика и поверхностность врачебного осмотра. Земская больница, пишутъ намъ изъ Кадниковскаго у. (Волог. г.), находится въ с. Устьѣ, верстахъ въ 15-ти отъ нашей мѣстности. Докторъ тамъ нѣмецъ, худо говорящій по-русски, и два фельдшера¹⁾). Крестьяне хотя и ходятъ въ больницу за лекарствомъ, но результатами лечения остаются недовольны, жалуясь, главнымъ образомъ, на невнимательность осмотра. Припель я къ доктору,— передаетъ свои впечатлѣнія мужикъ,—разсказывать про свою боль, а онъ и не слушаетъ, не только что смотритъ. Да и, вотъ, какихъ-то норошковъ, а пользы нѣтъ. Вдругорядь ходилъ туда: опять тѣхъ же порошковъ сунули». — «Справливаетъ тебя докторъ,— передаетъ мужикъ уже изъ другой мѣстности,—а самъ и не глядитъ на тебя, въ окошко, вонъ, смотритъ, на улицу, да мало и разговариваетъ-то съ нашимъ братомъ» (Черепов. у. Новгородск. г.). — «Какой ужъ это докторъ,—претендуетъ третій,—коли больного порядкомъ не только что не осмотрить, а и не разспросить? Боязно ему подробно и о болѣзни-то рассказывать, еще разсердится, пожалуй» (Ростовск. у. Яросл. г.).

Въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ случаяхъ, женскую половину деревенскаго населенія смущаетъ, наоборотъ, необходимость болѣе тщательного осмотра. Нѣкоторыя бабы лечиться у докторовъ отъ женскихъ болѣзней считаютъ за великій конфузъ: бабѣ-де свое нутро передъ людьми выворачивать зазорно. Когда такая конфузливая баба приходитъ въ больницу и докторъ, выслушавъ, скажетъ: «тебя надо осмотрѣть», — та стремглавъ бѣжитъ изъ боль-

¹⁾ Сообщеніе относится къ 1898 г.

ницы и старается скрыть ото всѣхъ слова доктора, чтобы потомъ не заслужить упрека отъ бабъ: «тебя давно всѣ оглядѣли, ты ужъ лучшіе молчи» (Орловск. г. и у.).

Иногда источникомъ скептицизма крестьянина является его убѣжденіе, что «докторъ, дарьмя, настоящe лечить не будетъ». «Даромъ и чирей не сядетъ», сухая ложка ротъ дереть»,—подкрѣпляетъ пословицами свое мнѣніе крестьянинъ: «улечишь ли всѣхъ настоящe, какъ нашего брата много, а онъ одинъ? Вонъ, я въ больницѣ былъ, такъ насъ пришло 200 человѣкъ, — ну, гдѣ ему всѣхъ настоящe?»

Отношеніе къ больницамъ и операциямъ. Земскими врачами въ началѣ своей дѣятельности предстояло, между прочимъ, побѣдить ужасъ народа передъ больницей, который создался, главнымъ образомъ, на почвѣ знакомства его съ порядками дореформенныхъ больницъ приказа общественнаго прізрѣнія, въ особенности, такъ называемыхъ желтыхъ¹⁾, или «смирительныхъ» домовъ и отчасти прежнихъ военныхъ лазаретовъ. Теперь этотъ ужасъ можетъ считаться только историческимъ преданiemъ. Во многихъ мѣстахъ, даже глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ, онъ смѣнился замѣчательнымъ довѣріемъ народа въ больницѣ, но мѣстами все еще сильно проявляется недовѣріе и нерасположеніе къ ней.

— Къ официальнымъ врачамъ и особенно къ больницѣ крестьяне относятся недовѣрчиво» (Тотемск. у. Вологодск. г.). «Къ больницѣ крестьяне относятся съ недовѣріемъ и рѣдко туда обращаются, развѣ когда деревенская знахарка отказывается лечить больного»,—сообщаютъ изъ Дорогобужскаго уѣзда (Смоленской г.). «Свѣтъ-то бѣлый еще не надоѣль — ложиться въ больницу, тамъ боли-то еще надбавятъ, а то и совсѣмъ залечатъ», — attestуютъ одну изъ больницъ Грайзовецкаго у. (Вологодск. г.). «Случай обращенія къ земской городской больницѣ рѣдки, немаловажной причиной является боязнь умереть на чужой сторонѣ», — сообщаютъ изъ другого уѣзда (Вельскаго), той же Вологодск. г.

Мѣстами и въ центральномъ районѣ отношеніе къ больницѣ не менѣе скептическое.— «Развѣ я дамъ положить свою въ больницу? — часто можно слышать отъ бабъ: — нукось, тамъ льдомъ остудять? онъ и такъ чуть живъ, а ему ледъ на голову: вся кровь въ немъ застынетъ—ну, и смерть получилъ».

¹⁾ Въ Николаевскую эпоху всѣ центральные больницы для душевно-больныхъ въ Россіи были окрашены въ желтую краску.

«— И никакъ не увѣришь бабъ,— говоритъ одинъ изъ владимирскихъ сотрудниковъ,— что сами доктора лечатся тѣми же средствами, что и народу даютъ. Молодой народъ стать больше читать, понимать и докторамъ, и больницамъ сочувствуетъ, съ гордостью говоря о своихъ бабахъ и старикахъ: прямо дѣло, народъ сѣрый, непонимающій» (Шуйск. у.).

Въ очень болѣюмъ рядѣ случаевъ помѣщеніе больного въ больницу является самою крайней мѣрой, когда истощены всѣ другія средства помощи больному и когда остается одно — «попробовать еще свозить въ больницу»¹⁾). Вотъ какъ живонисуешь одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ рядѣ мѣропріятій въ отношеніи больного и тогдѣ путь, который онъ проходитъ, прежде чѣмъ попасть въ больницу.

«— При каждой болѣзни сначала перенробуютъ всѣ домашнія средства, потомъ лечатъ по совѣту родныхъ и знакомыхъ, своими же средствами. Если лучше нѣтъ, то больного взять по «баушкамъ и лекарямъ», и, наконецъ, если ничто не помогаетъ и положеніе больного все хуже, отправляются въ земскую больницу.— Плохъ, ни на какія лекарства нѣйдетъ — не мнѣешь свозить въ больницу; лучшее-то не будетъ, да и хуже-то не сдѣлаютъ», — говорятъ въ такихъ случаяхъ бабы, больные мужчины заботящіяся о больномъ. Но болѣниинство все-таки предпочитаетъ лечиться дома.— «Ради Христа, не возите въ больницу, — просятъ больные, — тамъ, все равно, помоги не будетъ, только губы оборвутъ лекарствами и умереть-то въ покой не дадутъ». — «Съ души рветъ, духъ-отъ проптивенъ, а они, знаѣ, въ ротъ льютъ», — говорятъ больные про докторовъ и фельдшеровъ больничныхъ.

Встрѣчаются и такие пессимисты, которые вполнѣ увѣрены, что доктора лечатъ только богатыхъ, а бѣдныхъ намѣренно морятъ. — «Для чего же они вѣсъ будуть морить, что имъ за выгода?» — спрашиваютъ такихъ скептиковъ. «— А кто ихъ вѣдаетъ, — нонѣ народу стало много, утѣшненія, вотъ и морятъ, чтобы вольготнѣе было имъ».

Не менѣйший страхъ во многихъ мѣстахъ держится передъ онерациими и нерѣдко предложеніе простыхъ разрѣзовъ при нарывахъ уже вызываетъ опасеніе и протесты деревенскихъ пациентовъ. —

¹⁾ Варнавин. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Даниловскій и Любимск. уу. Ярославской г., Городиц. у. Пензенск. г., Гжатск. у. Смол. г., Орлов. и Болхов. уу. Орлов. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Спасск. у. Каз. г., Вытегорск. у. Олонецк. губ.

«Чего тутъ рѣзать-то?» — частенько противится больной съ нарывомъ на пальцѣ. «— Да онъ еще и не созрѣлъ,—протестуетъ другой,— и Богъ вѣсть, сколь долго проболитъ, коли дать разрѣзать, а вѣдь мнѣ работать надо: нельзя ли пластырю или мази?»

Больше всего мужикъ боится, что ему перерѣжутъ «жилу», и когда послѣ сухожильныхъ или суставныхъ абсцессовъ у него получится тугоподвижность и контрактура пальца, бываетъ вполнѣ увѣренъ, что такъ оно и вышло: «излечиться-то излечился, да, вотъ, жилу перерѣзали», — жалуется потомъ такой мужикъ. Еще больше боятся и съ большой рѣшительностью протестуютъ противъ всякихъ разрѣзовъ женщины.«— Я своей рукѣ не лиходѣйка,— категорически заявляетъ деревенская баба или представляеть еще болѣе убѣдительный резонъ: «лучше помру, а рѣзать не дамъ, все равно, сердце зайдется—не вытерплю». Иногда и у бабъ, какъ и у мужика относительно жили, выступаютъ особенные и совершенно неожиданныя соображенія.«— Да развѣ жъ экое нѣжное мѣсто можно рѣзать?» — въ неподѣльномъ изумленіи обращается баба къ врачу, предлагающему ей разрѣзать нарывъ грудной железы.

При такомъ боязливомъ отношеніи къ простымъ разрѣзамъ, крестьяне тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ и страхомъ относятся къ большимъ операциямъ¹⁾). Хотя во многихъ случаяхъ страхъ мужика передъ операцией обусловливается опасенiemъ лишиться возможности работать и сдѣлаться въ тягость себѣ и окружающимъ, но несомнѣнны и такие случаи, где этотъ страхъ поддерживается предубѣждениемъ и простымъ непониманiemъ. Очень многіе крестьяне увѣрены, что доктора часто дѣлаютъ операциіи совершенно зря: «и не надо бы, а они, се часъ—рѣзать» (Ростовск. у. Яросл. г., Болхов. у. Орловск. г., Спасск. у. Казанск. г.). «—Да что больница? — возражаютъ крестьяне, — тамъ знаютъ только одно: разрѣзать или отрѣзать». «— Вишь, чѣмъ выдумаль отучать народъ отъ больницы,—негодуютъ на врача-хирурга,—и лекарства никакого не даетъ, а все твердитъ—рѣзать, да рѣзать давай». «Того гляди, отхватить руку или ногу», — подозрѣваютъ докторовъ наиболѣе опасливые и робкіе и, отправляя больного въ больницу, напут-

¹⁾ Смол. и Сычев. уу. Смоленск. г., Великоустюжск. и Кадников. уу. Волог. г., Галич. у. Костромской г., Котельнич. у. Вятской г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Ростов. у. Яросл. г., Орловск. г. и уѣзды, Жиздрин. у. Калужск. г., Сузdalск. у. Владим. г.

ствуютъ его соñттомъ: «смотри, Ягоръ, не пей сонныхъ капель, а то у сонного живо отпорсачутъ руку, имъ это ни по чёмъ, они за живорѣство награду получаютъ: смотри, не зѣвай»¹⁾ (д. Радомль, Болховск. у. Орловск. г.).

По мнѣнію нѣкоторыхъ, операциі дѣлаются для того собственно, чтобы узнать, какая именно болѣзнь находится у человѣка и чѣмъ ее лучше пользовать, когда она появится у кого-нибудь другого, а есть и такие убѣжденные люди, которые считаютъ всякую операцию непростительнымъ грѣхомъ (Зарайск. у. Рязанск. г., Саранскій у. Пензенск. г.). Многіе признаютъ ихъ только лишнимъ мученіемъ для больного и полагаютъ, что согласиться на операциѣ — это, значитъ, добровольно дать себя врачамъ зарѣзать (Зубцовск. у. Тверск. г.). «— Ужь лучше цѣлой да некропанной умереть, чѣмъ зашитой,» — категорически, отказываясь отъ операциї, рѣшаешь баба. «—Нѣть, ужь лучше отъ Бога смерть принять, чѣмъ доктора зарѣжутъ», — не менѣе твердо заявляетъ мужикъ, безповоротно рѣшивъ предпочесть операциѣ смерть (Вытегорск. у. Олонецкой г.). Другіе, видя неизбѣжность конца, хотя и съ страшной боязнью, соглашаются на операциѣ: «ну,— говорятъ,— все равно умирать, что будетъ, то будетъ, дай попробую» (Тульск. г. и у). Неблагопріятный исходъ операциї въ такихъ случаяхъ только подкрѣпляетъ убѣженіе въ бесполезности хирургической помощи вообще и создаетъ всеобщую увѣренность, что больного «не иначе, какъ зарѣзали».

Есть среди народа и такие закоренѣлые скептики, которые совершенно не вѣрятъ и не признаютъ медицины, крестятъ ее вещью безнолезною и пустымъ дѣломъ, про докторовъ говорятъ, что они лечатъ водой, про медицинскія средства отзываются: «это отрава, любая бабка скорѣе и лучше вылечить» — и даже, случается, полученные лекарства выливаютъ и посуду стараются вымыть, какъ можно, чище. На вѣру они выпьютъ, что угодно, — только не по совѣту и предписанію доктора. Въ случаѣ заболѣванія, такой скептикъ терпитъ, жмется — и пошелъ къ знахарю²⁾.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такихъ крайнихъ скептиковъ,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Черепов. у. Новгород. г.) распѣвается слѣдующая пѣсенка новѣйшаго пошиба: «не ходи, милый, въ больницу, тамъ отрѣжутъ пятки, а бѣги скорѣй домой, бѣги безъ оглядки».

²⁾ Сольвычег. и Тотемск. уу. Волог. г., Бѣлозерск. у. Новгородск. г., Орлов., Болхов. и Карач. уу. Орловск. г., Шуйскій у. Владим. г., Коротояк. у. Воронежск. г.

видимо, находится немало. «—Много и такихъ людей,—говорить одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ (Балаш. у.¹⁾ Саратовск. г.),—которые вовсе не обращаются къ докторамъ и говорятъ, что они лечать богатыхъ и молодыхъ, а старика скорѣе уморять, чѣмъ вылечать, если же не захотятъ уморить, то вместо лекарства даютъ порошокъ скобленнаго мѣла или бутылку кипяченой воды: «какая отъ этого польза? Людей разсуждающихъ такъ,—прибавляетъ сотрудникъ,—пожалуй, не меньше трети всего населенія, а человѣка, который бы не былъ у лекаря-шептуна, изъ крестьянъ едва ли найдешь».

Кое гдѣ, главнымъ образомъ въ глухихъ и отдаленныхъ отъ всякихъ центровъ углахъ и до сихъ поръ держится, правда неясное убѣжденіе, что врачи въ больницахъ морятъ чуть ли не нарочно и попасть туда въ некоторыхъ случаяхъ—дѣло опасное.

Нисколько не думая, чтобы этотъ нелѣпый предразсудокъ имѣть широкое распространеніе, мы, тѣмъ не менѣе, не думаемъ и того, что онъ быть очень рѣдкимъ исключеніемъ²⁾.

Послѣдніе холерные беспорядки въ Астрахани, Хвалынскѣ и др. городахъ и мѣстностяхъ Поволжья показываютъ, насколько легко вѣритъ народъ баснямъ, что врачи въ больницахъ травятъ больныхъ, кладутъ ихъ въ гроба живыми и т. п. Достойно замѣчанія то, что толпа, производившая эти беспорядки и вѣрившая этимъ нелѣпымъ рассказнямъ, состояла, главнымъ образомъ, изъ приплыхъ людей, почти исключительно, земскихъ губерній, гдѣ, казалось бы, они могли научиться довѣрью и къ врачамъ, и къ больницамъ и что среди этой толпы не нашлось или было очень мало представителей противоположныхъ взглядовъ. Если этотъ фактъ и не говорить за то, чтобы и въ обычное время толпа была настроена по отношенію къ больницамъ также нелѣпо скептически, то онъ не свидѣтельствуетъ и о крѣпости, и солидности вѣры въ больницы и врачей: убѣжденный въ чѣмъ-либо человѣкъ, хотя бы и мужикъ, даже въ минуты паники и возбужденія толпы, не такъ-то легко дастъ себѣ сбить съ толку и повѣрить увѣреніямъ въ противномъ³⁾.

¹⁾ Уѣзда съ значительнымъ числомъ раскольниковъ.

²⁾ Въ нашемъ материаѣ относительно этого предразсудка имѣются сообщенія изъ Шуйскаго у. Владим. г., Балаш. у Саратовск. г., Жиздринскаго у. Калужск. г., Орловскаго у. Орловск. г.

³⁾ Быть можетъ, причина такого затаенного недовѣрія заключается въ томъ, что прототипомъ врача въ глазахъ народа является знахарь, который, но сохранившимся воззрѣніямъ, можетъ и избавить человѣка отъ болѣзни, и «напустить» ее.

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неясное представлѣніе о больницахъ, какъ объ учрежденіяхъ, гдѣ «всякія дѣлаются», и о врачахъ, какъ людяхъ, которыхъ не мѣшаетъ въ иныхъ случаяхъ и остерегаться, въ глазахъ мужика иногда достигаетъ полной опредѣленности и убѣдительной ясности. «И теперь еще, хотя и рѣдко,— пишетъ намъ сотрудникъ изъ Жиздринскаго у. (Калужск. г.),— приходится слышать, что лечиться у докторовъ и ложиться въ больницы не слѣдуетъ, потому что лекарства ихъ составляются изъ человѣческаго жира и, для добыванія его, попавшихъ въ больницу доктора нарочно морятъ. Иногда являются чутъ ли даже не свидѣтели, представляющіе неопровергимыя и совершенно убѣдительныя доказательства этого.

«— Что же вы не отправили мать въ больницу-то?»— спрашиваютъ въ одномъ случаѣ дочь умершейъ больной.

«— Да развѣ жь такую-то, какъ мать, можно въ больницу отправлять? Вѣдь это на вѣрную смерть».

«— Почему же это на вѣрную смерть?»

«— А потому, что она, мать-то, покойница, была женщина сырья да жирнящая. Вѣдь они, дохтура-то, сморили бы ее ради жира».

«— Какъ ради жира? Зачѣмъ?»

«— А затѣмъ, что вѣдь мази-то свои они изъ человѣчьяго жира дѣлаются: вотъ, какъ попадется имъ жирный кто, они его и уморятъ, а тамъ жиръ изъ него на помады вытопятъ».

«— Пожалуй, по вашему, всѣ ихніе порошки и капли тоже изъ жировъ понадѣланы?»

«— Конечно же, изъ жировъ. Порошки они изъ человѣчыхъ костей толкуть и перетираютъ, а капли изъ крови наводятъ, да изъ желчи. Ужъ это намъ доподлинно извѣстно. А что они вамъ того не говорять, такъ, вѣстимо, господѣ опасаются».

«— А вамъ они это говорятъ?»

«— Знаю дѣло, и намъ не говорятъ, только думаютъ, что мы темный народъ, ничего не смекнемъ и не опасаются съ нами. Вотъ, нашъ сусѣдъ попшелъ какъ-то въ городъ, къ дохтору, отъ поясницы полечиться, глядь, а у того въ комнатѣ-то скелетъ человѣчій стоитъ. Цядя Митяй, баетъ, не запомню, какъ изъ той горницы выскочилъ. Ну, колибѣ не толкли на порошки эти самыя кости, пошто жъ бы скелету-то стоять? А то, вотъ, насчетъ это крови и желчи вамъ сумнительно, такъ вотъ, тоже, нашей свахи-дочери свекровь пошла въ городъ, да и схвати ее тамъ чтой-то

за сердце. Вотъ, и пошла это она въ такой гамазей, гдѣ снадобья всякия продаются. А она фабрая. Бывало, скажеть: «мнѣ, хошь, помету безвяньяго помѣшай, лишь бы полегчало отъ него». Ну, вотъ, пришла она въ гамазей, да и проситъ, это, пособить ей отъ боли-то. Ну, лекарство это мѣшаютъ ей въ склянкѣ, а она—бѣдовищая баба — по сторонамъ-то озирается, и видить, стоять на оконцахъ пузырица: одинъ съ синимъ чѣмъ-то, другой съ желтымъ, а третій съ краснымъ, сейчасъ видно, съ кровицей. А Степанида то, это нашей свахи-дочери свекровь, и говорить: —«а што, господинъ, у васъ въ пузырицѣ стоитъ, вонь, тамъ-то, не изъ спни-моря вода? А онъ ей говоритъ: —«да, да, бабушка, угадала». А она, шустрая такая, все не унимается: —«а это, говоритъ, желтая — не желчь человѣческая?» — «Во, во, она самая, — это ей лекарь-то говоритъ». — «Ну, а та-то, красная, навѣрняка — кровища человѣческая?» — «Ай-да угадчица, все знаетъ» — это ей лекарь-то баетъ,—и даже денегъ не взялъ за свое снадобье: «ты, гритъ, бабушка, всѣ наши лекарства знаешь, пожалуй, ими сама лечить начнешь, у насъ покупателевъ отводить, лучше задобрить тебя даровщикой». Ну, вотъ, и скажите теперя, что люди глупства болтаютъ. Вѣдь Степанида-то два раза въ годъ говѣть, значитъ, вратъ не станетъ, да и дядя Митяй про шкелеть въ Великую Пятницу баялъ: то жъ, не такой день, чтобы пустое брехать».

Въ заключеніе сотрудница ¹⁾ говоритъ: «сельцо Хиѣлево, къ которому относится этотъ разсказъ, очень глухое, далеко отъ города, земской больницы и своего прихода, господа тамъ никогда не жили, общій же уровень развития жителей очень низокъ».

Изъ другихъ теченій современной деревенской жизни, поскольку они касаются медицины, мы отмѣтимъ проявляющуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наклонность крестьянъ лечиться у вольно-практикующихъ врачей.

Объ одномъ изъ такихъ врачей, г-нѣ К., въ г. Череповцѣ, сообщаютъ, что онъ береть съ больныхъ за лечение то, что они могутъ дать —двугривенный, фунтъ масла, десятокъ яицъ и т. п., и его приемная, крестьянами изъ ближайшихъ къ городу деревень, посѣщается больше, чѣмъ земская. «Хорошій докторъ,—хвалять его мужики,—онъ у тебя все выспросить—и про боль, и про ребята, и много ли у тебя скотины, кончилъ ли ты косить, началъ ли ты жать да сѣять—окончательно все опросить и ничего не опустить,

а все потому, что не даромъ». О другомъ подобномъ же добровольцѣ-врачѣ въ деревнѣ и съ такими же одобрительными мужицкими отзывами, сообщаютъ намъ изъ Скопинскаго у. (Рязанск. г.¹⁾).

Во многихъ мѣстахъ народъ не утратилъ привычки, какъ это было прежде, обращаться за советами и лекарствомъ къ барину-помѣщику, священнику, учителю, а кое-гдѣ крестьяне пользуются и гомеопатическими средствами лечения. Нѣкоторые изъ гомеопатовъ, по преимуществу священниковъ, въ своихъ и сосѣднихъ деревняхъ пользуются болыною известностью. Гомеопатическимъ средствамъ крестьяне обыкновенно приписываютъ чудодѣйственную силу и бываютъ глубоко убѣждены, что они помогаютъ только тѣмъ, кто принимаетъ ихъ съ вѣрой. Помимо вѣры, относительный успѣхъ гомеопатического лечения въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависитъ и отъ другихъ, побочныхъ и чисто деревенскихъ условий. Большинство народныхъ врачей-гомеопатовъ — люди убѣжденные, принимаютъ больныхъ съ охотой и внимательностью, а главное — они «свои», живутъ тутъ же, въ деревнѣ, или по близости и раздаютъ лекарства даромъ²⁾. Степень распространенія въ народѣ гомеопатіи, конечно, очень незначительна, большинство крестьянъ не имѣетъ о ней рѣшительно никакого представлениія, а изъ ознакомившихся съ ней далеко не всѣ одобряютъ. «Дать средства настоящаго, чтобы по всемъ жиламъ и поджилкамъ пошло оно, вотъ, это такъ, тогда можно и переломить болѣзнь. А это,—аттестуетъ мужикъ гомеопатію,— пустота. Можетъ, оно и хорошо для благородныхъ людей, а для нашего брата-мужика—не идетъ» (Дорогобужск. у. Смоленск. г.).

Такимъ образомъ, мы начали съ полнаго признанія народомъ медицины и врачей и кончили почти полнымъ ихъ отрицаніемъ — противорѣчіемъ, созданнымъ самою жизнью и обусловливаемымъ тѣмъ переходнымъ состояніемъ, въ которомъ находится нашъ народъ по отношенію къ научной медицине. Опредѣляя различныя

¹⁾ Въ одномъ изъ сель Вятской г., въ теченіе многихъ лѣтъ, такимъ же образомъ практиковалъ врачъ Сычуговъ, теперь умершій, и пріобрѣлъ искреннюю любовь населенія и справедливое названіе «друга народа».

²⁾ Сообщ. изъ Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Каз. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Исадарск. у. Пенз. г., Зарайск. у. Рязан. г., Волхов. у. Орл. губ., Тульск. у. и г.

ступени этого состоянія, мы, какъ выводъ изъ нашего матеріала, можемъ высказать, что, безспорно, извѣстная часть населенія питаетъ безусловную вѣру въ научную медицину и относится къ ней вполнѣ сознательно, другая часть совершенно не признаетъ ея полезности и значенія, и, наконецъ, третья, едва ли не самая многочисленная, настроена по отношенію къ ней, въ той или другой степени, скептически и признаетъ ея значеніе только условно. Конечно, никто изъ нашихъ сотрудниковъ не считалъ ни скептиковъ въ научной медицинѣ, ни строгихъ послѣдователей ея, ни ея противниковъ и никакой статистикѣ не сдѣлать подобнаго подсчета. Наші выводы основываются на довѣріи къ сообщеніямъ этихъ сотрудниковъ, которыхъ, въ ихъ наблюденіяхъ, мы имѣемъ основаніе считать беспристрастными: они не были связаны никакой предвзятой тенденціей¹⁾, въ своихъ сообщеніяхъ они были совершенно свободны и, что важнѣе, всѣ они стоятъ около самаго порога народной жизни, знаютъ духовное существо крестьянина, и большинство ихъ связано съ нимъ не однимъ только формальнымъ образомъ. Вѣроятность такого вывода подтверждается тѣмъ, что онъ находится въполномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ фактамъ, что медицинская помощь у насъ доступна только меньшинству населенія, большинство же его настолько отдалено отъ медицинскихъ пунктовъ, что мало имѣть даже возможности, какъ слѣдуетъ, узнать врача. Не въ противорѣчіи, а, напротивъ, въ значительномъ соотвѣтствіи съ этимъ выводомъ, кажется намъ, находится и цифра, опредѣляющая число больныхъ всѣхъ земскихъ губерній Россіи и приведенная нами въ началѣ главы. 34 милл., конечно, цифра очень большая, и если бы она точно выражала собою заболѣваемость сельского населенія, то вполнѣ убѣдительно говорила бы о довѣріи всей массы этого населенія и полномъ признаніи имъ земской медицины. Но если считать установленнымъ фактъ, что сельское населеніе болѣеть не менѣе городскаго, то эта цифра не окажется слишкомъ большой. Ежегодное число больныхъ такихъ относительно культурныхъ и обезпеченныхъ медицинскою помощью городовъ, какъ Петербургъ и Москва, приблизительно равняется населенію этихъ городовъ, т. е. каждый житель ихъ разъ въ году обращается за медицинскою помощью. Если бы сельское населеніе обладало такой же степенью возможности пользоваться услугами

¹⁾ См. программу этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ Центральной Россіи Кн. В. Н. Тенишева.

врачей и считало медицинскую помощь необходимой и обязательной для каждого и во всѣхъ случаяхъ заболѣваній, то оно дало бы не 34 милл. больныхъ, а 73. Такимъ образомъ, и по этимъ даннымъ и соображеніямъ, несмотря на относительную громадность приведенной цифры, къ медицинской помощи прибѣгаетъ не большинство, а лишь меньшинство деревенского населенія.

Очень характерной чертой имѣющагося въ наше время распоряженіи матеріала и именно той его части, которая касается положительного отношенія народа къ научной медицине и врачамъ, является категоричность и опредѣленность отвѣтовъ и въ большинствѣ случаевъ полное отсутствіе ихъ внутренняго освѣщенія: такого освѣщенія или совсѣмъ нѣтъ, или оно не ярко и не характерно. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, зависитъ отъ того, что самъ народъ еще не осмыслилъ и не обобщилъ разбираемыхъ явлений, онъ безусловно признаетъ только одну реальность фактовъ, безъ какихъ-либо обобщеній и выводовъ, которые создаются лишь тогда, когда увеличится самая сумма этихъ фактовъ и народъ овладеетъ ихъ внутреннимъ смысломъ и значеніемъ. Покаже, теперь, онъ не идетъ далѣе простого пониманія отдѣльныхъ фактовъ да и изъ нихъ признаетъ лишь тѣ, которые для него всего яснѣ и полеза, получаемая отъ нихъ, очутительнѣе. Въ этомъ отношеніи очень интересно, что наибольшій контингентъ въ земскихъ губерніяхъ даютъ болѣзни, противъ которыхъ медицина обладаетъ наиболѣе вѣрными средствами: малярия, чесотка и сифилисъ. Число больныхъ съ этими болѣзнями достигаетъ $5^{1/2}$ милл., т. е. составляетъ $1^{1/6}$ ч., а число однихъ только малярійныхъ больныхъ 1^{15} ч. всѣхъ обращавшихся къ врачамъ въ 1900 г. больныхъ¹⁾). Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ прежде всего свидѣтельствуетъ о большої распространенности указанныхъ болѣзней среди сельскаго населенія Россіи, но $\%$ ихъ, по сравненію со всѣми другими болѣзнями, все же настолько высокъ²⁾), что заставляетъ думать, что цифры заболѣваемости этими болѣзнями очень близки къ настоящимъ, выражаютимъ действительную заболѣваемость этими болѣзнями, а цифры, опредѣляющія другія болѣзни, только относительныя, значительно меньшія тѣхъ, которыя существуютъ въ действительности. Такимъ образомъ, отъ болѣзней, противъ которыхъ

¹⁾ Вѣстникъ общ. гигіёны, суд. и практ. м—ны. 1902.

²⁾ Число больныхъ съ этими болѣзнями въ С.-Петербургѣ не превышаетъ $1/100$, а въ Москвѣ— $1/30$ ч. общаго количества больныхъ.

существуютъ наиболѣе вѣрно-дѣйствующія средства въ медицинѣ, идетъ лечиться громадное большинство, а отъ значительного числа другихъ—хроническихъ или такихъ острыхъ, гдѣ требуется комбинированное и сложное лечение, гдѣ успѣхъ его зависитъ отъ многихъ побочныхъ условій, лежащихъ иногда выѣ непосредственного лечения, только меньшинство населенія. Въ послѣднемъ случаѣ фактъ уже не такъ рѣзко бѣть въ глаза крестьянину, здѣсь ему нужно умѣть разобраться во всѣхъ тѣхъ моментахъ, изъ которыхъ слагается лечение, и онъ, будучи не въ состояніи этого сдѣлать, не успѣхъ лечения и отсутствіе ожидаемой пользы всего чаще относится къ безсилію и несостоятельности медицины и лечится отъ такихъ болѣзней только въ меньшинствѣ, изыскивая противъ нихъ другія средства лечения.

Нашъ народъ вѣритъ, что всѣ лекарства должны обладать подобнымъ же быстрымъ и вѣрнымъ дѣйствиемъ, и это-тоaprіорное требование отъ медицины и является источникомъ сомнѣнія и создаетъ ея условность въ глазахъ народа.

Замѣчательно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда польза отъ медицины въ глазахъ мужика достигаетъ своей полной реальности, его міровоззрѣніе ничѣмъ не проявляется, обнаруживая при этомъ, хотя и косвенно, значительную степень своей подвижности и эластичности, но какъ только эта реальность не достигаетъ полной очевидности, міровоззрѣніе это выступаетъ во всей своей силѣ и на его почвѣ являются многочисленные поводы для всевозможнаго рода другихъ сомнѣній, помимо этого основного, только что нами указаннаго.

Что касается той части населенія, которая относится къ медицинѣ и врачамъ враждебно и сохраняетъ до сихъ поръ о нихъ дикия представленія, то, нужно надѣяться, она когда-нибудь уступитъ просвѣщенію, общему духу времени, дальнѣйшему развитію земской медицины и усиливъ врачей и измѣнить свои взгляды. Главное ядро составляетъ пока сомнѣвающеся, колеблющееся большинство, но оно уже не пойдетъ назадъ и не останется *in statu quo*, а чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе будетъ находить поводовъ для своихъ сомнѣній въ медицинѣ и превратится въ такихъ же вѣрныхъ ея послѣдователей, какъ та первая группа населенія, которую мы выдѣлили въ началѣ настоящей главы. Говоря объ этомъ сомнѣвающемся большинствѣ, намъ кажется болѣе правильнымъ удивляться не тому, что оно пока еще не вполнѣ вѣритъ и признаетъ медицину, а тому, какъ многаго сравнительно достигли земские врачи,

при вѣковой неподготовленности народа къ научной медицинѣ, ни его пониманіемъ, ни бытомъ.

Давъ въ отдѣльныхъ фактахъ общую и, думается намъ, правдивую картину отношеній нашего народа къ земской медицинѣ и врачамъ, мы воздержались отъ точнаго опредѣленія этихъ отношеній топографически, на томъ основаніи, что исполненіе подобной задачи, по нашему мнѣнію, должно принадлежать мѣстнымъ изслѣдованіямъ.

**Понятія о
заразитель-
ності болѣз-
ней.**

Крайняя отвлеченность воззрѣнїй народа на сущность и происхожденіе болѣзней не могла способствовать образованію въ немъ сколько - нибудь ясныхъ понятій объ ихъ заразительности. Живя долгое время одними сказаніями и вѣрованіями, иногда затемнявшими смыслъ самыхъ обыденныхъ фактовъ жизни и опыта, единственно до чего додумался народъ въ указанной области—это до ученія о передачѣ болѣзней. Этимъ ученiemъ онъ до нѣкоторой степени приблизился къ понятію о заразительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, но въ развитіи его не пошелъ дальше и дѣйствительныя условія распространенія заразныхъ болѣзней для него остались скрыты и неизвѣстны¹⁾). Поэтому, намъ кажется, тѣ или другіе взгляды народа на заразныя болѣзни и то или другое отношеніе его къ заразнымъ больнымъ почти всецѣло должно являться выражениемъ степени того вліянія, которое оказала на народъ научная медицина и земскіе врачи: все положительное и опредѣленное въ этихъ взглядахъ и отношеніяхъ должно считать привитымъ этими послѣдними. Эти взгляды и отношенія къ заразнымъ больнымъ, въ зависимости отъ той или другой мѣстности, въ высшей степени различны и, по многочисленности своихъ формъ и оттѣнковъ, не уступаютъ тому разнообразію, которое замѣчается по отношенію къ чисто лечебной функции земской медицины и врачей.

Какъ наслѣдие старины, почти не различавшей никакихъ заразныхъ болѣзней, и теперь еще существуютъ взгляды, совершенно

¹⁾ Древнее обозначеніе эпидемій словомъ «повѣтря» заключаетъ въ себѣ понятіе только о стихійности явленія, его массовомъ и повальнымъ характерѣ, безъ всякаго указанія на его заразительность.

отрицающіе существованіе такихъ болѣзней или допускающіе ихъ съ очень болѣшимъ сомнѣніемъ¹⁾). Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда крестьяне не вѣрять совсѣмъ или вѣрять плохо и неясно представляютъ заразительность болѣзни, всего чаще выступаетъ на сцену фаталистическое — «Божья воля и никто, какъ Богъ». — «Воля Божья», — говорить народъ при своихъ сношеніяхъ съ заразными больными: — «кому умереть, какою смертью и когда — Богъ на роду написалъ». — «Чему быть, тому и быть», — еще рѣшительнѣе высказываются другіе фаталисты, отвергая всякия мѣры предосторожности противъ заразы (Юрьевск. у. Владимірск. г., Чембарск. у. Пензенск. г.).

Этимъ положеніемъ — «все Богъ» — объясняются холера, дифтеритъ и др. болѣзни и не признаются способными распространяться при сообщеніи съ больными, невоспріимчивость же къ зараженію, въ некоторыхъ случаяхъ, какъ бы подтверждается этотъ взглядъ.

Иногда представленіе о заразѣ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, усиливается понятіемъ гнѣва Божія: «тутъ Божій гнѣвъ и Божья воля», — безнадежно отзываются обѣ эпидеміяхъ такие крайніе фаталисты, — «отъ нихъ не спрячешься» (Жиздринск. у. Калужск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.).

Взглядъ на эпидеміи, какъ на Божій гнѣвъ, наказаніе Божіе, или какъ на злое повѣтріе, съ которымъ ничего не подѣлаешь, по-видимому, довольно значительно распространено и является источникомъ пассивнаго отнosiенія къ нимъ для немалаго числа крестьянъ (Вологодск. и Сольвычегодск. уу. Волог. г., Ростовск. у. Ярославск. г. и др.). Къ такому взгляду на заразныя болѣзни нерѣдко присоединяется и уверенность, что Богъ, если захочетъ, никакой заразы до человѣка не допустить (Спасск. у. Казанск. г.). Въ другихъ случаяхъ эпидемической болѣзни считаются не столько карой Божіей, сколько порчей отъ злыхъ людей, противъ которой также бессильны всѣ мѣры предосторожности.

При такихъ взглядахъ на заразныя болѣзни, сплошь и рядомъ приходится слышать въ деревнѣ, какъ такой-то ребенокъ заболѣлъ скарлатиной или дифтеритомъ послѣ того, какъ безпрепятственно посѣщалъ семью, где были больныя дѣти и какъ въ такомъ-то селеніи эпидемически развились заразная болѣзнь потому, что ка-

¹⁾ Васильсурск. у. Нижегор. г., Саранскій у. Пензенск. г.. Юхновск. у. Смоленск. г., Егорьевск. у. Рязанск. г., Болховск. у. Орловск. г., Новоржевск. у. Псковск. г.

кой-нибудь бѣднякъ, въ видѣ милостыни, получилъ одежду, послѣ умершаго больного, изъ другого села, гдѣ эта болѣзнь уже свирѣпствовала (Солигалич. у. Костромск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

Наряду съ такими взглядами и понятіями, доставшимися намъ въ удѣль отъ минувшаго, кое-гдѣ и мало-по-малу начинаютъ проникать въ сознаніе народа совершенно новыя, уже здравыя и разумныя идеи, которыя иногда представляютъ изъ себя смѣсь съ понятіями уже отжившими¹⁾, иногда же являются почти согласными съ современной медициной. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ серьезность и опасность эпидеміи опредѣляется по такимъ виѣшнимъ признакамъ, какъ прїездъ въ деревню доктора: узнавъ о прїездѣ врача, крестьяне начинаютъ признавать болѣзнь опасной, такъ какъ, говорятъ они, по иустякамъ докторъ не ъздитъ (Тотемск. у. Вологодск. г.). Но въ другихъ случаяхъ это различие инфекціонныхъ болѣзней является уже болѣе сознательнымъ. Изъ нихъ мѣстами считаются заразительными иногда только однѣ горловыи болѣзни (Хвалынск. у. Саратов. г.), одинъ сифилисъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.) или одна «горячка» (Волог. и Грязовецк. уу. Вологодск. г.). Въ другихъ мѣстахъ къ заразнымъ причисляются только оспа, тифъ и холера, въ заразительность же остальныхъ болѣзней почти не вѣрятъ (Юрьев. у. Владимирск. г., Орловск. г. и у., Ростовск. у. Ярославск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ группа этихъ заболѣваній расширяется такимъ образомъ, что заразными признаются—то оспа, холера, сифилисъ и дифтеритъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), то только оспа, скарлатина и тифъ (Калужск. г. и у.), дифтеритъ же считается мало заразнымъ и крестьяне смотрятъ на него какъ-то равнодушно (Инсарск. у. Пензенск. г.). При этомъ весьма интересно, что въ другихъ мѣстахъ тотъ же дифтеритъ считается, напротивъ, самой заразительной болѣезнью и его всего больше боятся крестьяне (Карабачевск. у. Орловск. г.). Наконецъ, въ ограниченномъ числѣ случаевъ заразными признаются почти всѣ болѣзни, которыя считаются такими и медициной. Всего же чаще считается заразительной холера, при чёмъ наибольшая и безусловная ея заразительность особенно отмѣчается изъ сообщеній, относящихся къ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при входѣ въ избу, гдѣ есть больные оспой, корью, зудихой (чесоткой) и т. п., во избѣжаніе заразы, признается полезнымъ смотрѣть, первымъ дѣломъ, подъ матицу, а при выходѣ изъ избы, чтобы не унести съ собой болѣзни, рекомендуется не просто шагать черезъ порогъ, а непремѣнно вставать на него (Никольск. у. Вологодск. г.).

Поволжью. Очевидно, все эти и подобные имъ взгляды составились, главнѣйшимъ образомъ, чисто опытнымъ путемъ, въ зависимости отъ бывшихъ въ той или другой изъ этихъ мѣстностей въ разное время эпидемій, въ особенности же послѣдней холерной эпидеміи, но здѣсь уже нельзя не видѣть и вліянія, оказанного земской медициной.

Вліяніе это выразилось до извѣстной степени и въ самыхъ отношеніяхъ народа къ заразнымъ больнымъ. Во избѣжаніе заразы народъ не ходить въ тѣ дома, гдѣ есть заразные больные (Сольвычегодск. у. Вологодск. г., Котельническ. у. Вятск. г.). Такихъ больныхъ, изъ боязни заразиться, не только не посѣщаются, хотя обычно и жалѣютъ, но не ходить смотрѣть и покойниковъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), а маленькихъ дѣтей изъ того дома, гдѣ есть больной, отводятъ къ роднымъ и знакомымъ въ селѣ (Чембарск. у. Пензенск. г.).

При появлѣніи дифтерита, не только ребенка и мать отдаляются отъ всѣхъ, ложку и чашку ставятъ на отдѣльное мѣсто, но къ больному ребенку, какъ онъ не кричи, никто не подойдетъ, кромѣ матери, даже въ ея отсутствіе (Карабашск. у. Орловск. г.). Въ другихъ мѣстахъ отношеніе къ такимъ больнымъ еще строже: чашку, ложку и полотенце больного не трогаютъ, и въ домѣ, гдѣ есть больной, не только никто изъ односельчанъ ни зачѣмъ не пойдетъ, но избѣгаютъ даже встрѣчи съ членами семейства этого дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодского и Грязовецкого уѣздовъ (Вологодск. г.), по отношенію къ тифознымъ больнымъ, обращеніе это достигаетъ такой степени строгости, что сами односельчане слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ въ тѣ дома, гдѣ есть больные. Нерѣдко крестьяне, при появлѣніи заразной болѣзни, просятъ предохранительныхъ средствъ у врача и фельдшера, одежду больного, постель и другія вещи тщательно вымываютъ, а иногда уничтожаютъ, бросая ихъ въ рѣчку (Инсарск. у. Пензенск. г.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ проглядываютъ уже здоровые и свѣжие элементы понятій, то новое, что внесла въ народную жизнь земская медицина. Хотя часто это только ростки и лишь формирующаяся понятія, иногда, какъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ случаевъ, нелишенныя эгоизма и узости, но имѣющія уже всѣ задатки для своего дальнѣйшаго развитія въ будущемъ.

Громадную услугу земскіе врачи оказали народонаселенію надлежащей постановкой дѣла оспопрививанія, фактически почти отсутствовавшаго до введенія земской медицины. За немногими исключе-

ченіями, сознаніе необхідності і значенія привітія предохранительної оспи почти всеобще. Важность єя привітія хорошо со-знається громаднимъ большинствомъ населенія, и крестьяне считаютъ, большею частию, обязательнымъ привить оспу дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ¹⁾). Очень часто охотно и безъ всякаго неудовольствія, въ случаѣ неудачи первої прививки, даютъ прививати оспу второй и третій разъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, понимаютъ разницу въ теченіи оспи у привитыхъ и непривитыхъ, замѣчая, что у первыхъ оспа протекаетъ легче и они «боль на ногахъ сносять», т. е. не ложась въ постель (Череповецк. у. Новгородской г.).

Такое разумное отношение нашего народа къ оспопрививанію показываетъ, насколько мало оснований обвинять его въ косности: оспопрививаніе для него доступно, такъ какъ производится, большею частию, по деревнямъ, на мѣстѣ, польза отъ него ясна и очевидна, и народъ, безъ всякихъ принужденій и долгихъ колебаній, свободно и легко переходитъ къ новизнѣ.

Неблагопріятное отношение къ оспопрививанію обнаруживаетъ до сихъ поръ только староѣреческая часть населенія и та небольшая часть православного, которая находится подъ вліяніемъ первого и противится оспопрививанію вслѣдствіе религіознаго предубѣжденія. Здѣсь во всей силѣ царятъ самые нелѣные взгляды и предразсудки, безъ слѣдовъ какого бы то ни было вліянія современной медицины, и, со всѣми ихъ грустными послѣдствіями, переносятъ насъ къ временамъ самой отдаленной старины. Интересна история одной эпидеміи осги, о которой сообщаютъ намъ изъ одной такой мѣстности. «Въ селѣ Ст—кѣ (Пензенск. г.), лѣтомъ 1898 г., отъ осги умерло болѣе 50 дѣтей и взрослыхъ, и еще больше было обезображеніо ею. Нѣкоторые прививали оспу, а иные считали это грѣхомъ, «антихристовою печатью». Такой взглядъ на оспопрививаніе установился здѣсь подъ вліяніемъ раскольниковъ, которые, въ числѣ 20 душъ, живутъ въ Ст—кѣ. Не давая прививать оспу, матери ходили съ больными дѣтьми къ знахаркамъ «отворожить корявую болѣзнь». Знахарки ворожили и умывали дѣтей съ углемъ. «Умывали» онѣ одной и той же водой—и больныхъ, и здоровыхъ, держали ихъ съ часъ и болѣе вмѣстѣ, въ одной избѣ, и, такимъ образомъ, еще болѣе распространяли болѣзнь, такъ что заболѣвали

¹⁾ О такомъ отношеніи къ оспопрививанію свидѣтельствуетъ громадное большинство заявлений сотрудниковъ.

и многія молодыя матери. Обращались и къ другимъ своимъ лекарямъ, которые «сажали дѣтей на траву, окуривали киноварью и пускали даже кровь». Въ нѣкоторыхъ углахъ до сихъ поръ, при леченіи оспы, примѣняютъ старинный пріемъ — «поджигаютъ оспу». Это поджиганіе производится посредствомъ усиленнаго паренія въ банѣ, а вѣникъ потомъ «сбывается куда-нибудь въ чужіе люди» (Вельск. у. Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сарап-го у. (Вятск. г.), где существуетъ убѣжденіе, что съ «дружиною» (повальной) оспою легче водиться, нарочно ходятъ съ ребятами къ осипеннымъ больнымъ и парятъ ихъ однимъ и тѣмъ же вѣникомъ. Есть и теперь еще такія мѣста, где сердобольныя матери идутъ къ заболѣвшему оспой ребенку, съ кренделемъ или булкой, кормятъ больного и клянчатся въ землю, приговаривая: «сударыня-восьница, приди къ моему Ванюшкѣ, милостивая да жалостливая, не мучь, не увѣчь, а пожги и уйди». — Объѣдками кормится потомъ здоровый ребенокъ и почти навѣрняка заболѣваетъ оспой (Вытегорск. у. Олонецк. г.). Поэтому массовыя заболѣванія и высокая смертность отъ оспы, обезображенія, слѣпота и пр. совсѣмъ не составляютъ рѣдкости въ мѣстностяхъ съ чисто старовѣрческимъ населеніемъ, которое почти сплошь и упорно противится вакцинації, почитая ее помошью не отъ Бога, а отъ дьявола и печатью антихриста (Хвалын. у. Саратовск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г. и др.).

Но, оставляя въ сторонѣ эти исключенія, въ общемъ нельзя признать отношеніе народа къ оспопрививанію благопріятнымъ, довѣрчивымъ, а во многихъ случаяхъ и вполнѣ сознательнымъ.

Такіе же здравые взгляды, мѣстами, начинаютъ проникать въ народъ по отношенію къ сифилису¹⁾. Про сифилисъ, характеризуютъ намъ отношеніе къ этой болѣзни въ Балашовскомъ уѣздѣ (Саратовской губ.), всѣ знаютъ, что онъ заразителенъ и берегутся того человѣка, который зараженъ имъ. Съ больными сифилитиками семейные не ёдятъ вмѣстѣ, сосѣди чуждаются и боятся ходить въ тѣ дома, где есть такой больной и братъ что-либо отъ нихъ (Скопинск. у. Рязанск. г., Чембарск. у. Пензенск. г., Пощеконск. у. Ярославск. г., Котельническ. у. Вятск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое отношеніе къ сифилитикамъ проявляется еще болѣе строгимъ образомъ. Узнавъ, что въ извѣстной семье появился сифилисъ, стараются прекратить съ нею всякия сношенія, не пускаютъ туда

Сифилисъ.

¹⁾ Сифилисъ занесенъ въ Россію въ XVI ст. и уже значительно распространялся въ сѣдующемъ (Костомаровъ).

дѣтей, не берутъ взаймы ничего съѣстного, а если придется дать хлѣба въ зараженную семью, то, получивъ отдачу, бросаютъ этотъ хлѣбъ свиньямъ или собакамъ (Жиздринск. у. Калужск. г.). Слухается, что въ семьяхъ, гдѣ сифилисомъ заболеваетъ молодая баба, семейные не только даютъ ей пищу отдельно, но и наблюдаютъ, чтобы она не имѣла съ мужемъ полового общенія (Городищенск. у. Пензенск. г.). Не менѣе строго отношеніе къ сифилитикамъ со стороны нѣкоторыхъ карачевцевъ (Орловск. г.). Мужики, какъ узнаютъ про больного сифилисомъ, то и сами ни ногой въ избу къ такому человѣку, и никому въ деревнѣ не позволяютъ ходить туда: на ногахъ живо притащишь той заразы. Когда они узнали, что сифилисомъ боленъ волостной писарь, то не ходили въ волостное Правленіе до тѣхъ поръ, пока писаря не уволили отъ должности. Въ Кадниковскомъ у—дѣ (Вологодск. г.), тѣ семьи, гдѣ господствуетъ сифилисъ, находятся въ изолированномъ положеніи и народъ тщательно избѣгаетъ всякаго общенія съ ними, страшно боясь «худой боли». При этомъ крестьяне часто принимаютъ за сифилисъ волчанку и также упорно бойкотируютъ больныхъ ею, какъ настоящихъ сифилитиковъ. Опасность этой болѣзни признается не только по отношенію къ другимъ, въ смыслѣ ея заразительности, но она сознается и самими больными, въ смыслѣ послѣдствій, и потому громадное большинство больныхъ сифилитиковъ, какъ въ указанныхъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, лечатся у врачей.

Еще недавно сифилисъ лечили простыя лекарки, пишутъ намъ изъ Жиздринского уѣзда (Калужск. г.), теперь же почти всѣ сифилитики обращаются къ земскому врачу. Больные сифилисомъ, пишутъ о томъ же изъ Юрьевскаго уѣзда (Владимирск. г.), обязательно обращаются на медицинскіе пункты и врачебные совѣты стараются исполнять, какъ можно, аккуратнѣе.

Относительно сифилиса, сообщаютъ намъ изъ Орлов—го у. (Вятской г.), который здѣсь называютъ «татарской оспой», народъ давно сознаетъ, что болѣзнь эта опасна, и потому, въ случаѣ зараженія, всѣ немедленно обращаются къ врачу или фельдшеру. Интересно, что нигдѣ такъ сильно не сказалось вліяніе земской медицины и ни къ одной изъ заразныхъ болѣзней не выразилось такъ ясно сознательное отношеніе нашего крестьянина, какъ именно къ сифилису. Причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что для крестьянина, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно ясна польза лечения отъ этой болѣзни. Оцѣнивая вѣрность совѣта врача съ точки зрѣнія той пользы, которую онъ получилъ, мужикъ

думаетъ: значитъ, докторъ говоритъ и совѣтуетъ не зря, когда такъ хорошо узнай болѣзнь и дасть такое хорошее средство.

Но, къ сожалѣнію, такое отношеніе къ сифилису далеко не всеобще.

Иногда русскій человѣкъ прорывается и, особенно во хмѣлю, позабываетъ опасность. Случается, что здоровыя семьи сторонятся сифилитиковъ, избѣгая пить и есть у нихъ, но когда, въ праздникъ, напиваются пьяны, забываютъ опасность (Череповецк. у. Новгородск. г.). Въ другихъ случаяхъ крестьяне, хотя и вѣрятъ въ возможность зараженія дурной болѣзни другъ отъ друга, но даже и по отношенію къ этой болѣзни, болѣшею частью, придерживаются традиціоннаго — «безъ Бога ничего не будетъ» — и потому мало осторегаются (Болховск. у. Орловск. г.). Иногда крестьяне, повидимому, не вполнѣ понимаютъ степень заразительности сифилиса. Въ семье, напримѣръ, есть больной сифилисомъ, домашніе это знаютъ, но не осторегаются: ёдятъ съ больнымъ изъ одной чашки, однѣми ложками, которыя не всегда послѣ ёды и моются, пьютъ чай изъ однихъ стакановъ и блюдечекъ, вмѣстѣ спать, носятъ общую одежду и пр., — однимъ словомъ, больные на каждомъ шагу сообщаются со здоровыми. Въ больницу идетъ, быть можетъ, только одинъ изъ десяти, зараженныхъ этой болѣзнью (Васильсурск. у. Нижегородск. г., Череповецк. у. Новгор. г.).

Въ значительномъ рядѣ случаевъ замѣчается, болѣе или менѣе, полное отсутствіе сознанія заразительности этой болѣзни. Нерѣдко сифилитики и здоровые ёдятъ и пьютъ вмѣстѣ, и потому, если въ семье заболѣлъ одинъ человѣкъ, то отъ него неизбѣжно заражаются всѣ (Вологодск. г. и у., Спасск. у. Казанск. г.). По сообщенію изъ Волховскаго у—да (Орловск. г.), сифилиса крестьяне ничуть не опасаются, даже если бы хорошо знали, относительно кого-нибудь, что онъ боленъ сифилисомъ: изо рта берутъ папироску и докуриваютъ, или пьютъ водку изъ одного стакана и воду изъ одной кружки. Удивительная беззаботность и равнодушіе къ сифилису обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новоржев—го у. (Псковск. г.). Сотрудникъ, указывая на распространенность сифилиса въ этомъ уѣздѣ и называя его бичемъ мѣстнаго крестьянства, выставляетъ на видъ полное и поразительное равнодушіе крестьянъ къ этой болѣзни, вслѣдствіе чего отъ одного зараженнаго члена неизбѣжно заражается вся семья. На какое-то странное и вполнѣ индиферентное отношеніе къ этой болѣзни указываютъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ (Хвалынск. у. Сарат. г., Лайшевск. у. Казанской г.).

Подобный индиферентизмъ къ сифилису, безспорно, является

одной изъ главныхъ причинъ его распространенія. Другая причина, поддерживающая его развитіе, та, что больные очень часто сознательно скрываютъ свою болѣзнь, запускаютъ ее и заражаютъ другихъ.

Причина эта, наблюдаемая и въ отношеніи привилегированныхъ классовъ, заключается въ ложномъ стыдѣ: крестьяне, считая эту болѣзнь позорною, боятся ея обнаруженія передъ односельчанами. Число лицъ, зараженныхъ сифилисомъ, сообщаютъ намъ изъ Череповецкаго уѣзда, съ каждымъ годомъ увеличивается отъ того, что больные стыдятся этой болѣзни и стараются скрыть ее отъ другихъ.

Если въ семье есть парень или дѣвушка, зараженные сифилисомъ, то не только сами они скрываютъ свою болѣзнь, но и другіе семейные тщательно заботятся о томъ же, чтобы не повредить имъ въ выборѣ невѣсты или жениха.

Стыдясь сифилиса, какъ позорной болѣзни, часто избѣгаютъ лечиться отъ него, въ особенности у мѣстнаго медицинскаго персонала, а лечатся у врачей другихъ участковъ, чтобы лечение осталось неизвѣстнымъ для односельчанъ. Другіе изъ сифилитиковъ, по тому же побужденію, совсѣмъ не лечатся у врачей, а пользуются домашними средствами или лечатся у деревенскихъ «баушекъ» и знахарокъ «киверомъ» (киноварьо) и дорогой травой. Нѣкоторые сифилитики не обращаются къ докторамъ вслѣдствіе убѣжденія, что доктора этой болѣзни вылечить не могутъ, и за помощью обращаются къ знахарямъ и коноваламъ. Иногда избѣгаютъ обращаться къ врачу, а тѣмъ болѣе ложиться въ больницу потому, что сифилисъ лечится долго, а иногда и потому, что не считаются его серьезной болѣзнью и принимаютъ за пустую, смѣшивая съ золотухой¹⁾). Бываетъ даже такъ, что крестьяне и сознаются весь ужасъ этой болѣзни, но почему-то къ врачамъ за помощью обращаются рѣже, чѣмъ въ другихъ болѣзняхъ (Инсарск. у., Пензенск. г.). Нѣкоторые изъ сотрудниковъ, указывая на распространеніе сифилиса въ той или другой мѣстности, грустно прибавляютъ сказаніе, какъ мало принимается противъ этой ужасной болѣзни мѣръ²⁾.

¹⁾ Вологодск. г. и у., Бѣлозерск., Тихвинск. и Череповецк. уу. Новгород. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у., Городищенск. у. Пензенской г., Шуйск. у. Владимирской г.

²⁾ Лапишев. у. Казанск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Новоржев. у. Псков. г., Череповецк., Тихвинск. и Бѣлозерск. уу. Новгор. г. и др.

Помимо такого отношения къ сифилису, другой причиной его распространения среди сельского населения является заносъ его въ деревню лицами, возвращающимися съ отхожихъ заработка, изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ, а въ особенности изъ крупныхъ торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ центровъ¹⁾. Съ бытовой точки зреиня, представляется большой интересъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сифилисъ проникаетъ въ деревню, переносясь иногда на громадныя разстоянія. «Еще лѣтъ 15 тому назадъ,— пишутъ изъ одного села Тотемскаго у.,— сифилисъ среди жителей не существовалъ. Занесенъ онъ былъ мѣстными промышленниками. Портные, шерстобиты и валильщики зимней обуви забираются въ горнозаводское пространство, иногда даже за Уральскій хребеть и занимаются своимъ ремесломъ, переходя изъ города въ городъ и изъ селенія въ селеніе. Заражаясь тамъ въ домахъ терпимости, не лечась или лечась неправильно и почти никогда, изъ боязни платы, не поступая въ больницы, промышленникъ попрежнему занимается своимъ ремесломъ и живеть на квартирѣ, часто не сознаетъ значенія своей болѣзни, считая ее слѣдствіемъ продолжительной работы и служа нерѣдко причиной зараженія своихъ соквартирантовъ. Отсутствіемъ леченія и тяжелой работой въ конецъ разстраивая свое здоровье, многіе единственнымъ выходомъ изъ такого положенія находятъ выѣздъ на родину. Нѣкогда бодрый, здоровый, краснощекій, теперь тощій, съ виалыми щеками, приходитъ промышленникъ на родину и является источникомъ зараженія сначала для своей семьи, а потомъ и для односельчанъ».

Интересны также, съ бытовой точки зреиня, слѣдующія исторіи болѣзни двухъ сифилитиковъ, сообщенная намъ однимъ изъ чеповецкихъ сотрудниковъ.

«Четыре года тому назадъ молодой парень изъ деревни Катилова отправился въ Череповецъ на заработки. Здѣсь онъ поступилъ въ курень и пекъ крендели. Схвативъ черезъ два мѣсяца сифилисъ, къ доктору не обратился,— было стыдно, да и боялся, что отъ мѣста откажутъ. Болѣзнь вошла въ полную силу, когда хозяинъ узналъ и прогналъ парня. Крендельщикъ и тутъ не пошелъ въ больницу, а отправился домой, гдѣ тоже продолжалъ скрывать болѣзнь. Но черезъ нѣсколько времени узнали про бо-

¹⁾ Калужск. г. и уѣздъ, Пошехонск. у. Ярославск. г., Городищ., Саранск. и Инсарск. уу. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Вологодск. и Тотемск. уу. Вологодск. губ.

льзнь родители и постарались поскорѣе женить парня, въ тѣхъ видахъ, что если о ней узнаютъ другіе, то трудно будетъ найти парню невѣсту¹⁾). Кромѣ того, они боялись, что парень еще больше избалуется. Парня женили, но молодая жена, заразившись отъ мужа, ушла изъ новой семьи къ своимъ родителямъ. Кромѣ жены отъ него заразилась мать, двое братьевъ и двое лицъ изъ жениной семьи. Въ другомъ случаѣ одна, уже немолодая девушка, изъ деревни Шеина, жила нѣсколько лѣтъ въ Рыбинскѣ, тамъ заразилась сифилисомъ, лечилась въ больницѣ, но не вылечившись, какъ слѣдуетъ, прѣхала домой. Свое ремесло она продолжала и въ деревнѣ. Нѣсколько парней заразились и внесли заразу въ свои семьи». — Эти два случая, заключаетъ сотрудникъ, показываютъ, съ какой легкостью эта скверная болѣзнь проникаетъ въ деревню. А разъ забравшись въ деревенскую глушь, сифилисъ свивается себѣ прочное гнѣздо.

Деревенская проституція относительно рѣдко выставляется причиной распространенія сифилиса въ деревнѣ и большинство сотрудниковъ сходятся на томъ, что это распространеніе, въ силу указанныхъ выше условій, совершается по преимуществу виѣ-половымъ иутемъ²⁾. Изъ числа другихъ путей, по которымъ совершается распространеніе сифилиса въ деревняхъ, иногда выставляются: заносъ возвращающимися со службы солдатами, нищенство и сельская школа (Пошехонск. у. Ярославск. г., Инсар. у. Пензенск. г.). «Однимъ изъ мѣсть, где дѣти могутъ заразиться сифилисомъ, — пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ Р.-Борисоглѣбскаго уѣзда (Ярославск. г.) — нужно признать, между прочимъ, сельскую школу. Въ 1898 году, въ Чирковской школѣ, при осмотрѣ дѣтей земскимъ врачомъ, изъ 34 человѣкъ учащихся 5 оказались страдающими вторичной формой сифилиса. Семьи ихъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ врачомъ, были больны тѣмъ же. Изъ 6 зем-

¹⁾ До чего доходитъ извращенность и дикость понятій нѣкоторой части нашего народа, видно изъ того, что при шанкерѣ и бубонѣ очень полезнымъ средствомъ иногда считается совокупленіе съ беременной женщиной (Инсарск. у. Пензен. г.).

²⁾ Косвеннымъ доказательствомъ такого способа распространенія сифилиса является относительная рѣдкость въ деревнѣ триппера. Городскіе классы населенія, между которыми прослѣдуетъ половой способъ зараженія, подвергаются послѣднему заболѣванію въ гораздо болѣеющей степени и, благодаря этому, между ними гораздо чаше встрѣчаются тяжелыя заболѣванія внутренней женской половой сферы трипперного происхожденія, чѣмъ въ деревнѣ.

скихъ школъ и одной церковно-приходской, осмотрѣнныхъ врачемъ въ томъ же 1898 году, въ трехъ оказались дѣти, больные сифилисомъ».

Какъ на источникъ распространенія сифилиса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указываютъ также на деревенскія бани. Нерѣдко въ одну баню ходятъ вмѣстѣ не только свои семейные, но и члены другихъ семей (Череповецк. у. Новгородск. г.). «Въ баняхъ, которыхъ на все село три, — пишутъ намъ изъ Городищенскаго у. (Пензенск. г.), — изъ одного корыта моются и мужчины, и женщины, и дѣвицы, больные и здоровые вмѣстѣ».

Изъ мѣстныхъ причинъ распространенія этой болѣзни, кромѣ невѣжества населения, которое, по частотѣ заявлений о немъ, пра-вильнѣе отнести къ разряду причинъ общихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской г. выставляется сильное развитіе раскола, послѣдователи которого съ недовѣріемъ относятся къ представителямъ медицины, лицамъ православнымъ (никоніанамъ), а нерѣдко и инославнымъ, какъ католики, лютеране, евреи, и по этой причинѣ избѣгаютъ лечиться отъ сифилиса.

Распространенію сифилиса сравнительно рѣдкимъ въ деревнѣ половыми путемъ содѣйствуютъ иногда совершенно особенные причины. Нѣкоторые раскольнички толки (безпоповцы) смотрятъ на развратъ, какъ на дѣло самое обыкновенное, придерживаясь нарочно созданной на этотъ случай пословицы: «семь разъ роди, только замужъ не ходи». — «Тетка Анна, а, тетка Анна, — обмѣниваются замѣчаніями матери о своихъ дочеряхъ: — у меня Машутка-то, видно, понесла — чтой-то животъ у ней стала большой». — «А видно ужъ нонѣ повѣтрье такое: у меня обѣ брюхаты» (Городищенск. у. Пензенск. г.). При такой необыкновенной свободѣ половыхъ отношений, близко поддающихъ къ проституціи, при отсутствіи санитарного надзора и недовѣрчивомъ отношеніи къ врачамъ, немудрено, что въ нѣкоторыхъ изъ деревень сифилисъ свивается такія гнѣзда, гдѣ жители оказываются чуть ли не сплошь зараженными сифилисомъ.

Всѣ эти печальныя явленія зависятъ отъ множества совокупныхъ условій и едва ли могутъ быть устранины усилиями однихъ врачей. Вліяніе врача было бы, безспорно, благотворно во всѣхъ случаяхъ, но все-таки въ борьбѣ съ этимъ зломъ, которое начинаетъ разъѣдать деревню, врачъ будетъ безсиленъ до тѣхъ поръ, пока на помощь къ нему не придуть двѣ другія силы деревни — священникъ и учитель. Какую роль, помимо проповѣди и собесѣ-

дованія, могъ бы играть въ данномъ случаѣ священникъ, показываетъ мѣра, практикуемая духовенствомъ нѣкоторыхъ приходовъ Тотемскаго у. (Вологодск. г.): для больного сифилисомъ бракъ откладывается до тѣхъ поръ, пока больной не вылечится.

**Отношение къ
санитарнымъ
мѣрамъ и
дезинфекціи.**

Несмотря на совершенную новизну санитарной идеи для крестьянского населения, къ воспріятію которой у него не было никакой подготовки, ни въ его бытѣ, ни въ понятіяхъ¹⁾), идея эта начинаетъ проникать въ населеніе. Что всего удивительнѣе, здѣсь, если исключить прямое непониманіе санитарныхъ мѣръ и нерѣдній индиферентизмъ къ нимъ, въ гораздо меньшей степени, повидимому, проявляется тотъ отрицательный рационализмъ народа, который иногда такъ рѣзко сказывается по отношенію къ лечебной функции медицины и врачей: быть можетъ, причиной этого является новизна самой идеи, противовѣсомъ которой не служили вѣками сложившіеся взгляды и понятія, считаться съ которыми приходится лечебной медицинѣ.

«Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—пишетъ намъ сотрудникъ изъ Новоладожскаго у. (С.-Петербургской г.),—дифтеритъ, скарлатина и другія заразныя болѣзни свободно разносились изъ одной деревни въ другую и, разъ начавши, долго не прекращались. Теперь крестьяне начинаютъ оцѣнивать совѣты врачей, посылаемыхъ земствомъ въ мѣста начинающихъ эпидемій, сочувственно относятся къ принимаемымъ ими мѣрамъ, благодаря чѣму эпидеміи, большую частью, вскорѣ же ограничиваются. Когда въ Ново-Никольской волости (Грязовецк. у. Вологодск. г.), въ 1897 г., брюшной тифъ охватилъ громадный районъ въ 12 деревень, къ мѣрамъ противъ эпидеміи мѣстное населеніе отнеслось вполнѣ доброжелательно, оказывая все зависящее отъ него содѣйствіе какъ по пріисканію удобныхъ помѣщеній для изоляціи больныхъ, такъ и по доставленію свѣжей пищи, устройству дезинфекціи и пр.

Часто мужикъ протестуетъ противъ принимаемыхъ мѣръ только на первыхъ порахъ, когда цѣль ихъ для него неясна, а потомъ, когда пойметъ ихъ значеніе, относится къ нимъ уже совершенно иначе.

¹⁾ Христіанство, единственный культурный источникъ въ народѣ до самого послѣдняго времени, не могло вліять на образование понятій характера санитарно-гигієническаго. Будучи по преимуществу религіей духа, ставя его интересы превыше всего и даже какъ бы игнорируя тѣло, въ противоположность другимъ религіямъ (коранъ, санитарное законодательство Моисея), христіанство никогда не затрагивало такихъ вопросовъ жизни, какими являются вопросы общественного здоровья.

Въ д. Шеинѣ (Череповецк. у. Новгородск. г.) развилась эпидемія сыпного тифа, которая приняла серьезный и опасный характеръ. Санитарный врачъ, явившись на мѣсто, взялъ волостного старшину, созвалъ сельскій сходъ и объявилъ крестьянамъ, что необходимо въ деревнѣ устроить больницу и отвести для нея просторную избу. Нѣкоторые крестьяне было запротестовали, а большинство стало выжидать, что будетъ дальше. Врачъ выяснилъ мужикамъ, что болѣзнь эта прилипчивая, можетъ перебрать всю деревню и унести много людей въ могилу, а потому необходимо, какъ только кто заболѣть, удалять на время въ особую избу, гдѣ за нимъ будетъ уходъ и попеченіе. Кормить и чаемъ поить больныхъ будуть даромъ, даже вина будутъ давать.

«— Что жъ, ребята,—поддерживаетъ врача старшина,—надо слушать, докторъ говорить правду, онъ для вашей же пользы старается, а кто будетъ супротивничать, я сейчасъ протоколъ составлю и завтра къ земскому».

«— Да мы не супротивничаемъ, мы только, значитъ, такъ,— соглашаются мужики.—Коли надо, выбирайте избу, какая по нраву придется».

Больница была устроена въ просторной лѣтней избѣ одного крестьянина. Посланъ былъ изъ Череповца фельдшеръ, сидѣлка, и нанята кухарка. Больница сразу пріобрѣла къ себѣ такое довѣріе, что больные, какъ только кто захвораетъ, сами просились «въ больничку». Въ первое время больныхъ лежало человѣкъ 12—15, черезъ мѣсяцъ было уже только 6 человѣкъ, а черезъ два мѣсяца болѣзнь совсѣмъ прекратилась. Но она появилась въ деревнѣ Попадѣнѣ. Крестьяне этой деревни уже сами стали просить, чтобы у нихъ устроили такую же больницу, какая была въ Шеинѣ, и Шеинскую больницу перевели въ Попадѣнно. Также доброжелательно относились крестьяне и ко всѣмъ другимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ эпидеміи.

Такое сочувственное и разумное отношеніе населенія къ санитарнымъ мѣрамъ, правда, далеко не составляетъ большинства соображеній сотрудниковъ, но оно не представляеть и особенной рѣдкости. «Какъ только крестьяне убѣдятся въ пользѣ принимаемыхъ мѣръ, сами идутъ къ нимъ навстрѣчу»,—заявляетъ одинъ изъ олонецкихъ сотрудниковъ (Вытегорск. у.).—«Санитарныя мѣры,—характеризуютъ отношеніе къ нимъ изъ Котельнич—го у. (Вятск. г., с. Юма),—крестьяне всегда исполняютъ неупустительно».—«Къ санитарнымъ мѣрамъ,—сообщаютъ о томъ же изъ Кадниковскаго у.

(Вологодск. г.),—относятся сочувственно, а на дезинфекцию смотрятъ, какъ на необходимое средство для искорененія заразы».—«Нерѣдко, при эпидеміяхъ скарлатины,—пишутъ изъ Велико-устюжскаго у. (той же губ.),—народъ самъ просить, чтобы во всѣхъ домахъ, гдѣ были больные, дѣлалась дезинфекція».—«Къ мѣрамъ, принятымъ въ ожиданіи послѣдней холеры,—сообщаютъ уже изъ совершенно другой области Россіи (Карабчев. у. Орловск. г.),—крестьяне отнеслись въ высшей степени охотно: вездѣ было чисто, лучше праздничнаго». О такомъ отношеніи крестьянъ къ противухолернымъ мѣрамъ, при послѣдней холерной эпидеміи, существуютъ довольно многочисленныя заявленія земскихъ врачей въ ихъ отчетахъ и статьяхъ въ медицинской прессѣ. Одинъ изъ такихъ врачей¹⁾, пережившій эту эпидемію въ одной глухой деревушкѣ (с. Егоровка, Воронежск. г.), отношеніе населенія къ своей санитарной и врачебной дѣятельности опредѣляетъ такимъ образомъ: «всѣ совѣты и наставленія исполнялись крестьянами очень старательно и охотно и когда все-таки люди заболѣвали и умирали, всѣ были согласны, что противъ воли Божіей ничего не возможно сдѣлать человѣку. Послѣ покойника, такъ какъ дезинфекція всѣмъ очень понравилась, тотчасъ прибѣгали просить, освѣжить избу».—Громадную роль въ такихъ случаяхъ играетъ предъявленіе этихъ требованій въ формѣ, доступной для пониманія мужика, умѣніе подѣйствовать на его логику и послѣдовательная настойчивость со стороны медицинскаго и санитарнаго персонала. Въ Череповецкомъ у. (Новгородск. г.), въ ожиданіи холеры, санитарный попечитель толкуетъ мужикамъ, что колодцы слѣдуетъ держать въ исправности и окопать ихъ такъ, чтобы въ нихъ не просачивалась съ улицы грязная вода. Крестьяне отвѣчаютъ: «что жъ, окопать можно, это не долго, отчего не окопать? Изволь, оброемъ такъ, что ни капли не попадетъ туда съ дороги воды».—Дѣйствительно, мужики брали застуны и тутъ же, на глазахъ попечителя, окапывали колодцы.

При осмотрѣ одного колодца санитарный попечитель заявляетъ, что въ немъ сгнилъ обрубъ, отъ гнилого обруба пахнетъ гнилью и вода, а чистая и хорошая вода—есть непремѣнное и самое главное условіе для предупрежденія холеры. Крестьяне уже не такъ охотно соглашаются, а другое, кто заинтересованъ въ этомъ колодцѣ, старатся отклонить требованіе попечителя.—«Ну, гдѣ же обрубъ пе-

¹⁾ Мартыновъ. «Изъ холерной деревни». Медицинская Бесѣда. 1892.

ремѣнить? это, вѣдь, не шутка: обрубъ перемѣнить, по крайности, рубля три будетъ стоить. Придетъ время, сами, безъ всякаго принужденія, перемѣнимъ, а теперь пора рабочая, да и лѣсу негдѣ взять. Нѣтъ, ужь отъ обруба ты нась освободи», — заявляютъ мужики.

«— Я же вамъ говорю, что первое дѣло, чтобы не пустить холеру, надо имѣть чистую воду: холера больше всего черезъ воду попадаетъ».

«— Да отъ новаго-то обруба вода хуже будетъ пахнуть. Изъ новаго-то колодца, пока обрубъ не обстоится, совсѣмъ нельзя воду брать. Мы, вонъ, и сами изъ новаго колодца не только на чай или пить, а и для похлебки не беремъ воды», — протестуютъ крестьяне. Да и пустое на воду говорятъ: такую ли мы воду пьемъ на покосѣ? Зачерпнешь другой разъ этой воды, такъ чего, чего тамъ нѣтъ, того и гляди, лягушку проглотишь, духъ отъ этой воды, такъ лучше и не нюхай, а то съ души сопретъ. Никто какъ Богъ: помилуетъ Богъ, такъ какую угодно пей воду — живъ останешься».

«— Да развѣ вы не знаете пословицу, что Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ», — старается убѣдить санитарный попечитель. — «Это вѣрно, — возражаютъ мужики, — а все же безъ Бога не до порога».—

Какъ не бился попечитель, не могъ убѣдить мужиковъ въ необходимости перемѣнить обрубъ въ колодцѣ. Наконецъ, ему надоѣло вести бесполезные разговоры и онъ категорически заявилъ: «если черезъ два дня не будетъ исполнено, что я говорю, то сряду же составлю протоколъ и отправлю къ земскому начальнику. Это я не изъ своей головы выдумалъ, а того требуетъ законъ и начальство, а вотъ и бумага, чтобы вы слушались меня, пока я состою попечителемъ. Если я это несправедливо требую, вы можете жаловаться потомъ на меня, а теперь исполняйте, что вамъ говорять. Ты, староста, первый будешь въ отвѣтѣ, если черезъ два дня не будетъ изъ колодца выбрана вся гниль». — На другой день сельской староста приходитъ къ попечителю и говоритъ: «ты ужь osloboни какъ-нибудь мужиковъ отъ этого колодца, а то, шутка ли теперь бросать дѣло и ладить обрубы? Вотъ, поуправятся съ работами, осенью все въ лучшемъ видѣ справятъ, а теперь оставь и не жалуйся начальству». — «Да, вѣдь, ты слышалъ, поди, какъ болѣзнь-то коситъ людей, не дожидаетъ, когда люди управляются съ работами? Надо стараться не допустить ее, а придетъ — тогда ужь поздно будетъ: тогда и новый обрубъ не поможетъ. Хотите дѣ-

лайте, хотите—нѣть, я насилино заставить васъ не могу, а не будеть обрубъ исправлень къ сроку, пожалуюсь земскому начальнику, тогда пеняйте на себя».—Черезъ два дня попечитель является въ деревню для санитарнаго осмотра и первымъ дѣломъ къ злополучному колодцу.—

«— Ну, что, исправили колодецъ?—обращается онъ къ собравшимся мужикамъ».

«— Исправили, исправили, ступай погляди: все какъ есть, въ акуратѣ сдѣлали».

«— Виши ты какой строгій, какъ не исправить?»

«— Я думаю, вамъ и самимъ пріятнѣе брать воду изъ хорошаго колодца, чѣмъ изъ какой-то гнилой ямы».

«— Это, что говорить,—соглашаются мужики,—зnamо, пріятнѣе. А ужь больно не хотѣлось, признаться сказать, чинить этотъ родникъ, потому не время. Думали, поговоришь, поговоришь, да и отстанешь».

И никакого неудовольствія мужики больше не выражали.

«— Вотъ еще что,—говорить санитарный попечитель,—не надо пить сырью воду, а надо употреблять кипяченую: сырая вода при этой болѣзни вредна».

«— Не то, что кипяченую воду, а мы готовы и чаекъ пить, какъ бы намъ дали хоть по четверточкѣ на семью, да сахарку фунтиковъ по пяти,—шутятъ мужики.—За колодцы-то, вотъ, жаловаться хотѣлъ, а о чайкѣ не похлопочешь. А славно бы съ устатку брюхо пораспарить. А такъ пить кипяченую воду никто не будетъ: не вкусна она такъ-то».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ санитарная идея, видимо, только слегка коснулась сознанія населенія и иногда понимается даже уродливо. Своеобразный способъ уничтоженія вещей тифозныхъ больныхъ, касающійся одной изъ деревень Инсарскаго у. (Шензенской г.) и приведенный выше, вызвалъ волненіе жителей сосѣднихъ деревень. Деревенскіе санитары, разсчитывая такъ просто отѣлаться отъ заразы и бросая вещи больныхъ въ рѣчку, думали только о себѣ и совсѣмъ не думали о другихъ. Когда жители нижележащихъ по рѣкѣ деревень замѣтили, что въ рѣкѣ появляется какая-то одежда и рухлядь и узнали, откуда все это берется, пришли въ волненіе и начали толковать о томъ, что ихъ хотятъ заразить. Въ дѣлѣ принялъ участіе священникъ, сдѣлалъ подобающее разъясненіе, и санитарное недоразумѣніе кончилось благополучно. Поэтому, нѣть ничего удивительнаго, когда, при такомъ неглубо-

комъ пониманія значенія санитарныхъ мѣръ, всякая память о нихъ, лишь только прошла непосредственная опасность, скоро изглаживается и о нихъ легко забываются (Кадниковск. и Тотемск. уу. Волог. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославской г. и др.).

Но не въ маломъ числѣ случаевъ, главнымъ образомъ, тогда, когда примѣненіе санитарныхъ мѣръ не сопровождается надлежащими разъясненіями и лишено умѣнья подѣйствовать на логику крестьянина и сообразоваться съ его психологіей, является, съ его стороны, полное непониманіе ихъ значенія и, какъ слѣдствіе этого, нежеланіе исполнять ихъ даже временно. — «Какъ бы болѣзни отъ вони да грязи заводились,—возражаетъ мужикъ,—то на свѣтѣ и людей-то не было бы: давно бы всѣ перемерли» (Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Нерѣдко и здѣсь опять выступаетъ вѣковая и испытанныя надежда на Бога, и крестьяне, въ отвѣтъ на всѣ требования, отвѣчаютъ: «ничего противъ Бога не сдѣлаешь, никакія средства не помогутъ, если Богъ захочетъ наказать». — Въ тѣхъ же случаяхъ, когда формальныя требованія пріобрѣтаютъ характеръ насильственности, со стороны крестьянъ является, болѣшею частью, только виѣшнее ихъ исполненіе, внутренне же они настроены противъ нихъ скептически и даже враждебно. Когда, при эпидеміи, является медицинскій персоналъ и начинаетъ принимать рядъ мѣръ, запрещая здоровымъ сообщаться съ больными, переводя больныхъ въ другія помѣщенія и ставя караульныхъ у сельскихъ воротъ и возлѣ домовъ, гдѣ есть больные, крестьяне ко всѣмъ этимъ мѣрамъ относятся недоброжелательно, считая ихъ пустымъ дѣломъ и выдумкой начальства, и говорятъ, что все это дѣлается не для того, чтобы прекратить болѣзнь, а чтобы мучить и морить народъ: «кому умереть, тотъ и безъ осторожности, и съ осторожностью умретъ» (Спасск. у. Казанск. г.). Что касается дезинфекциіи, то по отношенію къ ней настроено скептически чуть ли не большинство населенія. Очень многіе относятся къ ней съ полнымъ индиферентизмомъ, не считаютъ необходимостью, но, въ то же время, и не протестуютъ: «охота, такъ пусть прыскаютъ, чѣмъ хотятъ, намъ отъ этого ни тепло, ни холодно»,—отзываются о дезинфекциіи эти индиферентисты (Ростовск. и Пошехонск. уу. Ярославск. г., Грязовецк. у. Волог. г., Сузdalск. у. Владимірск. г.). Нерѣдко дезинфекциіи не придается никакого практическаго значенія и она считается пустымъ дѣломъ, шуткой, баловствомъ и выдумкою господь, которымъ дѣлать нечего и некуда бросать деньги.

—«Все это пустое, смерть свою причину найдетъ и никакая дезинфекція, тутъ, ничего не сдѣлаетъ»¹⁾). Многіе относятся къ дезинфекциі недовѣрчиво и въ высшей степени подозрительно. «Въ старину обходились безъ этого, а нынче начались различныя выдумки и заразы больше стало». — «Нопрыскаль, попрыскаль да и думать, что нашелъ болѣзнь и уморилъ ее: подставить она ротъ-то, какъ бы не такъ», — пренебрежительно критикуетъ дезинфекцію скептикъ-музыкъ (Тульск. г. и у.). Въ немаломъ числѣ случаевъ крестьяне не противодѣйствуютъ дезинфекциі только изъ страха наказанія, внутренне же настроены противъ нея несочувственно и недоброжелательно, видятъ въ ней не пользу, а скорѣе вредъ и даже считаютъ ее чуть ли не главной заразой: «какъ понакурятъ да понапустятъ вони — и безъ болѣзни болѣзнь придетъ» (Юрьевск. у. Владим. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходитъ до того, что крестьяне, не желая подвергаться дезинфекциі и избѣгая имѣть дѣло съ медицинскимъ персоналомъ, тщательно скрываютъ отъ него больныхъ (Новоржевск. у. Исков. г.).

**Холерные
безпорядки
и убийство
врача Мол-
чанова въ
г. Хвалынскѣ.**

Это послѣднее отношение нѣкоторой части народа къ врачамъ и ихъ санитарной дѣятельности, коренящееся, какъ это можно было видѣть изъ предыдущей главы, въ какомъ-то затаенномъ недовѣріи къ нимъ, является въ высшей степени опаснымъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлаться источникомъ крупныхъ недоразумѣній между врачемъ и народомъ и принять размѣры настоящаго бѣдствія.

Такимъ бѣдствіемъ, въ послѣднюю холерную эпидемію, было убийство въ г. Хвалынскѣ врача Молчанова, явившагося жертвою своего врачебнаго долга.

Вотъ какъ, по описанію нашего хвалынского сотрудника²⁾, шло развитіе этого события, нынѣ сдѣлавшагося историческимъ.

«Вслѣдъ за первымъ извѣщеніемъ о появлениі, въ 1892 г., холеры въ Баку, наступила въ народѣ паника. Припоминались прежнія нашествія холеры, при которыхъ выздоравливающихъ было очень мало. Появившіяся народныя брошюры о холерѣ лишь усилили беспокойное состояніе населенія и увеличили существовавшую безтолочь.

¹⁾ Алатыр. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Галичск. у. Костромск. г., Яренск. у. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Тихвинск. у. Новг. г., Сычевск. у. Смоленск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Калужск. и Жиздрин. уу. Калужск. г.

²⁾ Г-на Миронова.

9-го іюня въ городѣ былъ полученъ циркуляръ губернатора, которымъ предписывалось озабочиться очисткой города. Правительственнымъ врачемъ при борьбѣ съ холерою былъ назначенъ Молчановъ, бывшій до того городовымъ врачомъ, не поладившій съ городомъ и въ особенности не пользовавшійся расположениемъ низшаго класса населенія, мелкихъ торговцевъ и домохозяевъ, за свой взыскательный и придирчивый характеръ¹⁾. Благодаря этому, 15 думскихъ гласныхъ, по преимуществу мѣщанъ, въ одномъ изъ засѣданій думы, подали на Молчанова жалобу, прося уволить его отъ должности и за мѣсяцъ до описываемаго события это увольненіе состоялось.

Назначеніе Молчанова правительстvenнымъ врачомъ, благодаря недовольнымъ, увеличило волненіе въ народѣ: «непремѣнно нанялся морить насть»,—стали говорить въ собирающихся толпахъ. Толки и предположенія еще болыше усилились, благодаря появлению въ городе массы бурлаковъ, бѣжавшихъ сюда изъ-за страха передъ холерой, съ низовьевъ Волги. Они передавали возбуждающіе разсказы о томъ, какъ въ Астрахани и Саратовѣ полиція, доктора и попы подкуплены англичанкой морить народѣ, какъ по улицамъ разъѣзжаютъ особыя телѣги, съ крышками, какъ совершенно здоровыхъ людей хватаютъ желѣзными крючьями, бросаютъ ихъ въ эти телѣги и увозятъ въ больницы, гдѣ кладутъ живыми въ гроба и засыпаютъ известкой. Толна съ жадностью слушала эти разсказы и, дополнивъ собственнымъ воображеніемъ, съ необычайной быстротой переносила ихъ съ мѣста на мѣсто.

17-го іюня губернаторъ предписалъ учредить санитарную комиссию, что тотчасъ же и было сдѣлано. Въ составъ комиссіи вошли 5 врачей, полицейскія и городскія власти. Двадцать второго іюня, въ первомъ засѣданіи этой комиссіи, было постановлено отнести пароходныя пристани въ самый конецъ города и здѣсь, для прибывающихъ съ пароходами холерныхъ больныхъ, устроить особый холерный баракъ и обнести его изгородью. Въ этотъ же баракъ было решено помѣщать также и больныхъ изъ города, если они будутъ не въ состояніи лечиться на дому, а для перевозки ихъ устроить, на первое время, три экипажа и держать ихъ наго-

¹⁾ Въ то же время народная молва обвиняла Молчанова, что онъ мирволовилъ богатымъ и сильнымъ города; не касаясь вопроса о справедливости такой молвы, мы замѣтимъ только, что она подала поводъ для дальнѣйшихъ, самыхъ чудовищныхъ и нелѣпыхъ обвиненій противъ Молчанова.

тovъ при пожарныхъ частяхъ. Въ то же время было постановлено раздѣлить городъ на 30 участковъ, съ санитарными попечителями во главѣ, при содѣйствіи ихъ немедленно произвести очистку всего города, заготовить дезинфекціонныя средства и нанять особый персоналъ для дезинфекціи въ городѣ. Наблюденіе за проведеніемъ обще-санитарныхъ мѣропріятій, а равно завѣдываніе холернымъ баракомъ было возложено на врача Молчанова. Отношеніе ко всѣмъ этимъ мѣрамъ со стороны населенія было таково, что нѣкоторые изъ горожанъ не только не пожелали пойти въ попечители, но отказались даже росписаться на разосланныхъ управой повѣсткахъ. До народа доходили лишь извращенные слухи о постановленіяхъ комиссіи. Стало толковать, что и въ Хвалынскѣ англичанка подкупила всѣхъ, что будутъ заготовляться крючки, телѣги и гробы съ известкой и что и здѣсь, какъ въ Астрахани и въ Саратовѣ, собираются морить людей.

Началась работа по очисткѣ города, санитарное состояніе кото-
раго было ужасно: грязь, нечистота и вонь на каждомъ шагу. Въ
каждомъ домѣ приходилось сталкиваться съ неряшливыми хозяевами и, при невозможности останавливаться въ каждомъ домѣ и
разъяснить смыслъ и пользу требуемыхъ мѣръ, прибѣгать лишь къ
строгимъ формальnymъ предписаніямъ и требовать немедленного
исполненія. Мѣры эти вызвали ропотъ, жители не хотѣли очищаться отъ накопившейся годами грязи. — «Наши дѣды и отцы
такъ жили, да не умирали, а теперь понадобилось чистоту заво-
дить», — роптали хозяева. Какъ на самое главное, было обращено
вниманіе на водоснабженіе. Осмотръ бассейновъ былъ въ состоя-
ніи привести въ содроганіе каждого своимъ неряшливымъ содер-
жаніемъ. Пришлось чистить какъ внутри накопившейся нечистоты,
такъ и около самыхъ бассейновъ заравнивать и засыпать цѣлья
болота грязи. При этомъ земля посыпалась известью, а бассейны
забивались сверху деревянными крышками, чтобы жители не могли
лазить въ нихъ съ своими ведрами. Было объявлено жителямъ,
чтобы воду для питья брали хорошо прокипяченную, отнюдь не пили
сырую и, въ особенности, изъ Волги. Комиссія, во главѣ съ Мол-
чановымъ, ъѣздила за городъ, къ источникамъ водоснабженія, гдѣ
тоже пришлось произвести основательную чистку. Самое же худ-
шее пришлоось увидать при осмотрахъ жилыхъ помѣщеній. На-
строенные противъ всякихъ санитарныхъ мѣропріятій, жители
встрѣчали комиссию непріязненно и къ дезинфекціи относились,
какъ къ чему-то вредному. Опрыскиваніе сулемой, посыпаніе из-

вестью и въ особенности поливаніе карболовой кислотой принималось за попытки травить и заражать народъ. Немало возбуждали населеніе и безтактные пріемы санитарныхъ дѣятелей. Они оглядывали и поливали не только дворы, но запускали свой носъ, что называется, и въ укромные уголки. Иногда, ради потѣхи, они позволяли себѣ опрыскивать даже находящіеся въ печѣ хлѣбы, заявляя съ усмѣшкой, что скоро придется холера и заберетъ всѣхъ: тогда не нужно будетъ и хлѣбовъ печь. Уже къ вечеру первого дня такихъ санитарныхъ мѣропріятій досужія кумушки, перебѣгая изъ двора во дворъ, передавали разукрашенные разсказы о «тиранствіи народа» Молчановымъ и санитарными попечителями.

Вечеромъ, съ одного изъ низовыхъ пароходовъ сошло нѣсколько оборванцевъ—«горчишиковъ», которые стали рассказывать, что въ Астрахани и Саратовѣ народъ уже бунтуется: «бѣть докторовъ, фельдшеровъ, полицію иластей, скигаетъ больницы, вырываетъ изъ рукъ и спасаетъ отъ смерти заколоченныхъ въ гроба и засыпанныхъ известью людей. Разсказы эти еще болѣе усилили броженіе.

«— Надо ножами запасаться, и какъ только кто изъ докторовъ коснется, тому и ножъ въ бокъ»,—слышалось уже тогда въ начинавшихъ собираться толпахъ.

Въ одномъ мѣстѣ, сошедшій съ парохода татаринъ увѣрялъ, что онъ лично участвовалъ при разгромѣ въ Саратовѣ холерныхъ бараковъ и находилъ въ гробахъ засыпанныхъ известкой людей. Другой разсказчикъ¹⁾ передавалъ, какъ онъ въ Саратовѣ, пьяный, возвращался на постоянный дворъ и какъ его схватили и привезли въ больницу. «Пока везли дорогой, съ меня куда и хмѣль сошелъ, хотѣлъ было вырваться, но два архаровца крѣпко держали меня за руки, попробовалъ было кричать, такъ мнѣ живо ротъ заткнули. Привезли въ больницу, началъ я было сопротивляться, куда тутъ: еще съ десятокъ подручныхъ подскочило, живо раздѣли меня и бросили въ ванну. Сразу у меня разумъ помутился и что со мной было — не помню. Только, когда очнулся и открылъ глаза,—вижу, лежу въ гробу, засыпанъ известкой, а кругомъ совсѣмъ тихо. Тутъ же, кроме меня, еще лежало много народу въ гробахъ: въ мертвѣцкой, должно, догадался я, хоронить, значить, собираются насъ. Сѣль въ гробу, оглядываюсь, какъ бы мнѣ уѣ-

¹⁾ Крестьянинъ Петръ Усовъ, приговоренный военнымъ судомъ къ смертной казни, черезъ повѣщеніе.

жать, думаю? Вдругъ, вижу, изъ гроба еще приподнимается человѣкъ, глядить на меня и спрашиваетъ: живой ли я? Живъ, говорю. Стали мы совсѣмъ, какъ намъ быть: если сейчасъ бѣжать—поймаютъ, не жди тогда пощады. Видимъ, вечерѣетъ, рѣшились спасаться, когда совсѣмъ темно станетъ. А въ сараѣ, то и дѣло, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ слышимъ стоны въ гробахъ и новые гроба все подносятъ да подносятъ. А мы, какъ только заслышимъ шаги, такъ сейчасъ же и притворимся мертвыми. Дождались, стемнѣло. Вотъ, мы, тихонько, маршъ изъ сарая. Вышли, озираемся, на наше счастье никого не видно. Недалеко, видимъ, огородъ, мы туда, да ползкомъ, по канавѣ, и выбралисъ на свѣтъ Божій. Бѣжимъ прямо къ нашимъ, знаемъ, гдѣ они собрались. Вѣжали, знать, всѣ въ известкѣ, рассказали, какимъ чудомъ спаслись. Всѣ живымъ манеромъ пустились собирать народъ, а ужъ черезъ часъ валомъ валили въ баракъ на освобожденіе. Ужъ и потѣшились наши душеньки! Первымъ дѣломъ, начали съ докторовъ—человѣкъ двадцать тамъ ихъ было. Ужъ и живучie, скажу я вамъ, братцы, эти люди: ты его хватишь ножомъ въ бокъ, кровища такъ и свищетъ, а онъ хоть бы что, стоитъ себѣ да и шабашъ. Въ другого такимъ же манеромъ палили изъ пистолета—все равно, не береть,—спасибо, кто-то догадался хватить его задней осью по головѣ—ну, и капутъ! Вторымъ дѣломъ, отправились освобождать больныхъ: видимо, невидимо повытаскивали ихъ на волю. Потомъ бросились въ сараѣ, открыли гроба,—глядимъ, люди засыпаны известкой и многіе изъ нихъ живы и еще дышутъ. Стали выносить и этихъ, очнулись, плачутъ, чуть-чуть языккомъ ворочаютъ, а нѣкоторыхъ рвутъ. Видимъ, отрава, значитъ, давай отпаивать молокомъ—раздышились и эти. Освободивши всѣхъ, запалили потомъ мы больницу да которыхъ докторовъ-то такъ живѣмъ и спалили. А ужъ потомъ пошли громить докторовъ и по Саратову. Ужъ и потѣшились мы, всѣхъ перебили. Задали мы имъ холеру да показали, какъ христіанскія душеньки англичанкѣ продавать: теперь въ Саратовѣ ни одного доктора не осталось живого¹⁾. «Жалъючи, православные, и предупреждаю васъ въ этомъ,—заключилъ рассказчикъ свое повѣствованіе—смотрите, не давайтесь въ руки:

¹⁾ Многіе врачи, наблюдавши холеру, указываютъ на развитіе галлюцинацій въ ея продромальномъ періодѣ. Очень возможно, что первоначальный источникъ подобныхъ разсказовъ заключается въ этихъ галлюцинаціяхъ. При довольно распространенной вѣрѣ въ то, что врачи способны морить народъ въ больницахъ, галлюцинаціи эти легко могутъ принять именно такое направлениe.

власти, все начальство и доктора подкуплены англичанкой васъ морить,—англичанка-то, вишь, хочетъ завладѣть всѣмъ нашимъ царствомъ. Не причащайтесь и у поповъ—они тоже подкуплены, одинъ только архіерей не пошелъ на подкупъ, и его хотѣли уморить, сидѣть онъ уже въ казаматѣ, да мы его освободили».

Слова рассказчика подѣйствовали на толпу ошеломляющимъ образомъ. Всѣ повѣрили въ истину разсказа и стали совѣтоваться, что дѣлать?—«И насть ужь продали,—заголосилъ народъ,—строить бараки, заготовили гроба, нарыли могиль, закупили известки и крючьевъ, что бы таскать народъ».—«А все Молчановъ... смерть ему! смерть измѣнникамъ!»—уже тогда раздавались отдѣльные голоса. Народъ ходилъ толпами по улицамъ, и возбужденіе все возрастало. Нелѣпые толки дошли до апогея подъ вліяніемъ разсказовъ пастуха Салынова, увѣрявшаго всѣхъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ Молчановъ, голова и повѣренный ходили за городомъ и пускали въ родники мѣшочки съ моромъ, отъ котораго, будто бы, стали околѣвать коровы, напившись изъ этого родника воды.—До поздней ночи шумѣлъ народъ, издавая крики: «сжечь баракъ, убить Молчанова, убить голову».

Вечеромъ въ домѣ аптекаря-именинника собрались гости. Тутъ были многія городскія власти, врачи и большинство санитарныхъ попечителей. Разговоръ вертѣлся на тему начавшейся холеры и только что происшедшіхъ холерныхъ бунтовъ въ Астрахани и Саратовѣ. Обсуждали броженіе умовъ народа и въ Хвалынскѣ. Одни, во главѣ съ городскимъ головой, утверждали, что возмущеніе въ городѣ съ минуты на минуту готово вспыхнуть, и совѣтовали бывшему здѣсь же доктору Молчанову, возможно скорѣе, оставить городъ, другіе, наоборотъ, подсемѣвались надѣять трусостью первыхъ и старались ободрить Молчанова, совѣтуя не бояться уличныхъ буяновъ. Въ самый разгаръ спора Молчановъ получилъ письмо отъ неизвѣстнаго автора, съ сообщеніемъ, что противъ него составленъ заговоръ, и если онъ не уѣдетъ въ эту же ночь, то его могутъ убить. Письмо еще болѣе обострило споръ, и, въ концѣ концовъ, было рѣшено, что Молчанову слѣдуетъ переговорить съ исправникомъ. Тотъ совѣтовалъ успокоиться, говоря, что для его защиты есть поліція и войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ исправникъ, предупрежденный о народномъ волненії, ежеминутно готовымъ перейти въ бунтъ, впалъ въ большую крайность: онъ вообразилъ, что, оставивъ постовыхъ городовыхъ вооруженными, легче можно будетъ вызвать столкновеніе съ народомъ и потому распорядился, чтобы одни изъ нихъ

переодѣлись въ штатскіе костюмы, а отъ другихъ было отобрано всякое оружіе. Всѣмъ солдатамъ строжайше было запрещено показываться на улицахъ и вступать въ какіе-либо разговоры съ народомъ.

Наступило 30-е іюня. По утру, проводивъ въ стадо скотину, хо-зяйки отправились къ бассейнамъ, за водой, и пришли въ ужасъ: вода была окрашена въ кроваво-красный цвѣтъ и, въ доверишіе бѣды, около одного изъ бассейновъ рвало двухъ людей, по ихъ словамъ, только что напившихся этой воды¹⁾.

«— Воду отравили, морять народъ»,—понеслось по городу, и на улицахъ, шумя и крича, стали появляться отдѣльныя группы людей. Около обѣда народъ шумѣлъ уже большими толпами, волненіе росло и росло. Къ вечеру отдѣльныя партіи, слившись въ одну огромную массу, до 5,000 человѣкъ, двинулись къ центру города. Видя начинающееся возмущеніе, міссіонеръ-священникъ, о. Кармановъ, врѣзался въ толпу и вступилъ съ ней объясненіе. Толпа на минуту остановилась, окружила его и, мало-по-малу, стала поддаваться увѣщаніямъ. Въ этотъ моментъ начали толпѣ раздавать листки, съ объявлениемъ отъ Городской Управы, что баракъ строится для бурлаковъ, Правительствомъ, для городскихъ же жителей дума постановила открыть особыя больницы и кто хочетъ, можетъ лечиться въ больницахъ, а нежелающіе могутъ лечиться дома. Вместо успокоенія, объясненіе это только усилило волненіе. Послышались восклицанія: «не надо барака, не надо больницъ, насть морить хотятъ, зачѣмъ опрыскивать?»—О. Кармановъ старался объяснить, что опрыскиваніе производится не ядомъ, а корболовой кислотой, которая не только не вредна, а, напротивъ, полезна, какъ средство, предохраняющее отъ заразныхъ болѣзней.

«— Да, вѣдь, мы не хвораемъ!»—реветъ толпа.

«— А, вотъ и хорошо,—урезониваетъ о. Кармановъ:—прави-тельство распорядилось и просило врачей принять мѣры къ огра-женію настъ отъ холеры».

«— А ты думаешьъ, Богъ не убережетъ, такъ какой - нибудь Молчановъ да поліція настъ защитить? Будетъ людей-то моро-чить»,—выступилъ впередъ съ заявлениемъ сѣдой старикъ.

¹⁾ Въ извлеченыхъ потомъ изъ нѣкоторыхъ колодцевъ мѣшочкахъ были обнаружены порошки, въ составъ котораго входилъ дурманъ (*Datura Stramonium*) и красящее вещество органическаго происхожденія. Въ другихъ колодцахъ находили какіе-то загадочные пузырьки, бутылки и т. п. Очевидно, все это было дѣломъ одной и той же руки, оставшейся необнаруженной.

«— Уйдемъ, ребята, нечего на него смотрѣть», — послышались возгласы,—и, оставивъ о. Карманова, толпа, шумя и крича, двинулась дальше по улицамъ.

Видя тщетность своихъ увѣщеваній, о. Кармановъ, какъ къ послѣднему средству, рѣшилъ прибегнуть къ публичному молебствію и пошелъ за разрѣшеніемъ къ благочинному. Какъ разъ, въ этотъ моментъ съ постройки бараковъѣхалъ Молчановъ, быть остановленъ и немедленно окружены толпой.

«— Сказывай, кто приказалъ строить баракъ и копать ямы?»—реветь и волнуется толпа.

«— Все это я дѣлаю по приказанію начальства», — объясняетъ Молчановъ.

«— На свою голову дѣлаете.—Моромъ зачѣмъ дома опрыскиваете?»

Молчановъ старается что-то объяснить толпѣ, но крики его теряются въ общемъ гамѣ. Кучеръ, видя, что приходится плохо, ударяетъ по лошади и ему удается выбраться изъ толпы, прикрикахъ: «держи! Молчановъ, Молчановъ!»—Кучеръ, свернувъ въ другую улицу, подѣхалъ къ квартирѣ судебнаго пристава Богоявленова. Сюда же, узнавъ объ угрожающей Молчанову опасности, вскорѣ прибыли и многіе его знакомые. Во время разговора и колебаний, что дѣлать, вѣгаѣтъ сосѣдъ и заявляетъ, что толпа, узнавъ, где Молчановъ, валитъ сюда. Опасность была очевидной, Рѣшили выпустить Молчанова изъ задней калитки, на противоположную улицу, и одного изъ знакомыхъ просили ждать на лошади, невдалекѣ, чтобы увезти Молчанова изъ города.

Тѣмъ временемъ, городской голова и исправникъ, желая успокоить народъ, подошли къ толпѣ, которая ихъ мигомъ окружила. Въ первое время ничего нельзя было понять отъ поднявшагося крика: это былъ какой-то ревъ, сопровождавшійся маханіемъ рукъ. Немало прошло времени, прежде чѣмъ удалось возстановить порядокъ.

«— Что надо?»—обратился голова къ народу.

«— Зачѣмъ продали насъ англичанкѣ?»

«— Какъ вамъ не стыдно вѣрить нелѣпостямъ?»—возражаетъ голова.

«— Зачѣмъ баракъ дѣлаютъ?»

«— Баракъ дѣлаемъ не мы, а Правительство и не для горожанъ, а на случай доставки холерныхъ съ низовыхъ иароходовъ».

«— Врѣть, врѣть», —голосила толпа.

«— Зачѣмъ Молчанова оставили,—мы его прогнали? подавай намъ его, мы съ нимъ раздѣляемся».

Ревъ толпы мало-по-малу началъ совсѣмъ заглушать слова головы и исправника. Они начали теряться, обѣщаю и баракъ уничтожить, и Молчанова удалить.

«— Не вѣрьте, православные,—оралъ очутившійся тутъ же пастухъ Салыновъ.—Давя онъ съ Молчановыми опять ъздила за городъ и пускаль ядъ въ родники. У меня и то корова издохла въ стадѣ».

«— Ого-го!—ревѣла толпа,—не намъ умирать, а вамъ. Чего съ ними разговаривать, поднимайте ихъ на ура, бейте!»

Ярость толпы достигла высшаго возбужденія, когда изъ нея вышли два мужика и, потрясая въ рукахъ мѣшочками, изъ которыхъ сочились красная жидкость, заявили:—«вотъ что даве нашли мы въ бассейнахъ, настъ рвало, насилу живу остались».

Толпа напирала больше и больше. Вдругъ, вниманіе всѣхъ привлекъ вѣхавшій въ толпу извозчикъ. Толпа разступилась и дала дорогу. Махая бумагой, онъ кричалъ: «голову надо, телеграмма отъ Губернатора!»—Въ моментъ водворившагося затишья, голова поспѣшила продвинуться къ экипажу и сѣсть въ него. Едва онъ это сдѣлалъ, какъ извозчикъ гикнулъ и, опрокидывая встрѣчныхъ, мигомъ умчалъ голову: обманъ удался.

«— Держи, держи, ура! Бей исправника, не пускайте этого!—Исправникъ чувствовалъ, что минуты жизни его сочтены.

Вдругъ толпа смолкла. На другой сторонѣ площади послышались крики: «ура, Молчановъ, Молчановъ!»—И мигомъ толпа, оставивъ исправника и съ крикомъ—«къ Молчанову, къ Молчанову!»—постилась бѣжать по площади. Исправникъ вскочилъ на случайно ъхавшаго извозчика и ускакалъ.¹

Къ несчастью, о. Кармановъ не нашелъ благочинного дома, но, во имя пастырскаго долга, рѣшился еще разъ уговорить толпу, шумѣвшую вдали. Дорогой о. Кармановъ встрѣтилъ священника Етаторова, и они вмѣстѣ бросились къ толпѣ, бѣжавшей, по пятамъ, за Молчановыми.

Его уже настигъ высокаго роста дѣтина, уцепилъ за руку и ударилъ по шеѣ. Но Молчанову удалось вырваться и онъ, со словами—«батюшка, спасите!»—повалился на грудь подоспѣвшему въ этотъ моментъ о. Етаторову.

Другой священникъ, о. Кармановъ, снялъ шляпу, простеръ къ толпѣ руки и, защищая Молчанова сперѣди, всталъ предъ толпой:

«братіе, братіе,—воскликнулъ онъ,—что вы дѣлаете? Вѣдь это христіанинъ, что онъ вамъ сдѣлалъ? Опомнитесь¹⁾».

«— Воду отравилъ, скотина околѣваетъ, люди мрутъ.—Смерть ему, смерть!»—ревѣла толпа.

Народъ все плотнѣе и плотнѣе окружалъ священниковъ, стараясь вырвать Молчанова.

«— Бей холеру, бей жидомора, бей отравителя!»—Градомъ посыпались удары. Священниковъ отбросили. Все слилось въ оглушительный ревъ. Въ воздухѣ мелькали сжатые кулаки, палки и камни. Озвѣрѣлые люди съ бѣшенствомъ били и топтали Молчанова, по временамъ подхватывая его на руки и съ силой бросая на землю. Вдругъ раздался откуда-то произведенный выстрѣлъ. Толпа моментально бросилась въ стороны: всѣ подумали, что это стрѣляютъ подоспѣвшія войска.

Нѣсколько секундъ Молчановъ лежалъ одинъ. Видимо, онъ пришелъ въ себя, приподнялся и, собравъ послѣднія силы, бросился было бѣжать. Но разбѣжавшійся народъ скоро понялъ свою ошибку, въ немъ снова проснулся звѣрь и Молчановъ безъ труда былъ вновь настигнутъ и схваченъ толпою. Начались новые побои и новыя истязанія. Когда въ одинъ изъ слѣдующихъ моментовъ онъ, полуживой, еще разъ приподнялся, какъ бы собираясь ползти, толпа, съ криками:—«живъ, живъ, собака, бей его!»—еще разъ, уже послѣдній, набросилась на него и окончательно добила. Наконецъ, когда Молчановъ лежалъ уже безъ движенія и жизнь совсѣмъ оставила его, нѣкоторые изъ присутствующихъ²⁾, поочередно, вскачивали на него и дико топтали ногами. Въ издѣвательствахъ надъ трупомъ не отставали отъ своихъ мужей и женщины-матери: забывъ стыдъ, онѣ ругали, били, плясали кругомъ Молчанова, рвали одежду и царапали тѣло.

«— Братцы, православные христіане, опомнитесь, что вы дѣлаете?»—раздался было изъ толпы голосъ кого-то, пораженного дикимъ неистовствомъ толпы.

¹⁾ Необходимо признать, что, благодаря знанию и близости къ народу, поведеніе священниковъ было достойнѣе и выше, чѣмъ поведеніе всѣхъ остальныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ перипетіяхъ этого событія: поведеніе послѣднихъ было двойственнымъ, нерѣшительнымъ и неискреннимъ. Ссылка на сань едва ли можетъ здѣсь имѣть какое-либо значеніе, такъ какъ значительная часть жителей Хвалынска состоять изъ раскольниковъ.

²⁾ Какъ было установлено потомъ судомъ, крестьяне Максимовъ, Клюкинъ, Салыновъ и Гончаровъ.

«— Ого-го!—заревѣла толпа,—защитникъ нашелся, видно, заодно морить собираешься? Бей его, бей!»—и черезъ минуту подавшій голосъ человѣколюбія лежалъ на землѣ окровавленный, умоляя палачей пустить душу на покаяніе.—«Такъ всѣхъ будемъ бить, кто вздумаетъ защищать ихъ»,—ревѣла толпа.

Послѣ убийства Молчанова, начался грабежъ и разгромъ домовъ и, вплоть до утра, расходившаяся ватага переливалась громовымъ «ура» изъ конца въ конецъ по городу. Не оставили въ покой убитаго Молчанова и на другой день: кто подойдетъ и швырнетъ въ него камнемъ, кто плюнетъ или обругаетъ. Подходили и главные палачи, бившие Молчанова, чтобы еще разъ повторить свои издѣвательства. Перенести его трупъ на квартиру никто не рѣшался, и лишь къ вечеру этого дня нашелся смѣльчакъ, сдѣлавшій это.

Магазины и лавки были заперты. Одни лишь кабаки и трактиры широко открыли свои двери для попойки буйной толпы. Пьяные крики, дикая ругань и угрозы слышались всюду. Городъ трепеталъ. Изъ интеллигентіи всѣ, кто могъ, бросили дома и бѣжали изъ города. Тѣ же, кому не удалось бѣжать, собрались въ стѣнахъ тюрьмы, вооруживъ себя и небольшую кучку солдатъ ружьями и ожидая съ минуты на минуту нападенія. Въ такомъ томительномъ состояніи прошло двое сутокъ. Наконецъ, прибывшія войска быстро возстановили порядокъ, разогнавъ банды плетью.

Волѣ двухъ мѣсяцевъ городъ былъ охраняемъ войсками. Слѣдствіе выяснило, что бунтъ носилъ явный характеръ подстрекательства, но кто они, эти подстрекатели, осталось тайной. Привлеченные къ ответственности бунтовщики, какъ одинъ, не признавали себя виновными: всѣ шли, всѣ бунтовали, но почему и за что, никто не могъ дать объясненій. Толпа шла, какъ стадо барановъ, руководимая невѣdomой силой. Казанскій военно-окружный судъ, которому было передано дѣло, постановилъ: 4-хъ человѣкъ подвергнуть смертной казни и до 60-ти человѣкъ присудилъ къ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ на поселеніе».

Всѣ эти подробности, которыхъ не выдумать ни одному реалисту-художнику, можетъ создать только одна суровая и безжалостная дѣйствительность. Но та же дѣйствительность создаетъ и другіе факты, которые, при сопоставленіи съ только что описаннымъ безсмысленнымъ и жестокимъ событиемъ, могутъ показаться удивительными.

По поводу той же эпидеміи, о томъ же народѣ, еще болѣе небѣжественномъ и грубомъ, чѣмъ населеніе уѣзднаго города, вотъ что говорить врачъ, о которому мы уже упоминали¹⁾, не только не растерзанный толпою, какъ Молчановъ, но вспоминающій о своей дѣятельности въ деревнѣ съ высокимъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія.

«— Долженъ сказать,—свидѣтельствуетъ онъ,—что при непрерывныхъ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами, больными и здоровыми, ни разу, нигдѣ рѣшительно, не встрѣтилъ не только никакого предубѣжденія или недовѣрія, но даже и малѣйшей неделикатности». Это поразительное заявленіе будетъ понятно, если вспомнить, что народъ, при извѣстныхъ условіяхъ, далеко не лишенъ способности понимать значеніе санитарныхъ мѣръ и, въ особенности, если прослѣдить дѣятельность этого врача въ деревнѣ. Вотъ какъ онъ началъ свою дѣятельность въ моментъ начинавшейся паники въ деревнѣ.

«— Въ первый разъ,—рассказываетъ онъ,—я подѣзжалъ къ Егоровкѣ уже подъ вечеръ. Вижу, стоять въ полѣ люди и что-то дѣлаютъ. Свернулъ къ нимъ—оказывается, роютъ одну огромную могилу и тутъ же стоятъ нѣсколько гробовъ съ холерными трупами. Чтобы провѣрить, исполняются ли всѣ санитарныя требованія, я остался присутствовать при погребеніи. Совершалъ его священникъ, одинъ, присутствовало 12 человѣкъ могильщиковъ, назначенныхъ по наряду, родныхъ—никого».

Это присутствіе на погребеніи врача, когда не было никого даже изъ родныхъ, должно было сразу расположить населеніе въ его пользу.

«— И вотъ,—продолжаетъ свои воспоминанія этотъ врачъ,—сидишь иной разъ, одинъ на одинъ съ больнымъ, ночью, въ избушкѣ: на земляномъ полу, залитомъ изверженіями, стонетъ и мучится больной, всѣми оставленный на попеченіе врача, фельдшера или священника, нашего ближайшаго и усерднѣйшаго помощника. Засучиваемъ рукава и приступаемъ къ дѣлу. Бьешься надъ больнымъ 2—3 часа, а ужъ прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ: къ намъ, пожалуйста, и къ намъ, пожалуйста! Выходишь, а на дорогѣ опять перехватываются: «батюшка, у насъ двухъ мужиковъ схватило, пожалуйте!»

Перечисляя далѣе рядъ мѣръ, принятыхъ противъ эпидеміи,

¹⁾ На стр. 134.

врачъ говоритъ: «устроили мы еще съ о. Николаемъ¹⁾ часовню въ одной изъ избъ, хозяева которой вымерли холерой и которую предварительно вымыли, вычистили и старательно иродезинфицировали. Изъ церкви были принесены образа и отслуженъ молебенъ. При этомъ священникъ обратился къ крестьянамъ съ словами утѣшения и надежды, сказавъ, что не слѣдуетъ падать духомъ, не надо бросать своихъ полей неубранными и необработанными, что Богъ не допустить, чтобы все мы умерли и необходимо исполнять мѣры предосторожности, на которыхъ указываетъ д-ръ. Отслужили мы еще молебенъ Св. Пантелеимону, покровителю нашей науки, и, признаться, я, грѣшный человѣкъ, не могъ безъ слезъ смотрѣть, какъ жарко молился бѣдный народъ обѣ избавленіи отъ лютаго мора. Устройство часовенки сильно пришлось по душѣ крестьянамъ и хорошо подействовало на ихъ упавшій духъ, такъ - что я былъ очень благодаренъ о. Николаю, подавшему мысль о часовнѣ. Устройство ся имѣло и то значеніе, что такимъ образомъ создавалась болѣе полная изоляція Егоровки: ранѣе егоровцы посѣщали церковь въ сосѣднемъ с. Колмычкѣ, и священникъ ни за что не соглашался лишить народъ этого послѣдняго, остававшагося ему утѣшения».

Но и этотъ врачъ, по его словамъ, былъ на волосокъ отъ того, чтобы вызвать беспорядки. Видя, какъ много умираетъ изъ тѣхъ, которые по наряду отъ общества хоронили покойниковъ, онъ рѣшилъ, за хорошую плату, нанять специально для этого могильщиковъ, но о. Николай, прекрасно знаяшій народъ и понимавшій его настроеніе, рѣшительно воспротивился этому: «если вы подадите хоть малѣйшій намекъ, что можно отъ наряда избавиться, никто ни за какія деньги ни хоронить, ни копать могилъ не ~~пойдетъ~~, мертвые будутъ у насъ валяться непогребенными, настанетъ смятеніе и беспорядокъ и придется вызывать для усмирѣнія солдатъ». — Подумавши, врачъ рѣшилъ, что лучше пусть умираютъ люди по наряду, чѣмъ за деньги, и отказался отъ своего намѣренія.

Нашъ народъ нерѣдко называютъ финиксомъ и, дѣйствительно, изъ этихъ двухъ случаевъ, въ одномъ онъ проявилъ себя настоящимъ звѣремъ, безчеловѣчно умертвивъ Молчанова, въ другомъ же

1) Мѣстный священникъ. услуги и участіе которого въ борьбѣ съ эпидеміей врачъ называетъ «неодѣнными».

оказался чуть ли не джентльменомъ, не позволивъ къ симпатичному ему врачу проявлениа «даже самой малъйшей неделикатности». Но здѣсь сфинксъ и его столь разное отношеніе къ этимъ двумъ врачамъ понятны. Одинъ изъ нихъ пришелъ къ народу съ истиннымъ пониманіемъ его быта, свойствъ и духовныхъ особенностей, съ уваженіемъ къ его вѣковымъ вѣрованіямъ и не съ мертвыми и формальными только требованіями, а съ живымъ примѣромъ и тою сердечностью, которая почти всегда такъ хорошо разгадывается народомъ. Другой же, безъ знанія и пониманія народа, всю свою дѣятельность основалъ только на однихъ вышешихъ требованіяхъ и предписаніяхъ, какъ готовыхъ выводахъ и формулахъ, такъ хорошо понятныхъ ему самому и совсѣмъ непонятныхъ для народа.

Первый былъ вѣрно понять и оцѣнить народомъ, второй же, создавъ между имъ и собой неразрѣшимое недоразумѣніе, былъ безжалостно убитъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи убийства врача Молчанова въ полной мѣрѣ выразилась та пропасть или, вѣриѣ, та стѣна взаимного незнанія, которая отдѣляетъ наши образованные классы отъ простого народа.

**Дієта и от-
ношеніе къ
больнымъ до-
 машнихъ и
состѣдей.**

Въ возрѣніяхъ народа на причины болѣзней, какъ мы видѣли это выше, почти совершенно отсутствуетъ понятіе о связи пищи и питья съ возникновеніемъ желудочныхъ и кишечныхъ заболѣваній. По этой причинѣ въ русскомъ народномъ языкѣ нѣтъ не только названій, опредѣляющихъ то или другое заболѣваніе желудка, но нѣтъ и слова, обозначающаго діѣту¹⁾. Смутность возрѣній народа въ этой области всего больное видна изъ тѣхъ характерныхъ и намъ уже знакомыхъ выраженій, которыми онъ опредѣляетъ ненормальныя ощущенія въ области желудка, безъ малѣйшаго намека на страданіе послѣдняго: «сердце болитъ, нарывается», «съ души рветъ» и пр. Изъ всей категоріи подобныхъ выраженій нѣкоторой опредѣленности достигаетъ только одно, по своему существу очень примитивное и растижимое: «маятся, или болѣть животомъ». Вотъ почему дієта, какъ понятіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, является для народа чѣмъ-то совершенно невѣдомымъ.

Дієты крестьяне не признаютъ ни при какихъ болѣзняхъ,—сообщаютъ одни изъ нашихъ сотрудниковъ,—такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, пища и питье, какова бы ни была болѣзнь, повредить больному никогда не могутъ. Дієты въ деревнѣ,—сообщаютъ другие,— не существуетъ, и больныхъ питають, чѣмъ попало, что только имѣется въ хозяйствѣ и чего бы ни попросилъ больной:

¹⁾ Подходящее къ этому понятію слово «постъ» носить совершенно опредѣленный и чисто религіозный характеръ.

«если хочеть ъсть, то вреда не будетъ», — говорять крестьяне¹⁾. Вообще, пищу больные ъдятъ, — заявляетъ большинство сотрудниковъ,—такую же, какъ здоровые, и имъ отдельныхъ кушаний не приготавляютъ: квасъ, капуста и соленые огурцы являются такимъ же обычнымъ меню больныхъ, какъ и здоровыхъ.

Подобное же отношение къ діэтѣ очень часто проявляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда насчетъ ея существуютъ прямыи и определенные указания врачей. Советы и наставления ихъ относительно питанія больного исполняются лишь крайне рѣдко и, несмотря на предупрежденіе, брюшно-тифозный часто получаетъ черный хлѣбъ и кислый квасъ, больной съ воспаленіемъ легкаго и плевритомъ пьетъ холодное со льда пиво, а дизентерикъ ъстъ капусту и огурцы²⁾. Какъ на главную причину такого отношенія къ діэтѣ, сотрудниками указывается на отсутствіе въ народѣ элементарнѣйшихъ и хотя бы самыхъ простыхъ свѣдѣній по медицинѣ и гигиенѣ, часто на фактическую невозможность, по бѣдности народа, исполнять какую бы то ни было діэту и, нерѣдко, на посты, когда и тяжело-больному считается грѣхомъ поѣсть молока и яицъ. Если діэта и приобрѣтаетъ иногда въ глазахъ мужика нѣкоторое значеніе, то только, какъ моментъ, способный нарушить дѣйствіе извѣстнаго лекарства. Больными, где нужно соблюдать такую осторожность, обыкновенно считаются лихорадка и сифилисъ и, напр., при послѣднемъ, лечась своими средствами и считая вреднымъ все соленое, больные нерѣдко пытаются одною прѣсною лепешкою, безъ соли, а впослѣдствіи, уже прекративъ лечение, не ъдятъ огурцовъ, малины, щучины и свинины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе діэты имѣетъ несомнѣнно суевѣрное значеніе: золотушнымъ иногда не даютъ ъсть яицъ, а больнымъ перемежающеся лихорадкою и желтухой — молока, свѣжей рыбы и, въ особенности, щуки³⁾.

Среди нашихъ довольно многочисленныхъ сообщеній нѣть ни одного, которое свидѣтельствовало бы о полномъ признаніи кре-

¹⁾ Новоржевск. у. Псковск. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смоленской г., Новоладожск. у. С.-Петербургск. г., Тихвинск. и Череповецк. уу. Новгородск. г., Грязовецк. у. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Орловск. и Карабачев. уу. Орловск. г.

²⁾ Егорьевск. у. Рязанск. г., Вяземск. у. Смоленск. г., Шуйск. у. Владим. г., Орловск. у. Вятск. г., Городищен. у. Пензенск. г. и др.

³⁾ Тотемск. у. Волог. г., Череповецк. у. Новгородск. г.; Саранульск. и Яранск. уу. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г.

стьянами діэты. Здѣсь наблюдается совершенно обратное тому, что мы замѣтили въ отношеніи санитарной идеи: въ то время, какъ она, вѣроятно, вслѣдствіе большей настойчивости и системности ея распространенія, замѣтно начинаетъ проникать въ сознаніе населенія, идея діэтическая осталась почти безъ всякаго усвоенія народомъ. Самое большее, если больнымъ наблюдается относительная діэта и ему дается, напримѣръ, молоко или что-нибудь соленое (Инсарск. у. Пензенск. г., Котельн. у. Вятск. г.).

Въ гораздо болѣе значительномъ рядѣ случаевъ играетъ роль не столько сознаніе значенія діэты, сколько желаніе угодить больному и дать ему пищу повкуснѣе и послаще. По такимъ побужденіямъ, если кто заболѣть, варить мясо, пекутъ блины или дѣлаютъ «саломоть», заваривая кипяткомъ поджаренную муку и давая больному ъсть со сметаной, а всѣмъ остальнымъ съ постнымъ масломъ. Точно также, при заболѣваніи дѣтей, гораздо чаще проглядываетъ стараніе угодить ихъ капризамъ и просыбамъ, чѣмъ забота о соблюденіи діэты.—«Чего тебѣ хотца, дѣтка?—спрашивается мать ребенка, страдающаго поносомъ:—може, грудинка, лепешки, или пряничка?»—и ребенокъ уже самъ рѣшаетъ, что бы ему съѣсть.

Нисколько, поэтому, немудрено, если отношеніе сосѣдей къ больнымъ является такимъ же, какъ домашнихъ, и ихъ участливое и добroe расположение къ больному выражается, прежде всего, въ поводахъ для него нарушить діэту¹⁾. Относясь къ больнымъ съ искреннимъ сожалѣніемъ и стараясь, по мѣрѣ силъ, облегчить ихъ положеніе,сосѣди приходятъ къ нимъ посидѣть, поговорить, узнать о ходѣ болѣзни, ободрить, и приносятъ въ подарокъ, не разбирая болѣзни, баранки, пряники, яблоки и проч. (Дорогобужск. у. Смоленской губ.). Въ другихъ мѣстахъ, относясь къ больнымъ съ такимъ же сочувствіемъ и думая, что они тѣмъ исполняютъ заповѣдь Христову, близкіе и сосѣди добываютъ и приносятъ съѣсть, что по лучше, въ особенности, если больной просить: капусты сырой, квасу молодого, огурцовъ соленыхъ, разсолу отъ нихъ, рыбки соленой или селедочки кусокъ, блинковъ и т. п. (Карабашск. у. Орл. г.). Въ нашихъ деревняхъ, характеризуютъ это отношеніе къ больнымъ въ Шуйскомъ у. (Владим. г.), развито обыкновеніе навѣщать и кормить больныхъ въ деревнѣ,—и своего, и чужого, и бо-

¹⁾ Всѣмъ больничнымъ врачамъ известно, какую борьбу и какой надзоръ приходится имѣть за посѣтителями изъ простого народа, всегда старающимися протащить больному воспрещенную ъду и питье.

татаго, и бѣднаго. Каждый домъ-семья считаетъ долгомъ что-нибудь отнести больному или хоть провѣдать его. Кто несетъ пирожка, лучку, лимонъ, или же что-нибудь сладкое. Этотъ обычай, если и не всеобщъ, то имѣетъ громадный районъ распространенія. Въ основѣ его, повидимому, лежатъ религіозныя побужденія: «если просить чего-нибудь для больного, не различая, полезно то или вредно, считаются за грѣхъ отказаться» (Орл. г. и у.). Это стремленіе навѣстить больного и снести ему съѣстное до того неудержимо, что когда, при появлѣніи какой-нибудь эпидеміи, со стороны санитарно-полицейскаго персонала появляется запрещеніе на навѣщать заболевшихъ, родные и сосѣди продолжаютъ навѣщать ихъ тайно: это считается хорошимъ дѣломъ (Полехонск. у. Ярославск. г.). Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и свойство болѣзни: заразительна она, по понятіямъ крестьянъ, или нѣтъ, а также степень свободнаго времени у посѣтителей¹⁾. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ такое паломничество къ больнымъ совершается въ зимнее, свободное отъ работъ время и, по преимуществу, женщинами. Многіе при этомъ подаютъ больному свои врачебные совѣты, восхваляютъ того или другого знахаря или лекарку, священника или чтеца, приносятъ целебныя травы и снадобья, или предлагаютъ больному оставшіяся лекарства, не разбирая, отъ какой болѣзни они назначены (Спасск. у. Казанск. г., Ростовск. у. Ярослав. г., Юрьевск. у. Владимірск. г.). Иногда при этихъ посѣщеніяхъ, особенно со стороны женского элемента, обнаруживается не столько участіе, сколько простое деревенское любопытство и желаніе узнать ходъ и степень опасности болѣзни (Солигал. у. Костромск. г.)—«Мотри, ты ужъ не поправишься, видно, прогнѣвался на тебя Господь»,—хнычетъ около больной такая посѣтительница.

«— И что жѣ ты, матушка, Матренушка, надумала, на кого же ты дѣвствору покинешь?»—причитаетъ другая.

«— А, може, не на смертное, отдышу»,—шепчетъ больная.

«— Ну-у, идѣ же тутъ?»—отнимаетъ у ней всякую надежду пришедшая.

Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются заявленія сотрудниковъ, чтососѣди больныхъ не навѣщаются, относятся къ нимъ безъ сожалѣнія и даже грубо.—«Виши, отлеживается, — говорятъ такие

¹⁾ Котельнич. у. Вятск. г., Сольвыч., Волог., Тотемск. и Грязовецк. уу. Волог. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Инсарск. и Чембарск. уу. Пензенск. г.

сосѣди о больномъ:— не охота, видно, работать, некошной (чортъ) его давить» (Сольвычег. у. Волог. г.). Особенno не возбуждаются сочувствія постороннихъ беспомощные больные и старики.—«Богъ съ нимъ,—говорятъ сосѣди о такомъ,—вѣкъ свой изжилъ, нора и помирать, хоть съ хлѣбовъ долой: его ужъ давно на томъ свѣтѣ дожидаются» (Черепов. у. Новгор. г.).

Уходъ за больными.

Уходъ за больными обычно слагается изъ трехъ главныхъ факторовъ: возможности, умѣнья примѣнить его и естественнаго чувства гуманности. Послѣднее чувство присуще нашему народу, оно, хотя и въ уродливой, иногда даже вредной формѣ, довольно рельефно выражается въ отношеніи къ больнымъ родныхъ и сосѣдей и оно же опредѣляетъ эти отношенія, въ смыслѣ ухода за ними.

Безъ присмотра больныхъ не оставляютъ, характеризуютъ отношеніе къ больнымъ домашнихъ въ Саран—мъ у. (Пенз. г.). Больные, безъ различія возраста, всегда и во всякоe время пользуются полнымъ вниманіемъ и ихъ безъ достаточнаго ухода не оставляютъ даже и въ рабочую пору, заявляютъ о томъ же изъ Хвалын—го у. (Саратовск. г.). Ухаживать за больными крестьяне считаютъ за непремѣнную обязанность, приходятъ ходить за ними и сосѣди, опредѣляютъ это отношеніе въ Юхнов—мъ у. (Смоленск. г.). Безъ присмотра и ухода, пишутъ изъ другого района того же уѣзда, больныхъ, какого бы они возраста ни были, не оставляютъ ни въ какое время, считая это тяжкимъ грѣхомъ, за который Богъ накажетъ виновныхъ такою же болѣзни. Такой же гуманный характеръ сохраняютъ эти отношенія нерѣдко и въ мѣстностяхъ съ фабричнымъ населеніемъ.—«И въ страдную пору ни дѣти, ни больные безъ ухода и помощи не остаются,—передаютъ изъ Шуйскаго у. (Влад. г.),—и у каждого найдутся средства нанять присмотрщицу за больнымъ или малымъ. Народъ здѣсь, хотя и фабричный, но добръ и отзывчивъ на всякое горе, особенно въ болѣзни и сиротствѣ». О такомъ же гуманномъ отношеніи къ больнымъ сообщаютъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ.

Но иногда, и едва ли не чаще, гуманное чувство народа оказывается слабѣе необходимости и неизбѣжныхъ условій крестьянскаго существованія. При деревенскихъ, особенно тифозныхъ эпидеміяхъ, когда заболѣваетъ и лежитъ иногда третъ, половина, а то и большинство населенія деревни, остающіеся здоровые часто бываютъ не въ состояніи физически спрavляться и съ обычными крестьянскими работами, и ухаживать за больными. Положеніе послѣднихъ особенно жалко и тяжело бываетъ лѣтомъ, въ страдную

пору, когда такъ цѣнны рабочія руки и когда «одинъ день цѣлый годъ кормить». Тогда и единичные больные часто остаются въ деревнѣ почти безъ всякаго присмотра и ухода. Въ это время при болѣномъ никогда не оставляютъ способнаго къ работѣ человѣка, а либо неспособную къ труду старуху, если такая есть въ семье, либо какую-нибудь 7—8-лѣтнюю дѣвочку, которая при первой же возможности норовитъ сбѣжать и, заигравшись на улицѣ со сверстницами, совершенно забудеть о болѣномъ. Но иногда отсутствуетъ и такая сидѣлка, и часто весь уходъ за больнымъ въ лѣтнее время ограничивается тѣмъ, что поставить на лавку возлѣ больного кружку воды, положать хлѣбъ и оставлять такъ на цѣлый день.— «На живое — живъ будешь», «выживетъ, то и такъ выживетъ, а умретъ — то и такъ умретъ», — нерѣдко рѣшаютъ крестьяне, оставляя больныхъ на произволъ судьбы (Новоржевск. у. Псковск. г., Карабечевск. у. Орловск. г.). Часто больные, если въ силахъ шевелить языккомъ, сами упрашиваютъ семейныхъ торопиться на работы и никогда не жалуются на то, что ихъ оставляютъ безъ помощи (Юрьевск. у. Владим. г.). Такое положеніе больныхъ въ лѣтнее время, плохой присмотръ и уходъ за ними, а иногда и полное отсутствіе его составляетъ настолько неизбѣжное и частое явленіе, что о немъ свидѣтельствуетъ громадное большинство заявлений сотрудниковъ¹⁾. Поэтому, совсѣмъ не рѣдкость въ деревнѣ такие случаи, когда больные умираютъ въ отсутствіе домашнихъ и они о смерти близкихъ узнаютъ отъ случайно зашедшаго въ ихъ избу сосѣда, или возвратившись съ работы домой. Такъ, матери, прия съ поля, находятъ иногда мертвыми своихъ дѣтей.

Особенно печальна лѣтомъ участъ неизлечимыхъ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ. Въ такую пору заболѣвшаго старика оставляютъ лежать на печи, одного, положать ему краюху хлѣба, кружку воды и лежи такъ до вечера. Некому его накормить, переложить и поправить. При такихъ условіяхъ больной нерѣдко и испражняется, и мочится подъ себя, заражая воздухъ, и находится въ такомъ положеніи до вечера, пока не придутъ съ поля домашніе и не окажутъ ему помощи²⁾. Правда, въ семье остаются иногда

¹⁾ Кадниковск., Грязовецк., Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Тихв. и Череповецк. уу. Новгор. г., Котельнич., Орлов. и Саран. уу. Вятск. г., Лайшевск. и Спасск. уу. Казанск. г., Симбирск. и Аллатырск. уу. Симбирской губ., Васильсурскій у. Нижегородск. губ. и др.

²⁾ По сообщенію нѣкоторыхъ сотрудниковъ, при подобномъ содержаніи больныхъ, въ постели ихъ заводятся иногда даже черви.

маленькие ребяташки, но они цѣлые дни рыскаютъ по улицѣ, имъ и заботушки мало, что дѣдка или бабку надо попоить или покормить. Лежитъ такой больной гдѣ-нибудь въ заднемъ углу, на полу или въ сараѣ. Постелью ему часто служить какое-нибудь ложмочье, а то и просто клокъ соломы (Череп. у. Новг. г.). Подобное отношеніе къ больнымъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, является вынужденнымъ, но немалую роль здѣсь играетъ и практическій взглядъ на больного и оцѣнка его съ точки зрѣнія полезности для семьи.

Чѣмъ нужнѣе заболѣвшій, въ смыслѣ рабочей силы, тѣмъ тщательнѣе уходъ за нимъ—и наоборотъ (Солигалич. у. Костр. г., Тотемск. у. Волог. г., Ростовск. у. Ярославск. г. и др.). Дорогъ больной для семьи, его смерть грозитъ отнять у семьи работника, о немъ заботятся, но если больной неизлечимый, хилый, его оставляютъ чуть ли не на произволъ судьбы (Инсарск. у. Пензенск. г.).

Къ близкимъ, дорогимъ роднымъ, со смертью которыхъ связана большая семейная перемѣна, относятся со вниманіемъ, но если со смертью этого лица нѣтъ ни въ чёмъ урона, а, напротивъ, семья освобождается отъ лишней обузы, то къ такимъ больнымъ относятся небрежно, оставляя ихъ иногда безъ всякаго присмотра (Калужск. г. и у.). Если въ семье нездоровъ хозяинъ или сынъ его, дочь-хозяйка, тогда стараются предупредить всякое желаніе больного.—«Не съѣшь ли ты ветчинки сырой или жареной, или сальца, а, можетъ быть, тебѣ еще что хочется? Ай, пѣтушка намъ тебѣ зарѣзать, хоть жижички хлѣбнешь?»

Когда же заболѣеть мать - старуха, то слышатся уже другія рѣчи: «ей только и дѣла, что лежать, а тутъ горбъ мокрый отъ работы, тоже, не хуже бы ея съѣсть получше, да нечего».

Въ лучшемъ случаѣ, къ такимъ безполезнымъ, съ точки зрѣнія хозяйства, больнымъ относятся индиферентно, уходъ за ними ограничиваются поеніемъ и кормленіемъ и только передъ смертью свое равнодушіе къ нимъ смѣняютъ на нѣкоторую заботливость, иногда же, особенно, если болѣзнь затягивается надолго, ждутъ, не дождутся ихъ смерти: «хоть бы Богъ послалъ одинъ какой-нибудь конецъ»,—говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Иногда такое практическое отношеніе къ больнымъ доходитъ до полной черствости и безсердечія. «Страданія больного,—заявляютъ изъ Новгород—ой г.,—мало трогаютъ семейниковъ, и ихъ принимаетъ къ сердцу только мать. Напротивъ, если хвораетъ братъ, другой братъ молитъ Бога обѣ его смерти, чтобы отцовское имѣніе не пришлося

дѣлить съ нимъ и, не стѣсняясь, высказываетъ это постороннимъ. Захворала сестра—другая говоритъ: «дай, Господи, умерла бы; мнѣ сдобра останется». О радости и нетерпѣніи снохъ, съ которыми онѣ ждутъ смерти свекровь и свекровей, и говорить нечего. Родной сынъ или дочь залежавшихся старииковъ все же какъ-то стѣсняются высказывать свои чувства вслухъ, невѣстки же и неродная дѣти, наоборотъ, не скрываютъ чувства досады и злобы, когда больной долго хвораетъ, и чувства радости, когда видятъ скорый конецъ жизни. «Что это тебѣ, лядащему, и смерти-то Богъ не даетъ?»—не стѣсняются говорить они такому старику прямо въ глаза: «хоть поколѣвалъ бы и руки развязалъ скорѣе».—«Согрѣшили, видно, мы, грѣшные,—съ притворнымъ сокрушеніемъ говорятъ такие семейные:—жило не мило, умретъ—не жаль, увезутъ его и такъ, а мы не будемъ выть никакъ» (Тотемск. у. Волог. г.).

«— Батюшка, а, батюшка»,—говоритъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ невѣстка своему, какъ пластъ, лежащему свекру.

«— Что?»—со стономъ произносить больной, удивляясь неожиданной ласкѣ.

«— Да, вотъ, смерть пришла, въ сѣняхъ стоять, пустить ее или нѣтъ?»—Старикъ молчитъ, только изможденное лицо его подергивается судорогой.

«— Что же молчишь, пускать, али нѣтъ?—я говорю, не ходи, ему еще рано помирать, да и мы плакать будемъ, а она: будетъ—де ему, старому, чужой вѣкъ заѣдать, тамъ, на томъ свѣтѣ, давно его съ фонарями ждутъ».

Старикъ-отецъ, сообщаютъ намъ обѣ одномъ такомъ семейномъ эпизодѣ, очень любилъ крошить говядину, когда на столъ подавались мясные щи. При этомъ онъ всегда самъ гладаль косточки, а иногда бралъ и лакомые кусочки. Сыну, уже взрослому парню, это очень не нравилось и онъ всегда съ завистью поглядывалъ на старика. Въ одинъ день, когда сынъ былъ въ сосѣдней деревнѣ, въ гостяхъ, старикъ неожиданно умеръ и первыя слова сына, по полученніи извѣстія о смерти отца, были: «ну, слава Богу, теперь и я погрызу косточекъ и поймъ мяса».

Это безучастіе къ болѣзни и даже радость и передъ смертью, въ исключительныхъ случаяхъ являясь выражениемъ чисто животнаго эгоизма, врядъ ли для большинства случаевъ могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ въ формѣ явленія, въ основѣ котораго лежать общія и глубокія причины. Замѣчательно, что оно не огра-

ничивается какимъ-нибудь однимъ райономъ, имѣть, повидимому, довольно значительное распространеніе, основано на одинаковыхъ, съ точки зрења народа, мотивахъ и распространяется не только на взрослыхъ больныхъ и стариковъ, но и на дѣтей.

За стариками ухаживаютъ плохо,—сообщаютъ изъ Орловской г., нерѣдко обращаются съ ними весьма грубо, никакъ не скрывая, что желаютъ ихъ скорой смерти. «На стариковъ смотрятъ такъ,—сообщаютъ о томъ же изъ Казанской губ., что имъ пора и помирать, а не надоѣдать другимъ и не заѣдать чужой жизни».—«Связаль и по рукамъ, и по ногамъ,—жалуются на такихъ больныхъ стариковъ въ Новгородской губ.,—ни жизни, ни смерти».—«Ну, пожилъ и будешь, умирать пора»,—или «пора костямъ на място»,—отзываются о старикахъ въ Смоленской г.—«Будешь, пожилъ, помирать надо, нечего его лечить, старость пришла»,—рѣшаютъ о нихъ въ Котельническомъ у. (Вятск. г.), а въ Скопинскомъ у. (Рязанская г.) лечить ихъ считаютъ даже за грѣхъ. Особенно плохо приходится старикамъ въ голодное время, и тогда развѣ только староста распорядится на мѣрской подводѣ отвезти такого безпомощнаго старика въ больницу или позаботится о нихъ кто-нибудь изъ мястной интеллигентіи (Лаишевск. и Спасск. уу. Казанск. г.). Часто старики и сами понимаютъ, что они служатъ бременемъ для семьи, спокойно мирятся съ такимъ положеніемъ и ждутъ, не дождутся своей смертушки, но она, на зло, другой разъ очень долго не приходитъ. Если же какой старикъ подобнымъ отношениемъ къ себѣ и возмутится, то ему прямо замѣтятъ, что място его давно не на этомъ, а на томъ свѣтѣ (Солигалич. у. Костромск. г.). Но едва ли не далѣе всѣхъ пошли въ этомъ отношеніи пошехонцы, грубо шутя, что «стариковъ надо-де мнѣнять на быковъ».

Въ иѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такое грубое отношеніе къ больнымъ граничитъ почти съ полной потерей нравственнаго чувства.

«— Ужь такъ-то трудно было,—жалуется старуха-больная:—но нѣшнюю ночь прямо разбой кричала, чисто силушки не стало, въ головушкѣ помутилось. Лежу, это, въ сараѣ, и ужь мочей моихъ больше нѣтъ. Подползла къ перемету, ищу, чего бы черезъ переметъ перекинуть да удавиться: жизни хотѣла себя рѣшить».

«— Отчего же ты въ сараѣ лежала, а не въ избѣ?»—спрашиваютъ ее.

«— Выгнали: больно, грять, голосиста, ажъ побудила всѣхъ. Хучь бы подыхала, говорятъ, что ли, поскорѣй».

«— У кого же ты живешь, у чужихъ что ли?»

«— Нѣтъ, у сына свово, у Паланьки, живу: енъ, жена да трое дѣтей»...

«— Какъ же онъ смѣеть такъ съ тобой обращаться?»

«— Да что же съ нимъ сдѣлаешь? Я намеднись прошу: сыночекъ, говорю, привяжи ты мнѣ мазь, что въ аптекѣ дали, смерть моя пришла, а онъ мнѣ: да я лучше, гритъ, сусѣдскому псу привяжу, да за нимъ ходить стану, чѣмъ за тобой: вотъ, каковъ сынъ».

Этотъ взглядъ на беспомощныхъ и неизлечимыхъ больныхъ, какъ на обузу и людей лишнихъ, которые только ухудшаютъ существованіе другихъ, порождаетъ даже такие факты, что освирѣвшій мужъ бѣть свою чахоточную, лишенную способности къ труду жену и приговаривается: «либо здоровѣй, либо околѣвай, пропадущая». — Поэтому становится понятнымъ, почему иногда въ деревнѣ не столько боятся смерти, сколько продолжительной «лежки» (Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.).

Такой практическій взглядъ на больного проглядываетъ отчасти и въ отношеніи народа къ больнымъ дѣтямъ. У кого дѣтей не-много, особенно, если боленъ единственный ребенокъ, то о немъ заботятся и прибѣгаютъ къ лечению, а у кого дѣтей 4 — 5, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ, то о здоровье ихъ заботятся плохо и не скорбятъ объ ихъ смерти (Орловск. у. и г., Скопинск. у. Рязанск. г.). Во всякомъ случаѣ, къ больнымъ дѣтямъ, если ихъ въ семье много, относятся далеко не такъ заботливо, какъ къ взрослымъ больнымъ, на выздоровленіе которыхъ есть надежда, считая дѣтей не такъ необходимыми въ семействѣ (Спасск. у. Казанск. г., Солигалич. у. Костромск. г.). Иногда къ заболѣванію дѣтей относятся даже совсѣмъ хладнокровно: выздоравлѣть ребенокъ, ладно, умретъ — тоже, и только передъ смертью это равнодушіе смѣняется заботливостью и лаской со стороны матери. Къ лечению въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ рѣдко, и смерть ребенка не вызываетъ ни особенной горечи, ни сожалѣній.

«— А у меня маленький парнишко померъ», — сообщаетъ матерью-нибудь изъ иостороннихъ.

«— Отчего?» — спросить ее.

«— Да, виши ты, завалило въ горлышкѣ, дня три помаялся да Богу душу и отдалъ».

«— А въ больницу возили?»

«— Нѣтъ, тдѣ ужь тутъ, досугъ было его возить въ больницу, видно, Господу Богу понадобилась душенька его» (Череп. у. Новгородск. г.). — «Свое, не купленное, никому и не отказано въ другомъ», или «этого добра много, умрутъ, такъ новые народятся», — утѣшаютъ себя въ этихъ слuchаяхъ (Юрьев. у. Владивосток. г.).

Въ иныхъ бѣдныхъ семьяхъ иногда бываютъ даже рады смерти ребенка, потому что она развязываетъ руки, не надо теперь не спать матери ночей и никто ей не будетъ мѣшать въ работѣ (Дорогобуж. у. Смоленск. г.). «Слава тебѣ, Господи, говорять тогда, прибрали Господь безгрѣшную душеньку: намъ съ хлѣбовъ долой, да и онъ горюшка не увидитъ на томъ свѣтѣ». — «Богъ съ нимъ, не безъ радости говорятъ объ умершемъ ребенкѣ: померъ — по крайности руки развязалъ».— «Они — ангельськія души,— прибавляютъ какъ бы въ утѣшеніе,— и намъ тамъ же быть» (Скопинск. у. Рязанск. г.). Иногда является даже зависть къ матери такого умершаго ребенка: «вотъ, какое ей счастье, — говорятъ бабы одна другой, — прибрали Богъ ребенка-то: какому это она Богу-то молится?»— Случается, что раздраженная и умаявшаяся отъ работы мать, когда больной ребенокъ не даетъ ей покоя, прямо желаетъ его смерти.— «Господи, будеть ли конецъ?— у людей ребята, какъ свѣчки, таютъ, а у меня и смерти-то Богъ не даетъ: жить не живетъ, а какъ головешка дымится». — «И гдѣ это твоя смерть дѣлася и когда ты только умрень, неумирующій?»— съ озлобленіемъ восклицаетъ такая измученная мать.

При такомъ отношеніи къ дѣтямъ въ бѣдныхъ семьяхъ имъ нѣрѣдко плохо приходится не только во время болѣзни, но и въ периодъ выздоровленія: выздоровливая послѣ тяжелой болѣзни, они постоянно просятъ юсть, а отцы ихъ ругаютъ, и тѣ, слыша брань, боятся просить лишній разъ хлѣба (Карабашск. у. Орловск. г.).

Иногда отношеніе къ больному ребенку опредѣляется поломъ, къ которому онъ принадлежитъ: къ больнымъ мальчикамъ относятся гораздо лучшіе, чѣмъ къ девочкамъ. И какъ только заболѣть мальчикъ, мать и отецъ не знаютъ, что дѣлать: и въ больницу-то сѣѣздятъ за лекарствомъ, и къ батюшкѣ-священнику придутъ, не посовѣтуетъ ли чего, и къ просвирнѣ-то сбѣгаютъ, чтобы она помяла ему брюхо той печаткой, которой печатаетъ крестики у просфоръ (Городищенск. у. Пензенск. г.). Истинно родительскія и нѣжныя чувства, даже и въ бѣдныхъ семьяхъ, выступаютъ почти всегда, когда заболѣвшій ребенокъ въ семье единственныій.

«— Вотъ, какая бѣда стряслась: мальчишечка-то мой захвортъ, да дюже захвортъ, кажись, не подымется,— скорбить мать такого ребенка.— Распухли у него щеки, да и за ухами-то все разбухло, инда щеки оттопырились. Рта-то ему, вотъ, на столько открыть нельзя,— показываетъ мать на конецъ пальца.— Есть-то онъ у меня ничего не ъѣсть, хоть не жалится, глотать-то не больно. А кромѣ того, у него поностъ, вотъ какой поностъ, просто страсть. Лежитъ, это, вчера, притунился, я и говорю: что ты это, дѣточка? — А онъ: матычка, я опустился: боялся, значитъ, раньше-то сказать. Ну, вѣстимо, больной, вѣдь ругать не станешь. Я и говорю: ничего, дѣточка, ничего, милый, я сейчасъ другое порченки принесу. Принесла, надѣла на него. И ничего-то мнѣ не жалко для него, кажись, все бы отдала, кабы поднялся: вѣдь одинъ онъ у меня, какъ глазъ во лбу, какъ воскъ въ ладону. Ростила, ростила я его, а ну, какъ помретъ, прости ты меня, Господи!»

Такая заботливость и столь нѣжныя чувства обычны, если ребенокъ въ семье одинъ, даже независимо отъ его пола, больныя же дѣвочки, если ихъ въ семье много, не только часто оставляются безъ всякаго ухода, но пользуются, по сообщенію нѣкоторыхъ сотрудниковъ, даже презрѣніемъ (Тотемск. у. Вологодск. г.).

Анализируя и оцѣнивая отношеніе народа къ больнымъ, нельзя не удивляться тому, что этотъ народъ, въ характерѣ котораго такъ много доброты и состраданія, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы лишеннымъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ чувствъ и проявляетъ иногда чисто первобытныя черты. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что причина этого явленія всего чаще лежитъ не въ чёмъ иномъ, какъ въ тяжелыхъ условіяхъ его существованія. На бѣдность и нужду, какъ на главную причину плохого ухода за больными, указываетъ большинство нашихъ сотрудниковъ. — «Не врожденная жестокость служить причиной этого явленія,— объясняетъ его одинъ изъ нихъ,—а нужда и часто нужда безъисходная, способная притупить лучшія чувства человѣка». Быть можетъ, въ указанномъ явленіи играетъ также нѣкоторую роль и то отсутствіе страха смерти, какое свойственно нашему народу: онъ просто смотритъ на жизнь и также просто на смерть и, что думаетъ о себѣ, переносить на другихъ.

Слѣдующій разсказъ рисуетъ тяжелое положеніе больныхъ въ деревнѣ, независимо отъ какого бы то ни было личнаго отношенія окружающихъ, а всецѣло отъ условій обстановки и быта.

Причины
недостаточ-
ности ухода
за больными.

«— Въ прошломъ году,—рассказываетъ г-жа С.¹⁾—обгорѣла въ сельцѣ Хмѣлевомъ женщина. Загорѣлись снопы пеньки, положенные на печь для просушки. Испуганная хозяйка стала ихъ тушить, приминая руками, и на ней вспыхнула юбка и рубашка. У несчастной бабы была обожжена вся спина, съ затылка до колѣнъ, верхняя часть рука, ладони и грудь. Четверо дѣтей также получили сильные обжоги на рукахъ и лицѣ. На другой день приходитъ ко мнѣ сосѣдка обгорѣвшей и, на мой вопросъ о положеніи больной, отвѣчаетъ: «вчерась пріѣзжалъ фершаль, пообрѣзала на Матренѣ всю шкуру-то, что шмотами моталась, намазала ее снадобьемъ, перевязалъ, да и велѣль такъ-то кажинный день перевязывать, по утрамъ да и на ночь. Ну, вѣстимо дѣло, онъ-то ей чужъ да и обязанъ это дѣлать, а безъ ево кому жъ тѣмъ заняться, кто жъ къ такой болѣсти приступится?»

«— Значить, сегодня ее и не перевязывали?»

«— Вѣстимо, что нѣть, на перевязку-то тряпки нужны, а гдѣ ихъ взять? Что были, вчерась понавязали, другихъ нѣту, а тѣхъ фершаль ни подъ какимъ видомъ не велѣль потреблять да онъ и засохли, заскорузли. Ихъ отодрали, думали, лучше будетъ, а безъ перевязки ей ни сѣсть, ни лечь: такъ она, горемышная, и стоитъ на четверинкахъ съ самаго утра».

«Я сейчасъ же, захвативъ съ собой полотняныхъ тряпокъ и бинтовъ, отправилась къ обожженной. Трудно представить себѣ, что я нашла въ избѣ Матрены С—ой. Эта дворъ былъ изъ бѣднѣйшихъ: изба въ одинъ срубъ, 6—7 аршинъ, и, конечно, безъ трубы, черная, закопченая. Въ переднемъ углу иконы, подъ ними столъ и кругомъ, по тремъ стѣнамъ, лавки. Въ правомъ, дальнемъ углу огромная печь, занимающая чуть ли не третью всего помѣщенія, между дверью и печью полати, два крошечныхъ окна, наполовину выбитыя и заткнутыя тряпками, въ избѣ темно и удушливый спертый воздухъ. Печка тошилась и дымъ выходилъ въ полуутворенную дверь, сверху и снизу несло въ избу пронизывающимъ холодомъ. За столомъ, въ ожиданіи завтрака, сидѣли три дочери хозяина, отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ, въ холщевыхъ, грязныхъ рубахахъ, подвязанныхъ бичевками, и босыя. У всѣхъ длинные волосы, опаленные и прилипшіе къ обожженнымъ лбамъ, щекамъ и ушамъ: видя горящую мать, онѣ старались ее затушить и пожглись сами. Противъ печки на веревкѣ моталась «зыбка», съ

¹⁾ Орловская сотрудница. Часть этого рассказа помѣщена во II гл., на стр. 51—53.

8-ми-месячной девочкой. На нее упала висевшая над ней и загоревшаяся тряпка и обожгла ребенка. Эта крошка тоже была въ посконной рубашкѣ и необыкновенно грязна. У печки возилась старшая, замужняя дочь. Матрена стояла на полатяхъ, на коленяхъ и рукахъ, совсѣмъ голая, но съ обмотанной большимъ платкомъ головой. Вся спина, бока, грудь и ноги представляли изъ себя силошную обожженную поверхность. Въ такомъ положеніи она стояла съ утра, такъ какъ лечь на лишенное кожи мясо было невозможно, тѣмъ болѣе, что на полатяхъ, вместо постели, лежала грязная, полугнилая, ничѣмъ не покрытая солома. Матрена больше другихъ членовъ семьи требовала скорой помощи. Намазавъ ее всю оставленнымъ фельдшеромъ лекарствомъ и забинтовавъ привезеннымъ полотномъ, я съ помощью тулупа и свѣжей соломы устроила ей постель, уложила, и она почувствовала облегченіе. Во время перевязки она ужасно стонала: ой, лихо, ой, матушки, лиxo! Ой, предайте меня смерти, дюже лиxo! — Этимъ стонали хоромъ вторили собравшіяся соседки; они охали и ахали, соболѣзновали и сожалѣли, но ни одна не захотѣла помочь въ перевязкѣ: ужъ больно жалко ее, сердешную. Затѣмъ, надо было перевязать всѣхъ дѣтей, при чемъ пришлось ихъ обстричь. Оказалось, что ихъ головы, даже брови были покрыты вшами, сидѣвшими на нихъ силошными гнѣздами, да и не только головы, но и каждая складка рубахъ, каждый изгибъ тѣла кишѣтъ этими насѣкомыми»

«— И, сударыня, да какъ же ихъ тутъ чистыми-то держать?— говорила старшая дочь. Виши, что въ хатѣ дѣлается, разя ихъ на мости? Да и воды-то въ чемъ нагрѣть? Окромя двухъ махоточекъ (маленькие горшки), въ чемъ варятъ, и посуды-то нѣть, да, потомъ, и одна она, мать-то: она и истопи, она и свари, и на рѣчку сходи, и сшей, и снаряди, и натки—все одна, да одна, да и ребенокъ у грудей. Разя тутъ управишься? А что вшѣ-то много, такъ, вѣдь, она и на курахъ водится, не то, что на человѣкѣ: разя ее выведешь?»

«Кромѣ постоянной темноты и копоти, хата кипитъ клопами, тараканами, а лѣтомъ еще и мухами въ огромномъ количествѣ, подъ печкой живутъ куры, подъ лавкой двѣ овцы съ ягнятами, подъ полатями свиньи; все это тутъ пьетъ, ёстъ и испражняется на земляной поль, покрытый гнилой соломой, подъ которой, при каждомъ шагѣ, хлябаетъ вонючая жижа».

При подобной обстановкѣ, въ бѣдныхъ семьяхъ, трудно что-ни-

будь сдѣлать и при желаніи принести облегченіе больному и умѣніи оказать ему помощь. «Нѣть ни постели, куда бы положить больного,—характеризуетъ такую обстановку одинъ изъ врачей, боровшихся съ послѣдней холерой,—ни чистаго бѣлья, ни самовара, ни бутылокъ, ни посуды, куда бы хоть собирать изверженія, не всегда найдешь даже горячей воды въ чугунѣ, особенно ночью» (Воронежская г. и у.).

Но едва ли не чаще, чѣмъ отъ деревенской обстановки и быта, плохой уходъ за больными зависитъ отъ отсутствія умѣнія. Въ лучшемъ случаѣ этотъ уходъ заключается въ томъ, чтобы подать больному воды или пищи, часто не разбирая, какой, помочь слѣзть съ печи на полъ, перемѣнить бѣлье, сходить за лекарствомъ на врачебный пунктъ, на барскій дворъ, или къ бабкѣ за наговоренной водой и т. п. Далѣе подобныхъ примитивныхъ услугъ деревенскій уходъ не идетъ, а если и идетъ, то крайне рѣдко и лишь въ видѣ исключеній. Такъ, мы не встрѣтили ни одного заявленія о томъ, чтобы при уходѣ за больными обращалось вниманіе на содржаніе его въ чистотѣ, на постель, на возможность и предупрежденіе пролежней, на чистоту воздуха, на умѣніе переложить больного, перевязать его раны и т. п. Напротивъ, какъ типическую характеристику ухода за деревенскими больными, нужно признать заявленіе одного изъ сотрудниковъ (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), что крестьяне, по невѣжеству своему, ухаживаютъ за больными плохо, держать грязно, воздухъ не очищаютъ. Насколько народъ лишенъ часто самыхъ элементарныхъ знаній по части ухода за больными, показываетъ его небрежное отношеніе къ дѣтскимъ заболѣваніямъ. При скарлатинѣ, часто еще въ періодѣ шелушенія, не только выпускаютъ ребятъ на улицу босикомъ, но даже посылаютъ ихъ купаться, вслѣдствіе чего осложненіе этой болѣзни воспаленіемъ почекъ дѣлается почти обычнымъ явлениемъ (Данилов., Любим., Р.-Борисогл. и Пощехон. уу. Ярославской губ.).

Примитивность понятій народа объ уходѣ за больными дѣтьми доходитъ до того, что при той же скарлатинѣ, стѣ цѣлью уменьшения жара, нѣкоторые матери выносятъ дѣтей неодѣтыми на улицу и держать на рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не остынутъ (Болховск. у. Орловск. г.). Вотъ почему небрежность и неумѣлость ухода за больными дѣтьми способствуютъ увеличенію смертности среди дѣтей, и ихъ немало гибнетъ даже отъ такой безобидной, при известныхъ предосторожностяхъ, болѣзни, какъ корь (Тихвинск. у. Новгородск. г.. Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.).

Всѣ эти обстоятельства: слабое развитіе понятій о дізтѣ, примитивность и неумѣлость ухода за больными и часто фактическая невозможность примѣнить его при извѣстныхъ условіяхъ быта и обстановки, увеличивая въ извѣстныхъ предѣлахъ деревенскую смертность, создаютъ въ то же время сильный и трудно устранимый тормазъ для правильнаго развитія земской медицины¹⁾.

¹⁾ Въ цѣляхъ ухода за больными, возможно и было бы практически полезно образованіе персонала особыхъ деревенскихъ сестеръ милосердія, контингентомъ которыхъ могли бы служить разныя одиночки, сироты, бездѣтныя вдовы, такъ называемыя чернички и пр., которыхъ очень немало въ нашихъ деревняхъ. Если бы ихъ, напр., въ теченіе года, выдерживать при земскихъ больницахъ, въ качествѣ сидѣлокъ, и сообщать имъ элементарныя свѣдѣнія по части дізты, чистоты содержанія ранъ и язвъ, научить, какъ остановить простое кровотеченіе, сдѣлать несложную перевязку, наложить компрессъ, поставить горчичникъ или клистиръ, сообщить свѣдѣнія о томъ, въ какихъ случаяхъ положить ледъ на голову и т. п.—то этотъ контингентъ лицъ бытъ бы пригоденъ не только для ухода за больными, но и для подачи первоначальной разумной медицинской помощи въ деревнѣ, хотя бы въ той мѣрѣ, какъ она, въ видѣ домашней медицины, примѣняется въ средней культурной семье. Такимъ образомъ, это была бы та первичная ячейка—проводникъ элементарныхъ и вмѣстѣ практическихъ и рациональныхъ знаній въ народъ, которая хотя отчасти связала бы деревню и врача. При существованіи персонала деревенскихъ сестеръ милосердія, могла бы выиграть какъ стационарная, такъ и амбулаторная помощь во время разѣздовъ врачей по участкамъ. Сестры могли бы давать разумные совѣты по отправкѣ больныхъ въ больницы, а во время разѣздовъ врачей могли бы получать наставленія, что онѣ должны дѣлать съ больнымъ до слѣдующаго приѣзда врача или фельдшера.

Мысль объ учрежденіи института деревенскихъ сестеръ милосердія, высказывавшаяся уже не разъ, очень проста и практически легко осуществима. Для ея осуществленія потребуется очень немного средствъ, необходимъ только разумный выборъ лицъ и простое, практически поставленное обученіе.

VI. Классификация и симптомы болѣзней.

Группировка и общія названія болѣзней.

Въ основѣ народной классификациіи болѣзней лежать почти исключительно ихъ симптомы и отчасти тѣ причины, которыми, съ точки зрењія крестьянъ, обусловливается ихъ происхожденіе. Благодаря этому, группировка болѣзней и самыя ихъ названія получаются въ высшей степени неопределенный и общій характеръ, очень часто обнимая собой заболѣванія, по своему существу, совершенно разнородныя. Наиболѣе частое и несложное подраздѣленіе ихъ на простуду, грыжу, натугу, ломъ, кашель, одышку, порчу, слазъ и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ, упрощается и дѣлается еще того менѣе сложнымъ. Иногда болѣзни группируются только на два разряда: на такія, которыя происходятъ отъ притки, и тѣ, которыя зависятъ отъ глаза. Не менѣе просто и другое ихъ подраздѣленіе: съ глазу или отъ бѣса. Первые болѣзни болѣе легкія, вторыя—тѣжелѣе и требуютъ болѣе сложнаго лечения (Пензенск. г.). Не многимъ шире классификація, которой придерживаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губ., где всѣ болѣзни называются: притка, хворь, болячка, а эпидемическія—моръ. Большой широтой отличается также опредѣленіе, которое дается въ Новгородской губ. болѣзнямъ, случающимся въ дорогѣ: всѣ онѣ называются «встрѣшными». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской г. (Ростовск. у.) для болѣзней установлена совсѣмъ особаго рода группировка. По этой классификациіи, болѣзни бываютъ съ простуды, натуги и привязанныя, напускныя. Эти послѣднія раздѣляются, въ свою очередь, на простыя и разсыпныя, уѣздныя и заграничныя. Простая болѣзнь

ограничивается однимъ мѣстомъ, а разсыпная, напр., принимающая форму какой-нибудь сыпи, расходится по всему тѣлу. Уѣздная болѣзнь можетъ быть отговорена заговорщикомъ своего уѣзда, а при заграничной непремѣнно требуется помощь заговорщика изъ другого уѣзда или даже губерніи. Нерѣдко болѣзни подраздѣляются на двѣ такихъ обширныхъ группы, какъ болѣзни смертныя и несмертныя. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ это послѣднее подраздѣленіе, выражающее собою высшую степень пассивности русского человѣка, имѣеть точно опредѣленный смыслъ и значеніе: если болѣзнь «не къ смерти», то больной можетъ и выздоровѣть, а при болѣзни «къ смерти» отговорить, а, тѣмъ болѣе, излечить ее никто не въ состояніи и больной долженъ умереть.

Изъ всѣхъ общихъ названій, на которыя группируются болѣзни, сравнительно болѣшею опредѣленностью отличается почти общепринятый терминъ «горячка». Но и это опредѣленіе, будучи вполнѣ симптоматическимъ, обнимаетъ собою, въ строгомъ смыслѣ, не однѣ только формы тифовъ, но и другія заболѣванія съ повышенной t^0 , напр., крупозное воспаленіе легкихъ. Такъ какъ терминъ «горячка» является выраженіемъ только одного изъ наиболѣе бросающихся въ глаза симптомовъ этой болѣзни, повышенной t^0 , и такъ какъ однѣ формы тифовъ имѣютъ наклонность протекать при очень высокихъ температурахъ, другія же нерѣдко сопровождаются t^0 очень умѣренной, то отсюда становится понятной та градація названій которая въ различныхъ мѣстностяхъ существуютъ для обозначенія этой болѣзни. Въ то время, какъ въ иѣкоторыхъ мѣстахъ горячка называется огневицей (Владимирск. и Волог. гг.), въ другихъ, напр., въ Вятской, она называется просто «полежка» и приближается къ названию «лежка», которымъ въ Новоладожскомъ у—дѣ (С.-Петерб. г.) обозначаются уже хроническія болѣзни. Въ другихъ случаяхъ наиболѣе поражающимъ обстоятельствомъ оказывается огромность и массовый характеръ заболѣваній и, вотъ, при существованіи когда-то крѣпкой вѣры въ стихійность ихъ происхожденія, создается общераспространенное слово «повѣтріе», «повѣтрница», измѣняющаяся и принимающая и другія названія: пошерсть (Новгор. г.)¹⁾, повируха (Волог. г.), пошавка (Орловск. г.) и т. д. Подъ вліяніемъ же высокой смертности, свойственной многимъ эпидеміямъ тифовъ и другихъ инфекціонныхъ заболѣваній, создается знаменитое въ русскихъ лѣтописяхъ слово «моръ»,

¹⁾ Отъ слова «шерстить».

которое для обозначения эпидемических болезней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удерживается и до сихъ поръ, въ другихъ же принимается измененное название «помоура» (Вологодск. г.).

Большой размахъ простонародной мысли оказывается въ наклонности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обозначать болѣзни прямо по тѣмъ органамъ и частямъ тѣла, къ которымъ они относятся, и, такимъ образомъ, какъ бы совмѣщать всѣ болѣзни данного органа въ одну. Помимо общераспространенныхъ выражений—болѣть или маяться головой, грудью, животомъ, глазами и пр., во многихъ мѣстахъ существуютъ нѣкоторые специальные названія для обозначенія такихъ заболеваній. Таковы, напр., названія «горлянка», «горлоуха, обнимающія всѣ горловыя болѣзни, а также дифтеритъ и скарлатину; «головникъ»—головная боль, соединенная съ гноетеченіемъ изъ ушей и экземой у дѣтей, «матошникъ»—название чуть ли не для всѣхъ женскихъ болѣзней и др.

Частные названія болѣзней, относящіяся къ отдельнымъ органамъ, носятъ не менѣе общей и также вполнѣ симптоматической и причинный характеръ. При совершенномъ отсутствіи самыхъ элементарныхъ знаній по части устройства человѣческаго организма и его хотя бы главнѣйшихъ физиологическихъ отправлений, народъ не различаетъ даже страданій такихъ органовъ, какъ желудокъ и кишечникъ, сердце, легкія и мочевой пузырь. Изъ болѣзней желудочно-кишечного тракта существуетъ только боль подъ ложечкой, «окормъ», изжога, или, какъ говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «жгота сердца», и, кроме боли живота, грыжи или грызи¹⁾, еще глисты, поносъ и запоръ. Болѣзни легкихъ и сердца исчерпываются кашлемъ, удушьемъ, колотьемъ въ бокахъ или груди, одышкой, или «опыникой» и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ «біеніемъ сердца», съ понятіемъ же о чахоткѣ соединяются не какія-либо опредѣленныя представленія обѣ извѣстномъ легочномъ заболѣваніи, а часто за чахотку принимаются и многія другія внутреннія болѣзни, въ особенности соединенные съ исхуданіемъ. Изъ болѣзней мочеполового аппарата извѣстны только недержаніе мочи, запоръ мочи или, какъ иногда говорятъ, «запоръ въ мочѣ», каменная болѣзнь²⁾ и изрѣдка «течь»—трипперъ, безъ какого-либо указанія на его заранее.

¹⁾ Въ Порховск. у. Исковск. г.—«грысть», или «прогрысть».

²⁾ Название «каменная болѣзнь» можетъ считаться самостоятельнымъ народнымъ опредѣленіемъ, вслѣдствіе возможности наблюдать выдѣленіе, у страдающихъ этимъ болѣзнью, мелкихъ камешковъ透过 mочеиспускательный каналъ.

зительность. Вполнѣ симптоматическое значение имѣютъ также названія желтухи и водянки, или «водяной». Хотя нѣкоторыя названія болѣзней, напр. холера, лихорадка, золотуха, цынга, имѣютъ опредѣленное значеніе, но лихорадкой часто называется всякий знобъ, за золотуху принимаются всевозможныя сыпи и даже сифилисъ, а съ цынгой соединяется ионятіе не о разстройствѣ питанія тканей и наклонности къ кровотеченіямъ, а часто, какъ воин изо рта. Вполнѣ опредѣленный характеръ носятъ названія—«падучая» и «кликъ»—нервное заболѣваніе, свойственное исключительно русской деревенской женщинѣ.

Не сложна и немногочисленна номенклатура также хирургическихъ заболѣваній. Крестьяне различаютъ ушибъ, переломъ, «свишку», или вывихъ,—послѣдній, правда, больше по названію. Рѣзаныя или рубленыя раны всего чаще опредѣляются, какъ пѣрѣзъ, посѣкъ, ожоги, безъ различія степеней, обозначаются по причинамъ ихъ происхожденія—«пожогъ», «обварилъ», а про нарывы на кисти и пальцахъ обыкновенно говорятъ — нажаль, намяль, натрудилъ. Язвы, часто даже сифилитическія, нерѣдко относятъ къ простудѣ и говорятъ: простуда наружу выступила или «повылѣзла». Совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ классическая киля, обнимающія собою какъ всевозможного происхожденія абсцессы на поверхности тѣла, такъ и новообразованія, а иногда и грыжи. Далѣе слѣдуютъ: ракъ, бородавки, дикое мясо¹⁾, чирьи и желви, или желваки—названія, которыми опредѣляются всѣ увеличенныя железы. Какихъ-либо частныхъ названій, опредѣляющихъ заболѣванія суставовъ, нѣть совсѣмъ; многія изъ нихъ, а также заболѣванія костей опредѣляются всесичерпывающимъ словомъ «ломъ», ломота или ломота «несусвѣтная», а каріозное пораженіе костей всего чаще—словомъ волосъ или «олосень». Если прибавить къ этимъ болѣзнямъ грудницу, которой часто называется не только воспаленіе грудной желѣзы, но и другія пораженія грудей и сосковъ,—рожу, антоновъ огонь, грыжу въ анатомическомъ смыслѣ этого слова и грыжу, часто какъ воспаленіе придатка яичекъ у мужчинъ, то будетъ исчерпана почти вполнѣ классификація чисто хирургическихъ заболѣваній. Изъ болѣзней носа известны только двѣ: это, когда носомъ кровь идетъ и когда ность «заложило» — насморкъ, а изъ болѣзней горла чуть ли не одна общераспространенная «жабка». зубная же боль трактуется безъ всякаго отноше-

1) Чрезмѣрное развитіе грануляцій.

нія къ каріозному пораженю зубовъ или воспалительнымъ процесамъ¹⁾). Изъ сыпей различаются чесотка, лишай, круги, огникъ, прыщи, коросты и т. п. Соответственно послѣднему названію, на русскомъ народномъ языкѣ существует даже специальный глаголь—«окоростевѣть».

Изъ глазныхъ болѣзней общепринятъ терминъ «куриная слѣпота», или слѣпотка, темная вода (темная вода «подступила»), «переломъ» (язвы роговицы), бѣльма, ячмень, писъякъ. Многія глазныя заболѣванія, совершенно неопределимыя съ точки зрѣнія крестьянской діагностики, просто выражаются—«ломъ въ глазахъ», болѣть или гноятся глаза.

Женскія болѣзни, помимо анатомического определенія «матошная», «женская», нерѣдко также подводятся подъ общую рубрику болѣзней живота. Выраженіе «маяться» животомъ часто захватываетъ и женскую половую сферу. Большимъ распространениемъ пользуется также очень широкій терминъ, обнимающій всевозможныя женскія заболѣванія—«опущеніе матки или живота», противъ которого такой словой пользуются «подъемные капли»²⁾). «Тяжелые роды» исчерпываютъ собою всѣ понятія о неправильности родовъ.

Изъ специально дѣтскихъ болѣзней общую известностью пользуется оспа, корь или «корюха», коклюшъ, иногда дифтеритъ; скарлатина рѣже известна подъ своимъ собственнымъ именемъ, а чаще, какъ горлянка. Извѣстны также молочница, родимецъ, «припадокъ», собачья старость, зубищи, порастуньки (недомоганіе дѣтей къ росту), «младенческое», крикъ, испугъ и т. п.

Мѣстныя названія болѣзней.

При такой общей и слишкомъ неопределенной классификаціи вполнѣ понятными являются тѣ дополненія, какія внесли по отношенію къ ней различныя мѣстности, въ видѣ своихъ, чисто мѣстныхъ названій болѣзней. Сохраняя общую основу, вариаціи ихъ отличаются большими разнообразіемъ и въ значительной степени расширяютъ и уясняютъ смыслъ многихъ общепринятыхъ названій. Насморкъ принимаетъ название—чехъ (Орловск. г.), насмѣка и начмѣха (Новгородск. г.), кашель называется перхуй³⁾ (Калужск. г.), кашель съ одышкой—«нутрецъ», а упорный кашель съ мокротой—

¹⁾ Рѣшительно неѣть ни одного указанія, что-бы крестьянами придавалось какоенибудь значение чистотѣ зубовъ и производилось мытье рта.

²⁾ Киндербальзамъ.

³⁾ Перхать—кашлять.

«харкъ» (Волог. г.). Головные боли, имеющиеся характер мигрени, называются головной чумеръ или цимеръ (Орловск. г.), невралгическая боль нижнеглазничного нерва «скуло» (Смоленск. г.), межреберная невралгическая боли, а также боли, сопровождающие воспаление плевры и легкихъ — усовья, усовье, усовъ (Орловск. и Новгородск. гг.), чахотка же легкихъ иногда носить название холодянки. Поносъ, отъ слова чрево или черево, называется иногда червуха (Волог. г.), «черевунья» или «черевуха» (Новг. г.), гнетучка, заметуха (Орловск. г.), мыть (Волог. г.), а также «вихлецъ»¹⁾. Запоръ, если онъ продолжительный, превращается въ запорище, желтуха называется желтетка (Калужск. г.), а глисты очень часто — лентовикъ. Существуютъ также названия брюшной и поясничный чумеръ, утинъ или утюнь — боль, имеющая своимъ происхождениемъ срываніе пупа, чересленница — различные гастральные боли, полевой опоръ или просто опоръ — поясничные боли (Вологодск., Новгородск., Орловск. и Пензенск. гг.). Послѣднее заболеваніе въ Зарайскомъ у. (Рязан. г.) носить также название «пострѣль», а боли и ломота во всемъ тѣлѣ — разстрѣль, костоломъ, костоломище (Новг. г.). Особеннымъ изобилиемъ названий отличается лихорадка. Всѣ названия ея стоять въ зависимости или отъ воображаемыхъ причинъ болѣзни, времени года, къ которому относится ея возникновеніе, или имеютъ чисто симптоматическое значение. Лихорадка, известная часто подъ кличкой сестры или сестрицы, называется иногда и теткой, лихоманкой, комохой или кумохой (Вятск., Ярославск., Владим. и Волог. гг.), кумошницей (Нижегородск. г.), вѣшницей, ворогушей, кашлюней, знобихой, осеннихой, гнетухой, гнетеницей, трясухой, трясучкой, трясовицей и пр. (Новгород., Костромск., Орловск. и Симбирск. гг.). Такія общія названия, какъ озыкъ, уроки, всего чаще опредѣляющія первную натуру заболѣваній, относятся иногда также и къ легкимъ лихорадочнымъ формамъ неопределеннаго характера. Порча и кликъ — названія для различныхъ формъ истеріи — примѣняются въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ эпилепсіи, въ другихъ же случаяхъ эта послѣдняя нерѣдко называется «черная болѣзнь» или «смертельный припадокъ» (Тверск. г.). Простой обморокъ называется всего чаще «омракъ», параличъ — проликъ (Калужск. г.), а импотенція — невстаючка (Орловск. г.) или нестоиха (Яросл. губ.).

Поражающимъ обстоятельствомъ является то, что въ номенкла-

¹⁾ См. I-ю главу, стр. 15.

туръ хирургическихъ заболеваній, болѣе доступныхъ для объективнаго наблюденія, не менѣе часто, чѣмъ въ другихъ, сказывается суевѣрный характеръ названій и обнаруживается ихъ крайняя примитивность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губ. ушибъ, въ смыслѣ его сверхъестественной случайности, называется уразъ или уроzъ (Вельск. у.), а въ Новгородской губ. всѣ травматическія поврежденія, случившіяся внезапнымъ и страннымъ образомъ, мѣстами называются «доспѣшка», притка, «прикосъ», «поглумъ» (дер. Коротнево и Чаево, Череповецк. у.). Начальная причина ихъ приписывается участію нечистой силы: «поглумилось, доспѣлось»,— говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Грудницу въ Карабашскомъ у. (Орлов. губ.) опредѣляютъ, какъ «подшутъ», а нарывъ на пальцѣ называютъ «лихой». Воспаленіе лимфатическихъ желѣзъ подъ мышкой называютъ иногда, не въ смыслѣ сравненія только, но, въ смыслѣ намека на причину происхожденія сучье вымя и «сучьи сиськи», почему и лечать это заболѣваніе при пари-ваніемъ хлѣбного мякиша, отдаваемаго собакѣ (Саратовск. и Смоленск. гг.). Острый суставной ревматизмъ въ Кадниковѣ—мѣ. у. (Волог. г.) называется «витряной переломъ»¹⁾ и лечать его исключи-тельно у захарей суевѣрными средствами. Подобными же названіями «вѣтреница», «литячка», огникъ или летучій огонь—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Новгор. и Казанск. гг.) окрещиваются сыни на лицѣ и лечать ихъ иногда прижиганіемъ огнемъ, высѣкаемымъ кремнемъ (Саратовск. г.). Нѣкоторая пустулезныя сыпи новгородцы называютъ—ночной щипокъ, ночники, а бородавкамъ вятичи ча-сто даютъ название «щипицы». Орловскіе «круги», развивающіеся послѣ перехода черезъ собачьи или лошадиные каталища, полу-чили почти общую извѣстность. Таинственнымъ названіемъ пользуются также нѣкоторая опухоли: суставной и сухожильный ган-глонъ нерѣдко зовется—могильная косточка или навыя кость (Вятск. и Орловск. гг.).

Нерѣдко источникомъ названій болѣзней являются обстоятельства, при которыхъ происходятъ полученные заболѣванія. Сюда принадлежатъ «наджада» (Вятск. г.), или общераспространенная надсада, «захватъ рукъ»—отечная припухлость кистей ихъ, какъ явленіе дерматита, развивающагося во время жатвы, въ сильную жару, «нажимъ»—твердая мозоль, «отерь»—ссадины на ногахъ и

¹⁾ Въ этомъ названіи, кромѣ суевѣрнаго, можно усмотрѣть сравненіе суставной ревматической боли съ той болью, какая бываетъ при переломахъ.

т. п. (Волог. и Новгородск. гг.). Иногда для обозначения болезни берутся самые простые и примитивные сравнения. Такимъ образомъ произошли: «ворони сапоги»—трещины на ступнѣ (Волог. г.), «лягушки» или матежи—пятна на лицѣ беременныхъ, пильки—пузырьки *herpes labialis* (Саратов. г.), баринъ—чирей¹⁾ и всякий большой нарывъ, брусица—воспаленіе грудной железы у женщины (Ярославск. г.), норицы—углубленная язва на ногахъ и жолви—множественные чири (Волог. г.). Въ другихъ случаяхъ, въ основу такихъ мѣстныхъ названій кладется какой-нибудь бросающійся въ глаза симптомъ и признакъ, напр., «расперецъ» (въ Саратовской г.)—воспалительная припухлость и нарывъ между пальцами, образующій межпальцевое выпячиваніе, гнилецъ—омертвѣніе, непроступы—уколы безъ кровоизліяній (Волог. г.), извѣстный уже намъ скрыпунъ или скрыпушка, профессиональная болезнь кузнецовъ, слесарей, косцовъ, жнецовъ и мяльщицъ льна и т. п. Килы, по вѣнчнимъ признакамъ, мѣсту и времени образованія, въ некоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. раздѣляются на кожныя, костяныя, каменныя и годовалыя. Существуютъ также такіятопографическія названія, какъ заноготница или ноговидица (ногтоѣда), закожникъ—фурункуль, костовикъ или косторывъ²⁾, такія странныя и неопределенные, какъ «нырокъ»—название, то употребляющееся для обозначенія ракового новообразованія (Новгор. г.), то аналогичное костоѣдъ (Ярославск. г.); болоно, болонья (добропачественные опухоли), вализна—воспаленіе подкожной клѣтчатки, недужницы, натужницы—множественные чири (Новгор. г.) и kostеникъ—болезни полости рта (Вятск. г.).

Большимъ обилиемъ мѣстныхъ названій пользуется чесотка. Свороба, своробъ, своробокъ, свербячка, почесуха, нечистице, нуда, зудха, зудиха, почесули, почесульки, почесуньки и т. д. (Вятск., Волог. и Новгородск. гг.)—всѣ эти названія указываютъ, какимъ распространениемъ пользуется эта болезнь и какія непріятности причиняетъ она русскому мужику. Сифилисъ—то носить общее и распространенное название—худая, дурная, секретная боль, то по-тайная (Смоленск. г.), то тифлисъ (Новгородск. г.), татарская осна (Вятск. г.), коледа (Вологод. г.),—то просто, особенно третичная

¹⁾ Вѣроятно, такое название дано чирию вслѣдствіе сильной болѣзnenности при дотрогиваніи.

²⁾ Костоѣда.

формы—«простуда». Собачье бѣшенство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской г. называется «шаль».

Мѣстные названія женскихъ заболѣваній относятся главнымъ образомъ къ разстройству мѣсячныхъ. Частая и продолжительная менструаціи мѣстами въ Вятской г. зовутъ «безвременное», обильная болѣзненная менструаціи—мѣсячный переломъ (Новгородск. г.), а отсутствіе мѣсячныхъ—закрытіе или «затвореніе кровей» (Костромск. г.) и «заносище» (Новгород. г.). Словомъ «краски» иногда называются нормальная «регулы» (Орловск. г.), иногда же онѣ аналогичны съ словомъ «рѣзливъ» и обозначаютъ маточное кровотеченіе, которое въ Спасскомъ у. (Казан. г.) называется «кроводушіе». Очень странное название носитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. кликушество—«напущенная зябель».

Въ основѣ мѣстныхъ названій дѣтскихъ заболѣваній почти всецѣло лежать суевѣрныя представленія о происхожденіи болѣзней и неопределенные, общіе и ничего не выражаютъ признаки, какъ слѣдствіе невозможности пользоваться для цѣлей распознаванія болѣзней субъективными указаніями ребенка. Такой суевѣрный характеръ имѣютъ названія дѣтской эклампсіи (родимчика)¹⁾: смиренецъ, смиренчикъ, тихонькой, родимый, «свое» (Новгородск. и Орловск. гг.). Такой же характеръ носитъ название «тирењкій», особаго свойства младенческій духъ, криксы и ревунъ (Калужск. и Орловск. гг.). Таинственное и загадочное происхожденіе имѣютъ также щетинка (Вятск. и Новгородск. гг.), щеть (Рязанск. г.), щекотунъ (Владимирск. г.), ношникъ (Вологодск. г.), нощница (Смоленск. г.) и полунощница—бессонница у грудныхъ дѣтей, повидимому, здоровыхъ (Новгородск. г.). Не малой примитивностью отличаются нерѣдко употребляющіяся названія «замай» — разстройство пищеваренія и «захватъ» — задержаніе мочи у дѣтей. Имѣется также очень много мѣстныхъ названій для обозначенія англійской болѣзни: дѣтская сухота, или собачья старость, со бачья хиль, супень, сухотка, сушецъ, стѣнь, сѣдунъ (Пензенск. и Орловск. гг.) и пр. Словомъ «цвѣтъ» — иногда обозначаются острыя сыпи у ребенка (Владимирск. г.), а иногда — молочница или молошинка (Новгородск. г.), корь называется кориха, кериха (Вологодск. г.), корюха или корюшка, оспа—корявая болѣзнь (Пензенск. г.), воспица или бобушка. Мѣстная терминология болѣзней,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодского у. родимчикомъ называется и падучая болѣзнь.

почти всегда своеобразная и прихотливая, иногда расходится не только съ научной, но и общепринятой народной. Таково, напр., название — сибирская язва или сибирка, терминъ, казалось бы, вполне установившійся и общепринятый. Несмотря на это, въ некоторыхъ мѣстахъ (Саратовск. г.) сибиркой называются и простудные, и инфекціонныя, и многія другія болѣзни. Заболить у кого-нибудь горло, говорять — сибирка и всякий маленький прыщикъ считается также за сибирку.

Народной симптоматології, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ, такъ какъ названія болѣзней, въ большинствѣ случаевъ, почти всецѣло исчерпываются въ то же время и ихъ симптомы. Народная симптоматология можетъ быть рассматриваема только какъ совокупность тѣхъ своеобразныхъ выражений, которыми народъ опредѣляетъ свои ненормальные ощущенія и характеризуетъ тѣ или другія болѣзненные явленія. Представляя интересъ съ точки зрѣнія способности мужика анализировать свои ощущенія, всѣ эти опредѣленія отличаются большой субъективностью, объективность же ихъ почти всегда имѣетъ суевѣрный источникъ.

Определение
симптомовъ
и болѣзнен-
ныхъ ощуще-
ній.

Прежде всего, заслуживаютъ вниманія общія опредѣленія болѣзненного состоянія. Очень часто самое понятіе болѣзнь выражается словомъ «боль»: женская, дурная боль, боль нашла, напала, часто говоритъ народъ; имѣя же въ виду выразить ощущеніе боли, вмѣсто «болитъ», онъ нерѣдко говоритъ — зну́дить» (Тверск. и Псковск. гг.). Такою же гражданственностью, для выражения понятія болѣзни, пользуется слово недугъ: недужится, за-недужилъ, говорить про заболѣвшаго, а иногда говорить «затосковалъ» (Вологодск. г.). Говорятъ также, опредѣляя однимъ словомъ и этіологію, и симптомы заболѣванія — испуганъ, измѣшанъ, изурочили, сглазили (Вятск. г.), а иногда вмѣсто — сглазилъ — говорить — озепиль (Ярославск. г.), или азанулъ (Пензенск. г.). Въ глазахъ мужика каждое изъ этихъ выражений въ состояніи представить комплексъ всѣхъ симптомовъ извѣстного заболѣванія. «Надуло» — выраженіе для обозначенія всевозможныхъ болѣзненныхъ явленій, распространено почти повсюду и не среди только одного простого народа.

Такимъ же значеніемъ, объясняющимъ картину болѣзни, пользуются выраженія вступить, напасть и войти. — «Такъ, вотъ, сразу и вступило», «напала хворь», «вошла боль», — объясняетъ мужикъ свое заболѣваніе.

То, что такимъ образомъ вступаетъ, можетъ по произволу и «кидаться», куда ему угодно.—«Боль кинулась въ руки, ноги, а опухъ кинулся въ лицо»,—говорятъ при отекахъ.

Также кидается въ то или другое мѣсто простуда и можетъ уйти внутрь или выйти наружу.—«Простуда наружу повылѣзла»,— говорятъ про хроническія сыпи и язвы или, съ нѣкоторымъ со мнѣніемъ и осторожностью, ставятъ вопросъ: «не простуда ли выступаетъ?» Подобныя же выраженія употребляются и по отношенію къ другимъ заболѣваніямъ. «Корь напалъ¹⁾», сыпь похоронилась, въ нутро ушла»,—выражаются деревенскіе діагности, имѣя дѣло съ коревымъ болѣніемъ въ различные періоды болѣзни.

Такой же смыслъ, какъ кинуться и напасть, имѣеть и выраженіе «разбить».—«Всего разбило»,—жалуется мужикъ, опредѣляя этимъ и мышечныя боли, и тяжелое общее чувство при инфлюэнцѣ и при тифѣ.—«Разбилъ параличъ»,—говорить не одинъ только простой народъ, а въ Орловской г., яснѣ и ближе къ первоисточнику, выражаются такъ: «проликъ разбилъ всего въ плохой часть».

Будучи послѣдовательнымъ, мужикъ въ такомъ же значеніи употребляетъ и слово бросить.—«Боль отстала, лихорадка бросила,—говорятъ обѣ окончаніи болѣзни и также выражаются при поносѣ:—«пронесеть, такъ останеть».

Процессъ выздоровленія больного иногда опредѣляютъ словомъ подниматься, обмогаться, или отдыхать, а исходаніе часто обозначаютъ словомъ «исходить»: стать исходить, значитъ, стать сильно худѣть.

Есть также особья выраженія для опредѣленія смерти. У кого умираютъ дѣти, про тѣхъ иногда говорятъ: «у нихъ дѣти не стоять» (Пензенск. г.). Про умершаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской г. говорятъ — «далъ дубу», а въ Вологодской г. покойника называютъ «головой»: голова въ домѣ—это покойникъ въ домѣ.

На народномъ языкѣ есть также немало названій, опредѣляющихъ тѣ или другіе органы человѣческаго тѣла. Нерѣдко кровь называется рудой, кожа—шкурой, яичко получаетъ название луно или ядро, шулята—шульники, а яичники—золотники. Впрочемъ, послѣднее название нерѣдко присвоивается всему внутреннему половому аппарату женщины, почему, говоря о родильницахъ и имѣя въ виду

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгор—ой г. одно изъ злыхъ пожеланій формулируется такъ: «родимецъ на тебя накати».

матку, обыкновенно выражаются: «золотникъ сталъ на мѣсто». Выкидыши въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовется «бѣгунокъ» (Калужск. г.), а дѣтское мѣсто (Волог. губ.)—«постелька», имѣющая близкую связь съ той «сорочкой», въ которой рождаются счастливыя дѣти. Животъ зовется часто утробой, а желудокъ брюховицей (Саратовск. г.), большеберцовая кость называется «сухой» (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), ступня лопаточкой (Тверск. губ.), язычекъ колокольчикомъ (Смоленск. г.), зрачекъ — очерко (Новгородск. г.) и т. п. На всѣхъ подобныхъ названіяхъ лежитъ отпечатокъ большой непосредственности и полное отсутствіе ихъ физіологического или анатомического смысла и значенія.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что на мѣстѣ желудка народъ помѣщаетъ сердце и всѣ ненормальныя ощущенія въ области желудка считаетъ симптомами сердечнаго происхожденія: сердце сосетъ или ссетъ, жжетъ, горитъ, щемитъ, колетъ, ноетъ, тошнить, нарывается. Вообще, сердце является излюбленнымъ органомъ, къ которому относятся всевозможныя ненормальныя ощущенія: тоска на сердцѣ, жгота сердца, сердце схватило, подъ сердце подкатываетъ, инда сердце оторвалось и т. п.—«Схвати тамъ чтой-то за сердце, ну, вотъ, держить, точно костицами, да и шабашъ»,—такъ реально опредѣляетъ иногда мужикъ острыя боли въ желудкѣ. Отъ сердца одинъ шагъ до души и мужикъ дѣлаетъ его совершенно свободно, нерѣдко говоря: «на душѣ моркотно, душа не принимаетъ, съ души претъ, съ души сорвало».

«—Дыханье вовсе сперло, вздохъ тяжелый, нѣтъ моего дыханія, никакъ духу не переведу, осталось разъ дыхнуть или—разу дыхнуть не могу, заложило грудь, въ боку, какъ ножомъ, пореть,—въ такихъ выраженіяхъ опредѣляетъ обыкновенно мужикъ тотъ или другой характеръ болѣй въ груди.

Не привыкши къ тонкостямъ самоощущенія, онъ выражаетъ симптомы иногда въ высшей степени грубо: «слюна тяговая, ежи (пищи) не пускаетъ»,—жалуется мужикъ при катаррѣ желудка.—«Насквозь несетъ, заявляетъ другой, державы никакай нѣть, видно, кишкі пропрѣли».—Иногда изображеніе болѣзненныхъ ощущеній въ высшей степени своеобразно и реально, хотя и страдаетъ въ то же время большой неопределеннѣстью.

Нерѣдко отъ деревенскихъ бабъ приходится слышать, что по нимъ, съ ногъ до живота, бѣгаютъ, точно лягушки, въ горлѣ стоитъ, точно хлопокъ, подъ сердце подкатываетъ, точно клубокъ, а отъ

мужика, что онъ «надралъ нутро», что въ головѣ у него, какъ колъ забить, ломить загризовъ и т. п.

Высшая степенькой чувствительности при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ опредѣляется часто выраженіемъ: «волоскомъ не даетъ дотронуться», сильная головная боль характеризуется выраженіемъ «даже мозги трещать», а чувство зноба опредѣляется словеніемъ, «какъ будто, кто насыпалъ снѣгу за спину». Простудныя болѣзни, сопровождающіяся жаромъ, опредѣляются иногда (Владимирск губ.) словомъ «калитъ»: «крѣпко калитъ, такъ и плить» (палитъ).

При болѣзняхъ половыхъ органовъ заявляется, что болитъ нижній членъ, низъ. «Низъ прѣбѣгъ», — говоритъ мужикъ про сифилитическія папулы, «низъ опустился», — заявляетъ онъ при воспаленіи придатка яичка, или «занемогъ исподомъ, болитъ исподъ» — опредѣляются мѣсто заболѣванія другіе.

При «замай»—болѣзняхъ живота у грудныхъ дѣтей — симптомы описываются: ребенокъ плачетъ, ножками скеть, яички укатываются въ нутро. Когда ребенокъ очень худѣетъ, про него говорятъ — «сдѣлался, какъ стѣнь», а хрипота у ребенка опредѣляется выраженіемъ «младенчикъ стоитъ». При глазныхъ болѣзняхъ процессъ образования помутнѣйшій роговицы выражается очень образно: «строжитъ, настрагало бѣльмо». — «Наядрило, прочинулось, пропрѣло», — часто говорятъ о вскрывшемся нарывѣ, или «пропрѣло до кости», — если имѣютъ дѣло съ костнымъ абсцессомъ. — «Жилка свихнулась, кость сошла или всталла на мѣсто», — симптоматизируютъ часто предполагаемый вывихъ. Внезапно помѣшавшагося характеризуютъ словами «мозги смѣшились съ кровью» (Калужск. г.), а состояніе умопомѣшательства иногда опредѣляютъ, какъ Божіе постыденіе (Владимирск. губ.). Иногда это областное опредѣленіе симптомовъ и болѣзненныхъ явлений до того своеобразно, что только съ большимъ трудомъ можетъ быть понято. При появленіи водянки живота (въ Новгородѣ губ.) иногда говорятъ: утроба или лицо «сбыло, сбываетъ», въ смыслѣ полноѣтъ, увеличивается. Тамъ же «утробой стыскаю», значитъ—страдаю, болю животомъ, а слово «крякость» обозначаетъ частые позывы на низъ, при натужномъ поносѣ.

Очень интересно, что нѣкоторые болѣзненные симптомы имѣютъ иногда календарное и метеорологическое значеніе. Такимъ значеніемъ, относительно предсказанія погоды, пользуются иногда головныя боли. — «Не надо и въ календарь смотрѣть, голова скажетъ», — увѣренно говорятъ про себя такие больные. Такое же значеніе имѣетъ иногда поясница-барометръ. Нѣкоторые по боли въ поясницѣ, за

сутки и болѣе, предсказываютъ дурную погоду: пѣтомъ — дождь, зимой — снѣгъ.

«— Скоро ли дождь будетъ?» — спрашиваютъ такого поясничаго прорицателя въ сухое время.

«— А не скоро — поясница молчитъ».

Въ другихъ же случаяхъ предсказатель опредѣленно говоритъ — «завтра задождитъ: еще вчера поясница скрипѣть стала».

Такой же славой въ предсказаніи погоды пользуются иногда «килуны» — лица, страдающія грыжей. Эта способность килуновъ предсказывать погоду создала даже особую поговорку: «кабы даль Богъ килу, такъ календарь къ порогу кинулъ».

Вопросъ объ исходѣ заболѣванія — совершенно естественный, имѣющій и практическое, и моральное значеніе. Стремленіе разрѣшить его въ каждомъ отдельномъ случаѣ заболѣванія создало своего рода народную прогнозику, т. е. искусство предсказанія въ болѣзняхъ. Эта прогнозика, почти исключительно касаясь только конечныхъ исходовъ заболѣванія, вопроса выздоровленія или смерти больного, лишь въ небольшомъ рядѣ случаевъ основывается на физическихъ и физиологическихъ признакахъ и почти всею своею тяжестью лежитъ на чисто суевѣрныхъ основахъ.

Народная
прогнозика

Народъ не могъ не замѣтить, какими могучими агентами здоровья являются сонъ и аппетитъ, и потому справедливо рѣшаетъ: если больной спить — къ выздоровленію. — «Слава Богу, — говорять бабы, — нонче наша Матрена сѣла огурчика: надо полагать, пойдетъ на поправку». Особенно хорошимъ признакомъ считается, когда больной просить хлѣба или щей и, напротивъ, очень плохимъ, когда желаетъ свеклы или меду. Не лишены извѣстной степени правильности также наблюденія надъ состояніемъ лица больного, на которомъ всего замѣтнѣе отражается упадокъ дѣятельности сердца. Если лицо больного приняло землистый оттенокъ, у него заостряется носъ, синѣютъ и холодѣютъ руки, то онъ скоро умретъ. Нѣкоторые изъ этихъ физиологическихъ наблюдений имѣютъ лишь относительное значеніе и могли выработать подъ влияниемъ только полной беспомощности народа въ медицинскомъ отношеніи. Таково, напр., наблюденіе, по которому судятъ о неизбѣжности смерти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шензенской губ.: если послѣ надавливанія пальцемъ на кожѣ больного остается ямочка, то онъ обязательно умретъ.

Когда нѣть въ наличности тѣхъ или другихъ признаковъ, по которымъ было бы можно судить объ исходѣ болѣзни, предприни-

маются прогностические опыты. Съ такою экспериментальною цѣлью даютъ иногда больному горячкой пить настой травы дубровки: если послѣ питья появится липкий потъ, съ тяжелымъ запахомъ, то больной непремѣнно умретъ, если же потъ будетъ обыкновенный, то больной выздоровѣеть (Ярославск. г.). Съ прогностической же цѣлью мажутъ лобъ больного медомъ и если медъ почернѣеть, то уѣшаютъ, что больной умретъ (Костромск. г.). Иногда такимъ прогностическимъ значеніемъ пользуются вши, которыя во множествѣ появляются на больномъ передъ его смертью, а иногда кошка: она охотно приходитъ спать къ больному, если онъ выздоровѣеть, и упорно отдаляется отъ него, если онъ умретъ (Волог. г.). Чуткимъ показателемъ смерти больного считается также собака, съ которой продолжается слѣдующій опытъ: между пальцами больного кладутъ сала отъ ветчины или, замѣшавъ густое ржаное тѣсто, обтираютъ имъ ноги больного, отъ подошвъ до колѣнъ. Въ обоихъ случаяхъ сало и тѣсто кидаютъ собакѣ: если она съѣсть брошенное, то больной будетъ живъ, а не съѣсть — умретъ (Новгород. г.)¹⁾. Интересна одна фантастическая пробы мочи, о которой сообщаетъ одинъ изъ нашихъ новгородскихъ сотрудниковъ. Больному съ вечера не даютъ пить и ёсть, а утромъ, на зарѣ, предлагаются помочиться въ склянку и смотрѣть: если въ мочѣ не видно отраженія человѣка, то больной скоро поправится; если отраженіе замѣтно внизу склянки, то болѣзнь будетъ хотя и продолжительная, но получить благопріятный исходъ, если же отраженіе замѣчается наверху склянки, то больной долженъ умереть. Исходъ болѣзни нерѣдко опредѣляется и по предчувствіямъ, и состоянію духа больного: если его синѣдаетъ и томитъ безпредметная тоска, то болѣзнь окончится смертью, если же настроеніе больного жизнерадостное, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ его выздоровленія (Калуж. губ.).

Но гораздо чаще предсказаніе основывается на чисто суевѣрныхъ признакахъ. Иногда для дурного предсказанія достаточно, если у кого-нибудь зачесется нерено: это «передъ головой» (Волог. г.). Въ другихъ случаяхъ предсказаніе это въ высшей степени фатально: если начало болѣзни падаетъ на четвергъ или субботу, то больному не встать съ постели и грозить неизбѣжная смерть (Вятск. г.). Если больной лежитъ больше лицомъ къ стѣнѣ, то умретъ (Владимирск. г.). Если онъ, послѣ долгаго лежанія, не-

¹⁾ Всѣ эти примѣты могутъ имѣть и свое физиологическое объясненіе.

рейдетъ или попросить перенести себя на другое мѣсто, напр., съ полатей на печь, то это тоже служитъ вѣрнымъ признакомъ его смерти (Калужск. г.). Если больной бредить и въ бреду высказываетъ, что онъ хочетъ домой, зоветъ уже умершаго человѣка, или въ безсознательномъ состояніи ощупываетъ свою одежду, постель, начинаетъ чистить пальцы, то все это дѣлаетъ передъ смертью (Смоленск. г.).

Большое значеніе имѣютъ сны больного. Если онъ увидитъ во снѣ, что у него выпалъ зубъ, выгѣзли на головѣ волосы, отвалился уголъ въ избѣ или выпало бревно изъ стѣны, то онъ умретъ. Если увидитъ во снѣ, что выздоровѣлъ, то будетъ долго болѣть. Если увидитъ себя вѣнчающимся, то умретъ, а если увидитъ во снѣ, что умеръ — выздоровѣетъ. Близкую же смерть обозначаютъ сны: увидѣть себя на новомъ мѣстѣ, строить новую хату или увидѣть покойныхъ родителей. «Родители мои, видно, соскучились обо мнѣ, зовутъ къ себѣ», — объясняетъ этотъ сонъ больной (Орловск., Пензенск. и Владим. гг.).

Совсѣмъ другое значеніе имѣеть увидѣть во снѣ женщинъ. Видѣть ихъ передъ болѣзнью, съ проявленіемъ доброго расположенія къ себѣ — значитъ, видѣть начало своей болѣзни, а видѣть ихъ во время болѣзни, съ угрозами и ругательствами по адресу больного и съ намѣреніемъ уйти отъ него — значитъ, видѣть конецъ болѣзни (Волог. г.). Такое же прогностическое значеніе имѣютъ и сны близкихъ родныхъ больного. Нехорошо, напримѣръ, увидѣть имъ во снѣ попа, крестъ, бѣлыхъ голубей, строящейся домъ, отдачу, про пажу или потерю какой-нибудь вещи. Также неблагопріятно для больного, если они увидятъ выпавшій зубъ, проносившійся лапоть и т. п. (Рязанск., Орловск. и др. гг.).

Не меньшее прогностическое значеніе придается нѣкоторымъ дѣйствіямъ животныхъ. Если собака играетъ съ лошадью или разбалуется кошка — это вѣрная примѣта, что больной выздоровѣетъ. Напротивъ, если собака роетъ землю и воетъ, обративши морду на хозяйствскую избу или по направлению къ церкви, кошка лежитъ подъ столомъ вверхъ ногами, скотина на дворѣ обнаруживаетъ безпричинное беспокойство — все это вѣрные признаки близкой смерти больного. Плохо также, если въ домѣ, гдѣ есть больной, залетить воробей или ласточка, закаркаетъ ворона или несвоевременно запоетъ иѣтухъ. Но особенно плохимъ и фатальнымъ признакомъ считается, если запоетъ иѣтухомъ курица.

Такое же прогностическое значеніе придается иногда нѣкото-

рымъ обстоятельствамъ, которыя, казалось бы, не могутъ имѣть ни малѣйшаго отношенія ни къ больному, ни къ его болѣзни. Вышла изъ горшка канка по направленію къ устью печки, образовалась, при печеніи, щель въ хлѣбѣ, треснула потолокъ, затрещали стѣны, столь, заскрипѣла балка, а особенно матица—все это предвестники близкой смерти больного (Пензенск., Калужск. и др. губ.). Такими же роковыми предвестниками являются странные и необъяснимые стуки, особенно въ полночное время.

«— Сидѣли мы разъ вечеромъ,—рассказываетъ про одинъ такой случай старуха-крестьянка,—потомъ легли всѣ спать, а мнѣ не спится, да и полно: тоска страшная приступила, но сердцу, точно кошки царапаютъ. Это, и лигу, и глаза скрою, а все не сплю, тошно и душу щемитъ; что-нибудь съ родными неладное дѣлается, думаю. Все же, забылась. Вдругъ, какъ застучитъ кто-то въ окно, инда рама заходила. Я вскочила, бросилась къ окну, окликнула—нѣтъ никого. Сотворила молитву, разбудила своихъ, рассказала имъ: такъ и рѣшили—либо кто умеръ изъ сродниковъ, либо надѣя нами что собирается. И вѣрно. Рано утромъ прїѣзжаетъ ко мнѣ мужикъ изъ села Егорья и говоритъ, что брата моего нашли въ петль мертваго. Такъ и знай, когда услышишь стукъ ночью, что даромъ это не пройдетъ никому. Али тоже, вонъ, канка изъ горшка вылѣзть, когда печь давно закрыта, али самоваръ заореть, кипѣвши, толстымъ голосомъ, али смола тоже, вотъ, вытопится изъ подворотни: гляди, что даромъ не пройдетъ» (Владимир. г.).

Существуетъ также немалое число примѣтъ чисто религіознаго характера. Если дьячекъ послѣ соборованія забудетъ кадило, то это считается за вѣрный признакъ, что больной умретъ. Если, при соборованіи, дымъ изъ кадила или отъ потушенныхъ свѣчей идетъ въ дверь, то больной умретъ, а если дымъ долго не разсѣвается или поднимается вверхъ, то больной выздоровѣетъ. Если елей, которымъ священникъ помазываетъ больного, впитывается въ его тѣло, то больной выздоровѣетъ, если же масло стекаетъ, то больной умретъ¹⁾. Чрезвычайно благопріятное значеніе имѣть сонъ послѣ напутствованія больного св. тайнами: если онъ послѣ причастія уснетъ, то, навѣрно, выздоровѣетъ. Такое же значеніе имѣть чувство облегченія и бодрости послѣ причастія или соборованія больного (Пензенск., Владимирск. гг. и др.).

Иногда въ прогностическихъ цѣляхъ предпринимается цѣлая

¹⁾ Эта примѣта также можетъ имѣть отчасти физиологическое объясненіе.

серія суеверныхъ экспериментовъ: то въ черепокъ насыпаютъ горячихъ углей, кладутъ ладану и наблюдаютъ за дымомъ, придавая его направленію такое же значение, какъ при соборованіи, то снимаютъ съ больного шейный крестъ и опускаютъ его въ воду: если онъ почернѣеть, то больной умретъ, а если не — выздоровѣеть. Иногда, experimenti causa, кладутъ на голову больного вербу и если на немъ появится потъ, значитъ, больной умретъ. Въ другихъ случаяхъ вопросъ о жизни и смерти больного рѣшаеть собака. На нее выливаютъ остатки питья послѣ больного и если она отряхнется, больной будетъ живъ, а не отряхнется — умретъ. Въ запутанныхъ случаяхъ, для разъясненія вопроса объ исходѣ болѣзни, производится иногда цѣлая операциѣ. Расщепляется по длинѣ молодой дубокъ, черезъ расщелину протаскивается больной и нослѣ этого объ половины дубка у вершины связываются. Если дубокъ станетъ засыхать, то больной умретъ, а не — выздоровѣеть (Калужск. г.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если больной долго хвораетъ, производятъ своего рода искусственный кризисъ. Съ этой цѣлью въ Варнав—мъ у. (Костромск. г.) поятъ больного водой съ «громовой стрѣлы»: черезъ шесть дней больной начнетъ или поправляться, или умретъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужской г. большой расположавательной славой, при дѣтскихъ заболѣваніяхъ, пользуется цвѣть пиона: если ніонъ горитъ, то ребенокъ будетъ жить, а если только тлѣеть и чадить, то ребенокъ умретъ. Очень рѣшительная мѣра примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской г. при тяжелой и длительной агоніи: съ цѣлью ускорить наступленіе смерти, вынимается изъ потолка избы доска.

Признакомъ смерти въ глазахъ народа является, главнымъ образомъ, окоченѣніе и синева покрововъ.

Въ высшей степени интереснымъ представляется отношеніе къ больному въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., при глубокомъ обморокѣ, является сомнѣніе въ его смерти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такого больного, вместо подачи какой-либо помощи, наряжаютъ въ чистую одежду и кладутъ на лавку, какъ покойника.—«Не знай,—говорятъ крестьяне,—вернется его душенька съ того свѣта въ свое тѣло или неѣть: она, вѣдь, по раю да по аду ходитъ, такъ тѣло и одежда должны быть чистыми, чтобы душа не побрезговала войти назадъ, огда изъ своего странствія вернется» (Нензенск. г.).

Извѣстно, что отношеніе нашего народа, терпѣливоѳ въ болѣзни, просто и спокойно въ моментъ смерти. Въ выработкѣ такого отношенія, безъ сомнѣнія, большую роль играли тяжелыя историческія

судьбы народа, его ясный и здравый умъ, и его глубокая религіозность. Но есть въ этомъ отношеніи и много фаталистического.— «Богъ по душу не пошлетъ, сама душа не выйдетъ»,— убѣжденно говорить народъ.— «Не смертная, такъ вынесеть»,— разсуждаетъ онъ, имѣя въ виду, что если болѣзнь, которою страдаетъ больной, не та, отъ которой ему предназначено умереть, то онъ выздоровѣетъ, хотя бы лежалъ при послѣднемъ издыханіи.— «Какъ ни биться, а отъ смерти не отбиться»,— говорить народъ о неизбѣжности и естественности конца жизни человѣка.— «Домовища (гроба) не ищутъ — само придется»,— говорить онъ, указывая на случайность и часто кажущуюся виѣзаконность этого явленія.

Эта фаталистичность воззрѣній на смерть стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣмъ фатализмомъ и тѣми суевѣрными представлениями, которыя съ такой яркостью обнаружились ранѣе въ воззрѣніяхъ народа на происхожденіе болѣзней, а теперь такъ рельефно выступаютъ и въ ихъ классификаціи, и въ самыхъ названіяхъ болѣзней, и въ народной прогностикѣ. Во всѣхъ ихъ, при избыткѣ суевѣрного и фаталистического элементовъ, обнаруживается очень малое присутствіе самостоятельно выработанныхъ и привитыхъ знаній, недостатокъ разумной наблюдательности, скудость обобщеній и, взамѣнъ ихъ, проявляется лишь одна способность, которой никакъ нельзя отнять отъ нашего народа: это его филологическая изобрѣтательность.

VII. Суевѣрныя средства леченія.

Настоящай главой мы всецѣло вступаемъ въ ту область суевѣрій народа, гдѣ часто трудно искать хотя бы какихъ-нибудь про-блесковъ знаній и разумнаго опыта и гдѣ все поконится лишь на слѣпой вѣрѣ въ то, что преемственно передано отъ дѣдовъ и отцовъ и начало чего теряется въ отдаленнѣйшей глубинѣ вѣковъ.

Среди самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій привлекательнымъ свѣтомъ и возвышающей душу поэзіей блещутъ лишь вѣрованія или, вѣрнѣе, остатки ихъ, которыя относятся къ землѣ, водѣ, деревьямъ и растеніямъ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвъ среди цѣлой сѣти неблагопріятныхъ историческихъ условій жизни народа, обломки этихъ вѣрованій, рисуя идеалы прошедшаго, невольно внушаютъ мысль о томъ, что развитіе народа, когда-то давно, во многомъ было гораздо выше, чѣмъ теперь.

Цикль суевѣрныхъ средствъ и способовъ леченія въ достаточной степени былъ обрисованъ нами въ отдѣлѣ «знахарство», но то былъ своего рода культура, имѣвшій своихъ жрецовъ-знахарей. Знахарь, какъ лицо, обладающее, въ глазахъ крестьянина, большими и специальными знаніями, выступаетъ на сцену, какъ и врачъ, только тогда, когда предварительно испытаны и испробованы свои, домашнія средства леченія. Вотъ, эти средства, вошедшия въ обычный обиходъ жизни крестьянина, въ своемъ родѣ его домашняя медицина, и составляютъ предметъ содержанія настоящаго отдѣла.

Домашняя медицина народа рѣзко разнится отъ такой же медицины нашихъ привилегированныхъ и культурныхъ классовъ. Въ то время, какъ у послѣднихъ ее составляютъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рациональные средства — хининъ, касторовое

масло, горчичники, компрессы и пр., домашняя медицина крестьянина въ значительной своей части состоитъ изъ суевѣрныхъ средствъ¹⁾.

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ суевѣрныя профилактическія средства. Средства эти, по болѣйшей части, очень просты и несложны. Чтобы пользоваться хорошимъ здоровьемъ и не заболѣть, достаточно иногда только обувать ежедневно правую ногу впередъ лѣвой, въ предупрежденіе «летучаго огня»—не плевать въ огонь, во избѣженіе зубной боли—держать, по утрамъ, во рту какой-нибудь сучекъ изъ дерева, а чтобы предупредить чрезмѣрную потливость ногъ—никогда не надѣвать чужой обуви (Елабужск. и Сарапульск. уу. Вятск. г., Болховск. и Брянск. уу. Орловск. г.). Также просто иногда предупредить лихорадку: для этого не надо смотрѣть съ улицы черезъ окно въ домъ, а то лихорадка можетъ «поймать»: черезъ стекло-то она на тебя и смотритъ (Сарапульск. у. Вятск. г.). При ушибѣ, чтобы не разболѣться, очень хорошо иногда бываетъ сказать: «батюшка, свято мѣсто, не ты на меня напло, а я на тебя, прости меня, Христа ради!» (Вязниковск. у. Владимірск. г.). Чтобы избѣгнуть сглаза, женщинѣ и дѣвушкѣ полезно примѣнить такой приемъ: погладивъ рукой себя по заду, потереть потомъ той же рукой по лицу, говоря: «какая ты уменя неглазлива, такая бы и я неглазлива была» (Орлов. г. и у.). Противъ «уроковъ» хорошимъ профилактическимъ средствомъ считается вода, если ее трижды «перенять» съ каменки въ банѣ. Для этой цѣли, взятая въ ковшъ вода выливается на каменку и, снизу, снова подхватывается въ ковшъ. Этой водой окачиваются и пьютъ ее. При этомъ говорятъ: «какъ на каменкѣ, на матушкѣ, подсыхаетъ и подгораетъ, такъ на рабѣ Божьемъ (такомъ-то) подсыхай и подгорай (Никольск. у. Волог. г.).

Во многихъ мѣстахъ большой славой отъ порчи, въ особенности при повальныхъ болѣзняхъ, когда она бываетъ пущена по вѣтру, пользуются лукъ, соль, чеснокъ и рѣдька. Основанія, по которымъ имъ приписываются столь чудесныя свойства, тѣ, что соль и рѣдька имѣютъ способность выѣдать всѣ слова, написанныя на бумагѣ, а запаха лука и чесноку, будто бы, не любить вся нечистая сила. Носятся чеснокъ и лукъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно на крестѣ (Котельнич. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Кад-

¹⁾ Кромѣ домашнихъ суевѣрныхъ средствъ, въ этотъ отдѣлъ вошли иѣкоторые приемы и способы лечения знахарей, имѣющіе болѣе частный характеръ, чѣмъ указанные во II гл.

никовск. у. Вологодск. г. и др). Вологжане Грязовецкаго у. къ чесноку присоединяютъ еще репейный корень, а Тотемскаго—продыравленную мѣдную монету. Съ такими же профилактическими цѣлями навязываютъ на крестъ росной ладанъ, купоросъ, киноварь и змѣиную кожу: киноварь хорошо предупреждаетъ сифилисъ¹⁾, а змѣиная кожа лихорадку (Ветлужск. у. Костромск. г.. Медынск. у. Калужск. г., Зарайск. у. Рязанск. г.). Въ тѣхъ же видахъ носятъ на шеѣ и ладонки, зашивая въ нихъ наговорныя травы, а чаще всего сонъ Пресв. Богородицы, вѣра въ который, какъ въ хорошее предупредительное средство отъ лихорадки, является очень распространенной (Мещевск. у. Калужск. г., Вязниковск. у. Владим. г., Норковск. у. Псковск. г., Скопинск. и Зарайск. уу. Рязанск. г. и др.). Хорошимъ средствомъ, предупреждающимъ лихорадку, является также зашиваніе въ ладонку высушеной и истолченной головы змѣи, или засушеннай головы лягушки (Масальск. и Малояросл. уу. Калужск. г.). Своего рода чудеснымъ талисманомъ, застраховывающимъ отъ болѣзни и напастей, считается мамонтова кость, крестъ съ покойника, или воткнутая куда-нибудь булавка или иголка, полученная отъ «еретиковъ» (Сарап. у. Вятск. г.). Но самый надежный талисманъ—это «сорочка». Кто родится въ сорочкѣ и носить ее на крестѣ, къ тому не въ состояніи «приступить» никакая болѣзнь. Если она и «нападаетъ» на такихъ людей, то не иначе, какъ застигнувъ ихъ врасплохъ, въ то время, какъ они снимаютъ крестъ и ладонку съ сорочкой, напр., въ банѣ. Счастливы также—обладатель «родинки» или тѣ, у кого тѣло покрыто волосами: болѣзнь «нападаетъ» на нихъ очень рѣдко (Саранск. у. Пензенск. г.).

Въ арсеналѣ предупредительныхъ мѣръ и средствъ имѣется немало другихъ, которыя специально предохраняютъ только отъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ болѣзней. Прокалываніе ушей у маленькихъ дѣтей предупреждаетъ грыжу и золотуху, а ношеніе въ лѣвомъ ухѣ серьги — вѣрнѣйшее предохранительное средство противъ грыжи у мужчинъ (Тотемск. у. Волог. г.). Противъ развитія желтухи нѣть ничего лучшe, какъ носить на себѣ янтарь: «съ нимъ можно упасть отъ всякой желтухи» (Брянск. у. Орловск. г., Медынск. и Масальск. уу. Калужск. г., Сарап. у. Вятск. г.). Но едва-

¹⁾ Хотя употребленіе киновари при сифилисѣ имѣеть рациональное основаніо, но обычай носить ее, въ предупрежденіе сифилиса, на крестѣ, очевидно, заключаетъ въ себѣ суевѣрный характеръ.

ли не самымъ сильномъ магическимъ средствомъ является сырое куриное яйцо: если носить его 40 недѣль за пазухой, то оно навѣрняка предупреждаетъ выкидыши и преждевременные роды (Тихвинск. у. Новгородск. г.).

Иногда, въ видахъ предупрежденія тѣхъ или другихъ болѣзней, принимается рядъ чисто внѣшнихъ мѣръ. При эпидеміи осны, въ тѣхъ домахъ, где еще не было заболѣваній, примѣняется очень рѣшительная и энергичная мѣра—навѣшиваются замки на дверные скобки: для болѣзни, значитъ, входъ заперть. Подобная же мѣра примѣняется, въ видахъ ограниченія заболѣваній въ семье, при появленіи въ домѣ больного горячкою: въ косякѣ входной двери въ избу буравомъ просверливается отверстіе и сейчасъ же забивается клинышкомъ. Такую же гарантію противъ заболѣванія горячкою представляетъ и слѣдующая устрашающая мѣра: класть топоръ въ загнетку на шесткѣ печи, куда сгребаются уголья (с. Курилово, Новгородск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой сувѣрной профилактики, несомнѣнно, видны слѣды язычества. Таковъ, напр., обычай, въ предупрежденіе заболѣванія горячкой, ходить въ лѣсь, относить «оброкъ» лѣсовому и просить его, чтобы онъ «укрылъ отъ огневицы» (Меленк. у. Владим. г.). Въ другихъ подобныхъ-же мѣрахъ проявляется настоящая дѣтскость. Къ числу такихъ, младенческихъ пріемовъ относится обычай «прятаться» отъ нѣкоторыхъ болѣзней и стремленіе обмануть ихъ. Съ этою цѣлью отъ лихорадки уходятъ въ нетопленную баню, где залѣзаютъ на полокъ и продѣлываютъ ложный пороксизмъ или притворяются умершими (Меленк. у. Владим. г., Орловск. у. Вятск. г.). Послѣдній пріемъ практикуется и въ предупрежденіе холеры. Необыкновенная наивность проглядываетъ также въ убѣжденіи, что во время вѣнчанія, когда священникъ будетъ водить вокругъ аналоя, необходимо три раза сказать: «вѣнчай, вѣнчай, только болѣзни мои не завѣничивай: а то, говорять мужики, завѣнчается если попь какую болѣзнь, никакіе доктора не вылечать» (Орловск. г. и у.).

Профилактическую мѣру, носящую общественный характеръ, составляется такъ называемое «опахивание». Суть его заключается въ нпроведеніи магической черты, за которую не должна распространяться и переступать эпидемическая болѣзнь. Эта черта проводится сохой или косулей, въ которую впрягаются молодыя дѣвушки или вдовы. Иногда, такимъ образомъ, вначалѣ эпидеміи, изолируются отдѣльные дома, где уже появилась болѣзнь, или же очерчивается цѣлое селеніе, чтобы не пустить болѣзнь изъ сосѣд-

нихъ деревень¹⁾). При этомъ, если болѣзнь уже появилась въ селеніи, больные дома оставляются за чертой и ставятся какъ бы въ магического круга (Варнавинск. у. Костромск. г.).

Опахивание совершается всегда съ известнымъ церемоніаломъ. Иногда косулю, въ направлениі противъ солнца, везутъ 12 дѣвицъ (Варнавинск. у. Костр. г.), иногда же дѣлаютъ это только двѣ женщины (Егорьев. у. Ряз. г.), или же вдовы и старыя дѣвы (Сарап. у. Вят. г.). Участницы церемоніала должны быть въ бѣлыхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, безъ платковъ и поясовъ, а изрѣдка онѣ раздѣваются и до-нага (Орловск. у. Вятск. г.). Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, хотя этотъ церемоніалъ чисто женскій, въ немъ принимаютъ иногда участіе и мужчины. Опахивание производится обыкновенно одной сохой, иногда въ соединеніи съ бороной и совершается въ болыномъ секрѣтѣ, ночью или рано утромъ, на зарѣ, въ глубокомъ молчаніи или же съ пѣснями, сложенными на этотъ случай. Иногда, съ цѣлью какъ можно дальше прогнать заразную болѣзнь, участницы церемоніи размахиваютъ по воздуху ухватами, кочергами, метлами и т. п. бабыми инструментами (Р.-Борисогл., Данилов. и Любим. уу. Яросл. г.).

«Когда въ послѣднюю холерную эпидемію,—описываетъ такой церемоніалъ одинъ изъ нашихъ калужскихъ сотрудниковъ,—пронеслась вѣсть, что холера «идетъ», крестьяне собрались всей деревней и начали совѣтоваться, какъ отградить себя отъ болѣзни. Нашлись люди, которые указали на опахивание, какъ на средство, практиковавшееся въ стародавнія времена. Средство это было принято всѣмъ обществомъ.

«Въ полночь собрались бабы и дѣвки, въ однѣхъ рубашкахъ, не подпоясанныя, простоволосыя и босыя. Выборъ производить опахивание палъ на самую старшую вдову. На нее надѣли сошной хомутъ и впряженіи въ соху. Другую вдову, болѣе молодую, впряженіи въ борону. Все готово. Одна изъ бабъ объясняетъ присутствующимъ, что какъ только, во время опахиванія, онѣ завидятъ холеру, должны бросать все—и соху, и борону, бѣжать навстрѣчу холерѣ, ловить ее и бить. Кто только не встрѣтится—это холера. Если встрѣтится попъ, то и попа не щадить, потому что холера

¹⁾ Вельск. у. Волог. г., Варнав. у. Костромск. г., Шуйск. и Меденск. уу. Владим. г., Калуж. г. и у., Юхнов. у. Смол. г., Скопинск. и Егорьевск. уу. Рязанск. г., Орловск. и Сарап. уу. Вятск. г., Р.-Борисогл. у. Яросл. г. и др.

часто превращается въ него, чтобы лучшие избѣжать гибели. Послѣ наставлений, вдова трогается съ мѣста и крикливымъ, раздирающимъ голосомъ затягиваетъ пѣсню:

«Мы идемъ, мы веземъ
И соху, и борону,
Мы и пашемъ, и боронимъ,
Тебѣ, холерѣ, бороду своротимъ.
Съемъ мы не въ рожу землю
И не родимъ сѣмена».

Пѣсню поютъ всѣ присутствующія, безъ перерыва, во все время опахиванія, повторяя его три раза и дѣлая на всѣхъ перекресткахъ, по пути, на землѣ, кресты (дер. Лотарево, Калужск. г.).

Иногда перемонія опахиванія принимаетъ явно религіозный характеръ. Въ такихъ случаяхъ одна изъ женщинъ идетъ впереди процессіи съ восковой свѣчей, а иногда дѣлаются попытки достать для этой цѣли подсвѣчникъ изъ церкви. Распѣваемые при этомъ стихи принимаютъ также религіозный оттѣнокъ.

«Мы не ангелы, не архангелы,
Мы апостолы, съ неба посланы,
Чудо видѣли, чудо слышали» и т. д. (Меленк. у. Влад. г.).

Огонь.

Среди суевѣрныхъ профилактическихъ, а отчасти и лечебныхъ средствъ до сихъ поръ еще не утратилъ своего значенія огонь, составлявшій предметъ поклоненія нашихъ предковъ.

Какъ остатокъ вѣры въ его цѣлебныя и очищающія свойства, интересна мѣра, предпринимаемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ распространенія заболѣваній горячкой. При появлѣніи въ домѣ горячечного больного, среди пола, на заслонкѣ, зажигается изъ лучинокъ огонь, черезъ который переходятъ всѣ здоровые (с. Дмитровское, Новгор. г.). Въ случаѣ обширной эпидеміи въ селеніи, принимается общественная мѣра: собираются всѣ жители на улицу и, по способу первобытныхъ людей, тренiemъ бревна о бревно, вытираютъ «святой огонь» и черезъ разведенныій небольшой костеръ переходятъ всѣ здоровые, а потомъ переносятъ и больныхъ¹⁾ (д. Островъ, Новгородск. г.). Еще недавно день этотъ, когда про-

¹⁾ Вѣра въ цѣлебныя силы живого огня была свойственна многимъ первобытнымъ народамъ. При этомъ, какъ вода для леченія должна быть не початая, только-что почерпнутая изъ родника, такъ и огонь требуется новый, еще не служившій для нуждъ человѣка (Афанасьевъ, т. II).

исходило вытираніе «святого огня», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Череп—го у. включался въ число иразниковъ и назывался «заповѣданіе». Процедура полученія огня происходила при торжественной обстановкѣ. Въ назначенный день крестьяне собирались на улицу или на деревенскую площадь, приносили два сухихъ бревна, одно клади на землю, а къ другому придѣльвали по концамъ ручки, какъ у пилы, и терли по первому, какъ пилить дрова. Когда одни устанавливали, ихъ замѣняли другіе. Бабы сидѣли по домамъ и терпѣливо ожидали святого огня, чтобы затоплять печи, такъ какъ получать его какимъ-либо другимъ способомъ—спичками или выдуваньемъ горячихъ углей, сохранившихся въ загнеткѣ, строго было запрещено и ослушникамъ грозило сурое наказаніе. Послѣ долгихъ стараний, иногда спустя часовъ 8—10, огонь добывался. Изъ добываемаго огня раскладывался «пажегъ» и черезъ него шагали и прыгали, а больныхъ и младенцевъ переносили на рукахъ. По ритуалу, существующему и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Варнавинскаго у. (Костромск. г.), въ этомъ процессѣ вытиранія святого огня вдовцы не могутъ участвовать.

Огонь этотъ носить также назаніе древеснаго, деревянного или живого огня и для частнаго употребленія, при лечениіи какой-нибудь болѣзни, получается треніемъ двухъ поленьевъ (Вельск. у. Вологодск. губ., Городищ. у. Пензенск. губ., Меленк. у. Владим. губ.). Развличается еще дубовый и осиновый огонь. Перваго сорта огонь употребляется знахарями при лечениіи людей, а второй при лечениіи скота (Городищ. у. Пензенск. губ.). Такимъ деревяннымъ огнемъ выгоняютъ иногда изъ дома горячку, разводя его передъ окнами, и черезъ этотъ же огонь проводятъ выездоровѣвшаго отъ горячки, чтобы окончательно очистить его отъ болѣзни (Вологодск. и Вельск. уу. Вологодск. губ.).

Такими свойствами обладаетъ не только самъ живой огонь, но и паръ отъ воды, которая на немъ кипятится. Такимъ паромъ (въ Меленк. у. Владим. г.) лечатъ отъ порчи, лихорадки, горячки и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Подобіе живого огня имѣеть и огонь, высѣкаемый изъ кремня. Огнемъ эгимъ лечится преимущественно «летучка», или «летучій огонь»—герпетическая и другія сыпи на лицѣ. Секретъ при этомъ заключается въ томъ, чтобы высѣкаемая искра попала непремѣнно въ фокусъ каждой отдѣльной высыпи (Сарап. и Елабуж. уу. Вятск. г., Балаш. у. Саратовск. г., Болховск. у. Орловск. г.). Нѣсколько иначе производится лечение «летучки» огнемъ въ Пензен—мъ у. Во время утренней и вечерней зори мать или род-

ственница больного беретъ 12 лучинокъ и связываетъ ихъ въ одинъ пучекъ. Зажегши, подносить ихъ къ лицу больного и брызжетъ на него черезъ огонь водой, со словами: «сѣки, сѣки, огонь, летучку, перенеси ее съ раба Божія на лучинку». Это «присѣканіе» летучки должно совершаться 12 зорь, 6 утреннихъ и 6 вечернихъ, при томъ въ совершиенной тайнѣ. Иногда при леченіи огника, вместо огня, достаточно примѣнять лишь помело, которымъ разметываютъ въ печи жаръ, предъ сажаніемъ хлѣбовъ. Горячее помело прикладываютъ къ больному мѣсту и три раза произносятъ: «огонь, огонь, возьми свой отникъ» (Болховск. у. Орловск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при помощи огня лечится и рожа: она «выжигается». Для этого берутъ горсть замалки, выщипываютъ нѣсколько волосковъ и, съ произнесенiemъ особаго рода заговора, зажигаютъ надъ мѣстомъ, пораженнымъ рожей (Караб. у. Орловск. губ.).

Какъ выраженіе уничтожающихъ свойствъ огня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился обычай скигать одежду съ больного¹⁾ и бросать въ топящуюся печь лѣпнныя изображенія изъ глины той части тѣла, къ которой относится заболѣваніе (Меленк. у. Владимирск. губ.).

вода. Другая стихія древнихъ—вода, въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ, находить обширное примѣненіе, главнымъ образомъ, какъ врачебное средство при многихъ, уже развившихся заболѣваніяхъ.

Большими цѣлительными свойствами обладаетъ дождевая вода. Она оказываетъ хорошее дѣйствие при головной боли, при глазныхъ болѣзняхъ и при бородавкахъ, при чѣмъ особенно полезными считаются капельки первого дождя, оставшіяся на огородѣ (Меленк. у. Владим. г., Саранульск. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костром. губ.). По убѣждѣнію нѣкоторыхъ, собранная дождевая вода, употребляемая въ видѣ обмываній, въ состояніи предотвратить даже беременность (Орловск. губ. и у.). Вообще, умываніе во время первой весенней грозы оказываетъ прекрасное дѣйствіе: умывшійся, въ теченіе года, не будетъ хворать никакой болѣзнью (Яросл. губ. и у.).

Иногда способъ примѣненія дождевой воды носитъ нѣсколько сложный характеръ и комбинируется съ другими средствами. Въ Городицѣ—мѣстѣ у. (Пензенск. г.) страдающіе куриной слѣпотой ходятъ на утренней зорѣ умываться весенними дождями и, затѣмъ, нагнувшись надъ дегтярною кадкою, произносятъ слѣдующія слова: «де-

¹⁾ Рациональная мысль, имѣющая въ данномъ случаѣ суевѣрное основаніе.

тоть, деготь, возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки».

Столь же цѣлебной при глазныхъ болѣзняхъ считается и роса. Больной глазами идетъ утромъ на лугъ, собираетъ съ травы росу и этой росой промываетъ глаза, при чемъ всего лучше дѣйствуетъ роса, собранная до восхода солнца или при восходѣ, на Ивановъ день. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромск. г.), въ почь на Ивана-кунацу, смачиваютъ росою скатерть, воду выжимаютъ въ бутылку и мажутъ этой водой глаза. Въ Попехонскомъ уѣздѣ (Ярославск. г.) больной «ломотой» долженъ шесть разъ сходить на лугъ, въ утреннія зори, и каждый разъ кататься на спинѣ, три раза переворачиваясь и приговаривая: «зорька, зорька, росистая, возьми, унеси отъ меня ломоту и корчу, унеси въ поднебесье, отъ вѣка и до вѣка». Въ Череповѣ—мъ уѣздѣ (Новгородск. губ.), при хроническихъ сыпяхъ, умываются и обтираются утренней росой на улицѣ, приговаривая: «если съ вѣтру пришла, иди на вѣтеръ, а съ людей пристала—иди на людей». Маленькихъ дѣтей при этомъ, какъ бы пугая болѣзнь, скѣкуютъ прутомъ по ягодицамъ.

Такими же цѣлебными свойствами, какъ дождевая вода и роса, обладаетъ градъ, а иногда и снѣгъ. Градъ—хорошее средство отъ зубной боли. Его можно юсть или, оттаивъ, употреблять въ видѣ полосканья (Кадниковск. у. Вологодск. г., Вязниковск. у. Владим. г.) Воду, полученную отъ таянія града, примѣняютъ и при глазныхъ болѣзняхъ (Тихвинск. у. Новгородск. г.). Снѣгъ «сполютъ» на Крещенѣе, ссыпаютъ въ бутылки и полученную, такимъ образомъ, воду употребляютъ отъ всякихъ болѣзней (Саранск. у. Пензенск. г.).

Рѣчная и колодезная вода также пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлительныя свойства.

Въ Череповѣ—мъ уѣздѣ (Новгородск. губ.) очень полезной при куриной слѣпотѣ считается вода, взятая съ того мѣста, гдѣ рѣка береть свое начало. Въ Елатомскомъ уѣздѣ (Тамбовск. г.) признается цѣлительной вода тѣхъ мѣстъ, гдѣ она не мерзнетъ по зимамъ, а въ Сольвычегодскомъ (Вологодск. г.), при испугѣ и головной боли—вода, взятая изъ трехъ колодцевъ или трехъ прорубей, зимой, зачерпываемая въ полдень или полночь. Принимать нѣсколько ложекъ воды прямо изъ рѣки, на тощакъ, начиная въ первый разъ съ одной, признается хорошимъ средствомъ при многихъ болѣзняхъ (Городниц. у. Пензенск. г.). Особенно цѣлебное значеніе пріобрѣтаетъ вода при укушеніи змѣи. Змѣя, укусивъ человѣка, ползетъ сейчасъ же къ водѣ. Если укушенный успѣетъ напиться воды

раньше, чѣмъ змѣя, то вполнѣ гарантированъ отъ послѣдствій укушенія (Зарайск. у. Рязанска. г.).

Но особенно цѣлебными свойствами надѣляется ключевая и родниковая вода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она пользуется такимъ нонетомъ, что считается святой и иногда почитается наравнѣ съ креценской (Грязовецк. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вяземск. у. Смоленск. г. и др.). «Святые ключи» существуютъ въ очень многихъ мѣстностяхъ. Но преданию, нѣкоторые изъ нихъ «открылись» во время перехода черезъ эти мѣста святыхъ, которые тутъ отдыхали и пожелали напиться. Обыкновенно такие ключи находятся гдѣ-нибудь въ лѣску, окружены елями и соснами, а иногда обсажены кустиками вербы. На вѣтвяхъ деревьевъ, вблизи ихъ, можно нерѣдко замѣтить навѣшанные тряпочки и ленточки, пояски и крестики, а на днѣ ключа мелкая серебряная монеты: это—дань отъ больныхъ ключу, за его целительную силу. Нѣкоторые изъ этихъ ключей облашаются удивительными свойствами. Таковъ, напр., ключъ вблизи Лозско-азатского озера (Вѣлозерск. у. Новгородск. г.). Послѣ окачивания водой изъ этого ключа, больной или скоро выздоравливаетъ, или также скоро умираетъ. Пользованіе водой изъ этого необыкновенного ключа обставляется соблюдениемъ извѣстного рода условій.

«— Когда идешь на ключь за водой,—совѣтуется одна старуха-крестьянка,—не надо ни съ кѣмъ говорить. Кто навстрѣчу попадетъ, ничего не надо спрашивать и не сказывать. Сойдешь на ключь, помолишься на всѣ четыре стороны и задумаешь: на живое или на мертвое¹⁾). Какъ на живое—водыча стоитъ, какъ стеклышико, свѣтлая; какъ на мертвое—ключи забываютъ, завыскакиваютъ оттуда съ пескомъ. Когда черпають воду, говорять: «чарь водяной, чарь земляной, чарица водяная, чарица земляная, дай мнѣ водычи на доброе здоровье» и зачерпываютъ воды въ вечероко.

Большой славой и извѣстностью пользуется и «живой» родникъ, недалеко отъ г. Троицка (Пензенск. г.). О происхожденіи его существуетъ такая легенда. Одной богомолкѣ во снѣ три раза являлась Божія Матерь и велѣла въ указанномъ мѣстѣ рыть землю и отыскать тамъ ея икону. Но богомолка долго не исполняла приказанія, пока не захворала. Во время болѣзни ей опять было видѣніе, чтобы она всенародно покаялась и, послѣ того, какъ выздоровѣетъ, исполнила возложенное на нее порученіе. Богомолка такъ и сдѣлала. Выздоровѣвъ, она отправилась въ указанное мѣсто и на-

¹⁾ Къ выздоровленію или къ смерти?

чала рыть. Рыть же надо было только въ полдень и полночь. Рыла она одна три недѣли и, наконецъ, нашла образъ Божией Матери, который и стоитъ теперь въ часовенкѣ, около родника. Приходящіе зажигаютъ свѣчу передъ иконой, молятся и купаются, а также пьютъ и берутъ воду съ собою. Иногда, болѣе усердные обмазываются иломъ со дна этого родника и лежать въ грязи часа полтора—два, смывая эту грязь потомъ родниковой же водой¹⁾. Подобнымъ же почитаніемъ пользуется вода многихъ «святыхъ колодцевъ» и цѣлебныхъ озеръ (Егорьевск. у Рязанск. г., Орловск. г. и у., Елатомск. у. Тамбовск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.).

Иногда вода пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства только въ нѣкоторые извѣстные дни. Таковъ день Ивана-купалы: отъ купанья въ этотъ день проходитъ, будто бы, рѣшительно всякая болѣзнь, только купаться надо между утреней и обѣдней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай такого купанья настолько распространенъ, что существуетъ даже убѣжденіе: кто въ Иванъ-куналу не станетъ купаться, тотъ, навѣрно, колдунъ (Медынск. у. Калужск. г.). Смѣлый обычай крещенского купанья ради «здравья», въ проруби, послѣ освященія воды, общераспространенъ и общеизвѣстенъ. Болѣе рѣдко цѣлебныя свойства воды связываются съ великимъ или чистымъ четвергомъ. Нѣкоторые орловцы въ этотъ день, чтобы избавиться отъ чесотки, три раза окунаются въ рѣкѣ, до свѣту, безъ свидѣтелей, и приговариваютъ: «чистый четвергъ, очисти мое тѣло отъ болѣзни, а ты, быстрая рѣчка, неси мою болѣзнь въ синее море». У вологжанъ (Волог. у.), «чтобы не взяла какая-нибудь болѣзнь», существуетъ обычай умываться въ этотъ день водой, въ которую была опущена серебряная монета, а у нѣкоторыхъ костромичей (Варнавинск. у.), при той или другой болѣзни, умываться прямо изъ лужи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ совершенно отсутствуетъ представление о водѣ, какъ элементѣ физическомъ, и выступаютъ лишь воззрѣнія всесѣло суевѣрного и отчасти религіознаго характера. Многое заставляетъ думать, что эти суевѣрія, относящіяся къ водѣ, столь многочисленныя и въ наше время, представляютъ изъ себя не что иное, какъ остатокъ когда-то распространеннаго культа почитанія и поклоненія водѣ. И теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода считается самой чистѣйшей стихіей, съ ней связывается представленіе, какъ обѣ очищающей и цѣлительной силѣ и считается

¹⁾ По изслѣдованіямъ, вода обнаружила большое содержаніе желѣза.

грѣхомъ извергать въ нее мочу или калъ¹⁾) (Одоевск. у. Тульск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Тотемск. у. Вологодск. г., Яранск. у. Вятской губ.).

Интересенъ обычай, сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тверской и Ярославской губ., испрашивать «прощеніе» у воды.

Больной или, вмѣсто его, зناхарь приходитъ на мѣсто, гдѣ, по мнѣнію больного, была оскорблена вода, пускаеть въ нее кусокъ хлѣба и съ первымъ поклономъ говоритъ: «на морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, гулялъ добрый молодецъ, да соскучился, пришелъ онъ къ тебѣ, матушка вода, съ повислою головой да съ повинною (при этомъ дѣлается второй поклонъ). Прости меня, матушка вода, простите меня и вы, водяные дѣды и прадѣды, отцы и матери и ваши малыя дѣтушки, чѣмъ я кого прогнѣвилъ».—Потомъ дважды, отступая по одному шагу назадъ, повторяетъ тотъ же поклонъ и съ тою же присказкой. Необходимымъ условиемъ при этомъ считается, чтобы испрашивающій прощеніе, идя къ водѣ и обратно, не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, не оборачивался назадъ и отправлялся въ путь, не крестясь.

Въ отдѣль «Знахарство» мы отчасти єуже познакомились съ настоитываніями, заговорами и тѣми суевѣрными манипуляціями знахарей, благодаря которымъ самая обыкновенная вода приобрѣтаетъ цѣлительныя свойства. Такихъ пріемовъ немало и въ чисто домашнемъ обиходѣ крестьяннина. Иногда цѣлебныя свойства сообщаются водѣ тѣмъ, что этой водой обмываютъ косяки у дверей и оконъ, давая ее потомъ пить и спрыскивая больныхъ «испугомъ» и простудой (Сольвычегодск. у. Вологодск. губ., Спасск. у. Казанск. губ.). Иногда болѣе дѣйствительнымъ считается спустить воду не съ косяка, а съ дверного прибора, «клѣмки». Такой водой мать умываетъ ребенка, больного «отъ глаза», утираетъ правымъ краемъ ворота своей рубахи, при этомъ облизываетъ его лобъ три раза и плюетъ (Духовщинск. у. Смоленск. г., Брянск. у. Орловск. г.). Въ другихъ случаяхъ приобрѣтаетъ значеніе вода, спущенная съ 9 ветеренъ, 12 перекаленныхъ въ печи камешковъ, известного числа колосьевъ и т. п. (Череп. у. Новгородск., Спасск. у. Казанск. г.). При озыкѣ и урокахъ больные окачиваются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣнно водой, слитой съ такъ называемыхъ камеш-

¹⁾ Какого бы происхожденія ни были эти взгляды, они неизмѣримо выше теперешняго отношенія къ водѣ, и, по сравненію съ послѣднимъ, представляютъ своего рода санитарный идеалъ.

ковъ-брякунковъ, а отъ тоски душевной окачиваютъ воду съ громовой стрѣлы и чортова пальца и эту воду пьютъ (Ростовск. у. Ярославск. г., Варнавинск. у. Костромск. г.). Придаются необыкновенные свойства и водѣ, взятой изъ 7 различныхъ колодезей. Хорошее дѣйствіе такой воды при цынгѣ усиливается тѣмъ, что ею предварительно обмывается заслонка изъ печи, на нее ставится больной и обливается той же водой (Орловск. г. и у.). Въ высшей степени интереснымъ является фактъ, сообщаемый намъ изъ Сычев—го у. Смолен—ой г. (с. Тесово) и показывающій, что суевѣрные приемы составляютъ не одну только традицію, но что процессъ суевѣрного творчества народа совершается и въ наше время. При лечении отъ лихорадки, вода здѣсь спускается три раза «съ бляшки отъ еврейского богомолья, что бываетъ на косякахъ у дверей»¹⁾ и дается больному пить «три зари»²⁾.

Подобно водѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлебнымъ значенiemъ пользуется и земля. Вѣра въ ея цѣлительныя свойства, новидимому, также является остаткомъ когда-то существовавшаго культа почитанія земли. Въ Тотем—мъ у. (Вологодск. г.) и теперь еще мать-земля сыра, кормилица», почитается не только какъ кормилица. Въ день Успенія Пресв. Богородицы, когда, но мнѣнию народа, земля бываетъ имянинница³⁾, по ней грѣхъ ходить босикомъ. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) сохраняется обычай брать съ собою горсть земли «родной» при отправленіи въ дальний путь. Родная земля считается не только цѣлительной, но она служитъ и какъ талисманъ, охраняющій на чужой сторонѣ отъ разныхъ несчастій. Въ Яренскомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) держатся такого убѣжденія: «если возьмешь съ собою родную землю и высыпешь тамъ, гдѣ будешь жить, тебѣ поздоровится, не будешь болѣть и скучать по родинѣ». — Взятую съ собой землю, по приѣздѣ въ дальний городъ, нужно сейчасъ же высыпать и, ступая по ней, приговаривать; «я по своей землѣ хожу». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Череповецкаго уѣзда больного, страдающаго колотьемъ въ бокахъ, заставляютъ припомнить, гдѣ на него «сѣли усовы», и считаютъ полезнымъ сходить на то мѣсто «проститься и поклониться». Здѣсь уже виденъ суевѣрный обрядъ прощенія съ землей или мѣстомъ,

Земля.

¹⁾ Изображеніе 10-ти заповѣдей.

²⁾ Смоленская губ., одна изъ старинныхъ великороссийскихъ губерній, была совершенно лишена еврейского элемента и подверглась его вторженію только въ самое послѣднее время, послѣ ограниченія правъ жительства евреевъ въ Москвѣ.

³⁾ Въ Яранск. у. (Вятск. г.) земля имянинницей бываетъ въ Духовъ день.

«причинившимъ болѣзнь». Въ Васильсурскомъ уѣздѣ (Нижегородской г.) простились ходятъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ кто-либо надорвался или гдѣ случился параличъ, извѣстный подъ названіемъ «притки». Ходятъ на это мѣсто подъ-рядъ три зари, три раза кланяются въ землю и каждый разъ приговариваются: «свято мѣсто, прости меня, Христа ради». Обратно идутъ домой, не оглядываясь назадъ. Въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ (Пенз. г.) обрядъ этотъ, носящій название «прошеніе притки», сохраняется во всей своей первобытной и цѣлостной нетронутости. Въ полночь больной или больная (если больные сами не могутъ идти, то вмѣсто сына долженъ идти отецъ, а вмѣсто дочери—мать) идутъ со старухой, знающей способъ совершения этого обряда, на то мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, приключилась болѣзнь. Помолившись дома Богу, выходятъ за ворота и кладутъ на всѣ четыре стороны по три земныхъ поклона. Продолжая путь, на всѣхъ перекресткахъ дѣлаютъ то же. Приблизившись къ извѣстному мѣсту, творятъ такие же поклоны и, падая на землю, цѣляютъ ее, приговаривая: «мать, сыра-земля, прости ты меня, раба Божія (такого-то), окаянаго, что ступилъ я на тебя нечиистою ногою и тѣмъ оскорбилъ тебя. Прости, прости меня, мать, сыра-земля, аминь, аминь, аминь».—Затѣмъ опять кладутъ три поклона въ землю и трижды цѣляютъ ее. Такое прощеніе должно повторяться три ночи кряду. Послѣ каждого прощенія возвращаются домой съ поклонами, съ какимишли впередъ. Подобный же обрядъ практикуется въ другомъ уѣздѣ той же Пензенской г., Керенскомъ. При «испугѣ» у ребенка, знахарка 12 зорь, 6 утреннихъ и 6 вечернихъ, ходить съ нимъ на погребъ. Держа ребенка на рукахъ и обращаясь утромъ на восходъ, а вечеромъ на заходъ, она тамъ молится, трижды читаетъ молитву «Богородице-Дѣво» и каждый разъ прикладываетъ ребенка къ землѣ лбомъ. Взявъ земли съ этого мѣста, знахарка говоритъ: «прости, мѣсто святое, прости, мать, сыра-земля, прости, часть святой, раба Божія» (имя). Посыпавъ младенца крестообразно землей, она продолжаетъ: «гдѣ подумалъ, тамъ забылъ, гдѣ нашелъ, тамъ потерялъ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Непосредственное примѣненіе земли съ лечебными цѣлями носитъ исключительно суевѣрный характеръ. Иногда она употребляется при укусеніи змѣи. Къ ранѣ въ такихъ случаяхъ прикладывается сырая земля, но при этомъ необходимо, чтобы она была одного цвета съ укусившей змѣей: если змѣя черная, то и

прикладывать къ ранѣ нужно землю черную, если змѣя сѣрая, и землю надо привязывать сѣрую, если же змѣя укусить пятку, то всякое лечение бесполезно: человѣкъ, все равно, умретъ (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Въ другихъ случаяхъ лечатъ землей оспу. Земля при этомъ берется съ свиного логова, натирается ею рубашка и надѣвается на больного (Болховск. у. Орловск. г.). Въ Баланцовъ—мъ у. (Саратовской г.) землей, взятой съ потолка, на погребу, лечатъ «расперецъ» (нарывъ между пальцами). Но наибольшимъ употреблениемъ пользуется могильная земля, въ особенности при «могильной косточки» и, отчасти, при зубной боли, лихорадкѣ и горячкѣ.

При лечениі «могильной косточки» земля непремѣнно берется съ могилы тезки и втирается въ больное мѣсто, а при зубной боли кладется на больной зубъ (Саранульск. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костромск. г., Городищенск. у. Пензенск. г.).

При лихорадкѣ земля берется съ могилы такъ, чтобы никто не видалъ, зашивается въ ладонку и вѣшаются на шею больному (Пензенск. г. и у.). При горячкѣ земля, взятая изъ-подъ могильной плиты или камня, опускается въ воду и дается пить больному, со словами: «мать, земля-сыра, родимая, отъ тебя беремъ и тебѣ отдаляемъ: отними болѣзнь отъ раба такого-то» (Пошехонск. у. Ярославск. г.).

Необыкновенные свойства земли въ болѣе опредѣленной формѣ сообщаются всему тому, что создается ея живительными силами и на ней произрастаетъ: деревьямъ и растеніямъ.

Очень интересный обрядъ, имѣющій въ своемъ основаніи эту творческую идею земли, совершается въ Городищенскомъ уѣздѣ (Пензенск. г.) надъ ребятами, которые долго не ходятъ. Такого ребенка выносятъ, до зари, въ поле и садятъ на землю, спиною къ сѣвцу. Тотъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросаетъ первую горсть сѣмянъ въ землю, вторую въ ребенка, третью опять въ землю и опять въ ребенка и т. д. Это дѣлается для того, чтобы «исполнилась надъ ребенкомъ Троица Святая, подающая ногамъ его силу ходить».

Вѣра въ таинственно-чудесныя и исцѣляющія свойства растеній и деревьевъ носитъ смѣшанный религіозно-языческій характеръ. Священно Божіе дерево, которое Самъ Богъ насадилъ въ раю прежде всѣхъ деревъ, священна верба, которой нельзя топить печей, и священны тѣ деревья, которыхъ выросли на мѣстѣ когда-то бывшей церкви и которыхъ могутъ идти на постройку только но-

вой церкви или часовни. Такого дерева никто и никогда не срубить: все равно, залезть въ церковь и тамъ вырубить бревно---говорятъ о такой порубкѣ крестьяне. Если же кто срубить, у того или изъ дѣтей кто умретъ, или его самого кто-нибудь убьетъ. Иногда срубить всякое старое дерево считается грѣхомъ и срубившій его или сходить съ ума, сламываетъ себѣ руки или ноги, а нерѣдко и умираетъ (Грязов. у. Волог. г.)¹⁾. Такой же неприкоснѣвенностю пользуются деревья на кладбищахъ и въ священныхъ и заповѣдныхъ рощахъ. Кто срубить хоть одно такое дерево или только осквернить его чѣмъ-нибудь, того неизбѣжно постигаетъ какое-нибудь несчастье: онъ ослѣпнетъ, захвораетъ или умретъ. Въ такихъ рощахъ нельзя веселиться, играть и водить хороводы²⁾. Нерѣдко при нихъ устраиваются часовни. Одна изъ такихъ рощъ, Бѣлаевская, существуетъ въ Макарьев—мъ у. (Костром. г.). Преданіе говоритъ, что въ ней была раньше церковь и что роща эта святая. Съ Пасхи до Вознесенья, ночью на каждый праздникъ, происходятъ въ этой рощѣ богомолья, на которыхъ собираются преимущественно женщины и поютъ стихи и канонъ Пасхѣ. Многіе, приписывая цѣлебныя свойства самой землѣ, на которой растеть роща, кладутъ за пазуху этой земли бѣсноватымъ и кликушамъ, и она выгоняетъ изъ нихъ «вселившихся бѣсей». Въ наше время, съ истребленіемъ лѣсовъ, такихъ рощъ остается уже мало и сохраняются онъ больше въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губерніяхъ Россіи, въ центральныхъ же губерніяхъ почти исключительно являются предметомъ почитанія и вѣры въ ихъ цѣлебныя свойства лишь отдельные деревья. Подъ такія деревья кладутъ больныхъ, поять ихъ отваромъ цвѣта и листьевъ съ этого дерева, оказываются съ нихъ водой дѣтей, грызутъ при зубной боли и т. п. Объ одномъ такомъ деревѣ пишутъ намъ изъ г. Троицка (Пен-)

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрять въ существованіе такъ наз. «буйного дерева». Такія деревья попадаются въ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ и обладаютъ необыкновенно разрушительной силой. Найти ихъ могутъ только знахари. Будучи срублено и вмѣстѣ съ другими попадая на постройку избы, оно можетъ сдѣлать то, что домъ, безъ всякой причины, рушится и давить обломками хозяевъ. Даже щепочка отъ такого дерева, положенная подъ мельницу или плотину, разрушаетъ эти сооруженія. Молія чапце всего ударяетъ въ эти буйные деревья, и всякий знающій человѣкъ никогда не садеть во время грозы подъ сосну или ель, а всегда подъ березу (Черепов. у. Новгор. г.).

²⁾ Несмотря на суевѣрный характеръ, взгляды эти гораздо возвышенѣе, разумнѣе и мягче того дикаго и беспощаднаго отношенія къ растительности, которое характеризуетъ наше время.

зенск. г.). Это три липы, растущія изъ одного корня, остатки еще не такъ давно бывшаго здѣсь громаднаго липового лѣса. Дерево это въ славѣ не у однихъ только троицкихъ крестьянъ, но и у всѣхъ окружныхъ жителей, верстъ на 20—30. О происхожденіи его существуетъ такое преданіе. Давно, еще въ ту пору, когда Троицкъ былъ острогомъ, а кругомъ стояли лѣса, жила въ Троицкѣ «проста-свята-дѣвка», часто уходившая въсосѣдній лѣсъ помолиться. Однажды, съ цѣлью познашенія, напалъ на нее одинъ парень и убилъ, въ чёмъ послѣ чистосердечно признался. Похоронена она была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ ея трупъ. И вотъ, спустя нѣсколько времени, изъ колына убитой выросли три липы, обладающія чудодѣйственной силой и излечивающія отъ всякихъ недуговъ. Деревья эти такъ и называются—«исколѣно». Существуетъ убѣжденіе, что если начать рубить ихъ, то при первомъ ударѣ топоромъ покажется кровь, и даже передаютъ такой случай: одинъ попѣ съ становымъ задумали срубить это дерево и согнали народъ съ топорами. Несмотря на всѣ увѣщанія и даже угрозы станового, никто изъ крестьянъ не рѣшался исполнить этого требованія. Тогда онъ и попѣ начали его рубить сами. Но только что ударили, брызнула прямо въ глаза имъ кровь и ослѣтила. Прозрѣли они только тогда, когда сознали свою вину и сѣздили къ дереву по-прощаться.

Въ чудесныя свойства этого дерева крестьяне вѣрятъ такъ сильно, что разубѣдить ихъ нѣть никакой возможности и попытки къ этому могутъ быть приняты чуть не за богохульство. Нашъ троицкій сотрудникъ произвелъ такой опытъ: сломалъ нѣсколько сучьевъ этой липы и бросилъ ихъ, съ цѣлью узнать, будуть по нимъ ъздитъ или нѣтъ. Черезъ три дня онъ убѣдился, что сучья не тронуты, а вправо, въ объездъ, былъ проложенъ новый слѣдъ. Кромѣ силы исцѣлять болѣзни, этому дереву приписываютъ и другія необыкновенныя свойства. Если къ этому дереву хоть разъ въ годъ будетъ ходить на поклонъ дѣвушка, то ее не коснется никакая порча, и хотя и будутъ любить парни, но они же будутъ охранять ея цѣломудріе. Поэтому, каждая мать считаетъ своею обязанностью ъздить вмѣстѣ съ новорожденной дочкой на поклонъ къ «исколѣну». Впрочемъ, по замѣчанію сотрудника, въ настоящее время, чаще приписывается этому дереву только чудодѣйственная способность предохранять дѣвушки отъ беременности. Когда сотрудникъ вздумалъ было по этому поводу высказать свое сомнѣніе, то одна крестьянка ему возразила: «у меня была внучка,

и ужь такая непутевая дѣвка была, пятнадцати лѣтъ съ парнями знаться начала и играла съ ними повсѧчески, другихъ такихъ, пожалуй, и не знаю,—а что же ты думаешь? ни разу не родила въ дѣвкахъ-то. На девятнадцатомъ году ее замужъ выдали, и какъ выдали, въ тотъ же годъ родила: вотъ, какое дѣло-то. А оттого все Богъ хранилъ, заключила старуха, что я ее кажинный годъ къ «исколѣну» прощать водила. И другую дѣвку знаю, будто, и смирненъка была, а въ дѣвкахъ-то двоихъ родила, а оттого, что къ «исколѣну» не ходила, опосля-то и спохватилась—пойдемъ, говорить, бабушка, попрощай меня, да ужь поздно было: ходила, да безъ толку».

Обычай «прониманія» больныхъ чрезъ распиленныя и расщепленныя деревья до сихъ поръ сохраняется въ очень многихъ мѣстахъ. Въ Пошехонскомъ у. (Ярославск. г.) лечение подобного рода, существовавшее издревле, занесено даже въ церковныя лѣтописи и въ житіи св. мч. Адріана описано довольно подробно. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ житіи: «тамо растяше древо, зовомое рябина, обычай же имѧху, во всяки годы, мнози изъ близь сущихъ весей и градовъ людіе, въ бывающій день пятничный, предъ праздникомъ св. пророка Иліи, приходить въ оное мѣсто къ рѣченому древу рябинѣ. Приходжаху же и священницы изъ ближайшихъ селей и приношаху образъ святаго мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, молебная пѣнія совершающе. Людіе же, для полученія здравія, сквозь оное дерево пронимаютъ дѣти своя, ини же совершенаго возраста и сами пролазаху исцѣленіе¹»).

Для прониманія, особенно дѣтей, чаще всего служить молодой дубокъ, но иногда употребляются и другія деревья—береза, осина и т. п. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ намъ сообщаютъ даже объ особаго рода «пронимальныхъ соснахъ», чрезъ дупло которыхъ пролѣзаютъ больные. Кромѣ такого, существуютъ и другіе способы получать отъ деревьевъ исцѣленіе. Въ рощѣ около Леушинскаго женскаго монастыря (Череповецк. у. Новгор. г.) есть двѣ старыя, корявыя сосны, обладающія способностью излечивать зубную боль: для этого стоить только погрызть дерево больными зубами. Вѣра въ чудодѣйственную силу этихъ сосенъ такъ укоренилась среди окрестныхъ жителей, что здѣсь каждый праздникъ можно видѣть по нѣсколько человѣкъ, усердно грызущихъ деревья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Городиц. у. Пенз. г.) страдающимъ зубами и больнымъ лихорад-

¹) Житіе и страданія святого преподомученика Адріана, игумена, Пошехонскаго чудотворца. Ярославль. 1877.

кой рекомендуется опираться ногами объ осиновое дерево или осиновое полѣно. Хорошо также при зубной боли отыскать въ лѣсу старый дубъ, близь которого вытекали бы ключи, содрать съ его вѣтки кору и, вымочивъ ее въ родникѣ, носить въ ладонкѣ (Городищ. у. Пензенск. г.). Чудеснымъ свойствомъ обладаетъ и кипарисное дерево: оно оберегаетъ человѣка отъ всякой заразы (Орловск. г. и у.).

Хотя вѣра въ цѣлебныя свойства растеній основывается, главнымъ образомъ, на ихъ физиологическомъ дѣйствіи, подмѣченномъ народомъ, но первоначальный источникъ этой вѣры, безспорно, также суевѣрный. Растеніямъ а ріогі приписывались необыкновенные и чудесные свойства дѣйствовать не только на натуру человѣка, но и вліять на чисто вибѣшиня обстоятельства его жизни и, безъ сомнѣнія, это былъ тотъ экспериментальный путь, которымъ шелъ народъ въ опредѣленіи цѣлебныхъ свойствъ растеній и ихъ дѣйствія при различныхъ болѣзняхъ.

Особый взглядъ народа на растенія, стоящиі виѣ ихъ лекарственныхъ свойствъ и аналогичный его возврѣніямъ на деревья, землю, огонь и воду, какъ бы время не измѣнило этого взгляда, нерѣдко сказывается и теперь.

Нѣкоторые крестьяне считаютъ большими грѣхомъ косить траву до Петрова дня и убѣждены, что скосившиі ее до этого срока бываетъ наказанъ Богомъ какой-нибудь болѣзнью и ему «никакое лекарствіе травное не поможетъ» (Пензенск. г. и у.). Богородскую траву, собираемую для лечебныхъ цѣлей, нѣкоторыя знахарки рвутъ не иначе, какъ со словами: «тебѣ, травоночка, на исходеніе, а мнѣ, рабѣ Божіей, во пециленіе»¹⁾. Въ немаломъ числѣ мѣстъ сохраняется старинный обычай въ вечеръ дня Аграфены-купальницы (23 июня) и утромъ, въ день Ивана-куналы (24 июня), не пивши и не ъвши, отправляться въ поля, луга и лѣса и искать тамъ «сорокъ травъ».

Вѣра въ чудодѣйственные травы и цветы, расцвѣтающіе только въ ночь на Ивана-купалу или, какъ его иногда зовутъ, на «Ивана-травника», распространена почти повсюду и во многихъ мѣстахъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губ., передъ сборомъ лекарственныхъ травъ, читается слѣдующая молитва: «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Благослови, Господи, Мать Божію, Пресвятая Дѣва, Богородица, и Святой отець, праведный Абрамъ. И пришелъ къ вамъ испросить у васъ дозволить мнѣ травъ сорвать, на всякую пользу и отъ всякой болѣзни всѣмъ православнымъ христіанамъ. Святой отець, праведный Абрамъ, все поле орать, Симонъ-Зилотъ садилъ, Илья поливалъ, Господь помогалъ, небо отець, а земля мать. Благослови, Господи, эту траву рвать на всякую пользу всѣмъ православнымъ христіанамъ».

сильна и до сихъ поръ. Кромѣ общезвѣстнаго папоротника, который въ эту ночь цвѣтеть огненнымъ, а иногда даже «невидимымъ» цвѣтомъ, особенно замѣчательна разрывъ-трава, помогающая отъ лихого «глаза» и отъ порчи. Этую траву «не беретъ» никакая коса, и владѣлецъ ея застрахованъ на всю жизнь отъ всякихъ болѣзней (Вологодск. г. и у., Пензен. г. и у., Зубцовск. у. Тверск. г.). Если онъ, сдѣлавъ разрѣзъ, вростить ее въ руку, то будетъ непопѣдимъ въ дракѣ и пріобрѣтеть такое обаяніе, что ему даже «поклонится начальникъ и не обидитъ» (Тотемск. у. Волог. г.). Также чудесна «Адамова голова», цвѣтокъ которой нужно положить въ церковь, подъ престолъ, и дать пролежать тамъ 40 дней. Цвѣтокъ этой обладаетъ самыми разнообразными и универсальными свойствами: «кто хочетъ высоко лѣзть—бери эту траву и съ ней никакого ужаса нѣтъ, и земля кажется близка; давай эту траву беременной женщинѣ—и она легко родитъ и т. п. Необыкновенными свойствами обладаютъ также травы: лиходѣйная и чертогонъ, или чертополохъ. Лиходѣйная трава, если ее нить и вѣшать въ домъ, предохраняетъ отъ глазу и норчи, а чертогонъ, или чертополохъ имѣеть способность выгонять чертей, давать успокоеніе сильно плачущимъ о покойникахъ и предохранять отъ беспокойства, со стороны ихъ, живущихъ въ домѣ (Спасск. у. Казанск. г.). Аналогичное съ послѣднимъ дѣйствіе имѣеть и трава плакунъ (Ростовск. у. Ярославск. г.). Такими же необыкновенными свойствами обладаютъ и многія другія растенія. Большой славой отъ порчи пользуется трава «Петровъ крестъ», при чемъ самый крестъ находится, будто бы, въ корнѣ, подъ землей, на глубинѣ двухъ аршинъ. Трава «Марія-Магдалина помогаетъ отъ тоски, «Анютины глазки» отъ глаза, «Иванъ да Марья» и донникъ—отъ порчи, разбой-трава отъ застоя крови, богородская трава—отъ порчи колдуна и отъ домового, когда онъ ночью наваливается на спящаго, просвирики или проскудки, если настоемъ ихъ моются дѣвки—способствуютъ росту волосъ и титекъ. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) растетъ особенная «полынь-трава», имѣющая способность «вышибать» плодъ и дѣйствительная только въ то время, когда она начинаетъ цвѣсти и на ней бываетъ «мѣсячная роса». Для вышибанія плода траву эту нужно есть. По силѣ, трава бываетъ разная: одна дѣйствуетъ на одинъ мѣсяцъ, другая на полгода и на годъ, а то есть и такая полынь, что женщина вовсе не будетъ рожать до смерти¹⁾). Подобная же

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (Макарьевск. у. Костромск. г.) существуетъ фантастическое уображеніе, что трава эта, предотвращающая беременность и изгоняющая плодъ, не имѣеть вовсе корней.

трава, имѣющая способность предотвращать чирьи, есть въ Сараи. у. (Вятск. г.). Трава эта—вороній глазъ—растетъ въ лѣсу, на верху у ней черная ягода, которая бываетъ только одна. Если проглотить одну такую нежеванную ягоду, то чирьевъ не будетъ цѣлый годъ, если двѣ—не будетъ ихъ два года и т. д. Суевѣрный мотивъ употребленія многихъ растеній всего больше обнаруживается въ томъ фактѣ, что иногда извѣстная трава, въ зависимости отъ ея сверхъ-естественныхъ свойствъ, считается полезной отъ множества болѣзней, напротивъ, въ другихъ случаяхъ, одна и также болѣзнь требуетъ совмѣстнаго употребленія непремѣнно многихъ травъ. Трава «дивій силь» помогаетъ отъ многихъ и самыхъ разнообразныхъ болѣзней потому, что въ ней «девять силь». Тоже — «сороконедужникъ»: стоитъ только узнать способы его употребленія — и онъ «какую угодно болѣзнь, какъ рукой, сниметъ¹⁾). Напротивъ, лихорадка требуетъ совсѣмъ другого лечения: такъ какъ лихорадокъ 12 сестерь, то для лекарства нужно взять листьевъ и вѣтвей непремѣнно съ 12-ти различныхъ растеній. (Череповецк. у. Новгор. г.).

Всѣ разсмотрѣнныя средства составляютъ только одну небольшую часть домашней терапіи крестьянина. Кромѣ ихъ, существуетъ масса другихъ пріемовъ и средствъ, почти всегда имѣющихъ для своего употребленія тѣ или другія идеинія основанія.

Символическая средство.

Суевѣрная идея, обнаружившаяся въ процессѣ опахиванія, что болѣзнь можетъ быть ограничена кругомъ или чертой, напала себѣ примѣненіе и въ чисто домашней обстановкѣ. Проведеніемъ такого магического круга лечатся иногда нарывы и «непроступы». Кругъ очерчивается углемъ и получаетъ размѣры, соотвѣтственно желанію больного ограничить болѣзнь тѣми или другими предѣлами (Вельск. у. Вологодск. г.). Подобнымъ же образомъ (въ Орловск. г. и у.) лечатъ «круги». Въ Череповѣ—мѣ. у. очерчиваніе липаевъ углемъ, чтобы они не распространялись по тѣлу, производится на вечерней зарѣ, съ молитвенными приговорами, а самый уголь, послѣ выполненія своей роли, бросается на землю. При поясничной ломотѣ кругъ очерчивается иногда топоромъ на порогѣ избы, а передъ обводится и перекрещивается остриемъ ножа (Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г.).

¹⁾ Подобной славой пользовался шалфей (*H. Salviae*) въ средне-вѣковой западно-европейской медицинѣ. Извѣстно двустишіе, относящееся къ его чудеснымъ свойствамъ: «*Cum moriatur homo, dum salvia crescit in horto?*» («съ чего бы умирать человѣку, когда шалфей растетъ въ саду?»).

Какъ ни заманчива идея ограничить болѣзнь, идея уничтожить ее совсѣмъ должна быть еще болѣе привлекательной. Символически достигается это иногда такимъ образомъ: у больного выстригаютъ нѣсколько волосъ, остригаютъ ногти, просверливаютъ въ осинѣ дыру и, положивъ туда ногти и волосы, заколачиваютъ камешкомъ (Городиц. у. Пензенск. г.). Такой же символически уничтожающій приемъ примѣняется при лечениі «стрѣльбы» въ ушахъ. Подувъ предварительно въ больное ухо, вкладываютъ въ него небольшой камушекъ и оставляютъ на цѣлую недѣлю. Вынувъ, бросаютъ въ огонь и затѣмъ кидаютъ въ рѣчку, выбирая преимущественно тѣ мѣста, где сплавляются три ручья. Очень рѣшительный, уничтожающій приемъ продѣлываютъ нѣкоторые орловскіе знахари, имѣя дѣло съ грыжей. Они выламываютъ изъ пола, среди избы, доску и забиваютъ осиновый колъ, со словами: «какъ Іуда въ землю вошелъ, склонился, такъ и ты, грыжа, пропади и спрячься въ середку». Идея уничтоженія болѣзни обнаруживается и въ суевѣрномъ обычай, практикующемся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ настоящее время, зарывать въ землю, при эпидемическихъ болѣзняхъ, различныхъ животныхъ—собакъ, кошекъ и ягнятъ (Шуйск. у. Владимирской г., Грязовецк. у. Вологодск. г.). Интересенъ суевѣрный способъ хоронить эпилепсію. Во время припадка у больного отрѣзываютъ клокъ рубашки и какъ только случится покойникъ, кладутъ этотъ клокъ ему въ гробъ (Орловск. г.). Продѣлывается это 12 разъ и болѣзнь проходитъ. Иногда, въ случаѣахъ примѣненія такого уничтожающаго метода, совершается настоящее ауто-дафе. Въ 1897 г., во время обширной эпидеміи тифа, въ Новоникольской волости (Грязовецк. у. Волог. г.), поселяне жестоко избили мѣстную знахарку, заподозрѣнную въ распространеніи болѣзни, отрѣзали у неї косу и торжественно сожгли эту косу на костре.

Для уничтоженія болѣзни можно примѣнить и другой нехитрый способъ: выгнать болѣзнь. Такимъ образомъ, нахлестывая по стѣнамъ вицами, выгоняютъ изъ дома въ Вельскомъ у—дѣ горячку, а въ Сольвыч—мъ, когда больной горячкой начнетъ бредить, зажигаютъ нѣсколько прутиковъ вересу и, сдернувшись съ больного одѣяло, стегаютъ его вересомъ по ногамъ. Дѣлается это врасплохъ и повторяется нѣсколько разъ. Въ Череповецкомъ у—дѣ «лунатиковъ» выводятъ по утреннимъ зорямъ на улицу и усердно стегаютъ вѣнникомъ. Здѣсь, кромѣ желанія выгнать, обнаруживается уже стремленіе напугать болѣзнь—методъ лечения, съ которымъ мы познакомились ori описанії (во II гл.) способа пристѣканія и прикусы-

ванія «утина». При падучей, чтобы напугать болѣзнь, больного, во время припадка, очерчиваютъ на полу кругомъ и нещадно бьютъ травою чертополохомъ (Череповецк. у. Новгор. г.). Та же болѣзнь лечится «напугомъ» и такимъ образомъ, что кто-нибудь изъ постороннихъ тихонько подкрадывается къ больному и спрыскиваетъ его холодной водой. Такія же продѣлки совершаются надъ роженицами при тяжелыхъ родахъ и надъ больными при пароксизмахъ перемежающейся лихорадки (Пощеконск. у. Ярославск. г., Саранск. у. Пензенск. г., Гжатск. у. Смоленск. г.).

Способы отпугивания болѣзней въ различныхъ мѣстахъ варьируются весьма различнымъ образомъ и между ними особенно любопытны тѣ, которые производятся «прикусываніемъ». Въ Никольскомъ у. (Вологодск. г.) при «ногтовидцѣ» три раза кусаютъ большой палецъ, произнося слова: «не тебя я, палецъ, кусаю, а злуюлиху ногтовидцу, чтобы не было ея никогда». Въ Городищѣ—мѣстѣ уѣздѣ (Пензенск. г.) къ больному «съ ломомъ» въ рукахъ или ногахъ подводятъ мальчика или дѣвочку, послѣдней въ семьѣ, и даютъ имъ слегка кусать большую ногу или руку, за локоть или за колѣно. Послѣ каждого укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Такимъ же образомъ въ Кадникѣ—мѣстѣ у. (Вологодск. г.) закусывается грыжа у ребенка. Закусываніе здѣсь производится черезъ тряпицу, которая потомъ бросается со словами: «не тѣло и не пупъ кусаю, а кусаю злую и лихую грыжу, выживаю, выгоняю изъ тѣла и укрѣпляю раба Божьяго навѣки». Въ Сарапѣ—мѣстѣ у. (Вятской г.) при этомъ произносятся болѣе простыя слова: «грызу, грызу пупище, отгрызу грызище», а въ Никольскомъ у. (Волог. г.) — такого рода приговоръ: «не ты, грыжа, грызи насъ, а мы тебя грыземъ и кусаемъ». Иногда грыжа закусывается, такъ сказать, символически. Знахарь отыскиваетъ щенка съ сучкомъ и, вместо грыжи, начинаетъ грызть ее, больной же, какъ при утинѣ, спрашиваетъ что онъ дѣлаетъ? — Въ отвѣтъ, что тотъ грызетъ грыжу, больной долженъ поощрительно сказать: «грызи, грызи, чтобы ее вѣкъ не было» (Юхновск. у. Смоленск. г.). Хорошо также, если грыжу закусить мышь. Для этого ее садятъ на грыжу, стараясь раздразнить. Съ той же цѣлью садятъ иногда на грыжу и бѣлаго червяка или жука (Новоржевск. у. Псковск. г., Сарап. у. Вятск. г., Орловск. г. и у.). Иногда такие пріемы пріобрѣтаютъ особенную сложность. Чтобы напугать и выгнать «жабку», душать двумя пальцами правой руки, большимъ и мизинцемъ, пойманнѣхъ крота или жабу, водятъ потомъ этими же пальцами по боковымъ сторонамъ шен-

больного, какъ бы угрожая задушить «жабку», и иногда усиливаясь этотъ приемъ употреблениемъ внутренняго средства, давая пить больному воду, пропущенную 3 раза сквозь отверстіе въ концѣ телѣжной оси, куда вставляется чека (Болховск. у. Орловской г.). Такое же символическое значеніе имѣетъ и приемъ, известный подъ названіемъ «колоть» жабку. Прикальвание жабки производится или прутикомъ съ двумя концами, на подобіе вилочки (Волог. г. и у.), или двумя пальцами, указательнымъ и мизинцемъ, въ то время, какъ остальные пригнуты къ ладони (Черепов. у. Новгородск. г.).

Передача болѣзней, какъ приемъ лечения. Наряду со всѣми такими средствами, большими распространеніемъ, какъ суевѣрный способъ лечения, пользуется передача болѣзни.

Кромѣ знахарскихъ приемовъ бросанія на дорогу какихъ-нибудь заговоренныхъ предметовъ — яйца, полѣна, колѣйки денегъ, ногтей или волосъ съ больного, камешковъ съ печи, на которой онъ лежитъ и пр., — есть чисто домашніе способы передавать болѣзни. Въ Р.-Борисоглѣбскомъ у-дѣ (Яросл. г.), при насморкѣ, обмазываютсяслизистымъ выдѣленіемъ носа дверную скобу: кто первый ухватится, тотъ заболѣть, а больной выздоровѣеть. Съ такою же цѣлью въ Пониехонскомъ у-дѣ обтираютъ тѣло больного тряпицею, полотенцемъ, рубашкою и т. п. и кидаютъ эти вещи на дорогу: кто подниметъ, на того и передѣгаетъ болѣзнь. Руководствуясь такими соображеніями, при хроническихъ сыпяхъ некоторые орловцы и череповцы бѣлье ребенка перевязываютъ поясомъ, относятъ на перекрестокъ и оставляютъ тамъ, будучи вполнѣ увѣрены, что кто подниметъ, на того и «хвороба наносится». Въ Медынскомъ у., чтобы сбросить съ себя лихую болѣзнь, кидаются на перекрестокъ свой тѣльникъ¹), платокъ или поясъ, а въ Масальскомъ (Калужск. г.) значеніе этого приема усиливаютъ тѣмъ, что ходятъ купаться на межи, где есть межевые ямы съ водою, и оставляютъ снятую съ себя одежду тамъ. Въ Мелен—мъ у. (Владим. г.) кладутъ больного на сѣно и потомъ его подкидываютъ на дворъ того человѣка, которому хотятъ передать болѣзнь. Иногда, съ цѣлью передачи болѣзни, дуютъ на спящаго, даютъ пить воду изъ коры, изъ котораго только что пили больной, а иногда, при струнахъ и коростахъ, срываютъ струпъ, запекаютъ въ лепешку и даютъ сѣсть тому, кому хотятъ передать эту болѣзнь (Калужск. г. и у.). Въ другихъ случаяхъ такую передачу можно совершить еще проще. При «навѣй кости», напр.,

¹) Шейный крестъ.

увидѣвъ двухъ людей, юдущихъ на одной лошади, верхомъ, слѣдуетъ только сказать: «двою вѣсъ, двою насъ, возьмите навью кость у насъ». При этомъ нужно плюнуть вслѣдъ и сдѣлать символической жестъ, какъ бы бросая во слѣдъ что-то (Болхов. у. Орловск. г.).

Съ неменьшимъ успѣхомъ передаются болѣзни и животныя. Нѣкоторые изъ пощеконцевъ считаютъ за грѣхъ, только что описанымъ способомъ, передавать насморкъ людямъ и предпочитаютъ «навѣшивать его на хвостъ кошкамъ», смазывая соплями и разсчитывая, что такимъ образомъ насморкъ перейдетъ на кошку. Куриная слѣпота, вслѣдствіе нѣкотораго сродства ея съ курами, передается послѣднимъ. Для этого ходятъ вечеромъ подъ куриный напѣсть и обливаются холодной водой или юдятъ тамъ вареную коровью печень (Сарапульск. у. Вятск. г., Болховск. у. Орловск. г.). Ходятъ подъ курсѣсть иногда и при женскихъ болѣзняхъ, если онѣ случаются «съ глазу». Чтобы снять болѣзнь, бабы обмываются здѣсь принесенной для этой цѣли водой. Съ большой уверенностью передается «нисъякъ» и «сучки сиськи» собакѣ. Берутъ кусокъ хлѣба, прикладываютъ къ больному мѣсту и бросаютъ хлѣбъ собакѣ, со словами: «возьми свой хлѣбъ» (Юхновск. у. Смоленск. г.). Съ неменьшимъ успѣхомъ въ Обоянскомъ уѣздѣ (Курской г.) переводится съ ребенка на собаку «нолуночникъ». Для этого, когда сажаютъ хлѣбъ въ печку, отъ каждой ковриги берутъ по кусочку тѣста, всего 9 кусковъ, катаютъ ларики и бросаютъ черной одноруцкой собакѣ и говорятъ: «отъ кишенного (крещенаго), пороженного, молитвенного (имя младенца), аминь». Собака отъ этого издыжаетъ, а ребенокъ остается живъ. Подобнымъ же образомъ удается перевести съ ребенка на животныхъ «сунцецъ», сухотку или «собачью старость»: на окно, подъ рѣшието, сажается кошка, надъ рѣшиетомъ купается ребенокъ и хворотьба переходитъ на кошку. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Волог. г.) методъ «переводки» болѣзни упрощается до того, что тамъ при нѣкоторыхъ сыпяхъ смазываютъ себя сметаной и даютъ слизывать болѣзнь собакѣ.

Изъ рыбъ, при передачѣ болѣзней, большую роль играетъ щука: на нее переводится желтуха. Для этого садять въ лохань съ водой одну или нѣсколько живыхъ щукъ. Большой наклоняется къ лохани, пристально смотрить на щукъ и при этомъ часто сплевываетъ въ лохань. Щуки глотаютъ слону, и желтуха переходитъ на нихъ: сначала у щукъ дѣлаются желтыми глаза, а и потомъ онѣ и сами начинаютъ желтѣть (Зарайск. у. Рязанск. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Череповецк. у. Новгородск. г.).

Изъ неодушевленныхъ предметовъ иногда имѣютъ способность «снимать болѣзнь» простыя подпорки, стоящія около заборовъ и домовъ. Для этого при поясничной боли больному слѣдуетъ только потереться обѣихъ обнаженной поясницей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эта боль носить название «опоръ», на нее хорошее дѣйствіе, очевидно, по созвучію, оказываетъ дверной запоръ. Больному надо встать раньше всѣхъ, взять этотъ запоръ и, потирая имъ большую поясницу, приговаривать: «запоръ ты, запоръ, возьми съ меня опоръ» (Кадник. у. Волог. г.).

Можетъ снять эту болѣзнь и овинъ. Для этого слѣдуетъ больному потереться обнаженной спиной о стѣну овина и трижды проговорить: «овинъ, овинъ, сними съ меня угинъ». Иногда, при этомъ, нужно искать непремѣнно такой овинъ, чтобы онъ былъ перенесенъ на третью мѣсто. Такое же значеніе въ Вязниковскомъ у—дѣ (Владимирск. г.) приобрѣтаютъ всякія другія постройки, перенесенные съ одного мѣста на другое. Потирая о нихъ ушибленное мѣсто, слѣдуетъ произносить: «хоромина поставлена, поставь меня по старому».

Къ бѣлямъ у женщинъ какое-то скрытое отношеніе имѣетъ береза. Женщины, при бѣляхъ, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, идутъ къ какой-нибудь березѣ, плещутъ на нее и на себя воду и приговариваютъ: «возьми, береза, свое, а отдай мое». При тѣхъ же бѣляхъ женщины отмываютъ рубашку ночью и воду относятъ выливать на перекрестки, чтобы никто не видалъ. Иногда при бѣляхъ процессъ обмыванія совершается женщинами тамъ же, на перекресткахъ, а остатки принесенной изъ дома воды выливаются ими на правую и лѣвую сторону (Юхновск. у. Смоленск. г., Карабачевск. у. Орловск. г.).

**Суевѣрныя
средства,
основанныя
на аналогіи.**

Въ числѣ общихъ суевѣрныхъ пріемовъ есть такие, въ основѣ которыхъ заключается та или другая аналогія между воображаемой причиной болѣзни и примѣняемымъ средствомъ. Эта аналогія часто весьма отдаленна и нерѣдко лишена совершенно всякаго здраваго смысла. Колотье въ груди и спинѣ «прикальзываютъ» крестомъ, а при «усовьяхъ» или колоть въ бокахъ «поять съ иголокъ». Набравъ ихъ, сколько возможно, больше, опускаютъ въ чашку, напиваются воды, поять ею больного и натираютъ бока. Подобнымъ же образомъ лечатъ острыя боли въ желудкѣ: ставить на животъ больному чашку воды и опускаютъ въ нее иголки. Существуетъ даже такой способъ лечения колотья въ боку: колоть бокъ осколкомъ или щепкой отъ подпорки, которой поднерта стѣна (Городищенск. у. Пензенск. г., Болховск. и Карабачевск. уу. Орловск. г.).

Однородность названий, ви́дьшнее сходство дѣйствія, соотвѣтствіе мѣста и т. п.—все это даетъ поводъ крестьянину искать и находить, казалось бы, самыя непримѣнимыя средства. Считая очень полезнымъ при золотухѣ золото, онъ пріобрѣтаетъ, будто бы, золотые крестъ или серги, носить съ собой хотя бы золотую нитку изъ ризы священника, юсть съ хлѣбомъ или пить въ водѣ «сущальное» золото и т. п. При паховой грыжѣ онъ прокалываетъ и вставляетъ сергу въ то ухо, съ какой стороны появляется грыжа, при пупочной, на основаніи проблематического сходства, вставляетъ въ пупъ изюминку, а при кровоточеніи изъ пуповины примѣняетъ однородное по цвету съ кровью средство—сырую терпкую свеклу. На томъ же законѣ подобія основывается примѣненіе известнаго деревенского средства при укушенныхъ ранахъ: употребленіе внутрь пепла отъ шерсти укусившей собаки или прикладываніе этой шерсти къ ранѣ.

Весьма интересенъ способъ, который примѣняется иногда при недержаніи мочи: больные подносятся той веревкой, которая обвиваетъ и удерживаетъ на палкѣ печное помело (Болховск. у. Орловск. г.). Не менѣе любопытенъ другой способъ, при посредствѣ котораго женщины достигаютъ того, что у нихъ «подсыхаетъ» молоко въ грудяхъ: для этого молоко «сострекивается» на горячую печь (Р.-Борисогл. и Пощехонск. уу. Ярославск. г.). Русскій мужикъ не смотритъ просто иногда даже на такое явленіе, какъ заноза. Лучшимъ средствомъ для ея извлеченія онъ считаетъ сокъ лебеды¹⁾, а чтобы заноза не попала въ тѣло вторично, полагаетъ необходимымъ, вытачивъ, ее сѣсть. Въ Сиасскомъ уѣздѣ (Казан. губ.) для извлеченія занозы употребляется «змѣиная выползина», которой обкладывается то мѣсто, куда попала заноза: какъ змѣя свободно выползаетъ изъ своей шкуры, такъ заноза вылѣзетъ изъ тѣла. Змѣиный вынолзокъ помогаетъ и при тяжелыхъ родахъ, если поить съ него водой роженицу. Здѣсь играетъ роль соображеніе: какъ змѣя выполняетъ свободно изъ шкуры, такъ легко родится и ребенокъ» (Сараи. у. Вятск. г.). Суевѣрная терапія нашла какую-то таинственную связь даже между эпилепсіей и выюномъ: проглотить при падучей живого выюна считается хорошимъ средствомъ²⁾. Такое же стремленіе отыскать несуществующее отноше-

¹⁾ Вѣроятно, потому, что лебеда имѣеть острую и колючую оболочку.

²⁾ Быть можетъ, поводъ къ употребленію этого средства дала та аналогія, которая въ глазахъ крестьянъ можетъ существовать между движеніями выюна и судорогами при падучей.

ниe къ болѣзни проявляется и въ нѣкоторыхъ другихъ суевѣрныхъ пріемахъ. Таковъ, напр., обычай лазить при глухотѣ на колокольню, становиться подъ колокола и цѣловать ихъ или поить долго не говорящаго ребенка водой, которой быть окаченъ колокольчикъ. Таковъ же пріемъ—пользоваться, какъ лечебнымъ средствомъ, покойникомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, при головной боли, берутъ руку покойника и обводятъ ею три раза вокругъ головы, произнося: «какъ твоя рука замерла, такъ пусть замретъ моя голова»¹). Такой же характеръ имѣеть практикующійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ способъ лечения отъ «лома въ костяхъ». Больной идетъ въ лѣсъ и ищетъ старую кость отъ «падины», которая бы вросла уже въ землю. Взявъ кость, больной стучитъ ею по больному мѣсту и приговариваетъ: «какъ эта падина ничего не чуетъ, такъ пусть и моя нога ничуть не болитъ». Иногда для этой цѣли нужна земля или трава, взятая съ могилы «тезки» или человѣка, умершаго отъ той же болѣзни, которой страдаетъ больной (Орловск., Пензенск., Вятск., Новгород. и друг. гг.). Но едва ли не дальше всѣхъ по такому пути невозможныхъ аналогій идутъ нѣкоторые новгородцы (Череповецк. у.). По ихъ наблюденіямъ, кора крушинъ, соскобленная сверху внизъ, дѣйствуетъ, какъ слабительное, а снятая снизу вверхъ—какъ рвотное.

Суевѣрная терапія отдельныхъ заболеваній.

До сихъ порь мы рассматривали общіе суевѣрные пріемы и средства, въ которыхъ проглядываетъ та или другая общая руководящая идея. Несмотря на всю свою фантастичность и часто даже нелѣпость, какъ это было уже нами замѣчено въ отдѣлѣ «знахарство», идея эта почти всегда стоитъ въ послѣдовательной и логической зависимости отъ воззрѣнія народа на заболѣваемость.

Въ настоящее время—предъ нами методика лечения суевѣрными средствами нѣкоторыхъ отдельныхъ болѣзней, своего рода частная терапія народа. Здѣсь мы сгруппировали пріемы и средства болѣе сложные, которые не исчерпываются какой-либо одной идеей, та-кіе, гдѣ эта идея выражена болѣе мелочнымъ и отдаленнымъ образомъ и, наконецъ, тѣ, для которыхъ было бы трудно подыскать какое бы то ни было объясненіе.

Особенной многочисленностью и разнообразіемъ, а иногда и осо-бенной сложностью, отличаются пріемы и средства при перемежающ-щейся лихорадкѣ. Большого иногда сажаютъ въ «дымъ», когда

¹⁾ Рукой мертвца трутъ, при боляхъ, даже животы у больныхъ (дер. Заболотная, Тихвин. у. Новгор. губ.).

затопятыи первый разъ въ году овинъ, обмываются холодной водой и приговариваются: «какъ съ гуся вода—такъ и съ тебя худоба и хворь, и боль» (Вяземск. у. Смолен. г.). Въ другихъ случаяхъ оказываются его водой, въ лѣсу, черезъ березку, завязывая надъ головой два сучка березы и произнося: «покинешь—отпущу, не покинешь — сама стинешь» (Пензен. и Красноселоб. уу. Пензенск. г.). Иногда даются больному лихорадкой воду, наговоренную на угляхъ, соли и глины. Въ первый день лечения дается одна ложка, во 2-й—две, въ 3-й—три и т. д., до 12 дней. При этомъ больной, каждый день, на деревянной палочкѣ дѣлаетъ соотвѣтственное количество зарубокъ и, по окончаніи курса лечения, бросаетъ эту палку въ рѣку (Медынск. у. Калужск. г.). При той же болѣзни берется съ божницы освященная верба, дѣлается на ней столько надрѣзовъ, сколько было съ больнымъ пароксизмовъ и бросается въ натопленную печь. Когда верба сгоритъ, нужно взглянуть на оставшийся пепель и положить три земныхъ поклона: послѣ этого лихорадка должна «пропасть». Особенной сложностью отличается лечение упорныхъ случаевъ лихорадки, когда она не поддается обычнымъ приемамъ лечения. Въ стѣнѣ или дверяхъ, на высотѣ роста больного, просверливается отверстіе, выстригается у больного клокъ волосъ, обрѣзываются ногти, все это вкладывается въ приготовленное отверстіе и заколачивается осиновымъ колышкомъ, а самъ больной укладывается на осиновые чурбаны и нахлестывается осиновыми же прутьями (Городищенск. у. Пензенск. г.).

Иногда при лихорадкѣ употребляется и такой способъ лечения: ставить подъ куриную напечь мялку, на которой мнуть ленъ, рано, до зари, кладутъ на нее больного, мнуть мялкой спину и обливаютъ водой. Въ другихъ случаяхъ практикуютъ пріемъ, носящий какъ бы умилостивительный характеръ: берутъ съ 12 различныхъ деревьевъ кору, замѣшиваютъ съ мукой и пекутъ 12 пирожковъ. Пирожки бросаются на перекрестки дорогъ и при этомъ произносятся: «двѣнадцать сестеръ, берите всѣ по пирожку и не ходите къ больному» (Грязовецк. у. Волог. г.).

Методъ лечения лихорадки «перепугомъ» очень распространенъ и до сихъ поръ практикуется довольно часто¹⁾. Средствомъ испугать лихорадку, кромѣ крика, браны, стука, нечаяннаго обливанія водой и т. п., считается иногда кошка, которую неожиданно бросаютъ на больного, вначалѣ пароксизма (Сарап. у. Вятск. г.). Но

¹⁾ Егорьевск. и Зарайск. уу. Рязанск. г., Красноселоб. и Городищенск. уу. Пензенск. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г. и др.

еще болѣе распространенъ при лихорадкѣ обычай класть запазуху и навѣшивать на шею или на кресть больного различные, имѣющіе эмблематическое значеніе предметы. Иногда кладется запазуха больного сушеная, совсѣмъ особенного сорта рыба, пойманная ночью. Обыкновенно рыба спить по теченію рѣки; это — «добрая рыба», другая же спить противъ теченія: это рыба злая и въ ней живеть дьяволъ. Вотъ, эта-то рыба за пазухой и отгоняетъ лихорадку (Сарац. у. Вятск. г.). Такимъ же значеніемъ пользуются и носятся при лихорадкѣ змѣиный выползень, летучая мышь, лягушка, кошачье мѣсто, птичье гнѣздо или веревка, на которой была удавлена собака или кошка, «заря», запаха которой будто бы не любить лихорадка, или сушеный тараканъ (Калужск. г. и у., Брянск. и Карабчевск. уу. Орловск. г. и др.). Вмѣсто таракана иногда фигурируетъ паукъ. Онъ заключается въ орѣховую скорлупу, обшивается тряпкой и вѣщаются на шею больного: въ скорлупѣ онъ начнетъ вить паутину и этой паутиной опутаетъ лихорадку (Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г.). Изобрѣтательность народа по части суевѣрныхъ выдумокъ положительно безгранична, и въ тѣхъ случаяхъ, когда является неудобство для больного носить на себѣ какіе-либо предметы, народъ выходитъ изъ этого затрудненія тѣмъ, что помѣщаетъ ихъ возлѣ больного. Такимъ образомъ, тайно отъ больного, кладутъ ему въ ноги топоръ, а подъ подушку ножъ, черепъ медвѣжьей или лошадиной головы, грязную женскую рубаху въ регулахъ, мыло, которымъ мыли бѣлье и т. п. предметы (Тотемск. и Грязовецк. уу. Волог. г., Пошехонск. у. Ярославск. г. и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при лихорадкѣ употребляются въ высшей степени странные иріемы: больной окачивается холодной водой черезъ оглоблю, протаскивается черезъ хомутъ, а на голову ему надѣваются штаны, поится водой, въ которой была выкупана черная кошка и пр. Однимъ изъ средствъ противъ лихорадки считается также вошь, закатанная въ шарикѣ хлѣба, который съѣдается больнымъ (Пошехонск. у. Ярославск. г., Городищенск. у. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Яранск. у. Вятск. г.). Иногда больные лихорадкой садятся на ухвать, или «на рога» и бѣгаютъ взадъ и впередъ по деревнѣ, а въ другихъ случаяхъ имъ надѣваются на шею хомутъ, заставляютъ бѣжать по улицѣ и кричать вслѣдъ: тишу, «тишу, сдержу нѣть жеребцу!» (Вяземск. у. Смол. г.). Нѣкоторые больные лечатся болѣе интимнымъ образомъ: выходятъ по утреннимъ зорямъ на лугъ и катаются нагишемъ, по росистой травѣ, въ теченіе 12 зорь (Юхновск. у. Смоленск. г.).

Довольно обширна также суевърная терапія бородавокъ. Общераспространенный пріемъ ихъ лечения заключается въ томъ, что на ниткѣ завязываются, по числу бородавокъ, узлы и зарываются въ землю, навозъ или кладутъ подъ пятку двери: бородавки пропадутъ, какъ только нитка сгниетъ¹⁾). Также пропадаютъ бородавки, если потереть ихъ чистыми яблоками, безъ крапинокъ, и зарыть яблоки въ землю. Иногда для этой цѣли берется солома, столько соломинокъ, сколько бородавокъ; больной перерубаетъ солому и тоже зарываетъ въ землю. Можно свести ихъ и такъ: взять горсть конопли, потереть ею бородавки и бросить коноплю въ огонь или птицамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ передать бородавки другимъ, вырѣзываютъ на палкѣ, по числу бородавокъ, рубчики и бросаютъ на улицѣ или на перекресткахъ дорогъ: кто подниметъ, на того перейдуть бородавки. Иногда бросаются на перекресткахъ, по числу бородавокъ, жгутики изъ лентъ, ленты съ соответственнымъ числомъ надрѣзовъ или срѣзанная и завязанная въ тряпку бородавка. Передаются бородавки и другими способами. Для этого, незамѣтно, потираются больной рукой о руку здороваго человѣка, трутъ бородавки мочалкой въ чужомъ домѣ, крошками хлѣба, упавшими со стола, и овсянымъ блиномъ: кто этотъ блинъ сѣсть, къ тому и перейдуть бородавки. Хорошо также, будто бы, сходить бородавки, если мочить ихъ водой, которой обмывается столъ въ хатѣ, или дождевой водой, собранной съ «зavorа»²⁾). Не менѣе действительнымъ считается и слѣдующее средство: берется нитка, чернится сажей, навязывается на рога коровѣ и потомъ обвязывается вокругъ бородавки: она исчезаетъ черезъ недѣлю (Сольвыч. у. Вологодск. г.). Въ Сарапульскомъ у-дѣ (Вятск. г.) въ сѣнѣ ищутъ травинку, скопленную вмѣстѣ съ землей и корнемъ, и этимъ корешкомъ трутъ бородавки: какъ трава съ корнемъ скоплена, такъ и бородавка съ корнемъ выпадеть. Прибѣгаютъ иногда и къ помоци мѣсяца. Увидѣвъ въ первый разъ народившіяся мѣсяцъ, трутъ бородавки землей, взятой изъ-подъ пятки правой ноги и, обращаясь къ мѣсяцу, говорятъ: «мѣсяцъ, мѣсяцъ, какъ ты чистъ, такъ, дай Богъ, и мнѣ чистымъ быть» (Город. у. Пензен. г.).

Среди суевърныхъ средствъ противъ зубной боли нѣкоторыя представляютъ простое видоизмѣненіе тѣхъ, которыя уже известны

¹⁾ Орловск., Караб., Брян. и Болхов. уу. Орлов. г., Варнав. у. Костр. г., Сарап. у. Вятск. г., Зубцов. у. Твер. г., Р.-Борисогл. у. Ярослав. г., Город. у. Пензен. г., Калуж. г. и у., Тульск. г. и у., Череп. у. Новг. г., Сольвычег. у. Волог. г. и др.

²⁾ Ворота, которыми заливаются поля, засѣянныя хлѣбомъ.

намъ и имѣютъ примѣненіе и при другихъ болѣзняхъ. Таковы— могильная земля или щепочка отъ могильного креста: положенный на болѣй зубъ, онъ мгновенно «снимають» зубную боль. Таковъ также способъ пользоваться, въ качествѣ лечебнаго средства, рукой мертвѣца. Здѣсь, съ небольшой модификаціей, повторяется та же, что и при головной боли, формула: «у тебя кости онѣмѣли, онѣмѣй и у меня зубъ». Хорошо и здѣсь, какъ при лихорадкѣ, сходить на погостъ, найти человѣчью косточку, обвести ею три раза кругомъ болѣй зуба и отнести назадъ, положивъ такъ, какъ лежала. Въ случаѣ невозможности достать такую кость, можно воспользоваться челюстью съ зубами околѣй свиньи или собаки, водя по болѣй щекѣ челюстью и приговаривая: «замри, замри, мой зубъ болѣй, какъ эти зубы».

Нѣкоторыя изъ средствъ имѣютъ специальное примѣненіе только при зубной боли. Таковъ способъ—браться зубами за притолоку и говорить: «крѣпка, крѣпка притолока, будуть и мои зубы крѣпки». Произносить это нужно три раза и каждый разъ плонуть. Лечебный способъ—держать во рту сучокъ или щепку отъ порога и класть на болѣй зубъ щепку, сколотую съ дерева молниєю, примѣняется только при зубной боли. Есть и другія специальные средства противъ зубной боли, иногда довольно оригинальныя. Въ Юхновскомъ у-дѣ (Смоленск. г.) болѣй зубами обводить уквачемъ съ дегтемъ 12 разъ вокругъ болѣй щеки и бросаетъ уквачъ за сосѣдскую изгородь: зубы начинаютъ болѣть у сосѣда, а у него перестаютъ. Въ Череп—мъ у—дѣ (Новгородск. г.) ищутъ въ лѣсу шишку сосновую или еловую, вставленную въ расщелину дятломъ, берутъ ее зубами, не дотрогиваясь руками, и перебрасываютъ черезъ голову. Если шишка будетъ переброшена удачно и не упадетъ передъ носомъ, то зубы заживутъ. Въ Васильсурскомъ у-дѣ (Нижегор. г.) болѣй, на исходѣ мѣсяца, тайкомъ, идти вечеромъ къ рябинѣ, кланяться 3 раза до земли и говорить: «рябина, рябина, возьми мою зубную болѣзнь, а я тебя до вѣку за это не буду ъѣсть»,— опять кланяется ей три раза, цѣлуясь ея стволъ и три раза дотрогивается до него зубами. Такое лечение оканчивается дома: придя, болѣй ложится на печку внизъ лицомъ и лежитъ такъ до свѣту.

Иногда цѣлебныя свойства приобрѣтаетъ простой серебряный гриненикъ. Онъ кладется на зубъ и если почернѣетъ, зубы больше болѣть не будутъ. Также хорошо лечится зубная боль наполтываніемъ надъ чашкой съ водой: тогда черви изъ больныхъ

зубовъ, будто бы, такъ и посыпятся въ воду и зубная боль мон-
ментально иройдетъ (Карабашск. у. Орловск. г.).

Рекомендуется при зубной боли и испытанное русское средство отъ всевозможныхъ болѣзней—водка:

«Болять зубы,
Открой губы,
Хорошенько протри
И снаружи, и внутри.
Возьми примочки
Отъ винной бочки,
Чашечкой во рту сполосни,
А бутылочку во внутрь хлесни.
Луковицу принаси
И ею съ хлѣбомъ закуси,
Теплой шубою укройся
И на печку заберись» (Черепов. у. Новг. г.).

Общераспространенное средство противъ куриной слѣпоты— это бычачья, телячья и, въ особенности, куриная печень¹⁾). Способы ея употребленія: ёсть, сидѣть, держа глаза надъ паромъ горячей печени и смазывать ихъ сырой печенью. Другой, не менѣе распространенный способъ леченія этой болѣзни— передача ея курамъ. Помимо заговоровъ и окачиванія вечеромъ водой подъ куриной напечстью, такая передача достигается иногда совершенно особыннымъ и экстраординарнымъ приемомъ: забраться на куриное сѣдало и запѣть пѣтухомъ (Черепов. у. Новгор. г.). Практикуются при этой болѣзни и нѣкоторыя специальные средства. Оказывается, хорошо сидѣть, наклонясь надъ разрытой муравьиной кочкой з вечернихъ и з утреннихъ зори. Хорошо также согнуться надъ лагуномъ съ дегтемъ, прося, чтобы деготь отозвалъ куриную слѣпоту, или глядѣть на солнце, ухватясь за мочку уха мизинцемъ и большимъ пальцемъ. Хорошо, будто бы, помогаетъ и такой способъ: измѣрить суповой ниткой страстную свѣчу, нитку сжечь и пепель размѣшать въ водѣ и выпить (Болховск., Карабаш. и Орловск. уу. Орловск. г., Городищен. у. Пензенск. г.). Болѣе простыя и довольно общепринятыя средства противъ куриной слѣпоты— это нюхать табакъ и ёсть печеныя картошки съ шелухой.

Очень широкъ и почти однороденъ приемъ леченія ячменя— «кукишемъ». Способъ этотъ—поднести ячменю кукишъ и трижды произнести: «глазной кукишъ, на тебѣ шилъ», или— «ячмень, ячмень,

¹⁾ Народная органотерапія.

на тебѣ кукишъ, что хочешь, то и купиши: купи топорокъ, руби себя поперекъ».

Это показываніе кукиша производится иногда самимъ больнымъ, или, неожиданно, ему тычетъ кукишемъ въ ячмень кто-нибудь посторонній (Юхновск. у. Смоленск. г.). Другой способъ леченія ячменя состоитъ въ прикладываніи къ нему горячаго блина или мягкаго хлѣба съ солью. Обыкновенно, пожевавъ и приложивъ его къ распухшему вѣку, этотъ хлѣбъ бросаютъ потомъ собакѣ. При другихъ способахъ леченія ячменя, его смачиваютъ сахарной водой, перевязываютъ безымянныій палецъ на рукѣ, противоположной болѣному глазу, или наливаютъ въ тарелку чистой воды или масла и глядятъ до тѣхъ поръ, пока не покажутся на глазахъ слезы.

Изгнаніе волоса, составляющее специальность нѣкоторыхъ знахарей, совершается иногда и домашними средствами. Для этого плащутъ на рану воду черезъ небольшой березовый вѣничекъ или сливаютъ ее черезъ пучекъ ржаныхъ колосьевъ или травы. Въ другихъ случаяхъ это изгнаніе достигается употребленіемъ обыкновенного или же приготовленного изъ золы жимолости щелока, въ которомъ держать больную руку или ногу. Иногда больная конечность держится только надъ паромъ отъ воды, въ которую погружаются 12 накаленныхъ въ печи камешковъ. Примѣняется и другой, болѣе сложный и нѣсколько таинственный способъ. Больной отправляется въ натопленную баню, затворяется крѣпко двери, зашивается тщательно окно и выдуваетъ огонь. Приложивъ къ ранѣ кусочекъ яйца, онъ начинаетъ пристально смотрѣть на рану: тогда выходятъ изъ нея черви, «не tolще волоса съ головы, а длиной до $\frac{1}{2}$ аршина». Если больной смотритъ на выходящихъ червей и не удивляется, то они всѣ выйдутъ, а если будетъ удивляться или испугается—не пойдутъ изъ раны. Иногда, взамѣнъ яйца, волосъ гонится на шелковую нитку, которая смачивается щелокомъ и прикладывается къ больному мѣсту (Кадниковск. у. Волог. г., Черепов. у. Новгор. г.).

Сглазъ, порча и испугъ, кромѣ заговоровъ, «перепуговъ», воды, спущенной съ иконы, четырехъ угловъ стола и пропущенной черезъ скобку двери, лечатся и многими другими суевѣрными средствами. Изуроченныхъ нерѣдко сбрызгиваютъ вѣникомъ водой изъ лохани или водой, въ которую лили по «страстной» свѣтлѣй разстопленные олово и свинецъ, испорченныхъ посыпаютъ четверговой солью и кормятъ ихъ пѣтушинными потрохами, испуганныхъ поять землей изъ слѣда испугавшаго ихъ лица или пепломъ отъ

выстриженного и спаленаго клочка его волосъ и т. п.¹⁾). Среди многихъ и самыхъ причудливыхъ способовъ леченія порчи, когда она выражается въ формѣ падучей, есть очень интересный, примѣняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. По этому способу, слѣдуетъ потихоньку измѣрить ростъ больного и отмѣтить на стѣнѣ избы, вколотивши небольшой клинчикъ: будто бы, припадки проходятъ, если больной «хоть на волосъ» перерастетъ эту замѣтку.

Циклъ суевѣрныхъ средствъ разнообразенъ до нескончаемости и, кромѣ перечисленныхъ, охватываетъ всевозможныя болѣзни. Повидимому, нѣть ни одной болѣзни, противъ которой у крестьянина не было бы въ запасѣ того или другого суевѣрнаго средства. Если во многихъ изъ нихъ можно уловить нѣкоторый, хотя бы только отдаленный логическій смыслъ, другія, повидимому, лишены всякаго смысла и для нихъ трудно найти какое-нибудь даже суевѣрное основаніе. Употребленіе этихъ средствъ, безспорно, поддерживается слѣпой вѣрой и традиціей, но самый источникъ ихъ происхожденія въ высшей степени теменъ и загадоченъ.

Больные хроническими сыпями иногда трутъ себя ситомъ, а беременные женщины, если у нихъ распухаютъ ноги, лѣтомъ, на солнцѣ, чешутъ ихъ стекломъ. Вода изъ-подъ точила и хлѣбныя зерна, размельченная молотомъ — хороший способъ противъ золотухи, а сушеные и истертые въ порошокъ листья, пристающіе къ тѣлу въ банѣ, во время трепанья юнікомъ — неменѣе хорошее средство противъ рвоты. Отъ сухоты недурно помогаетъ настой изъ 12 яблоневыхъ почекъ, а при недомоганіи — наговоренные уголья, если ихъ єсть съ хлѣбомъ. Хорошія средства отъ падучей: скжечь, для питья съ водой, кукушку, зайца и лосиное копыто, принимать толченое гнѣздо осы и єсть головы свиней и скворцовъ. Средства отъ безсонницы: класть подъ подушку траву, которая растетъ на соломенныхъ крылахъ, умываться противъ горячей печки и смотрѣть передъ сномъ на дегтярку съ дегтемъ, или умываться водой, открывши заслонку въ печи и всунувъ туда голову. Отъ пьянства помогаетъ: зажать мертвцу, въ лѣвую руку, монету и купить на нее пьяницѣ водки, или же въ шкаликъ съ водкой пустить живого щуренка и дать пьяницѣ выпить. При тяжелыхъ родахъ можно доставить больное облегченіе роженицѣ, положивъ ей подъ пятки картофельный корень, а остановить кровотеченіе

Хаотическія
средства.

¹⁾ Сольвычегодск. и Кадниковск. уу. Волог. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Годищен. у. Пензенск. г., Калужск. г. и у. и др.

изъ носа можно, положивъ подъ языкъ корень «зари». При повторныхъ носовыхъ кровотеченияхъ есть средство—своя же, ранѣе вытеклая кровь, если ее засушить на сковородѣ и принимать въ видѣ порошка. При кровотечениіи у женинъ не менѣе дѣйствительно другое средство—серебряные ключи отъ часовъ: больной надо лечь и положить ключъ у сердца¹⁾. Средствомъ, хорошо останавливающимъ кровотеченіе, является иногда простая вѣтка сухого дерева, если только воткнуть ее въ землю верхушкой внизъ²⁾. Особенно трудно поддаются объясненію нѣкоторые приемы, примѣняемые при заболѣваніяхъ дѣтей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ чахнетъ, его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской и Смоленской губ. продаютъ: обыкновенно, давть лишнюю копѣйку нищему, мать передаетъ ему ребенка черезъ окно, а тотъ вноситъ его обратно въ избу черезъ дверь. Въ Р.-Борисоглѣбскомъ и Пошехонскомъ у—хъ (Ярославск. г.) ребенка, больного «тихонькимъ», просовываютъ черезъ ступеньки сквозной лѣстницы и произносятъ загадочныя слова: «тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ ребенкомъ, а ломайся надъ лѣстницей». Въ Череповецкомъ у—дѣ (с. Мороцкое) при «полуношицѣ» приносятъ ребенка въ нежилое помѣщеніе, стучать его пятками о стѣну и при этомъ говорятъ: «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, полуношица, полуношица, не дѣкуйся³⁾ надъ младенцемъ, а дѣкуйся надъ пустой хороминой, аминь». Въ другихъ случаяхъ болѣзни ребенка, почему-то считаются лучшими обращаться къ сору, говоря —«соръ-песоръ, исцѣли его болѣзнь», или же къ порогу: «кутинька-кутя⁴⁾, просить тогда мать, приди къ мому сыну, прогони его болѣзнь, болѣзнь лютую, не исцѣльную» (Костромск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской г., при родимчикѣ, продѣливается такой сложный приемъ: закрываютъ ребенка покрываломъ съ квашни или подвѣничной скатертью, садятся ужинать и кладутъ подъ настольникъ краюшку хлѣба. Оставшіяся послѣ ужина крошки и краюшку завертываютъ въ скатерть и кладутъ, на ночь, подъ подушку ребенку, сдергиваютъ съ него рубашку и закапываютъ подъ полотомъ, въ переднемъ углу, въ землю. Эффектъ получается, будто бы, нозразительный: ребенка сейчасъ же «перестаетъ ломать». Не менѣе

¹⁾ Очевидно, средство позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ карманные часы стали распространяться въ деревнѣ очень недавно.

²⁾ Дашиловск. и Любимск. уу. Ярославск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Спасск. у. Казанск. г., Мещовск. у. Калужск. г., Тульск. г. и у. и др.

³⁾ Дѣковаться—издѣваться, глумиться.

⁴⁾ Въ кути—у дверей.

сложень и также малопонятенъ приемъ, которымъ лечатъ дѣтей «отъ младенческаго» въ Орловскомъ у—дѣ (Орловск. г.). Разстилаютъ на столѣ, мѣхомъ вверхъ, овчину шубу, на нее кладутъ наизнѣкъ ребенка и сурою ниткою измѣряютъ его ростъ, отрѣзываю изъ шубы, у ногъ и головы ребенка, по клочку шерсти. Такое же измѣреніе производятъ отъ одной руки до другой и опять выстригаютъ по клочку шерсти. Потомъ обматываютъ шерсть сурою ниткою, идутъ къ рѣчкѣ, становятся къ ней спиной, бросаютъ свертокъ лѣвою рукою черезъ правое плечо и, плюнувъ три раза, идутъ домой и ни съ кѣмъ не говорятъ. Въ Алатырскомъ у—дѣ (Симб. г.), при большомъ животѣ у ребенка, его кладутъ на мяльцы, которыми мнутъ ленъ, и нажимаютъ животъ подъемнымъ брускомъ: это называется «мять гнетицу». Столъ же самобытный приемъ, при некоторыхъ болѣзняхъ у дѣтей, примѣняется въ Тихвинскомъ у—дѣ (Новгородск. г.); тамъ толкуютъ въ ступь пестомъ снятую съ больного ребенка рубашку. Если ребенокъ долго не ходить, его ставятъ на полъ и рубятъ кругомъ его полъ топоромъ или, ведя подъ руки, перерубаютъ каждый его шагъ (Вологодск. г. и у.). При «костеникѣ»¹⁾ у дѣтей, мать третъ у нихъ во рту своими волосами, а при «щетинкѣ» щепотку блѣлой муки смѣшиваетъ со своимъ молокомъ и катышками образующагося тѣста третъ по спинѣ ребенка: волосики, будто бы, пристаютъ къ такому тѣstu и ребенокъ получаетъ облегченіе (Череповецк. у. Новг. г.). Въ Сарап—мъ у—дѣ, где заболѣваніе это носить название «костеря» или «кочерга», лечение его заключается въ томъ, что въ банѣ натираютъ ребенка медомъ, а въ Яранскомъ (той же губ.)—дрожжами.

Трудно было бы перечислить и еще труднѣе собрать всѣ суевѣрія народа, относящіяся къ медицинѣ. То, что попало на эти страницы, есть только небольшая доля того, что существуетъ въ дѣйствительности. Но и это немногое настолько велико, что своей громадой въ состояніи подавить и утомить читателя.

При обозрѣніи всѣхъ этихъ средствъ является изумительнымъ то количество предметовъ изъ обстановки и быта крестьянина, которымъ придается онъ суевѣрное значеніе.

Самая суевѣрія, связанныя съ ними, поражаютъ своей необыкновенной живучестью, часто почти первобытной нетронутостью,

¹⁾ РАЗЛИЧНЫЯ ЗАБОЛЕВАНИЯ ПОЛОСТИ РТА.

богатствомъ воображенія и фантазіи, которыя обнаруживаются въ ихъ поразительномъ разнообразіи, и той вѣковой беспомощностью народа, которая сказывается во всѣхъ ихъ.

Большинство этихъ средствъ, имѣя только одно положительное достоинство, что въ системѣ ихъ довольно строго выдержанъ основной принципъ медицины — «не посеas», вредно, однако же, тѣмъ, что вѣра народа въ эти средства часто лишаетъ его другой, болѣе разумной помощи. Но едва ли не вреднѣе другая сторона этихъ сувѣрій, та, что всѣ они опутываютъ и сковываютъ живую мысль народа, парализуютъ его наблюденіе и являются однимъ изъ главныхъ источниковъ его пассивности.

Характеренъ въ этихъ воззрѣніяхъ и идеалистический взглядъ народа на природу, которая, въ его представлениі, является не врачомъ, а какъ бы слугой и другомъ человѣка.

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ.

Заговоры профилактическаго и общаго характера. Молитвы¹⁾, читаемыя бабушками при первомъ мытьи, въ банѣ, новорожденного младенца:

1. «Встану я, раба Божія, благословясь, пойду я, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, изъ воротъ въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ — сине море, въ синемъ морѣ — синій камень. На синемъ камнѣ сидить Пресвята Мать Богородица. Она спахиваетъ и смахиваетъ съ лѣсу копоть, съ моря морскую пѣну, отъ берега до берега, отъ востоку до западу. Я, раба Божія, ей поклонюсь и покорюся: Пресвятая Ты Мать Божія. Богородица, не спахивай, не смахивай съ лѣса копоти, съ моря морской пѣни; спахивай и смахивай съ раба Божія, младенца (имя), всѣ страсти, всѣ уроки, всѣ опризоры, всѣ оговоры, отцевы думы и материны, сестрины и бабушкины: изъ буйны головы, бѣлова лица, изъ ясныхъ очей и цорныхъ бровей, изъ ретивово сердца, изъ краснова мяса, изъ бѣлова сала, изъ пятидесяти локотъ, изъ нокотъ, изъ подпятныхъ жиль» (Кадник. у. Волог. г.).

2. «Благослови, Господи, паръ да вѣнчикъ, во имя Отца и Сына, и Святова Духа. Аминь. Парится, умывается рабъ Божій, Федоръ, на корысть, на радость, на Божью милость, на благодать Христову. Баушка Соломонида истинна Христа во второй банѣ парушъ. Истинной Христосъ не страхалъ, не пугался и не полохался, такъ и ты, рабъ Божій, младенецъ Федоръ, не пугайся, не страхай и не полохайся, злому, лихому тѣни въ глаза, а завидящему — гвоздь въ сердце. Во Имя Отца и Сына, и Святова Духа. Аминь» (Грязов. у. Волог. г.).

3. «Стану я, раба Божія, благословясь, и пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, пойду въ чистое поле, въ восточную

¹⁾ Такое название оставлено за тѣми заговорами, которымъ оно присвоено въ сообщеніяхъ гг. сотрудниковъ.

сторону, подъ темное оболочко, подъ красное солнце, подъ свѣтлой мисецъ, подъ частыя звѣзы. Пойду на окіанъ-морѣ, на окіанъ-морѣ стоять столбъ, въ этомъ столбѣ ключи и замки. Пойду я въ Божью церковь, на Божьей церкви стоять престолъ, на престолѣ сидять три Божьи Матери: Параскевья, Наастасия и Варвара. Я имъ покорюся и помолюся: утишите, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, тишины, уроки, призоры и перепохни, и утишите, и усмирите у раба Божьева, Федора, уроки, призоры, тишины и нерепохни. Подите же вы, тишины, уроки, призоры, злия коры и перепохни, всякия скорби, болѣзни, на темные лѣса, на зеленую дуброву—тамъ питера и идера, и мягки постели, у меня раба Божьева, младенца Федора, нѣтъ ни питера, ни идера, ни мягки постели—изъ буйной головы, изъ ясныхъ очей, изъ русыхъ бровей, изъ печени и легкъва, изъ косточекъ - жилочекъ, изъ суставчиковъ въ поесенушку, изъ поесенушки въ подколѣночки, изъ подколѣночекъ въ пяточки, изъ пяточки во сырь землю» (та же г. и у.).

4. «Парю я раба Божія, младенца (имя), отъ скорбутныя ломоты, отъ цепоты, отъ деннага и отъ ночнага, отъ полуденнага, отъ полунощнага, отъ дѣвки косматки, отъ бабы простоволосыя. Освободи, Господи, отъ отцевнага думы и отъ материнскага. Аминь, аминь, аминь» (Кадников. у. Волог. г.).

Заговоръ надъ новорожденными отъ похищенія ею змы духомъ.

5. «На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, подлѣ рѣки Йордана, стоять Никитій, на злыхъ духовъ побѣдитель и Ioannъ Креститель. Воду изъ рѣки святой черпають, повитухамъ раздавають и приказываютъ имъ, приговариваются: «обрызгните и напойте этой водой родильницу и младенчика некрещенаго, но крещеной порожденаго, отъ лихого брата, врага супостата, отъ лѣсовниковъ, отъ водяниковъ, отъ домовиковъ, отъ луговиковъ, отъ полунощниковъ, отъ полуденнниковъ, отъ часовниковъ, отъ получасовниковъ, отъ злого духа крылатаго, рогатаго, лохматаго, летучаго, ползучаго, ходячаго. Заклинаемъ васъ, враги лютые, не смѣйте вы подступать, къ рабѣ (имя) и ею порожденному дитя, хотя некрещенному, но крещеной порожденному. Если же вы, демоны, подступите къ рабѣ (имя) и ею порожденному дитя, то Иванъ Христитель попросить Господа Бога Спасителя, всему миру Вседержителя, чтобы Онъ наслалъ на васъ окаянныхъ Илью пророка, съ громомъ, молніей, съ стрѣлами огненными. Илья пророкъ васъ громомъ убьетъ, молніей сожжетъ, сквозь землю, сквозь пепель пробьетъ, на-вѣки вѣчные васъ въ тресисподнѣ запретъ, съ земли васъ сживетъ. Аминь, аминь, аминь». Постѣ прочтенія заговора, повитуха даетъ роженицѣ напиться наговоренной ею воды, а младенца этой водой обмываєтъ (Орловск. г. и у.).

Заговоръ отъ порчи молодыхъ на свадьбы.

6. «Ишасть Христосъ черезъ тридевять небесь,
На томъ Христосъ опирался,
На четыре стороны крещался.
Окреши мои тѣлеса и словеса,
Неси мои тѣлеса и словеса отъ зори на небо,
Подъ булатный камень,
Подъ булатнымъ камнемъ,
Тамъ, колдуны и колдуницы,
Виритники и виритницы.
Кто Гаврилу или Домину испортить,
Тотъ синее море выпить,
Желты пески пожреть,
У нашемъ сенатѣ,
У Иисусовой молитвѣ, у угольномъ жарѣ».

Заговоръ произносится надъ водой. Заговоренной водой мочатъ голову, обтираютъ тѣло и полть жениха и невѣstu (та же г. и у.).

Чтобы не уставала спина во время жатвы.

7. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Какъ ты, матушка-рожь, цѣлый годъ шаталася, скудалася, такъ бы и мнѣ, рабу Божію (имя), жать, да не скудаться». Заговоръ употребляется ежегодно, при начальѣ жатвы (Кадник. у. Волог. г.).

Чтобы не жалили осы.

8. «Осы, осы, желѣзные носы, не жгите меня, а вамъ, отецъ, дамъ пирога конецъ» (та же г. и у.).

9. «Осы, осы, булатные носы, не жгите меня, не палите меня, я вамъ матка, а вы мои дѣтки» (та же г. и у.).

Молитва, предупреждающая укушеніе бѣженой собакой.

10. «На морѣ, на океанѣ, стоять Мати Божія съ ризой, съ пеленою, Господней красотою, съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ, съ ясными звѣздами. Христосъ-Христитель, крестъ спаситель, крестъ ангельскій, крестъ осіянскій. Христомъ порожалася, молитвами очищалася. Спаси, Господи, рабу Божію отъ всякаго бѣса: такъ исчезнетъ отъ лица, отъ огня, такъ и побѣнеть. Спаси, Господи, душѣ наша». Эта молитва читается въ тѣхъ случаѣахъ, когда навстрѣчу бѣжитъ бѣженая собака: тогда она ни за что не укуситъ (Обоянск. у. Курской губ.).

Заговоръ при проколѣ ушной ложки у дѣтей.

11. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Мертвое тѣло замирастъ, свѣтильна догораетъ, во вѣки, минь»¹⁾.

Заговоръ произносится трижды, при чемъ дуютъ и плюютъ три раза (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Заговоръ для красиваго птицы.

12. «И стала, благословясь, пошла, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота и во чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоять престоль, на этомъ престолѣ сидѣть Ангелъ Господень и сѣять, разсѣять свой престоль. И подхожу къ этому престолу и корюсь, и молюсь, Господень Ангелъ, дойди, достуши до рабы Божіей (имя), до Иванова плоту, до Серафимова рода, и сѣки, разсѣкай, рабъ Божій (имя), бѣлое тѣло, ретивое сердце, горячую кровь, дай ей бѣлое тѣло, ретивое сердце, румяное лицо, что раба Божія (имя) не можетъ жить безъ хлѣбно-батюшки, безъ соли-матушки, безъ огня падючаго, безъ воды-голубушки, безъ вечерней зори, безъ младова мѣсяца, безъ краснова солнышка, и казалася бы я, раба Божія, всѣмъ побѣдѣ снѣгу бѣлаго, посвѣтляя краснова солнышка» (Тотемск. у. Вологодск. г.).

Молитва отъ всякихъ болѣзней.

13. «Встану я, раба (имя), по утру, рано, умоюсь я водою ключевою, утрусь Господней целеной и помолюсь я Спасу-образу, Матушкѣ, Пресвятої Владычицѣ, Пресвятої Богородицѣ. На морѣ — на океанѣ, на рекѣ Йорданѣ, на камнѣ, алтарь стоитъ и Матушка Пресвятая Богородица. Возлѣ нея 77 ангеловъ, 77 архангеловъ, первый ангелъ — Михаилъ Архангель, второй ангелъ — Гавриилъ Архангель, третій ангелъ — Кузьма и Демьянъ. Не стрѣльби (имя рекъ), а отлетайте вы, глази, отъ (имя), изъ двери въ двери, изъ воротъ въ ворота, по мохамъ, по болотамъ, къ сѣннымъ покосамъ. Аминь, аминь, аминь». — Читается надъ ключевой водой (Макарьевск. у. Нижегород. г.).

¹⁾ Эффектъ заговора приписывается слову минь, но отнюдь не «аминь» (прим. сотрудника).

14. «Смоленская Божия Матерь, Калужская Божия Матерь, Царь Давидъ, Царь Соломонъ, Парица Соломониха, св. Дмитрій, станьте на полѣ, сокративъ и воду, и землю, и пески, и болота, сохраните и помилуйте раба (или рабу), выгоньте болѣзни изъ утробы его, изъ жилъ его, изъ костей его, изъ головы его и дайте рабу (или рабѣ) доброе здоровье». Заговоръ читается надъ водой (Сычевск. у. Смоленск. г.).

15. «Избави, Господи, рабу Божію (имя) отъ скорби, отъ болѣсти, отъ младенчика, отъ ломоты, отъ тошноты, отъ испуги, отъ колотья и отъ всякой болѣсти» (Орловск. г. и у.).

Заговоры отъ слазу¹⁾.

16. «Избавь, Богъ, отъ сѣраго, отъ спняго, отъ чернаго, отъ желтаго, отъ всякаго глазу, отъ плохого часу» (та же г. и у.).

17. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Царь земной, царь морской, царь небесный, спаси и помилуй раба (имя) отъ дурного глаза и отъ лихого человѣка» (Черепов. у. Новгород. г.).

Отъ лихого глаза.

18. «Сохрани и помилуй отъ чернаго глаза, отъ сѣраго глаза, отъ голубого глаза, отъ радостнаго глаза, отъ завистнаго глаза, отъ лихого глаза, сохрани и помилуй, Михаила Архангель». Надо больного три раза попѣловать, три раза дунуть и три раза плонутъ (Болховск. у. Орлов. г.).

19. «Умываю я (имя) отъ дурного часу, отъ благого глазу, отъ чернаго глазу, отъ желтаго глазу, отъ сѣраго глазу, отъ синяго глазу, отъ радостнаго, отъ ненавистнаго глазу, отъ мужскаго, женскаго переговору, отъ денного, полуденного, отъ часнаго, полу-часнаго, отъ ходячаго, отъ могучаго, отъ летучаго и отъ посланника²⁾.

Не я умываю, умывается его (или ее) Мать Пресвятая Богородица, своею блѣдою ручкою» (Орловск. г. и у.).

20. «Сохрани, Господи, и помилуй, раба твоего, больного (такого - то), отъ чернаго глаза, отъ мужскаго, отъ женскаго, отъ денного, отъ полуденного, отъ часового, отъ получасового, отъ ночнаго, отъ полуночнаго, отъ всѣхъ жиль, отъ всѣхъ пожилковъ, отъ всѣхъ суставовъ, отъ бѣлаго тѣла, отъ желтой кости, отъ родимца, игреца, отъ черной печени, отъ горячей крови. Спаси, Господи, и помилуй яго. Не я яго придуваю, не я яго прикальываю, а Матушка, Пресвятая Богородица, Свою рукою, Свою пеленою, Своимъ крестомъ и животворящимъ силомъ. Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго. Аминь» (Коротояцк. у. Воронежск. г.).

21.

«Божия Мать, пресвятая Богородица,
Великая Номоющница,
Иоаннъ Богословъ, другъ Христовъ,
Лазури-зарницы, прекрасныя дѣвицы,
Помогите, пособите млѣденцу Ивану,
Во всякой скорби, во всякой болѣзни:
Мѣста отъ худого, глаза отъ лихого,
Отъ сѣраго, отъ бѣлага, отъ каряго, отъ чёрнаго,
Отъ бабыаго, отъ мужичьяго, отъ дѣвичьяго.
Выди, вонь, изъ костей, изъ мозговъ, изъ ушей,
Изъ ноздрей, изъ рта, изъ буйной головы.

¹⁾ Заговоры отъ слазу, уроковъ, притки, испуга и т. п. отнесены къ разряду заговоровъ общаго характера потому, что каждая изъ этихъ причинъ въ состояніи произвести не одну определенную болѣзнь, а вызываетъ самыя разнообразныя заболѣванія.

²⁾ Нечистый.

Не я тёбя выговаривала, а выговариваетъ
Матерь Божия, Пресвятая Богородица,
Великая Помощница,
Да бабушка Соломонида,
Которая Иисуса Христа повивала,
Къ себѣ на руки принимала,
Свою Христовою ризою утирава.
По сей день, по сей часъ, по мой выговоръ.
Аминь» (Орловск. г. и у.).

22. «Царь Давидъ, царь Константинъ, царица Елена—сокращали они небо и землю; сократите наши дѣла отъ встрѣчного и поперечного. И размывала бѣлые коренья, и раскачала бѣлые каменья водица-царица, красная дѣвица. Святой Архистратигъ Михаилъ, сохрани и помилуй, Царица Небесная, Божья Матерь, сохрани и помилуй» (Дорогобужск. у. Смолен. г.).

23¹⁾. «Есть на свѣтѣ сингирія, посенгирія, сподсенгирія. Выходитъ Иванъ Богословъ и рѣки пускаль: пустилъ тридцать три рѣки и потекутъ рѣки въ Китай-рѣку. Китай-рѣка—матерь всѣмъ рѣкамъ. Китай-рѣка гуляетъ, бѣлые каменья вымываєтъ, сѣрые коренья выкидываетъ, бѣлые коренья подкидываетъ. На той рѣкѣ. Китай, умываются отъ всякихъ суроцъ, отъ встрѣчныхъ, поперечныхъ, отъ глаза сѣраго, бѣлаго, чернаго и всякаго пола человѣческаго.

Летѣла стрѣлица съ Божьей колесницы, лѣволовъ побивала и никому не спускала. Есть на свѣтѣ змѣй-Гарадѣй, куетъ морскую глубину, небесную вышину, крайній зубъ, хребетную кость» (Гельдинск. у. Смолен. г.).

24.

«Шла бабушка изъ-за моря,
Несла кузовокъ здоровья,
Тому, сему немножко,
А тѣ—весь кузовокъ» (Нижнеломов. у. Пенз. г.).

Заговоръ отъ суроцъ¹⁾.

25. «Тихонъ Задонскій, помогите и утолите боль, колючую, болючую. Уговариваю суроцы подумыны, погадныя, завистныя, радостныя, женскія, бабскія, приговорныя». При этомъ нужно дунуть и илюнуть на землю (Краснинск. у. Смоленск. г.).

Отъ уроковъ.

26. «Встану я, раба Божія (имя и отчество) утромъ, рано, благословясь и перекресться, свѣжей водой умоюсь, камкой²⁾ утрусь, Господу Богу помолюсь, пойду-то я, раба Божія, изъ избы въ двери, со двора въ ворота, съ улицы въ завори. Помолюсь и покорюсь я въ восточную сторону, въ восточной сторонѣ стонѣ Сіонская крутая гора, на той Сіонской горѣ Ѣздитъ батюшка Илья пророкъ, на огненной колесницѣ, палить и опаливать въ лѣсу зеленую хвою, съ травъ лазоревые цветы, съ горь желтые пески. Свѣты, ты, Илья пророкъ, надежда, солнце праведное, не пали и не опаливай въ лѣсу зеленой хвои, съ травъ лазореваго цвета, съ каменьевъ злаченаго верха, съ горь желтаго песку, а пали, опаливай съ раба Божія (имя и отчество), съ его буйной головы и съ бѣлаго лица, и съ черныхъ бровей, изъ ясныхъ очей, изъ 70 жилъ, изъ 70 суставовъ, и пали, опаливай всѣ уроки, всѣ природы, злыя, лихія озычества и переполохи, отъ вѣтру и отъ крику. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

¹⁾ Этотъ заговоръ относится къ разряду тѣхъ, которые непонятностью словъ и странной смѣшью вскихъ названий, повидимому, прямо рассчитаны на то, чтобы, иоразивъ больного, сдѣлать его послушнымъ орудiemъ въ рукахъ знахаря и создать болѣе благопріятную почву для заговорного внушенія.

²⁾ Отъ слова сурочить—изурочить, испортить, слазить.

³⁾ Платкомъ.

27. «Встану я, рабъ Божій (имя знахарки или знахаря), благословясь, перекрестясь, умоюсь ключевой водою и пойду на крутую гору. На крутої горѣ стоять дубъ, на этомъ дубѣ три птицы мѣдныя, носы золоченые, бьють и тепутъ¹⁾ этотъ дубъ денно и ноно. Вотъ, я тутъ, рабъ Божій (имя), замолюсь и покорюсь: не бейте, не тепите этого дуба, а сбейте и стечите съ раба Божія (имя больного) всѣ уроки и оправы, и злы—лихіе оговоры. Будьте мои слова говореныя, въ дѣло повороченыя, заднія слова назадъ, переднія напередъ, крѣпче укладу и булату. Перенеси, куда хошь, за огороды, за перегороды, за рѣки, за урѣчища²⁾, ничего не взять ни встрѣчающему³⁾, ни оговоряющему⁴⁾. Слова заговора произносятся надъ чашкой чистой воды трижды подъ рядъ. Наговореною водою умываются и поять больного (Никольск. у. Вологод. г.).

28⁵⁾. *Первая статья.*—«Стала, благословесь, и пошла, перекрестесь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, подъ ясное небо, подъ черное облако, подъ младой мѣсяцъ, подъ красное солнышико. Подъ краснымъ солнышикомъ—окіянъ—морѣ, на окіянъ—морѣ ладонь камень. На ладономъ камнѣ стоять Божія церковь, въ этой апостольской церкви, на золотомъ стулѣ, сидѣть Матерь Божія, передъ ней стоить тазъ свѣжей воды и булатныя ножницы, и гумажный вѣничекъ. И я ей корюсь и молюсь, на колѣни валюсь: свѣтъ, Ты, Пресвятая Богородица, дойди и до ступи до раба Божія (имя), свѣжей водой сплескнай и сполоскнай и булатными ножницами стриги и подстригай всѣ урошица и призорица, костовыя и мозговыя, изъ костей, изъ жилъ, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ буйныхъ головы, вѣки по вѣки, до конца свѣта, до представлія свѣта». Аминь не говорится.

Вторая статья (Марії Египетской). Начало одинаково съ предыдущимъ заговоромъ, затѣмъ: «Сидѣть Марія Египетская на золотомъ стулѣ и отговаривается (отрока, отроковицу, имя рекъ), отъ чернеца, отъ двоезуба, отъ троезуба, отъ двоеженца, отъ троеженца, отъ бабки крутобоки, отъ дѣвки-простоволоски, отъ всѣхъ злыхъ глазъ и стрѣчныхъ, и постиженыхъ, и отъ повѣтринъ⁶⁾, и противовѣтринъ, вѣкъ — вѣки, отнынѣ и до вѣка, до конца вѣка, до представлія свѣта».

Третья статья (угодникамъ святымъ). Начало тоже. «На ладономъ камнѣ стоять апостольская церковь, въ ней престоль, на престоль лежить риза нетлѣнная, у этого престола стоять угодники многомилостивые, Зосима и Савватій Соловецкіе, угодники: Василій, Модестъ и Федосій Преподобный, Михаїло Архангель, Кузьма и Демьянъ, Николай Чудотворецъ, Пантелеймонъ Великомученикъ. Дойдите, доступите до раба Божія (имя рекъ) и до святого престола. Вы возьмите свою ризу нетлѣнную въ свои руки бѣлоснѣжную и спахните-смахните святой ризой нетлѣнной всѣ урошица и призорица, костовыя и мозговыя, изъ костей, изъ жилъ, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ буйныхъ головы, отнынѣ и до вѣку, до конца вѣку, до представлія свѣта» (Тотемск. у. Вологод. г.).

Отъ лихого человѣка.

29. «Иду я, рабъ Божій (имя), изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, навстрѣчу бѣгутъ семь духовъ: всѣ злые, всѣ черные, всѣ нелюдимые. Идите вы, злые духи, всѣ злые, всѣ черные и всѣ нелюдимые, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобы я, рабъ Божій (имя), отъ нихъ

¹⁾ Колотятъ—долбитъ.

²⁾ Маленькия рѣчки.

³⁾ Встрѣчному, лихому человѣку.

⁴⁾ Человѣку, сказавшему худое, «урочное» слово.

⁵⁾ Въ рукописи каждый изъ трехъ приводимыхъ ниже заговоровъ названъ «статьей».

⁶⁾ Стрѣчный — встрѣчный, повѣтринъ — по вѣтру напускаемый.

быть цѣль, быть здоровъ и непрѣдимъ и во всѣхъ путяхъ, дорогахъ, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ лугу, въ дремучемъ лѣсу, въ своемъ дому и въ чужомъ дому. Слово мое крѣпко, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Кадников. у. Вологод. г.).

30. «Избави меня, раба Божія (имя), отъ одноженца, двоеженца, отъ одноглазаго, двоеглазаго, троеглазаго, отъ однозубаго, двоезубаго, троезубаго, отъ одноволосаго, двоеволосаго, троеволосаго, отъ своихъ глазъ, отъ своей думы, отъ встрѣчнаго, отъ скоротечнаго, отъ поперечнаго, отъ всякаго человѣка лихого; отъ молодыхъ, отъ холостыхъ, отъ кривыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ старыхъ, отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки—волосатки и отъ своихъ глазъ, и отъ своей думы. Во имя Иисуса Христа, аминь. Во имя Пресвятой Богородицы, аминь. Во имя Креста Животворящаго, аминь. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

Отъ порчи.

31. «Господи, благослови на сегодняшній бѣлый день. Возьму рабу Божію (имя) въ свои бѣлые руки и заговорю ей, рабу Божію. Выходи ты, вся нечистая сила, изъ рабы Божіей, иѣтъ тебѣ дѣла до рабы Божіей. Дамъ я рабѣ Божіей ключевой воды и шелковой травы. Уиди ты, вся нечистая сила, отъ вороны каркуны, отъ сороки щебетуны, отъ собаки лауны и выйди ты изъ рабы Божіей, изъ нутра, изъ костей, изъ суставовъ, изъ нутра ея, изъ реберъ ея, изъ всѣхъ членовъ и изъ киловъ. Выходи на ключи, болота, гдѣ птицы не бываютъ и соколь не летаетъ. Если же ты пойдешь въ чистое поле, гдѣ соколь бываетъ, гдѣ птицы перелетаютъ, ты войдешь въ скотъ, въ птицу перелетную и пойдешь по вѣтрамъ, по вихрямъ. Вѣтры, вихори, отнесите отъ рабы Божіей, изо всѣхъ ея членовъ и суставовъ, и снесите въ черныя грязи и поразите ее въ грязи топчія, вѣтромъ, чтобы не вынесло и вихремъ, чтобы не выдуло: исчезнуть и погибнуть нечистая сила» (та же г. и у.).

Отъ худого часа, порчи и глаза.

32. «На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ церковь соборная, со-борная, богомольная. Въ этой церкви соборной, богомольной стоитъ мать Пресвятая Богородица. Она книгу-иангель читаетъ, сама слезно плачетъ, отговаривается: отъ колдуна, отъ колдуницы, отъ виритинка, отъ виритиницы, отъ завистника, отъ ненавистника, отъ завистницы, отъ ненавистницы, отъ худого часу, отъ худого глазу,—отъ дѣвичьяго, отъ молодицьяго, отъ ночного, полуночного, отъ денного, полуденного, отъ часоваго, получасового; отъ сѣраго глазу, отъ желтаго глазу, отъ чернаго глазу, который этого человѣка шутить и сушить. Онъ тебѣ лиха не листиль, зла не твориль, выны свои недуги, изъ всего тѣла бѣлаго и изъ буйной головы. А если ты не перестанешь этого человѣка шутить и сушить, я пойду, Богу помолюся, Христу поклонюся, къ Ильѣ пророку, къ Иоанну Предтечи, они наплюютъ на вѣсъ тучи грозныя, громомъ вѣсъ побьють, молнией вѣсъ пожгутъ, сквозь пепель, сквозь матъ сырь землю пробьютъ. О, Матушка, Пресвятая Богородица, могла ты Бога-Спаса народить, помоги Ты намъ отъ всякаго нечистаго духа и отъ лихого глаза, и отъ худого часа отговорить» (Орловск. г. и у.).

Отъ вихря.

33. «Вѣтры и вихри налетные, наносные, набродные, незавѣдомые, поль-невые, лѣсовые, болотные, луговые, пошли я вѣсъ во чисты поля, во спини моря, во гнилы болота. Не я вѣсъ высылаю, высылаетъ вѣсъ Ма-тушка, Пресвятая Богородица» (Орловск. г. и у.).

Отъ переполухи¹⁾.

34. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Какъ мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, такъ бы и рабъ Божій (имя и отчество) не боялся ни испугу, ни переполоху, ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ. Какъ вода омываетъ, очищаетъ и уносить пески и ржавчину, такъ бы и рабъ Божій (или раба) очищались, омывались, отъ болѣзней, отъ испуговъ, отъ переполоховъ и не боялись бы они ни испуговъ, ни переполоховъ, ни дневныхъ, ни ночныхъ, ни утреннихъ, ни вечернихъ. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

Отъ тоски²⁾.

35. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Когда Иисуса Христа распинали на крестѣ, то не было у него никакой болѣсти, ни костянной, ни жильной. Когда у Иоанна Крестителя снимали голову, то не было ни крови, ни руды, и не слыхать никакой болѣсти, ни костянной, ни жильной. Такъ и у раба Божія (имя и отчество) не было бы ни крови, ни руды, ни тоски, ни болѣзни, во вѣки вѣковъ. Аминь». Заговоръ произносится на свѣжей рыбѣ, которую запекаютъ въ пирогѣ и даютъ больному (та же г. и у.).

36. «Стала, благословясь, и попла, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, на восточную сторону, подъ ясное голубое небо, подъ черное облако, подъ младъ мѣсяцъ, подъ красное солнышико. Подъ краснымъ солнышикомъ окіанъ-морѣ, на окіанъ-морѣ стоять ладонъ каменъ, на ладономъ камнѣ стоять апостольская церковь, въ этой церкви стоять гробница Феодосіева³⁾, у этой гробницы, на золотомъ стульѣ, сидитъ Богородица. И и корюсь, и молосы, на колѣни валиусь: Ты, дойди, доступи, свѣтъ—Пресвятая Богородица, до гробницы Феодосія Преподобного, ризы нетлѣнныныи отицінн, золотой гробницы отскобли, и дойди, доступи до раба (имя) Божіяго, золотой ризой нетлѣнної прикладывай, гробницы присыпай, приговаривай, чтобъ не чуялъ рабъ Божій ни тоски, ни болѣзни, ни костевыя, ни мозговыя, ни сердцевыя, ни въ kostяхъ, ни въ жилахъ, ни въ ясныхъ очахъ, ни въ темныхъ бровяхъ, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцѣ, вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣка, до конца вѣка, до переставленія свѣта». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологод. г.).

Заговоры при недомоганіи ребенка.

37. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, такъ не боялся бы малый младенецъ (имя) ни ципоты, ни ломоты, ни заботы, ни утреннія, ни вечернія, ни отъ волхва, ни отъ волхвуніи, ни отъ колдуна, ни отъ колдуныи, ни отъ двоеженца, ни троеженца, ни отъ двоеволоса, ни отъ троеволоса, ни отъ двоезуба, ни отъ троезуба, ни отъ сивова, ни отъ синева, ни отъ чернаго, ни отъ черемнаго, ни отъ стараго, ни отъ большого, ни отъ малаго. Будьте мои слова крѣпки, лѣнки, долговѣки и памятны, крѣпче крѣпкаго камня, вострѣе вострыя сабли и жарче жаркаго огня. И кой меня учитель учить и коихъ словъ не доучить, всѣ будьте въ статьѣ, ключемъ заперты, ключъ въ морѣ, замокъ на небеси. Во вѣки, аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

38. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Пойду я, рабъ Божій (имя и отчество заговорщика), изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, вый-

¹⁾ Испуга.

²⁾ Заговоры отъ тоски мы относимъ къ общимъ, на томъ основаніи, что слово «затосковать», на крестьянскомъ языке, часто означаетъ и «занедужить», заболѣть и нерѣдко обозначаетъ общее недомоганіе, отчего бы послѣднее не зависѣло. Такой же общий характеръ носятъ заговоры отъ крика и безсонницы у дѣтей, помѣщаемые ниже.

³⁾ Феодосій Тотемскаго.

ду и выступлю подъ восточную сторону, въ восточной сторонѣ есть океанъ-море, въ океанѣ-морѣ щука-бѣлуха, златоперая, серебропера, глаза мѣдные, щеки булатныя, зубы желѣзные, пожираетъ и поѣдаетъ въ океанѣ-морѣ бѣлую пѣну. Я и попрошу: щуку-бѣлуха, не тронь на океанѣ-морѣ бѣлую пѣну, а поѣдай и пожирай съ раба Божія (имя и отчество) поро-ки и уроки, и злыя навѣты, отъ волхва, отъ волхвуны, отъ колдуна и отъ колдуны, и отъ всякаго человѣка. Во вѣсли, аминь» (так же г. и у.).

Заговоры отъ крика и безсонницы у дѣтей.

39. «Заря, зарница, васть три сестрицы, утренняя, полуденная, вечер-ния, полуночная, сымы съ раба Божія (имя) тоску, печаль, крикъ, безсон-ницу, подай ему сонъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ святыхъ, со всѣхъ не-бесныхъ» (Зарайск. у. Рязанская г.).

40. «Вечерняя заря Марія, звѣзды-звездница, утренняя заря Маремья-на, дай рабу (имя) сонъ, возьми безсонницу» (Тотемск. у. Вологодская г.).

41. «Заря-зарница, красная дѣвица, утренняя Ирина, Дарья полуден-ная, прійдите, возьмите денной крикъ и полуденный полукрикъ, отнеси-те его въ темные лѣса, въ далёкіе края, за синій моря, на желтые пески, во имя Отца». Знахарка, для произнесенія заговора, выходитъ съ ребен-комъ на дворъ и становится лицомъ на зорю (Балашиха. у. Саратовская г.).

42. «Заря-зарница, красная дѣвица, возьми ты крикъ рабе (имя) и денную, и ночную, и полуночную, и полуденную, и глазную; откель ты шла, туды ты и ступай: съ лѣсу шла, на лѣсъ ступай, съ поля ты шла, въ поле ступай, съ саду шла, въ садъ ступай, съ луговъ ты шла, на лугъ ты ступай, съ моря ты шла, на море (ступай, рабѣ (имя) спокой и сми-ренство дай» (Орловск. г. и у.).

43. «Заря-зарница, красная дѣвица,
Утренняя заря Праековья, Крикса, Фокса,
Уйми свой крикъ и дай младенцу сонъ.
Заря-зарница, молодая дѣвица,
Вечерняя заря Соломонея, Крикса, Фокса,
Уйми свой крикъ и дай младенцу сонъ».

Заговоръ читается три раза (Пошехон. у. Ярославская г.).

44. «Ужъ имъ, куры, пѣтухи,
Возьмите свои криксы
Отъ младенца Ивана:
Глазныя и денныя, полуденные иочные.
Аминь».

Заговоръ произносится подъ куриной напѣштю. Послѣ его произно-сенія, знахарка плюется на землю три раза и три же раза дуетъ ребенку въ лицо (Орлов. г. и у.).

45. «Курушки, курунки, возьмите безсонницу, а дайте свой сонъ-упо-кой, добрый угомонъ, рабѣ Божіей (имя). Во имя Отца и Сына, и Свята-го Духа. Аминь» (Балашиха. у. Саратовская г.).

46. «Добрый вечеръ, куры рябы, куры бѣлы, куры сѣры. Мы къ вамъ пришли, рабы Божіи, младенца отъ криксы-плаксы принесли. Пѣвны-пѣ-тушечки, раннія кочеточки, пойте, распѣваите, раба Божія, младенца кри-ксы-плаксы вынимайте. Денные, очные, полуденные, полуночные, глазные, отъ бѣлого глаза, отъ сѣраго и отъ чернаго, и отъ худого часа, и отъ плохой минуты, выговариваю, выкликаю: выходите, выступайте отъ раба Божія, младенца (имя), изъ костей, изъ горячей крови, изъ плотного жи-вота, изъ желѣзного сердца, изъ буйной головушки. Мы васть выклика-емъ, мы васъ вызываемъ, мы все высылаемъ на красныя зори, на ясныя звѣзды, на курины жердья» (Орловск. г. и у.).

Отъ ночницы¹⁾.

47. Знахарка, поздно вечеромъ, что бы никто не видѣлъ, несетъ ребенка подъ курошестъ. Раздѣвъ, три раза умываетъ его и каждый разъ приговариваетъ:

«Куры бѣлыя, куры рябыя, куры желтая, куры пестрыя, куры черныя, возьмите свои ночницы, а младенцу (имя) дайте доброе злоровье и сонъ».

Умывши въ третій разъ, знахарка плюетъ три раза, произноситъ—«съ гуся вода, а съ младенца (имя) худоба»—и одѣваетъ ребенка въ свѣжее платье (Краснин. у. Смолен. г.).

48. «А вы, ноцницы полуночныя, завистныя, радостныя, урочныя, отъ злого человѣка, идите на мхи, на болота, на гнилья колоды: вамъ всѣмъ тамъ мѣсто, вамъ въ бѣломъ тѣлѣ не бывать. Идите изъ бѣлаго тѣла раба (имя)» (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

Отъ условной болѣзни.

49. «Усови, усови, усовная болѣзнь, не колите, не болите младенца (имя), вы насть поколете разъ, мы васъ два, вы насть—2, мы васъ—3, вы насть—3, мы васъ—4, вы насть—4, мы васъ—5, вы насть—5, мы васъ—6, вы насть—6, мы васъ—7, вы насть—7, мы васъ—8, вы насть—8, мы васъ 9. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Берутъ 3 швейныхъ иголки. соединяютъ вмѣстѣ ушками и льютъ сквозь нихъ воду, которой поять больного. Заговоръ произносится трижды (Тихвинск. у. Новгород. г.).

Отъ колотия.

50. «Колотье, колотье, ты будешь водяное, ты будешь вѣтряное, ты будешь глазовое. Не туть тебѣ стоять, не туть тебѣ буять, желтыхъ костей ломать, червонной крови сушить, нарожденна, окрещеннаго раба Божія (имя). Знахарка три раза дуетъ на врачуемаго и сплевываетъ въ сторону (Зарайск. у. Рязан. г.).

Отъ «припадка».

51. «На Сіонской горѣ выростала жемчужная роса. Матерь Пресвятая Богородица жемчужную росу собирала, всѣ недуги ею умывала, выгоняла ею всѣ болѣзни и скорби: младенецъ-полуношникъ, огненный, ломовой, грустовой, тосковой, дорожный и перекрестный; лихорадку, испугъ и горячку. Выгоняетъ Она изъ ногъ, изъ спины, изъ боку, изъ рукъ, изъ живота, изъ сердца, изъ желтыхъ костей, изъ красной крови, изъ бѣлаго тѣла, изъ бѣлої головы, изъ черныхъ бровей и изо всѣхъ жилъ. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь». Заговоръ произносится въ теченіе 12 зоръ (Балаш. у. Сарат. г.).

Отъ «яго»²⁾.

52. «Младъ младенецъ, отстань прочь, не красуйся, не утишайся въ бѣломъ тѣлѣ раба (имя), а иди на мхи, на болота, на гнилья колоды» (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

¹⁾ Безсонница съ глазу или переговору.

²⁾ «Его»—возваніе, указывающее на происхожденіе болѣзни отъ злого духа.

**Заговоры
частного
характера¹⁾.**

Заговоры отъ боли въ животъ (на хлѣбѣ).

53. «Пресвятая Мать, Богородица, Дѣва Марія, человѣкъ непорочный, въ новомъ соборѣ кушала, обѣдала, ина съ ипнитомъ, возрадовалась, разговаривала.

Іисусъ Христосъ во Ирданіи крестился и тѣмъ отъ враговъ избавлялся, бѣлое тѣло обмывалъ и тонкою пеленою обтирался. И я, раба Божія, обмываюсь, тонкою пеленою обтираюсь и всѣхъ враговъ отъ себя отгоняю. Аминь, аминь, аминь» (Дорогобуж. у. Смоленск. г.).

54. «Господи Боже, благослови, а ты, домъ, домище, стань на свое мѣстѣ, на старое гнѣздище. Стоялъ дубъ-царь на синемъ морѣ, собирались на немъ птицы салоушки, свивали гнѣздочки, вѣтъ, вамъ домъ. Крестомъ крецу, крестомъ ограждаю, крестомъ прогоняю. Будь ты, врагъ, проклять, всегда, нынѣ; и присно. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

Отъ грижи.

55. Заговоръ произносится надъ сучкомъ въ стѣнѣ избы. «Царица Небесная, Смоленская, Почаевская, Бѣлобережская, Троеручица, Казанская, Бѣлыничская, Св. Михаилъ Архангель со всѣми небесными силами, Мина преподобный, Ахонские угодники, св. Пантелеимонъ цѣлитель, Максимъ, Киевскіе Антоній и Феодосій, Варвара мученица, Тихонъ Задонский, помогите и утишите боль младенцу колючую, болючую, статывную, ломотицую, сухотную, завистную, радостную, женскую, бабскую, приговорную». Произнеся заговоръ, знахарь плюетъ на сукъ, обводитъ его три раза пальцемъ и заключаетъ словами:

«Какъ этому суку не шататься, не болтаться и листьевъ не пускать, такъ сократи, Господи, землю и воду, сократи, Господи, младенцу боль колючую и больную» (Краснин. у. Смолен. г.).

Отъ чемера²⁾.

56. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, растетъ дубище, на дубищѣ—сучище, на сучищѣ сидитъ котище. Котище, котище, возьми чемерице отъ (имя). Много на дубѣ цвѣточковъ, много на головѣ волосочковъ, возьми и полволоска³⁾. Много у живота кровищи — возьми полкровица, оставь полживотины»⁴⁾.

Читается по три раза, три зори, постѣ: каждого раза произносятъ «аминь» (Орловск. г. и у.).

57⁵⁾. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на Сюнскихъ горахъ, стоять дубъ-дубище, подъ тѣмъ дубищемъ сидить сѣръ котище. Котище, котище, возьми свой чемерице, изъ раба (имя), изъ головы, изъ-попъ головы, изъ живота, изъ полживота, изъ рукъ, изъ полурукъ, изъ костей, изъ полукостей, изъ жилья, изъ полужилья и изъ всего человѣческаго тѣла бѣлаго». Заговоръ читается три раза (та же г. и у.).

58. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, лежить бѣль горючъ-камень. На бѣль-горючъ камнѣ лежить сѣ черну борону руно, у руна бордый волкъ, у борда волка сѣрый заяцъ, у сѣра зайца сѣра утка, у сѣрой утки чемеринъ яица, въ чемериномъ яицѣ—чемерина смерть. Летѣть воронъ черезъ море, летѣть да упадетъ, изъ русаго, изъ (имя), изъ черевъ чемеръ пропадъ. Отъ чернаго глазу, отъ худого глазу». Заговоръ читается также три раза. Прочитавши оба заговора, знахарка приказываетъ дать больному напиться квасу и вытереть имъ все тѣло (та же г. и у.).

¹⁾ Сюда отнесены заговоры, носящіе болѣе опредѣленный характеръ, въ зависимости отъ локализаций болѣзней, ихъ названий и производящихъ причинъ.

²⁾ Боли живота или головы.

³⁾ Если чемеръ головной.

⁴⁾ Если чемеръ брюшной.

⁵⁾ Произносится падъ водой или квасомъ.

Заговоры отъ зубной боли.

59. «Азъ есмь алфа и амегла, начало и конецъ. Испѣли, Господи, отъ болѣзни зубовъ раба твоего (имя). Аминь. аминь, аминь».

«Лубкомъ покрою, зубкомъ запру, волоскомъ затяну». Наговоръ произносится надъ луковыемъ гузынникомъ¹⁾ (Макарьевск. у. Нижегород. г.).

60. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ Господь Иисусъ Христосъ очистилъ Адама отъ первородныхъ грѣховъ, такъ бы и раба Божія (имя и отчество) очистилъ отъ зубныя боли. Выходите, боли, изъ зубовъ, изъ десны, изъ десенъ во щеки. изъ щекъ во жилы, изъ жилъ во власы, изъ волосъ на вѣтерь. Будьте мои слова и крѣпки, и лѣпки, въ морѣ ключъ, въ землѣ замокъ. Аминь». Наговоръ произносится надъ солью и надъ луковицей, которая кладется на больной зубъ (Никольск. у. Волог. г.).

61. «На крутої горѣ стоять церковь, въ этой церкви — три мертввеца въ гробницахъ. Я приду къ нимъ и корюсь, и морюсь, и молюсь, и спрашиваю у нихъ: у васъ не болятъ ли зубы, не ноютъ ли десна, не отекаютъ ли щеки? Вы дойдите, доступните до раба Божія (имя), отымите у него болѣсть, чтобы зубы не болѣли, десна не ныли, щеки не отекали, вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣкъ, отъ конца вѣка до переставленія свѣта». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологод. г.).

62. «Мѣсяцъ на небѣ, бирюкъ въ нолѣ, пушка на морѣ, царь-ракъ въ водѣ. Когда щукастанетъ съ ракомъ воевать, тогда у раба Божія будуть зубы подниматься. Они вѣкъ не будутъ воевать, вѣкъ не будутъ зубы подниматься»²⁾ (Зарайск. у. Рязан. г.).

63. На горѣ Фаворѣ стоять дерево, а въ немъ лежить плодъ. Спросить у мертваго Газаря, не болять ли у него зубы? Зубы у мертваго не болѣтъ, такъ и у меня, раба Божія (имя), чтобы не болѣли зубы».

«Святой священномученик Антипа, утоли мою боль въ зубахъ, такъ и въ деснахъ, такъ въ правой сторонѣ, такъ и въ лѣвой, по сей часъ и по сей день, во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь» (Кадник. у. Волог. г.).

64. При рождениіи нового мѣсяца написать и положить на больной зубъ: «мѣсяцъ на небѣ, камень въ водѣ, дубъ на полѣ. Когда три брата сойдутся, будутъ нити, гуляти, тогда у раба Божія (имя) нарожденаго, крещенаго, молитвенаго зубы болѣтъ, не будутъ. Ключъ—земля и небо слову моему» (Болхов. у. Орлов. г.).

65. Заговоръ отъ зубной боли, произносимый при рождениіи молодика³⁾. Знахарка выводить болѣнаго на дворъ, становить лицомъ къ мѣсяцу и читаетъ: «мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ бытъ? — На томъ свѣтѣ. — Какихъ людей видѣть? — Мертвыхъ. — Какъ они лежатъ? — Онѣмѣвши. — Онѣмѣлъ зубы у раба Божія (имя), изъ головы, изъ поль-головы, изъ десентъ, изъ полуудесенъ, изъ суставовъ, изъ полусуставовъ, по тотъ день, по тотъ часъ, по ту минуту. Аминь». Заговоръ читается три раза и столько же разъ знахарка шунтаетъ пальцами больные зубы⁴⁾ (Орлов. г. и у.).

66. Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты бытъ? — На томъ свѣтѣ. — Что ты видѣтель? Мертвое тѣло. — Что они дѣлаютъ? — Лежатъ. — У нихъ зубы болятъ? — Нѣтъ. — Ну, чтобы и у рабы Божіей (имя) не болѣли. Аминь» (та же г. и у.).

67. «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты бытъ? — На томъ свѣтѣ. — Что же ты видѣтель? — Людей живыхъ и мертвыхъ. — Что жь, у нихъ зубы болятъ? — Нѣтъ, не болятъ, не щемятъ, онѣмѣвши, лежатъ. — Такъ, чтобы и у рабы Божіей не болѣли, не щемѣли, онѣмѣвшіи, лежали». При этомъ три раза плюютъ въ сторону. Прежде чѣмъ заговаривать, надо сказать: — мѣсяцъ, тебѣ острые рога, а мнѣ полные хѣба (крома)⁵⁾, тебѣ на стоянѣе, мнѣ на здоровье» (та же г. и у.).

¹⁾ Корневая часть луковицы.

²⁾ Болѣть.

³⁾ Только что пародившійся мѣсяцъ.

⁴⁾ Заговоръ на мѣсяцъ произносить въ тѣхъ случаяхъ, когда, по деревенской диагностикѣ, «въ зубахъ заводятся черви».

⁵⁾ Закрома.

68. «Младъ мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?—Надъ моремъ плыть.—Что ты видѣть?—Мертвое тѣло.—Какъ оно лежитъ?—Не разожмя и не разведя зубъ, и не поворотивъ языка.—Такъ бы и вы, пораженные зубы, онѣмѣли по днямъ, по ночамъ, по часамъ и минутамъ, нынѣ и завтра. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь» (Балаш. у. Саратов. г.).

69. «Свѣтель мѣсяцъ, ты ходиши вокругъ облаковъ, ты видиши живыхъ и мертвыхъ, возьми у нея (имя) ея хворобу, по этой часѣ, по эту минуту».—Заговоръ произносится три раза (Юхновск. у. Смолен. г.).

70.

«Пантелеимонъ святой,
Исцѣлитель зубной,
Исцѣли раба (имя) отъ зуба.
Оставь языкъ да губы.
Повывали всѣ зубы,
А жѣлезны вставь. Аминь».

Заговоръ дѣлается на рябинѣ или на другомъ плодовомъ деревѣ. Постѣ заговора, плодовъ съ этого дерева есть нельзя, въ противномъ случаѣ сила заговора исчезаетъ (Орлов. г. и у.).

71. «Рябина, рябина, возьми свою зубную болѣзнь, отнынѣ и до вѣку не буду тебя єсть». Ходить къ рябинѣ и произносятъ заговоръ по три утреннихъ зори (Болх. у. Орлов. г.).

72. Знахарка ведеть больного къ рѣчкѣ, становить его лицомъ къ востоку и читаетъ: «Цонь, рѣка текучая, текла, подтекала, желты пески подмывала, изъ зубъ боль вынимала, у раба Божія (имя), изъ головы, изъ поль-головы, изъ зубъ, изъ полузубъ, изъ десень, изъ полудесень, изъ суставовъ, изъ полусуставовъ, по тотъ день, по тотъ часъ, по ту минуту». Заговоръ читается девять разъ. Постѣ каждого раза больной кланяется рѣчкѣ до земли, береть въ ротъ воды, полоощетъ ею зубы и выплевываетъ опять въ рѣчку, а Знахарка приговариваетъ: «рѣчка Цонь, вотъ тебѣ поклонъ. Неси мою зубную болѣзнь по рѣкамъ, по морямъ, по озерамъ, бери мою болѣзнь безъ отрыжки». Заговаривать зубы на рѣчку ходить три раза (Орлов. г. и у.).

73. Знахарка становить больного къ окну, чтобы онъ не видать свѣту, а наземь кладется свайка или ключъ¹⁾. Знахарка, указывая лѣвою рукою на свайку, трижды читаетъ заговоръ.

Стихъ первый: «лежить желѣзо, не болитъ и не горитъ, не тлѣтъ и не мѣтъ, и не сохнетъ. Что бы у раба (имя) зубы не болѣли, не тлѣли и не мѣтились, и не сохли». Постѣ каждого раза Знахарка приказывается больному оборачиваться къ окну и кланяться, а сама щупаетъ пальцемъ больной зубъ и три раза дуетъ на лѣвую сторону. Потомъ, трижды читаетъ второй стихъ заговора: «лежить желѣзо, ожелѣзниши, окостенѣши, одубенѣши, онѣмѣши, чтобы у раба (имя) зубы окостенѣли, одубенѣли, онѣмѣли, чтобы до вѣку до вѣчнаго никогда бы они у него не болѣли». По прочтеніи заговора, Знахарка береть свайку или ключъ и до девяти разъ слегка стучитъ ими по больнымъ зубамъ и приговариваетъ: «ожелѣзнийте, онѣмѣйте, одубенѣйте и больше не болѣйте, по сей день, по сей часъ, по сию минуту». Заговаривать на свайку ходятъ къ Знахаркѣ девять разъ (та же г. и у.).

Заговоры отъ лихорадки.

74. «Вечерняя заря-зарница, красная дѣвица, отгони отъ раба Божія (имя) Иродову дочку. Заря-зарница, молодая вдовица, отгони отъ раба Божія (имя) Иродову дочку». Заговоръ читается по 12 разъ, утромъ и вечеромъ (Р.-Борисоглѣб. у. Яросл. г.).

75. «Заря моя, вечерняя зорюшка, проншу у тебя здоровыца, отъ 12-ти сестеръ продѣскнхъ». Заговоръ читается вечеромъ. По пропненіи его,

¹⁾ Этотъ заговоръ произносится при боли каріозныхъ зубовъ. На свайку заговариваются зубы мужчинамъ, а на ключъ бабамъ.

следует троекратный поклонъ въ землю въчерній зоръ, ио креститься при этемъ не полагается (Орлов. г. п. у.).

76. «Чтобы не звать мнѣ тебя, лихорадку, лихорадкою, гнетницу—гнетицей, огневицу—огневицею, трясовицу—трясовицей, а звать тебя, лихоманьшину, кумой родимою. А, ты кума, покинь меня, по сей день, по сей часъ, по сю минуту» (Болхов. у. Орлов. г.).

77. «Тетки, лихоманки, въсъ 12 сестеръ, идолъныхъ дочерей, отстаньте отъ раба Божія (имя), по сей день и по сей часъ и будеть вамъ его трести и трепать. Я буду просить Матвія св.. Марка св.. Луку св.. Іоанна св.. Они въсъ пошлютъ по инимъ, по лугамъ, по болотамъ, по колодамъ, где человѣчьяго голоса не слыхать» (Зарайск. у. Рязан. г.).

78. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Какъ Господь Богъ изгналъ Адама и Еву изъ рая, такъ выходите вы, злые болѣзни, лихорадки колючія, зыбучія, перехожія, мимохожія, водяныя, воздушныя. Я еще попропу Господа Бога: Господь Богъ, попили своего старшаго слугу, архистрага Михаила, на пособу на помочь, выживать и выгонять изъ раба Божіяго (имя и отчество) злые и лихія скорби и болѣзни, изъ нутра, изъ кипиекъ, изъ почекъ, изъ легкаго, изъ печени, изъ сердца, изъ костей семидесяти, изъ 70 суставовъ, изъ 70 жилъ, изъ застойной крови, изъ головы, изъ тѣла, изъ руки, изъ ногъ. Какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ взошелъ на распятіе, волею и кровію свою очистилъ Адама отъ первородныхъ грѣховъ и отъ рабства дьявола, такъ очищай раба Божіяго (имя и отчество) отъ болѣзни, отъ злыхъ, лихихъ, отъ 12 лихорадокъ, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

79. «На горѣ Фаворѣ сидять три мужа-архангела: Михаилъ, Гаврійль и Рафаїль, да три св. отца: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и Пафнутьй, да три юродивыхъ: Василій Блаженныи, Симеонъ юродивый и Андрей, Христа ради юродивый. Сидятъ сіи мужи и глаголять о святыхъ, духовныхъ словахъ. Идутъ къ нимъ 12 дѣвъ, съ моря, пустоволосыхъ, страшныи и безобразныи. Святые отцы пхъ вопросы: куда вы грядете? и двѣ имъ отвѣчали: мы идемъ къ разнымъ людямъ, тѣла сушинть, кости ломить, души томить, за то, что онѣ посты не соблюдаются, заутреніи просыпаются. Святые дали имъ по три тысячи ударовъ прутами жѣлѣзными и онѣ стали молитсѧ и заклинаться, отъ руку человѣческаго бѣжать за триста поприщъ, если эту молитву напишуть и будуть носить на перьяхъ. Аминь» (Кадник. у. Вологод. г.).

80. «Боже мой, научи меня своею молитвою. У окіана-моря стоитъ дерево-корколистъ, на деревѣ-корколистѣ висятъ: Козьма, Демьянъ, Лука и Павель, великие помощники. Прибѣгаю къ вамъ, рабъ Божій (имя), прошу, великие помощники: Кузьма, Демьянъ, Лука и Павель, сказать мнѣ: для чего выходятъ изъ окіана, изъ моря, бабы простоволосы, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваются сонъ, ъду, сосутъ кровь, тянутъ всѣ жилы, точатъ черную печень, пылятъ желтыхъ кости и всѣ суставы? Здѣсь вамъ не житѣ-жилище, не прохладилице. Ступайте въ болота, глубокія озера, въ быстрыя рѣки и дремучіе лѣса. Тамъ кровати для вѣсъ тесовыя, перины пуховыя, листа сахарныя, напитки медовые: тамъ будеть вамъ житѣ-жилище, по сей часъ, по сей день. Слово мое крѣпко, крѣпко. Аминь» (Орлов. г. и у.).

81. На рѣкѣ Поразливѣ, подъ дубомъ, подъ Подливомъ, сидятъ три апостола и Гаврійль Архангель, съ праведнымъ Симеономъ святымъ. Навстрѣчу Симеону идуть двѣнадцать дѣвницъ, полуоборотомъ, простоволосыя, распоясаны. Спросилъ Симеонъ святой: чыи вы дочери?—Мы Иродовы дочери.—Чтуда идете?—Съ навѣтряной стороны, людей знобить, кости ломить, огнемъ палитъ. Сломилъ Симеонъ святой по три пруталозы, въ руку, и дать имъ по сту лозъ по спинѣ.—Не бей насъ, Симеонъ святый, не будемъ ходить народъ знобить, кости ломить, огнемъ палитъ. Кто сю молитву три раза въ сутки прочитаетъ, къ тому человѣку мы не можемъ прикоснуться. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

82. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь. Во дни оны, пріїде святой царь Аноній и видить вышедшихъ изъ Чернаго моря двѣнадцать дѣвицъ, простоволосыхъ, и вопросить ихъ святой царь Аноній, кто вы есть? Онъ ему рѣша: мы дщери царя Ирода. лихорадки, имена наши: первая—Трясовица, вторая—Головія, третья—Глітелея, четвертая—Грудинія, пятая—Животинія, шестая—Ногія, седьмая—Костиная, восьмая—Ломонія, девятая—Томілія, десятая—Горячія, одиннадцатая—Холодія, двѣнадцатая—Егія¹⁾. Понто семо пришли? вопросить святой Аноній. Онъ ему рѣша: мучить родъ человѣческий, въ особливости младенцевъ. И нача ихъ святой царь Аноній бить, гнать, именемъ Господа Иисуса Христа клясть. Онъ его просили: не бей, не гони и именемъ Господа Иисуса Христа не кляни; кто имя твое помянеть, призоветъ, или написанное будеть носитъ, 12 дней на себѣ, къ тому не прикоснемся. Аминь. Святой царь Аноній, святыми твоими молитвами сохрани и помилуй отъ сихъ болѣзней» (также г. и у.).

83. «Господи, Иисусе Христе. Сыне Божій, молитвъ Пречистыя Твою Матери и всѣхъ святыхъ, помилуй мя грѣшнаго, раба Божія (имя). аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ въ Бога. До скончанія вѣка Богъ человѣкамъ бысть святая и тьма его. О. Господи, Боже, Великій Царю, сотворитель неба и земли, видима и невидима и насть грѣшныхъ, рабъ Твоихъ. Пошли, Господи, Матерь. Щѣву Марію, на помощь рабу Твоиму (имя). св. Авксентія и грознаго воеводу небесныхъ силъ, архистратига Михаила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ евангелистовъ: Іуку, Марка, Матфѣя и Іоанна Богослова, еже отъ нападающихъ на мя силъ, дьявольскихъ трясовицъ, 12-ти сестеръ, которыхъ явились на Черномъ морѣ, въ столбѣ камennомъ. съ того моря взяли брата царя Ирода и пошли мучить, родъ человѣческий тяжелыми болѣзнями и нареклись именами: первая—Трясея, вторая—Ледея—придаются холодъ; 3-я Гнетея—слабить въ нутрѣ; 4-я, Глядѣя — когда человѣкъ спитъ и смотритъ; 5-я Желтея — напускается желчь на человѣка; 6-я, Глухея —закладывается уши; 7-я, Томлея —ломитъ голову и кости, какъ сильная буря ломаетъ деревья; восьмая—Пухлея —утробу разносить; девятая—Хриплея —въ грудяхъ хрипить; десятая—Огнея —въ жаръ приводить, одиннадцатая—Сведенія въ рукахъ и ногахъ жили сводить: двѣнадцатая—всѣхъ злѣ сестеръ, Іоанну Предтечѣ, голову отѣкла, когда она вселится, то человѣкъ жить не будеть. Призываю Господа, Иисуса Христа, и Божію Матерь, ангеловъ и архангеловъ Божіихъ и тогда услыша Госполь молитву и послана на помощь св. отца Авксентія и начаша онъ мучить жезломъ жѣлѣзнымъ и давать имъ по четыре тысячи ранъ въ день. Волницы и трясовицы стали молиться: св. отецъ Авксентій, ангелы Божіи и евангелисты, не мучите насть, кто васъ вспомянеть и молиться вамъ будеть, или спишеть сіе, и носитъ при себѣ становеть, того человѣка не будемъ знать и станемъ отъ него бѣгать за триста сажень. Св. отецъ Авксентій заклинаетъ именемъ Господнимъ и крестнымъ знаменемъ Христовымъ: крестъ —красота церковная, ангеламъ отъ дьяволовъ и раба Божія (имя). Да сокрушится подъ знаменемъ честнаго и животворящаго креста Господня, да отступится супротивная сила и скорбы, и трясовицы отъ раба Божія (имя), послѣ дня и нощи слова, молитвами св. архистратига Михаила и архангела Гавриила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ евангелистовъ, Іуки, Марка, Матфѣя и Іоанна Богослова, во вѣки вѣковъ, аминь. Цари. Манунуть имѣль у себя 70 трясовицъ и недуговъ, и онъ ихъ бить и ироклиналъ. Не бей и не ироклиналъ насть: кто твое имя вспомянеть или при себѣ: эту молитву носить становеть, того человѣка сохранить Богъ и помилуетъ раба Божія (имя), отъ глазницъ, трясовицъ и водяницъ, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Черепов. у. Новгор. г.).

¹⁾ Въ этихъ возваніяхъ 12-ти дочерей Ирода олицетворены симптомы лихорадки.

84. «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Сидяще Св. Отецъ и Сынъ на горѣ Елеонской, а подъ дубомъ 12 дѣвъ трясовицъ. И рече имъ Господи: окаянныя дьявольницы, кто вы и куда идете?—И отвѣща одна изъ нихъ: мы есть трясовицы, Ирода царя дочери, идемъ мучить вашъ родъ человѣческій. Услыша это, сынъ Божій глаголя: Боже, избави Твой родъ человѣческій отъ окаянныхъ дьявольницъ, молитвами архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ, Матѳея, Марка, Луки и Иоанна Богослова. Ихъ же окаянныхъ поймаша и мучили желѣзными дубцами и даша имъ множество ранъ, а онъ, дьявольница, глаголаша: св. ангелы и архангелы, и св. Евангелисты, не мучьте насть: гдѣ имена ваши славныя будутъ, того ради будемъ отъ тѣхъ людей бѣгать за три по-прища. Св. отецъ Сисиний, съ ангелами, архангелами и св. евангелистами, спросили: окаянныя дьявольницы, какъ имена ваши? рѣти намъ. Первая—рече: мнѣ имя Трясуха; вторая—Знобуха—зноблю человѣка всего, и тотъ не можетъ въ печи согрѣться; третья—Ломуха—ложусь у человѣка въ головѣ и закладываю уши, и онъ глухъ; четвертая—Простудна—ложусь у человѣка подъ ребрами; пятая—Корхотя—ложусь у человѣка подъ дыханиемъ, и если онъ вкусишь чего, то его сорвѣтъ; шестая—Корхуша—отъ руки и ногъ жили свожу; седьмая — Лостенія — ломлю у человѣка всѣ кости; восьмая — Келтуха — какъ желты цвѣты въ полѣ, такъ и человѣкъ желтѣеть; девятая — Утробница — нагоняю на людей опухоли; десятая — Полюбия — ночью спать не даю и къ себѣ не допускаю, изъ ума человѣка свожу; одиннадцатая — Серпужа — свожу жили въ одно мѣсто; двѣнадцатая — Невянна — я есмь всѣхъ лютѣй и проклятѣй изъ дочерей Ирода царя—усѣкнула главу Иоанну Предтечѣ. Не будетъ человѣкъ имѣть вреда отъ той болѣзни, кто поситъ эту молитву, въ чистотѣ, на здравіе тѣла и на отогнаніе болѣзни. Взять крестъ съ болицаго, положить въ воду и дать ему выпить, во имя (Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь» (та же г. и у.).

85. «Господи, благослови. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Окаянныя дьявольницы: Ужна, Трупноломія, Трясовица, Духея, Лопія, Лоспяя, Пухлея, Келтуція, Нелюбія, Корхуша, Серпугла. Везіяна, заклинаю васъ Іисусомъ Христомъ, Пречистою Богородицею, всѣми ангелами и архангелами, четырьмя евангелистами: Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ, и преподобными отцемъ нашимъ Сосентіемъ, подите отъ раба Божія (имя). Аще не побѣжите, то призову на васъ архангела Михаила и дастъ онъ вамъ по многу ранъ, во вѣки вѣковъ, аминь. Сія вода дается съ креста рабу Божію (имя), во здравіе тѣла и отогнаніе болѣзни и разсѣянія ихъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра. Аминь» (та же г. и у.).

86. «О, господине, великий шестикрылый архистратигъ Михаиль, первый князь и воевода херувимовъ, серафимовъ и всѣхъ небесныхъ силъ. Архангель непрѣченный, буди ми помощникъ отъ всѣхъ обидающихъ мя, въ печалахъ, напастяхъ, въ пустыняхъ, въ горахъ, на рѣкахъ и иристанницахъ, и избави мя, великій архистратигъ Михаиль, отъ всякия прелести дьявольскія, трясовицъ и водяницъ, егда услыши груഷнаго раба твоего, моляся тебѣ п призываю имя твое святое. ускори на помошь мою, и услыши молитву мою, и побѣди всѣхъ, противящихъ мнѣ. силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пресвятаго Богородицы, пророка, крестителя Господня Иоанна, всѣхъ святыхъ апостоль. св. чудотворца Николая, св. пророка Ильи, св. великомученика Пантелеймона, Евстафія, всѣхъ преодобныхъ отцевъ нашихъ, святителей, учителей и св. отецъ въ посты пребывающихъ, преподобныхъ Алексія и Феодосія и всѣхъ Печерскихъ преподобно-мучениковъ и мученицъ, всѣхъ св. Новгородскихъ чудотворцевъ, святыхъ и праведныхъ Богоотецъ, Іоакима и Анны, и всѣхъ святыхъ. аминь» (та же г. и у.).

Отъ золотухи.

87. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, стоитъ дубъ таратынский. На тотъ дубъ слетались 12 недугъ, 12 золотухъ. Расходитесь, вы,

недуги, родные сестры золотухи, по пнямъ, по колодамъ, по гнилымъ по болотамъ, изъ раба (имя). Кончивъ заговорть, на лицо больного надо дуть, а на землю плонуть (Болховск. у. Орлов. г.).

88. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь (трижды). Святая водица, Господня царица, съ восходу ходила до заповѣди¹⁾, всѣ коренья и каменья обмывала, пѣзъ рабы Божіей (имя) всѣ болѣзни вынимала, изъ костей, изъ мочей, изъ ясныхъ очей, изъ буйной головы, изъ слушменныхъ ушей, изъ крови, изъ утробы въ ребры, изъ реберъ въ бедры, изъ бедеръ въ колѣни, изъ колѣней въ пятки, изъ пятокъ въ лапки, изъ ласокъ въ пальцы. Аминь» (Чембарск. у. Пенз. г.).

Отъ запоя.

89. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Земля ты, моя мати, прикажи мнѣ, рабу Божію (имя), отъ сего угодія взяти добру траву заражиль. Тебѣ, матери земля, на стояніе, а мнѣ для рабовъ и рабынь, для лишенія ихъ пьянства. Сей рабъ Божій (имя) все вино оставилъ, не видитъ, не слышитъ и не чувствуетъ; такъ бы сей рабъ Божій (имя) о винѣ не думать, глазами не смотрѣть, слухомъ не слыхаль, чувствами своими нечувствовалъ и отбѣгалъ отъ вина. Какъ тощко помирать, такъ бы тощилось вино рабу Божію (имя), отынѣ и до вѣка. Аминь» (Черепов. у. Новгород. губ.).

Отъ жабы (съ воспаленіемъ подчелюстныхъ железъ).

90. Внахарка выводить больного на дворъ, подводить къ воротамъ и, смотря на лѣсъ, заговариваетъ: «дубъ, дубъ, сухой дубъ. возьми свою глоть, и собачью, и медвѣжью; не возьмешь свою глоть, склону тебя съ вѣтвями и съ кореньями». Потомъ безъмѣнными пальцемъ обводить одинъ изъ сучковъ въ доскѣ воротъ и пригibtываетъ: «какъ сучекъ не расходится ни въ ширину, ни въ длину, такъ чтобы у рабы Божіей (имя) жаба не расходилась ни въ ширину, ни въ длину, аминь». По трижды (Балаш. у. Саратов. г.).

91. «Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь—она тебя проглотить» (Зараиск. у. Рязан. г.).

92. «На морѣ на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, лежить камени-латырь, на томъ камнѣ лягушка сиднѣтъ. Лягушка, лягушка, сними жабу-глотень, не снимешь—она тебя проглотитъ» (та же г. и у.).

Отъ скулы²⁾.

93. «Тихонъ Задонскій, помогите и утишите боль колючую, болючую. Выкачиваю сколько колючее, болючее, статывое, ломотное, сухотное, изъ ногтей, изъ чистаго сердца, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей. Сократи, Господи, землю и воду, и сократи, Господи, сколько колючее и болючее». При этомъ около скулы надо водить или катать камушкомъ. (Краснин. у. Смолен. г.).

Отъ чирья.

94. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ сукъ отъ дерева сохнетъ, такъ бы и чирей сохъ; какъ камень каменѣть, такъ бы и чирей закаменѣтъ; какъ отъ камня иѣтъ отростковъ, такъ бы и отъ чирья не было. Выше не поднимайся, шире не раздавайся, добромъ пришелъ, добромъ и отойди. Аминь» (Черепов. у. Новгород. г.).

95. «Чирей-Василій, не ходи ты шире, а поскорѣй сойди, раба (имя) освободи. Въ этомъ домѣ не являйся, къ бѣлу тѣлу не прикасайся. Аминь, аминь, аминь» (Черепов. у. Новгород. г.).

¹⁾ Запада.

²⁾ Воспалительная опухоль на лицѣ, чирей, вередь.

96. Знахарки смачивают слюною свой безымянный палец и, трижды обводя имъ кругомъ чирья, говорять, «какъ этому пальцу имени нѣть, такъ и у раба (имя) тутъ боли бы не было и этому чирью мѣста не было» (Никольск. у. Вологод. г.).

97. Вечеромъ, когда зажгутъ огни, надо идти или плыть черезъ рѣчу, на огонь, и говорить три раза: «огонь, огонь, возьми отъ меня свой огнинь» (Болхов. у. Орлов. г.).

98. Вечеромъ, когда зажгутъ огонь, знахарка становить больного къ огню лицомъ и водить около больного мѣста пальцемъ, а сама приговариваетъ: «огонь, огонь, возьми свой огнинь, отъ раба (имя), отъ чернаго глазу, отъ худого глазу. Огню потухать, а огнику засыхать». Читается заговоръ три раза. Послѣ этого знахарка береть ложку коношлянна или деревяннаго масла, читаетъ надъ масломъ Отчу и опять тотъ же заговоръ, и приказываетъ больному мазать этимъ масломъ больное мѣсто (Орлов. г. и у.).

99. Знахарка подводить больного къ печкѣ, береть суровый хлопокъ, третъ имъ лицо и произносить заговоръ: «Господи, Гисусъ Христостъ. Огонь, огонь, возьми нашъ огнинь, очисти, Господи, лицо наше бѣлое—раба (имя). Хлопокъ она кидаетъ въ печку, береть другой и третій и дѣлаетъ то же. Въ заключеніе три раза дуетъ и плюетъ. Леченіе повторяется по три утра (та же г. и у.).

Отъ крудовъ.

100. «Копытище, копытище, возьми свое кружице,
По сей день, по сей часъ,
По мой выговоръ. Аминь»
(та же г. и у.).

101. «Сучище, сучище, возьми свои кружицы (имя)
Денныя, полуденныя, часныя, получасныя,
Глазныя, полууглазныя, кошачи, собаччи,
Нѣтушиныя, лошадиныя и лиши»
(та же г. и у.).

Отъ обжога.

102. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Гдѣ былъ огонь, тамъ будь (высыпься) песокъ». Сказать и плюнуть три раза (Болховск. и Орлов. уу. Орловск. г.).

103. «Гора, ты очень не разгорайся, въ водахъ не подымайся, въ ширину не расширяйся. Вокругъ тебя, огонь, стѣна каменная. Рабъ Божій идеть, за собою сине море ведеть, какъ синю морю огонь покоренъ, такъ чтобы и рабу (имя) быть онъ покоренъ» (Болхов. у. Орлов. г.).

104. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ (или на островѣ) Буйнѣ горитъ сырой боръ. Чѣмъ его тушиТЬ? Святымъ Духомъ, своими слюнами. Не я его тушу, но Мать Пресвятая Богородица». На обожженое мѣсто плюнуть и дунуть. Прочитать этотъ заговоръ 9 разъ, затѣмъ опять дунуть и плюнуть три раза и сказать: «по сей день, по сей часъ, по сию минуту» (та же г. и у.).

Отъ кил.

105. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Встану я, рабъ Божій, помоюсь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. Во чистомъ полѣ стоять столбъ, отъ земли до небесн, на этомъ столбѣ сидить Никита столпникъ и спускаетъ пузыри. Исчезни, кила, у раба Божія (имя), во вѣки вѣковъ. Аминь».

По другому варианту этого заговора, въ полѣ стоять св. соборная, Апостольская церковь, въ этой церкви сто семьдесятъ семь престоловъ, на одномъ престолѣ лежить пелена Христова.—«Утренней и вечерней ро-

сой, говорить заговоръ, умоюсь, пеленою Христовой утрусь. Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь».

Есть и такой варіантъ этого заговора, по которому на полѣ стоять столбъ, отъ земли до небесн, на этомъ столбѣ сидить князь-воевода. Михаилъ Архангель. «Прикажи ты мнѣ, князь-воевода, говорить, раба Божія (имя) исцѣлить, пузыри-килы снимать. Сама ты, болѣзнь, сохни, въ трещины изсохни». Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь (Черепов. у. Новгород. г.).

106. Произносится надъ полбутилкой съ виномъ. «Прошу Божью Матерь, Пречистую Богородицу, помоги и пособи рабѣ Божіей (имя). Не я хожу, не я лечу, ходить Матерь, Пречистая Богородица,лечить Своими устами, прикальваетъ Своими перстами. Ты, шишака, разомнись, ты, кровь, разойдись. Какъ ты, кость, пала, такъ чтобы всѣ скорби-болѣзни пропали; какъ ты, кость, онѣмѣла, такъ чтобы всѣ скорби-болѣзни онѣмѣли у рабы Божіей (имя). Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь» (трижды). Знахарка обводить костью больное мѣсто и, по прочтении заговора, дуетъ въ бутылку. Водку эту больной пьетъ по зорямъ (Балаш. у. Саратов. г.).

Отъ червей¹⁾.

107. Взять горсть земли и, ходя при закатѣ солнца вокругъ больного, сыпать между пальцами землю и говоритъ: «тридевять червей и три червяка. Одинъ червякъ изъ нашего (имя) выпади и всѣ пропади. Поди вонъ, какъ между пальцами сыпалась. Дай Богъ холодъ, солнце за лѣсъ, черви вонъ» (Болх. у. Орлов. г.).

108. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Васъ было 10 червей—осталось 9-ть; васъ было 9-ть осталось 8-ми; васъ было 8 червей, а теперь стало 7 и т. д.—васъ былъ одинъ червякъ, а теперь ни одного, васъ не было ни одного и не будетъ» (та же г. и у.).

Отъ волоса.

109. «Тридевять колосьевъ²⁾», возьмите свои волосья отъ рабы Божіей такой-то» (Орлов. г. и у.).

110. «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Освободи, Господи, отъ щерботы, отъ ломоты и отъ всякаго вражескаго приключенія. Именемъ Христовыемъ, знаменемъ Господнимъ и Животворящимъ Крестомъ изыди, волосъ, на ржаной колосъ, на слизкій щелокъ, на крѣпкій камень, изъ раба Божія (имя), изъ его тѣла, изъ его крови, изъ его костей. Выиди, волосъ, на мхи, на болота, гдѣ люди не ходятъ и птицы не гнѣздятся, тамъ сядь и неподвижно сиди, на людей не ходи. Аминь, аминь, аминь» (Черепов. у. Новгор. г.).

111. «Выходите, волоса, на девятыю девять колоса, мужчинскіе, дѣвичьи, молодичьи, собачьи, кошачьи, коровы, лошадиные, свининные, медвѣдіиные, волчы, лисичы, заячи, овечы и другихъ звѣрей невѣдимыхъ, но имѣющихъ волоса—сѣрые, черные, бѣлые, рыжие, русые, длинные, короткіе, изъ раба Божія (имя), крещенаго, порожденаго, по сей часъ, по сию минуту, отъ худого глазу, отъ лихого глазу, отъ подшуту и отъ нечистаго духу. Аминь» (Орлов. г. и у.).

112. Заговоръ произносится на деготь или воду, подъ условіемъ неходить въ баню и никогда не ъесть щучины. Предъ наговоромъ приготавляется сосудъ съ дегтемъ или водой и тремя углеми. Знахарь читаетъ

¹⁾ Появление въ ранѣ, при нечистомъ ея содержаніи, червей (личинки насѣко-мыхъ) въ деревенской практикѣ не составляеть какой-либо исключительной рѣдкости. Примѣненіе заговоровъ и въ этихъ случаяхъ, взамѣнъ сознанія значенія чистоты раны, представляетъ изъ себя явленіе, по истинѣ, поразительное. Этотъ же заговоръ примѣняется и при появлениіи червей у животныхъ, на листьяхъ деревьевъ, капустныхъ листкахъ и т. п.

²⁾ См. 2-ю гл.

шопотомъ: «встать, благословяясь, выйти, перекрестясь, въ чистое поле, широкое раздолье. Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, лежить бѣлый камень, на этомъ камнѣ сидѣть красная дѣвица. Подьте, всѣ уроки, на темные лѣса, на черныхъ грязи (при этомъ отплевывается въ сторону, дуеть въ жидкость, опускается 1-й уголь и продолжаетъ), отъ вѣтру, отъ вихоря (опускается 2-й уголь), отъ злого мужика (опускается третій), отъ бабы наговорщицы (имя). Создай, Господи, милости Божіей (креститъ 1-й уголь три раза), доброго здоровья (креститъ 2-й уголь), Господи, буди милостивъ мнѣ, грѣшному» (креститъ 3-й уголь). Заговоръ повторяется семь разъ (Волог. г. и у.).

Отъ сибирки.

113. «Благослови меня, Господи, рабу Божью, заговаривать сибирку. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. У рабы Божіей (имя)—чумища, старая сатаница. Гонимъ тебя, чумицу, старую сатаницу, въ мягкой болотной мохѣ, въ темные лѣса, въ гнилья колоды, въ пустыня поля, въ сухія древа. Заговариваю сибирку у рабы Божіей (имя) на попритечномъ мѣстѣ. Выди ты, сибирка, скорбь-болѣзнь, изъ ея красной крови, изъ желтой кости, изъ семидесяти семи жилья и семидесяти семи поджилья, изъ семидесяти семи суставовъ. изъ ея дома, изъ ея плоти и изъ ея головы. На крутой горѣ, на матушкѣ, на сырой землѣ, стоять церковь Господня и престолъ Его. На этомъ престолѣ стоить гробница, а въ этой гробницѣ дѣвица-мертвица, посланная заговаривать сибирку, или пухлю, или стрѣльбу, или рассыпушку. Тебѣ, сибирка, нѣтъ ни пальца, ни сустава. Аминь, аминь, аминь». Заговоръ знахарка повторяеть три раза, обводя сибирку лошадиной костью (Балаш. у. Саратов. г.).

Отъ укушенія змѣи.

114. «На рѣкѣ Смородинѣ — калиновый мостъ, на томъ мосту стоить дубъ-Мильянъ, а въ томъ дубѣ змѣиний гробъ, а въ томъ гробу змѣиний зубъ и ядъ. Змѣя домовая, змѣя полевая, змѣя гноевая, змѣя межевая, змѣя курчевая, змѣя лѣсовая, змѣя подколодная, змѣя водяная, змѣя полетучая, змѣя шкуропея, унимай своихъ слугъ. вынимай свои зубы и ядъ, съ бѣлыхъ костей, съ черныхъ бровей, съ ясныхъ очей, съ жилья, съ поджилья, съ ногтей, съ подногтей, съ буйной головы, съ горячей крови, съ ретивого сердца (имя), а не вынешь свое жало. пойду я къ И. Христу, Господу Богу, къ Илью св., попрошу я Иисуса Христа, Господа Бога, Илью св.—нашептать на тебя тучи грозныя, мечи острые, весь твой родъ и племя выижжетъ и выпалить, и корень выведеть. Во имя Отца и Сына». Повторить три раза (Сычевск. у. Смоленск. г.).

115. «Мать Пресвятая Богородица, Дѣво Пречистая. Понила Мать, Пресвятая Богородица, Дѣва Пречистая, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоить дубъ-крякъ, подъ тѣмъ дубомъ-крякомъ лежить перина, на той перинѣ Катерина. Змѣя. змѣя - Катерина, много лѣ дѣтей народила, въ полѣ, подъ межами, въ лѣсу, подъ курчами, въ водѣ, подъ песками? Винь свое жало съ (имя), а не вынешь свое жало. пойду я къ И. Христу, Господу Богу, къ Илью св., попрошу я Иисуса Христа, Господа Бога, Илью св.—нашептать на тебя тучи грозныя, мечи острые, весь твой родъ и племя выижжетъ и выпалить, и корень выведеть. Во имя Отца и Сына». Повторить три раза (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

116. «На морѣ-оканѣ, на большомъ Буянѣ, стоять дубъ, стара-дубъ, подъ этимъ дубомъ, стара-дубомъ лежить камень Бѣлоробъ, на этомъ камнѣ Бѣлоробѣ сидѣть змѣй-Скороспѣй. Ты, змѣй-Скороспѣй, у тебя много дѣтей: тридевять удененковъ, тридевять козленковъ, тридевять золотыхъ мѣдинцовъ и тридевять треярныхъ шадушовъ, и тридевять переярныхъ козуль, и тридевять переярныхъ шадушей, и тридевять переярныхъ ужаковъ, и тридевять переярныхъ мѣдынцевъ, и тридевять переярныхъ жел-

¹⁾ Этотъ и слѣдующій загоры примѣняются и при укушеніи животныхъ.

тобрюховъ, и тридевять огневыхъ змѣвъ, и тридевять переярныхъ полозовъ. И гаркнетъ змѣй-Скороспѣй: собирайтесь змѣи всѣ—и лѣсовыя, и полевыя, луговыя, рубежовыя, межевые и водяныя, и болотныя, и дворовыя, и подколодныя, выньте свое жало изъ краснаго мяса. Если выньете свое жало, то вѣсъ сырья земля приметъ, ясное солнце обогрѣеть, а если не выньете свое жало, то вѣсъ сырья земля не приметъ и ясное солнце не обогрѣеть. Не я вѣсъ породила, не я вѣсъ на свѣтъ пустила, а вѣсъ на свѣтъ пустила Пресвятая Богонастрица, которая Иисуса Христа породила». Къ словамъ заговора знахарь прибавляетъ: «а которое слово забыть, тому слову аминь» (Орловск. г. и у.).

117.

На морѣ-окіанѣ, на островѣ-Буянѣ,
Стоялъ дубъ, въ этомъ дубѣ свито гнѣздо,
Въ томъ гнѣздѣ живеть змѣя-царица.
Ужъ ты, змѣя-царица,
На что ты распустила свою майность,
По пнямъ, по колодамъ,
По лугамъ, по болотамъ,
По стежкамъ, по дорожкамъ,
Луговыхъ, лѣсовыхъ,
Подлевыхъ, межевыхъ,
Дворовыхъ, тынныхъ,
Подтынныхъ, колодныхъ,
Подколодныхъ, навозныхъ?
Вынь жало зміиное,
Козюлиное, изъ раба (имя).
Ежели не вынемешь, то я тебѣ голову сссѣку.
Заговариваю не я,
Заговариваетъ царь Давидъ, и мать Елена.
Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Заговоръ произносится надъ водой, которую знахарь даетъ выпить больному (Болховск. у. Орловск. губ.).

Отъ укушенія ужемъ.

118.

«На синемъ морѣ, на окіанской пучинѣ, плавалъ камень.
На томъ камнѣ сидѣлъ Симеонъ желтоголовый.
Симеонъ желтоголовый, прекрати мою боль, останови»

(та же г. и у.).

Отъ шамы¹⁾.

119. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Хлѣбъ сквозь дубъ проймаю, отъ шалу отгоняю. Самъ Господь Богъ отъ шалу отгонялъ, хлѣбъ въ дубѣ клалъ, свое рукою и печатью печаталь». Заговоръ произносится надъ хлѣбомъ и повторяется три раза, а если прошло много времени послѣ укушенія, то двѣнадцать разъ. При словахъ: «хлѣбъ сквозь дубъ проймаю—нужно хлѣбъ изъ одной руки передать въ другую (Дорогобужск. у. Смоленск. г.).

120. «На церкви крестъ и надъ крестомъ крестъ (три раза), кресту крещусь и кресту кланяюсь. Шель Богъ съ ордою, назадъ оглянулся—шаль минулся» (та же г. и у.).

121. «Крестъ, хранитель всей вселенной, крестъ креста церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава и дьяволамъ язва. Раба Божія (имя), во вѣки вѣковъ, аминь». Произнести три раза и каждый разъ погружать въ воду крестъ, затѣмъ дунуть на больного три раза, крестообразно, и также крестообразно сбряз-

¹⁾ Собачье бѣшенство.

нуть ему грудь. Окончить такъ: «христіанскій духъ, а вражій недугъ прочь отъ (имя)» и при этомъ еще дунуть три раза, крестообразно (Болховск. у. Орловск. г.).

122. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Аронъ, Линоръ, Коплениръ, Деусъ, Дельфинъ, Калькара¹⁾, Ёла, кусала шальной собака раба (имя). И вы, Давидскіе псалмы, отъ шалости сохраните и помилуйте, а я отъ такой шальной собаки имѣю Господа Иисуса Христа» (Орловск. г. и у.).

123. «На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ, стоять гора Араатъ, а на той, на горѣ, на Араатѣ, лежитъ заповѣдный камень, на томъ на камнѣ сидитъ дѣдунка сѣдобородый, бѣлобородый. Я тебѣ кланяюсь, молюсь, избави меня отъ собаки, отъ кусаки, отъ разношерстной, бѣлошерстной». Заговоръ произносится надъ водой (Болховск. у. Орловск. г.).

124. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, стоять гора Юра, на той, на горѣ, на Юрѣ, сидитъ бѣль-старичекъ, сѣда борода, бѣла борода. Низко споклянію и прошу избавить меня отъ собаки безкорыстной, одношерстной, чтобы рану затянуло и на улицу не мануло, по сей часъ, по мой наговоръ» (та же г. и у.).

125. «Царь-огонь, желѣзо-серпъ разгорается, царю-огню поклоняется. Арепей-трава прилипчивата, арепей-трава отлипчивата, отлипаетъ отъ злого зуба, отъ лихого духа, отъ бѣшеной собаки, отъ всѣхъ недуговъ. Михаиль Архангель, сохрани и помилуй» (Орловск. г. и у.).

126.

«Царь огонь разгорается,
Царю огню желѣзный серпъ поклоняется,
Арепей прилипчивата,
Арепей-трава отлипчивата,
Отлипаетъ отъ бураго мяса,
Отъ лихого зуба,
Отъ дурного духа, отъ бѣшеной собаки.
Будь мое слово крѣпкимъ крѣпко,
Твердымъ твердо,
Тверже горючаго бѣлаго камня» (Болховск. у. Орловск. г.).

127. «На морѣ-океанѣ стоять бѣлая береза, подъ этой бѣлой березой лежитъ чугунная доска, на этой чугунной доскѣ сидять два пеара: царица-исарница и царь-исарь. Приходить къ вамъ рабъ (имя), просить и умоляетъ васъ: соберите вы своихъ всѣхъ бѣшеныхъ—и лаекъ, и гончарокъ, и борзыхъ, и прикажите имъ вынуть свое бѣшенство изъ раба (имя), изъ тѣла его, изъ костей его, изъ кровей его. Если вынете свое бѣшенство, то получите отъ Спасителя себѣ спасеніе, а если не вынете, скажу Спасителю и Божіей Матери. Спаситель будетъ къ вамъ идти съ святымъ копьемъ, а Божія Матерь съ желѣзнымъ прутомъ. Спаситель васъ прутомъ накажетъ, а бѣшенство вынуть прикажетъ» (Орловск. г. и у.).

Отъ кровотечения.

128.

«Вдѣтъ Иисусъ Христосъ на каремъ конѣ,
Конь каръ, старъ исталъ:
Такъ и кровь стань у раба Божія (имя).
Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.»

Заговоръ повторяется трижды. Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологодск. г.).

129. «Вставалъ я рано утромъ, умывался водою ключевою, утирался тонкимъ пряденнымъ полотенцемъ и пошелъ изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота и выходжу въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ Самъ Иисусъ Христосъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ и сѣчетъ руду и камень, и изъ этого камня нѣтъ ни руды, ни крови. У раба Божія (имя) нѣтъ ни крови и ни

¹⁾ Каждое изъ этихъ словъ повторяется по три раза.

руды». Зажимают рану и, по окончаніи заговора, три раза дуютъ и плюютъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

130. «Встану я, рабъ Божій (имя заговаривающаго), благословясь, перекрестясь, умоюсь ключевою водою и пойду на крутую гору. На крутой горѣ стоитъ Божія церковь и въ той церкви столь-престолъ, на столь-престолѣ сидить сама Царица небесная, держитъ булатную иголку, шелковую нитку, шить она, пошиваетъ,—вотъ, я взмолясь ей и покорюся: зашай, Матерь Божія, Царица небесная, у раба Божія (имя) эту кровь и руду, чтобы нѣтъ ея и не было» (Никольск. у. Вологодск. г.).

131. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Илья пророкъ катается на огненной колесницѣ, на горѣ Хоривѣ. Онъ сходитъ съ горы Хоривы, заключилъ небо и землю, всѣ моря, озера, рѣки, источники, наточки и ключевники, на 3 года, на 6 мѣсяціевъ. И я прошу, Илья пророкъ, иди ко мнѣ на пособъ и на помочь, заключать, унимать у раба Божія (имя и отчество) кровь и руду, и рану. Будьте мои слова и крѣпки, и лѣпки, долговѣки и памятны, крѣпче, вострѣе вострыя сабли и жарче жаркаго огня. И кой меня учитель училъ и коихъ словъ не доучиль, всѣ будьте въ статьѣ, ключемъ заперты. Ключъ въ морѣ, замокъ на небеси, во вѣки вѣковъ. Аминь» (та же г. и у.).

132. «Встану я, рабъ Божій (имя), благословясь, перекрестясь, и по-прошу Ивана-Отсѣченія честныя главы: какъ у него, когда палачи отрубали св. голову, не было ни крови, ни руды¹⁾, такъ бы и у этого раба (имя) кровь унялась и не слышаль бы онъ ни тоски, ни болѣзни» (та же г. и у.).

133. «Благослови, Господи, красную руду заговорити у раба Божія (имя). Святый Яковъ, хватай копья, затыкай, замыкай раны: не пухло бы, не болѣло бы, не щемило бы, не шла бы руда. Аминь. Во имя Отца и Сына, аминь. Укроти, Господи, кровь Твою, жилы Твои и ключи Твои, аминь. И Св. Духа, аминь» (Орлов. г. и у.).

134.

«На морѣ, на Кіянѣ,
На островѣ Буянѣ,
Стоитъ дубъ о девяти вершинахъ.
На тѣхъ вершинахъ
Престолъ Господень,
На немъ лежитъ Кніга-Евангелье.
Кто книгу читаетъ?
Читаетъ рабъ Божій (имя больного).
Пошли посла къ самому Кастентину.
Ты, посолъ, воротись,
А ты, руда, остановись,
По мой заговоръ.
Ѣдеть старикъ старъ,
Подъ нимъ конь каръ,
А ты, руда, отстань,
Отъ щемоты, отъ ломоты,
По мой заговоръ»
(Нижнелом. у. Пензен. г.).

135. «На синемъ морѣ, на окіанской пучинѣ, ъхалъ царь, а ты, кровь, стань. Доставаль царь шелковую нитку, зашиваль онъ мою рану. Василій царь, а ты, кровь, стань. Аминь» (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г.).

136. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, ильзы корабль съ царской дочерью. Она шила, вышивала узоры, шелку не стало и кровь течь перестала». Заговоръ повторяется трижды, безъ отдыха (Чембарск. у. Пенз. г.).

1) Распространенное и въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Вологодск. г.) сказание о смерти Иоанна Крестителя гласить, что отсѣчь ему голову мечомъ было невозможно и это можно было сдѣлать только кочнемъ капусты. Такой способъ отнятия головы былъ, по словамъ сказанія, совершенно безкровенны: при этомъ не было «ни крови, ни руды».

137. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. На морѣ, на океанѣ, лежитъ синь-камень, на камнѣ сидить красна-дѣвица. Красна-дѣвица, утрысъ краской, не отъ корени плода, не отъ силы кровь». Проговорить три раза и три раза плюнуть (Болховск. у. Орловск. г.).

138. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, сидить дѣвица на камнѣ, держить шелковыя нитки, зашиваетъ кровяныя раны, отъ остраго меча. Лети, воронъ, не каркни, а ты, кровь, не капни. Аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

139. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на бѣломъ, на камушкѣ, сидѣла красная дѣвица, переиридала щолчекъ на кривое веретенце. Веретенце, перевернись, ниточка, перервись, а ты, кровушка, уймись. Ёдетъ мужикъ старъ, по-сѣмъ конь карь, а ты, кровушка, ни кань» (Орловск. г. и. у.)

140. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ стоять дубъ. Подъ этимъ дубомъ лежитъ бѣль-горючъ камень. На этомъ камнѣ сидять дѣвицы, родныя сестрицы. Шьютъ онъ, зашиваютъ раны кровавыя, иглы у нихъ золотыя, нитки шелковыя. Ёдетъ Господь на ворономъ конѣ. Ты, конь, карь, а ты, кровь, не кань, перестань. Аминь» (Балащ. у. Саратов. г.).

141. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ бѣль-камень. Подъ тѣмъ бѣлымъ камнемъ сидѣли три дѣвицы, пряли тонкія нитици. Шель Иисусъ Христосъ на Иорданъ, а ты, кровь, перестань» (Краснинск. у. Смоленск. г.).

142. Суставомъ большого пальца нужно очертить порѣзанное мѣсто и три раза проговорить, не переводя дыханія:

«На горѣ, горицѣ, сидѣли три дѣвицы, пряли тонкія нитици. Шель Иисусъ Христосъ на Иорданъ, а ты, кровь, перестань» (Краснинск. у. Смоленск. г.).

143. «Шли три дѣвицы, три красныя молодицы, не умѣли ни ткать,

ни прѣсть, только кровь замолвлять. На морѣ стоитъ камень, а на камнѣ—

трость. Какъ изъ этой трости вода не бѣжитъ, такъ изъ (такой-то части тѣла) кровь не бѣжитъ». Трижды (Сычевск. у. Смоленск. г.).

144. «На морѣ, на океанѣ, на бѣломъ камнѣ, сидять три дѣвицы, родныя сестрицы. Пряли пражу шелковую, зашивали рану кровавую. Идеть конь карій—кровь не канеть. Не съ зайца яицы, не съ камня плоды. Во имя Отца и Сына; и Св. Духа. Аминь». Произносится 12 разъ (Доробужск. у. Смоленск. г.).

145. «На морѣ, на океанѣ, лежитъ бѣлый камень, на томъ бѣломъ камнѣ сидить Ганна-пана, придетъ нитку шелковую. Какъ нитка порвется, такъ у рабы Божіей кровь уймется» (та же г. и. у.).

146. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Лягу, благословясь, встану, перекрестясь, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу, на отводъ, на чистое поле, на Окіанъ-морѣ. На Окіанъ-морѣ стоитъ островъ, въ островѣ сидять 12-ть дѣвицъ и зашиваютъ онѣ 12-ть прорѣшекъ разными шелками. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

147. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Лягу, благословясь, встану, перекрестясь, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу, въ отводъ, на чистое поле. На чистомъ полѣ стоять желѣзный мужъ и держитъ онъ булатный ножъ, самъ себя колетъ, а руда не канетъ. Во вѣки вѣковъ, аминь» (та же г. и. у.).

148. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, лежитъ камень гремучий. На этомъ камнѣ сидять два брата, всѣмъ они помогаютъ, кто только обратится къ нимъ. Братья родные, помогите: кровь у раба Божіяго (имя) уймите. Аминь, амины, амины» (та же г. и. у.).

149. «Шла баба бѣла, бѣлу собаку вела. Бѣла собака стала и ты, кровь, по словамъ моимъ, у раба Божіяго (имя) остановись». Сказать три раза (Болховск. у. Орловск. г.).

150. «Идеть баба по перегороду, за собой нить волокетъ, нить сорвалась, кровь унѣлась». Зажать рану и, прочитавши заговоръ, три раза плюнуть (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

151. «Шла баба по питкѣ¹⁾, вела быка на ниткѣ, нитка сорвалась и кровь унёлась у (имя), вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣка». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологодск. г.).

152. «Бхала Марина на сивой кобылѣ, кобыла устала и кровь у раба Божьяго (имя) стала». Сказать три раза (Болховск. у. Орловск. г.).

153. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Дернь дернѣть, земля твердѣть. Отъ дерна, земли и камня нѣтъ ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни. Тоже, и у раба Божія (имя) не было бы ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни, изъ 70 суставовъ и изъ трехъ суставовъ, становыхъ костей, изъ-подъ пятыхъ жиль. Аминь, аминь». Зажимают рану пальцемъ и читают заговоръ 9 разъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

154. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Не отъ камня вода, не отъ кости руда. Кровь, уймется, руда остановится. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

155. «Шли три рѣки: первая—кровянная, вторая—водяная, третья—каменная. Кровянная запеклась, водяная—остановилась, каменная—камнемъ сдѣлалась». Проговорить три раза и три раза перекрестить рану (Болховск. у. Орловск. г.).

156. «Стоить море сине. Летѣль воронъ черезъ сине море, несъ нитку-шелковинку, нитка-шелковинка, оборвнися, а кровь обопнися, кшонаго²⁾, молитвенного, пороженнаго (имя). Аминь». Зажать рану пальцами и сказать три раза (Обоянск. у. Курск. г.).

157. «Игла, иголка, стальнойное твое тѣло, знай свое дѣло, полѣзай въ мое тѣло. Вы, кости, раздайтесь, вы, жилы, разступитесь, а ты, руда, не кань, не крань. Аминь, аминь, аминь». Взявши иглу въ праву руку, обратить ее острѣмъ ко рту, сказать трижды этотъ заговоръ и зашивать порѣзанное мѣсто. Крови при такомъ зашиваніи нѣтъ, боли тоже и игла проходитъ черезъ тѣло, будто бы, словно черезъ рѣпу (Макарьев. у. Нижегород. г.).

Заговоръ при появлѣніи первыхъ реуулъ.

158. «Трава калганъ служила вѣрой и правдой, какъ носила Мать Пресвятая Богородица не себѣ великую кровь,—такъ и ты уничтожила бы кровь у рабы Божіей (имя) и не усилила бы великую кровь» (Кадниковск. у. Волог. г.).

Заговоръ надъ роженицей.

159. «Золотникъ, золотникъ, русскій царь, встань на мѣстѣ, царь на креслѣ, встань на мѣстѣ, кресть на головѣ,—гдѣ тебя мать родила, гдѣ оставила» (Зарайск. у. Рязан. г.).

Заговоры отъ вывиха.

160. «Становой суставъ, стань на свой станъ³⁾, со всѣхъ костей, со всѣхъ мозговъ, со всѣхъ жиль, со всѣхъ пожилковъ, изъ буйной кости, изъ красной крови, изъ раба Божія (имя)». Прочесть три раза и столько же разъ ударить по больному мѣсту щиколкой руки, сказать: «по сей день, по сей часъ, по сю минуту». Заговоръ этотъ повторять три раза въ день (Болховск. у. Орлов. г.).

¹⁾ Одно изъ заговорныхъ словъ безъ всякаго значенія.

²⁾ Крещенаго.

³⁾ При этомъ больное мѣсто, начиная съ извѣстной точки, по направлению съ востока на западъ, обводятъ безымяннымъ пальцемъ и, къ моменту произнесенія слова «станъ», описываютъ полный кругъ.

161. «Шелъ Богъ по горамъ, по доламъ, шестомъ подпирался, шатромъ накрывался, кость къ кости прилагалъ, кровь къ крови приливалъ, отъ вывиха избавляль. Спаси, Господи, раба (имя). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Заговоръ произносятъ по три раза, въ теченіе трехъ зорь, утромъ и вечеромъ. При этомъ, во все время заговора, знахарь держитъ свои руки на больномъ мѣстѣ, вложивъ три пальца одной въ промежутки трехъ пальцевъ другой (Краснин. у. Смолен. г.)¹⁾.

¹⁾ Изъ общаго числа заговоровъ (161) больше всего падаетъ на Орловскую г. (60), Вологодскую (37), Смоленскую (21) и Новгородскую (17). Остальные (26) относятся къ гг. Саратовской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Курской, Воронежской и Ярославской. Распределеніе по губерніямъ заговоровъ является косвеннымъ показателемъ степени распространенія въ этихъ губ. знахарства.

Большинство приведенныхъ заговоровъ разнятся отъ собранныхъ Забыльнымъ и Рыбниковымъ не только въ своихъ деталяхъ, но и по основнымъ мотивамъ, и содержанию. Общее число лечебныхъ заговоровъ у указанныхъ авторовъ не превышаетъ 50-ти. («Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ». Ч. IV. 1867. М. Забылинъ. «Русскій народъ. Его обычай, обряды, преданія, суевѣрия и поэзія». 1880).

VIII. Религіозные средства.

Значеніе об'єтовъ и народная вѣ-ра въ цѣлеб-нѣсть св. мо-щій и чудо-творныхъ иконаў. Среди религіозныхъ предметовъ и средствъ, къ которымъ при-бѣгаеть заболѣвшій крестьянинъ, безспорно, первое мѣсто должно быть отведено мощамъ святыхъ и чудотворнымъ иконамъ. Эта вѣра въ цѣлебность мощей и св. иконъ составляетъ такую русскую осо-бенность и имѣеть такое историческое значеніе, что заслуживаетъ особенного вниманія. Хотя ученіе о мощахъ и иконахъ всецѣло перешло къ намъ изъ Византійской церкви, но въ развитіи своей вѣры въ нихъ народъ шелъ не исключительно подъ вліяніемъ этого ви-зантійского ученія, а и своимъ собственнымъ путемъ. Восиринявъ впервые христіанство еще въ героическую эпоху своего существова-нія¹⁾, онъ не могъ не поражаться той необыкновенной высотой духа и нравственною мощью, которую проявляли первые и многие послѣдующіе насадители христіанства на Руси. Являясь въ даль-нейшемъ, теперь уже историческомъ періодѣ сознанія русскаго на-рода, не только его учителями, но и носителями національной и го-сударственной идеи, выступая борцами въ борбѣ народа съ его защитниками въ различныхъ бѣдахъ и напастяхъ, они, естественно, дѣлались какъ бы его духовными богатырями и героями²⁾.

¹⁾ Имена большинства любимыхъ народныхъ богатырей группируются около Владимира-краснаго солнышка, первого христіанина-князя, сдѣлавшаго христіан-скую религию государственной.

²⁾ Наибольшимъ и общимъ почитаніемъ пользуются мощи и имена святыхъ, имѣющихъ, безъ сомнѣнія, крупное государственное значение: Оеодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Соловецкихъ Зосимы и Савватія, Валаамскихъ Германа и Сергія, Кирилла Новоезерскаго и друг.

Имя многихъ изъ нихъ еще при жизни было окружено чудеснымъ и легендарнымъ ореоломъ. Противостоять имъ часто была не въ состояніи и физическая сила, предъ ними смирялись звѣри, и самыя мѣста, гдѣ они жили, были «святыя мѣста». Они не только сообщали свою чудесную силу всему, съ чѣмъ соприкасались—камнямъ, землѣ, водѣ, деревьямъ, но, среди такихъ даровъ, получали таинственный даръ дѣйствовать даже и на самую природу человѣка, исцѣляя его болѣзни и недуги¹⁾. Мудрено ли, что они, еще при жизни признанные во всенародной молвѣ святыми, сохраняли свою чудесную силу исцѣлять болѣзни и по смерти? Канонизація такихъ святыхъ лишь совпадала съ вѣрой и мыслью самого народа.

Такимъ образомъ, вѣра въ цѣлебность мощей, хотя и есть явленіе чисто религіозное и заимствованное, но, въ то же время, и явленіе, сложившееся исторически. Въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ является фактъ, что предметомъ почитанія и поклоненія становятся могилы подвижниковъ, юродивыхъ, блаженныхъ и т. п., еще не канонизированныхъ церковью²⁾.

Такое же значеніе, какъ мощи святыхъ, имѣютъ чудотворныя иконы. Такое значеніе многія изъ нихъ пріобрѣли въ годины общихъ народныхъ бѣдствій и въ трудные исторические моменты. Онѣ усмиряли бушующія толпы, прогоняли грозныя вражескія рати³⁾ и помогали выигрывать трудныя и решительныя битвы. Общее историческое сознаніе продолжаетъ жить въ нашемъ народѣ, хотя онъ и утратилъ память о конкретныхъ случаяхъ и, поэтому, немудрено, что многія изъ этихъ иконъ, какъ историческія святыни, пользуются повсемѣстной извѣстностью и всеобщимъ почитаніемъ. Таковы иконы Божіей Матери: Казанской, Владимірской, Смоленской, Но-чаевской, Иверской и друг. Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ русской народной жизни, не менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ только что указанное. Это—обиціе, такъ называемыхъ, «явленныхъ иконъ». Обыкновенно икона, поставленная кѣмъ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ или найденная на берегу рѣки, считается «явленной», около нея создается легенда, начинаютъ совершаться чудеса, глав-

¹⁾ Въ XIV в., св. Московск. митр. Алексѣй бытъ призываєсь даже въ Золотую орду, для исцѣленія больної ханской жены Хайдулы.

²⁾ Такова, напр., могила Ксении на Смоленскомъ кладбищѣ Петербурга.

³⁾ Когда, въ 1395 г., во время наступленія Тамерлана на Москву, послѣдній по совершенно непонятной причинѣ повернулся назадъ, это отступленіе было всецѣло приписано заступничеству за русскую землю иконы Владимірской Божіей Матери, принесенной для защиты отъ враговъ изъ Владимира въ Москву.

нымъ образомъ, въ видѣ исцѣленія больныхъ, и слава о ней быстро растетъ и разносится по окрестностямъ¹).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ народное признаніе такой иконы чудотворной обыкновенно предшествуетъ такому же признанію Церкви и она лишь освящаетъ существующее, то, что создалось силою вещей и начало чего исходить изъ нѣдѣль народной жизни.

Такимъ образомъ, благодаря мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, съ одной стороны, создались такие общіе религіозные центры, имѣющіе всенародное и историческое значеніе, какъ Троице-Сергіева, Кіево-Печерская или Почаевская лавра, Соловецкій монастырь и друг.²), а, съ другой, возникли въ каждомъ районѣ свои, мѣстныя, почитаемыя святыни, къ которымъ стекаются и паломничаютъ и больные, ища исцѣленія, и здоровые, исполняя обѣтъ, данный въ болѣзни. Очень характернымъ при этомъ является фактъ, что наизъ народъ, путешествующій и въ Іерусалимъ, и на Туруцкій Афонъ, идетъ въ эти мѣста, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, побуждаемый сознаніемъ общій грѣховности или тяжести какого-либо частнаго грѣха, близкой утраты или несчастья, тогда, какъ обѣты въ болѣзняхъ онъ предпочтительна даетъ своимъ святынямъ³). Эти обѣты обыкновенно даются въ тѣхъ случаяхъ хроническихъ, а также и острыхъ, но опасныхъ болѣзней, когда источены всѣ доступныя для крестьянина средства лечения и когда для него остается одна надежда на чудо. Рѣшившись, въ критическую минуту, что все, что онъ дѣлаетъ до сихъ поръ, бесполезно и бесплодно, и крѣпко вѣря, что, кроме мѣра и средствъ физическихъ, есть еще другой, духовный міръ, съ его таинственными и чудесными силами, онъ и обращается къ средствамъ этого мѣра. Вѣра безсмертіе духа, міръ этотъ онъ считаетъ для себя открытымъ и связь между нимъ и собой для его ума, въ минуту обѣта, совершенно ясна. Ее создаются тѣ угод-

¹⁾ Такія «явленныя» иконы имѣются даже въ частныхъ домахъ. Изъ Меленковскаго у. (Владимирск. г.) намъ сообщаютъ, что у одного крестьянина въ дер. Домнинѣ есть икона Николая Чудотворца, которую, болѣе 70 лѣтъ назадъ, поймали, плывущую по рекѣ, его дѣдъ. Эта икона, по словамъ крестьянъ, испѣляетъ отъ лихорадки, горячки, душевныхъ и другихъ болѣзней. Стоить только съ этой иконы спрыснуть больного водой и дать нѣсколько глотковъ выпить, какъ больной выздоравливаетъ.

²⁾ Жители сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губ. тяготѣютъ больше къ Соловецкому монастырю, а центральныхъ и приволжскихъ къ Троице-Сергіевской и Кіево-Печерской лаврами.

³⁾ На развитіе такого паломничества до известной степени, безспорно, имѣла вліяніе и та, чисто лечебная роль, которую играли монастыри прежде (см. III гл.).

ники и святые, которымъ онъ даетъ свой обѣтъ: эти люди, онъ знаетъ это, были и мощи ихъ—реальное доказательство этого.

Они также болѣли и страдали, какъ онъ теперь, и все скорби и немощи людей имъ извѣстны.—«Нѣтъ, думаетъ мужикъ, не можетъ быть того, чтобы безсмертная душа этихъ угодниковъ прошла мимо моихъ страданій и не пришла мнѣ на помощь».

Тоже и чудотворные иконы. Сохраняя о нихъ общую историческую память и давно привыкнувъ вѣрить и чтить ихъ, и отъ духовныхъ, и отъ мѣрскихъ людей, отъ странниковъ и нищихъ, онъ неоднократно слыхалъ разсказы о проявленіяхъ необыкновенной силы этихъ иконъ, а иногда какое-то особенное дѣйствіе ея испытывалъ и самъ.

«— Не можетъ быть того,—опять думаетъ онъ,—чтобы эта сила не помогла и мнѣ», и ждетъ, и надѣется на это чудо—и оно, въ нѣкоторыхъ, разумѣется, исключительныхъ случаяхъ, при извѣстнаго рода болѣзняхъ, дѣйствительно, совершается: больной, оставленный безъ всякихъ средствъ лечения, выздоравливаетъ. Что всего удивительнѣе, это бываетъ не только тогда, когда обѣтъ дается самимъ больнымъ, а и тогда, когда его даютъ близкіе больного, напр., матери при болѣзняхъ дѣтей.

«— Родила я сына первого,—рассказываетъ одна такая мать,—радуюсь, на него глядя, и ужь не знаю, какъ и ходить-то за нимъ и чѣмъ накормить. Сынъ сталъ подростать и умеръ. Родила я еще—умеръ и этотъ. Родила третьяго—глядь, и онъ умеръ. Напала на меня скорбь, и дала я «оброкъ» сходить къ Сергію, угоднику Божию, и умолить его, чтобы дѣти у меня не умирали. Сходила, попросила, родила снова, и живъ, слава Богу, теперь ребенокъ: вотъ, какой большенъкій» (Епифанск. у. Тульск. губ.).

При опѣнкѣ этого и цѣлаго ряда однородныхъ случаевъ, сообщаемыхъ сотрудниками, необходимо имѣть въ виду то успокоеніе, которое вносится въ семью при всѣхъ подобныхъ обѣтахъ, независимо отъ того, дается ли онъ самимъ больнымъ, или посторонними. Если мы примемъ во вниманіе, какъ беспорядочно и часто во вредъ больного ведется его лечение¹⁾, то прекращеніе всякаго лечения для него иногда бываетъ самымъ благодѣтельнымъ средствомъ. Эта простодушная мать, не знаяшая, чѣмъ накормить своего первого ребенка, послѣ своего паломничества къ преп. Сергію, утративъ боазнь потерять четвертаго сына, навѣрно, питала и вела его вос-

¹⁾ См. II, VII и IX гл.

питаніе болѣе раціональнымъ образомъ, чѣмъ первыхъ трехъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обѣтъ дается самимъ больнымъ, благопріятныя условія для его выздоровленія еще болѣе увеличиваются. Если нельзѧ отказать, въ извѣстныхъ случаяхъ, благотворному дѣйствію на здоровье человѣка заговоровъ, внушенія и самовнушенія, то тѣмъ болѣе нельзѧ отказать въ возможности такого же дѣйствія на болѣніе чувство и даже на самые болѣзниіе процессы въ организмѣ человѣка крѣпкой и одуневленной вѣры. Такимъ образомъ, то, что называется чудомъ, едва ли, во многихъ случаяхъ, можетъ быть оспориваемо даже съ чисто раціоналистической точки зрењія.

По единодушному заявлению сотрудниковъ, всѣ обѣты, данные въ болѣзни, исполняются въ высшей степени строго. Обѣтъ — это такой долгъ передъ Богомъ, который никогда не остается неисполненнымъ, будетъ ли онъ данъ самимъ больнымъ, или родителями за больныхъ дѣтей. Очень интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской и Тульской гг. послѣдняго рода обѣты носятъ название «оброка». Снести такой родительскій «оброкъ», для выздоровѣніи дѣтей, когда они выростутъ больными, считается чуть ли не болѣе обязательнымъ, чѣмъ исполнить обѣтъ, данный самимъ больнымъ¹⁾.

Въ Вельскомъ уѣздѣ (Волог. г.) такие обѣты носятъ название «обычанья», и тотъ, кто беретъ на себя или на кого накладывается обѣтъ, называется «обвиченный». Значеніе, которое придается въ крестьянскомъ сознаніи обѣтамъ, особенно видно изъ тѣхъ случаевъ, когда, исполняя обѣтъ, ко святымъ мѣстамъ путешествуетъ матъ съ малолѣтними дѣтьми. Объ одномъ такомъ случаѣ сообщаѣтъ наша орловская сотрудница, г-жа М. «Одна богатая крестьянка, бывши 10 лѣтъ замужемъ, не имѣла дѣтей и дала такое обѣщаніе: если у нея родится ребенокъ, то она его, 4-хъ лѣтъ, поведетъ въ Кіевъ. Такъ и случилось. Родился у неї ребенокъ, а на слѣдующій годъ — другой, и она съ ними ходила въ Кіевъ, когда одному было 4 года, а другому 5». Строгій взглядъ на обѣты виденъ и изъ того, что исполненіе ихъ совершается непремѣнно пѣнкомъ: оно должно быть соединено съ извѣстнаго рода лишеніями. Средства должны быть свои, пріобрѣтенные честнымъ трудомъ, но не воз-

¹⁾ Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Волог., Вельск. и Кадник. уу. Волог. г., Тихв., Борович. и Бѣлозерск. уу. Новг. г., Пощеконск. у. Яросл. г., Спасск. у. Каз. г., Ветлуж. у. Костр. г., Зарайск. у. Рязан. г., Епифанск. у. Тульск. г., Мещовск. и Тарусск. уу. Калуж. г., Щуїск. и Меленк. уу. Владим. г., Орл. и Карак. уу. Орловск. г., Городищ. у. Пензенск. г. и др.

браняется пользоваться и мірской помощью и даже производить предварительные сборы съ міра, подъ названіемъ «къ соловецкимъ на молебны» или «на проходъ до Кієва» (Котельнич. у. Вятск. г.).

Болѣзни, въ которыхъ даютъ обѣты, по преимуществу носятъ длительный и упорный характеръ. Это—тяжелая страданія глазъ, привычное пьянство, частыя и мучительная боли головы и зубовъ, упорные случаи лихорадокъ, падучая болѣзнь, безплодіе, тяжелые и трудные роды и т. п. Самые виды обѣтовъ необыкновенно просты. Понимая свои отношенія къ сверхъестественному міру въ самой несложной формѣ, крестьянинъ обѣщаетъ за свое выздоровленіе отпѣть молебенъ передъ гробомъ или предъ иконой того или другого угодника, поставить свѣчу извѣстной цѣны или вѣса, сдѣлать въ монастырь или церковь денежный вкладъ, пожертвовать животное, тѣ или другія домашнія издѣлія, поработать натурой и т. п.¹⁾.

Кромѣ мѣстныхъ и общихъ святынь, съ ихъ мощами и чудотворными иконами, есть еще угодники-цѣлители по преимуществу. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Николай чудотворецъ, св. Пантелеимонъ-цѣлитель, Косма и Даміанъ, бесребренники врачи, помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней (Елатомск. у. Тамбовск. г., Егорьевск. у. Рязанск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Макарьевск. у. Костромск. г.). Другіе святые врачаютъ исключительно отъ одной, извѣстной и опредѣленной болѣзни²⁾. Св. Антипій почти повсюду считается цѣлителемъ зубныхъ болѣзней, а иногда также и Федоръ Сикоетъ. Цѣлителями лихорадки являются св. Фотинья (Фотина, 20 марта), преп. Маронъ и Василій Новый (26 марта). Отъ болѣзней глазъ исцѣляется Казанская Б. Матерь, великомуч. Варвара, Логинъ Сотникъ, Мина Египтянинъ и архидіаконъ Лаврентій. При головной боли слѣдуетъ обращаться къ Николаю чудотворцу или къ иконѣ уськновенія главы Иоанна Предтечи. Отъ запоя и пьянства помогаютъ св. Фроль и Лавръ, а также муч. Бонифатій и преп. Моисей Муринъ. Отъ порчи исцѣляется Симеонъ Мироточецъ и невѣдомая «Воздушная» Б. М., которая, будто бы, пишется только въ воздухѣ и на царскихъ вратахъ (Пенз. г. и у.), а отъ сумасшествія и душевныхъ болѣзней исцѣляютъ свмч. Кипріанъ и муч—ца Іустина.

Угодники-цѣлители.
Молебны и
крестные
ходы.

¹⁾ Изъ с. Хотимль (Караб. у. Орловск. г.) намъ сообщаютъ, что въ 10-ю пятницу, особенно при существованіи какой-либо заразной болѣзни, крестьяне приносятъ въ церковь овечьей шерсти, «на чулочки» св. Пятницѣ-Цараскевѣ.

²⁾ Признаніе изв. святого способнымъ помогать при той или другой болѣзни, по большей части, стоить въ соотвѣтствіи съ его «житіемъ».

Беременныхъ охраняетъ Федоровская Б. Матерь, а облегчаютъ родовыя муки великомуч. Екатерина и Анна пророчица. Объ исцѣлениі отъ грыжи слѣдуетъ молиться великомуч. Артемію, отъ оспы—св. Конону, моровой язвы—Фомѣ юродивому, а объ исцѣлениі отъ блудной страсти слѣдуетъ обращаться къ преп. Иоанну многострадальному. Цѣлителемъ родимца у дѣтей считается вмч. Никита, а болей живота—отроки Ананій, Азарія и Мисаилъ. При коклюшномъ кашлѣ у дѣтей, говоря про ребенка, что онъ «перыхаетъ», крестьяне молятся «Иоанну Перыхателю», разумѣя Иоанна Предтечу¹⁾.

Кромѣ личной молитвы, наиболѣе частой и обычной формой обращенія къ святымъ является заздравный молебенъ. Онъ обыкновенно служится въ церкви, а иногда и на дому больного. Особенное значеніе приобрѣтаетъ служеніе молебновъ во время эпидемій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь приписывается гнѣву Божію и считается наказаніемъ за грѣхи. Молебны въ такихъ случаяхъ служатся или отдѣльными домохозяевами, для охраненія отъ болѣзни одного извѣстнаго дома, или всѣмъ селеніемъ, когда эпидемія принимаетъ крупные размѣры²⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ молебны приобрѣтаютъ характеръ какъ бы общественныхъ обѣтовъ. Въ зависимости отъ размѣровъ и характера эпидеміи, къ молебнамъ присоединяются иногда крестные ходы³⁾. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такие ходы совершаются одними крестьянами, безъ участія духовенства, притомъ не только при существованіи какой либо эпидеміи, но и чисто съ предохранительною цѣлью. Въ такихъ случаяхъ иконы обносятся не только вокругъ отдѣльныхъ зараженныхъ домовъ (Вельск. у. Волог. г.), но устраиваются настоящіе крестные ходы вокругъ цѣлаго селенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хвалынского у. (Саратовск. г.), для предохраненія отъ заразныхъ болѣзней, на 2-й день Пасхи, собираются со всего селенія иконы и обходятся его съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе». Совершенно своеобразная религіозная мѣра, инте-

¹⁾ Меленков. у. Владимір. г., Городищен. и Красносльоб. уу. Пензен. г., Попечонск. у. Ярославск. г., Масальск. у. Калужск. г., Егорьевск. у. Рязанска. г., Хвалынск. у. Саратов. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Тихвинск. у. Новгородск. г., Макарьевск. у. Костром. г., Кадниковск., Тотемск. и Вельск. уу. Вологод. г.

²⁾ Сольвычег. и Тотемск. уу. Волог. г., Дорогобужск. у. Смоленск. г., Юрьев. и Меленковск. уу. Владим. г., Скопинск. у. Рязанска. г.

³⁾ Въ рѣдкомъ городѣ и, болѣе или менѣе, значительномъ селеніи не совершаются ежегодно такие ходы, по случаю какой-нибудь бывшей прежде эпидеміи, болѣшею частью, холеры.

речная съ психологической точки зреинія, практиковалась въ с. Ля-хахъ (Меленков. у. Владим. г.), во время послѣдней холерной эпидеміи, при наступлении паники въ народѣ. «Народъ, въ особенности женщины, по ночамъ собирался въ церковь и, съ разрешенія священника, получалъ въ нее доступъ. Здѣсь пѣлись молитвы, распѣвались ирмосы и читались акафисты. Жалобный тонъ пѣнія, троекратное аллилуія, припѣвъ «Пресвятая Богородица, спаси наасъ» производили жуткое и, вмѣстѣ, трогательное впечатлѣніе и уносили мысль къ первымъ вѣкамъ христіанства. Только здѣсь, въ церкви, но замѣчанію сотрудника, народъ чувствовалъ себя спокойнымъ».

Изъ обѣтовъ, которые даются больными, заслуживаются также вниманія посты. Чаще всего дается обѣтъ понедѣльничать, въ другихъ случаяхъ дается обѣщаніе поститься цѣлый годъ или, какъ это иногда практикуется при зубной боли, въ теченіе недѣли передъ днемъ «Ивана-Постнаго» (29-го авг.), не ъесть мяса, не пить водки, не курить табаку и пр.¹⁾. Особенное значеніе такие обѣты приобрѣтаютъ послѣ соборованія, съ которымъ связывается представленіе, не только какъ о таинствѣ, приготовляющемъ къ смерти, но и какъ обѣтъ исцѣляющемъ актѣ. Для лицъ, выздоровѣвшихъ послѣ соборованія, неупотребленіе въ иницу ничего скромнаго, а иногда только мясного, или понедѣльничанье, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являются почти обязательными²⁾). Кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ обѣтовъ—не пить водки, чаю, не курить табаку, не ссориться, не имѣть супружескихъ сношеній и т. п., иногда даются такие оригинальные, какъ обѣтъ не посѣщать сельскихъ сходовъ (Зубцовск. у. Тверск. г., Меленковск. у. Владим. г.), или такие антигигиенические и нелѣпые, какъ неходить въ банию³⁾). Что всего удивительнѣе, такія лица иногда являются даже какъ бы лишенными нѣкоторыхъ правъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Масальск. у. Калужск. г.) имъ запрещаютъ сѣять, чтобы не было неурожая, а въ другихъ (Жиздринск. у. той же губ.) на нихъ смотрятъ, какъ на нечисть, отъ которой надо держаться подальше. Такія несчастныя лица не допускаются въ семье къ общему обѣду

Посты, св.
вода, бого-
служебные и
другие свя-
щенныe пред-
меты.

¹⁾ Волог. и Кадник. уу. Волог. г., Городищ. у. Пензен. г., Егорьевск. у. Рязан. г. и др.

²⁾ Саранск. у. Пензен. г., Скопин. у. Рязан. г., Меленк. у. Владим. г., Елатомск. у. Тамб. г., Гжатск. у. Смол. г., Орл. и Сарал. уу. Вятск. г. и др.

³⁾ Егорьевск. у. Ряз. г., Калуж. г. и у., Орловскій у. Вятск. г.

съ другими, постель у нихъ отдельная, перемѣнъ одежды не даютъ.

Среди религіозныхъ пріемовъ леченія широкимъ и общимъ распространениемъ пользуется поминаніе больного на проскомидіи и во время «заздравной» обѣдни и, въ особенности, употребленіе св. воды. Св. вода, особенно крещенская, иногда спасская, а также св. вода, освященная во время молебствій о ниспосланіи дождя (Городищ. у. Ценз. г.), пользуется особенной вѣрой въ свои цѣлебныя свойства. Запастишь крещенской водой считаетъ долгомъ каждый крестьянинъ, она хранится цѣлый годъ и, по распространенному повѣрю, не портится. Имѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе, предупреждающее самое развитіе болѣзни, какъ лечебное средство, она примѣняется снаружи и внутрь при всевозможныхъ заболѣваніяхъ. Кромѣ многихъ внутреннихъ и нервныхъ заболѣваній, особенно частымъ примѣненіемъ она пользуется при глазныхъ болѣзняхъ¹⁾). При укушеніи змѣи, смачиваются и размываются этой водой укушенное място, иногда настаивая ихъ на почкахъ вербы, которая была въ церкви, во время вербной заутрени (Егорьевск. у. Рязанск. г.). Крещенской же водой растираютъ и опухоль, образовавшуюся послѣ ушибовъ, читая при этомъ воскресную молитву (Черепов. у. Новгор. г.). Совершенно исключительнымъ и почти единственнымъ лечебнымъ средствомъ, во многихъ мястахъ, является крещенская вода при заболѣваніяхъ грудныхъ дѣтей. Часто совершенно отрицая для нихъ всѣ другія средства леченія, ограничиваются только примѣненіемъ этой воды, умывая, спрыскивая, примачивая голову и давая ее больнымъ дѣтямъ пить²⁾.

Въ связи съ употребленіемъ св. воды, какъ лечебно-религіозный пріемъ, стоитъ купанье въ проруби, послѣ водосвятія, въ день Крещенія. Примѣненіе этого способа основывается на довольно распространенному повѣрю, что такая героическая попытка почти неизмѣнно ведетъ къ полному излеченію отъ всякой болѣзни. Этотъ пріемъ, когда-то очень распространенный, теперь исчезающій, въ нѣкоторыхъ мястахъ примѣняется во всей своей полной нетронутости и въ настоящее время. Больного, тотчасъ послѣ освященія воды, опускаютъ въ прорубь, на кушакахъ, и три раза окунаютъ, погружая его въ воду съ головой (Саранск. у. Пензенск. г.).

¹⁾ Тотемск. у. Волог. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Пензен. и Городищ. уу. Пензен. г., Орлов. г. и у., Меленковск. у. Владимірской г.

²⁾ Орлов. г. и у., Тихвин. у. Новгор. г., Егорьев. и Скоп. уу. Рязан. г.

Иногда для этой цѣли, на рѣкѣ, недалекѣ отъ главной проруби, гдѣ происходитъ водоосвященіе, вырубается другая, специально для купающихся. Сюда погружаются, при пѣнѣ тропаря «во Йорданъ крещающуся», многіе простужаются и умираютъ (Пензен. г. и у.). Не такимъ рискованнымъ, а потому и болѣе распространеннымъ является купанье въ рѣкахъ послѣ водоосвященія, въ день Перваго или «Молодого» Спаса (1 авг.)¹⁾. Купаются при этомъ обязательно ниже того мѣста, по теченію рѣки, гдѣ происходитъ погруженіе креста. Другіе зачерпываютъ воду пригоршнями, обмываютъ ею лицо, руки, пьютъ и обливаютъ маленькихъ дѣтей (Сольвычег. у. Волог. г.). Заслуживаетъ вниманія фактъ, что иногда водѣ приписываются священные и исцѣляющія свойства, благодаря совсѣмъ особыннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, въ основѣ которыхъ лежать суевѣрныя преданія. «Крестьяне нашей мѣстности, сообщаютъ намъ изъ с. Бѣлаго (Борович. у. Новгор. г.), ежегодно, 28 сент., ходятъ на поклоненіе камню, въ 40 вер. отъ села. На этомъ камнѣ есть отпечатокъ какъ бы человѣческой ноги. По мѣстному преданію, здѣсь сидѣлъ св. Зосима Соловецкій, когда шелъ въ Москву хлопотать о землѣ для монастыря, и оставилъ послѣ себя слѣдъ. У этого камня служатъ молебны, а воду, находящуюся въ отпечаткѣ слѣда, берутъ въ бутылки и пользуются при леченіи болѣзней». Эта смѣсь вѣры и суевѣрія въ наимѣнѣи крестьянинѣ проявляется и во многихъ другихъ случаяхъ. Благодаря такой вѣрѣ, онъ одинаково и наравнѣ съ св. водой, въ церковномъ смыслѣ этого слова, будетъ почитать и давать лечебное примѣненіе водѣ, въ которую онъ опуститъ свой шейный крестъ или надѣй которой прочитаетъ 90-й псаломъ, сонъ Богородицы, житіе св. великому. Варвары и т. п. По его вѣрованіямъ, еще святѣе будетъ вода, поставленная тайкомъ, въ кувшинѣ, подъ престолъ на нѣсколько часовъ (Ростовск. у. Яросл. г.), или вода, въ которой крещень младенецъ (Волхов. у. Орлов. г. ²⁾).

Среди церковныхъ и богослужебныхъ атрибутовъ большими и широкими распространениемъ пользуется вѣра въ прѣлѣбность масла отъ св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Въ особенности почитается

¹⁾ Сольвычег., Устюж., Вельск. и Грязов. уу. Волог. г., Тихвин., Кирилов. и Черепов. уу. Новгор. г., Сарап., Котельнич. и Яранск. уу. Вятск. г., Орлов., Болхов. и Караб. уу. Орлов. г., Елатом. у. Тамб. г. и др.

²⁾ Въ Тихвин. у. (Новгор. г.) берутъ воду изъ купели, въ которой былъ крещенъ здоровый младенецъ, и обмываютъ больного.

масло отъ мощей изъ Києва, Соловецкаго монастыря, отъ гроба Господня и съ Афона. Послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется регальнымъ, или рыгалльнымъ масломъ («рыгалка»)¹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣть такого масла, оно замѣняется простымъ лампаднымъ масломъ, берется иногда, напр., при родахъ, изъ 9 лампадъ и нерѣдко получаетъ название «богова масла». Способы его примѣненія: растираніе больныхъ мѣстъ и приемы съ водой внутрь²⁾. Почти такимъ же цѣлебнымъ значеніемъ, какъ масло, пользуются также ладанъ и просфоры, особенно принесенные изъ монастырей. Цѣлебны и обыкновенные церковные просфоры, благословенный хлѣбъ и такъ называемый артось. Особенно цѣлебные свойства придаются девятичинной просфорѣ (Болховск. у. Орловск. г.). Но едва ли не самымъ большимъ значеніемъ пользуются церковные свѣчи. Хотя обычай ставить свѣчи передъ св. иконами и не имѣетъ исключительно лечебнаго значенія, но обѣщать и поставить свѣчу предъ иконою угодника—самое обычное явленіе въ болѣзни крестьянина. Къ сожалѣнію, и здѣсь нерѣдко примѣшиваются чисто суевѣрныя соображенія. Иногда обѣщаютъ поставить свѣчу непремѣнно извѣстной цѣнности, вѣса или толщины, а иногда ставятъ ихъ даже въ ростъ большого человѣка (Скопинск. у. Рязанск. г.). Есть также свѣчи «головные». Такія свѣчи, размѣромъ въ окружность головы большого человѣка, при головной боли, ставятся предъ иконою Иоанна Предтечи (Орлов. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Саранск. у. Пенз. г.) свѣчамъ, съ которыми стоятъ во время чтенія 12 евангелій, въ Великій четвергъ, придается такое религіозное суевѣріе: по прочтеніи каждого Евангелія, налипаютъ на свѣчу кусочекъ воску и полученные такимъ образомъ 12 шариковъ глотаютъ отъ разныхъ болѣзней. Подобнымъ же образомъ предупреждается лихорадка: пушинку вербы и каплю воску отъ свѣчки, съ которой стоять въ Вербное воскресеніе, проглатываютъ во время пѣнія «Иже Херувимы» и тѣмъ, будто бы, предупреждаютъ лихорадку въ теченіе цѣлаго года (Караб. у. Орлов. г.). Считается также хорошимъ въ профилактическомъ отношеніи средствомъ навязать на крестъ и носить ку-

¹⁾ Масло, настоенное на травѣ «регаль», растущей на стар. Афонѣ и въ Палестинѣ, въ долинѣ Предтечи. Мѣстно трава эта пользуется репутацией всесѣѣляющаго средства и пьется вмѣсто чая.

²⁾ Сузdal'ск. и Юрьевск. уу. Владим. г., Грязов. у. Волог. г., Тихвин. у. Новг. г., Орлов. и Болхов. уу. Орлов. г., Скопин. у. Рязан. г., Инсарск. и Саранск. уу. Пензенск. г.

сочекъ воску отъ четверговой или пасхальной свѣчи (Сарапульск. у. Вятск. г.). Обычай зажигать, при трудныхъ родахъ, вѣнчальная свѣчи передъ иконами соблюдается среди не однихъ только крестьянъ. Кромѣ вѣнчальныхъ, зажигаются въ этомъ случаѣ иногда и свѣчи богоявленскія, страстныя и пасхальныя: всѣ онѣ, по распространенному вѣрованію, «даютъ потуги роженицѣ».

Однимъ изъ лечебно-религіозныхъ актовъ, совершаемыхъ больными, является прикосновеніе къ священнымъ предметамъ. Общераспространенное вѣрованіе въ цѣлебность акта прикосновенія къ св. мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, безспорно, есть результатъ вѣры въ св. мощи и чудотворныя иконы вообще. Но это вѣрованіе, имѣя чистый религіозный источникъ, со стороны нашего мужика, на каждомъ шагу затемняется суевѣріями. Прикосновеніе къ ракѣ, въ которой покоятся мощи угодника, къ пеленѣ, которой покрыты они, къ чашѣ со св. Дарами, ризѣ священника, къ крестикамъ и лентамъ, навѣшаннымъ на иконы, въ глазахъ мужика, имѣеть едва ли не одинаковую степень святости и цѣлебности. Въ то же время онъ, стараясь иногда «спустить» воду даже съ той иконы, которая считается явленной (Ростовск. у. Яросл. г.), не затруднится, при случаѣ, и погрызть ее, какъ это нерѣдко случается при зубной боли. Чрезвычайно интереснымъ врачебнымъ актомъ является подлѣзаніе подъ раку св. мощей и подъ чудотворныя иконы. Вѣрованіе въ цѣлебность этого акта, въ болѣшей или меньшей степени, распространено въ очень многихъ мѣстахъ и составляетъ довольно обычное явленіе многихъ крестныхъ ходовъ. Ко времени такого хода, особенно, если въ немъ участвуетъ какая-нибудь почитаемая мѣстная икона, по пути его раскладываютъ больныхъ, взрослыхъ и дѣтей, чтобы надѣй ними прошли и пронесли иконы, здоровые же, съ этой цѣлью, нагибаются и присѣдаютъ. Иногда такое подлѣзаніе принимаетъ чисто стихійный характеръ и стремленіе совершить этотъ актъ безотчетно охватываетъ всю присутствующую толпу.

Вотъ какъ очевидецъ описываетъ это явленіе при обнесеніи вокругъ собора, въ Новоезерскомъ монастырѣ (Новг. г.), мощей преп. Кирилла Новоезерскаго «Священники поднимаютъ и выносятъ раку, полиція еле сдерживаетъ толпу. Но усилия тщетны, толпа неудержимымъ потокомъ течетъ подъ священную раку: пройти желаетъ всякий вѣрующей и, особенно, болѣящей. Чтобы обойти вокругъ собора, требуется нѣсколько часовъ: такъ медленно движется ироцессія».

Говоря о цѣлительномъ значеніи богослужебныхъ и другихъ священныхъ предметовъ, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ религіозно-суевѣрномъ актѣ, совершение которого, по распространенному вѣрованію, содѣйствуетъ скорому и благополучному окончанію родовъ. Мы говоримъ объ открытии царскихъ дверей въ церкви. Рѣдко не вспоминается этотъ старинный обычай, рѣдко не даются совѣты прибѣгнуть къ нему въ критическихъ случаяхъ, часто и теперь еще мужикъ кланяется и просить священника ускорить такимъ образомъ роды жены, и изрѣдка, какъ это видно изъ сообщеній сотрудниковъ, добивается успѣха въ своей просьбѣ¹⁾. Склоняясь изрѣдка на эти просьбы, священники отворяютъ царскія двери при пѣніи «помилуй насть, Господи, помилуй насть» или «милосердія двери отверзи намъ, Пресвятая Богородица», присоединяютъ эктению о здравіи роженицы, а иногда служатъ молебень (Алатырск. у. Симбирск. г., Шуйск. у. Влад. г.). Основа вѣры въ могущественность этого средства, безспорно, суевѣрная, связана съ представлениемъ о значеніи отмыканія во время родовъ замковъ, открытія дверей, воротъ и пр. и лишь усиlena святостью предмета: такъ же, какъ отворяются двери, раскрываются и всѣ «затворы, и запоры роженицы»²⁾. Нѣкоторые, въ объясненіе этого обычая, ссылаются на одно апокрифическое преданіе, рассказывающее, что при рожденіи пресв. Богородицы, завѣса, отдѣляющая св. святыхъ отъ храма, сама собою открылась, отчего и роды были совершены безъ всякихъ мученій для Ея матери (Борисогл. у. Тамб. г.).

*Прѣмы и
средства,
основанныя
на суевѣрі-
яхъ и рели-
гіозномъ не-
вѣжествѣ
народа.*

Перечисленный рядъ средствъ, имѣющій своимъ первоначальнымъ источникомъ церковное начало и истинное религіозное чувство народа и лишь только затемненный суевѣріями, переходитъ въ рядъ другихъ, самая основа которыхъ коренится иногда на глубокихъ суевѣріяхъ и религіозномъ невѣжествѣ народа. Средства эти весьма разнообразны. Иногда они не имѣютъ никакого отношенія къ церкви и богослуженію и пріобрѣтаютъ свои свойства лишь благодаря дню, съ которымъ связывается ихъ цѣлебная роль. Самыя простыя вещи въ состояніи пріобрѣсти исцѣляющую силу, если только освятить ихъ въ великий, чистый четвергъ: соль, сало, зола,

¹⁾ Нельзя не признать, что въ извѣстномъ рядѣ случаевъ то успокоеніе и надежда, которые вносятся въ родильницу исполненіемъ этого акта, дѣйствительно, могутъ имѣть благотворное влияніе, въ смыслѣ упорядоченія родовыхъ схватокъ.

²⁾ См. XI гл.

вода, мыло и т. д.¹). Въ противоположность обыкновеннымъ всѣ эти предметы получаютъ название «четверговыхъ» и въ соотвѣтственныхъ случаяхъ пользуются исключительнымъ примѣненiemъ. Вотъ какъ происходитъ, напр., освященіе четверговой соли. «Каждая хозяйка считаетъ долгомъ запасти этой соли, въ великой четвергъ, на цѣлый годъ. Насыпавъ соли въ сосудъ, ставятъ къ образамъ и втыкаютъ въ нее зажженую восковую свѣчу, молятся, кто какъ умѣеть, и къ вечеру убираютъ. Такая «четверговая» соль является очень распространеннымъ наружнымъ и внутреннимъ средствомъ и ею растираются и даются пить въ водѣ при многихъ болѣзняхъ» (Шуйск. у. Владим. г.). Такія же особенные послѣдствія пріобрѣтаются и нѣкоторыя дѣйствія, совершаemыя въ великій четвергъ: если стричь дѣтямъ волосы въ этотъ день, то они не только будутъ лучше расти, но у нихъ всю жизнь не будетъ болѣть голова (Костромск. г.).

Особенное значеніе получаютъ также растенія и травы, пріуроченные, такъ или иначе, къ извѣстнымъ праздничнымъ днямъ. Всеобщій обычай приносить изъ церкви, въ вербную субботу, вербы и хранить ихъ цѣлый годъ, повидимому, имѣеть своимъ источникомъ не только воспоминаніе извѣстнаго евангельского события, но и распространенную въ свое время вѣру въ цѣлебность этого растенія, пріобрѣтаемую благодаря особенностямъ празднуемаго дня. Такое значеніе за вербой сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ (Балашовск. у. Саратовск. г., Болховск. у. Орлов. г.). Такое же значеніе иногда получаетъ «троицкая трава». Она собирается въ Троицынъ день, съ церковнаго пола. Кто хочетъ, чтобы такая трава имѣла цѣлебное дѣйствіе, тотъ долженъ простоять всю утреню и обѣдню, не переступая съ одного мѣста на другое. Брать ее изъ подъ ногъ нужно тогда, когда будутъ подходить къ кресту. Въ Орловскомъ у. (Орл. г.), при безсонницѣ, купаютъ ребенка въ водѣ, которую предварительно спускаютъ съ 9 иконъ и льютъ чрезъ вѣнокъ, завитый въ Троицынъ день, между утреней и обѣдней. Большой интересъ представляеть и такъ называемая «купальская трава». Она собирается въ день «Ивана купальскаго» (Ивана-купала), между утреней и обѣдней. Отстоявъ утреню, сборщицы отправляются на кладбище и собираютъ разныя травы, цветы и листья деревьевъ. Сборъ продолжается до первого удара колокола.

¹) Въ домашней медицинской практикѣ крестьянина употребленіе всѣхъ этихъ предметовъ является весьма обычнымъ (см. VII, IX и X гл.).

Къ этому моменту, съ травой, завязанной въ платки, спышать стать на мѣсто: кто не поспѣсть, трава того не будетъ имѣть цѣлебной силы. Каждая изъ сорванныхъ съ могиль травъ имѣеть силу отъ той болѣзни, отъ которой умеръ человѣкъ, похороненный въ этой могилѣ, а всѣ, въ совокупности, дѣйствуютъ отъ всѣхъ болѣзней. Эти травы пьютъ, какъ чай, или въ отварѣ купаютъ больного. Сборъ ихъ между утреней и обѣдней необходимо производить потому, что сила, обусловливающая ихъ дѣйствіе, исходить изъ мертвца только въ это время (Балашовск. у. Саратовск. г.)¹⁾.

Если такую необыкновенную способность въ состояніи приобрѣтать предметы, стоящіе съ церковью лишь въ воображаемой, идеиной связи, то тѣмъ болѣе эту способность можетъ имѣть все то, что составляетъ часть церкви и, хотя косвенно, имѣеть отношеніе къ богослуженію. Такое суевѣрное значеніе получаетъ, между прочимъ, зола изъ церковнаго кадила, которой, разведя въ водѣ, поятъ пьяницъ и больныхъ лихорадкой (Яранск. у. Вятск. г., Город. у. Пензенск. г.²⁾). Во многихъ мѣстахъ особенное значеніе, преимущественно при разнаго рода дѣтскихъ заболѣваніяхъ, придается печаткѣ («дорникѣ»), которую печатаютъ просфоры. Самый обыкновенный приемъ такого лечения заключается въ томъ, что заболѣвшихъ дѣтей приносятъ къ просвирнѣ и она мнѣть ему этой печаткой животъ, другія же изъ нихъ совершаютъ въ этихъ случаяхъ нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Объ одной такой просвирнѣ сообщаютъ намъ изъ Городищенскаго у. (Пензенск. г.). Она прикладываетъ печать сначала къ головѣ ребенка, дѣлая изображеніе креста, затѣмъ къ груди, рукамъ, ногамъ и спинѣ, произнося каждый разъ: «Господи, Иисусе Христе». Такой способъ лечения называется: «поколоть больного». Въ другихъ случаяхъ эта печатка обмывается водой, которой поять и сбрызгивать ребята, особенно тогда, когда ихъ «сглазили» или «взяли уроки» (Малмыжск. у. Вятск. г., Черепов. у. Новгор. г.). Играетъ иногда лечебную роль и церковный колоколъ. Въ Сарапульскомъ у. (Вятск. г.) носятъ «подъ.

1) Настоящее вѣрованіе, имѣющее религиозную окраску, представляетъ изъ себя любопытную эволюцію чисто суевѣрного вѣрованія въ способность нѣкоторыхъ травъ цвѣсти, въ ночь на Ивана-купалу, «особеннымъ цвѣтомъ» (см. VII гл.).

2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Никольского уѣзда (Вологд. г.) кадильный пепель служить даже орудіемъ особаго рода мести. Желая насолить начавшей гулять дѣвушкѣ, подсыпаютъ ей пеплу въ какое-нибудь питье и она, будто бы, неизбѣжно дѣлается беременной. Особенно вѣрно дѣйствуетъ пепель, данный на водкѣ.

колокола» испуганныхъ ребятъ, а въ Болховскомъ у. (Орловской г.) лазаютъ на колокольню и становятся подъ колокола при глухотѣ. Въ Мещовскомъ у. (Калужск. г.) ставятъ подъ колокола кликуши: отъ этого, будто бы, выходитъ бѣсъ. Помогаетъ иногда колоколь и при косноязычіи: для этого нужно спустить съ языка колокола, при первомъ ударѣ къ утрени на Пасху, воду и эту воду пить (Болховск. у. Орловск. г.). Одно изъ такихъ религіозныхъ суевѣрій представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о пробуждающемся стремленіи народа къ грамотности. Дѣтямъ, когда они въ первый разъ идутъ въ школу, привязываютъ на крестъ немнога конопли изъ веревки, на которой виситъ церковный колоколь, для того, чтобы школьникъ учился лучше: «звонилъ, какъ колоколь» (Сарапульск. у. Вятск. г.). Нерѣдко въ глазахъ крестьянина получаютъ также цѣлебное значеніе такие предметы, какъ скоба церковныхъ дверей, о которую онъ, при входѣ въ церковь, третъ свою руку, при появленіи на ней могильной кости, трава, камни, щепочки, принесенный изъ святыхъ мѣстъ, штукатурка отъ вратъ св. обители и т. п. Совершенно исключительнымъ лечебнымъ значеніемъ пользуется вода изъ рѣки Йордана, земля съ горы Голгофы и камешки отъ Гроба Господня¹⁾. Вѣра во всѣ эти и особенно въ послѣдніе предметы не заключаетъ въ себѣ ничего удивительного. Если крестьянинъ часто готовъ усматривать совсѣмъ особенные, скрытые силы въ обыкновенной водѣ, землѣ, камняхъ и т. п., то они, будучи связаны съ мѣстами, где въ его глазахъ такъ явно проявилась сила и благодать Бога, должны приобрѣтать тѣмъ болѣе значеніе. Вотъ почему они, въ большинствѣ случаевъ, являются для крестьянина не реликвіями только и предметами благоговѣйныхъ воспоминаній, а и объектомъ для суевѣрныхъ манипуляцій: онъ также «сливается» съ нихъ воду и произносить заговоры.

Многочисленные паломники ко св. мѣстамъ и въ Святую Землю являются ревностными почитателями такихъ религіозныхъ талисмановъ и ихъ безкорыстными распространителями, но одва ли не чаще простота и наивность вѣры русского крестьянина дѣлается предметомъ грубой эксплоатациі со стороны разныхъ проходимцевъ, странниковъ и странницъ. Разсчитывая на невѣжество народа, въ особенности бабъ, они не стѣсняются иногда предъ самыми непозволительными выдумками. Придя въ деревню и поразсказавъ о

¹⁾ Скопин. у. Рязан. г., Пензен., Саранск. и Городищ. уу. Пензен. г.

своихъ мнимыхъ путешествияхъ къ св. мѣстамъ и въ Св. Землю, такой странникъ, среди другихъ религіозныхъ диковинокъ, покажеть изумленнымъ зрителямъ и воду изъ животворящаго источника, и плодъ въ сухомъ видѣ, которымъ, будто бы, питался Спаситель во время сорокадневнаго поста, стружки отъ гроба Господня; гвоздь, которымъ былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель, объяснить, отъ какой болѣзни исцѣляетъ каждая венцъ, назначить цѣну и собереть обильную дань съ деревенскаго суевѣрія (Саранск. у. Пензенской г.).

«— Въ 1896 г.,—сообщаетъ одинъ изъ пензенскихъ сотрудниковъ (Пензенск. у.), бѣшеная собака искусала нѣсколькихъ крестьянъ и крестьянокъ.

Искусанные были отправлены на казенный счетъ въ Казань, гдѣ имъ сдѣланы были прививки. Но двое изъ укушеннѣхъ, не довѣряя докторамъ, не заявили, что они искусаны, и остались дома, обратившись за помощью къ знахаркѣ. Знахарка, изъ пришлыхъ, за 10 руб. согласилась вылечить обоихъ.

«— У меня,—говорила она,—есть кипарисныя стружки отъ креста Господня: когда жиды кресть-то для Господа дѣлали, вѣрные люди всѣ щепки и стружки-то и прибрали. Онѣ могутъ любую болѣзнь вылечить и бѣшенство тоже. Пейте вы воду съ этихъ стружекъ, три раза въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, на зарѣ. Кромѣ того, на утренней зарѣ, ходите каждый день ко мнѣ, и я васъ буду отчитывать. Да, смотрите, усерднѣе молитесь Богу и просите Его выздоровленія. Одежду же, въ которой вы были искусаны, вы на себѣ не носите, а повѣсьте на подоволокъ и въ 20-й, и 40-й день лазайтѣ на нее и смотрите, что съ ней будетъ дѣлаться».

Укушеннѣе крестьяне вполнѣ слѣдовали совѣтамъ знахарки, и, вѣроятно, потому, что дѣйствительнаго зараженія у нихъ не было, они не заболѣли и остались живы. При этомъ они передавали, что на двадцатый и сороковой день своими собственными глазами видѣли, какъ ихъ одежда дрожала, какъ осиновый листъ: это выходило бѣшенство».

Тотъ же сотрудникъ, про другую такую богомолку и также изъ пришлыхъ, разсказываетъ слѣдующее:

«— Придя въ наше село, она объявила хозяевамъ, что можетъ лечить всякия болѣзни, изгонять бѣсовъ, дѣлать свадьбы по наговору, сводить супруговъ, если они не любятъ другъ друга и пр. Много она пересчитывала разныхъ болѣзней, поддающихся ея леченію, и, въ концѣ-концовъ, добавила, что она лечить даже и отъ

сорока смертныхъ болѣзней, отъ которыхъ ни одинъ докторъ не вылечить, какъ бы искусенъ не былъ. О своей врачебной силѣ она говорила, что получила ее въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ одного схимника-монаха, Питирима, которому она ужъ сильно понравилась. «Леченіе мое все отъ Бога идетъ, — говорила знахарка, — не такъ, какъ у другихъ: другіе сть демонами, тамъ, связались, а я, нѣтъ: у меня святыя молитвы».

Извѣстіе о знахаркѣ быстро распространилось по селу и окрестнымъ деревнямъ, и недостатка въ пациентахъ не было. Обращаясь къ богомолкѣ преимущественно женщины. Каждая больная, желавшая знать свою болѣзнь, должна была заплатить 10 коп. Получивъ деньги, знахарка раскрывала псалтирь и читала вслухъ одинъ изъ псалмовъ; побормотавъ что-то себѣ еще подъ носъ, она объявляла, что у больной порча, или что въ нее вошелъ бѣсъ и она можетъ снять болѣзнь, какъ рукой.

«— И плата за это недорогая — 1 руб. 11 коп., на благотѣніе Соловецкаго монастыря, да мнѣ, грѣшной, четвертачекъ, — убѣждала баба-знахарка». За эти деньги она давала разныя цѣлебныя травы, образки, просфоры и проч. Богатые и бѣдные довѣрчиво раскошливались, платя требуемое, и даже прибавляли, говоря, что ей самой-то, сердечной, ужъ мало приходится».

Кромѣ простоты и искренняго религіознаго чувства, печать глубокаго и часто поразительного суевѣрія лежитъ и надъ многими другими лечебно-религіозными средствами. Иногда эти суевѣрія достигаютъ даже степени извращенности самаго религіознаго чувства и понятій. Изъ Гжатскаго уѣзда (Смоленск. г.) намъ сообщаютъ обѣ удивительномъ фактѣ, изъ котораго видно, что съ силой молебна, по понятіямъ мужика, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкурировать знахарь или колдунъ. Вѣря во вредную силу залома, способнаго между другими несчастьями причинить и болѣзнь, крестьяне, въ предупрежденіе этого, приглашаютъ на ниву для совершенія молебна духовенство. Послѣ молебна, «заломъ» долженъ быть вырванъ непремѣнно руками священника, иначе крестьяне остаются въ большомъ сомнѣніи, подѣйствовалъ ли молебень и уничтожилъ ли онъ вредную силу залома. При отказѣ священника исполнить это желаніе и не рѣшаясь сами прикоснуться къ спутаннымъ колосьямъ, они обращаются къ содѣйствію колдуна или знахаря и тѣ, съ нелѣпо-кощунственными пріемами¹), производятъ вы-

¹⁾ См. I-ю гл., стр. 32.

рываніе этого залома. Иногда при этомъ закрутъ сжигается «отъ свѣтло-праздничной свѣчи» (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.).

Странное и извращенное значение придается въ нѣкоторыхъ случающихъ также личной молитвѣ: она будетъ имѣть большие силы, если прочитать ее съ конца. Такъ иногда читаются молитву Господню, съ цѣлью унять зубную боль: «лукаваго отъ насъ избави» и т. д. (Гжатск. у. Смоленск. г.)¹⁾. Также, задомъ напередъ, читаются «Бого-родице» и «Отче Нашъ», для избавленія отъ киль (Ростовск. у. Ярославск. г.). Не менѣе поразителенъ и способъ поминать больного, съ цѣлью его оздоровленія, за упокой (Болховск. у. Орлов. г.) и заказывать «заздравныя панихиды» (Ростовск. у. Ярославск. г.). По такимъ же трудно объяснимымъ соображеніямъ, ставятся иногда свѣчи передъ иконами нижнимъ концомъ вверхъ.

Совершенно кощунственные пріемы продѣлываются иногда знахари: при лечениіи истеричныхъ, эпилептиковъ и душевно-больныхъ, они ихъ заставляютъ иногда, снявъ съ шеи крестъ, плевать на него, топтать ногами и пр. (Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

*Отчитываніе,
наиѣ рели-
гіозно-быто-
вой пріемъ
леченія боль-
ныхъ.*

Въ заключеніе, мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ совершенно особымъ пріемомъ лечения больныхъ, такъ называемымъ «отчитываніемъ». Оно въ особенности примѣняется въ болѣзняхъ, которыя обусловливаются присутствіемъ нечистой силы въ большомъ, порчей и сглазомъ: при сумасшествіи, кликушествѣ, эпилепсіи, при нѣкоторыхъ другихъ хроническихъ, а также иногда и дѣтскихъ болѣзняхъ²⁾. Отчитываютъ или такими молитвами, какъ «Отче Нашъ», «Царю Небесный», «Достойно есть», «Да воскреснетъ Богъ», или пользуются для этой цѣли библіей и Евангеліемъ, или же произносятъ специальные молитвы, болѣею частью апокрифического происхожденія, имѣющія иногда характеръ настоящихъ заговоровъ³⁾. Въ зависимости отъ случая и периода болѣзни, отчитыва-

¹⁾ Впрочемъ, на этотъ пріемъ можно смотрѣть и какъ на психологической маневрѣ отвлечения вниманія отъ зубной боли.

²⁾ Дорогобуж. у. Смолен. г., Меленк. и Юрьевск. уу. Владим. г., Инсарск. у. Пензен. г., Ростов. у. Яросл. г., Егорьевск. у. Рязан. г., Макарьевск. у. Костр. г., Череповецк. у. Новгор. г.

³⁾ Отчитываніе, въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ народѣ теперь, есть, несомнѣнно, прямой слѣдъ церковнаго влиянія. Примѣщеніе «врачевальныхъ» молитвъ, какъ на это указываютъ данныы Большого Требника, требника Петра Могилы и въ особенности рукописныхъ требниковъ,—входило въ церковную практику прежняго времени въ довольно широкихъ размѣрахъ. Кроме общихъ врачевальныхъ молитвъ, здесь нерѣдко содержались и специальные молитвы, предназначенные къ уврачеванію какой-либо части человѣческаго организма или

ніє совершається или своїми домашніми засобами, или же, что вісого чаше, странствуючими монахами и знахарями-начетчиками, особено славящимися, вмѣстъ съ начитанностью божественныхъ книгъ, и праведностью своей жизни¹⁾). Подобныхъ стариковъ-начетчиковъ немного и слава объ ихъ искусствѣ отчитыванія и ихъ строгой жизни расходится іной разъ далеко за предѣлы цѣлаго уѣзда. Къ нимъ прїѣзжають съ больными и нерѣдко оставляють ихъ на житѣ, чтобы пройти установленный курсъ леченія. Онъ заключается въ томъ, что начетчикъ, по нѣсколько разъ въ день и по нѣсколько часовъ, читаетъ надъ больнымъ установленныя молитви, кадить ладаномъ, обрызгиваетъ св. водою и пр. Отчитываемый во время леченія обыкновенно питается одной только водою и просфорами, другой же пищи ему не дается. Для бѣсноватыхъ-буйствующихъ употребляются, въ случаѣ надобности, особяя длинныя и широкія скамейки, съ укрѣпленными по угламъ ихъ четырьмя ременными петлями, въ которыя продѣваются и при помоши которыхъ удерживаются руки и ноги «бѣсноватаго», помѣщаемаго обыкновенно на такой скамейкѣ въ лежачемъ положеніи, лицомъ вверхъ. Курсъ леченія бываетъ разный, отъ нѣсколькихъ дній до нѣсколькихъ недѣль, смотря по успѣшности леченія и по степени и силѣ порчи. Иногда получившихъ извѣстность начетчиковъ, отчытывающихъ бѣсноватыхъ и одержимыхъ, приглашаютъ и на дому (Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

Такіе начетчики, какъ и нѣкоторая часть знахарей-заговорщиковъ, обыкновенно люди вполнѣ убѣжденные, вознагражденія, большою частию, не требуютъ никогда, а имъ даются, кто сколько можетъ и хочетъ, вѣра же ихъ въ силу отчитыванія почти всегда также сильна и проста, какъ проста вѣра ихъ паціентовъ.

какой-либо специальной болѣзни. Таковы молитви: молитва надъ главою болящему, молитва болящему очима, молитва надъ кровю многою, текущею изъ носа, молитва на исцѣленіе зубомъ, молитва надъ онѣмѣвшимъ болямъ, молитва болящимъ сердцемъ, молитви надъ болѣзнию рукъ и ногъ, молитви отъ лихорадки, горячки, ломоты, рѣзи, стрѣльбы, безсонницы, водянки («отъ запора водѣ»), укушенія змѣю, при трудныхъ родахъ («егда начнетъ жена дѣти родити не борзо») и др. Среди этихъ молитвъ очень интересна одна, имѣющая отношеніе къ порчѣ и испугу дѣтей: «молитва отъ непріязни, егда начнетъ пакость творити отрочати младу» (А. И. Алмазовъ. Врачевальныя молитви. Къ материаламъ и изслѣдованіямъ по истории рукописнаго русскаго требника. 1900).

¹⁾ Отчитываніе священниками, какъ особый пріемъ религіознаго внушенія при леченіи кликугъ, нами разсматривается въ XII гл., послѣ ознакомленія читателей съ сущностью кликушства.

«— Ты, дядя, къ читалкѣ, что ль?»—спрашиваютъ невзрачнаго вида мужика, подъѣхавшаго съ бабой, на плохонькой и тощей лошаденкѣ, къ дому одной такой начетчицы¹⁾.

«— Да, голуба, молитвенныхъ читать».

«— Откуда?»

«— Изъ Лапотновка».

«— Далеко отсюда?»

«— Да надо верстъ сорокъ быть, а не то и больше».

Баба и мужикъ входятъ во дворъ, а итотъ въ сѣни. Въ сѣняхъ, направо и налево, двери. Мужикъ останавливается въ нерѣшительности и начинаетъ топтаться. Наконецъ, сдѣлавъ рѣшительный жестъ рукой, онъ отворяетъ одну изъ дверей и вступаетъ съ спутницей въ избу. Изба, довольно большая, раздѣлена на двѣ половины стоящей по срединѣ огромной русской печью и перегородкой. Въ правой половинѣ, куда они вошли, на лавкахъ, кадкахъ и на полу сидятъ бабы и мужики, на печкѣ также лежатъ 3—4 человѣка. Въ другой половинѣ сидятъ двѣ бабы позажиточнѣе, по всей вѣроятности, жены разбогатѣвшихъ мужиковъ или мелкихъ торговцевъ. Предъ иконами, у стола, стоитъ небольшого роста толстенькая старушка, лѣтъ 70-ти, въ ситцевой сѣрой юбкѣ и такой же кофточкѣ, сильно поношенной и грязной. За столомъ, подъ иконами, положивъ голову на руки, сидитъ еще баба.

«— Испѣли рабу твою Анну, читаетъ старушка ворчливой скороговоркой, молитвами апостоловъ, угодниковъ Божиихъ Печерскихъ, Соловецкихъ, Афонскихъ... Чудотворца Николая, цѣлителя Пантелеимона, Тихона Задонскаго, чудотворца, Тихона Калужскаго, чудотворца, мучениковъ... помилую рабу твою Анну».

Сидящая за столомъ баба всхлипываетъ, вздыхаетъ и твердить: «Господи, Господи!» Затѣмъ старуха читаетъ символъ Вѣры, молитву Господню, «милосердія двери», «живый въ помощи» и другія молитвы и псалмы. Читалка упоминаетъ и Почаевскую Богородицу, и Владимірскую, и Казанскую, и еще до 10, и въ заключеніе читаетъ «заключительную» молитву. Въ ней она заклинаетъ духа нечистаго, духа немощи, духа болѣзни, посланного кѣмъ-либо, или встрѣчнаго, или полуденного, или въ водахъ, болотахъ и лѣсахъ живущаго, вселившагося отъ наговора мужеска или женска,—чтобы вышелъ онъ изъ головы или изъ чрева, или изъ груди, или изъ

¹⁾ С. Каменка-Поповка, Одоевск. у. Тульск. г.

другихъ частей тѣла болѣщаго. Затѣмъ читалка благословила отчитываемую бабу на «отпускъ».

Во все время чтенія остальные пациенты довольно громко вели свои разговоры: «молитвенникъ» былъ чужой, а, слѣдовательно, имть до него и дѣла не было. Одна повѣствовала о томъ, что «недугъ» вступилъ ей сначала въ ногу, потомъ въ животъ, а тамъ забрался въ спину, где и усѣлся, какъ медвѣдь, и не даетъ разогнуться. Другая рассказывала о болѣзни своей дочери, что ей, «бытто, сдѣлали по насердкамъ», и, вотъ, лежитъ она теперь пластомъ, чахнетъ и маковой росинки въ ротъ не беретъ. Мужиченко, вполголоса передавалъ своей сосѣдкѣ, что въ его бабу, надо быть, вселился духъ, корежить ее, ломаетъ, она кричить, матершиной ругается и «неподобныя штуки выкидываетъ».

Дошла очередь читать молитвенникъ и до испорченной бабы мужиченки.

Лицо ея казалось до невозможности утомленнымъ. Начались предварительные, обычные разспросы.

Мужиченко долбиль только: «испортили», «духъ въ нее вселился». Баба молчала.

«— На кого же вы думаете?»—спросила, наконецъ, читалка.

«— Думали, матушка, думали, и сейчасъ думаю, что никто больше, какъ невѣстка, моего отдѣленного брата жена, потому, большая контрабадія шла между бабами, какъ жили мы вмѣстѣ...»

«— А развѣ твоя невѣстка такими дѣлами занимается?»

«— Кто жъ ее знаетъ? можетъ сама, а, можетъ, кого другого нашла».

«— Э-э-эхъ-ма, завелась эта погань, вездѣ завелась! — закачала головой читалка,— ну, пойдемъ, помолюсь и за тебя».

«— Какъ тебя зовутъ-то?»

«— Аксинья». — Лицо Аксиньи вдругъ судорожно передернулось, она вскочила съ лавки, затопала ногами, закружилась, закричала: «Матрешка, Матрешка!..» и посыпались ругательства, одно другого хлеще, по адресу этой Матрешки.

Старуха читала «да воскреснетъ Богъ», крестила больную, брызгала водой, ничего не помогало. Наконецъ, Аксинья какъ-то сразу вся опустилась, сѣла на полъ и притихла. Ее посадили за столъ. Начался и кончился молитвенникъ, а она все сидѣла, не поднимая головы отъ стола.

«— Ну, что, Аксиньюшка, полегчало ли тебѣ хоть немногого?»

«— Какъ бы, чуточку, легче стало»,—тихо отвѣтила Аксинья. Старуха сбѣгала за водой.

«— Пей три раза въ день. Тутъ на недѣлю хватитъ. Да если кто придетъ за чѣмъ, гоните, ничего никому въ эту недѣлю не давайте, Боже васть упаси! Ваша лиходѣйка зачѣмъ-нибудь да придетъ, что-нибудь да попросить, дадите, еще крѣпче свяжетъ, и молитва моя не поможетъ».

Мужиченко взялъ бутылку, полѣзъ въ кармань, твердя — «сполню, матушка, все сполню, не пущу»—и подалъ старухѣ монету. Должно быть, не крупна была монета. Сознавалъ это, вѣроятно, и мужиченко, потому что какъ-то особенно и выразительно кашлянулъ.

«— Ну,—обратился онъ къ бабѣ,—пойдемъ, Аксинья, и уже съ порога кликнулъ: «спаси васть Христосъ, матушка!»

Въ употребленіи религіозныхъ средствъ, безъ сомнѣнія, есть много привлекающей идеализациіи и религіозной поэзіи и еще больше глубокой и непоколебимой вѣры въ существованіе другого, отличнаго отъ нашего міра, съ совсѣмъ особенными проявленіями и законами, лежащими вѣтвь предѣловъ нашего разума. Эта вѣра, основанная на непосредственномъ чувствѣ народа, въ высшей степени проста и несложна, и потому-то, быть можетъ, она, подкрѣпляемая историческимъ чувствомъ народа, и способна иногда творить тѣ чудеса, въ которыя такъ непоколебимо вѣрить нашъ народъ. Но та же простота и непосредственность вѣры увлекаетъ народъ на путь поразительныхъ суевѣрій, которыя кажутся тѣмъ грубѣе и ниже, чѣмъ выше ихъ первоначальный источникъ, и громко говорятъ о томъ, какъ сильно нуждается нашъ народъ въ своемъ духовномъ просвѣтленіи.

Помимо своего настоящаго значенія, всѣ эти лечебно-религіозные вѣрованія имѣютъ и большое историческое значеніе, указывая, что было время, когда религіозныя средства занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ леченіи и священникъ являлся самыемъ близкимъ больному лицомъ¹⁾.

¹⁾ По требнику Петра Могилы, священникъ долженъ бытъ посѣщать больныхъ, не дожидаясь зона и, помимо исполненія прямого пастырскаго долга, утѣшать, ободрять ихъ и подавать добрый совѣтъ. Въ наше время, до извѣстной степени, выразителемъ этой стороны древней русской жизни является о. И. Сергиевъ-Кронштадтскій.

IX. Грубо-эмпиріческія, нелѣпія и вредныя ередства.

Существенnoй чертой различаются между собой только что разсмотрѣнныя, суевѣрныя и религіозныя средства, отъ тѣхъ, къ ко-
рымъ мы переходимъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

Въ то время, какъ основаніемъ первыхъ являлись, въ одномъ случаѣ, суевѣрная, въ другомъ—религіозная идеи, въ основѣ большей части послѣднихъ, хотя въ грубой и неправильно понимаемой формѣ, лежитъ эмпирізмъ. Въ примѣненіи ихъ играетъ роль не одна только вѣра въ эти средства, но получаютъ значеніе, главнымъ образомъ, ихъ физическія свойства, и дѣйствіе ихъ сводится, по преимуществу, на физическую сторону болѣзненныхъ процессовъ въ организмѣ человѣка. Въ то же время грубоэмпирическая сущность многихъ изъ этихъ средствъ такъ тѣсно переплетается съ суевѣріою, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга часто нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смѣшанный характеръ и въ нихъ можно усмотреть не одинъ только эмпиріческій, но иногда и суевѣрный элементъ. Такимъ образомъ, эти средства составляютъ какъ бы середину между средствами, употребленіе которыхъ основано исключительно на вѣрѣ и средствами «радіональными», которыя основой для своего примѣненія имѣютъ всецѣло народное наблюденіе и разумъ.

Другая особенность всѣхъ этихъ средствъ та, что народъ черпаетъ ихъ почти исключительно изъ окружающей его обстановки и быта, и такъ какъ эта обстановка и бытъ, въ общемъ, примитивны и грубы, то и средства, создаваемыя ими, въ такой же мѣрѣ являются грубыми и несовершенными. Вотъ почему, въ примѣненіи

многихъ нерациональныхъ и вредныхъ средствъ и способовъ лечения, играетъ роль не одно несовершенство и грубость народного опыта и наблюденія, но и безвыходность положенія, въ которомъ часто находится заболѣвшій крестьянинъ, и требованія практической необходимости.

Безспорно, прежде всего, подъ вліяніемъ необходимости создался и существуетъ общераспространенный пріемъ остановки кровотечений, при рубленыхъ и порѣзныхъ ранахъ, паутиной: благо, такое средство, при обычной грязи въ избѣ крестьянина, всегда есть подъ рукою. Лишенній самыхъ элементарныхъ знаній, какъ обходиться въ такихъ случаяхъ¹⁾, крестьянинъ валить на кровоточащую рану все, что попадается ему подъ руку: засыпаетъ ее золой, сажей, мукой, толченымъ углемъ, алебастромъ, нюхательнымъ табакомъ, табачнымъ пепломъ и пр. Иногда, изощряясь въ выборѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ кровотеченія, онъ растираетъ въ порошокъ порховку (дождевикъ) или другіе грибы, отдираетъ мездру съ внутренней поверхности шкуръ, толчетъ осиное гнѣздо и т. п. и засыпаетъ всѣми такими веществами рану. Также, не затрудняясь долго, онъ заливаетъ ее столярнымъ лакомъ, смачиваетъ керосиномъ, смазываетъ варомъ, «сѣрой»—смолистымъ сокомъ сосны и т. п.²⁾.

Подобныя же средства нерѣдко примѣняетъ крестьянинъ и для заживленія ранъ: то пробуетъ ихъ присыпать нюхательнымъ табакомъ, толченымъ сахаромъ или сахарнымъ пескомъ, то смазываетъ гусинымъ и медвѣжимъ саломъ или прикладываетъ самодѣльный пластырь изъ меда и ржаной муки (Котельнич. у. Вятск. г., Черепов. у. Новгор. г.). Въ лучшихъ случаяхъ, какъ заживающее средство, употребляютъ сырную тертую морковь (Понех. у. Яросл. г.), а то, случается, прибѣгаютъ и къ такимъ средствамъ, какъ присыпка изъ жженой кожи сороки и сухихъ толченыхъ раковъ, или припарка изъ жеваныхъ мятныхъ пряниковъ или листьевъ тысячелистника, также изжеванныхъ во рту (Волог. г. и у., Караб. у. Орлов. г.). Къ такимъ же средствамъ прибѣгаютъ крестьянинъ, проколовъ или иришибивъ руку или ногу: прикладываютъ къ больному мѣstu распаренную «уразную» траву, насиживаютъ на него «ніевку», пьеть настой сосновыхъ шишекъ, въ дру-

¹⁾ Наша школа не даетъ никакихъ знаній по этой части.

²⁾ Тихвин. и Череп. уу. Новгородск. г., Сольвычег. у. Волог. г., Р.-Борисогл. у. Яросл. г., Орловск. г. и у., Саранск. и Чембарск. уу. Пензенск. г.

тихъ же случаяхъ не находитъ ничего лучше, какъ положить къ мѣсту ушиба теплую яичницу или теплое мясо только что убитаго животнаго (Сольвычег. у. Волог. г., Болховск. у. Орловск. г.).

Существуютъ у него также особенные, своеобразно-нелѣпые способы лечения переломовъ костей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при переломахъ употребляется присыпка изъ сушеныхъ толченыхъ раковъ, а въ другихъ привязываются свѣжіе толченые раки или же патока, смѣшанная съ ячменнымъ солодомъ (Болховск. и Караб. уу. Орловск. г.). Иногда примѣняется смазываніе «кирпичнымъ масломъ», которое при переломахъ считается «дороже золота». Приготавляется оно такъ: берутъ хорошо высушенный кирпичъ, мелко толкнуть и прокаливаютъ на сковородкѣ. Давъ остынуть, кладутъ въ котелокъ, заливаютъ коноплянымъ или маковымъ масломъ и кипятятъ на огнѣ, потомъ процѣдываютъ сквозь тряпку и — снадобье готово. (Черепов. у. Новг. г.). Совершенно особенные средства рекомендуются при огнестрѣльныхъ и нѣкоторыхъ видахъ укушенныхъ ранъ. Къ огнестрѣльнымъ ранамъ, оказывается, хорошо прикладывать тертую коноплю, такъ какъ она «выгоняетъ» пули. При укушениіи бѣшеной собакой или волкомъ слѣдуетъ приложить къ ранѣ теплое голубиное мясо или, превративъ въ порошокъ высушенную пчелиную матку, одну половину принять внутрь, а другой присыпать укушенное мѣсто. При ужаленіи змѣи слѣдуетъ мазать рану сѣрой изъ уха и всего человѣка вымазать чистымъ дегтемъ (Болхов. и Караб. уу. Орловск. г.). Въ другихъ случаяхъ, лучшимъ средствомъ считается натирание укушенного мѣста селедкой или прикладываніе къ нему живыхъ лягушекъ, которыя должны смѣняться новыми, какъ только лягушка издохнетъ (Р.-Борисогл. у. Яросл. г., Черепов. у. Новг. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляются и внутреннія средства: дается, напр., пить измельченный хрусталь съ водою (Орловск. г. и у.).

При хроническихъ язвахъ крестьянинъ иногда ограничивается, хотя и рѣдко, довольно индиферентными средствами, прикладывая къ язвамъ свѣжіе листья березы, ольхи, капусты, бобовъ, сирени, травы-подорожникъ, мать-мачихи и т. п., а иногда примѣняетъ и такія средства, какъ овсяный блинъ, мазь изъ сажи съ саломъ, свѣжіе березовые листья, растертые съ мыломъ, взваръ изъ коноплянаго масла, дегтя и водки, и даже такія, какъ смазываніе язвъ свиной желчью или присыпка изъ порошка пережженаго собачьяго ребра (Чембарск. у. Пензенск. г., Черепов. у. Новгор. г.).

Особенно вызываетъ много хлопотъ и изощряетъ изобрѣтатель-

ность крестьянина сложный процессъ образованія разнаго рода нарывовъ. Для ускоренія ихъ «созрѣванія», мужикъ привязываетъ къ заболѣвшему мѣсту такие разнообразные предметы, какъ табачный листъ, квасную гущу, ржаной хлѣбъ съ солью, соленые огурцы, пшеничную муку, или жеваные баранки съ медомъ и даже такие, какъ гусиный навозъ и колесную мазь (Орл. г. и у.). Печенный лукъ, общеизвѣстное и общепринятое народное средство при нарявахъ, иногда замѣняется жеваннымъ хлѣбомъ съ солью или сахаромъ, жеваной крупой, соленымъ свиннымъ саломъ или мясомъ, всего лучше «старыхъ годовъ», соленої сырой капустой или полынью, растертой съ свинымъ саломъ (Шуйск. у. Владим. г., Чембарск. у. Пензенск. г.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣняются даже такія удивительныя вещи, какъ прѣлая шерсть со сметаной, сало говяжье или свиное, посыпанное нюхательнымъ табакомъ, кожа отъ соленой рыбы или истертый на теркѣ корень бѣлены (Чембарск. у. Пензенск. г.).

Иногда, при извѣстнаго сорта нарявахъ, употребляются вполнѣ опредѣленныя, специальныя средства. Такъ, если образуется «сучье вымя», всего лучше прикладывать лепешку изъ пшеничной муки, а при грудницѣ—вату съ копотью отъ горячаго сахара или тряпку, пропитанную саломъ отъ растопленной сольной свѣчки и посыпанную сахарнымъ пескомъ (Болх. у. Орлов. г., Пошех. у. Яросл. г.). При чирьяхъ, кромѣ такихъ общеупотребительныхъ средствъ, какъ печенный лукъ, хлѣбное тѣсто, жеваный хлѣбъ и т. п., нерѣдко употребляются и другія: жеваный горохъ, бобы и гречневая крупа, смѣшанная съ яичнымъ бѣлкомъ, жеваные орѣхи съ сахаромъ, творогъ съ кислымъ молокомъ, намыленная куделя, медвѣжье сало, варъ и деготь (Сольвычегодск. у. Волог. г.). Примѣняются и мази, нерѣдко довольно сложныя по своему составу: растирается четверговое сало съ полынною травою, варится смѣсь изъ лука, гусинаго сала и мыла, сольная свѣчка съ деревяннымъ масломъ, а какъ внутреннее средство употребляется хлѣбъ, посыпанный, вмѣсто соли, толченой сѣрой (Орлов. г. и у., Череп. у. Новгор. г.).

При ожогахъ, требующихъ быстрой помощи, какъ и при кровотеченіяхъ, крестьянинъ можетъ пострадавшее мѣсто и лѣтѣть, и валить на него все, что случится и что придется ему на умъ: пускаются въ ходъ сопли, чернила, если есть, сахаръ съ слюной, медъ, картофельный или луковый сокъ, квасная гуща¹⁾, отваръ

¹⁾ Дрожжи, какъ лечебное средство отъ ожоговъ, были предложены, правда, и въ современной русской медицинѣ.

табачныхъ корешковъ на молокѣ, творогѣ, мѣлѣ, гороховая мука, овсяный блинъ, березовый уголь, толченая еловая или ольховая кора и т. п. (Грязов. у. Волог. г., Карабаш. у. Орловск. г., Пошехонск. у. Яросл. г. и др.). Въ некоторыхъ случаяхъ придается цѣлебное значеніе скорлупѣ рѣчныхъ измельченныхъ въ порошокъ раковинъ, въ другихъ же получаются такое же значеніе высушенные и также превращенные въ порошокъ самые слизняки. Иногда такимъ же значеніемъ при ожогахъ пользуется присыпка изъ травяныхъ кобылокъ и даже зола, получающаяся отъ сжиганія дѣтской подстилки (Черепов. у. Ногор. г., Балаш. у. Саратовск. г.).

Примѣння, въ качествѣ врачебныхъ средствъ, всѣ эти предметы своего немудренаго домашняго обихода, въ каждомъ изъ нихъ усматривая цѣлебное значеніе и, пробуя то одно, то другое, крестьянинъ остается довольноымъ, если примѣняемое средство хоть въ какомъ-нибудь отношеніи окажется полезнымъ — остановить кровотеченіе, уменьшить тягостное чувство боли, ускорить созреваніе нарыва и т. п., и послѣ этого уже не обращаетъ никакого вниманія на вредъ этого средства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такое средство легко становится въ разрядъ постоянно примѣняемыхъ при данной болѣзни, и съ совершеннымъ убѣжденіемъ и авторитетностью рекомендуется другимъ.

Но едва ли можно сомнѣваться, что, по крайней мѣрѣ, половину всѣхъ этихъ средствъ крестьянинъ употребляетъ изъ горькой необходимости и часто полнаго отсутствія всякихъ другихъ. Ища и не имѣя средствъ противъ упорной зубной боли, крестьянинъ одинаково и безъ разбора кладетъ на больной зубъ корни лука, корешки махорки, нюхательный табакъ, достаетъ изъ трубки «гарь» и также кладетъ ее въ дупло зуба, попробуетъ впустить въ него товарнаго дегтя, которымъ онъ смазываетъ свои сапоги и сбрую, керосина, пустить на зубъ также нѣсколько капель слюны другого человѣка и пр. (Сольвычег. у. Волог. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Чембарск. у. Пензенск. г. и др.). По той же причинѣ, чтобы не гноились глаза, крестьянинъ мажетъ ихъ луковымъ сокомъ, смѣшаннымъ съ сахаромъ, пускаетъ въ глаза, въ своемъ родѣ, дестиллированную воду, полученную изъ пара горячаго хлѣба, придержаніи надъ нимъ стеклянной посуды, мажетъ ихъ жиромъ жареной змѣи, щучьей или свиной желчью, пылитъ жаренымъ баранымъ мясомъ или пепломъ отъ сжиганія суроварой холстины ¹), пускаетъ

¹⁾ Средство это употребляется при бѣльмахъ.

въ глаза сокъ, полученный отъ соленыхъ дождевыхъ червей и даже ждетъ эффекта отъ растиранія теплымъ медомъ спины между лопatkами (Орлов., Болхов. и Каравеев. уу. Орловск. г.). По этому же, при звонѣ въ ушахъ и глухотѣ, крестьянинъ возлагаетъ надежду на такія средства, какъ прикладываніе къушамъ горячаго и испеченаго съможжевеловыми ягодами хлѣба или меда съ солью, впуканіе въ уши свекольнаго, лукового или хрѣноваго сока, льняного масла, а при попаданіи таракана въ ухо, съ цѣлью умертвить насѣкомое, безъ разбора льетъ въ уши деготь, конскую мочу, скіпидаръ, квасъ, керосинъ и т. п., или, впустивъ въ ухо коноплянаго масла, прикладываетъ къ нему печеное яблоко и обмазываетъ кислымъ тѣстомъ (Черепов. у. Новгородск. г., Болхов. и Караб. уу. Орловск. г.). Точно такимъ же образомъ и при многихъ другихъ болѣзняхъ крестьянинъ, въ выборѣ средствъ, не выходитъ изъ сферы своего домашняго обихода. Сдѣлается на сморкѣ у мужика — онъ кончикомъ хвоста живой кошки третъ переносъ, щекочетъ въ носу или подпаливаетъ кошачій хвостъ на лучинѣ и нюхаетъ гарь, намазываетъ ноздри и переносъ разогрѣтымъ свинымъ и гусинымъ саломъ или сметаной, мажетъ въ то же время пятки дегтемъ, усиленно нюхаетъ табакъ, жженую сухую крапиву, жженое перо и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при головной боли, практикуется даже и такой способъ: захвативши клюкъ волосъ на головѣ, навиваетъ его вокругъ пальца и сильно оттягиваетъ, какъ будто, отдирая кожу отъ черепа, такъ что получается трескъ (Чембарск. у. Пенз. г., Череп. у. Новгор. г.). Забоитъ у мужика горло — онъ обмотаетъ нитками шею, обмоченными въ чистый деготь, намажетъ горло синкою, приложитъ къ шеѣ жареную въ коровьемъ маслѣ рѣбу или размоченное въ водѣ гнѣздо ласточки, и выпить растопленное въ горячей водѣ свѣчное сало или растворъ той же синки, которую онъ только что примѣнялъ снаружи. При кашлѣ онъ одинаково пьетъ топленое свѣчное сало, горячее кипяченое молоко съ свинымъ саломъ и отваръ ржаной соломы, взятой изъ подъ крыши (Караб. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Обыкновенно крестьянинъ, наряду со всѣми такими средствами, примѣняетъ и рациональныя, переходя отъ одного къ другому безъ всяаго порядка и разбора. Такъ, при ломотѣ, онъ натрется въ банѣ скіпидаромъ, тертой рѣдькой или хрѣномъ, гусинымъ жиромъ, полыновымъ сокомъ, надѣнеть рубашку, предварительно положенную въ муравыиную кочку, и, если это не помогаетъ, переходитъ къ другимъ, все болѣе и болѣе экстраординарнымъ средствамъ: обло-

жить ноги ржанымъ тѣстомъ, по совѣту деревенскихъ специалистовъ, соорудить и будетъ мазаться мазью изъ сваренаго на водкѣ мозга говяжьихъ костей, импровизированною мазью изъ навозныхъ червей, которыхъ предварительно наложить въ бутылку, обмажетъ ее тѣстомъ и поставить въ печку «попрѣть», пустить въ ходъ не менѣе удивительную мазь изъ деревяннаго масла, въ которомъ былъ сваренъ заяцъ и т. п. Для довершения же дѣйствія крестьянинъ приложитъ къ больному мѣstu и самое мясо зайца, а иногда замѣнить его только что содранной заячьей шкурой, шерстью наружу, оставляя лежать ее до тѣхъ поръ, пока она не отвалится. Истощивъ всѣ имѣющіяся подъ рукой средства, онъ отыскиваетъ муравьиныхъ кучи, ставитъ въ нихъ ноги и терпѣливо переносить укусы муравьевъ (Шуйск. у. Владим. г., Болхов. у. Орл. г., Пощеконск. у. Яросл. г.). Примѣняеть въ упорныхъ случаяхъ ломоты и внутреннія средства: пьеть щелокъ изъ золы овсяной соломы или къ осиновому щелоку прибавляеть водки, уксусу, чесночнаго сока, перцу, даетъ этой смѣси пропрѣть и пьеть ее 2 — 3 стакана въ день (Череп. у. Новгор. г.). Особеннаго сорта щелокъ, снаружи и внутрь, иногда употребляется и при сифилисѣ. Въ глухую ночь обходить 9 бань и изъ каждой приносить по вѣнику, которымъ уже парились. Вѣники сжигаются, изъ получившейся золы варится щелокъ и этимъ щелокомъ моютъ и поятъ больного (Никольск. у. Вологодск. г.).

Хаотиче-
ски-нелѣпый
карактеръ носить лечение и многихъ
другихъ болѣзней. Примѣненіе средствъ во всѣхъ такихъ случаяхъ часто не оправдывается не только разумными, но даже суевѣрными соображеніями и указывается только на то, что крестьянинъ въ известныхъ случаяхъ цѣпляется положительно за всѣ средства, какими онъ можетъ располагать. Опрѣлости у дѣтей присыпаются порошкомъ гнилого дерева, скребуть ножомъ оконныя рамы и этимъ поскребомъ засыпаются больныя мѣста. Коросты у маленькихъ дѣтей лечатъ, смазывая ихъ керосиномъ и прикладывая теплые пѣнки отъ топленаго молока, а при чесоткѣ, кромѣ наружныхъ средствъ, щдятъ еще сѣру. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Волог. г.), при золотушныхъ сыпяхъ, придается цѣлебное значеніе заячьей шкурѣ, намазанной сметаной, въ Пощеконскомъ у. (Ярослав. г.), какъ кровоостанавливающее средство при маточныхъ кровотеченіяхъ, кромѣ подкуриванія перьями рябчика, употребляется для питья разведенная въ водѣ ржаная мука и сажа, а въ Череповецкомъ у. (Новгор. г.), при трудныхъ родахъ, устраивается подкуривание травя-

Фантастиче-
ски-нелѣпые
средства.

ными кобылками, предварительно высушенными и истолченными въ порошокъ. Особенной фантастичностью и нелѣпостью отличаются средства, направленные противъ болѣзней, трудно поддающихся лечению.

Недержаніе мочи, напр., будто бы, слѣдуетъ лечить такими средствами: сжечь кожу сороки и пепель пить съ водой, пить заячью сушеную кровь и есть заячье мясо. При падучей нужно вырѣзать въ марта мѣсяцѣ изъ беременной зайчики молодого зайченка, сжечь его и пепель принимать въ отварѣ вишневыхъ листьевъ.

При грыжѣ хорошо приложить къ ней теплое мясо крысы, а если грыжа у маленькихъ дѣтей, то слѣдуетъ вырѣзать у кота яички и, подвѣсивъ въ тряпочкѣ къ пояску, обвязать его такъ, что бы защиты яички приходились надъ лобкомъ (Карабачевск. у. Орловск. г., Черепов. у. Новгородск. г.)¹⁾. При водянкѣ почему-то считается полезнымъ обмазывать отекшія мѣста сотовымъ медомъ или патокой съ коровьимъ масломъ, при рѣзи въ животѣ—налить въ пупочную ямку скипидару, а при геммороѣ—есть сырое мясо съ перцемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городищенского уѣзда (Пенз. г.) при всякой болѣзни хорошимъ средствомъ считается съѣсть живого рака, а въ Череповецкомъ такимъ же общимъ средствомъ при многихъ дѣтскихъ болѣзняхъ считается настой ласточкина гнѣзда, даваемаго для питья ребенку.

У крестьянина есть средство даже противъ боязни грома: для этого, оказывается, надо только есть заплеснѣвѣлый хлѣбъ (Город. у. Пензенск. г.). Иногда въ стремлѣніи найти подходящее средство противъ данной болѣзни, крестьянинъ доходитъ до положительной виртуозности и даетъ неограниченный просторъ своей извращенной фантазіи. При пьянствѣ, напр., онъ находитъ очень полезнымъ—обмыть потную лошадь виномъ, дать омычки пьяницѣ выпить (Болхов. у. Орловск. г.), а при лихорадкѣ считаетъ цѣлительнымъ цѣловать задъ коровы и пить грязную воду, въ которой стирали бѣлье (Вяземск. у. Смол. г.).

Крестьянинъ додумался даже до такого необыкновенного лечебнаго метода, какъ способъ «вытравлять» болѣзни. Для этого онъ даетъ пить больному «разныя гадости»²⁾ и добивается того, что

¹⁾ По сообщенію одного изъ новгородскихъ сотрудниковъ (г-на Власова), при нѣкоторыхъ дѣтскихъ заболѣваніяхъ, котиная мопонка, вмѣстѣ съ мышью, че-резъ глаза которой продѣта нитка, вѣшается больному ребенку на шею.

²⁾ Что именно, сотрудникомъ (Саранск. у. Пензенск. г.) не указано.

съ больнымъ открывается рвота и, такимъ образомъ, «гнѣздо болѣзни, будто бы, выбрасывается». Особенно хорошо, если больной во время рвоты и испражняется: въ такомъ случаѣ, получаются шансы для выхода болѣзненнаго гнѣзда и низомъ. Соответственно вытравленію, въ Варнавинскомъ у. (Костромск. г.) есть еще способъ «выкуриванія» болѣзней. Такимъ манеромъ выкуривается, напр., лихорадка. Для этого надо срѣзать «копытца» у лошади¹⁾, положить на горячіе уголья и, закрывши наглухо больного, заставить его дышать этимъ дымомъ.—«Насилу ссиѣла,—разсказывается одна баба про такой методъ лечения,—почти безъ памяти свалилась, а лихорадка-то, со зла, наплевала на меня такъ, что у меня рожу, во, какъ вздуло и губы всѣ потрескались, даже єсть было нельзя».

Всѣ эти пріемы и средства леченія, свидѣтельствуя объ огру-
бѣости понятій и нравовъ народа и подавленности даже такого
чувства, какъ естественное чувство брезгливости, не являются одино-
кими среди другихъ и тѣсно связываются съ такою группою сред-
ствъ, которыя, по совершенно особому характеру ихъ, мы назвали
бы «противоестественными». Это—экскременты человѣческаго тѣла,
домашнихъ животныхъ и птицъ, которые во врачебной практикѣ
крестьянина находять себѣ довольно обширное приложеніе въ са-
мыхъ разнообразныхъ болѣзненныхъ случаяхъ и примѣняются во
всевозможныхъ видахъ.

Противоест-
ственныя
средства.

Извѣстенъ пріемъ обливать пораненія, особенно свѣжія, своей собственной мочей и растираться, при ломотѣ, мочей маленькихъ мальчиковъ. Собченія объ этомъ, хотя и не особенно многочисленныя, получены изъ самыхъ различныхъ мѣстностей²⁾. Въ Орловскомъ уѣздѣ (Орлов. г.), при ушибахъ, прикладываютъ нагрѣтый навозъ, который берутъ въ сѣняхъ, около порога, а въ Болховскомъ и Ка-
рачевскомъ (той же губ.) прикладываютъ въ тѣхъ же случаяхъ теп-
лую человѣческія испражненія. Въ Скопинскомъ у. (Рязанской г.) ихъ прикладываютъ при гангренѣ и къ нарываемъ, въ расчетѣ, что нарывъскорѣе прорвется, а въ Череповецкомъ (Новгородск. г.) теп-
лыми испражненіями коровы лечатъ такъ называемыя «волосяные раны». При укусеніи змѣи, къ ранѣ прикладывается человѣческій калъ, смѣшанный съ коровьимъ масломъ, и теплые лошадиные

¹⁾ Роговые наросты у колѣнъ.

²⁾ Новоладожск. у. С.-Петерб. г., Череповецк. у. Новгородск. г., Сольвычегодск.
и Грязовецк. уу. Вологодск. г., Котельнич. у. Вятской г., Шуйск. у. Влади-
мирск. г.

испражненія (Караб. у. Орловск. г.)¹⁾. Подобнымъ же образомъ лечатся иногда и ожоги. Тотчасъ послѣ ожога, не теряя времени, обливаютъ обожженое мѣсто мочей человѣка или обертываютъ тряпкою, смоченою тою же жидкостью (Пошехон. у. Ярослав. г.). Въ другихъ случаяхъ ожоги присыпаютъ толченымъ овечьимъ каломъ (Грязовец. у. Волог. г.), а иногда примѣняютъ его въ видѣ мази, соединяя съ постнымъ или деревяннымъ масломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ припарками изъ свиныхъ испражненій лечатъ рожу, по-метомъ лошадинымъ и куринымъ — чирьи, свинымъ — золотушныя сыпи, а воробыннымъ, разведеннымъ слюною — бородавки (Балашовск. у. Саратовск. г., Черепов. у. Новгородск. г.). Въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Вятской губ.) противъ бородавокъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ воробынныи пометъ, считается жидкость, скопляющаяся на поверхности коровьяго помета. Въ Пошехонскомъ у. (Яросл. г.) изъ сухого куринааго помета, льняного масла и дегтя приготавляется мазь противъ чесотки, а въ Орловскомъ у. (Орловск. г.) подобная же мазь изъ воробынаго помета примѣняется при сыпяхъ на головѣ. Находитъ себѣ примѣненіе пометъ, въ видѣ мазей и припарокъ, и при различныхъ заболѣваніяхъ горла. Иногда, въ такихъ случаяхъ, прикладываютъ къ шеѣ просто нагрѣтый коровій каль, иногда голубиниий, смѣшанный съ медомъ, а иногда — свиная испражненія, перетопленныя съ коровьимъ масломъ. Такое же примѣненіе находитъ пометъ въ видѣ припарокъ на щеку, при флюсѣ или зубной боли. Въ этихъ случаяхъ прикладываютъ или нагрѣтый навозъ — тотъ, что отлетаетъ изъ-подъ копытъ, когда бѣжитъ лошадь, или прикладываютъ теплый лошадиный пометъ. Нѣкоторые идутъ дальше и пометъ собачій или коровій кладутъ даже на большой зубъ и смазываютъ имъ десна (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г.). Интересны нѣкоторые другіе виды примѣненія помета и навоза, иногда практикующіеся нашимъ крестьянствомъ. Различными сотрудниками передаются случаи, гдѣ, напр., при ломотѣ, въ навозъ зарываются только ноги или же навозомъ обкладывается весь больной. Послѣднее иногда продѣливается при лихорадкѣ (Варнавинск. у. Костромск. г.) и считается очень полезнымъ при холерѣ (Калужск. г. и уѣздѣ). Въ Орловскомъ у. (Орлов. г.) приготавливается даже особаго рода экстрактъ изъ навоза. При ломотѣ рукъ

¹⁾ По сравненію со всѣми этими средствами, весьма деликатнымъ и совершенно противоположнымъ является средство, примѣняемое, въ видѣ примочки при рѣзныхъ ранахъ, въ Орловскомъ у. (Вятск. г.) — молоко женщины.

и ногъ собираютъ на лугахъ конскій навозъ, накладываютъ въ чугунъ, плотно закрываютъ, парятъ двое сутокъ въ печи и потомъ этимъ сокомъ растираются. Заслуживають вниманія также «навозные ванны». Вотъ какъ описываетъ способъ приготовленія такихъ ваннъ одинъ изъ орловскихъ сотрудниковъ, при простудѣ. «На полъ, въ избѣ, ставятъ большую кадушку, сыплютъ туда овсяной мякины, лошадинаго помета, соли, иногда еще и коноваль даеть какого нибудь снадобья. Потомъ кипятятъ воду, льютъ ее въ кадушку и накрываютъ веретѣмъ, чтобы все это распарилось. Когда вода мало-мальски остынетъ, больного сажаютъ въ кадушку, накрываютъ веретѣмъ, свитами и т. п., оставляя незакрытою одну голову и держать такъ часа 3—4. Вынувъ изъ кадушки, больного кладутъ на печку и накрываютъ дерюгой, чтобы не остыть, и даютъ выпить стаканъ водки, настоеной на стручкахъ». Подобнымъ же образомъ приготовляется въ Орловской г. навозная ванна для дѣтей. «Навозъ кладутъ въ кадушку и заливаютъ кипяткомъ. Когда вода нѣсколько остынетъ, сажаютъ ребенка и накрываютъ его свитой съ головой. Часто отъ этого дѣти задыхаются и ихъ вынимаютъ изъ кадки мертвыми, но причину, по замѣчанію сотрудника, сваливаютъ на нечистую силу». Интересно также приготовленіе изъ лошадинаго помета своего рода «воздушной» ванны. «При ломотѣ поясницы или ногъ кладутъ въ горшокъ сущенаго конскаго кала, зажигаютъ его и садятъ больного на горшокъ, прикрывая чѣмъ-нибудь, а голову оставляя наружу. По мѣрѣ сгоранія, кала подкладываютъ и держатъ больного, на этомъ подкуриваніи, часа два. Въ теченіе сутокъ такое подкуриваніе повторяется до 5-ти разъ. Послѣ этого ломота будетъ выходить, будто бы, въ видѣ круговъ, красными пятнами» (Черепов. у. Новгородск. г.). «Подобная же ванна, только изъ коровьяго помета, примѣняется при женскихъ болѣзняхъ. Бабы кладутъ въ кадушку коровьяго помета, наливаютъ горячей воды и садятся на положенную сверху доску, закрываясь чѣмъ-нибудь и оставаясь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока вода не остынетъ».

Интересенъ также способъ приготовленія ванны для леченія отъ сифилиса. Варится подвигъ костей¹⁾, лошадиныхъ, коровьихъ, со бачьихъ и др., въ этотъ отваръ садится больной и обкладывается сухимъ конскимъ каломъ (Никольск. у. Вологодск. г.).

Изъ наружныхъ способовъ примѣненія экскрементовъ, съ ле-

¹⁾ Подвигъ—кости отъ всѣхъ четырехъ ногъ животнаго.

чебными цѣлями, заслуживаетъ особеннаго вниманія пріемъ—промывать, при куриной слѣпотѣ, глаза мочей новорожденнаго ребенка и пылить въ нихъ, при бѣльмахъ, сушенымъ человѣческимъ каломъ, просьяннымъ черезъ сито. Интересно также наружное примѣненіе экскрементовъ при нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзняхъ: при водянкѣ, когда распухаютъ ноги, мужики мажутъ ихъ своей мочой, а при падучей у младенца мать должна его об...ть (Карачев., Болхов. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Но употребленіе мочи и кала не ограничивается только наружнымъ ихъ примѣненіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, вопреки всѣмъ человѣческимъ чувствамъ, употребляются и внутрь. При ушибахъ пьютъ дѣтскую мочу (Пошехонск. у. Яросл. г.), а при пьянствѣ и неразлучномъ съ нимъ буйствѣ пьяница поять ихъ куринымъ пометомъ и женской мочей (Краснослободск. у. Пензенск. г.), опьянявшимъ же до безчувствія выжимаютъ въ ротъ сокъ изъ лошадинаго помета (Вятск., Калужск. и Орловск. гг.)¹⁾. При лихорадкѣ, обмываютъ у черной коровы задъ, такъ, чтобы никто не видалъ, и эту воду пьютъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), пьютъ куриный пометъ (Пошехон. у. Яросл. г.) и даже щдятъ коровий каль (Городищ. у. Пензенск. г.). Женщины, больныя лихорадкой, пьютъ также мочу своихъ мужей (Скопин. у. Рязанск. г.). Овечій каль иногда находитъ себѣ внутреннее примѣненіе при оспѣ: 7 шариковъ овечьяго кала распускаютъ въ водкѣ, смѣсь процѣживаютъ и даютъ пить больному (Карач. у. Орлов. г.). Въ Спасскомъ уѣздѣ (Казанск. г.), съ цѣлью произвести выкидыши, употребляется для питья удивительная смѣсь, состоящая изъ постнаго или деревяннаго масла, лошадинаго кала и керосина.

Къ сожалѣнію, ко всѣмъ такимъ отвратительнымъ и нелѣпымъ средствамъ, обыкновенно рекомендуемымъ захарками и другими свѣдущими и опытными людьми въ деревнѣ, нашъ крестьянинъ часто относится безъ всякой критики и, обыкновенно разсудительный, совершенно подавляется авторитетностью тона совсѣтчика, обстоятельностью его совсѣта и особенно ссылками на бывшіе примѣры.

«— Я ужъ чего, чего съ нимъ не дѣлалъ,—жалуется въ крестьянской комиани одинъ такой мужикъ, съ нарываемъ на пальцы: «— и по бабкамъ ходилъ, и по дохтурямъ, и вынимали мнѣ бабки во-

¹⁾ Примѣненіе этого средства находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ присутствіи въ лошадиномъ калѣ свободнаго амміака.

лосъ изъ него, а проку все нѣть, — должно, што наговоренное это у меня».

«— А я тебѣ, голубчикъ, вотъ что скажу,—перебиваетъ его одна изъ бабъ:—у моего, у племянника, тоже, какъ разъ, такимъ манеромъ рука болѣла, тоже, вотъ, какъ онъ мучился. А его люди и научили: возьми ты, говорить, дегтя чистаго да перетопи его съ г....мъ, съ собачьимъ, вотъ, идѣ собака нас...тъ, тамъ и бери, тамъ его и бери... Вмѣстѣ перетопить, да въ это, въ горячее то во все, прямо и кунай палецъ, прямо и кунай».

«— Такъ,—размышиляетъ мужикъ,—значитъ, г..на взять и съ дегтемъ его перетопить?..»

«— Да, да, подхватываетъ баба—«г..на собачьяго, г..на, да съ дегтемъ-то его, да съ дегтемъ-то перетопить... Такъ и свѣтъ увидишь. Мой племянникъ ужъ гдѣ только не перебывалъ, а только и увидѣль свѣтъ, какъ этого лекарства испробовалъ».

Казалось бы, трудно найти еще что-нибудь такое, что въ такой же мѣрѣ претило бы чувству даже самаго невзыскательнаго и стоящаго на самой низкой ступени развитія человѣка, какъ всѣ эти средства. Но нашъ крестьянинъ открылъ еще область, въ которой онъ черпаетъ свои лечебныя средства: это область — смерти и трупа.

Трупныя
средства.

Мы уже познакомились со способами примѣненія, въ лечебныхъ цѣляхъ, могильной земли или камня, руки мертвѣца, человѣческой косточки съ кладбища, костей пальщ животныхъ и т. п. Теперь мы укажемъ на нѣкоторая другія средства изъ этой области, которые, хотя и не имѣютъ особенно болѣнаго распространенія и употребляются лишь въ видѣ исключений, все же не могутъ остаться не отмѣченными. Такой мрачный характеръ приобрѣтаетъ употребленіе, при воспаленіи подкожной кѣтчатки, обмылокъ послѣ покойника, такъ называемаго «мертвячьяго мыла», которое намазывается на тряпочку и прикладывается къ больному мѣсту (Черепов. у. Новгородск. г.). Получаетъ примѣненіе мертвячье мыло и при лихорадкѣ—тѣло больного обмывается этимъ мыломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приобрѣтаетъ цѣлебное значеніе и вода, собранная послѣ омовенія нѣсколькихъ покойниковъ: воду эту, въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Калуж. г.), даютъ пить больнымъ съ самыми различными болѣзнями, особенно же она помогаетъ отъ запоя.—«Ты, вотъ, что»,—учать жену пьянцы-мужа въ деревнѣ,—«какъ случится гдѣ покойникъ и станутъ обмывать его, ты и бери этой воды и пой мужа: непремѣнно отстанетъ».—«Какъ умреть кто и станешь съ нимъ

прощаться, — учать другую женщину, — возми ты серебряный гриненникъ и положи ему въ ротъ, а потомъ этотъ гриненникъ опусти въ стаканъ съ водкой и подай мужу выпить: вотъ, водка ему и опротивѣтъ» (Краснослободск. у. Пензенск. г.).

Чаще всего подобныя средства примѣняются при тѣхъ упорныхъ и неизлечимыхъ болѣзняхъ, при которыхъ уже были испробованы всѣ другія и медицинскія, и домашнія, и захарскія средства лечения.

«Въ деревнѣ Пуховѣ, въ 2 верстахъ отъ Святыхъ Горъ,—передаетъ одна псковская сотрудница¹⁾,—долго хворалъ крестьянинъ чахоткою. Хотя онъ и мало вѣрилъ въ докторовъ, однако, не разъ обращался къ ихъ помощи и, видя, что ничего не помогаетъ, рѣшился, наконецъ, испробовать послѣднее средство. По совѣту ворожеи, достали сырью кожу отъ только-что павшей коровы и накрыли ею больного, съ головой, шерстью вверхъ и такъ плотно, что дышать онъ могъ только съ трудомъ. Подъ кожей больной пролежалъ, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, пока ворожея читала надъ нимъ свой заговоръ». Въ другомъ случаѣ²⁾ мужика, долго страдавшаго лихорадкой и перепробовавшаго всевозможныя средства лечения, жена уложила на печи и накрыла только-что со дранной шкурой отъ подохшой овцы. Такая небрезгливость возмутила даже лихорадку.—«Пришла она ко мнѣ,—рассказываетъ больной,—и начинаетъ браниться: вотъ, чортовъ сынъ, легъ на голые кирпичи да еще падалью накрылся, ну, какъ теперь съ тобой ляжешь? Оставайся, коли такъ, лѣший съ тобой! Ругалась, ругалась, плюнула три раза да и ушла: выздоровѣлъ, вѣдь, послѣ этого»,—съ восторгомъ восклицаетъ мужикъ.

«— Но чѣмъ же тутъ помогла овчина?»—спрашиваютъ его.

«— Какъ, чѣмъ? Да, вѣдь, комука-то больно не любить нехорошаго духу».

Но почти невѣроятный фактъ, трудно допустимый для тѣхъ, кто мало знаетъ нашего мужика, сообщаетъ одинъ изъ череповецкихъ сотрудниковъ (Новгор. г.). Одного мужика сильно мучила лихорадка, а у сосѣдей въ это время нала лошадь, и онъ отвезъ ее за деревню, къ перелѣску. Больной, какъ наступила ночь, отправился туда, ноги запряталъ во внутренность лошади, а самъ укрылся шубою и лежитъ, не шевельнется. Результатъ такого лечения, какъ

¹⁾ Г-жа Александрова.

²⁾ Сообщеніе изъ Варнавинскаго у. Костромской г., г-на Ветюгова.

и въ предыдущемъ случаѣ, былъ поразительный: лихорадка «броньла» мужика и съ тѣхъ поръ къ нему «не возвращалась¹⁾».

Во всѣхъ этихъ средствахъ, безъ сомнѣнія, виденъ и суевѣрный элементъ, и въ этомъ значеніи они вполнѣ примыкаютъ къ тѣмъ трупнымъ средствамъ, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей главѣ. Но мы помѣстили ихъ въ эту группу нелѣпыхъ, противоестественныхъ и другихъ средствъ потому, что все они, кроме моральной, должны затрагивать и физическую натуру человѣка. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ средствахъ, а равно о тѣхъ, которыя народъ черпаетъ изъ области отбросовъ животнаго организма, насколько бы это явленіе не было ограниченнымъ въ своихъ размѣрахъ, есть вопросъ, по нашему взгляду, большой психологической и общественной важности. Трудно себѣ представить свѣжаго, даже первобытнаго человѣка, способнаго проявить такую извращенность чувства, которая оказывается въ употреблении всѣхъ этихъ средствъ. Невольно рождается мысль о потерѣ нравственнаго чувства народомъ и, слѣдовательно, мысль о дегенерации извѣстной, хотя бы и небольшой группы населенія.

Безспорно, дегенераты, въ видѣ преступниковъ и сумасшедшихъ, есть во всякомъ обществѣ и во всякомъ государствѣ. Но мы едва ли были бы правы, если бы отнесли разбираемое явленіе къ разряду дегенеративныхъ. Къ преступленію, напр., убийству, наимѣ народъ относится, какъ къ преступленію, и на сумасшедшихъ-дегенератовъ не смотритъ, какъ на людей нормальныхъ.

Междуда тѣмъ, примененіе разбираемыхъ средствъ не совершается тайкомъ, оно не всегда вызываетъ осужденіе и находить себѣ иногда даже публичныхъ совѣтчиковъ.

Считая указанное явленіе въ высшей степени сложнымъ и не пытаясь разрѣшить его во всемъ его значеніи, мы все же думаемъ, что въ основѣ его лежатъ другія причины.

Безспорно, здѣсь имѣть свое значеніе извѣстная степень огрублости нашего народа, создавшейся тяжелыми историческими условіями и затемнившей многія естественные черты народа. Его подавленность, какъ результатъ тѣхъ же условій, лишила его способности яснаго критического пониманія и пріучила слѣпо вѣрить въ то, что, составляя традицію, первоначально создавалось лишь

¹⁾ Сравнительно болѣе невиннымъ средствомъ противъ лихорадки является подкладываніе подъ подушку больного, тайкомъ отъ него, дохлой курицы. Основаніе то же: «лихорадка не любить нехорошаго духу» (Варнавин. у. Костром. г.).

путемъ грубаго и неправильно понимаемаго опыта. Среди этихъ причинъ немаловажную роль играла и беспомощность народа, заставлявшая его прибѣгать и жадно хвататься за всѣ средства, какія только представлялись его бытому, преданіями и вѣрованіями, лишь бы возвратить здоровье, столь необходимое при его незавидномъ существованіи.—«Мнѣ хоть помету обезьяныаго помѣшай,— заявляетъ неглупая и бойкая баба,— лишь бы полегчало отъ него».

Безъ сомнѣнія, каждая изъ этихъ причинъ въ развитіи рассматриваемаго явленія играетъ свою роль и имѣть свое значеніе, но едва ли ихъ, даже во всей совокупности, было бы достаточно для полнаго уясненія этого явленія. Первоначальная основа его, по нашему мнѣнію, лежитъ ни въ чёмъ иномъ, какъ въ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ народа на болѣзни. Народъ, во многихъ случаѣхъ, до сихъ поръ представляетъ существованіе болѣзней, какъ нѣчто реальное, уловимое, что можно напустить и что можно выгнать, что можно получить и передать другому, что можетъ на человѣка напасть и можетъ его бросить и т. д.

Въ употребленіи суевѣрныхъ средствъ, какъ мы видѣли это выше, ясно выступала идея обмануть, испугать болѣзнь, передать ее мертвѣцу и т. п.

Точно также и въ первоначальномъ примѣненіи только-что указанныхъ средствъ, на первыхъ порахъ, быть можетъ, относительно невинныхъ, могла быть своего рода идея — возбудить въ болѣзни, какъ реальному существѣ, отвращеніе къ примѣняемому средству и, такимъ путемъ, принудить ее оставить человѣка.

Но исчезла и эта первоначальная, хотя и грубая, идея, и осталось только ея внѣшнее выраженіе, еще болѣе грубое, чѣмъ она сама, которое постепенно, путемъ все такихъ же грубыхъ наслоеńий и измѣнений, дошло въ своеемъ настоящемъ развитіи до того чудовищнаго абсурда, какимъ представляется употребленіе всѣхъ этихъ отвратительныхъ и противоестественныхъ средствъ.

Вредныя и героическія средства.

Въ заключеніе, намъ остается привести перечень нѣкоторыхъ механическихъ лечебныхъ пріемовъ, выдающихся по своей внѣшней грубости, и тѣхъ героическихъ средствъ, въ примѣненіи которыхъ, наряду съ примитивностью представленій нашего народа о человѣческомъ организмѣ, обнаруживается безгранична смѣлость, часто граничащая съ безразсудствомъ.

При рѣзи въ животѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она происходитъ оттого, что «скрянутъ пупъ», больной ложится на

печь, вверхъ животомъ, и кладеть на него тяжеловѣсный камень или гирю, отъ 2 до 10 фунтовъ: такимъ манеромъ, будто бы, можно поставить пупъ опять на свое мѣсто. Иногда, при томъ же страданіи, больной упирается животомъ о какой-нибудь предметъ, напр., о конецъ полѣна и сильно сдавливаетъ животъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣло и рѣшительно прижигаетъ животъ горячими угольями, а если боли въ животѣ зависятъ отъ грыжи, то примѣняетъ иногда такое дикое средство, какъ прокусываніе зубами мошонки¹⁾, производимое знахаремъ (Грязов. у. Волог. г., Черепов. у. Новг. г.). При ушибахъ, вслѣдствіе паденія съ воза или крыши, больному придается своеобразно-высокое положеніе: ноги привязываются кверху, а голова лежитъ на постели. Очень рѣшительный пріемъ примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для того, чтобы заставить внутренности родильницы «встать на свое мѣсто»: съ этою цѣлью ее, черезъ недѣлю послѣ родовъ, встряхиваютъ за ноги (Орловск. г. и у.).

Большую суetu и переполохъ всегда вызываютъ въ деревнѣ случаи, когда кто-нибудь «обопьется» или утонетъ. Въ этихъ случаяхъ на мѣсто происшествія обыкновенно собирается большая, галдящая толпа народа, совѣтамъ и предложеніямъ не бываетъ конца, больной, какъ игрушка, переходитъ изъ рукъ въ руки и надъ нимъ продѣлывается весь рядъ тѣхъ грубыхъ пріемовъ, которые выработались долголѣтней деревенской практикой.

Самые главные пріемы, примѣняющіеся въ такихъ случаяхъ, для приведенія больныхъ въ чувство, кажется, специально русского происхожденія, это — катаніе на бочкѣ и «откачиваніе». Послѣднее производится на рогожахъ, армякахъ, одѣялахъ и т. п., или же на рукахъ. Послѣдній видъ откачиванія совершается такимъ образомъ, что больного держатъ за руки и за ноги, внизъ лицомъ, и то вскидываютъ высоко вверхъ, то опускаютъ внизъ. Пускаютъ въ ходъ и вспомогательные пріемы: щекочутъ больному, чѣмъ попало, въ носу, колотятъ по пяткамъ, льютъ на голову горячую воду и т. п. Особенно достается въ такихъ случаяхъ «опившимся». Обливаніе кипяткомъ головы и другихъ частей тѣла совершается въ этихъ случаяхъ иногда съ такимъ усердіемъ, что получаются ожоги второй степени, у больного вылѣзаютъ потомъ волосы и онъ пріобрѣтаетъ рубцовую лысину во всю голову. Одинъ изъ сотрудни-

¹⁾ По своей идѣи пріемъ этотъ является суевѣрнымъ и имѣть въ виду напугать болѣзнь.

ковъ приводить даже случай, когда опившагося сварили на смерть, выливъ на него нѣсколько самоваровъ кипятку. Радѣтели больного приносили потомъ такое оправданіе: «пока только льемъ кипятокъ, онъ и шевелится, а какъ перестанемъ, такъ и «западеть» (Череп. у. Новгор. губ.). Примѣняя сначала, для приведенія больного въ чувство, болѣе или менѣе деликатные пріемы, напримѣръ, растирая уши зимию снѣгомъ, а въ другое время ладонями, — если это не помогаетъ, въ своемъ усердіи, деревенскіе самаритяне доходятъ до настоящаго ожесточенія: начинаютъ тереть уши голенищемъ валенаго сапога, превращая ихъ въ безформенную массу, стегаютъ до кровоподтековъ по ягодицамъ ремнемъ, дергаютъ за волосы и за бороду, даже вырывая ее, щиплютъ тѣло, толкаютъ подъ бока и т. п., стараясь, кто во что гораздъ и всячески изощряясь въ своей изобрѣтательности¹⁾). Иногда это радѣніе о больномъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ самой остроумной находчивости: нѣсколько человѣкъ, взявъ больного, опускаютъ его внизъ головой и, затѣмъ, приподнимая кверху, стукаютъ пятками о потолокъ избы (д. Клонузово, Череп. у. Новг. г.).

Такое же безразсудство и рѣшительность проявляется крестьянинъ иногда и въ употребленіи многихъ сильнодѣйствующихъ средствъ, обнаруживая всю несложность своихъ представлений объ организмѣ человѣка. При упорной зубной боли, если не помогаютъ всѣ другія средства, не размыслия долго, онъ кладетъ на больной зубъ головки сѣрныхъ спичекъ, сулему, купоросъ, мышьякъ, «паритъ зѣбы», посыпая бѣленой накаленный до-красна кирничъ или жаровню съ горячими угольями и вдыхая дымъ, мажетъ зѣбы мухоморнымъ или нашатырнымъ спиртомъ, а иногда и крѣвикой или острой водкой (Сольвычег. у. Вологод. г., Понехон. у. Ярослав. г., Чембарск. у. Пензен. г., Сарап. у. Вятск. г. и др.²⁾).

Отъ насморка и сильной головной боли крестьянинъ свободно нюхаетъ истертый въ порошокъ зеленый и синій купоросъ, а безчувственно пьяному, для приведенія его въ чувство, безъ всякихъ колебаній, даетъ нюхать, одна за другою, зажженыя сѣрныя спички. При сифилисѣ онъ принимаетъ въ водѣ сулему, иногда безъ вся-

¹⁾ Хотя нѣкоторыя изъ этихъ манипуляцій и допустимы съ медицинской точки зрењія, для получения рефлексовъ при глубоко-сонливомъ состояніи больного, но самые пріемы дики и грубы.

²⁾ Ожоги слизистой оболочки рта, некрозы зубовъ и частичные некрозы челюстей, отъ примѣненія всѣхъ такихъ средствъ, не составляютъ особенной рѣдкости въ земской врачебной практикѣ.

каго размѣра, посыпаетъ киноварью и Ѳестъ кожу ветчины, Ѳестъ мышьякъ съ хлѣбомъ или пить мѣдный купоросъ и даже ярь-мѣдянку¹). Но чаще всего крестьянинъ примѣняетъ при лечениіи сифилиса уже извѣстный намъ пріемъ—это вдыханіе паровъ киновари (киверъ), при посредствѣ «подкуриванія». Для этой цѣли посыпаютъ киноварью горящіе уголья или раскаленный кирпичъ, кладутъ его въ кадку, обливаютъ кипяткомъ, садятъ больного и заставляютъ его дышать парами киновари²). При этомъ больного тщательно закутываютъ съ головой, чтобы, какъ выражаются, весь паръ «прошелъ скрзъ него» (Васильсурск. у. Нижегор. г., Шуйск. у. Владим. г.). Отъ «жготы сердца» крестьянинъ иногда не находить ничего болѣе подходящаго, какъ сосать мѣдный крестъ, а при боляхъ въ животѣ беретъ чайную ложку пороху, растираетъ его въ поронюкъ и, всыпавъ въ ковшъ воды или квасу, выпиваетъ его разомъ (Чембарск. у. Пензенск. г.), или принимаетъ непомѣрные растворы азотной кислоты (Черепов. у. Новгор. г., Сарап. у. Вятск. губ.). При поносахъ и дизентеріи пьютъ золу съ водой и растертый въ мелкій порошокъ кирпичъ, при грыжѣ, а иногда и при такихъ заболѣваніяхъ, какъ общее недомоганіе, пробуютъ пить керосинъ, до 2—3 ложекъ, а иногда и до чайнаго стакана на пріемъ (Васильсурск. у. Нижегород. губ., Болховск. и Карабевск. уу. Орловск. г., Тотемск. у. Вологодск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянинъ не затрудняется передъ свободнымъ употребленіемъ даже такихъ средствъ, ядовитыя свойства которыхъ ему хорошо извѣстны: «чтобы прогнать вешницу», онъ неустранимо пьетъ растворъ мышьяка въ водкѣ, въ такихъ дозахъ, которыя вызываютъ настоящее отравленіе.—«Въ больницу нѣсколько разъ Ѳѣдилъ,—рассказываетъ мужикъ, страдавшій лихорадкой и испробовавшій

¹) Однимъ изъ сотрудниковъ приводится слѣдующій рукописный рецептъ: «взять яри венеціанской да бѣли (сулемы), по золотнику, смѣшавши, раздѣлить на 12 частей и принимать въ теплой водѣ, по одной части, утромъ и вечеромъ, въ теченіе 6-ти дней (Череп. у. Новг. г.). Въ другихъ случаяхъ на полуштофъ воды или водки берутъ 3 зол. сулемы и выпиваютъ такого раствора иногда по цѣлой рюмкѣ заразъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Такія страшныя дозы сулемы въ 15—25 разъ превосходить высшіе пріемы, допускаемые медициной (въ первомъ случаѣ 0,8 а во второмъ 0,5, вмѣсто—0,002). Про поражающую дозу яри (curgum aceticum) мы ничего не говоримъ, потому что теперь въ медицинѣ она совсѣмъ не употребляется, а прежде употреблялась, только какъ рвотное.

²) Заслуживаетъ поясненія въ этомъ случаѣ не столько самыи способъ при-мѣненія киновари, а полное отсутствіе дозировки.

такое леченіе, — давалъ докторъ хинной соли, пилъ я ее, — ну, не боится она ее никакъ да и шабашъ. Вижу, дѣло плохо, велѣлъ истопить баню, принялъ передъ паромъ этого снадобья ложку, да мало показалось, выпилъ еще рюмочку и пошелъ въ баню. Еще дорогой меня мутить стало, а въ банѣ голову заломило, думалъ, что глаза на лобъ выставить, потомъ началъ блевать, понесло и на низъ, всѣ жилы вытягивать стало. Дальше ужъ не помню, что было, не помню, какъ изъ бани привели, очухался только на другой день. Послѣ голова гораздо болѣла, въ брюхѣ неловко таково было и вся боль въ ноги ударила, — безъ ногъ больше двухъ недѣль сидѣлъ. Съ тѣхъ поръ, вотъ, ужъ восьмой годъ идеть, ни разу не приходила она ко мнѣ, вотъ какъ я продернулъ ее, проклятую».

Одинъ изъ такихъ героическихъ способовъ примѣняется также при леченіи переломовъ костей. Онъ заключается въ томъ, что больнымъ даютъ пить, въ измельченномъ видѣ, мѣдь (Орловск., Болх. и Карабеевск. уу. Орловск. г.). Вотъ какъ описываетъ способъ употребленія мѣди при переломахъ одинъ изъ череповецкихъ (Новгород. г.) сотрудниковъ. «Мѣдь должна быть, непремѣнно, со старинныхъ мѣдныхъ монетъ. Въ одномъ случаѣ больной, въ теченіе 6-ти недѣль, съѣлъ 4 старинныхъ мѣдныхъ пятака. Монеты вбивали въ подоконникъ ребромъ и скоблили ножикомъ. Приблизительный вѣсъ монетъ былъ 100 граммъ, п, въ среднемъ, больной принималъ болѣе 2 грам. мѣди въ сутки».

Въ настоящей главѣ напѣ крестьянинъ виденъ во всей своей неприглядности и во всей полнотѣ своего печального невѣжества. Но родная дѣйствительность должна заслуживать тѣмъ большаго вниманія и изученія, чѣмъ болѣе она печальна и отталкивающа: уродливыя и ненормальная явленія жизни только тогда могутъ быть устранины и изглажены, когда они хорошо извѣстны, когда опредѣлены причины ихъ происхожденія и выяснена сила и размѣры ихъ значенія. Такое изученіе, достигаемое мелкой, кропотливой и настойчивой работой, составляетъ неотложную и вполнѣ назрѣвшую задачу нашего времени.

Общий ха-
рактеръ
эмпирической
медицины.

X. Эмпирическая мѣдицина.

Врачебные средства, обязанныя своимъ происхождѣніемъ народному опыту и наблюденію, не только не занимаютъ центрального мѣста среди другихъ лечебныхъ средствъ народа, но, въ сравненіи съ ними, гораздо менѣе многочисленны и сложны по своему составу, и болѣе просты по своему примѣненію.

Такое внѣцентральное положеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ народнымъ воззрѣніямъ на болѣзни, въ происхождѣніи которыхъ физическимъ агентамъ и естественнымъ причинамъ народъ отводитъ лишь второстепенную роль. Сообразно съ этими воззрѣніями, въ народной терапіи почти не имѣеть никакого примѣненія холодъ, вода употребляется, главнымъ образомъ, какъ суевѣрное и религіозное средство и только, соотвѣтственно широкому представленію о значеніи простуды, разнообразное и обширное примѣненіе пріобрѣло тепло. Влажный паръ въ баняхъ, сухой въ печахъ, припарки, самодѣльныя теплые или горячія ванны, «пары»—вотъ способы примѣненія тепла народомъ. Въ связи съ тѣмъ же представленіемъ о простудѣ, а также дурной кровищѣ, ея застой и пр., какъ источникахъ болѣзней, создается многочисленный классъ по-тогонныхъ, всевозможныхъ растираній, чисто опытнымъ путемъ вводится употребленіе отвлекающихъ и раздражающихъ средствъ, различныхъ примочекъ, создается примѣненіе веществъ, играющихъ симптоматическую роль или имѣющихъ значеніе защиты больного мѣста отъ внѣшнихъ вліяній и пр.

Всѣ эти средства, являясь универсальными отъ многихъ, если не отъ большинства болѣзней, и представляя изъ себя какъ бы общую терапію народа, по основамъ своего примѣненія сущест-

венчо отличаются отъ тѣхъ, преимущественно внутреннихъ средствъ, которыя имѣютъ значеніе только при извѣстной болѣзни и обладаютъ, по понятіямъ народа, какъ бы специфическимъ дѣйствиемъ. Отождествляя симптомы болѣзней съ самими болѣзнями и придерживаясь взгляда, что противъ каждой болѣзни должно существовать, какъ противоядіе, свое, особенное средство, народъ не только вѣритъ въ специфическія свойства многихъ аптечныхъ препаратовъ, которые предлагаются ему земской медициной и которые онъ пріобрѣтаетъ въ аптекахъ и москательныхъ лавкахъ самъ, не только допускаетъ существованіе специальныхъ капель отъ надсады, капель подъемныхъ, грыжныхъ, аппетитныхъ, «гвардейскихъ» и пр., но и средства изъ царства растительного, самая многочисленная въ его эмпирическомъ лечебномъ репертуарѣ, надѣляетъ совсѣмъ особыми свойствами. По древнему взгляду народа, сохранившемуся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ, силу врачевства имѣеть даже самая ничтожная травка. Полезная для мужчины, она не всегда, однако, бываетъ полезной и для женщины. Однѣ изъ нихъ назначены природой въ лекарство женатымъ, другія вдовымъ мужчинамъ, однѣ замужнимъ женщинамъ, а другія холостымъ и девицамъ. Для самаго сбора травъ нужно знать нѣкоторая слова и молитвы, а равно правила, какъ рвать травы. Одну траву нельзя срывать голой рукой, другую необходимо сорвать самому больному. Принимая самое лекарство, больной долженъ поститься и если будетъ чувствовать облегченіе, то обѣ этомъ никому не говорить, иначе пользы отъ леченія не будетъ. Кто выжималъ сокъ изъ травы для лекарства или пиль траву, какъ чай, тотъ выжимки или выварки не долженъ кидать въ лохань или на дворъ, а долженъ непремѣнно бросить въ печь. Приписывая травамъ силы врачевства, говорять, что красивыя травы, съ цветами, созданы болѣе для красы, чтобы пестрѣли ими луга и лѣса, а простыя—для врачеванія больныхъ и на кормъ скоту (Вятск. г.). Этотъ взглядъ народа на специфичность каждого отдельного средства противъ извѣстной болѣзни наложилъ на развитіе народной медицины совершенно особенные и своеобразные черты. Извѣстно, что въ народной фармакологіи совершенно отсутствуетъ дозировка и определенный способъ приготовленія лекарствъ. Обыкновенно, вмѣсто точнаго обозначенія, просто говорятъ: «отъ кашля пей настойку моха старыхъ яблонь на водкѣ» или «пей рѣдечный отваръ» и пр. Какъ общее правило, признается, что чѣмъ больше доза принимаемаго лекарства, чѣмъ

чаще приемы и гуще настой, тѣмъ лучше и тѣмъ скорѣе наступить выздоровленіе. Съ точки зрењія народа, это и не можетъ быть иначе. Разъ известное лекарство обладаетъ какимъ-то таинственнымъ, хотя и обратнымъ сродствомъ съ болѣзнью и въ состояніи ее нейтрализовать, то, конечно, чѣмъ скорѣе произойдетъ такая нейтрализація, тѣмъ лучше. Съ точки зрењія специфичности лекарства, совершенно излишнимъ является наблюдать также время и періодичность въ приемѣ лекарства, которая въ народной медицинѣ, дѣйствительно, почти совершенно отсутствуетъ: при наставленіяхъ, какъ принимать лекарство, не только не встрѣчается выраженіе—«пей черезъ столько-то часовъ или столько-то разъ въ день», но даже рѣдко употребляются опредѣленіе—«утромъ и вечеромъ». Гораздо чаще, для обозначенія времени приема лекарства, употребляется слово «заря»: пить 12 зорь, сидѣть надъ муравьиной кочкой 3 зари и пр. При этомъ заря не соотвѣтствуетъ какому-либо точному опредѣленію времени, а здѣсь лишь подчеркивается особенно благопріятное дѣйствіе лекарства при восходѣ и заходѣ солнца. Такое же значеніе для дѣйствія лекарства имѣетъ и состояніе луны. Довольно часто встрѣчающееся выражение: «пей на молодомъ мѣсяцѣ» — указываетъ на новолуніе, какъ на лучшее время для пользованія лекарствами (Орловск. г.). Понятіе о значеніи дозы и времени въ приемѣ лекарствъ, въ некоторыхъ случаяхъ, замыняется представлениемъ, что дѣйствіе лекарства будетъ вѣрнѣе, если пріобрѣсти его въ нечетномъ количествѣ золотниковъ, на нечетное число копѣекъ и употреблять тайкомъ (Саратовск. г.). Иногда особенное значеніе получаетъ известный способъ употребленія лекарства: цытварное сѣмя, напримѣръ, дѣйствуетъ при глистахъ лучше всего, если принимать его подъ открытымъ небомъ или въ недостроенной избѣ, на потолкѣ которой нѣть земли (Новгородск. г.¹⁾).

Дѣйствіе всякаго лекарства будетъ вѣрнѣе и лучше, если чашку или ложку, изъ которыхъ оно принимается, опрокинуть вверхъ дномъ, притомъ непремѣнно позади себя, если оно глистогонное: тогда глисты пойдутъ не черезъ ротъ, а низомъ (Нижегородск. и Саратовск. гг.). Всѣ эти данные указываютъ, что народному эмпиризму, помимо его простоты и первобытности, не достаетъ законченности и отчетливости и онъ, въ своемъ даже болѣе или менѣе чистомъ видѣ, не свободенъ отъ суевѣрнаго оттѣнка.

¹⁾ Извѣстны случаи изъ практики земской медицины, когда предписаніе врача—«принимать порошки въ водѣ»—мужикъ понималъ буквально и «залѣзъ для приема ихъ въ воду».

Что же касается состава крестьянской фармакологии, то она почти сплошь состоит изъ средствъ растительного царства, какъ болѣе доступнаго и близкаго народу, разнаго рода кореньевъ, травъ, ягодъ, овощей и пр., — рѣже средства эти животнаго и минеральнаго происхожденія и еще рѣже аптечнаго, вошедшія въ народное употребленіе въ послѣднее время. Изъ аптечныхъ препаратовъ болѣшее распространеніе имѣютъ летучая мазь, нашатырный и камфорный спиртъ, карболка, хининъ, разнаго рода капли и пр. Всѣ эти средства, безспорно, являются положительнымъ приобрѣтеніемъ народной медицины и обязаны своимъ распространениемъ вліянію медицины земской. Но наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить утраты деревенской фармакологіи многихъ растительныхъ средствъ и ихъ названій, совершившейся въ послѣдніе 30—40 лѣтъ. Въ то время какъ число растеній, употреблявшихся народомъ прежде, по Далю, Анненкову, Дерикеру и др., нужно считать многими сотнями и даже тысячами, число ихъ, по указаніямъ нашихъ сотрудниковъ, едва достигаетъ 150. Нѣкоторыя изъ этихъ названій, неизвѣстныя прежде, едва ли относятся къ какимъ-либо новымъ травамъ и, повидимому, образовались взамѣнъ старыхъ, утраченныхъ понятій. Названія эти не имѣютъ ботаническаго характера опредѣленій прежняго времени¹⁾, они или грубы, или одноименны съ тѣми болѣзнями, противъ которыхъ употребляются. Такова, напр., нечисть-трава, въ отварѣ которой моютъ ребята отъ «чесу», обжорная трава, настой которой употребляется для аппетита (Казанс. г.), лиховая — отъ зубной боли (Рязанс. г.), замайковая — при кори, колунѣ, или усовая трава — при колотѣ въ боку (Новгородск. г.), уразная при ушибѣ (Вологодск. г.), лягушачья при «литячкахъ» на лицѣ у дѣтей (Казанс. г.) и пр. Потеря этихъ названій и совершенная утрата понятій о многихъ цѣлебныхъ растеніяхъ, оставшихся не изслѣдованными и, быть можетъ, цѣнныхъ, особенно въ виду стойкости суевѣрныхъ приемовъ леченія и сохраненія многихъ способовъ грубыхъ и вредныхъ, безъ сомнѣнія, есть явленіе неблагопріятное и едва ли желательное: въ народной медицинѣ, повидимому, совершается та же эволюція, какая происходитъ въ народной поэзіи съ пѣсней.

¹⁾ Описаніе и названія растеній въ нашихъ старинныхъ травникахъ и лѣчебникахъ отличаются замѣчательной точностью, звучностью и выразительностью (большое собраніе травниковъ, зелениковъ, цветниковъ, лѣчебниковъ и «домашнихъ обиходовъ» имѣется въ И. П. Библіотекѣ, въ С.-П.—гѣ).

А. Универсальные средства.

Баня искони вѣковъ считалась хорошимъ средствомъ и до на- Баня и рас-
стоянія.стоящаго времени примѣняется въ начальныхъ періодахъ очень многихъ заболѣваній¹⁾.

Пожарче натопить банию, взобраться на полокъ, попариться и хорошенько «пропрѣть»,—пріемъ настолько установившійся, что онъ иногда предпочитается всяkimъ другимъ лекарствамъ, а при болѣзняхъ дѣтей нерѣдко считается единственнымъ. Если больной не въ состояніи добраться до бани самъ, его тащатъ домашніе, держать на полкѣ до 1 часа и болѣе и, дожидаясь во всѣхъ слу- чаяхъ благодѣтельной испарины, парятъ, особенно горячечныхъ больныхъ, часто до потери сознанія, а въ исключительныхъ слу- чаяхъ и до смерти (Вологодск. г.). Въ большинствѣ же случаевъ баня примѣняется при легкихъ заболѣваніяхъ. При этомъ про- студа, застой крови, горячка, ломота, «брюхо», чесотка, ушибы и запойное пьянство одинаково требуютъ бани. Послѣдняя замѣ- нается иногда русской печью. Къ вечеру, когда печь остынетъ на- столько, что въ ней можно терпѣть, настилаютъ въ печи солому, залѣзаютъ туда и, закрывшись заслонкой и согнувшись въ три погибели, старательно «прѣютъ». Паренье въ печи примѣняется и къ дѣтямъ, при чемъ съ ребенкомъ залѣзаетъ въ печь кто-либо изъ взрослыхъ. Лежанье на теплой или горячей печи, подъ шубами и полуշубками, даже для заболѣвшаго горячкой, считается наиболѣе полезнымъ и является какъ бы традиціоннымъ содержаніемъ боль-

¹⁾ Первая работа о русской бани принадлежитъ французу: «Mémoire sur les bains de vapeur de Russie». Sanchez. 1782. Русскій переводъ 1799 г.: «О парныхъ Россійскихъ банияхъ, поелику споспѣшствуютъ онѣ укрѣплению, сохраненію и возстановленію здравія». Первая русскія работы о бани относятся къ 40-мъ и 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія, а главная заслуга научной разра- ботки значенія бани принадлежитъ школѣ С. П. Боткина (Спасскій. «Краткій очеркъ врачебныхъ отношеній бани». Воен. мед. журн. 1835 г. Страховъ. «О русскихъ простонародныхъ паровыхъ банияхъ». Моск. врач. журн. 1856 г. Зна- менскій. «О русскихъ банияхъ въ гигієническомъ отношеніи». Дисс. 1861. Верев- кинъ. «О русскихъ банияхъ». Арх. суд. мед. и обществ. гигієны. 1865 г. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, появились работы о бапѣ Величковскаго, проф. Столыни- кова, Засѣцкаго, Костюрина, Чугина, Тумаса. Васильева, Фіалковскаго, Штрома, Годлевскаго, Курлова, Груздева, Фадѣева и др. Работы эти отчасти вышли въ видѣ отдѣльныхъ диссертаций, печатались во «Врачѣ» В. А. Манассеина и отчасти помѣщались въ другихъ повременныхъ медицинскихъ изданіяхъ).

ного. Особенное значение такое лежанье приобрѣтаетъ при боляхъ живота, когда, на голой печи, лежать продолжительное время животомъ внизъ: «жарить животъ».

Желая обезпечить наиболѣе вѣрный выходъ болѣзнетворного начала изъ организма и удовлетворяя своему представлению о застойномъ происхожденіи нѣкоторыхъ болѣзней, народъ соединилъ примѣненіе тепла со всевозможными растираніями, значение которыхъ, помимо ихъ механическаго вліянія, заключается въ томъ, что почти всегда они состоятъ изъ веществъ, раздражающихъ кожу. Чаще всего это тертая рѣдька, одна, съ солью или водкой, рѣдечный сокъ, хрѣнъ, керосинъ, скпицдаръ, перцовка, нашатырный спиртъ, бѣленное масло, летучая мазь и иногда горчица. Для этой же цѣли, особенно при ломотѣ, употребляется нерѣдко молодая крапива, которой, обваривъ ее кипяткомъ, иногда и парятся, вмѣсто вѣника. Для растиранія же служить настой крапивы, смѣясь съ рѣдечнымъ сокомъ, иногда же сухая крапива, истертая въ порошокъ. Рѣже для этой цѣли употребляется медъ съ солью и еще рѣдечный сокъ, медъ соединяется съ дегтемъ, а патока съ коровьимъ масломъ (Новгородск., Смоленск., Орловск. и др. гг.). Обширнымъ примѣненіемъ, въ особенности для растиранія отдельныхъ частей тѣла, пользуются спирты—древесный (березовый сокъ, подвергшійся уксусно-кислому броженію), муравьиный или мухоморный.

Для приготовленія муравьинаго спирта, въ маѣ мѣсяцѣ, набираютъ муравьевъ, наполняютъ ими бутылку, вливаютъ водку и, плотно закрывъ тряпкой и замазавъ края тѣстомъ, ставятъ въ теплое мѣсто. Настой муравьевъ продолжается обыкновенно отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколько недѣль. Подобнымъ же образомъ, изъ измельченныхъ мухоморовъ получается мухоморный спиртъ. Иногда, вмѣсто водочнаго, употребляется водный настой, для чего мухоморы или муравьи, съ муравьиными яицами, завариваются кипяткомъ, иногда же «спирты» эти приготавлиются нѣсколько иначе. Въ муравейникъ ставится, до уровня отверстія, пустая бутылка, края которой смазаны масломъ. Когда она наполняется муравьями, ее закупориваются и парятъ въ тепломъ мѣстѣ или

какъ выражаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «топять» муравьевъ. Получившуюся массу толкуть и благодѣтельный сокъ выжимаютъ въ тряпичѣ или пропускаютъ сквозь сито (Вологодск. и Вятск. гг.). Для полученія по этому послѣднему способу мухоморнаго спирта зреѣлые экземпляры гриба разламываютъ на кусочки, иногда пересыпаютъ солью, наполняютъ ими бутылку, закупориваютъ и ставятъ на нѣсколько дней въ теплое мѣсто, а иногда зарываютъ въ землю или навозъ (Вологодск. и Орловск. гг.). Эти продукты, съ одинаковымъ правомъ, носятъ также название муравьинаго или мухоморнаго масла. Для полученія послѣднаго иногда берутся только шляпки мухоморовъ, которая въ плотно закрытомъ горшкѣ парятся съ водой и солью и образуютъ на поверхности маслянистую жидкость (Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г.), а иногда мухоморное масло получается распариваніемъ мухоморовъ въ печкѣ съ коровьимъ масломъ (Карабачевск. у. Орловск. г.).

При поясничной боли употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волчьи ягоды (*Daphne Mezereum L.*)¹⁾. Изъ нихъ вынимаются зерна, толкуются въ мелкій порошокъ и втираются въ поясницу. Съ тою же цѣлью употребляется иногда такъ называемый «колотикъ» (*Spongia s. Bodiaga fluvialis* — водяной мохъ, дѣвичьи румяны и пр.), отлагающійся на предметахъ, бывшихъ долгое время подъ водой, въ рѣкѣ. Какъ механически раздражающее средство, примѣняется для растиранія также «кирпичное масло», представляющее изъ себя не что иное, какъ мелко истолченный кирпичъ съ масломъ и считающееся иногда «дороже золота». Въ видѣ индиферентныхъ растираній употребляется свиное сало и деревянное (богово), земляное (*Phallus impudicus L.*), глиняное и костяное масла (Казанск. и Новгородск. гг.). Для приготовленія «глиняного» масла собираютъ дождевыхъ червей, кладутъ въ бутылку и, плотно закупоривъ, ставятъ въ горячую печь, послѣ того, какъ вынутъ хлѣбы, а образовавшуюся жидкость процѣживаютъ сквозь рѣдкую тряпочку. Для полученія «костяного» масла, кости животныхъ, остающіяся послѣ варки пищи, раздробляютъ на мелкие кусочки, кладутъ въ горшокъ, закрываютъ крышкой и обмазываютъ глиной, просверливъ на днѣ маленькое отверстіе и вставивъ его въ другой, большей величины. Подъ этимъ послѣднимъ разводятъ огонь и поддерживаютъ цѣлый день. Въ концѣ

¹⁾ Названія лекарственныхъ растеній опредѣлялись по «Ботаническому словарю» Аникикова (1878 г.) и атласу Варлиха («Русскія лекарственные растенія». 1899—1902 г.).

перегонки получаютъ нѣкоторое количество масла, которое особенно считается полезнымъ для растиранія при ломотѣ въ костяхъ (Новгородск. г.). Довольно рѣдкимъ является соединеніе бани съ особыго рода грязевой ванной. При «водяной» топится для больного баня, на пологѣ накладывается конской навозъ и хорошо прогрѣвается. Послѣ растиранія мазью изъ скрипидара съ деревяннымъ масломъ, больной кладется на навозъ и обкладывается послѣднимъ весь, кромѣ головы. Больной долженъ лежать такимъ образомъ въ банѣ до тѣхъ поръ, пока въ ней держится жаръ. Такая навозная ванна продѣлывается до 3 разъ (Ярославск. г.).

**Деревенскія
ванны. прим-
парки и
потогонные
средства.**

Примѣненіе тепла въ видѣ водяныхъ ваннъ при простудѣ, ревматизмѣ, всякаго рода ломотахъ, желтухѣ, водянкѣ и пр. въ довольно большомъ употребленіи иноситъ название—«сѣсть на пары», такъ какъ при этомъ больной наглоухо закрывается. Обыкновенно сидѣніе «на парахъ» совершается въ кадкѣ съ положенными въ нее накаленными кирпичами, и имѣть характеръ или общей, или ножной ванны. Рѣдко такая ванна дѣлается изъ одной только теплой воды. Чаще примѣняется такъ называемый муравьиный паръ, получаемый отъ завариванія муравейника (Смоленск., Владимирск., Ярославск. и др. гг.), а иногда сѣнныя, труховые и соломенные ванны. Для сѣнной ванны предпочитается свѣже-скошенное сѣно, а для соломенной—яровая солома, иногда же непремѣнно овсяная или гречневая (Вятск. и Казанск. гг.). Иногда употребляется для такой ванны сѣнная труха, а иногда разныя цѣлебныя травы, калина, дубовая кора и пр. При ревматизмѣ примѣняется ванна изъ молодыхъ березовыхъ листьевъ, при ракитѣ у дѣтей дѣлаются ванны съ отваромъ «мажетокъ» (*Alchemilla vulgaris* L.), при золотухѣ съ листьями ясени (*Fraxinus Ormus* L.), а при «младенческомъ» съ собачками (череда, *Bidens tripartitus* L.) и васильками (Владимирск. и Вятск. гг.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при простудѣ, горлѣ, насморкѣ, упорномъ кашлѣ и пр., вместо ванны примѣняется только вдыханіе пара. При этомъ больной садится на кадку или возлѣ кадки съ горячей, водой и погруженными въ нее накаленными кирпичами и старается какъ можно болѣе вбирать въ себя пару. Мѣстное примененіе получаетъ также паръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ аменорреи у женщинъ. При водянкѣ распухшія ноги иногда обкладываются теплой хлѣбной опарой, золой или ставятся въ распаренный въ печи овесъ (Цензенск. и Новгородск. гг.).

Послѣдовательное содержаніе больного въ теплѣ, на печи и подъ

шубами, во всѣхъ случаѣнія примѣненія бани и мѣстныхъ или общихъ ваннъ, считается обязательнымъ.

Изъ другихъ видовъ примѣненія, съ лечебными цѣлями, тепла заслуживаетъ вниманія употребленіе сухихъ и влажныхъ припарокъ. Припарки при заболѣваніяхъ горла на шею, при боляхъ на животъ, при кашлѣ на грудь и при воспалительныхъ опухоляхъ дѣлаются изъ овса, золы, сѣнной трухи, конопляного или льнянаго сѣмени, сухой крапивы, чернобыльника, хмѣля, божьяго дерева (*Artemisia Abrotanum L.*), теплого творога, ржаного тѣста, гречневой каши и пр. При поносѣ, въ цѣляхъ согрѣванія живота, на него накладывается иногда слой овечьей шерсти и обвязывается полотенцемъ. Шея изрѣдка смазывается разогрѣтымъ медомъ и обкладывается нагрѣтой сухой крапивой, а на животъ накладываются прогрѣтые камни или горячій каравай хлѣба.

Мѣстное примѣненіе влажной теплоты, въ видѣ согрѣвающихъ компрессовъ, народу почти не известно. Нѣкоторый памекъ на нихъ можно видѣть въ пріемѣ класть на шею и животъ мокрую тряпку и обвязывать шерстянымъ чулкомъ или сукномъ (Ярослав. г.). Такой же характеръ имѣеть прикладываніе къ больнымъ мѣстамъ намыленной кудели и, поверхъ ея, сахарной бумаги.

Большую роль въ общей народной терапии играютъ средства потогонныя. Они являются какъ бы дополненіемъ къ системѣ лечения тепломъ и по частотѣ примѣненія, при общихъ заболѣваніяхъ, безспорно, занимаютъ второе мѣсто. Сюда относятся не только средства, обладающія специфическимъ потогоннымъ дѣйствиемъ (малина, липовый цвѣтъ, бузина, ромашка), но и нѣкоторая другія (звѣробой—*Hypericum perforatum L.*), мята, или духмянка (*Mentha sylvestris L.*), подорожникъ (*Plantago major L.*), чернобыльникъ (*Artemisia vulgaris L.*), брусничникъ, земляничникъ, морошечникъ (листья, стебли и корни), клюква, калина, сбітень и др., пріобрѣтающія такое дѣйствіе въ связи съ употребленіемъ значительного количества теплой жидкости ¹⁾). Настой этихъ травъ пьютъ горячимъ и, болѣникою частью, безъ сахару, «сурово», т. е. быстро, чтобы по-

¹⁾ Такое же универсальное значеніе имѣютъ слѣдующія травы, употребляющіяся при очень многихъ болѣзняхъ, въ особенности лихорадочнаго характера: стародубка (*Gentiana Amarella L.*), медуница (*Spiraea Ulmaria L.*), шалфей (*Salvia officinalis L.*), полынь (*Artemisia Absinthium L.*), чаберъ (богородская трава, *Thymus Serpyllum L.*), череда (*Bidens tripartitus L.*), дикая мята (*Glechoma hederacea L.*, въ Вятской губ. — сороконедужная трава), горлянка (*Prunella vulgaris L.*), васильки, крапива и пр. (Смоленск., Орловск., Новгородск., Вятск. и др. гг.).

скорѣе пропотѣть. Передъ питьемъ этихъ травъ часто даютъ больному ѿсть селедку, чтобы его «погнало на питье».

**Лечебная
роль предме-
товъ домаш-
няго обихода
и другой уни-
версальныхъ
средства.**

Не менѣе универсальнымъ значеніемъ при всевозможныхъ заболѣваніяхъ, какъ внутренніе, такъ и наружное средство, пользуется водка. Особенно полезной она считается при простудныхъ заболѣваніяхъ и при страданіяхъ желудка и кишокъ. Употребляясь чаще reg se, съ чаемъ или травами, она въ некоторыхъ мѣстахъ дается даже дѣтямъ, напримѣръ, при кори и при оспѣ, чтобы скорѣе выступала сыпь. При страданіяхъ желудка и при поносахъ она нерѣдко употребляется съ перцемъ и солью, при простудѣ и лихорадкѣ съ горчицей и рѣдечнымъ сокомъ, а иногда въ видѣ кабацкаго рома или, въ особенности при дѣтскихъ заболѣваніяхъ, въ видѣ церковнаго вина. Наставаясь иногда на «дорогой» травѣ (сассапариль, сарсапариль—*Sarsaparilla s. Smilax L.*) и образуя такъ называемый «декокъ», или «декопій», она часто употребляется при лихорадкѣ, простудѣ и ломотѣ.

Водка, настоенная стручковымъ перцемъ, во многихъ мѣстахъ считается средствомъ, предупреждающимъ заболѣваніе холерой, дѣйствительнымъ противъ многихъ острыхъ болѣзней и не безполезнымъ при кашлѣ, цынгѣ и др.

Не меньшей славой, чѣмъ перцовка, при простудѣ, лихорадкѣ, желудочно-кишечныхъ заболѣваніяхъ и пр., пользуется «березовка», водка, настоенная на почкахъ или молодыхъ листьяхъ березы. Въ особенности велико и почти повсемѣстно ея употребленіе снаружи при порѣзахъ и другихъ пораненіяхъ. Вмѣсто березовыхъ почекъ иногда она настаивается на почкахъ тополя (Рязанс. и Смоленск. гг.) и употребляется въ чистомъ видѣ для промыванія свѣжихъ ранъ или въ видѣ примочки на тряпкѣ. Широкимъ распространеніемъ, какъ универсальное средство, пользуется также водка, настоенная на калганѣ (*Alpinia Galanga Sw.*) и трифоли (*Mennyanthes tripholiata L.*).

Наряду и въ связи со всѣми означенными средствами, при головной боли у лихорадящихъ больныхъ, въ весьма частомъ употребленіи средства, имѣющія, по народнымъ понятіямъ, способность «вытягивать жаръ». Сюда относятся листья квашеной или свѣжей капусты, свеклы, хрѣна, лопуха, мать-мачихи, репейника, ясеня, распаренные листья ольхи и пр. Столъ же частымъ употребленіемъ пользуются, въ видѣ примочекъ къ головѣ, какъ охлаждающія средства, огуречный разсолъ, кислый квасъ, квасная гуща, уксусъ, размоченный въ квасу или уксусъ хлѣбъ и т. п. Довольно

часто употребляется также глина, иногда размачиваемая въ кисломъ квасу и прикладываемая, кромъ головы, также къ груди, затылку и икрамъ¹⁾). Относительно рѣдкое употребленіе имѣютъ примочки изъ ромашки и мятыя ягоды калины на лобъ, какъ отвлекающія—тертый хрѣнъ на затылокъ, селедка къ подонивамъ и смазываніе ихъ рѣдечнымъ сокомъ.

Огородные овощи, помимо ихъ наружного употребленія, въ видѣ отвлекающихъ и растираній, пользуются обширнымъ внутреннимъ примѣненіемъ при всевозможныхъ болѣзняхъ. Сокъ рѣдьки, свеклы и капусты употребляется при чахоткѣ, а сырую морковь їдятъ при глистахъ и сокъ ея пьютъ при цынгѣ (Рязанск. и Вологодск. гг.). Рѣдечный сокъ употребляютъ отъ сердцебіенія и одышки, при колотьѣ въ бокахъ, при желудочныхъ страданіяхъ и глистахъ, а также отъ «кроводушія» у женщинъ (Орловск., Вологодск. и Казанск. гг.). Сокъ свеклы пьютъ при лихорадкѣ, а сокъ хрѣна при водянкѣ и задержаніи мочи (Вятск. и Орловск. гг.).

Еще обширнѣе мѣстное примѣненіе овощей, на больныя мѣста, снаружи. При зубной боли тертую рѣдьку и хрѣнъ прикладываютъ къ щекѣ и кладутъ ихъ на десна или въ дупло зуба (Смоленск. и Вологодск. гг.). Тертой рѣдькой обкладываютъ больныя мѣста при боляхъ простудного характера въ боку, пояснице, рукахъ, ногахъ, и пр., а при цынгѣ обкладываютъ ею десна (Саратовск. и Ярославск. гг.). Печеная рѣдька, въ видѣ болеутоляющаго снаружи, употребляется при ревматическихъ боляхъ, а печеная черная рѣдька и жженый хрѣнъ прикладываются къ язвамъ, при чрезмѣрномъ развитіи грануляцій (Орлов. г.). Тертый хрѣнъ, смоченный въ картофельномъ сокѣ, прикладывается на больное мѣсто при боляхъ въ боку, настой хрѣна, въ видѣ примочекъ, употребляется отъ ломоты въ спинѣ, а его отваръ, какъ полосканье, при цынгѣ (Ярославск. и Казанск. гг.). Сокомъ моркови мажутъ бородавки, тертую же морковь и рѣпу прикладываютъ къ ранамъ, нарывамъ, золотушнымъ и раковымъ язвамъ и при воспаленіяхъ подкожной клѣтчатки, особенно соединенныхъ съ омертвѣніемъ (Вологодск., Орловск. и Ярослав. гг.). Растиртые свекольные листья прикладываются къ геморроидальному шинкамъ, а сокъ употребляется для ихъ смазыванія. Тертый картофель, помимо такого же употребленія при нарывахъ и воспаленіяхъ, иногда прикладывается къ промежности

¹⁾ Глина имѣть также нерѣдкое примѣненіе при ушибахъ, воспаленіяхъ клѣтчатки и рожѣ (Ярославск., Вологодск. и Новгородск. гг.).

при задержаніі мочи и очень часто при ожогахъ. Печенный или свареный на коровьемъ или конопляномъ маслѣ лукъ пользуется очень большимъ примѣненіемъ, при нарывахъ и чирьяхъ, а свѣжий толченый, съ солью, употребляется при бородавкахъ. Извѣстной ча-стотой примѣненія пользуются также чеснокъ—при зубной боли и бородавкахъ, дрожжи—при ожогахъ и лишаяхъ и, въ особенности, часто примѣняются деготь и керосинъ.

Дегтярная вода, бывшая въ большомъ употребленіи у помѣщи-ковъ 40—50 гг. и отъ нихъ перешедшая въ народную медицину, употребляется внутрь отъ чахотки, сифилиса, цынги, а иногда, въ чистомъ видѣ, при многихъ легкихъ заболѣваніяхъ общаго харак-тера (Орловск. и Смоленск. гг.). При гангренѣ какої-либо части тѣла водный растворъ дегтя употребляется какъ снаружи, въ видѣ примочекъ, такъ иногда и внутрь (Карабашск. у. Орловск. г.). На-тираніе чистымъ дегтемъ употребляется, какъ профилактическое средство, при холерѣ, простудѣ и ревматизмѣ (Воронежск., Калужск., Орловск. и Вологодск. гг.). Почти повсемѣстно деготь употребляется при чесоткѣ, часто при лишаяхъ, ранахъ, какъ полосканье (въ водномъ растворѣ) при цынгѣ и пр. Капля дегтя предупреждаетъ развитіе нагноенія при занозѣ и такое же дѣйствіе имѣть сосно-вая сѣра (Новгородск. и Вологодск. гг.). Смола употребляется для смазыванія опухшихъ железъ, а варъ часто прикладывается къ чирьямъ. Скипидаръ, кромѣ растираній, употребляется для смазы-ванія порѣзанныхъ и другихъ ранъ, а внутрь употребляется при «грыжѣ», кашлѣ, общей ломотѣ и сердцебіеніи. Керосинъ вошелъ въ число лечебныхъ средствъ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ на-родныхъ массахъ керосинового освѣщенія. Кроме чесотки (reig se, въ соединеніи съ дегтемъ, а иногда и сѣрой), онъ употребляется для смазыванія ранъ, особенно укушенныхъ, ссадинъ, сифилитическихъ язвъ, оспенныхъ пустулъ, какъ растираніе при ушибахъ, разнаго рода ломотахъ и пр., кладется также на больной зубъ и нерѣдко употребляется при вшивости.

Не менѣшимъ примѣненіемъ, какъ лечебныя средства, пользуются различные жиры и масла. Существуетъ довольно распространенный способъ лечения насморка и головной боли смазываніемъ носа, по-дошвѣ, а иногда и голеней саломъ. Баранье сало привязываютъ часто на шею при заболѣваніяхъ горла, свѣжее же свиное часто прикладываютъ къ нарываемъ. Рыбій жиръ, конопляное и дере-вянное масла употребляются при ожогѣ, а гусиное или медвѣжье сало и коровье масло—при обмороженіи. Утинымъ жиромъ расти-

раютъ ноги дѣтей при рахитѣ, геммороидальная шишка смазываютъ жиромъ угря и прикладываютъ коровье масло съ свекольнымъ сокомъ (Ярославск., Орловск., Калужск. и др. гг.). Коровье масло и сметана пользуются довольно значительнымъ примѣненіемъ при мокнувшихъ сыпяхъ, ссадинахъ, трещинахъ кожи и пр., а кислое молоко и сливки при ожогахъ и обмороженіяхъ (Пензенск. г.). Внутрь горячее коровье сало и свиное, въ кипяченомъ молокѣ, употребляются иногда при кашлѣ, а свѣжее свиное сало съ рѣдечнымъ сокомъ—при чахоткѣ. Свиное свѣжее сало даютъ при заболѣваніяхъ дѣтей, соленымъ кормятъ отъ глистъ, постное или деревянное масло пьютъ при сибирской язвѣ, а при боляхъ живота весьма часто принимаютъ деревянное масло съ солью и водкой (Нижегородск., Тверск., Калужск. и др. гг.). Тресковый жиръ, какъ средство противъ золотухи, пользуется довольно значительнымъ распространеніемъ.

Листья, стебли, корни и сѣмена многихъ растеній, въ свѣжемъ и сухомъ видѣ, превращенные въ порошокъ или въ отварѣ, обширнымъ наружнымъ примѣненіемъ пользуются при ссадинахъ, ранахъ, язвахъ, ушибахъ, нарывахъ, чиряхъ, ожогахъ и пр. При отсутствіи какого-либо специфического значенія, они являются индиферентными при всѣхъ указанныхъ заболѣваніяхъ, или же дѣйствіе ихъ сводится къ общимъ физическимъ свойствамъ.

Имѣя нѣкоторое тепловое, овлажняющее и обволакивающее значеніе, обладая способностью въ своемъ порошкообразномъ видѣ содѣйствовать образованію кровяного сгустка или струпа, они, въ большинствѣ случаевъ, являются покрышкой, создаютъ защиту пораженного мѣста отъ виброзныхъ вліяній и, такимъ образомъ, какъ бы играютъ роль первобытныхъ хирургическихъ повязокъ, представляя изъ себя иногда то наиболѣе лучшее, чистое и наименѣе вредное, что находится подъ руками больного¹⁾.

¹⁾ Старинное средство при порѣзныхъ и другихъ ранахъ—«алоз» (столѣтнее дерево, сабуръ) не является единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ Вологодскомъ уѣздѣ прикладываютъ къ ранамъ сушеные листья девясила (*Inula Helenium L.*), въ Зарайскомъ уѣздѣ (Рязан. г.)—листья и соцѣ мать-мачихи (*Tussilago Farfara L.*), въ Кадниковѣ (Вологод. г.), Мещовѣ—мѣ (Калуж. г.) и Чембарѣ—мѣ (Пензен. г.)—подорожника (*Plantago major L.*); въ Грязовѣ—мѣ (Вологод. г.) листья Адамовой головы (*Cypripedium Calceolus L.*), въ Р.-Борисог—мѣ (Ярослав. г.)—ольхи (*Alnus glutinosa Lam.*) и лопуха (*Lappa tomentosa Lam.*); въ Болховѣ—мѣ и Карабчевѣ—мѣ уѣздахъ (Орлов. г.) толченые листья пастернака (*Pastinaca Sativa L.*), проскурника (*Althaea officinalis L.*), вареные листья душицы (*Origanum vulgare L.*), сливы народно-бытовая медицина.

Б. Леченіе эмпирическими средствами отдельныхъ заболѣваній.

Внутреннія болѣзни.

При обморокѣ даютъ нюхать тертый хрѣнъ, жженая перья, шерсть или вату, а иногда зажигаютъ и гасятъ подъ носомъ больного восковыя свѣчи, обливаютъ холдной водой голову, развязываютъ поясъ и растегиваютъ воротъ рубахи. Послѣ того какъ больной придется въ чувство, ему даютъ съѣсть кусокъ сильно насоленного хлѣба или выпить круто посоленаго квасу.

При головной боли, кромѣ универсальныхъ примочекъ, въ Орловской и Казанской гг. пьютъ настой бѣлоголовника (*Chrysanthemum Leucanthemum L.*), временнай травы (*Veronica Chamaedrys L.*), червивой (*Erigeron acris L.*), Иванъ-да-Марья (*Viola tricolor L.*), плакунъ-травы (*Orchis maculata L.*) и вишневыхъ листьевъ, отваръ можжевельника (*Juniperus communis L.*) и соленый квасъ съ дре-весной золой (Саратовск. г.). Въ видѣ наружнаго средства употребляется иногда «камфорная мазь», для получения которой одна часть камфоры и 2 части деревяннаго масла, въ крѣпко закупоренной склянкѣ, запекаются въ караваѣ хлѣба (Ярославск. г.).

Кашель и боль въ груди. Кромѣ настоя малины, смородины, стеблей морошки, листьевъ бруслики и пр., въ острыхъ случаяхъ пьютъ настой овсянной соломы, собачекъ (*Bidens tripartitus L.*), травы верескъ (*Calluna vulgaris Salisb.*), листьевъ яблони, листьевъ и цвѣтовъ подорожника, листьевъ и корня звѣробоя и сѣмянъ крапивы (Вологодск., Владимірск. и Новгородск. гг.). Употребляется также для питья и настой травъ: бѣлоголовника, базилика (*Ocimum Basilicum L.*)¹), змѣинаго моха (*Lycopodium clavatum L.*), шелковой травы (*Carex hirta L.*), травы разстрѣлья (*Gentiana Pneumonanthe L.*), поповника (*Cirsium heterophyllum All.*), а также душицы и чабера.

(*Prunus*), траву медвѣжье ухо (*Salvia Aethiopis L.*); въ Череповѣ—мѣ (Новгор. г.)—листья капусты, балаболочника (*Nymphaea alba L.*), хмѣля, черемухи, сирени (*Syringa vulgaris L.*), зари (*Levisticum officinale Koch.*), соѣтъ тысячелистника (*Achillea Millefolium L.*), толченые корни черники и пр. Раны при укушеніи змѣй примачиваются отваромъ корня зари, а при огнестрѣльныхъ прикладываются тертую коноплю (Орлов. г.). Листья хмѣля и балаболочника прикладываются при ушибахъ (Новгор. г.), листья подорожника, черемухи и сирени къ нарывамъ (Волог. и Орлов. гг.), листья капусты, смазанные яичнымъ бѣлкомъ, при ожогахъ (Ярослав. г.), траву мокрецъ (*Stellariamedia Smith.*) при рожѣ и укушеніи змѣй и пр.

¹⁾ Если капсель сопровождается насморкомъ, то истолченые цвѣты и листья базилика даютъ больному и нюхать, какъ табакъ.

Въ Ярославской и Орловской гг. полезнымъ считается настой на винѣ мха со старыхъ яблонь, рѣдечный отваръ, или рѣдечный сокъ съ медомъ, перегорѣлая патока¹⁾, сокъ пареной рѣпы, пареный лукъ съ сахаромъ и анисомъ, отваръ поджаренной ржи, солодъ, теплая солодковая (*Glycyrrhiza echinata L.*) вода, ячная вода съ сахаромъ, ячная каша, посыпанная истолченными сѣменами крапивы, и простая ржаная мука, заваренная жиidenькимъ клейстеркомъ. Въ довольно частомъ употреблениі: свѣжее свиное сало съ кипяченой водой или молокомъ, скпицдаръ съ теплой водой, деготь въ водномъ растворѣ, нашатырь, стручковый перецъ въ чаю и измельченный горошковый перецъ. При хроническихъ формахъ кашля различного происхожденія всего чаще употребляется настой дорогой травы: $\frac{1}{4}$ ф. этой травы, нарѣзанной мелкими кусочками, настаивается въ тепломъ мѣстѣ, въ продолженіе 12 дней, на четверти вина или водки. Доза: 2—3 рюмки въ день. При кашле, соединенномъ съ одышкой, въ Орловской г. пьютъ отваръ коры съ 9 различныхъ деревъ: сосновой, еловой, кленовой, дубовой, липовой, ясеневой, березовой, яблоновой и ивовой. Прокипятывъ три раза, пьютъ этотъ отваръ утромъ и вечеромъ по рюмкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Ярославск. г.) въ ходу слѣдующая микстура: на 10 чашкахъ кипятка настаивается рѣпное сѣмя и макъ (по $\frac{1}{4}$ ф.), изюмъ, дивій медъ (*Ceratonia siliqua L.*), черносливъ, винные ягоды (по $\frac{1}{8}$ ф.) и 1 золотникъ роснаго ладана. Настой принимается по ложкѣ, 3 раза въ день.

При плевритическихъ, ревматическихъ и другого происхожденія боляхъ въ груди, въ Орловской и Рязанской гг. считается полезнымъ пить горячий настой цвѣтовъ шиповника (*Rosa canina L.*), колуна (*Cirsium lanceolatum Scop.*), звѣробоя, череды, коры вяза и капустнаго отвара. При тѣхъ же болѣзняхъ явленіяхъ въ Новгородской г. пьютъ настой «усовной травы» (*Geranium pratense L.*). Полезной также считается водка, настоенная на трифоли, березовыхъ почкахъ, сѣменахъ рѣпы и кореньяхъ шиповника, водка съ толчеными желудями и смѣсь ея съ яичнымъ желткомъ и сахаромъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боли въ груди соединяются съ сердцебѣніемъ и одышкой, во многихъ мѣстахъ примѣняется глина²⁾.

¹⁾ Раскаленное желѣзо, разъ до 10, обмакивается въ патоку, при чемъ проходитъ превращеніе послѣдней въ карамель—главную составную часть всѣхъ конфектъ отъ кашля.

²⁾ О примѣненіи глины при грудной жабѣ и аневризмахъ аорты см. статьи Соколова, Масалитинова, Савельева и Посадского (Еженед. клин. газ. и Врачъ за 1882 г. и 84 гг.).

Чахотка. Почти повсюду считается очень полезнымъ усиленное употреблениe парного молока, часто вмѣстѣ съ свинымъ жиромъ, и иногда козье молоко. Въ Вятской и Новгородской гг. молоко часто смѣшиваются съ толокномъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской г. употребляется молочный отваръ овса. Полезнымъ считается также сливочное масло, растертое пополамъ съ сахаромъ, студень убитой¹⁾ курицы, оленье мясо, ворвань, телячья кровь, соломатъ съ бычачимъ жиромъ и отваръ ржаного солода, ячменя и овса. Кромѣ дегтярной воды и очень распространенного декокта изъ сассапарили принимается настой на водкѣ сосновыхъ шишекъ и молодыхъ побѣговъ сосны и ели, по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ употреблениi также отваръ мяты и канифоли, дубовый мохъ съ яичнымъ желткомъ, щелокъ изъ золы березовой коры, свѣжий березовый сокъ и высушенные березовые почки, настояенные на водѣ (Орловск., Рязанск. и Ярославск. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. пользуются для лечения чахотки корнями вереса (можжуха, можжевельникъ), которые собираются весною, рѣжутся на мелкие кусочки, сушатся и завариваются, какъ чай. Иногда употребляется для питья настой цвѣта ржи (*Secale cereale L.*), а также настой озими. Озимъ срывается при этомъ по всходѣ, осенью, и пьется въ видѣ горячаго настоя. Весьма часто употребляются при чахоткѣ отвары слѣдующихъ травъ: душицы, медуницы, ландыша (*Convallaria majalis L.*), Иванъ-да-Марья, крапивы и сорванныхъ въ маѣ—мать-мачихи, бѣлой буковицы (*Primula officinalis Jacq.*), конского щавеля (*Rumex L.*) и корней сараны (*Lilium L.*). Полезнымъ считается также настой на водѣ заячьей капусты (*Sedum Telephium L.*). На бутылку этого настоя кладутъ $\frac{1}{4}$ фун. леденцу и рюмку прованского масла, ставить смѣсь, на ночь, въ печку и даютъ больному по 3 рюмки въ день (Ярославск. г.).

Иногда заболевшихъ чахоткою заставляютъ дышать паромъ заваренной земляники, окуриваютъ смолой и пчелинымъ kleемъ и въ очень многихъ мѣстахъ считаются для чахоточныхъ полезнымъ вдыхать испаренія скотныхъ дворовъ и спать на навозѣ²⁾. При легочныхъ кровотеченіяхъ пьютъ горячую воду, смѣшанную съ

¹⁾ Курица не рѣжется, а убивается для того, чтобы въ ней сохранилась кровь.

²⁾ Этотъ народный способъ лечения чахотки совпадаетъ съ попыткой Саптани, предложившаго въ 80-хъ гг. прошл. стол. лечить чахоточныхъ ингаляціями гнилостныхъ бактерій (*bacterium thermo*).

растопленнымъ свинымъ саломъ, круто посоленый квасъ и огуречный разсолъ (Ярославск., Орловск. и Новгородск. гг.).

При одышкѣ и сердцебіеніи чаще всего употребляется настой ландыша¹⁾, баранчиковъ (*Linaria vulgaris* L.), алтейнаго корня (*R. Althaeae officinalis* L.), корня девясила, мяты въ цвѣту (Саратовск. и Вологодск. гг.), или отваръ въ молокѣ смѣси корней звѣробоя, «декокта» (*Comagum palustre* L.), богородской травы и череды (Новгородск. г.).

Отъ водянки, кромѣ обкладыванія отечныхъ мѣстъ горячей золой, распространено употребленіе такъ называемаго вересоваго сусла, приготовляемаго изъ ягодъ можжевельника и настоя его корней, иногда въ соединеніи съ селитрой, спиртомъ или рижскимъ бальзамомъ. Довольно часто употребляется отваръ ягодъ шиповника, верхушекъ крапивы и ея корней, «пяточъ» (чашечекъ) ягоды морошки, травы Божья милость (*Gratiola officinalis* L.), тысячелистника (*Senn-taurea Bieberstlinii*), горицвѣта (*Adonis vernalis* L.)²⁾, полыни, молодыхъ березовыхъ листьевъ и почекъ березы³⁾, молодыхъ побѣговъ ракиты (*Salix Tourpn.*) и горячей настой коры ивы (*Salix alba* L.) и дуба (Ярославск., Курск., Орловск. и Новгородск. гг.). Рекомендуется также бѣсть лукъ, пить овсянку, настой на водкѣ терпаго хрѣна и сокъ зари. Иногда употребляется при водянкѣ микстура, дѣйствующими частями которой являются полынная зола и ревень. На бутылку водки кладется 2 золотника полынной золы и 1 золотник терпаго ревеня. Смѣсь ставится на три сутки въ теплое мѣсто и часто вѣбалтывается. Послѣ трехъ сутокъ жидкость сливаются съ осадка и даютъ пить по рюмкѣ въ день. По мѣрѣ того, какъ опухоль начнетъ убывать, уменьшается и доза лекарства (Ярославск. г.). Заслуживаетъ вниманія примѣняющееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской и Ярославской гг. обильное питье молока (молочное лечение) и употребленіе отвара съ разваренныхъ сверчковъ, а также

¹⁾ Употребленіе ландыша, какъ народнаго сердечнаго средства, было введено въ русскую медицину пок. С. П. Боткинымъ (работы о ландышѣ, въ видѣ диссертаций, Богоявленскаго, Исаева и Ксензенко, 1881, 82 и 86 гг.).

²⁾ Дѣйствіе этого средства выяснено работами Бубнова, Малиновскаго, Лавровскаго (дисс. 1880, 82 и 91 гг.), Варвинскаго и Дроздеса (Врачъ и Врачебн. Вѣд. за 1880 г.). Въ прежнее время на него указывали Krebel, Ноcъ и Кривокурцевъ (1858, 60 и 61 гг.).

³⁾ Д-ромъ Дьяченко описано хорошее дѣйствіе этого средства при интерстиціальныхъ и паренхиматозныхъ нефритахъ («Еженедѣльникъ» и «Медицинское Обозрѣніе», 1899 г.).

муравьиныхъ личинокъ или яицъ, въ видѣ настоя ихъ въ теплой водѣ. Употребляется также сокъ изъ выжатыхъ личинокъ¹⁾.

При тошнотѣ очень часто ёдятъ сильно посыпанный солью ржаной хлѣбъ, пьютъ настой васильковъ и калгана²⁾, при изжогѣ и тягостныхъ ощущеніяхъ въ области желудка, когда «сосетъ сердце», грызутъ мѣль и березовый уголь, принимаютъ соду, пьютъ въ водѣ просѣянную золу, ёдятъ горохъ и толокно и принимаютъ по нѣсколько капель сѣрной или азотной кислоты, въ водѣ или чаѣ.

При боляхъ подъ ложечкой принимаютъ киндеръ-бальзамъ, водочный настой калгана и имбиря (*Zingiber officinale Rosc.*), рябиновую настойку, можжевеловыя капли, водочный отваръ травы лебедки (*Origanum vulgare L.*) и конскаго щавеля³⁾ и водный настой травы Иванъ-да-Марья и корня тягунъ (*Chrysanthemum Leucanthemum L.*). Употребляется также отваръ сосновыхъ шишекъ, собранныхъ весной, отваръ пупного корня (*Scabiosa Succisa L.*) и корня зари.

При боляхъ живота (надсада, наджада, грызь, иногда грыжа) очень хорошимъ средствомъ считается деревянное масло съ солью и водкой (Калужск. г.), водка и квасъ съ солью (1 столовая ложка соли на стаканъ водки и 2 на стаканъ квасу), перцовка, порошокъ сушенаго хвоща (*Equisetum arvense L.*), съ хлѣбомъ, порошокъ травы и корня мышины ушки (*Hieracium Pilosella L.*), сокъ огородныхъ бобовъ (*Vicia Faba L.*), съ молокомъ, толченое конопляное сѣмя, можжевеловое масло съ водой, настой березовыхъ почекъ, листьевъ крапивы, боровухи (*Cytisus biflorus L'Her.*), богословской травы и мяты (Вологодск., Вятск., Ярославск. и Казанск. гг.), подорожника, листьевъ хмѣля, коровинника (*Angelica Archangelica L.*), «раковыхъ шеекъ» (*Convallaria Polygonatum L.*) и грыжной травы или грыжника (*Achillea Millefolium L.* Вятск., Новгородск. и Орловск. гг.). Хорошимъ средствомъ при спазмахъ и рѣзи въ животѣ считается также настой на водкѣ, по равной части, тминнаго сѣмени (*Carum Carvi L.*), укропа (*Foeniculum officinale All.*), корня девясила, александрийскаго листа и чернослива.

¹⁾ Употребленіе муравьиныхъ личинокъ и сверчковъ аналогично примѣненію при водянкѣ таракановъ (Богомоловъ, Богоявленскій, Köhler, Чернышевъ).

²⁾ При рвотѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловск. г. считается полезнымъ держать во рту, подъ языкомъ, корень пиона (*Paeonia officinalis Retz.*).

³⁾ При боли подъ ложечкой совѣтуютъ ёсть, натощакъ, также обыкновенный луговой щавель (*Rumex Acetosa L.*), посыпанный солью.

Отъ желтухи пьютъ отваръ корня одуванчика (*Taraxacum officinale* Knaut.), корня и листьевъ крапивы, листьевъ хрѣна, травы дрока (*Genista tinctoria* L.), звѣробоя, конскаго щавеля, чистотѣла, или желтомолочника (*Clelidonium majus* L.) и отваръ рябинки (*Linaria vulgaris* Mill.) и ясеневыхъ листьевъ (Орловск. и Вятск. гг.).

При запорѣ очень распространено употреблениѣ огуречнаго разсола, иногда вмѣстѣ съ молокомъ, сыворотки, простокваша, деревяннаго масла и скипидара съ водкой. Какъ слабительное, часто употребляется также морковный сокъ, настой сырой свеклы, отваръ рябины, коры крушины (*Rhamnus Frangula* L.) и настой на водкѣ розмарина (*Rosmarinus officinalis* L.) и божьяго дерева (на бутылку водки по пригоршнѣ того и другого). Какъ слабительное при запорахъ у дѣтей, въ большомъ ходу деряба, или текунъ (*Lycopodium clavatum* L.), съ молокомъ или водой.

При поносѣ стараются «поправить» животъ голodomъ, ёдятъ черствый черный хлѣбъ, выпиваютъ чарку водки, сильно посоленную или подперченную (Волог. г.). Очень часто ёдятъ ржаные, иногда пережженые сухари, пьютъ сухарную воду, отваръ солода, круто посоленый квасъ, золу съ квасомъ, скобленый мѣлъ, парное молоко и варятъ кисель изъ пшеничной муки. Пьютъ съ виномъ яичный бѣлокъ, растертый въ водкѣ свареный желтокъ, водку, процѣженную сквозь золу, настой извести и принимаютъ тертый березовый уголь (Калужск., Пензенск., Ярославск. и Орловск. гг.). Въ большомъ употреблениѣ настой и отваръ ягодъ, цвѣта и коры черемухи, черники, смородины, калины и сушеныхъ грушъ. Употребляется также настой мяты, полыни, вересовыхъ ягодъ, сушеныхъ цвѣтовъ подорожника, травы медуницы (*Pulmonaria officinalis* L.) и глотухи (*Prunus Padus* L.). Нерѣдко пьютъ росной ладанъ, отваръ земляничнаго цвѣта въ молокѣ, отваръ корней шипишника (шиповника) и девясила, ольховыхъ шишечекъ и дубовой коры, принимаютъ порошокъ сушеныхъ арбузныхъ корокъ, толченая сѣмена спаржи (*Asparagus officinalis* L.), высущенный и измельченный въ порошокъ корень травы раковыя шейки (*Polygonum Bistorta* L.), порошокъ травы соколій перелетъ (*Gentiana Pneumonanthe* L.), жареную и истолченную въ порошокъ траву хвоющъ и березовый уголь (Саратовск., Орловск., Казанск. и Вологодск. гг.).

При кровавыхъ поносахъ употребляется водный настой бѣлокопытника (мать-мачиха) и настой въ уксусѣ болотной осоки. При сильныхъ поносахъ острого характера беруть по одной части роснаго ладана, перцу, полыни, трифоли, двѣ части «черной травы»

(*Struthiopteris germanica* L.) и четыре части чернобыльника, заливают водой и ставят въ печь на цѣлую ночь. Процѣдивъ, растворъ принимаютъ рюмками, по 2—3 раза въ день (Ярослав. г.). При поносѣ у дѣтей въ Казанской губ. даютъ иногда морковный сокъ и настой цвѣта травы «кашки» (*Ptarmica cartilaginea* DC.) и дикой рябины (*Tapanetum vulgare* L.).

Хорошимъ средствомъ отъ глистовъ считается льняное и конопляное масло натощакъ, жженая каша съ коноплянымъ масломъ, чеснокъ, печеный зеленый лукъ, селедка, арбузная и тыквенные сѣмена и тертыя сѣмена разсады (Новгородск., Казанск. и Яросл. гг.). Въ очень большомъ употреблениіи цытварное, «цысарское» или «цезарное» сѣмя. Какъ глистогонное, употребляется также дикая рябина въ видѣ порошка или отвара изъ цвѣтовъ, настой звѣробоя и тятуна, порошокъ ясеневой коры въ маковомъ молокѣ и отваръ лавроваго листа въ водѣ съ медомъ (Саратовск., Орловск., Яросл. и Волог. гг.).

Общеупотребительнымъ средствомъ противъ ревматизма является брусничникъ. Брусничникъ, съ листьями и цвѣтами, обыкновенно собирается въ маѣ, сушится въ печкѣ, при употреблениіи кипятится съ водою до тѣхъ поръ, пока не приметъ темношоколаднаго цвѣта и пьется, какъ чай. Полезными при ревматизмѣ считаются настой на водкѣ корней маты-мачихи и трифоли (Калужск., Рязанск. и Саратовск. гг.), рябиновый сокъ съ медомъ, сваренное съ медомъ крапивное сѣмя, отваръ череды, коры вяза, цвѣтовъ шиповника, листьевъ и корней репейника. Репейные корни тщательно промываются въ холодной водѣ, разрѣзываются на части и «парятся» въ закрытомъ горшкѣ. Этотъ отваръ употребляется по стакану утромъ и вечеромъ (Орловск. и Вологодск. гг.).

Кромѣ универсальныхъ растираній считаются полезными при ревматизмѣ слѣдующія наружныя средства: выжать масло изъ сѣмянъ травы медуницы и мазать больныя мѣста. Дѣлать къ нимъ примочки изъ отвара листьевъ или корня кувшинчика (*Nasturtium officinale* Rch.) и обкладывать теплыми вываренными листьями чернобыльника. Только что развернувшимися (липкими) листьями березы или березовыми почками обложить больныя мѣста и держать, пока не высохнутъ.

Прикладывать маточникъ-траву (*Melissa officinalis* L.) и обертывать листьями лопуха, растирать отваромъ молодой крапивы съ деревяннымъ масломъ, сѣчь больное мѣсто жгучей крапивой и погружать больныя руки и ноги въ муравьиная кочки, чтобы ихъ

кусали муравьи. Иногда примыняется такая мазь: полбутилки вина, столько же деревянного масла, золотникъ камфоры и 2 щепотки бодяги смѣшиваются вмѣстѣ и держатся, до употребленія, въ тепломъ мѣстѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боли соединяются съ судорогами, болное мѣсто, на ночь, обсыпается толченой сѣрой или послѣднія насыпается мужчинами въ штаны, а бабами зашивается въ подвязки (Ярославск. г.).

Наиболѣе распространеннымъ народнымъ средствомъ противъ лихорадки является полынь въ видѣ настоя и отвара, въ особенности собранная въ маѣ. Не менѣе часто употребляется настой на водкѣ или на горячей водѣ трифоли, чернобыльника, череды, богородской травы, ясения и корня девясила. Употребляется также настой богородицой косы (*Clematis erecta* All.), верблюжьей или заячьей травы (*Sedum Telephium* L.), травы петровъ крестъ (*Gentiana Crucifera* L.), цветовъ ландыша, листьевъ крапивы, хмѣля, огороднаго цикорія, ягоды крушинъ и порошокъ сушеныхъ листьевъ капусты и высушенной сердцевины подсолнечника (Казанск., Пензенск., Волог. и Ярославск. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимается съ водой измельченная осиновая кора, сосновая кора и отваръ ясеневой коры съ солью (Вятск. и Орловск. гг.). Въ болѣшемъ или меньшемъ употребленіи также слѣдующія средства: щучья желчь, пареная рѣпа, огуречный разсолъ, отваръ укропныхъ сѣянъ, сушеныхъ кореньевъ шиповника, спреневаго цвета и листьевъ бѣлой буковицы и укропа съ солью.

Дѣйствительнымъ средствомъ противъ лихорадки считаются также раки: живыхъ раковъ слѣдуетъ положить въ водку, высушить и принимать въ порошкѣ (Карачевск. и Волхов. уу. Орл. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Чембарск. у. Пензенск. г.) употребляется противъ лихорадки микстура изъ сабура, камфоры и нашатыря, взятыхъ по золотнику, сюда прибавляется ложка меду, скоблится зерно цѣлибы (*Styrax officinalis* L.), смѣсь вливается въ бутылку отварной воды и принимается по 2 столовыхъ ложки въ день¹⁾.

¹⁾ Изъ Новгородской губ. памъ сообщаютъ объ одномъ составѣ, взятомъ изъ рукописнаго народнаго лечебника и имѣющемъ значеніе какъ бы универсального средства. Составъ этотъ, какъ сказано въ заголовкѣ рукописи, употребляется отъ лихорадки, или гнетунницы, кашлей, отъ костяной, нутряной и запорной болѣзни и отъ кровавой блевотины. «Взять вина хорошаго, водки простой, пива свѣжаго, уксусу доброго и соковъ: клюковнаго, чесноковнаго, луковнаго, хрѣновнаго, рѣдечнаго, морковнаго, рѣпнаго, девясильнаго, репейнаго, крашивнаго, зорковнаго

Въ очень многихъ мѣстахъ, въ видѣ противозолотушного средства, употребляется калина. При этомъ, отваръ побѣговъ калины употребляется какъ внутрь, такъ и снаружи для обмываній и ваннъ, при золотушныхъ сыпяхъ у дѣтей. Ягоды калины или парятъ въ вольномъ жару и даютъ дѣтямъ ъсть, или, съ небольшимъ количествомъ воды, кладутъ въ новый, немуравленый горшокъ, покрываютъ другимъ такимъ же, замазываютъ глиной и ставить до вечера въ хорошо вытопленную печь. Пропѣженный черезъ тряпку или сито настой дается столовыми ложками, $\frac{1}{2}$ —1 на приемъ. Меньшимъ распространениемъ пользуется употребленіе отвара молодыхъ побѣговъ черемухи, почекъ и молодыхъ листьевъ черной смородины, еще болѣе меньшимъ—настой репейнаго корня (Ярославск. г.), череды и лавроваго листа (Вятск. г.), отваръ стеблей и цветковъ Анютиныхъ глазокъ (Орловск. г.) матъ - мачихи (Волог. г.) и «недужной» травы (*Alchemilla vulgaris* L. Казанск. г.).

Въ некоторыхъ мѣстахъ считается полезнымъ при золотухѣ пить пиво съ клюквеннымъ сокомъ и ъсть медъ, чтобы золотуха вышла наружу. Изрѣдка употребляется противъ золотухи, какъ внутреннее средство, киноварь (Вятск. г.). При золотушныхъ язвахъ

и лебедового, меду кабацкаго, меду кислого, сусла яшнаго, квасу доброго и воды поровни, смотря по надобности. Тутъ же положить травы: адамовой главы, букошицы, лютику, стародубки, девясилу, репено, борщу, плакуну, попутнику, лебды, одолену (*Oxytropis pilosa* DC.) и крапивы съ кореньемъ. Къ тому же добавить: квасцовъ 4 зол., имбирю 4 зол., напатырю 4 зол., гвоздики 3 зол., корицы 3 зол., мускатныхъ орѣховъ и камфоры по 3 зол., скипидару, нефти, крапивнаго масла, бальзаму, бѣли, масла купороснаго и водки крѣпкой по 2 зол.; перцу 15 зол., осолодки тертой 1 ф., патоки, меду и сахару по вкусу (всего 52 средства). Сложи все это въ мѣдный котелъ, запечатай тѣстомъ и поставь въ теплое мѣсто. Будеть ходить и, смотри, опасно будеть ходить; прiotкрывъ мало, побей мѣдной или желѣзной поваренкой и опять прикрой по прежнему. Какъ трое сутки пройдутъ, то разлей по бутылкамъ и не затыкай, пока не устоится, а если же заткнешь, то всѣ бутылки порвуть. Когда устоится, тогда надлежитъ заткнуть бутылки, а потомъ можно принимать сего лекарства по рюмкѣ, сперва, какъ за три деньги вина, по три дня; по принятіи лечь въ постель, въ теплѣ, на спину,—и услышишь, во-1-хъ, во чревѣ, будто бы, ворчаніе, во-2-хъ, противъ сердца будеть чесаться, въ 3-хъ, противъ сердца и на всемъ чревѣ выступитъ, какъ скоробѣ: ты его не тропъ ничѣмъ—самъ сойдеть. Въ слѣдующіе дни пить утромъ и вечеромъ по рюмкѣ, какъ на двѣ коп. вина,—затѣмъ, все тѣло будеть чесаться и по всему тѣлу выступять вышесказанныя свербячки; ты ихъ ничѣмъ не тронь — сами сойдутъ. Потомъ, самъ услышишь, какъ будеть по костямъ ходить,—наконецъ, сдѣлается провалъ и выйдетъ изъ костей скорбь водою—и конецъ питью».

примѣняется иногда мазь, состоящая изъ коровьяго масла, ртути¹⁾ и крѣпкой водки, при чёмъ на одну чайную чашку коровьяго масла берется ложка крѣпкой водки и 1 золотн. ртути.

При цынгѣ считается полезнымъ пить отваръ молодыхъ сосновыхъ и еловыхъ шишекъ, корней лопуха и ивы, отваръ клевера и клюквенный сокъ съ медомъ. Какъ полосканье, кромѣ отвара хрѣна, употребляется отваръ дубовой и ивой коры, сосновыхъ шишекъ, а также коры и листьевъ ясени.

При зубной боли, кромѣ универсальныхъ средствъ — хрѣна, дегтя, пороха, табаку и такихъ героническихъ, какъ крѣпкая водка (*accl. nitricum*), желѣзного или мѣднаго купороса и пр., весьма часто вводятся въ дупло зуба квасцы, поваренная соль, камфора, перецъ, цикорий корень (*Cichorium Intybus L.*), семена волчьихъ ягодъ (*Ligustrum vulgare L.*) и бѣлены (*Hyoscyamus niger L.*), росной ладанъ, вишневый клей, регальное масло, сваренный съ чистымъ дегтемъ и водкой чеснокъ, сплавленный на огнѣ сахаръ съ перцемъ и сокъ молокъ изъ селедки (Новгородск., Орловск. и Саратовск. гг.). Больной зубъ обвертывается крапивой, между десной и щекой кладутся листья кошиачьей травы (валерiana) и вдахается дымъ сѣмянъ бѣлены, насыщенныхъ на раскаленный кирпичъ или сковородку (Вологодск. и Ярославск. гг.). Иногда зубы полощутся отваромъ дубовой коры и черемухи, листьевъ ясени, земляники, полыни и лопушка (*Salvia verticillata L.*). Почти повсюду считается полезнымъ держать во рту водку, натирать десна церцемъ и приставлять къ нимъ піявки.

При горловыхъ болѣзняхъ, приписываемыхъ почти исключительно простудѣ, помимо употребленія потогонныхъ и припарокъ на шею и смазыванія ея саломъ, жиромъ, медомъ и пр., въ очень многихъ мѣстахъ особенной славой пользуется «горлянка» (*Potentilla argentea L.*), которую обыкновенно пьютъ въ видѣ настоя, а иногда сосутъ съ медомъ (Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предпочтительнее употребляется горячій настой изъ сахарныхъ рожковъ (сладкие, или цареградские стручки, дивій медъ). Для смазыванія горла иногда употребляется брусничный или клюквенный сокъ съ медомъ, а для полосканья растворъ поваренной соли (Рязанск. и Новгородск. гг.).

При носовомъ кровоточеніи, кромѣ усиленнаго питья круто-

¹⁾ Очевидно, употребленіе киновари и ртути при золотухѣ обуславливается смышенiemъ ея съ сифилисомъ.

Хирургическая
кочная болѣзни и сифи-
лисъ. Глаз-
ная болѣзни.

посоленного кваса и огуречного разсола, рекомендуется смачивать холодной водой виски, туда перевязывать выше локтя правую руку и прикладывать к затылку железный ключь. Кроме того, считается полезным брать по ключу и по куску мыла в каждую руку и возможно сильнее стискивать кулаки (Яросл., Калужск., Владимирск. и др. гг.).

При геморрое принимается холодная вода натощакъ, отваръ или настой на водкѣ травы почечной (*Polygonum lapathifolium*. L.), отваръ ягодъ земляники¹⁾, сушеныхъ цветковъ рябины, можжевеловыхъ ягодъ съ ревененнымъ корнемъ и настой на водкѣ листьевъ черной смородины, душицы, богородской травы, звѣробоя, мяты, зори и сѣмянъ тмина. Весьма часто, при ущемленныхъ шишкахъ, примѣняются припарки изъ различныхъ травъ и нерѣдко рекомендуется воздержаніе отъ употребленія гречневой каши (Вологодск., Орловск. и Казанск. гг.).

При выпаденіи апі и прямой кишки въ некоторыхъ мыстахъ (Новгородск. г.) пьютъ отваръ травы лебеды (*Atriplex Gaertn.*) и выпавшую часть присыпаютъ порошкомъ той же травы. Нерѣдко дѣлаются попытки вправленія.

При задержаніи мочи и каменной болѣзни мужчины держать наружные половыя части въ тепломъ молокѣ, воздерживаются отъ питья и небольшими дозами принимаютъ кипяченое молоко съ моршшкой. Пьютъ настой бобовыхъ стручьевъ въ винѣ, отваръ сѣмянъ рѣпы, корней спаржи, петрушекъ и настурнака, принимаютъ въ водѣ толченое воробьевое сѣмя (*Lithospermum argenteum* L.), толченая сѣмена спаржи и льна, и ѓдятъ анись и тминъ. Считается полезнымъ также пить отваръ васильковъ, ягодъ шиновника и свѣжаго моржового гужа. Для полученія послѣдняго, гужъ изрѣзываютъ на кусочки и варятъ, чтобы пѣна была ключемъ и была чернаго цвета. Остудивши, отваръ процѣдываютъ и употребляютъ по несколькию рюмокъ въ день (Волог., Новгородск. и Орловск. гг.).

При переломахъ и ушибахъ, кроме захарскихъ пособій и домашнихъ растираній и всевозможныхъ примочекъ и припарокъ, — въ довольно большомъ ходу болѣе или менѣе сложныя мази, состоящія изъ деревянного масла, воска, мыла и свиного сала, изъ

¹⁾ Земляника, какъ заслуживающее вниманія народное средство, при многихъ заболѣваніяхъ желудка и кишечника и некоторыхъ другихъ общаго характера, не такъ давно была рекомендована проф. Васильевымъ. «Леченіе земляникой. Материалы къ діэто-терапіи». 1901 г.

такихъ веществъ, какъ яичная мука, росной ладанъ, яичный желтокъ или хлѣбная водка, камфора, нашатырь, селитра, деревянное масло и т. д. (Казанск. и Ярославск. гг.). Интересно, что, наряду съ тѣми или другими наружными иссобіями, въ этихъ случаяхъ употребляются иногда и внутреннія средства, напр., отварь дубовой коры, сокъ васильковъ или терновника (Новгородск., Вологодск., Орловск. и др. гг.).

Леченіе порѣзанныхъ, ушибленныхъ и др. ранъ исчерпывается примѣненіемъ средствъ, имѣющіхъ общее терапевтическое значеніе, по преимуществу, какъ мы видѣли это выше, травъ и растеній, въ порошкообразномъ видѣ, въ видѣ настоя на водкѣ, отвара въ водѣ или молокѣ и т. п. Для остановки кровотеченія при ранахъ, кроме разнаго рода ирисылокъ, всего чаще употребляется спиртовый лакъ, скипидаръ, перетягиваніе конечности выше мѣста раненія и иногда каленое желѣзо.

Отравленныя раны. Обычнымъ пріемомъ при укушеніи змѣй является перетягиваніе конечности выше мѣста укуса, довольно частымъ—искусственное вызываемое кровоточеніе изъ раны и изрѣдка—кровоисканіе.

Нерѣдко практикуется смазываніе того или другого вида ранъ острой водкой (*acid. sulfuricum*) и обычно—гарью изъ трубки, скипидаромъ и керосиномъ. Кроме отваровъ и прицарокъ изъ всевозможныхъ травъ, прикладыванія къ укушенному мѣсту толченаго чесноку или толченой мяты съ солью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаются примочки изъ воды, прокипяченной съ известью, и изъ отвара муравьевъ. Нѣкоторымъ травамъ, при внутреннемъ ихъ употребленіи, приписывается дѣйствіе, предупреждающее развитіе бѣщенства. Таковы щавель, молочай (*Erophobia procera* M. B.), цвѣты васильковъ, корень розы, дрокъ и соколій перелетъ (*Saponaria officinalis* L.).

Въ начальныхъ периодахъ разлитого воспаленія подкожной клѣтчатки въ рѣдкихъ случаяхъ прикладывается снѣгъ, иногда глина¹⁾ и чаще примочки изъ отваровъ различныхъ травъ, первый картофель, рѣпа и т. п. универсальныя средства, а также всевозможного рода припарки. При нарывахъ на иальцахъ иногда дѣлаются нѣчто въ родѣ мѣстной теплой ванны—«зavarиваются» его,

¹⁾ Д-ромъ Лукашевичемъ было предложено употребление белой скульптурной глины при переломномъ воспаленіи придатка яичка и Майзелемъ—въ начальныхъ периодахъ паренхиматознаго мастита («Врачъ» за 1884 и 1888 гг.).

погружая на короткое время въ горячую воду (Орловск. губ.). Къ вскрывшимся нарываемъ и чирьямъ, кромѣ печенаго лука, свиного сала, листьевъ растений и т. п. универсальныхъ средствъ, прикладываютъ самодѣльные пластыри изъ воска и деревяннаго масла, сѣры и мыла, такой же пластырь изъ свиного сала, еловой смолы и воска или изъ смѣси свиного сала, деревяннаго масла, мыла и воска (Ярославск., Казанск. и Орловск. гг.). Иногда при нарывахъ употребляется такой пластырь: головка луку жарится въ салѣ, сало процѣживается и смѣшивается съ ложкою сметаны, двумя ложками меду, двумя яичными бѣлками, ложкою деревяннаго масла и ложкою бѣлой муки. Изъ смѣси дѣлаются лепешки, которыя и прикладываются къ нарываемъ (Ярославск. г.). Въ Рязанской губ., при «волоснѣ», язвахъ и нарывахъ употребляется пластырь, состоящій изъ смѣси, по одной ложкѣ, деревяннаго, коровьяго и постнаго масла, желтаго мыла и желтаго воска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губ. различаютъ пластыри «вытяжной» и «затяжной». Первый приготавливается изъ льнянаго или коровьяго масла и еловой сѣры, а второй—изъ той же сѣры, сахару и воску. Иногда такие пластыри бываютъ очень сложны и приготавливаются изъ меду, воску, сала, мыла, подсолнечнаго масла, луку, деревяннаго масла, канифоли и тертыхъ картошекъ. Всѣ эти составные части берутся поровну, кладутся въ горшокъ и ставятся кипѣть на горяще угли (Балашовск. у. Саратовск. г.).

При костоѣдѣ, въ соединеніи съ сильной ломотой, употребляется иногда мазь изъ 1 фунта сала и 5 золотн. ртуты. Какъ при свищахъ, такъ и всякаго рода язвахъ очень нерѣдко примѣненіе растворовъ карболки, сулемы (бѣли) и известковой воды.

Весьма распространеннымъ средствомъ при рожѣ является присыпка изъ мѣла. Распространенность этого средства также обширна, какъ убѣжденіе въ томъ, что рожу нельзя «мочить». Довольно распространеннымъ средствомъ является также смазываніе рожистаго мѣста дегтемъ и прикладываніе глины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прикладываютъ при рожѣ траву «мокрецъ», обладающую способностью «вытягивать жарь», въ другихъ—цвѣты рожи (*Malva sylvestris L.*), присыпаютъ золою изъ журавлинаго горошка (*Lathyrus sylvestris L.*), промываютъ отваромъ душицы, коры вяза и прикладываютъ сѣрую пшеничную лепешку, замѣшанную на яичныхъ бѣлкахъ и деревянномъ маслѣ.

Бородавки смазываютъ острой водкой, гарью изъ трубки, сокомъ табачныхъ листьевъ, сокомъ чистотѣла и молочайника

(*Euphorbia L.*), а также сокомъ осиновыхъ дровъ, во время топки. Прикладываютъ къ нимъ также толченый лукъ съ солью, чеснокъ съ деревяннымъ масломъ, тертую траву дубровку (*Teucrium Chamaedrys L.*) и соколій перелеть, толченая сѣмена василька, мажутъ квасцами, толчеными съ травою маслянкою (*Ranunculus acris L.*), и смѣстью толченаго купороса, бѣлиль, нашатыря, камфоры и сулемы съ водкой. Довольно часто также бородавки выжигаются «горючей» сѣрой и нерѣдко прижигаются каленымъ желѣзомъ (Вологодск., Вятск., Костромск., Ярославск. и др. губ.).

При чрезмѣрномъ развитіи грануляції («дикое мясо») прикладывается толченая крапива съ солью, употребляется присыпка изъ толченаго жженаго купороса и примѣняется прижиганіе сѣрной кислотой.

Ракъ, кромъ сока чистотѣла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лечатъ свѣжимъ сокомъ ягодъ калины. Сокъ этотъ кипятится и смѣшиивается съ равнымъ количествомъ меда (Ярославск. г.).

Въ весьма большомъ употреблениіи при ожогахъ, кромѣ тертаго сырого картофеля, дрожжей, варенаго коноплянаго, льнянаго и др. масла,—рыбій жиръ, взбитый яичный бѣлокъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ, мѣломъ или порошкомъ квасцовъ. Въ довольно частомъ употреблениіи также мыло на тряпочкѣ, толченые листья капусты, смѣшанные съ яичнымъ бѣлкомъ или медомъ. Иногда примѣняется мазь, составленная изъ пережженыхъ квасцовъ и деревяннаго масла, при чёмъ квасцы и масло поджариваются на сковородѣ до консистенціи тѣста. Вмѣсто такой мази обливаютъ также обожженое мѣсто конопляннымъ масломъ и присыпаютъ сурокомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняется сода (Вологодск., Новгородск., Орловск., Пензенск. и Саратовск. гг.).

Весьма распространенная въ крестьянскихъ семьяхъ, какъ результатъ отсутствія чистоты, чесотка, кромѣ дегтя и керосина или ихъ смѣси, лечится мазями изъ дегтя, золы и свиного сала, дегтя съ порохомъ, смѣстью пороха со сметаной, сѣрного цвѣта или толченой горючей сѣры съ сливочнымъ и коровьимъ масломъ, иногда съ прибавленіемъ сюда же тертаго кирпича и купороса. Нерѣдко втираютъ въ больныя мѣста поваренную соль, мажутъ разведеннымъ въ водѣ сокомъ чистотѣла, обмываютъ больныя мѣста отваромъ чемерковаго корня (*Veratrum album L.*), а также отваромъ корня и листьевъ лопуха съ гороховой соломой (Вологод. и Орловск. гг.). Изъ всѣхъ этихъ средствъ очень дѣйствительной считается смѣсь изъ пороха, дегтя, поваренной соли и чистотѣла.

Весьма часто лечение всеми этими средствами соединяется съ банией, а иногда предпочтительно предъ нею, съ пареньемъ въ печи,¹⁾ при чёмъ вмѣсто вѣника иногда употребляютъ траву чистотѣль.

Для лечения экземы употребляютъ иногда мазь изъ разныхъ частей пороха и свѣжихъ сливокъ, лишиа трутъ порошкомъ сухого дождевика (*Lycoperdon Bovista L.*), мажутъ дрожжами, клюквеннымъ сокомъ, «глистинымъ» масломъ, натираютъ соленымъ медомъ, только что сорваннымъ съ дерева чернильнымъ орѣхомъ, сокомъ репейника и девясильнымъ корнемъ (Саратовск., Ярославск., и Новгородск. гг.).

Старинное средство при сифилисе—окуриваніе больного киноварью—нерѣдко примѣняется, какъ мы видѣли это выше, и въ настоящее время и иногда влечетъ за собою общее отравленіе и ведеть къ заболѣванію соединительной оболочки глазъ. Вмѣсто киновари иногда берется и чистая ртуть, золотникъ и болѣе на каждое подкуриваніе. Не менѣе окуриванія распространено внутреннее употребленіе сулемы. Она далеко не всегда дозируется, весьма часто соединяется съ настоемъ сассапарили и иногда съ другими лекарственными веществами, напримѣръ, крѣпкой водкой и мышьякомъ. Иногда на штофъ водки берется съ горошину сулемы, $\frac{1}{4}$ фун. сассапарильного корня, $\frac{1}{8}$ фун. корня лопуха и по 10 золотниковъ ревеня и солодковаго корня. Смѣсь настаивается 3 дня въ тепломъ мѣстѣ, въ крѣпко закупоренной бутылкѣ, процѣживается и употребляется, смотря по возрасту и степени болѣзни, отъ половины до одной рюмки, 2—3 раза въ день. Большой долженъ сидѣть дома, въ теплѣ, избѣгать кисло-соленой пищи, горячаго хлѣба и меда. Въ другихъ случаяхъ на штофъ водки берется одинъ золотникъ сулемы, $\frac{1}{2}$ золотника синяго купороса и одинъ золотникъ квасцовъ. Пріемъ—утромъ и вечеромъ по чашкѣ. Въ случаяхъ «застарѣлага» сифилиса деревенскими фармацевтами берется чайная ложка сулемы и всыпается въ небольшую склянку, съ $\frac{1}{2}$ рюмкой крѣпкой водки. Склянка закупоривается и заминается въ сырой хлѣбѣ, который садится въ печь. Когда хлѣбъ испечется, вынимаютъ пузырекъ и его содержимое разводятъ полу-штофомъ хлѣбной водки. Лекарство даютъ по полуложкѣ внутрь

¹⁾ Нѣкоторыми сотрудниками отмѣчается, что въ то же время одежда чесоточныхъ больныхъ не только никогда не подвергается дѣйствію высокой t^0 , но и простой чисткѣ.

и употребляют снаружи, для смазыванія сифилитическихъ язвъ (Казанск., Ярославск., Псковск., Рязанск. и Вологодск. гг.¹⁾).

Для леченія послѣднихъ чаше всего употребляется мазь изъ сулемы на коровьемъ маслѣ, а иногда приготавляется такая смѣсь: берется чайная ложка камфоры, 2 или 3 нашатыря, 2 или 3 столовыхъ ложки селитры, одна столовая ложка венеціанской яри (Cuprum aceticum), чайная ложка квасцовъ и двѣ ложки голландской сажи. Смѣсь тщательно растирается и хранится въ закупоренномъ сосудѣ, въ сухомъ мѣстѣ. При употребленіи 1 ложка смѣси стирается съ 1 ложкою сливокъ и пользуется славой очень хорошаго наружнаго противосифилитического средства (Пензенск. и Ярославск. гг.).

Изъ немеркуріальныхъ способовъ леченія сифилиса весьма распространено леченіе одной сассапарилью, такъ называемымъ «декоктомъ». Обыкновенная доза сассапарилии— $\frac{1}{4}$ ф. на штофъ или на $\frac{1}{4}$ ведра водки. Въ Череповецкомъ у. (Новгородск. г.) трава настаивается въ продолженіе 12 дней и настой употребляется по стаканчику передъ їдой, три раза въ день. Больной проводитъ время на печи, подъ тулурами и шубами, и старается какъ можно больше прѣть, чтобы болѣзнь «выходила потомъ», — въ другихъ же случаихъ усиленное потѣніе больного предшествуетъ употребленію сассапарилии (Пошехонск. у. Ярославск. г.). Кислаго и соленаго при этомъ осторегаются юсть до крайности и даже хлѣбъ їдятъ прѣсный, такъ что во все время леченія, дѣлающеся 3—4 недѣли, боль-

¹⁾ Въ Балашовскомъ у. (Саратовск. г.) знахарь Половниковъ береть 4 шакалика острой водки, кладеть 3 золотника ртути, 2 золотника «окура» и послѣ того, какъ ртуть растворится, опускаеть въ пузырекъ кусочекъ сулемы съ ячменное зерно, взбалтываетъ и выливаетъ смѣсь въ бутылку съ водкой. Составъ этотъ даетъ пить три раза въ день, по чайной ложкѣ. Знахарка того же ўѣзда Кашкина на четверть воды кладеть золотникъ сулемы и фунтъ меду, мѣшаеть, выливаетъ составъ въ горшокъ и, поставивъ въ печку, кипятить его семь разъ, то и дѣло, вынимая изъ печи, чтобы не убѣжалъ черезъ край. Составъ этотъ даетъ пить три раза въ день, по одной ложкѣ. Второй ея рецептъ: на бутылку водки кладеть $\frac{1}{2}$ фун. медовыхъ стручковъ и $\frac{1}{4}$ золотника сулемы, затыкаеть бутылку пробкой, ставить въ большой горшокъ, засыпаетъ просомъ или рожью и, поставивъ въ печь, «томить» лекарство три дня, вынимая только во время топки печи. Доза: одна рюмка предъ принятиемъ пищи. Третій рецептъ Кашкиной: въ полшикалика острой водки вливается $\frac{1}{2}$ золоти, ртути и опускаются пять швейныхъ иголокъ. Растворъ выливается въ бутылку вина и ставится на сутки въ теплое мѣсто. Лекарство принимается 4 раза въ день, по чайной ложкѣ. Эти составы, кромѣ сифилиса, употребляются при многихъ другихъ болѣзняхъ и имѣютъ чуть ли не универсальное значеніе.

ной и полуходенъ, и полулыжнъ. Иногда крѣость настоя и величина приема стоять въ зависимости отъ степени развитія болѣзни. Въ свѣжихъ случаяхъ берутъ обыкновенную дозу— $\frac{1}{4}$ ф. травы на $\frac{1}{4}$ вед. воды или водки, настаиваютъ на солнцѣ или парятъ, въ теченіе сутокъ, въ печи и пьютъ по 3 рюмки въ день, — въ случаяхъ же «застарѣлаго» сифилиса на $\frac{1}{2}$ вед. воды или водки берутъ 1 ф. травы и пьютъ уже чайными чашками, но 3 раза въ день. Воздержаніе отъ кислаго и соленаго также обязательно. Послѣ лечения не їдять свиного мяса, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, квасу и браги (Чембарск. у. Пензенск. г.).

При трипперѣ растираютъ паха коноплянымъ масломъ, пьютъ отваръ конопляного сѣмени, подсолнечника, портулака (*Portulaca oleracea L.*), петрушки, травы медвѣжьи ушки (*Verbascum Thapsus L.*), коры вяза, сыворотку, дегтярную воду, толченый перецъ съ молокомъ изъ конопляныхъ сѣмянъ, принимаютъ полевой хвошъ въ порошкѣ и отварѣ и измельченныя, сушеные ягоды шиповника (Орловск. и Ярославск. гг.).

Какъ глазная примочка при гноетеченіи изъ глазъ, глазной ломотѣ и пр. почти повсемѣстно употребляется настой цвѣтовъ чесноки. Весьма часто употребляется также настой чая, цвѣтовъ шиповника и молодыхъ березовыхъ листьевъ. Съ той же цѣлью употребляется настой гвоздики на горячей водѣ, растворъ вишневаго клея и сахарная вода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для примочки употребляютъ воду, въ которой гасятъ ладанъ, зажигая и погружая его въ эту воду до 30 разъ. Какъ глазные капли, употребляется сокъ репейника (Саратовск. г.), деревянное масло, водка, камфорный спиртъ, мыльная вода и вода съ переженнной солью. При трахомѣ растираютъ глаза листкомъ хмѣля и кладутъ потомъ холодные примочки, смазываютъ растворомъ крымы (Zincum sulfuricum) въ винѣ или водѣ, или примѣняютъ мѣдный куиоросъ. Иногда небольшое количество его, съ нѣсколькоими каплями воды, прибавляется къ мелко изрубленному, сваренному бѣлку, смѣсь завертывается въ тряпку, выжимается и полученою жидкостью смазываются глаза (Новгородск. г.). Подобнымъ же образомъ примѣняются квасцы. Они растираются съ бѣлкомъ свѣжаго курина яича и полученная масса, въ чистой тряпочкѣ, привязывается на ночь къ глазамъ (Ярославск. г.). При бѣльмахъ вводятъ въ соединительную оболочку глазъ мелко истолченный грифель, имбирь, свинцовыи сахаръ и соль (Орловск. г.). Въ видѣ глазной мази, главнымъ образомъ, при бѣльмахъ, употребляется слѣдующая смѣсь: по 3 золотника камфоры и нашатыря и 6 золотн. извести настаиваются, въ

продолжение 6 дней, въ тепломъ мѣстѣ, на бутылкѣ воды и процѣджаются сквозь тряпку, при чемъ оставшаяся нерастворенной камфора выбрасывается. Часть этой жидкости смѣшивается пополамъ съ деревяннымъ масломъ и впускается въ глаза (Новгородск. г.).

При отсутствіи регуль пьютъ настой душицы, романы (*Anthemis tinctoria* L.), розмарина, шафрана (*Crocus sativus* L.), чернобыльника, перьевъ лука и луковой шелухи (Казанска., Волог. и Орловск. гг.). Какъ средство, возстановляющее регулы, употребляется также отваръ чистотѣла, а какъ сообщающее имъ правильность—попутниковое сѣмя (*Semen Plantaginis*), съ виномъ, принимаемое натощакъ (Ярославск. и Новгородск. гг.). При обильныхъ менструаціяхъ и маточныхъ кровотеченіяхъ пьютъ настой золототысячника, подорожника, звѣробоя, аниса, травы «синюхи» (васильковъ), крапивного корня (Тульск., Вятск. и Волог. гг.), корня земляники, свареннаго въ винѣ, настой на винѣ дикой рябины, калгана, сокъ портулака, рѣдкіи, отваръ полевого хвоца, травы соколій перелетъ, тыквенныхъ сѣмянъ и бѣлаго донника (*Melilotus alba* Desf.). Отъ бѣлей пьютъ настой на водкѣ рябиновой коры, травы матренки (*Achillea Millefolium* L.), цветковъ сирени, одуванчика, повилики (*Galium Aparine* L.), а при опусканіи и выпаденіи матки—отваръ корня крапивы и травы тягунъ (Орловск., Вологод. и Новгородск. гг.). При бѣляхъ употребляется также такое средство: 10 фун. пшена обливаютъ двумя бутылками кипятка, черезъ 10 мин. процѣджаютъ и полученную жидкость пьютъ по 2 стакана въ день (Ярославск. г.). При тяжелыхъ родахъ и слабости родовыхъ потугъ распространеннымъ средствомъ является спорынья, настой на водѣ или водкѣ лугового прострѣла (*Anemone pratensis* L.), сокъ петрушеки и отваръ чернобыльника.

Весьма распространеннымъ является также употребленіе родильницей водки съ калганомъ, равно, при всевозможныхъ боляхъ внизу живота у женщинъ, употребленіе киндеръ-бальзами (подъемныя капли).

Почти повсюду больнымъ дѣтямъ, независимо отъ рода заболеванія, въ цѣляхъ успокоить ребенка и вызвать сонъ, даютъ пить отваръ мака въ молокѣ. Часто средство это даютъ и совершенно здоровымъ дѣтямъ для сна, когда матери нужно заняться какой-либо работой или отлучиться изъ дома (Псковск., Смоленск., Вологодск. и Новгород. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Городищен. у. Пензенск. г.), при «ребячнемъ крикѣ» и безсонницахъ, поять дѣтей молочнымъ отваромъ зяблицы (*Thalictrum aquilegifolium* L.), а при коклюшѣ отваромъ «попутника». При дѣтскихъ поносахъ всего

Женскія и
дѣтскія
болѣзни.

чаще дается «церковное» вино и отварь черемуховыхъ ягодъ, а при кашлѣ настой солодковаго корня.

Отъ золотухи даютъ иногда киноварь, а при «родимцѣ» поять отваромъ «саложника» (*Eriolobium angustifolium* L.). При оспѣ струпья мажутъ мазью изъ яица въ смятку и коровьяго масла, примачиваютъ отваромъ коры вяза, а ротъ полощутъ отваромъ толченаго хрѣна (Вятск., Новгородск., Вологодск. и Смоленск. гг.). Молочница у дѣтей всего чаще лечится обтираниемъ полости рта хлѣбной водкой, а иногда она дается при молочнице и внутрь (Ярослав. г.).

Перечисленный рядъ средствъ далеко не исчерпываетъ всей эмпирической медицины народа. Всльдѣствіе, главнымъ образомъ, недостаточности медицинскихъ и ботаническихъ познаній нашихъ сотрудниковъ, сюда вошли только относительно небольшая часть тѣхъ эмпирическихъ средствъ, которая имѣютъ примѣненіе и распространеніе въ народѣ. Собрano и перечислено здѣсь почти исключительно только то, что непосредственно и тѣсно связано съ бытомъ народа, наиболѣе вошло въ общее употребленіе и составляетъ, главнымъ образомъ, домашнюю эмпирическую и только отчасти зонарскую медицину народа. Преслѣдуя, по преимуществу, выясненіе бытовыхъ вопросовъ и избѣгая въ своей работе компилиативности, мы сочли неотвѣщающимъ нашей задачѣ пополненіе недостающаго въ нашихъ сообщеніяхъ материала на счетъ печатныхъ и уже известныхъ источниковъ. По этой же причинѣ, чтобы не сдѣлать еще болѣе тяжеловѣсной и безъ того не легко читаемую книгу, мы избѣгли и обычныхъ ссылокъ на литературу и совсѣмъ не коснулись фармакологической стороны дѣла: всѣ такія примѣчанія и добавки были бы излишни для специалистовъ и совершенно не нужны для обыкновенныхъ читателей¹⁾.

Наша народная эмпирическая медицина, какъ и родная лекарственная flora, кромѣ немногихъ, заимствованныхъ изъ ия и научно изученныхъ средствъ, представляютъ пока еще только сырой материалъ, который ждетъ тщательного изслѣдованія и специального научного изученія.

¹⁾ Умалчивая о старыхъ и многихъ новыхъ авторахъ, мы не можемъ не отметить работу по народной медицине д-ра В. Ф. Демича (*Literarische Studien über die wichtigsten Volksheilmittel aus dem Pflanzenreiche*. Diss. Dorpat. 1888. Очерки народной медицины. Акушерство. «Врачъ», 1889 г. Гинекология у народа. «Медицина», 1889 г. Педіатрія у русского народа. «Вѣстникъ Обществ. Гигиены», 1891 г. Лихорадочныхъ заболѣваній и ихъ лечение у народа. Тотъ же журн., 1894 г. Д-ру же Демичу принадлежитъ статья о народной медицине въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза-Эфрона). Этими убѣждеными и обстоятельными работами нельзя не пожелать большаго распространенія, въ особенности среди нашихъ земскихъ врачей.

Взглядъ на-
рода на дѣто-
рожденіе и
безплодіе.
Предотвра-
щеніе бере-
менности,
плодоизгнаніе
и выкидыши.

XI. Роды.

Дѣти составляютъ благословеніе Божіе и выражаютъ собою присутствіе Св. Духа въ семье, они ея опора и счастье: таковъ преобладающій взглядъ народа на дѣтей. Сообщая внутреннюю крѣпость семейному началу, взглядъ этотъ заключаетъ въ себѣ не одно только инстинктивное стремленіе къ продолженію рода, но и сознаніе того значенія, какое имѣеть, въ смѣнѣ поколѣній, преемственность труда. Народное понятіе «исполнить законъ»—значить, не только выполнить физиологическое назначеніе человѣка, но и получить определенный и полный импульсъ къ жизненному труду и найти вполнѣ ясную для него цѣль: трудиться для дѣтей, какъ своихъ будущихъ преемниковъ. Потому-то холостякъ въ народныхъ понятіяхъ, хотя бы и достаточный, — это бобыль, бездомовникъ, сирота до старости и, во многихъ отношеніяхъ, человѣкъ далеко неравноправный съ другими. Потому же надежда на помощь въ трудѣ и на его дальнѣйшее продолженіе, въ лицѣ дѣтей, заставляетъ крестьянина обыкновенно желать, прежде всего, сына-работника, а не дочь-пустодомку.—«Смотри, рожай парня, а не дѣвку», — шутливо «наказываетъ» мужъ своей, въ первый разъ беременной женѣ. — «Дочь, что? — размышляетъ почти каждый: корми ее, не корми, она все не твоя и, рано или поздно, со двора уйдетъ». Нерѣдко мужикъ, даже страстно желающій имѣть дѣтей, если баба ему «не угодитъ» и вместо ожидаемаго мальчика родить дѣвочку, не можетъ ее видѣть на первыхъ порахъ или удѣлять ей лишь самое незначительное вниманіе. На дѣвочекъ крестьянинъ смотритъ снисходительнѣе обыкновенно линъ тогда, когда онъ родится послѣ одного или нѣсколькихъ мальчиковъ.

Съ точки зре́нія этого взгляда, если только семья достаточно богата, является желательнымъ даже обиліе и избытокъ дѣтей.— «Подавай Богъ, кормить есть чѣмъ, на всѣхъ хватить»,— говорять крестьяне. Народными возврѣніями ограничивается лишь плодовитость бѣдныхъ семей, лишенныхъ материальной возможности вскормить и возрастить дѣтей, когда появленіе новаго рта составляетъ дѣйствительную обузу и тягость семьи. «Наживать ребять умѣете, а кормить такъ нѣть вѣсъ»,— укоряютъ семейные рожающую часто женщину.— «Вотъ, жратъ нечего самимъ, а она, какъ кошка, плодитъ»,— порицаютъ такую женщину посторонніе.

Но совершенное безплодіе есть уже несчастье семьи не только богатой, но и бѣдной. Оно является выраженіемъ гнѣва Божія и кары за грѣхи мужа и жены или ихъ отцовъ и оттого-то богоомолье и обѣты считаются такими могущественными средствами противъ бесплодія. Подобный же взглядъ существуетъ и на выкидыши. Кромѣ тяжелыхъ подъемовъ и работы, паденій, ушибовъ, побоевъ мужа, порчи, оговора, тѣхъ случаевъ, когда беременную ночью «домовой подавить» и т. п., выкидыши приписываются такимъ прегрѣщеніямъ матери, какъ несоблюденіе постовъ, нерадивость въ молитвѣ, невѣрность мужу, совокупленіе съ нимъ подъ праздникъ, и требуютъ для своего предупрежденія, главнымъ образомъ, примѣненія также религіозныхъ средствъ. Чтобы доносить и родить во время, весьма распространеннымъ является поэтому обычай пріобщаться во время беременности Св. Таинъ. Почти всегда выкидыши, подобно совершенному бесплодію, ведутъ къ раздорамъ въ семье и составляютъ истинное несчастье женщины. «Что это только за народъ молодой пошелъ? — негодуетъ старики на выкидывающую сноху:— глядѣть на тебя—баба ты чистый кабанъ, а родить по-людски не можешь. Тебя, этакую лошадь, нарочно и выбрали, чтобы видна работа была отъ тебя да чтобы ты дѣтей рожала хорошихъ, здоровыхъ, а ты что? пихонуть тебя только».— «И что это ты? — пилитъ, въ свою очередь, сноху свекровь, — съ чего вздумала скинуть? Работой тебя никто не загонялъ и зашибаться тебѣ было негдѣ. И что это такое, съ чего скидывать зачала? Чудное дѣло!»

Предотвращеніе беременности, намѣренные выкидыши и плодоизгнаніе почти исключительно практикуются деревенскими дѣвшушками, вдовами и солдатками, забеременѣвшими въ отсутствіе своихъ мужей и лишь крайне рѣдко замужними. Для этого, въ сувѣрныхъ цѣляхъ, пьютъ свое «временное», собираютъ вмѣстѣ съ

мочей кровь мѣсячныхъ очищений съ земли или со снѣгу, моютъ рубахи послѣ мѣсячного и воду льють въ банѣ, на полокъ, или собираютъ въ бутылку и зарываютъ ее въ землю, иногда, непремѣнно, подъ печной столбъ. Пока бутылка въ землѣ, какъ бы дѣвка не вѣшалась на шею парнямъ, ни за что не «забрюхатѣтъ». Если она выйдетъ замужъ и захочетъ имѣть дѣтей, то стоитъ только бутылку эту вырыть и разбить: тогда пойдутъ и дѣти (Орловск. г. и у., Нижнеломовск. и Инсарск. уу. Пензенск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.). Съ той же цѣлью, въ банѣ, бросаются въ жаръ сорочку съ первой ночи, вырѣзываютъ изъ рубашки пятна отъ мѣсячныхъ очищений, сжигаютъ ихъ и пепель разводятъ въ водѣ и пьютъ. Особенно вѣрно дѣйствуетъ это средство, когда оно принимается въ церкви, во время пѣнія херувимской (Вязниковск. у. Владимірск. г., Саранск. у. Пензенск. г.). Новобрачные навсегда избѣгаютъ беременности тѣмъ, что, будто не нарочно, гасятъ свѣчи во время вѣнчанія, въ церкви, со словами: «огня нѣтъ—и дѣтей нѣтъ» (Никольск. у. Вологодск. г.). Съ цѣлью не забеременѣть, щдятъ также съ хлѣбомъ шерсть яловой коровы или овцы, чудесныя и уже известныя намъ ягоды «воронецъ», пьютъ воду, въ которой были обмыты куриныя яичка, или собранную изъ 40 различныхъ ключей (Калужск. г. и у., Тихвинск. у. Новгор. г., Орловск. у. Вятск. г., Вязниковск. у. Владимірск. г.), а иногда берутъ черную курицу и въ полночь обходятъ съ нею вокругъ осинового кола, вбитаго по серединѣ двора (Краснослободск. у. Пензен. г.).

Для производства выкидыша, въ очень большомъ ходу различные механические пріемы. Что бы «выжить» ребенка, дѣвки перетягиваютъ животъ полотенцами, веревками, поперечниками отъ конской сбруи, мнуть и давять «нутро», кладутъ на животъ большую тяжесть, ставятъ горшки, бьютъ по нему кулаками, скалками, вальками и т. п., а иногда наваливаются животомъ на тупой конецъ кола, упирая острый въ землю. Подниманіе непосильныхъ тяжестей, прыганіе съ высокой лѣстницы, съновала, перескакивание черезъ бочку или высокую изгородь—все это не менѣе часто практикующіеся пріемы. Изъ внутреннихъ средствъ наиболѣе распространеннымъ является питье пороха, селитры, керосина, фосфорныхъ спичекъ, спорыни, сулемы, киновари, мышьяку, крѣпкой водки и глотаніе «живой» ртути.

Употребленіе этихъ средствъ, въ особенности, чаще всего фосфорныхъ спичекъ, нерѣдко влечетъ за собою смерть. Изъ другихъ,

болѣе невинныхъ средствъ, въ употребленіи питье отвара луковыхъ нерьевъ, настоя корицы въ винѣ, толченаго сургуча съ водой, щелока и пр. Ідята также, съ цѣлью выкидыша, сѣру, янтарное мыло, принимаютъ мелко истолченное стекло въ водѣ и песокъ, который образуется, при оттачиваніи желѣзныхъ или стальныхъ инструментовъ, на точилѣ или брусье. Интересно, что послѣднее средство не рѣдко дается съ одинаковой же цѣлью и кобыламъ¹⁾. Нѣкоторыя стараются «заставить кровь» и ходятъ по снѣгу босикомъ, а другія, безъ успѣха или съ успѣхомъ, иногда гибельнымъ для жизни беременныхъ, прибегаютъ къ другимъ тайнымъ средствамъ, тщательно скрываемымъ знахарками. На вопросъ, что онѣ даютъ?—бабы обыкновенно уклончиво отвѣчаютъ:—«а кто ихъ вѣдаетъ? должно быть, порохъ какой-нибудь».—Между повитухами-знахарками случаются и такія специалистки, что при нихъ у законныхъ женъ дѣти рожаются живыми, а беременныя отъ незаконныхъ сожительствъ рожаютъ мертвыхъ дѣтей (Новоладожск. у. С.-Петербург. г.). Кое-гдѣ, для предотвращенія беременности, начинаютъ уже примѣняться и современные «культурные» средства. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пензенск. г. (Чембарской и Инсарск. уу.) въ ходу уже стеклянныя спринцовки, при помощи которыхъ производится спринцованіе влагалища, послѣ совокупленія, слабымъ растворомъ уксусной эссенціи.—«Да что про насъ и говорить,—оправдываются такія бабы, коли барыни-то вани то же дѣлаютъ. Нонѣ и богачихи-то не много родятъ,—вотъ, и спросите ихъ, отчего это? (Шуйск. у. Владим. г.).

Большинство крестьянъ, особенно пожилыхъ, смотрятъ на плодоизгнаніе съ отвращеніемъ, считаютъ его тяжкимъ грѣхомъ, а многие видятъ въ немъ «распуть» молодого поколѣнія.—«Пошло такое развратство, что Господи упаси»,—говорятъ они о молодыхъ бабахъ и дѣвушкахъ, прибегающихъ къ выкидышамъ. Почти всегда—это душегубство и лишь изрѣдка—«что чортомъ дано, то чорту и отдано» (Саранск. у. Пензенск. г.). Деревенское общественное мнѣніе чрезвычайно строго относится къ дѣвушкамъ, замѣченнымъ въ этомъ преступкѣ. Ихъ обзываютъ замужествомъ и гораздо болѣе шансовъ выйти

¹⁾ Черепов. и Тихвинск. уу. Новгород. г., Новоладож. у. С.-Петербург. г., Грязов. у. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костр. г., Спасск. у. Казанск. г., Калужск., Медынск., Масальск. и Менцов. уу. Калужск. г., Городиц., Инсарск. и Красносlob. уу. Пензен. г., Пощеконск. у. Ярослав. г., Орловск., Болховск. и Каравчевск. уу. Орловск. г., Мценковск. у. Владимірск. г., Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Вяземск. у. Смолен. г. и др.

замужъ имѣть дѣвка, явно родившая, чѣмъ та, о которой известно, что она произвела выкидыши. Особенно враждебно и неодобрительно относятся къ лицамъ, занимающимся плодоизгнаніемъ и производствомъ выкидышей, какъ ремесломъ. Часто—это самые «послѣдніе», подлые люди, даже убить которыхъ не будетъ грѣха, а все равно, что изъ огорода вырвать вонь дурную траву (Орловск. у. Вятск. г., Шуйск. у. Владим. г., Дорогобуж. и Вяземск. уу. Смолен. г.).

Существуютъ многочисленныя примѣты, указывающія на предстоящую беременность, оберегающія ребенка во время ея, опредѣляющія его полъ и т. п. Если у женщины, при надѣваніи платья, подоль окажется завороченнымъ, то она въ этомъ году непремѣнно родить сына или дочь. То же случится, если жена наступить на мужинны штаны, если у ней будетъ чесаться въ ушахъ или во снѣ ей привидятся журавли. Забеременѣвъ, она не должна толкать ногой собакъ, кошекъ или свиней, такъ какъ у ней заболять ноги и спина, и не должна переступать черезъ коромысло—иначе сдѣлаются на ногахъ нарывы. Если беременная увидитъ падаль и плюнетъ, то у новорожденного будетъ пахнуть изо рта, а если она смотрить на пожаръ и почешется, то на соответственному мѣстѣ у ребенка появится темное пятно, вродѣ обожженаго. Такое же пятно будетъ у ребенка и въ томъ случаѣ, если беременная чего-нибудь испугается и схватится за свое лицо рукой или что-нибудь украдетъ: тогда родимое пятно у ребенка, своей формой, будетъ напоминать украденную вещь. То же случится, если беременная перейдетъ дорогу, когда несутъ покойника: тогда пятно образуется оттого, что у ребенка «запечется кровь». Если беременная испугается волка, то щеки или какая-нибудь другая часть поверхности тѣла ребенка обрастутъ волчьеи шерстью. Беременной нельзя смотрѣть на уродовъ и пристально всматриваться въ слѣдныхъ: недостатки эти могутъ передаться плоду. Она не можетъ положить куска хлѣба за пазуху, иначе ребенокъ вырастетъ «невѣжью», не должна шить по праздникамъ — иначе зашить младенцу глаза или ротъ, и онъ родится слѣпымъ или немымъ. Въ праздники она также не должна чесать своей головы, такъ какъ ребенокъ будетъ винивымъ, и не можетъ этого дѣлать и по пятницамъ—будутъ тяжелы роды. Она не можетъ чистить сажу въ трубѣ, иначе ребенокъ будетъ страдать удушиемъ, и носить щепокъ въ фартукѣ, такъ какъ отъ этого у ребенка будетъ кила. Если беременная переступить черезъ возки или канатъ, то ребенокъ можетъ запутаться въ канатахъ и «задушиться», если она напьется воды прямо изъ ведра, ребенокъ будетъ мучиться изжогой, а если выплеснетъ

Періодъ бе-
ременностіи.
Примѣты.

Профилактика
беременныхъ
и уходъ за
ними.

воду черезъ порогъ—ребенокъ будетъ страдать рвотой. Какъ это не удивительно, поведеніе беременной можетъ оказать вліяніе не только на плодъ и на теченіе беременности, но даже на окружающей міръ и постороннихъ. Если только беременная перейдетъ кому-либо дорогу, на того непремѣнно «нападутъ» чирии. Если она переступитъ черезъ сѣдо или хомутъ, станетъ очень тяжело лошади, а если будетъ присутствовать при чисткѣ колодца, вода въ немъ сдѣляется «дурной¹⁾».

Если у беременной бабы «пуза» острая—она носить мальчика, а если широкая пуга—родить дѣвочку (Волог. г. и у., Калужск. г. и у., Орловск. г. и у.). Почти всегда животъ маленький и прямой указываетъ на рожденіе мальчика, широкій и неправильный—дѣвочки, а раздваивающійся—двойней. Выдается у беременной правый бокъ—она родить мальчика, левый—дѣвочку. Беременная съ чистымъ и румянымъ лицомъ родить мальчика, а съ лицомъ пятнами—дѣвочку. Худое и тощее лицо беременной также указываетъ на рожденіе мальчика, а полное и одутловатое—дѣвочки. Бѣлые соски матери указываютъ на беременность мальчикомъ, а темные—дѣвочкой. Женщина, предпочитающая во время беременности селедку, беременна мальчикомъ, а предпочитающая свеклу, рѣдкую—беременна дѣвочкой (Орловск. и Караб. уу. Орл. г., Черепов. у. Новгор. г., Сычевск. у. Смоленск. г.).

До извѣстной степени можно даже повлиять на полъ будущаго ребенка. Для этого слѣдуетъ во время совокупленія класть подъ голову шапку, а еще вѣрнѣе—надѣвать ее, во время супружескаго акта, на голову мужу или повязывать его бабымъ платкомъ. Въ первомъ случаѣ произойдетъ мальчикъ, а во второмъ дѣвочка (Орлов. г. и у.). Вопросъ о томъ, кого можетъ родить женщина—мальчика или дѣвочку—занимаетъ и сосѣдей, и они также нерѣдко стараются решить его по наружному виду беременной. Вообще, беременность женщины, несмотря на частоту этого явленія, при скучности деревенскихъ общественныхъ интересовъ, составляетъ своего рода событие въ деревнѣ. Какъ только беременность становится замѣтна, такъ начинаютъ толковать объ этомъ всѣ и сообщать другъ другу, что такая-то сдѣлалась брюхата, «забрюхатѣла», «понесла», «стала тяжела» или ходить на «сносяхъ». При встрѣчѣ мужики съ ней шутятъ на счетъ ея поло-

¹⁾ Ветлужск. у. Костромск. г., Порховск. у. Псковск. г., Данилов., Любим., Р.-Борисогл. и Попехонск. уу. Яросл. г., Нижнеломовск. и Керенск. уу. Пензенск. г. и др.

женія, за глаза втихомолку посмѣиваются, что она не скоро ходить и не ловко поворачивается, а бабы, изъ любопытства, частенько забѣгаютъ къ беременной, освѣдомляются объ ея здоровьѣ, подаютъ различные совѣты и нерѣдко предлагаютъ ей «гостинца».

Положеніе женщины во время беременности зависитъ отъ взгляда въ это состояніе въ различныхъ частяхъ крестьянской среды, степени достатка извѣстной семьи и ея взаимнаго согласія, количества рабочихъ рукъ, личныхъ качествъ самой беременной и др. условій, изъ которыхъ слагается деревенская жизнь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, положеніе это, безспорно, хорошее. Весьма нерѣдко у мужа и домашнихъ является сознаніе, что беременную надо «поберечи». Часто и сердитый мужъ перестаетъ учить бабу стречками и пинками, семейные начинаютъ относиться къ ней снисходительнѣе, жалѣютъ, не упрекаютъ, когда она вздумаетъ пріотдохнуть за работой, стараются не сердить, не бранить, избавляютъ отъ тяжелыхъ работъ и, въ особенности, наблюдаютъ, чтобы она какъ-нибудь не «встряхнулась» и не была «зашиблена». Свекръ и свекровь въ другое время и прикинули бы на невѣстку, щипнули, а то и толкнули бы, при беременности же, наоборотъ, нерѣдко сдерживаютъ въ работѣ и то и дѣло предлашаютъ ей отдохнуть, а если та отказывается и продолжаетъ по прежнему работать, придумываютъ такое дѣло, гдѣ беременная можетъ не такъ сильно утомляться. Вотъ почему иногда приходится видѣть беременныхъ за исполненіемъ какой-нибудь дѣтской работы. Въ состоятельныхъ и согласныхъ семьяхъ не рѣдкость встрѣтить, что беременную прикармливаютъ, давая ей отдельно отъ другихъ болѣе вкусную, питательную и удобоваримую пищу. Начинаясь обыкновенно съ того времени, какъ бѣременность станетъ замѣтна, заботливость эта, по мѣрѣ приближенія къ моменту наступленія родовъ, все болѣе увеличивается и въ послѣднее передъ родами время всѣ работы, требующія напряженія и большихъ усилий, въ особенности подниманіе тяжестей, исполняются, взамѣнъ беременной, не только домашними и мужемъ беременной, но и болѣе отдаленными родственниками изъ другихъ домовъ деревни и дажесосѣдями. Въ нѣкоторыхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, къ беременной проявляется даже общественное вниманіе и ей дѣлается облегченіе въ общественныхъ работахъ (Смоленск. г. и у.). При благопріятныхъ домашнихъ условіяхъ, освобожденіе беременной отъ всѣхъ работъ, даже легкихъ, происходитъ иногда недѣли за $1\frac{1}{2}$ —2 или, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько дней до родовъ. Желанія беременной исполняются безпрекословно.

Принимаются во внимание странности, брезгливость и прихоти беременной. Если ей захочется съесть что-нибудь особенное, покупают без разговоровъ: это она желаетъ «съ брюшкомъ», «животомъ захотѣла», оттого, что ее «неребираетъ на молодое». Иногда отказать въ такой прихоти беременной считаютъ даже за грѣхъ, такъ какъ этого требуетъ «душа младенца» (Саранск. у. Пензенск. г., Смоленск. г. и у., Орловск. г. и у., Шуйск. у. Владим. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужья избѣгаютъ во второй половинѣ беременности имѣть съ женой половыя сношенія, такъ какъ въ это время «ангелъ приносить младенческую душу и вкладываетъ ее въ зародившагося ребенка» (Ростовск. у. Яросл. губ.). Такое предупредительное и гуманное отношение къ беременной проявляется въ состоятельныхъ и согласныхъ семьяхъ, по преимуществу богобоязненныхъ, гдѣ въ болѣшей степени сохранилась человѣчность взглядовъ и мягкость взаимныхъ отношеній¹⁾. Въ этомъ, болѣе или менѣе человѣчномъ отношении къ беременной и заключается, въ сущности, весь уходъ за ней въ деревнѣ. Изъ лечебно-гигиеническихъ пріемовъ практикуется только усиленное и болѣе частое паренѣе въ баняхъ и печахъ и «правленіе» животовъ беременныхъ бабками: онѣ «стираютъ» животъ и «оправляютъ» младенца.

Въ семьяхъ малосостоятельныхъ и бѣдныхъ или такихъ, гдѣ рука немнога и, въ особенности, гдѣ беременная является единственной работницей, она часто работает до самыхъ родовъ и нерѣдко самое наступленіе родовыхъ болей застаетъ ее за самой работой. Весьма часто до обѣда женщина работаетъ, а послѣ обѣда родить. Иногда баба спѣшишь мѣсить хлѣбъ и силится поставить кадушку съ тѣстомъ на печь и вдругъ почувствуетъ, что вмѣстѣ съ кадушкой ей и самой нужно лѣзть туда-же, чтобы разрѣшиться отъ бремени. Кромѣ исполненія работъ по дому, беременная часто бываетъ вынуждена до самого послѣдняго часа работать и въ полѣ: вязать на житівѣ рожь и овѣсть, сгребать сѣно, молотить и, нерѣдко, и жать. Вотъ почему довольно часты въ деревнѣ случаи, что женщина родитъ, едва успѣвъ прийти съ работы, а то и за самой работой, на дворѣ, во время доїки коровъ, во время посполѣбы на огородѣ, на рѣчкѣ, во время мытья бѣлья, на сѣнокосѣ,

1) Никольск., Тотемскій и Сольвычег. уу. Вологодск. г., Котельнич. у. Вятск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Порхов. у. Исковск. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Скоп. и Зарайск. уу. Рязанск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Борисоглѣб. у. Тамбовск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.

въ полѣ, на полосѣ, подъ суслономъ, въ лѣсу, въ дорогѣ, а фабричныя на фабрикахъ¹). Кромѣ весьма частой необходимости работать во чтобы то ни стало, одна изъ причинъ указанного явленія лежитъ также въ распространенному мнѣнію, осуждающемъ «барыню» и «нѣженку», неспособную работать передъ родами.—«Деревенской бабѣ неколи барствовать и баловаться, а надо работать», — вотъ прочно сложившееся мнѣніе въ деревнѣ. Крестьянинъ смотритъ на жену, прежде всего, какъ на работницу, и часто она и приобрѣтается въ семьѣ изъ-за лишнихъ рукъ и потому отъ работы ее не можетъ избавить даже беременность. Играетъ часто роль и грубое, иногда замѣчательно безучастное отношеніе къ беременнымъ со стороны нѣкоторой части крестьянства.—«Да что сдѣлается отъ родовъ бабѣ? Хоть корова вырасти у ней въ пузѣ и та выскочить», — уверяютъ иногда грубые деревенскіе шутники. Даже избіеніе мужьями женъ «на сносяхъ»—явленіе далеко не исключительное въ деревнѣ.

Но, безспорно, едва ли не самая главная причина неожиданныхъ и спѣшныхъ родовъ, а отчасти и самой трудности ноложенія беременной заключается въ суевѣрной увѣренности, что беременность и въ особенности моментъ наступленія родовъ должны быть скрыты до самой послѣдней возможности. Беременную могутъ сглазить, испортить, оговорить, а самые роды будутъ тѣмъ мучительнѣе и труднѣе, чѣмъ больше народа будетъ знать о нихъ. Скрытность эта достигаетъ иногда такихъ предѣловъ, что жены не сообщаютъ о беременности даже своимъ мужьямъ, и семейные, не зная о ней, на первыхъ порахъ, въ особенности, если дѣло касается молодухъ, продолжаютъ возлагать на нихъ тѣ же работы, которыя они несли до беременности. Самое наступленіе родовъ часто скрывается до самой послѣдней критической минуты и лишь тогда только сообщается объ этомъ кому-нибудь изъ самыхъ близкихъ въ семье²).—«Оборони Богъ, если кто спознаеть, что баба

¹⁾ Въ послѣднее время на большинствѣ фабрикъ производится осмотръ работающихъ женщинъ и освобожденіе беременныхъ отъ работы, съ выдачей небольшого пособія.

²⁾ Бѣлозерск., Тихвинск. и Черепов. уу. Новгор. г., Галичск. и Ветлужск. уу. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Медынск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орловск. и Брянск. уу. Орловск. г., Пензенск., Нижнеломовск., Красносльб. и Керенск. уу. Пензен. г., Алатырск. и Ардатовск. уу. Симбир. г., Пощеконск. у. Яросл. г., Бѣльск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Шуйск., Меденковск. и Сузdalск. уу. Владимірск. г.

родить, замучить ее, ни за что не родить, какъ должно». Она должна будетъ лишнее страдать за всякаго, кто узнаетъ объ этомъ, и будетъ мучиться за каждый грѣхъ узившаго (Шуйск. у. Владимирск. г., Ветлужск. у. Костромск. г.). Нехорошо бываетъ, если кто догадается только, и особенно дурно, если узнаетъ дѣвушка: роженица должна будетъ отстрадать за каждый волосокъ на ея головѣ (Тихвинск. у. Новгор. г.). Убѣжденіе въ необходимости держать въ секрѣтъ моментъ наступленія родовъ имѣеть поразительно громадное распространеніе и въ высшей степени крѣпко держится въ народѣ. Есть только два человѣка, которые могутъ знать о родахъ безнаказанно для роженицы: это бабка-повитуха и родная мать.

**Нормальные
роды. Мѣсто
и обстановка
родовъ.**

Вотъ почему во многихъ деревняхъ до сихъ поръ сохранился обычай родить, особенно первого ребенка, въ домѣ матери, которая всегда сумѣеть, подъ благовиднымъ предлогомъ, удалить изъ избы членовъ семьи или найти укромное мѣстечко для родовъ дочери. Чаще родять въ родительскомъ домѣ только женщины изъ достаточныхъ и большихъ семей, гдѣ не такъ нужны ихъ рабочія руки и гдѣ труднѣе уберечься отъ посторонняго глаза. Если родительский домъ далеко, то беременная заблаговременно, иногда недѣли за 2—3 до родовъ,ѣдетъ туда и живетъ, пока не разродится (Порховск. у. Псковск. г., Меленковск. у. Владим. г., Черепов. у. Новгород. г., Скопин. у. Рязанск. г.). Эта же причина и въ то же время тѣснота крестьянскихъ иомѣщеній заставляетъ роженицу изъ большой семьи спѣшить иногда къ какой-нибудь одинокой старухѣ или повитухѣ и рожать у нихъ. Но чаще всего, конечно, роды совершаются дома, въ своей избѣ. Если нѣть отдельной жилой хаты, то они и происходятъ въ общемъ помѣщеніи, на печи, на палатахъ, на полу, въ углу, за занавѣской и т. п. Домашніе, подъ разными предлогами, высовываютъ изъ дома, отправляются късосѣдямъ или, изѣгая догадокъ и разспросовъ, идутъ на какую-нибудь работу, или же, оставаясь дома, стараются симулировать свое отсутствіе, притворяются спящими и т. п. Весьма часто, если только роды не наступили совершенно неожиданно, они происходятъ въ банѣ, которую топятъ не съ цѣлью вымыть роженицу и достигнуть ея чистоты передъ родами, а чтобы распарить и «размягчить» тѣло¹⁾. Нерѣдко

¹⁾ Карабачевск. у. Орловск. г., Епиѳанск. у. Тульск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Меленковск. у. Владим. г., Масальск. у. Калужск. г., Саранск. и Красносlob. уу. Пензенск. г., Бѣльск. у. Смоленск. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Галичск. у. Костромск. г., Никольск., Тотемск. и Усть-сысольск. уу. Вологодск. г. и др.

мѣстомъ для родовъ избираются—«подъ-избица», «голбецъ»¹⁾, чуланъ, лѣтомъ катухъ или клѣть, сарай, амбаръ, гумно, овинъ, сѣноваль, или же просто какое-нибудь укромное мѣсто на дворѣ²⁾). Иногда неразборчивость мѣста для родовъ доходитъ до того, что они, предпочтительнѣе предъ избой и баней, совершаются иногда въ закуткахъ для скота, овчарняхъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и т. п. мѣстахъ, где удобнѣе «схорониться отъ посторонняго глаза»³⁾). Какъ неприхотливо и просто совершаются роды въ деревнѣ, показываетъ случай, относящийся къ одному изъ селеній Алатырскаго у. (Симбирск. г.). Въ одной семье совпали роды у свекрови и невѣстки. Бабушка увела роженицу въ конюшню, настала соломы и положила одну роженицу въ одномъ углу, а другую въ другомъ. Когда разродилась одна, бабушка принялась за другую и приняла второго ребенка.

Это оставление женщинами передъ родами общаго семейнаго жилища и выборъ для нихъ подобныхъ неприхотливыхъ мѣстъ, помимо предразсудка, что роды непремѣнно должны происходить втайниѣ, и помимо недостатка болѣе удобныхъ помѣщеній, повидимому, совершается и какъ остатокъ древняго обычая, имѣющаго за собой также другія основанія. Женщина издавна и почти всюду считалась и считается, первое время послѣ родовъ, существомъ не чистымъ и это-то мнѣніе и оказывается, повидимому, вліяніе на ея обязательное удаленіе изъ общесемейнаго помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже члены того семейства, где есть родильница, считаются нечистыми и до тѣхъ поръ, пока священникъ не совершилъ надъ нею очистительной молитвы, никто изъ нихъ не бываетъ въ церкви (Алатырск. у. Симбирск. г.)⁴⁾.

¹⁾ Подполье.

²⁾ Вологодск. и Велико-Устюжск. уу. Вологодск. г., Галичск. у. Костромск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Ардатовск. у. Симбирск. г., Скопинск. у. Рязанс. г.

³⁾ Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Сольвычегодск., Никольск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Череповецк. и Бѣлозерск. уу. Новгородск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Болховск. у. Орловск. г.

⁴⁾ Кроме обычныхъ молитвъ о женѣ по рожденіи младенца и въ 40-й день, въ Большомъ Требникѣ существуютъ молитвы на благословеніе дома (храма), въ которомъ родился младенецъ, женщинамъ, находившимся при рожденіи, и бабѣ (бабкѣ), принимавшей младенца. Вероятно, благодаря такому церковному вліянію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ теченіе 40 дней послѣ родовъ, родившая женщина считается не только нечистой, но даже поганой. Въ это время она не можетъходить въ церковь, подходитъ близко къ божницѣ, брать въ руки икону, зажигать передъ нею свѣчу, присутствовать на молебнѣ въ домѣ, святить корову, осматри-

Благодаря совокупности указанныхъ причинъ, иногда создается такая обстановка родовъ, которая свидѣтельствуетъ о крайней выносливости, необыкновенномъ терпѣніи, можно сказать, геройствѣ русской женщины-крестьянки. «Семья у насъ большая,— рассказываетъ баба о своихъ родахъ,— однихъ мужиковъ пять. Послѣ ужина стало меня мутить, а я и виду не показываю, только, думаю, какъ бы обмануть всѣхъ, чтобы не догадались. Въ хлѣвъ уйти морозно было, хлѣвъ у насъ не мицонный, вотъ, я и говорю: что-то меня знобитъ, видно, я простыла, пойду-ка да залѣзу въ печку. Всѣ и повѣрили, а я въ печкѣ-то и родила».

«— Пошла она,—передаетъ про невѣстку свекровь,—корму коровамъ задать. Только, что-то долго нѣтъ бабы, думаю, къ сосѣдямъ ушла, поколотырить-то тоже любить. Жду, жду, нѣтъ. Я, грѣшница, ужь ругнула ее. Вечеръ пришелъ, надо опять коровамъ корму давать, пошла сама, пришла въ хлѣвъ, а она, какъ мертвая, на навозѣ, у загородки, лежитъ, а корова ребеночка-то ужь остатки долизываетъ, почесть, всего вылизала» (с. Никольское, Череп. у. Новг. г.).

Иногда роды застаютъ деревенскую женщину совершенно врасплохъ и она родить, буквально, гдѣ Господь приведетъ, начиная съ церковной сторожки, куда неожиданно попадаетъ для родовъ, пріѣхавъ съ мужемъ на базаръ въ село (В—ое, Юхнов. у. Смоленск. г.) и кончая проѣзжей дорогой.

Вдѣть крестьянка съ братомъ по лѣсу, чувствуетъ, что настало время родить, терпѣливо переносить схватки, сходитъ, наконецъ, съ лошади и, подъ предлогомъ естественной нужды, заходитъ за кусты. Минутъ черезъ 20— $1\frac{1}{2}$ часа баба благополучно разрѣшается, выходитъ изъ-за кустовъ съ ребенкомъ въ подолѣ и продолжаетъ путь. Другая баба везетъ изъ города въ деревню, верстъ за 16, возъ кирпичей и сама идетъ пѣшкомъ. На половинѣ дороги, среди лѣса, ее застигаютъ роды. Повернувъ лошадь въ кусты, она родить, случившимся при ней ножомъ перерѣзываетъ пуповину, перевязываетъ ее, кладетъ ребенка въ подоль и продолжаетъ путь до деревни, около 8 верстъ, по прежнему, пѣшкомъ (Пошехонск. у. Ярославск. г.).

вать пчель и даже ходить въ гости, на праздникъ (Череп. у. Новг. г.). Въ другихъ мѣстахъ до «банной» молитвы родильница не можетъ пить крещенскую или освященную во время молебствія воду, доить коровъ, дотрогиваться до хлѣба и ходить въ амбаръ, гдѣ хранится зерновой и молотый хлѣбъ (Никольск. у. Вологодск. г.).

«— Цядя Максимъ, дай-ка мнѣ нитокъ», — обращается къ мельнику пріѣхавшая на мельницу женщина. — «Мѣшокъ, что ли, зашивать? — «Какой мѣшокъ? пупъ ребенку завязать, я, вѣдь, родила». — Далъ мельникъ родильницѣ нитку, что мѣшкы зашиваются, а топоромъ отрѣзали пуповину (Тихвинск. у. Новгор. г.).

Особенно поразительны, по своей выносливи и присутствию духа роженицы, роды во время страды, въ полѣ. Тамъ пріѣхавшая за 5 верстъ для жнитва женщина родить, на полосѣ, одна, возвращается съ ребенкомъ домой, никого не прося о помощи, сама топить баню и мыть ребенка (Шуйск. у. Владим. г.). Въ другомъ мѣстѣ молодая, беременная первымъ ребенкомъ, сноха жнетъ рожь со свекровью, чувствуетъ приближеніе родовъ и сообщаетъ объ этомъ свекрови. Пока та бѣгаєтъ въ село за повитухой, сноха родить, забираетъ дѣтище и бывшую при ней одежду, тащится домой и встрѣчаетъ свекровь съ бабкой уже въ селѣ (Краснослободск. у. Пензенск. г.).

«— Пока я прибѣжала въ поле, — разсказываетъ мужу о родахъ жены бабка, — а женушка твоя ужъ родила. Отрѣзали мы тутъ же серпомъ пупочекъ, сирали все, какъ слѣдуетъ, и добрели, слава Богу, до дома» (Брянск. у. Орловск. г.).

Замѣчательно, что и въ этихъ неожиданныхъ и необыкновенныхъ, по своей обстановкѣ, случаяхъ крестьянина не оставляется суевѣрная находчивость, вытекающая изъ убѣжденія, что о наступлениі родовъ никто изъ постороннихъ знать не долженъ. Сноха, почувствовавъ приближеніе родовъ, сообщаетъ о томъ свекрови. Та, какъ бы нечаянно, ломаетъ свою косу, и словами: «дай-ка мнѣ, Марьюшка, свою косу, а ты сѣйгай домой и принеси другую», — даетъ ей поводъ, не обращая на себя вниманія присутствующихъ, удалиться съ поля (Солигалич. у. Костромск. г.).

Нѣкоторые случаи родовъ производятъ неизмѣримо тягостное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, ходившая послѣднее время беременная женщина, по приказу мужа, тащить, навѣсиши на себя, три лукошка ржи, поднимается съ ними на пригорокъ, въ изнеможеніи надаетъ и не можетъ встать: у ней начинаются роды (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

Еще болѣе плачевна обстановка родовъ, являющихся послѣдствиемъ незаконнаго сожительства. Ко всѣмъ условіямъ, создающимъ такую обстановку родовъ въ деревнѣ, здѣсь присоединяется необходимость совершить ихъ во что бы то ни стало подальше отъ людскихъ взоровъ, ради стыда. Такія рожающія еще менѣе стѣ-

сняются выборомъ мѣста для родовъ. Хорошо, если у такой женщины есть близкій человѣкъ изъ числа бабъ, которая приметъ участіе въ родахъ, хотя нерѣдко считается безчестнымъ и даже грѣховнымъ помогать такой женщинѣ. Часто онѣ сами должны быть для себя и повитухами.

**Моментъ
наступленія
родовъ.
Деревенскія
повитухи.**

Такъ какъ самое важное при родахъ совершилъ ихъ, насколько возможно, секретнѣе не только отъ сосѣдей, но и отъ большинства домашнихъ, то повитуха заблаговременно никогда не приглашается, и за ней бѣгутъ всего чаще только тогда, когда у беременной начинаются родовые схватки. Самое приглашеніе обставляется всевозможной тайнѣ и также тайкомъ, улучая моментъ, чтобы ее никто не замѣтилъ, иногда черезъ гумна и огороды, пробирается къ роженицѣ повитуха¹⁾). — «Помогай Богъ трудиться», — привѣтствуетъ она, войдя въ домъ, роженицу. — «Все благополучно, ребеночекъ на ходу, только бы воды прошли, а то все пойдетъ своимъ чередомъ», — ободряетъ бабка пациентку, послѣ своего осмотра. Расположивъ ее, если роды производятся въ избѣ, на соломѣ, на полу, надѣвъ чистую рубашку, иногда переодѣвшись сама, бабка окуриваетъ ее роснымъ ладаномъ, опрыскиваетъ и даетъ испить крещенской водицы, а передъ иконами зажигаетъ восковую свѣчку²⁾.

Вообще религиозный элементъ выступаетъ при родахъ очень сильно. Довольно распространенной является вѣра, что во время ихъ прилетаетъ Михаилъ Архангель и всѣ апостолы, въ особенности покровительствуетъ имъ Божія Матерь и помогаютъ некоторыя мученицы и святые. Скорой и усердной помощницей въ родахъ считается Анна пророчица. Свв. Варвара и Екатерина Великомученица принимаются близко къ сердцу муки роженицы, такъ какъ сами «трудились» родами, св. Иоаннъ Богословъ помогъ родить, на дорогѣ, одной женщинѣ, а св. Власій имѣетъ власть «разрѣшать» роды (Орловск. и Брян. уу. Орловск. г.). Дѣятельной помощницей при родахъ считается также бабушка Соломонида,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нижнеломовск. у. Пенз. г.) бабка, отправляясь къ роженицѣ, по выходѣ за ворота, обращается лицомъ къ востоку и говоритъ: «батюшка, востокъ, бываетъ на тебѣ самъ Иисусъ Христосъ. Благословите меня, рабу грѣшную, на міръ Божій, къ рабѣ Божіей (имя роженицы), Казанская Божія Матерь, Михаилъ Архангель и всѣ св. угоднички». Во все времена пути, до дома роженицы, она читаетъ «Богородицу».

²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Смоленск. г. и у.) икона (Б. М.) и св. вода ставятся въ головахъ роженицы.

принимавшая, по апокрифическому сказанию, Иисуса Христа. «Казанская Божия Матерь, Смоленская Божия Матерь, Иерусалимская Божия Матерь, не погнушайся мнъ, грѣшной, помоги мнъ при родахъ», — взыываеть роженица. — «Пресвятая Богородица, — молится и шепчетъ повитуха, — отпусти матушку Соломониду. Бабушка Соломонида, приложи свои рученки къ рабѣ. Чистый четвергъ, великая пятница, честная суббота, святое воскресеніе, облагодарите насъ добрыми дѣлами» (Епифанск. у. Тульск. г., Волог. г. и у., Орловск. г. и у.).

Весьма часто передъ родами и во время родовъ мужъ роженицы, а иногда и всѣ домашніе, нерѣдко и дѣти становятся на молитву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Алатырск. у. Симбир. г.) считается полезнымъ для роженицы просить передъ родами благословенія родителей и вообще предковъ. Въ другихъ мѣстахъ (Нижнеломов. и Саранск. уу. Нензенск. г.) роженица проситъ прощенія у родныхъ и сосѣдей, а иногда прощается со всѣмъ и всѣми: — «простите меня. угоднички святые, мать сыра-земля, батюшка съ матушкой, мой благовѣрный супругъ и мои родимые дѣтушки! — Иногда роженица проситъ прощенія только у домашнихъ и мужа (Карабачевск. у. Орловск. г.), а иногда проситъ прощенія у роженицы мужъ (Болховск. у. Орловск. г.).

Однимъ изъ первоначальныхъ актовъ, будто бы ускоряющихъ роды, со стороны пришедшей бабки или еще прежде, со стороны самой роженицы или домашнихъ, является растегиваніе ворота рубахи, сниманіе пояса, колецъ и серегъ, развязываніе всѣхъ узловъ, какіе есть на роженицѣ, расплетаніе косъ, отпираніе замковъ въ домѣ, открываніе нечей, заслонокъ, дверей, воротъ, ящиковъ и т. п., такъ какъ, если все будетъ развязано и открыто, то и роды развязутся скорѣе и у роженицы также свободно откроются всѣ «затверы и запоры», затрудняющіе выходъ ребенка¹⁾. Иногда, чтобы помочь въ этомъ роженицѣ, то же дѣлаетъ, ослабляя на себѣ поясъ и растегивая ворота рубахи, мужъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Волог. г.) заблаговременно, за сутки или больше до родовъ, съ беременной снимаются всю верхнюю одежду и оставляются въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, ворота растегиваются, удаляются заплѣтки изъ волосъ и снимаются даже кресть. Простолосая, съ распущенными волосами, беременная женщина начинаетъ ходить, взадъ и впередъ, черезъ пороги, изъ одной комнаты въ другую, изъ избы въ сѣни, изъ сѣней въ избу и такъ чуть не до самыхъ родовъ: какъ свободно женщина расхаживаетъ, также свободно выходитъ изъ нея ребенокъ.

При нормальных родахъ роль повитухи заключается въ томъ, что она ободряетъ роженицу, разглаживаетъ ей поясницу, съ приговоромъ — «разступитесь, растворитесь, косточки», — растираетъ животъ деревяннымъ масломъ, смазываетъ имъ или вводить во влагалище, для «смягчения», кусочки мыла и т. п. Среди своихъ манипуляцій, во все продолженіе родовъ, бабка постоянно крестится, кладеть земные поклоны, снова подходитъ и, то и дѣло, утѣшаетъ роженицу.—«Потерпи, моя касатка, потерпи, Богъ пошлетъ, все благополучно будетъ, все по добруму пдеть. Ты, только, какъ «напруги» берутъ, сильнѣе поддай, упрись ко мнѣ въ бедра ножками и помочь давай на нутря-то».

При каждой схваткѣ, накрывая животъ роженицы, чтобы «не вышло остуды», бабка слѣдитъ чрезъ влагалище за ходомъ ребенка и, съ приближеніемъ его, приговаривается: «Матери Божіи, святые угодники, Иисусе Христе, ослобоните рабу Божію, пошлите ей на все хорошее.—«Ну, подужай, подужай, ну еще разокъ потужись, вотъ, вотъ, ужъ весь на воротахъ стонть». Роженица слабѣеть, бабка охаетъ.—«Охъ, еще бы чуточку и, вотъ, ень, какъ тутъ. Ну, ну, отдохни, отдохни, силки набери».

Снова сильная потуга — и полилась околоплодная жидкость.—«Ну, слава Богу, — радуется бабка, — запорице прошибло и краски ноказался, теперича по мокрому шибче пойдетъ».

Если роды нѣсколько замедляются, то иногда считается полезнымъ «распарить» животъ, иногда же, напротивъ, полезенъ холодъ. Въ зимнее время, нерѣдко, выводятъ роженицу въ сѣни, «охолонуть», или же кладутъ ей на животъ снѣгъ. «Холодокъ хорошо, поутомить жаръ-то нужно,—объясняетъ его дѣйствіе бабка:—тамъ отъ жару все вздуло, вотъ, Богъ и не даетъ».

Почти всѣми бабками считается очень важнымъ, чтобы роженицу при родахъ тошило и рвало. Для этого, обыкновенно, толкаютъ въ ротъ роженицы и даютъ ей «давиться» ея собственной косой, вкладываютъ въ ротъ, для раздраженія глотки, пустую бутылку горломъ, щекочутъ пальцемъ, погнать роженицу дрожжами, коноплянымъ или деревяннымъ масломъ и т. п.: послѣ рвоты скорѣе пойдутъ потуги—«роженицу сорветъ, вотъ, силу Богъ и дастъ».—Излюбленный и распространенный, также бабѣ пріемъ при родахъ, для усиленія потугъ и большаго напряженія роженицы—это дуть въ пустую бутылку¹⁾.

¹⁾ Нижнеломоинск. у. Пензен. г., Епифанск. у. Тульск. г., Юхнов. у. Смоленск. г., Болховск. и Карабачевск. уу. Орловск. г., Мценск. и Шуйск. уу. Владимирск. г.,

Деревенские роды совершаются далеко не всегда въ лежачемъ положеніи, а нерѣдко стоя, такъ какъ при стоячемъ положеніи женщины ребенокъ, будто бы, скорѣе и свободнѣе выйдетъ, при лежаніи же онъ можетъ подкатиться подъ ложечку¹). Чтобы онъ не «застоялся», а также чтобы «расходились» всѣ жилы роженицы и всѣ ея члены, считается очень часто полезнымъ, съ промежутками или безпрерывно, иногда до момента прорѣзыванія младенца черезъ наружные половые органы, водить и таскать подъ руки роженицу по избѣ, обводить ее вокругъ стола и т. п. Первое время ходить старается роженица одна, а потомъ это хожденіе совершается при помощи бабки, мужа и домашнихъ²). Продолжается оно до тѣхъ поръ, пока не покажется головка ребенка. Тогда бабушка кладетъ роженицу на постель, берется руками за головку, помаленьку раскачиваетъ и говоритъ роженицѣ: «ну, помогай, силы поддавай».—Обыкновенный и также очень частый пріемъ при нормальныхъ родахъ, въ лежачемъ или стоячемъ положеніи роженицы—это перекинуть черезъ брусья, потолочную матку или балку, веревку, ухватиться за нее руками и, упираясь пятками о кровать или полъ избы, держаться въ полувишачемъ положеніи. «Каждая вещь упадетъ на землю, коли ни на чѣмъ не держится,—довольно смутно объясняютъ этотъ пріемъ бабки:—потому и ребенка, тутъ, тоже къ землѣ тянетъ, а коли лежитъ баба, какъ есть, ну, и онъ лежитъ смироно» (Борисоглѣбск. у. Тамб. губ.). Особенно рекомендуется этотъ пріемъ въ тотъ моментъ, когда Богъ станетъ «прощать» роженицу, т. е. когда покажется изъ половыхъ путей головка младенца (Орловск. г. и у.);³.

Не всегда поспѣвая и присутствуя при родахъ, особенно у много рожавшихъ, повитуха, непремѣнно, прежде врача или акушерки, приглашается на всѣ трудные роды и обязательно бываетъ по окон-

Алатырск. у. Симбирск. г., Солигалич. и Макарьевск. уу. Костромск. г., Никольск. у. Волог. г., Вытегор. у. Олонец. г., Орловск. у. Вятск. г.

¹) Череповец. у. Новгор. г., Саранск. и Инсарск. уу. Ненз. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Сузdal'ск. у. Владимірск. г., Скопинск. у. Рязанск. г.

²) Никольск., Грязовецк. и Усть-Сысольск. уу. Волог. г., Шуйск. у. Владимірской г., Керенск. у. Пензенск. г., Орловск. у. Орловск. г., Борисоглѣбск. у. Тамбовской г., Солигалическ. у. Костром. г.

³) Терминомъ Богъ «кростиль» опредѣляется моментъ рожденія ребенка въ очень многихъ мѣстностяхъ. Въ моментъ этотъ, по распространенному повѣрю, посланный отъ Бога и присутствующій при родахъ ангелъ влагаетъ душу въ ребенка и улетаетъ на небо.

чаний родовъ, чтобы перевязать пуповину, вымыть и попарить родильницу и новорожденнаго и первые дни поухаживать за ребенкомъ. Деревенскія повитухи—это всегда пожилыя женщины, практики-самоучки, по болѣйшей части, вдовы. «Бабятъ» иногда и замужнія женщины, но только тѣ, которыхъ сами перестали рожать и у которыхъ нѣтъ мѣсячныхъ очищеній. Дѣвица, хотя и престарѣлая, повитухой быть не можетъ, да и бездѣтная женщина—плохая повитуха. «Какая она бабка», какъ она бабить будетъ, коли сама трудовъ не пытала?» При ней и рожать труднѣе, и дѣти не всегда въ живыхъ будутъ. Почти всегда бабка должна быть безу-коризненнаго поведенія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, и отнюдь не должна быть замѣчена въ невѣрности мужу: у такихъ дѣти рожаются больными, уродами и не живутъ долго. Избѣгаютъ также такихъ бабокъ, которыхъ когда-нибудь обмывали мертвыхъ, имѣютъ злой и неискладливый характеръ и черные глаза: у такихъ тяжелая рука и при нихъ труднѣе роды.

Рѣдко чистоплотныя и чаще грязныя и неряшливыя старухи, онѣ мало что смыслятъ въ своемъ ремеслѣ и лишь крайне рѣдко усваиваютъ свое дѣло сносно. Немногія, наиболѣе смѣтливыя, приобрѣтаютъ навыкъ разбираться въ положеніяхъ ребенка и кое-какія представленія по части механизма родовъ и иногда удостаиваются даже одобренія мѣстныхъ земскихъ врачей (Смоленской г. и у., Вѣлозерск. у. Новгородск. г.). Не вездѣ вывѣлся еще особый типъ такихъ повитухъ-знахарокъ, которыхъ, будто бы, могутъ дѣлать роды непродолжительными и безболѣзными, пользуются исключительнымъ довѣріемъ и почетомъ и нерѣдко приглашаются для акушерской помощи при родоразрѣшеніи домашнихъ животныхъ. Это считается иногда даже какъ бы лучшей рекомендацией для бабки: «у меня, вѣдь, хорошая бабушка была, ее и къ скотинѣ возили»,—одобряютъ бабку изъ числа такихъ (Сузdal'ск. у. Владимирской г.).

Поведение и роль мужа при родахъ.

Взгляды на присутствіе мужа при родахъ отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужъ не можетъ присутствовать при родахъ жены, потому что при мужѣ труднѣе рожать, или же потому, что присутствіемъ его нарушается принципъ цѣломудрія: «не мѣсто мужикамъ тамъ быть, гдѣ бабы свои дѣла дѣлаютъ»¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе это

¹⁾ Черепов. у. Новгор. г., Масальск. у. Калужск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у., Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г.

считается безразличнымъ (Сузdalск. у. Владм. г., Никольск. у. Волог. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Пощепонск. у. Яросл. г.), иногда желательнымъ, потому что при немъ роды бывають легче (Смоленск. г. и у.), а иногда даже обязательнымъ, такъ какъ, присутствуя при родахъ, мужъ какъ бы беретъ на себя часть муки: «нѣтъ, не уходи, — требуетъ тогда жена, — мѣстный грѣхъ-отъ» (Алатырск. у. Симбирск. г., Гжатск. у. Смол. г., Брянск. у. Орловск. г., Котельнич. у. Вятск. г.). Иногда роль его носить религіозный характеръ: съ четверговой или вѣнчальной свѣтой въ рукахъ, онъ молится Богу* и усердно кладетъ земные поклоны, читаетъ вслухъ сонъ Богородицы, ходить вокругъ избы съ образомъ, опрыскиваетъ роженицу св. водой и т. п.¹⁾). Часто роль эта является чисто пассивной и заключается въ растегиваніи ворота, распусканиіи пояса, сниманія сапоговъ, надѣваніи на себя женской рубашки или юбки, повязываніи головы платкомъ и т. д., но нерѣдко, особенно при затянувшихся родахъ, переходитъ и въ болѣе дѣятельную. Считается очень полезнымъ, если мужъ, для ускоренія родовъ, перешагнетъ черезъ роженицу (Инсарск. у. Нензенск. г., Галичск. у. Костромск. г., Зарайск. у. Рязанск. г.), будетъ держать жену за плечи, чтобы помочь ей тужиться (Вязниковск. у. Владм. г.), лучше, если сниметъ при этомъ штаны (Порх. у. Исковск. г.) и еще лучше, если раздѣнется совсѣмъ голый (Никольск. у. Волог. г.). Хорошо для роженицы, если мужъ во время родовъ будетъ ложиться на нее (Спасск. у. Казанск. г.), — вытянувшись впередъ шею, будетъ стоять у изголовья и станеть кричать и стонать вмѣстѣ съ женою (Саранск. у. Пензенск. г., Ветлужск. у. Костромск. г.). По рассказамъ крестьянъ, дѣйствительно, есть, будто бы, такие чувствительные мужья, которыхъ «мучить» во время родовъ жены. Они не находятъ себѣ мѣста, не могутъ спать, стонуть и катаются по полу (Тихвинск. у. Новгор. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль мужей является до-нельзя курьезной: послѣ рожденія ребенка, въ предупрежденіе появленія двойней или тройней, по настоянію бабокъ, они «зааминиваютъ» промежность родильницы: «смотри, еще наносить», — страшатъ такихъ пугливыхъ мужей бабки (Череповецк. у. Новгородск. г.).

При нормальныхъ родахъ акушерки приглашаются крестьянами **Помощь акушерки** и врача лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по преимуществу людьми

¹⁾ Елатомск. у. Тамбовск. г., Ешифанска. у. Тульск. г., Караб. и Болховск. уу. Орловск. г., Солиг. у. Костромск. г., Меленковск. у. Влад. г., Саранск. у. Пенз. г.

и пособія при **богатыми**. Ихъ почти не приглашаютъ на нормальные роды, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда акушерка живеть не близко, но часто избѣгаютъ приглашать и тогда, когда она живеть подъ бокомъ, на пунктѣ, существующемъ иногда многіе годы. Предпочтение бабокъ акушеркамъ объясняется, по болѣйшей части, ихъ болѣе ровнымъ и понятнымъ для роженицы обращеніемъ, иногда выработанной опытомъ или природною ласковостью, нерѣдко болѣшею авторитетностью, часто основанной на прекрасномъ знаніи условій обстановки и быта роженицы и т. п. Повитуха всегда лучше по-траfить и угодить роженицѣ: сводить, вымостить и попарить въ банѣ, понянчиться съ новорожденнымъ, прибереть, если нужно, избу, поможетъ по хозяйству. Нерѣдко указывается, что акушерка—блѣдоручка, барышня, дѣвица да при томъ еще молодая¹⁾. Чаще приглашаются акуперки на «тяжелые» роды, т. е. на вторые и третыи сутки послѣ родовъ, при чемъ болѣе пожилыя изъ нихъ и болѣе простыя по своему обращенію пользуются всегда болѣшимъ довѣріемъ и симпатіями. Но нерѣдко и въ этихъ тяжелыхъ случаяхъ предварительно пробуются всѣ средства, созданныя деревенскимъ опытомъ и преподанныя нреданіями, и только тогда слѣдуетъ обращеніе къ медицинской помощи, часто прямо къ врачу, а не акушеркѣ²⁾. Что касается помощи врача при трудныхъ и неправильныхъ родахъ, то къ ней, до или послѣ примѣненія своихъ деревенскихъ средствъ, обращаются въ большинствѣ случаевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это обращеніе къ медицинской помощи совершается лишь со стороны наиболѣе передовыхъ крестьянъ въ деревнѣ, боль-

¹⁾ Дорогобужск. и Сычевск. уу. Смоленск. г., Демянск. и Череповецк. уу. Новгородск. г., Кадниковск. и Яренск. уу. Вологодск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Галич. у. Костр. г., Орлов. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г., Позежонск. у. Яросл. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Жиздринск. у. Калужск. г., Орловск., Болхов. и Карабачев. уу. Орлов. г., Саранск. у. Пензен. г., Тульск. г. и у., Суздалск. и Юрьевск. уу. Владим. г. Болѣе положительная сообщенія о роли и дѣятельности акушерокъ—изъ Тихвинск. у. Новгор. г., Велико-Устюж. у. Волог. г., Аллатыр. у. Симб. г., Ростов. у Яросл. г. и Зарайск. у. Рязан. г. Проф. Рейнъ, въ своей рѣчи о народномъ акушерствѣ на 3-мъ Пироговскомъ съездѣ врачей, полагаетъ, что болѣе 90% всѣхъ родовъ въ Россіи проходитъ безъ помощи сколько-нибудь свѣдущей повивальной бабки («Дневникъ 3-го съезда общ. русскихъ врачей въ память И. И. Пирогова». 1889 г.).

²⁾ Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что при тяжелыхъ родахъ, для наложенія щипцовъ, производства поворотовъ и друг. операций, все равно, вызывается акушерками врачъ.

шинство же считаетъ за грѣхъ самое употребленіе при родахъ акушерскихъ приборовъ (Зубцовск. у. Тверск. г.).

Хотя въ настоящее время въ деревенскомъ населеніи замѣчается значительный поворотъ въ смыслѣ уклоненія отъ суевѣрныхъ обрядностей прежняго времени, тѣмъ не менѣе, многія изъ суевѣрій мѣстами держатся до сихъ поръ, выступая всякой разъ при чрезвычайныхъ событияхъ жизни крестьянской семьи, однимъ изъ которыхъ, безспорно, являются тяжелые и неблагополучные роды. При такихъ родахъ иногда считается полезнымъ взять три камешка изъ трехъ различныхъ бань, облить ихъ водой и спрыснуть роженицу (Костром. г.). Можно спрыснуть ее и водой, въ которой была вымочена «гажья выползина»¹⁾ (Тихвинск. у. Новгородск. г.). Хорошо также окатить водой обручальный кольца мужа и жены и этой водой попоить роженицу (Волог. г. и у.). Вода, которой были окачены замки въ домѣ, также обладаетъ, будто бы, способностью отмыкать «врата и запоры родильницы» (Кадниковск. у. Волог. г., Р.-Борисоглѣбск., Даниловск. и Любимск. уу. Ярославск. г.). Вода, если ее скатить съ первого яйца, которое снесла курица, или съ трехъ обыкновенныхъ яицъ, дѣйствуетъ и того лучше: какъ легко и безпрепятственно скатывается вода съ яицъ, также свободно выкатывается и младенецъ изъ утробы матери. Для этого только необходимо, когда наливается вода на яица, приговаривать: «какъ въ курочкѣ яичко не держится, такъ не лежалъ бы младенецъ Христовъ въ утробѣ рабы Божией» (Кадниковск. у. Волог. г. и Варнавинск. у. Костромск. г.). Хорошо также дѣйствуетъ вода съ углей, выскочившихъ во время топки изъ печи и вода, которой были обмыты все четыре угла стола: «какъ на этой доскѣ вода не держится, такъ бы у рабы Божией младенецъ Господень не держался ни въ костяхъ, ни въ суставахъ» (Брянск. у. Орловск. г., Черепов. у. Новгор. г., Вологодск. и Кадниковск. уу. Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Тихвинск. у. Новгор. г.) роженицу опрыскиваютъ и даютъ пить воду, налитую въ саюгъ мужа. При этомъ гораздо лучше, если мужъ обойдется съ салогомъ предварительно вокругъ избы. Въ другихъ мѣстахъ (Тотемск. и Кадниковск. уу. Волог. г.) почему-то считаются полезнымъ поить роженицу водой изо рта мужа. Такъ какъ роды иногда замедляются оттого, что не сохранилась тайна родовъ, то бабка идетъ къ человѣку, который «дознался» о родахъ, заставляетъ его набрать въ ротъ воды, передать ей и, въ свою очередь,

¹⁾ Кожа ужа.

изо рта въ ротъ, передаетъ воду роженицѣ (Тихвинск. у. Новг. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является попытка подѣйствовать на роженицу испугомъ, для чего неожиданно окачиваются ее изъ ковша холодной водой (Р.-Борисогл., Пощехон., Данилов. и Любим. уу. Ярославск. г.).

Въ другихъ случаяхъ примѣняется какъ бы угрожающій приемъ. Призываютъ посторонняго мужчину и поручаютъ ему, по-подойдя къ двери дома роженицы, постучать въ нее кулакомъ и прокричать негодующимъ голосомъ: «что же вы, лѣпій васъ побери, такъ долго копаетесь?» (Калужск. г. и у.).

Для того, чтобы отворились «врата у роженицы», при трудныхъ родахъ, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ при нормальныхъ, производится открываніе и отмыканіе всего, что затворено, заперто, завязано, застегнуто и т. д. Не только вынимаются заслонки у печи, отпираются всѣ замки въ домѣ, открываются всѣ ящики, сундуки и коробья, отворяются окна, ворота, но выгоняется даже скотъ. Снимаются и ослабляются пояса¹), развязываются всѣ узлы, растегиваются пуговицы, расплетаются косы, снимаются кольца, серги и т. п. не только у роженицы и мужа, но и всѣхъ домашніхъ, работниковъ и работницъ²). Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ съ роженицы снимается все, что на ней есть, даже крестъ и она остается совершенно голой, на основаніи того суевѣрного воззрѣнія, будто за каждую вещь, которая находится на женщинѣ, въ моментъ рожденія, она должна особо выстрадать и помучиться (Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г.).

Движеніе роженицы, которому при нормальныхъ родахъ придается физіологическое значеніе, при тяжелыхъ производится въ усиленной степени и принимаетъ явно суевѣрный характеръ. Роженица нерѣдко таскается по избѣ до полнаго изнеможенія и потері сознанія, стучитъ иногда пятками о порогъ, ползаетъ вокругъ стола и, крестясь, цѣлуетъ его углы. Вода роженицу вокругъ стола, бабка иногда даетъ ей въ руки зажженую вѣнчальную свѣчу, сама читаетъ при этомъ «Св. Боже» или шепчетъ: «освободи, Господи, душу грѣшную, а другую безгрѣшную» (Варнавин. и Вет-

¹) Суевѣрная предусмотрительность заходитъ иногда такъ далеко, что иногда покойницу, если оставшійся послѣ нея мужъ еще такихъ лѣтъ, что можетъ жениться, не подносятъ, чтобы другой женѣ не было препятствій при родахъ (Сузdalск. у. Владимірск. г.).

²) Объ обычаяхъ, по такимъ же основаніямъ, отворять царскія двери см. VIII гл., стр. 262.

лужск. уу. Костромск. г., Нижнеломовск. у. Пензенск. г., Медынск. у. Калужск. г.).

Обычный и довольно распространенный приемъ, примѣняемый при всѣхъ затягивающихся родахъ—перешагивание мужемъ черезъ роженицу, при тяжелыхъ и трудныхъ, часто и неоднократно повторяясь, иногда видоизмѣняется такимъ образомъ, что мужъ становится посреди избы, растопыриваетъ ноги, а жена проползаетъ между нихъ (Юхновск. у. Смоленск. г.), иногда же, наоборотъ, перешагиваетъ черезъ мужа, растянувшись на полу, мучающаяся родами жена (Сызран. и Алатырск. уу. Симбирск. г.). Если отъ применения всѣхъ подобныхъ средствъ, «родихъ» все-таки не «лучшаетъ» и Богъ ее не «прощаетъ», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Орлов. г. и у.) совершается иногда обрядъ, въ нѣкоторомъ родѣ, всенародного покаянія. Предварительно справившись,—не согрѣшили ли мужъ и жена когда подъ праздникъ и не нарушилъ ли кто изъ нихъ седьмую заповѣдь, бабка, смотря по винѣ того или другой, собираетъ въ избу роженицы мужчинъ-сосѣдей или женщинъ. Если виноватъ мужъ, то онъ дѣлаетъ передъ образомъ три поклона и, упадая ницъ, говоритъ всѣмъ находящимся въ хатѣ: «мірушико, православный народушико! Простите меня, православные, за мою беззаконность¹⁾». Всѣ при этомъ хоромъ отвѣчаютъ: «Богъ тебя простить и мы тутъ же». При этомъ родиха прибавляетъ:—«простите меня, въ чемъ я нагрубила». Опять общій отвѣтъ: «Богъ тебя простить и мы тутъ же».—Послѣ этого женщины подходятъ къ роженицѣ «прощаться» и всѣ расходятся по домамъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ средствъ, въ запасѣ у деревенскихъ повитухъ имѣется цѣлый рядъ нелѣпыхъ и дикихъ, пускаемыхъ въ ходъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Изъ нихъ—немилосердно мять и жать животъ, «выдавливать» ребенка — составляетъ едва ли не самый деликатный приемъ (Сычевск. у. Смоленск. г., Бѣлозерск. у. Новогор. г., Саранск. у. Ченз. г., Хвалынск. у. Сарат. г.). Съ цѣлью направить ребенка по его настоящему пути, стараются, насколько возможно, большие «выгнуть» спину роженицы, подкладывая подъ нее скатанный изъ тряпья клубокъ или помѣщая ее на ступѣ, въ которой толкнуть сѣмя, или кадкѣ, такъ, чтобы ноги и голова роженицы свѣшивались (Устьсысольск. у. Волог. г., Понех. у. Яросл. г., Орловск. и Брянск. уу. Орловск. г.). Съ цѣлью исправить ноложе-

¹⁾ Просить прощенія полагается не только тѣмъ, которые дѣйствительно виноваты, но и вполнѣ безупречными.

ніе ребенка, заставляют роженицу становиться на четвереньки (Карабашск. у. Орловск. г.), скакать съ лавки (Вытегор. у. Олон.г., Даниловск. и Любимск. уу. Яросл. г.), кувыркаться черезъ голову и перекидываться на кровати черезъ мужа (Сузд. у. Владим. г., Масальск. у. Калужск. г., Пощепонск. у. Ярославск. г.). Иногда ставят роженицу на заслонку и заставляют плясать на ней (Калужск. г. и у.). Для того, чтобы «вытряхнуть» плодъ, приподнимаютъ, при помощи мужа, роженицу подъ мышки, встряхиваютъ и быстро опускаютъ на полъ (Тихвинск. у. Новг. г., Р.-Борисогл. у. Ярославск. г.), или же заставляютъ мужа положить ее къ себѣ на спину и, взявшись за ея бѣдра, ходить по избѣ, поминутно встряхивая (Варнавинск. у. Костромск. г.). По трудно объяснимымъ соображеніямъ роженицу подвѣшиваютъ также на возжахъ, продѣтыхъ подъ мышки (Сузdal'ск. у. Владим. г., Брянск. у. Орл. г.), или кладутъ ее на наклонно поставленную доску (Меленковск. у. Владим. г.). Но верхомъ инквизиціонныхъ пріемовъ, продѣлывающіхся надъ роженицами, безспорно, является подвѣшиваніе ихъ «къ воронцу» или матицѣ¹⁾ за ноги, снусканіе съ постели, полатей или полка, по доскѣ, внизъ головой, и встряхивание за ноги²⁾. Подвѣшиваніе роженицъ за ноги особенно часто практикуется при выпаденіи ручки: «перевернуть роженицу—и ребеночекъ перевернется и пойдетъ головкой»,—вотъ основаніе для такого пріема. Иногда, при неправильныхъ положеніяхъ плода, бабки вводятъ руку во влагалище и, будто бы, это положеніе «выправляютъ», а при попыткахъ извлечь ребенка, случается, отрываютъ имъ ручки и даже головы. Случай смерти роженицъ отъ такихъ пріемовъ не рѣдки, но они почти всегда остаются неизвѣстны и разговоръ о нихъ, обыкновенно, не идетъ дальше своей деревни (Череповецк. у. Новгородск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.³⁾).

Иногда пріемы эти, будучи нелѣпыми до крайности, въ то же время и наивны до дѣтской. Изъ Черепов—го у. (Новгор. г.) намъ передаютъ обѣ одномъ случаѣ, гдѣ, по настоянію бабокъ, былъ привлеченъ къ участію въ пособіи роженицѣ сельскій староста.

¹⁾ Брусь, на которомъ стелются полати и потолочная поперечная балка.

²⁾ Ветлужск. и Галичск. уу. Костромск. г., Усть-Сысольск. у. Вологодск. г., Юхновск. у. Смол. г., Масальск. у. Калужск. г., Карабашск. у. Орлов. г., Скопин. у. Рязанск. г., Сузdal'ск. у. Владим. г., Обоянск. у. Курск. г., Одоевск. у. Тульской г.

³⁾ Д-ръ Чемичъ, о работѣ котораго по народному акушерству мы упоминали, называетъ русскую роженицу-крестьянку мученицей.

Пригласивъ его въ домъ роженицы, повитуха велѣла ему опоясаться кушакомъ, обойти три раза кругомъ стола, снять съ квашни обручъ, нотомъ распоясаться, скинуть шубу и пролѣзть черезъ обручъ три раза. Благополучный исходъ родовъ въ этомъ случаѣ внушилъ старостѣ и, въ особенности, бабкѣ увѣренность, что этому помогъ исключительно совершенній обрядъ: «если староста, большой человѣкъ да еще начальныи, пролѣзъ черезъ отверстіе обруча, то младенецъ обязательно долженъ быть пройти черезъ отверстіе матери» (дер. Песья).

Къ числу внутреннихъ средствъ при трудныхъ родахъ относится спорынья, даваемая роженицамъ безъ мѣры, керосинъ и порохъ съ водой внутрь (Тихвинск. у. Новгор. г., Меленковск. у. Владим. г., Медынск. у. Калужск. г.). Послѣдній получаетъ иногда и свое настоящее примѣненіе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской и Вологодской гг. (Ветлуж. и Никольск. уу.), для ускоренія родовъ, стрѣляютъ изъ ружей, серьезно полагая, что «какъ быстро вылетаетъ зарядъ изъ ружья, также скоро и легко выскочить ребенокъ изъ утробы матери».

До настоящаго времени нѣкоторыми бабками производится «вы-
кликаніе» дѣтскаго мѣста.—«Кысъ, кысъ, кысъ»,—приговариваются онѣ, «ратуя» о дѣтскомъ мѣстѣ и слегка подергивая за пуповину (Орловск. и Каравачев. уу. Орлов. гг.). Способствуетъ изгнанію по-
слѣда п, одновременно, занятію своего надлежащаго мѣста «золот-
никомъ» (маткой), послѣ родовъ, также слѣдующій заговоръ:

Выхожденіе
послѣда.
Обращеніе
съ пуповиной
и дѣтскимъ
мѣстомъ.

«Я, раба Божія N, рожденная,
Я, раба Божія N, крещенная,
Шла черезъ три порога,
Несла три золотые рога
Къ рабѣ Божіей N, рожденной,
Къ рабѣ Божіей N, крещенной,
Животъ внизъ направляти.
Я животъ внизъ направляю,
Въ гору не поднимаю,
Не сама собою животъ направляю,
Силой Бога изъ него выгоняю.
Золотника прошу, какъ родного брата:
Золотникъ-золотниченкій,
Братецъ, ты, свѣтлый мѣсяцъ,
Я тебя прошу, какъ родного брата,
Сядь ты на мое мѣстечко,
На золото крылечко.
А тутъ тебѣ не бывать,
Тутъ тебѣ не гулять,

Тутъ тебѣ не воевать,
И тихохонько, и легохонько
На дѣсь сухой да на яръ глухой
Изъ животика ея, рабы Божіе! Н, выбывать».
(Пошехонск. у. Ярославск. г.).

Изъ суевѣрныхъ и другихъ пріемовъ для изгнанія послѣда многіе употребляются тѣ же, что и для ускоренія родовъ, а изъ специальныхъ заслуживаются вниманія подкуриваніе родильницы почесами льна на страстной свѣтѣ, маленький, привязываемый къ пуповинѣ, лапоть и вѣникъ, положенный къ половымъ частямъ родильницы (Карабачевск. у. Орловск. г., Даниловск. и Любимск. уу. Яросл. г.)¹⁾. Если послѣдъ не выходитъ черезъ полчаса, то это считается знакомъ недобримъ, а если пройдетъ часъ — дѣло совсѣмъ плохо. Очень нерѣдки случаи, что бабки, стараясь вытащить послѣдъ, усиленно тянутъ и обрываютъ пуповину. Это, но объясненію ихъ, происходитъ тогда, когда иostenдъ «приростаетъ къ тѣлу».

Пуповина перевязывается сурою ниткой или прядями льна, чаще всего свитыми вмѣстѣ съ волосами матери. Волоса послѣдней, обыкновенно изъ правой косы или праваго виска, берутся для того, чтобы «ребенокъ всю жизнь былъ привязанъ къ матери». Перерѣзывается пуповина, какъ случится, хлѣбнымъ ножомъ или ножницами и смазывается деревяннымъ масломъ. Иногда у ребятъ женского пола она отрѣзается ножомъ на гребенкѣ, чтобы дѣвушка хорошо пряла, а у новорожденаго мальчика ножомъ на топорѣ, чтобы мальчикъ имъ хорошо владѣлъ, когда вырастетъ болѣшимъ. Иногда, въ предупрежденіе грыжи, пуповина перегрызается бабкой зубами (Кадниковск. у. Волог. г.).

Дѣтское мѣсто, или «постелька», всегда тщательно обмытое и завернутое въ тряпочку, часто съ ломтемъ чернаго хлѣба или яйцомъ, а иногда съ нѣсколькоими головками луку, зарывается въ землю, въ какомъ-нибудь сокровенномъ мѣстѣ, выбранномъ бабкой, чаще всего подъ поломъ избы, въ подъ-избипѣ, подвалѣ, под-

¹⁾ Проф. Рейнъ, въ упомянутой выше рѣчи о народномъ акушерствѣ, приводить случай, гдѣ для извлеченія послѣда былъ примѣненъ такой сложный и замысловатый пріемъ: пуповина была прикреплена къ одному концу кочерги, а за другой ея конецъ была привязана небольшая собака, которая такимъ образомъ, черезъ кочергу и пуповину, тянула дѣтское мѣсто. Проф. Рейнъ упоминаетъ также о случаяхъ, гдѣ послѣдъ «выманывается» на сахаръ или дается родильницѣ, въ количествѣ двухъ стакановъ, сокъ изъ свѣжаго лошадинаго кала.

польѣ, около печки или въ переднемъ углу¹). Рѣже зарывается дѣтское мѣсто подъ полкомъ бани, на дворѣ, на огородѣ, иногда въ навозѣ, въ хлѣвѣ или конюшнѣ. Если желаютъ, чтобы у ребенка не было грыжи, зарываютъ послѣдъ подъ подвальными бревнами (Вологодск. г. и у.); если хотятъ, чтобы слѣдующій ребенокъ былъ мальчикъ, хоронять послѣдъ на чердакѣ, подъ святымъ угломъ, а если желають дѣвочку, то несуть на чужое поле и зарываютъ тамъ (Орловск. г. и у.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семье всѣ предшествующія дѣти умирали, послѣдъ зарывается на перекресткѣ чужого поля (Карабачевск. у. Орловск. г.). Если дѣтское мѣсто не хоронить три дня, то дѣтей не будетъ три года (Варнавицк. у. Костр. г.), если его предварительно выворотить, то слѣдующій ребенокъ будетъ непремѣнно мальчикъ (Галич. у. Костромск. г.), а если зарыть его пуповиной книзу, то дѣтей у родившей женщины больше не будетъ совсѣмъ (Брянск. у. Орловск. г.). Зарываніе послѣда сопровождается иногда особыми приговорами, имѣющими отношеніе или къ здоровью родильницы, или къ будущему ребенка. «Отъ земли взято, землю предавайся, а раба Божія (родильница) на землю оставайся» (Красносlob. у. Пензенск. г.). «Тебѣ, святое мѣстечко, на лежанье, а ей (родильницѣ) на здоровье» (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). «Мѣсту гнить, а ребенку жить, да Бога любить, отца, мать почитать и бабку не забывать» (Саранск. у. Пензенск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Вологодск. г.), если родился мальчикъ, отецъ самъ несетъ послѣдъ въ конюшню и зарываетъ подъ ясли, говоря: «дитятко рости и лошадка рости».

Иногда, на короткое время, кладутъ послѣдъ подъ голову родильницы, чтобы у ней не болѣть животъ, и трутъ послѣдомъ ея лицо, чтобы не было на немъ «матежей» (Сузdalск. у. Влад. г.), а иногда, прежде чѣмъ зарыть послѣдъ, отрѣзываютъ отъ него не большой кусочекъ. Въ зависимости оттого, куда мать отнесетъ и броситъ этотъ кусокъ, будетъ зависѣть судьба новорожденнаго и развитіе будущихъ его качествъ. Если мать бросить его въ лошадникъ, то новорожденный будетъ охотникъ до лошадей, если повѣсить на соху, онъ будетъ хорошимъ пахаремъ, если около кабака или какой-нибудь лавки, будетъ торгашемъ, а если около церкви, то будетъ Бога любить и можетъ даже въ монахи попасть (Орловск. г. и у.).

¹) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Тихвинск. у. Новгородск. г.) послѣдъ при этомъ кладется въ лапоть съ правой ноги.

Вѣроятно, въ силу распространеннаго повѣрья: «если больной хотя немного поѣсть хлѣба съ солью, то не умретъ»,—почти всегда, по окончаніи родовъ, даютъ родильницѣ прежде всего ломоть ржаного носолененного хлѣба¹⁾), часто хорошую порцію водки, иногда настоенную на калганѣ, черносливѣ, корицѣ и гвоздикѣ и очень нерѣдко квасу съ толокномъ, ржанымъ солодомъ или овсяной мукой. Иногда ей даютъ сѣять головку лука или рѣдкыи и выпить стаканчикъ конопляного масла. Водка дается для подкрепленія силъ, калганъ—для того, чтобы «встать на мѣсто золотникъ», а квасъ, толокно и пр., чтобы «завязалось» въ животѣ. По объясненію нѣкоторыхъ бабушекъ, отъ квасу съ овсяной мукой, будто бы, легче бываетъ на нутрѣ: «способнѣе и скрипотнѣе» (Кадников. у. Волог. г., Галичск. у. Костр. г.).

Почти всегда, особенно среди богатыхъ и средне-зажиточныхъ крестьянъ, родильница пользуется улучшеннымъ питаніемъ. Но при этомъ, стараясь кормить родильницу и больше, и лучше, ей нерѣдко даютъ безъ разбора все, что только имѣется въ обиходѣ крестьянина. Пироги, лапша, яичница, молочная каша, мясо, бѣлая и кислая капуста, медъ съ баранками, огурцы, моченые яблоки, арбузы, молодой квасъ, пиво,—все это часто и почти одинаково входитъ въ пищевой режимъ родильницы²⁾). Этотъ режимъ подвергается особынному испытанію со стороны тѣхъ съѣстныхъ приношеній, которыхъ дѣлаются родильницѣ ея родственниками и близкими знакомыми. «Съ новорожденнымъ тебя, Марьушка, поздравляю,—привѣтствуетъ ее какая-нибудь кума: — вотъ, я тебѣ здоровыца принесла, поѣшь, себѣ на здоровье, а новорожденному на ростъ». Отказаться отъ такихъ чистосердечныхъ приношеній, не откупшаться или, по крайней мѣрѣ, не отвѣдать принесенныхъ лепешекъ, ватрушекъ, каши въ горшкѣ, пироговъ съ лукомъ, горохомъ, картофелемъ и т. п.,—было бы грубымъ и непозволительнымъ нарушениемъ деревенского этикета.

Послѣродовой периодъ. Самымъ первымъ и неотложнымъ дѣломъ, послѣ окончанія родовъ, считается сводить и выпарить родильницу и новорожденного родильницу. Самымъ первымъ и неотложнымъ дѣломъ, послѣ окончанія родовъ, считается сводить и выпарить родильницу и новорожденного родильницу. Самымъ первымъ и неотложнымъ дѣломъ, послѣ окончанія родовъ, считается сводить и выпарить родильницу и новорожденного родильницу. Самымъ первымъ и неотложнымъ дѣломъ, послѣ окончанія родовъ, считается сводить и выпарить родильницу и новорожденного родильницу.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Волог. г.) съ этимъ ломтемъ предварительно спускаются въ подполье, обходятъ всѣ углы и, призываю домового, приговариваютъ: «сусѣдушка, батюшко, иди-ко-ся за мной».

²⁾ Никольск., Тотемск. и Усть-Сысольск. уу. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Мещовск. у. Калужск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Хвалынск. у. Саратовской губ.

и ней, топится въ тотъ же день. Идеть родильница въ банию иногда черезъ всю деревню сама, часто ведутъ ее подъ руки или, если очень ослабѣла во время родовъ, тащить или везутъ, въ зимнее время, на салазкахъ. Почти всегда обязательны 3 бани¹⁾, а иногда и больше²⁾.

Топить банию менѣе трехъ разъ подчастъ считается даже выражениемъ нелюбви семейныхъ къ родильницѣ. Если обстоятельства позволяютъ и руки родильницы не особенно нужны въ домѣ, то она выдерживаетъ банный курсъ, не выходя изъ бани, моется и парится вмѣстѣ съ новорожденнымъ каждый, а то и по ибѣсколько разъ въ день, иногда непремѣнно однимъ и тѣмъ же вѣнкомъ. Баня въ послѣродовомъ періодѣ пріобрѣла такія права гражданства, что сюда не только приходятъ съ поздравленіями и съѣдобными дарами родственники, сосѣди и знакомые, но въ ибѣкоторыхъ случаяхъ является для молитвы священникъ и сама молитва получаетъ название «банной» (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Значеніе бани, по народному представлению, заключается въ томъ, что она имѣть способность возстановлять нормальные физіологические процессы въ организмѣ родильницы. «Промаять, пронарить» ее, достигнуть того, чтобы у ней «не спустилась и не скопилась дурная кровь, а шла бы изъ тѣла легче и скорѣе», — вотъ, по объясненію бабушекъ, цѣль и назначеніе бани (Медынск. у. Калужск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Кадниковск. у. Вологодск. г.). Другое немаловажное значеніе бани заключается въ томъ, что здѣсь для бабокъ, не стѣсняясь присутствиемъ постороннихъ, является возможность гораздо свободнѣе «править» животъ родильницы. Деревенскія повитухи, имѣя дѣло съ увеличенной и несократившейся маткой, бываютъ увѣрены, что у каждой родильницы образуется грыжа, которую и является надобность разогнать. Для того, чтобы она не пошла книзу, онѣ трутъ животъ по направлению вверхъ, захватываютъ зубами и тянуть пунокъ, а иногда накидываютъ на животъ горшокъ (Скопинск. у. Рязанск. г., Сузdalск. у. Владимирск. г.). Весьма важно также поставить на мѣсто «золотникъ» родильницы. Сдѣлать

¹⁾ Порховск. у. Псковск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Галич. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Котельнич. и Орлов. уу. Вятск. г., Кадниковск. у. Вологодск. г., Черепов. и Тихвинск. уу. Новгород. г., Пощехонск. у. Ярославск. г., Медынск. у. Калужск. г., Пензенск., Керенск. и Краснослободск. уу. Пензенск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.

²⁾ Спасск. у. Казанск. г., Орлов. г. и у., Нижнеломов. у. Пензенск. г.

это въ банѣ, когда «растомѣютъ и размягчатся косточки», всего удобнѣе. Растирая съ этой цѣлью мыломъ животъ, бабки употребляютъ и нѣкоторые специальные пріемы.

Заставивъ родильницу встать на четвереньки и опереться руками, онъ сильно встряхиваютъ ее за лодыжки (Орловск. г. и у.), а иногда прибѣгаютъ къ заговорамъ: «какъ на этомъ мѣстѣ лежитъ раба Божія, такъ бы и въ рабѣ Божіей Н стоять золотникъ, съ боку на бокъ не ворочался, не ломилъ бы онъ ни задняго прохода, ни передняго» (Кадниковск. у. Вологод. г.). Интересенъ приговоръ, употребляющейся, въ этихъ случаяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сольвычегодского у. (Вологодск. г.): «сростайся, низушка, суставъ въ суставъ, только х...у мѣсто оставь».

Помимо всего этого, баня въ послѣродовомъ періодѣ, какъ и при самыхъ родахъ, имѣтъ и суевѣрное значеніе: здѣсь можно родильницу и новорожденного склонить отъ посторонняго глаза. Опасеніе глаза послѣ родовъ иногда настолько велико, что въ теченіе нѣкотораго времени стараются скрывать отъ сосѣдей даже самый фактъ родовъ, и всякий, кто нечаянно войдетъ въ домъ, гдѣ они произошли, старается подъ благовиднымъ предлогомъ поскорѣе ретироваться (Смоленск. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасеніе это доходитъ до того, что къ родильницѣ первые два-три дня подходитъ только близкая женщина и мужъ, а ребенокъ, раныше трехдневнаго срока, не показываютъ даже ему (Вѣльск. у. Смоленск. г., Порховск. у. Псковск. г.). Періодъ такой особенной восприимчивости родильницы и новорожденного къ глазу, въ особенности постороннихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ затягивается на болѣе продолжительное время и доходитъ иногда до 2—3 недѣль (Медынск. у. Калужск. г., Борисогл. у. Тамбовск. г.). Стараясь закрывать и не показывать ребенка, сама родильница, если и хорошо себя чувствуетъ, отнюдь не должна обнаруживать своего состоянія передъ посторонними, а то ее могутъ оговорить: «вотъ-де, родила — и не ѿхти ей» (Тихвинск. у. Новгор. г.).

Суевѣрный характеръ послѣродовой бани всего больше виденъ изъ тѣхъ обрядовъ, которыми она сопровождается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Волог. г. и у.), когда родильница идетъ туда, бабка третъ ей лобъ солью и приговариваетъ: «какъ эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорщицей, ни оговорщицей, такъ бы раба Божія не боялась ни опризорщицей, ни оговорщицей» и бросаетъ соль наотмашку.

Такъ какъ въ это время для родильницы, какъ существа нечистаго, и въ особенности для новорожденнаго, который еще не кре-

щенъ, очень опасна чортова сила¹⁾), то бабушка, идя съ ними въ банию, береть и несетъ впереди себя икону (Алатырск. у. Симбирск. г.). Поэтому же бабка крестить всѣ углы и печку въ банию и не перестаетъ во время мытья младенца твердить: «андели съ тобой, хранители съ тобой», —не снимая при этомъ даже креста съ родильницы, хотя и грѣшно мыться, когда онъ на шеѣ (Сольвыч. у. Вологодск. г.)²⁾. Но едва ли не всего больше суевѣрный характеръ бани доказывается той церемоніей, съ которой ходить родильница въ банию въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вытегорского у. (Олонецк. г.). Бабка, съ новорожденнымъ и сковородникомъ въ рукѣ, идетъ впереди, а за ней, съ ножницами въ рукахъ, родильница. Подойдя къ баннымъ дверямъ, бабка, со словами, «благослови, Господи», дѣлаетъ на дверяхъ три креста и передасть сковородникъ родильницѣ. Та береть его въ правую руку и, входя въ банию, имъ подпирается, а въ лѣвой рукѣ держитъ ножницы, острѣемъ впередъ. Вымывъ ребенка, для того, чтобы у него всю жизнь было много одежды, ъды и денегъ, бабка вытираеть его тряпкой, въ которой были завернуты клочекъ шерсти отъ барапшка, выстриженного въ первый разъ, яицо отъ молодой курицы и серебряная монета. По возвращеніи изъ бани, тряпочка со всѣми этими предметами и ножницы кладутся въ изголовье ребенку, а сковородникъ родильница держитъ около своей постели.

Убѣжденіе, что родильница, кусая воротъ своей рубахи, всего лучше въ банию можетъ «загрызть грыжу» новорожденному (Инсарск. у. Пензенск. г.), умываніе новорожденного и родильницы, послѣ каждой изъ трехъ бани, водой, пропущенной сквозь бannую каменницу (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.), мнѣніе, что до окончанія 3-ей бани родильница не должна кормить ребенка (Орловск. у. Вятск. г.), увѣренность, что родильница скорѣе поправится послѣ родовъ, если первую банию истопить телѣжною осью (Никольск. у. Волог. г.), —всѣ эти и т. п. предразсудки, какъ нельзя больше, под-

¹⁾ Распространенный обычай крестить деревенскихъ ребятишекъ какъ можно скорѣе послѣ родовъ, помимо опасенія, что ребенокъ можетъ умереть некрещеннымъ, объясняется и этой причиной.

²⁾ Чтобы устранить влияніе нечистой силы на новорожденного, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Орловск. г. и у.), totчасъ послѣ рожденія, бабка окуриваетъ младенца ладаномъ, обрыгиваетъ св. водой, береть и ставитъ кувшинъ воды «подъ святые», становить на колѣни мужа и читаетъ надъ водой заговоръ «отъ похищеннія злымъ духомъ младенца» (см. гл. VII, стр. 225). Наговоренная вода родильницѣ дается для питья, а новорожденный ею обмывается.

тврждаютъ суевърное значеніе, которое во многихъ мѣстахъ сохранила за собой послѣродовая баня. Помимо этого, баня имѣть еще и то значеніе для родильницы, что ею опредѣляется то время, въ теченіе котораго женщина «отдыхаетъ» послѣ родовъ. Такъ какъ для нея обязательны три бани, то вотъ почему, въ большинствѣ случаевъ, 3-й и 4-й день послѣ родовъ являются обычными днями, когда родильница не только встаетъ, но и принимается за домашнія, а нерѣдко и полевыя работы¹⁾). Но и этотъ срокъ по-коя родильницы иногда сокращается до того, что она, при нуждѣ, на другой, а то и въ день родовъ, если роды были благополучны и родильница въ семье одна, уже начинаетъ стряпать, носить дрова, топить печь, доить коровъ и т. п.²⁾). Гораздо рѣже покой родильницы продолжается до конца 1-й недѣли и еще рѣже до 10 или 14 дней³⁾). Причины, видоизмѣняющія этотъ срокъ, тѣ же, которыя вліяютъ на положеніе беременной до родовъ: богатство и достатокъ семьи, количество рабочихъ рукъ въ ней и пр. Вообще, положеніе родильницы послѣ родовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію беременной до родовъ: родильница тѣмъ скорѣе приступаетъ къ работѣ, чѣмъ ближе къ родамъ и незадолго до нихъ она кончала работу.

Повидимому, отношеніе къ родившей въ крестьянской средѣ еще менѣе сочувственно и отзывчиво, чѣмъ отношеніе къ беременной. Хотя и здѣсь выступаетъ иногда соображеніе, что родильницу нельзя «неволить» къ работѣ, такъ какъ у ней можетъ «оторваться животъ», но часто, особенно въ страдную пору, домашніе чуть не со злостью смотрятъ на родившую за то, что она не работница (Нижнеломов. у. Пенз. г., Орловск. г. и у.). «Крестьяне не смотрятъ на родильницу, какъ на больного человѣка, и потому не даютъ ей прохладиться послѣ родовъ», — характеризуетъ это отношеніе къ родильницѣ одинъ изъ сотрудниковъ (Галич. у. Костром. г.). — «Эка бѣда какая, — ворчатъ старики, — вытряхнула ре-

¹⁾ Волог. Сольвычег. и Никольск. уу. Волог. г., Черепов. у. Новгор. г., Макарьевск. у. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Пощеконск. у. Ярославск. г., Чензенск., Краснослоб. и Саранск. уу. Пензен. г., Медынск. у. Калужск. г., Меленков. и Шуйск. уу. Влад. г., Карабачевск. у. Орловск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Зубцовск. у. Тверск. г.

²⁾ Масальск. у. Калужск. г., Брянск. у. Орловск. г., Спасск. у. Казанск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Бѣлозерск. у. Новгор. г.

³⁾ Кадниковск. у. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Смоленск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Болховск. у. Орловск. г., Саранск. у. Пензенск. г.

бенка да и наровить лежать день пять безо всякаго дѣла» (Ка-
рачевск. у. Орловск.). — «Просто бѣда, не ко времени бабу разор-
вало», — жалуется мужъ, когда, при спѣшной работе въ домѣ, жена
пролежитъ въ банѣ безъ дѣла дня два (Черепов. у. Новгородск. г.).
«Вотъ, пригадала, когда рожать, — ругается свекровь, — ни себѣ,
ни другимъ покою нѣтъ: развѣ мы царихи какія, чтобы но цѣлой
недѣлѣ лежать послѣ родовъ?» — «И что это у него за жена?» —
удивляются соседи: — послѣ родовъ, никакъ, съ мѣсяцемъ вылежала»
(Нижнеломовск. у. Пензенск. г.).

Обмершихъ дѣтей бабки опускаютъ на нѣсколько секундъ въ
холодную воду и бьютъ ладонями по ягодицамъ, а если эти пріемы
не помогаютъ, ирисоединяютъ къ нимъ нѣчто въ родѣ искусствен-
наго дыханія: берутъ ребенка за ножки и опускаютъ внизъ голо-
вой, повторяя этотъ пріемъ нѣсколько разъ. Иногда дуютъ въ
задній проходъ, качаютъ ребенка надъ зажженымъ помеломъ, да-
вая попадать дыму въ ротикъ и ноздри, и вводятъ въ носъ гу-
синое перо (Пошечонск. у. Ярослав. г., Кадник. у. Волог. г.).
Иногда бабка жжетъ надъ ребенкомъ бумагу и при этомъ приго-
варивается: «живъ Господь на небесахъ, жива душа въ тѣлѣ», —
добавляя каждый разъ къ приговору имена его отца и матери
(Болховск. у. Орловск. г.). Можно обмершаго ребенка также и «от-
крыть». Для этого бабка, качая ребенка, выкрикиваетъ имя его
отца, которое хоромъ повторяютъ за ней самъ отецъ и всѣ прис-
тупающіе (Зарайск. у. Рязанск. г.).

Послѣ чистки и мытья ребенка слѣдуетъ его «выправленіе». Стараясь сдѣлать болѣе округлою голову, бабки сильно сжимаютъ
ее, въ поперечномъ или косомъ направлениіи, отъ подбородка до ма-
кушки, сдавливаютъ двумя пальцами или вытягиваютъ слишкомъ
широкій или приподнятый носъ, стягиваютъ, выгибаютъ и тую
бинтуютъ кривыя ноги. Также старательно «изничтожаютъ» онѣ
часто встрѣчающуюся головную опухоль новорожденныхъ¹⁾ и, на-
ходя у нихъ грудныя соски припухшими, предполагаютъ въ нихъ
молоко и усиленно сосутъ губами. Такое исправленіе ребенка обыкно-
венно продѣлывается только въ самое первое время послѣ родовъ,
пока дитя «парено», но нерѣдко производится въ теченіе всей пер-
вой недѣли, а иногда продолжается до 6 недѣль²⁾.

**Пособія об-
мершимъ дѣ-
тамъ. Испра-
вленіе ново-
рожденного
и уходъ за
нимъ.
Примѣты.**

¹⁾ Отечная припухлость предлежащей части, въ зависимости отъ сдавленія,
при прорѣзываніи головки черезъ малый тазъ.

²⁾ Ростов. и Пошеч. уу. Яросл. г., Алатыр. у. Симбир. г., Епифан. у. Тульск. г.,
Зарайск. у. Рязан. г., Нижнелом. у. Пензенск. г., Орлов. и Карачев. уу. Орловск. г.

Надъ новорожденнымъ иногда продѣлываютъ удивительно стран-
ные манипуляціи. Для того, чтобы ребенокъ былъ «спокоенъ», нѣ-
которыя бабки, еще не обмывъ новорожденнаго, завертываютъ его
въ тряпки, перевязываютъ лычкомъ и кладутъ въ передній уголъ
(Алатырск. у. Симбирск. г.). Другія, спеленавъ, три раза слизыва-
ютъ его голову языкомъ или лижутъ только въ маковку, сплевы-
вая въ лѣвую сторону. «Это,—объясняютъ онѣ,—отъ худого глаза
хорошо:—какъ слизнешь, доступности онъ ужъ и не будетъ имѣть»
(Караб. у. Орловск. г., Керенск. у. Пензен. г.). Если при этомъ у
ребенка найдутъ грыжу, то перекусываютъ больное мѣсто зубами
или даютъ это сдѣлать изловленной мыши (Сузdalльск. у. Владим. г.).
Нерѣдко только что родившемуся ребенку приходится встрѣтиться
и съ другими, очень мало гигиеничными приемами. Чтобы ребенокъ
былъ здоровъ, живучъ и пользовался любовью и расположениемъ
отца, завертываютъ его послѣ рожденія въ грязную отцовскую ру-
баху или такие же штаны¹). Въ другихъ случаяхъ его лишаютъ
рубашки, надѣвать которую до крещенья считается грѣхомъ и ко-
торая замѣняется для него «перематкой», клокомъ холстины, съ
отверстиемъ для головы по срединѣ (Караб. у. Орловск. г.). Иногда
держать ребенка въ необыкновенномъ теплѣ, окутываютъ овчин-
нымъ одѣяломъ, раза по два въ день суютъ въ печь (Волог. г. и у.),
до 6 недѣль, изъ боязни простудить, даже лѣтомъ, не выносятъ
на улицу (Хвалынск. у. Саратовск. г.) и боятся, въ продолженіе
6 недѣль послѣ крещенія, мыть и купать ребенка, такъ какъ
въ это время у него «цвѣтеть» тѣльце (Тихвинск. у. Новгор. г.,
Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Чтобы ребенокъ былъ бѣлотѣль, ку-
паютъ его первый разъ въ молодомъ квасу и парномъ коровьемъ
молокѣ, а чтобы онъ былъ здоровъ и едрень, первую кашу варятъ
для него на молокѣ матери (Карабев. у. Орлов. г., Тихвинск. у. Новгор. г.,
Медынск. у. Калужск. г.). Въ предупредительной заботливости,
чтобы у ребенка не болѣли глаза и не было прыщей на лицѣ, его
обмываютъ материнскимъ молокомъ (Данилов., Любимск., Р.-Борисо-
глѣбск. и Пошехонск. уу. Ярославск. г.), не кормятъ грудью во время
и вскорѣ послѣ грозы и, полагая, что для мальчиковъ полезнѣе и
здоровѣе молоко изъ правой груди, а для дѣвочекъ изъ лѣвой,

Орловск. у. Вятск. г., Тихвин. и Черепов. уу. Новгор. г., Волог. и Тотемск. уу.
Вологодск. г.

¹⁾ Бѣлозерск. у. Новгор. г., Вытегорск. у. Олонец. г., Усть-Сысольск. у. Во-
логодск. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Нижнедомовск. у. Пензенск. г.

первымъ даютъ только правую грудъ, а вторымъ лѣвую (Меленковск. у. Владим. г., Гжатск. у. Смоленск. г.). Такъ какъ молоко матери, въ первые два-три дня, считается вреднымъ для ребенка, то въ это время ему даютъ соску изъ вареной свеклы и моркови съ сахаромъ, а иногда не даютъ груди, пока не окрестятъ, кормя только соской, для которой жууть хлѣбъ, кашу, баранки и пр. Если очень часто новорожденный деревенскій ребенокъ, благодаря необыкновенно раннему употребленію «жеванины», не докармливается молокомъ матери, зато во многихъ другихъ случаяхъ онъ, можно сказать, перекармливается. Среди нашихъ крестьянокъ очень распространено мнѣніе, что пока женщина кормить ребенка грудью, она не можетъ забеременѣть: «пока кормишь одного, новаго не понесешь, на сырое же молоко живо пристанетъ». На этомъ основаніи, особенно матери, обремененные дѣтьми и работою, нерѣдко кормятъ грудью ребенка до 2-хъ, 3-хъ и даже болѣе лѣтъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянской семье, что сосетъ грудь такой ребенокъ, который не только уже свободно бѣгааетъ по полу, но и говоритъ, самъ требуетъ «титки» у матери, стыдится сосать грудь при постороннихъ и отзываетъ для этого мать въ укромное мѣстечко (Волог. и Кадниковск. уу. Волог. г., Пощепонск. у. Яросл. г., Караб. и Брянск. уу. Орловск. г. и др.).

Среди примѣтъ, относящихся къ ребенку, есть такія, которыя имѣются за собой нѣкоторыя физіологическія основанія и пріобрѣтаютъ большую или меньшую степень вѣроятности. Если ребенокъ тотчасъ послѣ рожденія сильно и громко кричитъ и голосъ имѣеть толстый, то будетъ живучъ — «хозяинъ будеть» (Вологодск., Усть-Сысольск. и Кадниковск. уу. Вологод. г., Зарайск. у. Рязанс. г., Черепов. у. Новгор. г.). Если ребенокъ кричитъ тоненькимъ голоскомъ и съ визгомъ, значитъ, родился съ «нутрянымъ» или «тихонькимъ», а если кричить долго и «шибко», значитъ, будетъ во-пливый, сердитый и вздорный (Тихвинск. у. Новгор. г., Ростовск. у. Яросл. г., Медынск. у. Калуж. г.). Очень полный, сырой ребенокъ, съ «развалившейся» головой, мягкими ушами и острымъ подбородкомъ — скоро умретъ, а тощій, щѣпкій, съ головкой маленькой и крѣпкой, торчащими ушами и тупымъ подбородкомъ, будетъ здоровъ (Волог. г. и у., Орлов. у. Вятск. г.). Не будетъ жить ребенокъ, если онъ родится синій и бѣлый, какъ бумага, и будетъ обладать хорошимъ здоровьемъ и имѣть сердитый характеръ, если родится краснымъ (Тихвинск. у. Новгор. г., Ветлужск. у. Костр. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.). Если ребенокъ имѣеть густыя брови, то

будетъ продувной и хитрый, если первые дни онъ долго не открывается глазъ, будетъ супровъ, а если сейчасъ же обнаруживаетъ быстрыя движенія и скоро начнетъ поворачивать голову на бокъ—будетъ работящъ, силенъ и любознательнъ. Востроголовый ребенокъ, особенно съ длинными, отвислыми ушами, выйдетъ дуракомъ, а длинноволосый, жестковолосый и широколобый — будетъ умный (Данилов. у. Яросл. г., Карабачев. у. Орлов. г.). Большихъ размѣровъ голова вообще служить признакомъ большого ума, хотя и не всегда: бываетъ, что «лобъ широкъ, да въ головѣ-то мохъ» (Вологодск. г. и у.).

Не менѣе многочисленны и разнообразны примѣты относительно новорожденного чисто суевѣриаго свойства. Ребенокъ, родившійся лицомъ къ землѣ, не проживетъ долго, а родившійся лицомъ вверхъ будетъ распутнымъ человѣкомъ. Если пуповина имѣтъ прикрепленіе у края дѣтскаго мѣста, то ребенокъ не будетъ жить, а если въ центрѣ—поживетъ. Не жилецъ ребенокъ, если онъ родится съ длинными волосами, будетъ очень тяжелъ или пухлый и нѣжный: это, его земля тянетъ, а въ послѣднемъ случаѣ «нѣжитъ». Если онъ родится перевитый пуповиной, будетъ хороший солдатъ, родится съ зубами — будетъ плутъ, а если явится на свѣтъ подъ великій праздникъ, изъ него не будетъ добра: будетъ или уродъ, или слабоумный (Р.-Борисогл. и Любимск. уу. Яросл. г., Нижнеломовск. у. Пензен. г.). Чтобы ребенокъ былъ румянѣй и краснощекій, его щеки¹⁾ мають кровью изъ пуповины, а самую пуповину хранять и водой съ нея поять ребенка, когда у него появится грыжа (Варнавинск. у. Костр. г., Кадниковск. у. Волог. г.). Для того, чтобы ребенокъ былъ тихъ, первый разъ непремѣнно кладутъ его на правый бочекъ, первое же испражненіе ребенка завертываютъ въ тряпочку и втыкаютъ въ банѣ, подъ потолокъ (Алатырск. у. Симбирск. г., Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). Чтобы сдѣлать ребенка удачливымъ и счастливымъ, слѣдуетъ осеребрить при первомъ купаніи воду, опустивъ въ нее какую-нибудь серебряную монету (Тихвинск. у. Новгородск. г., Карабачев. у. Орлов. г.). Не слѣдуетъ нередъ крестинами садить кума и куму въ избѣ, а то ребенокъ вырастетъ сиднемъ (Варнавинск. у. Костромск. г.). Онъ будетъ имѣть быстрый и хороший ростъ, если только выпить купальную воду подъ разсадникъ (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). Хорошо, если во время самыхъ крестинъ ребенокъ чихнетъ: это предвищаетъ ему долгую и

¹⁾ Ягодицы.

счастливую жизнь. Если постѣ погруженія въ купель ребенокъ заплачетъ, значитъ, будеть жить, если же нѣтъ—умретъ. Не будеть также долго жить ребенокъ, если вскѣ съ его волосами не будеть плавать въ купели, а потонетъ (Усть-Сысольск. и Кадниковск. уу. Волог. г., Орловск. и Котельнич. уу. Вятск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г. и др.). При крещеніи ребенка слѣдуетъ смотрѣть, не нападетъ ли ему въ ротъ вода — это покажеть, что ребенокъ будеть пьяница. Никогда не слѣдуетъ дуть въ лицо ребенку, иначе онъ «перемигнетъ» и ему скосить лицо, нельзя стричь ногти до истечения года—будеть воръ, и нельзя матери мочиться, держа ребенка на рукахъ: у него будуть течь изо рта слюни (Даниловск. и Р.-Борисогл. уу. Яросл. г.). Общераспространеннымъ является повѣрье, что пустую люльку нельзя качать, а пеленки нельзя сушить на очагѣ, такъ какъ ребенокъ не будеть спать по ночамъ. Съ очепа¹⁾ нельзя снимать кору—дѣтей много будеть: «по гладкому, какъ по маслу, такъ и полѣзутъ» (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Если ребенокъ смѣется во снѣ, значитъ, его тѣшатъ ангелы, а если плачетъ—его тревожитъ злой духъ или въ чемъ-нибудь согрѣшила его мать. Дурачекъ отъ рожденія является плодомъ совокупленія родителей въ великой постѣ, ребенокъ же, зачатый въ страстную пятницу, обязательно рождается идотомъ (Тотемск. у. Вологодск. г., Орлов. у. Вятск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Медынск. у. Калуж. г.).

До сихъ поръ не совсѣмъ еще исчезла вѣра, что нечистая сила способна «подмѣнить» новорожденнаго. Такой подмѣной объясняютъ уродства новорожденныхъ и обнаруживающіеся впослѣдствіи психические недостатки дѣтей. Этому же «обмѣну» приписываются случаи «внезапной смерти новорожденныхъ, въ дѣйствительности происходящіе отъ ненреднамѣренаго задушенія ихъ, во время сна, матерями. При этомъ, будто бы, злой духъ уносить младенца и подкладывается «колоду» — мертваго ребенка, по виду совершенно такого же, какимъ былъ похищенный²⁾.

Еще болѣе распространеннымъ и почти повсемѣстнымъ является повѣрье въ необыкновенное и чисто фатальное счастье того, кто родится въ «сорочки». Поэтому сорочка почти всегда высушивается, запивается въ ладонку, тщательно сохраняется и иногда перехо-

¹⁾ Жердь, на которой подвѣшивается и качается люлька.

²⁾ Епифанск. у. Тульск. г., Дорогобужск. у. Смоленск. г.. Мещовск. у. Калужск. г.. Ростовск. у. Яросл. г., Орлов. у. Вятск. г., Черепов. у. Новгор. г.

дить изъ рода въ родъ, такъ какъ, кромѣ родившагося въ ней, она является счастьемъ и для всего дома. Куда бы человѣкъ ни поѣхалъ съ сорочкой, чтобы онъ ни сталъ дѣлать, во всемъ ему будетъ удача. Имѣя ее, каждый мужикъ можетъ выгодно купить, продать и легко оправдаться на судѣ.

Тяжесть суевѣрій, отсутствіе сколько-нибудь разумныхъ гигиеническихъ взглядовъ и правильныхъ представлений о механизмѣ родовъ и вытекающая отсюда грубость и нелѣпость пріемовъ, практикующихся при нихъ,— вотъ что характеризуетъ наши деревенские роды и часто создаетъ почти первобытную ихъ обстановку. Положительной стороной ихъ являются лишь тѣ выжидательные пріемы и тотъ морально-религіозный элементъ, который приноситъ съ собою необходимое успокоеніе роженицы и оказываетъ несомнѣнно благотворное вліяніе на теченіе нормальныхъ родовъ, въ особенности у первородящихъ.

XII. Сумасшедшие и кликуши.

Сифилисъ, алкоголизмъ и наследственность, какъ основныя причины душевныхъ заболеваний, остались почти совершенно це подмѣченными народомъ. Не придавая значенія первымъ двумъ, народъ отводитъ извѣстное мѣсто только послѣдней изъ нихъ — наследственности. Почти всеобщій взглядъ на душевно-больныхъ, въ особенности на слабоумныхъ и идотовъ, какъ на людей, наказанныхъ Богомъ, за грѣхи ихъ родителей, указываетъ, что народъ признается наследственная связь между родителями и ихъ душевно-больными дѣтьми и только связи этой придано слишкомъ общее и чисто религіозное выраженіе. Эта связь и конечная ея зависимость отъ Божественной воли, видны и изъ тѣхъ названій, которыя даются народомъ такимъ психическимъ больнымъ: родилишный дурачекъ, уродливый, юродивый, блаженнененькій, Божій человѣкъ и пр. Къ числу такихъ же зачаточныхъ представленій о значеніи наследственности въ дѣлѣ развитія душевныхъ заболеваний должны быть отнесены также вліяніе на ихъ происхожденіе близкаго родства и родительского проклятія и гнѣва.

Другой естественной причиной психическихъ заболеваний, по понятіямъ народа, являются въ зрѣломъ возрастѣ сильное горе, а въ дѣтскомъ — физіологический испугъ. Смѣшивая слѣдствіе съ причиной, народные воззрѣнія отводятъ этимъ явленіямъ настолько широкое мѣсто, что допускаютъ возможность потери разсудка отъ пропажи денегъ, потери близкаго человѣка, разлуки, испуга предъ пожаромъ или грозой, при видѣ покойника, свиньи или собаки¹⁾.

Причины
душевныхъ
болѣзней.

¹⁾ Дорогобужск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Сольвыч. у. Волог. г., Тихвинск. и Черепов. уу. Новгор. г., Вязниковск. у. Владим. г., Скопинск. у.

Всѣ осталыя народныя воззрѣнія на существо душевныхъ заболѣваній являются чисто суевѣрными. Чтеніе библіи, шорча, причта, непосредственное вхожденіе въ больного нечистой силы, подмѣнѣть ребенка-идиота бѣсами во время беременности и т. п. являются, въ глазахъ крестьянъ, непосредственными и самыми главными причинами большинства психическихъ заболѣваній: его «испортили», «до него дошли люди добрые», «бѣщеный», «шалый», «въ емъ сидить дьяволъ, умъ у него чортъ отбилъ»,—вотъ какъ опредѣляется сущность заболѣваній помѣшанныхъ съ точки зрењія такой этиологии¹⁾. Бредъ объясняется тѣмъ, что больной во-очію видитъ нечистую силу, невидимую для другихъ, а преступныя наклонности буйныхъ помѣшанныхъ—прямымъ вліяніемъ нечистаго, который внушаетъ больному злые замыслы. Выраженія—«онъ въ умѣ помѣшался», «смѣшался», «ума рѣшился», «въ головѣ у него помученіе сдѣлалось» или «мозги смѣшились съ кровью»—относятся уже къ разряду воззрѣній, въ некоторомъ родѣ, рациональныхъ. «Нешто онъ человѣкъ теперѣ? — разсуждаетъ такой рационалистъ-мужикъ про душевно-больного, — никакого разсудка, не имѣтъ: мозги какъ перевериулись у него, ну, и душа не человѣчья стала, что скотъ безионятный сдѣлался. Ужь душа-то, говорятъ, ушла отъ него. Онъ только и живеть, что ѓду употребляеть, ни Бога, ни людей не понимаетъ. Только въ поминанье не записанъ, а то все равно, что умеръ».

**Отношеніе
къ слабоум-
нымъ и помѣ-
шаннымъ.** Этими взглядами на помѣшанныхъ опредѣляется то или другое положеніе ихъ въ семейномъ и общественномъ быту и объясняется весь рядъ тѣхъ мѣръ, какія предпринимаются для ихъ леченія.

Первая категорія психическихъ больныхъ, тихихъ помѣшанныхъ, а также идиотовъ и слабоумныхъ, сдѣлавшихся такими по волѣ Бога, встрѣчаетъ къ себѣ со стороны народа почти всегда снисходительное и гуманное отношеніе.—«Нешто онъ виноватъ, что вышелъ дуракъ? — небось, Богъ рога накинетъ, такъ станешь носить»,— отзываются по поводу такого рокового безумія крестьяне. Смотря на нихъ, по преимуществу, какъ на несчастныхъ и безвинныхъ страдальцевъ, народъ свое любовное и жалостливое отношеніе къ нимъ проявляетъ въ тѣхъ уменьшительныхъ и

Рязанск. г., Жиздрин. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орловск., Болховск. и Ка-
рачев. уу. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратов. г.

1) Бѣлоозерск. у. Новгор. г., Порховск. у. Исковск. г., Саранск. и Красно-
слабодеск. уу. Пензенск. г., Шуйск. у. Владимірск. г., Одоевск. у. Тульской г.

ласкательныхъ эпитетахъ, которыми обыкновенно надѣляетъ всѣхъ такихъ больныхъ: Иванушка-дурачекъ, дурочка-Дуня, Егорушка длинный, Марьушка желанная, Афанасья золотая и т. п. Всѣ они, страдая не по своей винѣ и искуная, по убѣженію народа, своимъ несчастьемъ грѣхи не только ихъ родныхъ, но и чужие, изстари и почти повсюду пользуются большими и неподѣльными сочувствіемъ и уваженіемъ. Иногда создается даже какъ бы культь почитанія ихъ и вѣра чуть ли не въ святость, въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ на себя блажь во имя Господа. Имъ иногда приписывается какой-то особенный, скрытый умъ, глубокую мудрость и прозорливость, быть можетъ, зависящіе отъ того особаго вида наблюдательности, которая свойственна некоторымъ изъ нихъ. И простое любопытство, и необходимость рѣшить тѣ или другіе важные вопросы жизни одинаково влекутъ деревенскій людъ къ такимъ юродивымъ прорицателямъ. Эти провидцы, будто бы, всегда говорятъ правду, только ее нужно понять, а на это способны лишь люди достойные. Прозорливость ихъ приобрѣтаетъ иногда такую широкую известность, что къ нимъ часто прѣѣзжаютъ узнавать будущее изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

Дурачкамъ и глупеньkimъ не только многое снисходитъ, не смѣются надъ ними, не противорѣчатъ и боятся ихъ чѣмъ-нибудь прогнѣвить, но стараются угодить и всячески беречь. Многіе думаютъ, что они приносятъ счастье той деревнѣ, въ которой живутъ, и особенно дому, въ какой приходятъ. Приласкать, пригрѣть, напоить, накормить, а часто и одѣть такого дурачка считается даже долгомъ. Иногда такое отношеніе къ нимъ принимаетъ характеръ какъ бы общественной обязанности и для нихъ назначаютъ «чреду», а въ случаѣ смерти — хоронить на общественный счетъ (Жидринск. у. Калужск. г., Юхновск. у. Смоленск. г.). Такимъ общественнымъ вниманіемъ и заботливостью пользуются не только слабоумные сироты, но и такие, которые имѣютъ родныхъ. Пользуясь полной свободой, ходя изъ деревни въ деревню, проводя, гдѣ ночь, гдѣ день, и обязательно появляясь на всѣхъ мѣстныхъ деревенскихъ праздникахъ, они приобрѣтаютъ общую известность, а иногда и непрѣвѣрную любовь населенія. Ихъ всѣ знаютъ и для всѣхъ они являются желанными гостями. Входя въ избу и не говоря часто ни слова, забирается такой Божій человѣкъ прямо на печку или садится за столъ, если хозяева обѣдаютъ и живетъ въ домѣ, пока самъ не уходитъ. Такой образъ дѣйствій слабоумного не только считается совершенно естественнымъ со стороны хо-

заявъ, но они стараются еще удержать гостя у себя, сколь возможно, дольше (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Гдѣ какая пирушка, похороны, крестины, свадьба, такой народный любимецъ сидить за столомъ вмѣстѣ съ другими гостями, никакъ не шокируя ни ихъ, ни хозяевъ (Ливенск. у. Орловск. г.). Вѣра въ способность прорицанія юродивыхъ заставляетъ прислушиваться къ каждому ихъ слову. «Мишенъка, а, Мишенъка, подика-ка, милости просимъ!» — радостно привѣтствуютъ такого гостя.—«А никакъ тебя блохи кусаютъ, а?»—задаетъ онъ, вмѣсто отвѣта на привѣтствіе, вопросъ хозяину.—«Нѣ, Мишенъка, не кусаютъ,—пугается хозяинъ.—«Нѣ, врешь, кусаютъ», — утверждаетъ гость, и хозяинъ увѣренъ, что у него будетъ непріятность. Если же Миша смѣется, хлопаетъ музыка по плечу или проситъ ъсть, то это считается хорошимъ признакомъ и сулить благополучіе хозяину (Порховск. у. Псковск. г.). Интересно, что также свободно иногда ведутъ себя юродивые и въ церкви и встречаются къ себѣ не менѣе благодушное отношеніе. Бываетъ, что такой юродивый подставляетъ священнику ноги во время выхода со Св. Дарами, ни мало не стѣсняясь службой, расхаживаетъ по церкви, подходитъ то къ одному, то къ другому богомольцу, говорить иногда далеко не двусмысленныя вещи, отъ которыхъ иной женщина приходится краснѣть, а слушается, что и за талію обхватить (Меленковск. у. Владим. г., Солигалич. у. Костромск. г.).

Помимо религіознаго мотива въ такомъ снисходительномъ и добромъ отношеніи къ слабоумнымъ и идиотамъ, большую роль играетъ то обстоятельство, что они не дѣлаютъ вреда окружающимъ и ихъ можно заставить хоть что - нибудь дѣлать. Иногда ими пользуется для переноски тяжестей, часто они ухаживаются за малолѣтними и исполняютъ несложныя домашнія работы,—метутъ поль, носятъ воду, стерегутъ лошадей, коровъ, а нерѣдко исполняютъ обязанности общественныхъ пастуховъ или подпасковъ: «дуракъ хошь пыльнымъ мѣшкомъ ударенъ, а все не задаромъ хлѣбъ ъсть».

Такое участливое и сочувственное отношеніе къ дурачкамъ большинства населенія, скрашивая подчасъ ихъ некрасивую жизнь и спасая иногда отъ голода и холода, не измѣняетъ, однако же, существенно ихъ жалкаго общественнаго положенія и даже не всегда обеспечиваетъ самое ихъ существованіе. Пользуясь полной свободой, лишенные всякаго призора и бродя, гдѣ попало, съ непокрытой головой, босые и плохо одѣтые, иногда только въ одномъ нижнемъ

бѣль и лѣтомъ, и зимой, они часто терпятъ большія невзгоды, подвергаются многимъ неблагопріятнымъ случайностямъ и очень нерѣдко замерзаютъ въ пути, во время сильныхъ морозовъ и бурановъ. Многимъ изъ нихъ приходится подвергаться и насмѣшкамъ, нападкамъ и всевозможного рода обидамъ: жажда потѣшиться и «потравить» дурака, еще со временъ древней Руси, подчасъ какъ-то странно совмѣщается съ его почитаніемъ. Пинки, щипки и всевозможная издѣвательства нерѣдко преслѣдуется ихъ не только со стороны малышей и подростковъ, но подчасъ и взрослыхъ. Картина, какъ дурака, особенно изъ другой деревни, преслѣдуетъ толпа деревенскихъ ребятишекъ, выкрикивая по его адресу какія-нибудь ругательства, травя собаками или кидая въ него комьями земли или снѣгу, и какъ тотъ въ состояніи раздраженія бросается и, сломя голову, бѣжитъ за ними, довольно обыкновенна. Нерѣдко также зрѣлище, какъ дуракъ, наряженный въ какой-нибудь фантастический костюмъ и сопровождаемый гогочущей толпой, ходитъ по деревнѣ, пляшетъ, выкидываетъ различныя колѣнца и, надоѣвъ публикѣ, получаетъ въ заключеніе побои. Бываетъ и такъ, что дурака не трогаетъ только лѣнивый. Дать ему въ шею, стокнутъ въ воду, заставить его бѣсть животные отбросы, ввести насилино въ ротъ навозъ, керосинъ, хрѣнь, деготь и т. п. предметы составляетъ иногда незамѣнимое удовольствіе, особенно въ минуты бездѣлія, грубой и испорченной части нашего крестьянства. «Дуракъ не чуетъ: для него все равно, што грибы, што навозъ». — «Дурака хоть гладь по головѣ, хоть палкой прибей», — говорятъ деревенскіе шутники. Ребятишкамъ, парнямъ, а иногда и дѣвкамъ большую пріятность иногда доставляетъ обнаженіе, тѣмъ или инымъ путемъ, иоловыхъ органовъ дурака, а нравственному чувству некоторыхъ деревенскихъ сластолюбцевъ не претить пользоваться безумiemъ дѣвшекъ-идиотокъ и тѣ нерѣдко дѣлаются беременными и родятъ. Иногда источникомъ неисчерпаемаго удовольствія для крестьянъ является возможность «раздразнить» такого душевно-больного, затронувъ его idée fixe. Буйное состояніе, въ которое тотъ приходитъ, срываая съ себя одежду и оставаясь совершенно голымъ, плоцадныя ругательства и различныя непристойныя его выходки приводятъ деревенскую публику подчасъ въ самое веселое и пріятное настроеніе. «Что дѣлать? — оправдываются въ такихъ случаяхъ крестьяне: — и знаемъ, что грѣшно, да не удержишься, что бы не потѣшиться надъ такимъ чудакомъ» (Болховск. и Карабачевск. уу. Орловск. г., Дорогобужск. у. Смолен. г., Меленк. у. Владимірск. г. и др.). И, дѣйстви-

тельно, свидѣтельствуютъ другія сообщенія, если народъ ради забавы и пошутить надъ слабоумнымъ, то пошутить болѣею частью добродушно, а если зло, иногда даже и дико, то постарается загладить свою вину какимъ-нибудь добромъ, опомнившись, что «грѣшино смѣяться на Божыиъ человѣкомъ». Ребятишекъ, въ отсутствіе старшихъ, потѣшающихъ надъ этими несчастными, родители никогда не поопрятютъ и почти всегда жестоко наказываютъ за злые шутки (Шуйск. у. Владим. г., Новоладожск. у. С.-Петербург. г.). Если не со стороны постороннихъ, то непремѣнно со стороны родственниковъ, идіотъ и слабоумный ^{найдетъ} защиту всегда. Нѣкоторые родители до конца дней своего сына или дочери-идіотки относятся къ нимъ съ нѣжностью и любовью, какъ къ маленьkimъ. Дома, на улицѣ, въ церкви они тщательно наблюдаютъ, какъ бы кто не «иснугалъ» ихъ, во время обѣда даютъ имъ самые лучшіе куски и при есorахъ съ посторонними всегда принимаютъ ихъ сторону. Такая любовь и, вмѣстѣ, дальновидность нѣкоторыхъ родителей заходятъ такъ далеко, что они стараются даже «оженить» своего парня-идіота. Объ одномъ случаѣ такого удивительного брака сообщаютъ намъ изъ Сольвычегодского у. (Вологодск. г.). Илья М., съ виду солидный, но необыкновенно пугливый мужчина, боится постороннихъ людей, бѣжитъ и прячется при малѣйшемъ стукѣ и шумѣ, а «на дворъ» ходить не иначе, какъ въ сопровожденіи матери. Задумавъ его женить, родители напали дѣвушку, рѣшившуюся раздѣлить съ нимъ участъ жизни. При вѣнчаніи Илья съ удовольствіемъ поглядывалъ на невѣstu и стоялъ въ церкви охотно. Начался брачный пиръ, пирующіе подвыпили.—«Мама, мама!—вдругъ, среди общаго веселья, раздается жалобный голосъ молодого.—«Что, дитятко?»—«Я этой дѣвки боюсь»,—заявляетъ новобрачный, указывая на сидящую рядомъ молодую.—«Что ты, что ты, родимый, она вѣдь не кусается».—«Нѣть, боюсь ее и убѣгу».—«Не бѣгай, нехорошо»,—увѣщиваетъ мать.—«Убѣгу»,—рѣшительно заявляетъ Илья, перескакиваетъ черезъ столъ, бѣжитъ, взбирается на полати, прячется тамъ между мѣшками съ лукомъ и кричитъ: «и-ихъ, меня теперь чужая дѣвка не видить, на-ко» — выставляетъ кукишъ— «возьми, укуси!» Впослѣдствіи Илья перестать бояться жены и даже сталъ ходить подъ ея присмотромъ, вмѣсто матери, «до вѣтру». Закончилось это необыкновенное брачное сожительство бѣгствомъ жены. Мѣсяца черезъ четыре послѣ брака она родила. Самъ Илья не понималъ значенія этого обстоятельства, но настроенный родителями, онъ вступилъ въ права мужа и сталъ ее частенько поко-

лачивать. Покинутый женою, Илья снова поступил подъ покровительство матери».

Гораздо худшимъ является положеніе душевно-больныхъ, потерявшихъ разсудокъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сложность и измѣнчивость ихъ психического состоянія, не поддающагося мужицкому наблюденію, дѣлаетъ ихъ совершенно непонятными для народа и потому первыя чувства, которыя они встрѣчаютъ къ себѣ—это недовѣріе и боязнь. Нерѣдко, особенно на первыхъ порахъ, убѣжденіе, что такие помѣшанные балуются и, не желая работать, напускаютъ на себя бляжь.—«Вотъ, дармоѣдъ, напустилъ на себя дурь!—«Да ешь притворяется: небось,ѣсть захочетъ, такъ попросить и, чего не слѣдъ, жрать не станетъ» (Болховск. у. Орловск. г.). Доказавшій свое сумасшествіе какимъ-нибудь безумнымъ и буйнымъ поступкомъ сразу дѣлается какъ бы отѣлѣннымъ отъ всѣхъ людей, его всѣ боятся, бѣгутъ отъ него, стараются связать, заковать, посадить на цѣпь. Помимо естественнаго опасенія передъ такимъ больнымъ, сюда нерѣдко присоединяется суевѣрная боязнь и страхъ, въ зависимости отъ увѣренности, что въ него вступить и имъ руководить бѣсъ. Для такого больного часто нѣть никакой пощады, сожалѣнія и извиненія, такъ какъ онъ хуже скота и самъ является виновникомъ своего безумія: «вѣдь никто, какъ Богъ, наказать его быть равнымъ со скотомъ — ужъ за что-нибудь да наказалъ, умъ отнялъ» (Бѣлозерск. у. Новгородск. г., Новоладожск. у. С. Петерб. г.). Суровость, нерѣдко доходящая до безчеловѣчія, является характерной чертой отношенія къ такимъ больнымъ даже со стороны ихъ родственниковъ. Содержатся они въ высшей степени грязно, обыкновенно плохо одѣты и кишатъ многочисленными насѣкомыми. Въ промежутки, когда больные являются хотя иѣсколько работоспособными, ихъ заставляютъ исполнять самыя тяжелыя и грязныя работы, кричать, ругаться, часто бьются и кормятъ самою грубою пищею и то не всегда вволю (Дорогобужск. у. Смолен. г., Грязовецк. у. Волог. г.). Пріпадки буйныхъ помѣшанныхъ и нерѣдкіе случаи покушеній со стороны ихъ на убийство женъ, дѣтей, другихъ родственниковъ и постороннихъ, а также частые случаи поджоговъ, при чемъ помѣшанные сгораютъ нерѣдко и сами, вынуждаются принимать противъ нихъ мѣры усмиренія и предосторожности. Деревенская изоляція такихъ больныхъ—сажаніе ихъ въ подполье, чуланы, амбары, конюшни, связываніе и даже содержаніе ихъ на привязи при посредствѣ толстыхъ веревокъ или цѣпей, прикрѣпляемыхъ къ стѣнѣ—все это, конечно, вызываетъ.

известной степени, условиями деревенской необходимости. Но, безъ сомнінія, не малую роль играетъ здѣсь и отсутствіе элементарныхъ свѣдѣній по части ухода за такими больными, а также умѣнія обезвредить ихъ другими, болѣе гуманными способами. Если въ нашихъ деревняхъ отсутствуетъ умѣніе ухаживать за обыкновенными больными, то тѣмъ болѣе становится понятіемъ отсутствіе правильнаго ухода за душевно-больными, требующаго постояннаго наблюденія и особеннаго умѣнія и навыка. Всего печальнѣе, что тяжелое положеніе такихъ больныхъ въ нашихъ деревняхъ усугубляется предразсудками, приводящими къ самой грубой и ненужной жестокости. Намъ сообщаютъ о нѣсколькихъ случаяхъ, где крестьяне переходили отъ веревки къ цѣпи, благодаря глубокойувѣренности, что связываясь имъ помогаетъ нечистая сила. Связывая буйного помѣшанаго, ему нерѣдко наносятъ тяжелые побои, по нѣсколько чѣловѣкъ садятся на него, переламываютъ ребра, туго-натягиваютъ скручиваютъ веревками и привязываютъ за ноги и за руки, а сажая на цѣпь, держать, не спуская, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Благодаря такому содержанію, хроническая язвы у помѣшанныхъ весьма обыкновенны и, случается, больные эти такъ и умираютъ, на цѣпяхъ¹⁾.

Въ отдельныхъ случаяхъ обращеніе съ ними доходитъ еще до болѣшаго безсердечія, граничащаго съ совершеннымъ звѣрствомъ. Въ деревни возможно наблюдать картины, какъ соѣди, опасаясь бѣды и желая «отвадить» помѣшанаго, кидаютъ въ него камнями и бьютъ батогами, какъ сыть во время припадка матери «учитъ» ее желѣзной палкой, а дочь, боясь подойти близко, бросаетъ ей, уже сидящей на цѣпяхъ, издалека куски хлѣба.

Иногда больного сознательно морятъ голодомъ. «Нельзя же его кормить, когда онъ вродѣ звѣря сѣѣлся. Вотъ, онъ, не ъѣвши, что дѣлаетъ, а если его поить и кормить каждый день, то онъ забушуетъ еще не такъ: все-таки, не пивши, не ъѣвши, у него будетъ меньшіе силы». Другое убѣждены, что, кроме голоды, полезны для такого больного и побои, если только они соединяются съ кровотеченіемъ. Для этого нужно только, непремѣнно, бить больного по головѣ и по носу: «кровь дурная сойдетъ, вотъ, онъ и поумибеть». Битье по другимъ частямъ считается иногда даже неправильнымъ и строго осуждается: «надо знать, по какому мѣсту бить» (Орлов. г. и у.).

¹⁾ Пощеконск. у. Ярославск. г., Шуйск. у. Владимірск. г., Юхнов. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Краснинск. у. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанс. г.

При такихъ условіяхъ, конечно, лучшимъ исходомъ для каждого изъ буйныхъ помѣщаныхъ является смерть. Вѣроятно, въ тайникахъ сохранившейся души ее желаютъ и сами больные, но еще чаще--ихъ родные и семейные. «Вотъ, умирать не умираетъ, только время проводить,—негодуютъ они на больного.—«И гдѣ это смерть, матушка? — плачутъ, глядя на него, сердобольныя бабы:— чего жь она его не прибереть?».

Помѣщаемый здѣсь разсказъ иллюстрируетъ типическую картину положенія помѣщаныхъ въ деревнѣ, взгляды на нихъ деревенскаго населения и ихъ печальнную конечную судьбу.

«— Ну, что же, Аграфена, хотѣла ты разсказать мнѣ про Аксинью Алферову?».

«— Да что про нее разсказывать? Жила себѣ, жила, а тамъ и удавилась, и чортъ съ ёй, туды, къ ему, ей и дорога».

«— Вотъ какъ! Да развѣ она виновата, что сошла съ ума и на себя руки наложила?».

«— Эхъ, матушка, стало быть, вы ничего не знаете, коли такъ говорите. Да нешто она съ того удавилась, что съ ума сошла?».

— А то отчего же?»

«— Разсказывать—дѣло-то ночное, должно, скоро двѣнадцатый часъ пойдетъ—не совсѣмъ годится, ну, да ужъ если вамъ хочется, пожалуй, и разскажу, только вы не сробйтѣ потомъ къ двору идти. Годовъ десять тому назадъ, стояла вотъ тутъ, нальво отъ нашей хаты, избенка и жили въ ней Алферовы, старикъ, Тимофея Федоровичъ, по прозванью Ткачъ, старуха Ткача и двѣ дочери, младшая Марья, а старшая—самая Аксинья-то и была. Жили они бѣдно, пребѣдно, не токмо што лошаденки, али коровенки, овченки у нихъ не было, и жили они тѣмъ, что дочери на поденицину, на барскій дворъ ходили, а старикъ съ сумочкой бродилъ. Вотъ, разъ какъ-то, зимою это было, пошелъ онъ побираться на Вишневецъ, нбрелъ назадъ, осклизнулся на льду, упалъ и такъ разбился, что до самыхъ, до вечеренъ пролежалъ на рѣчкѣ, покедова чай-то мужикъ его не подобралъ и до двора не доставилъ. Всю эту ночь єнъ промаялся, а къ утру стала кончаться. Аксинья около его стоитъ да и говоритъ: «тятечка, што же ты молитву-то не всю разсказалъ?—это, значитъ, не все колдовство свое онъ ей открылъ—одно слово сказалъ, а двоихъ нѣть. Енъ приподнялся, хотѣлъ што-то говорить, да не смогъ, захрипѣлъ, повалился опять на лавку, стала метаться туды и сюды, а все душа съ тѣломъ разстаться не можетъ. Ужъ догадался кто-то, доску изъ потолка вынули, ну, тутъ

Рассказъ.

ёнъ скоро и кончился. Вотъ, тутъ и пошли дѣла. Похоронили отца, а Аксюта-то, чисто, сама не своя сдѣлалась. Все говорили, что она въ умѣй помышдалась, а мы-то знаемъ, что ее тоска забираетъ, что не все ёнъ, колдуниница-то, ей отдалъ. Вотъ, разъ ухватали Аксинью отца-покойника сумку и ушла со двора. Мы думали, побираться пошла. День прошелъ, два, три—ее все нѣть. На четвертый день ужъ мы спать полегли, слышу я, стучится кто-то въ окно, встала, глянула,—а ночь мѣсячная была, видная,—да такъ и обмерла со страху: стоитъ у окна Аксинья, вся, какъ есть, мокрая, и ужъ чего-чего нѣть у ей въ подолѣ: и раки, и лягушки, и трава какая-то водяная, и ужъ какой-какой только нечисти не напутлялось на нее».

«— Ну, такъ что же тутъ страшнаго-то?»

«— Э-эхъ,—видно что никакихъ дѣловъ этихъ вы не знаете—да, вѣдь, это она къ «ему» въ пролубку лазила и не утопла, вѣдь, проклятая: винѣ, заскучала, что отъ отца всего не узнала, такъ вотъ сама къ ему подъ ледь и лазила. Взбудила я но-маленьку мужика своего, рассказала ему, въ чемъ дѣло,—ёнъ палку узять, а я—иконочку, родительское благословеніе, и пошли мы съ имъ вонъ изъ хаты, поглядѣть, что будетъ. Только мы къ углу подходимъ, женщина, вся въ бѣломъ, метнулась было къ намъ, да, вѣрно, благословеніе то мое помѣшило—назадъ, да и пропала за угломъ. Только, ента, пропала, откель не возьмись Аксинья вывернулась, зубицами ляскаетъ, глянула на насть и говоритъ: Графенишка, пусти меня заночевать, я дюже замерзла. А я говорю: зачѣмъ ты ко мнѣ пойдешь? вѣдь твоя хата, вонъ, рядомъ.—А она, какъ захохочеть, да какъ пустилась бѣжать внизъ, туда, къ рѣчкѣ, да причитать: «Марья, Марья!—Это она энто то, дружка то своего звала».

«— Какого дружка?»

«— Да, энто, рѣчного то—и какіе вы непонятныя,—ну, вѣдь, это енъ женщиною то бѣлой обернулся, да за угломъ ее поджидалъ... Она, Аксюха то, это, къ рѣчкѣ взарилась, а насть съ мужикомъ такая робость взяла, что черезъ большую силу двери въ хату свою напали: на крюкъ затворились, веревкой двери завязали, самимъ сна нѣтути, а подъ окнами, до самаго до разсвѣту, и стукъ, и кошки мяукаютъ, и собаки воютъ, и чего, чего только не было! Ну, ладно, скучала она, скучала и ни днемъ, ни ночью покоя никому отъ нея не было по деревнѣ: то куры ночью кричать начнутъ, то собаки завоютъ, а это все она съ пріятелями своими раздѣльвалась

дѣла. Вотъ, разъ какъ-то, на самое на Благовѣщенье это было, иду я къ обѣднѣ и прохожу мимо Ткачева двора—стоитъ въ сѣнцахъ, на самомъ порогѣ, Аксинья, въ новомъ сарафанѣ синемъ, рубаха бѣлая, миткалевая, и новымъ платкомъ ситцевымъ накрылась. А до прѣзъ того она всегда, бывало, ходить, какъ помело, черная. Я инишо и подивилась и усиранила ее: куда это ты такъ собралась, али къ обѣднѣ поѣдешь? Пришла я отъ обѣдни, только обѣдать сбиралась, бѣжитъ Алферова Марья и кричитъ: «караулъ, караулъ, бѣда у насъ, Аксинья удвилилась!»—Сбѣжался народушко, глядимъ, а она въ чуланѣ, на переметѣ виситъ и уже закоченѣла вся. И не иначе, какъ помогали ей «тѣ-то»: до перемета болѣ трехъ аршинъ будетъ, а она прямо съ полу веревку черезъ его перекинула и повѣсила: не иначе, значитъ, какъ «тѣ-то», прости Ты меня Господи, ее подтягивали. Пришель староста, сотскій, отецъ Миколай, присовѣтовали ее поскорѣе изъ петли вынуть и на улицу вынести: потому, говорять, она инишо отдышилась. Сперва ее за ихнимъ, за Алферовыми дворомъ, на лавкѣ положили, а потомъ кто-то придумалъ въ землѣ, на бугорочкѣ, яму вырыть и туды ея стоймя зарыть, только голову однаю оставилъ, потому такъ, скаживаются, въ сырой землѣ она скорѣе отживетъ. Къ ямѣ ентої староста приставилъ караулъ, покедова становой пріѣдетъ. Пріѣхалъ становой, кончилось разстѣдствіе и Аксютку похоронили».

«— Ну, и что же, ничего потомъ не представлялось на томъ мѣстѣ, гдѣ она была зарыта?»

«— Нѣтъ, Богъ дать, ничего не было, только на двадцатый день да инишо, какъ шесть недѣль ей вышло, все ктой-то по ночамъ, подъ окнами голосить, ужъ такъ голосилъ, ажно животъ со страсти замираль».

Соответственно народной этиологіи душевныхъ заболѣваній самыми первыми средствами при леченіи номѣшанныхъ являются средства знахарскія и религіозныя. Въ этой области деревенскіе дѣды и бабки едва ли имѣютъ себѣ соперниковъ и утвердительно можно сказать, что почти каждый душевно-больной въ деревнѣ, прежде чѣмъ поиадеть въ руки врача, предварительно пройдетъ чрезъ нѣсколько рукъ деревенскихъ знахарей - психіатровъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы найти настолько сильнаго и искуснаго дѣда, который быстѣ бы въ состояніи осилить порчу, предварительно узнавъ настоящаго виновника ея, и могъ совладать съ сидящимъ въ больномъ бѣсомъ. Многіе изъ этого вида знахарей пользуются необыкновенно большой известностью и влияніе мно-

Леченіе душевно-больныхъ и взглядъ народа на психіатрическія учрежденія.

тихъ изъ нихъ простирается на гораздо болѣе обширные районы, чѣмъ простыхъ знахарей-лекарей. При этомъ очень большой интересъ имѣть слѣдующее обстоятельство. Примѣнія тѣ или другій средства, эти знахари обыкновенно предупреждаютъ, что если больному, въ извѣстный промежутокъ времени, не сдѣлается лучше, значитъ, вылечить его невозможно. Дѣйствия средствами, лечебное значеніе которыхъ заключается, главнымъ образомъ, въ терапевтическомъ внушеніи, они, чисто опытнымъ путемъ, выдѣляютъ цѣлый рядъ страданій, имѣющихъ истерическую основу и доступныхъ для внушенія, отъ тѣхъ, которыхъ носятъ органическій характеръ и при которыхъ внушеніе является уже безсильнымъ. Вмѣсть съ тѣмъ, становится понятнымъ и это упорное подчасъ исканіе «сильныхъ» знахарей: значеніе личности, производящей внушеніе и дѣйствующей на волю и больное воображеніе пациента, при истерической подкладкѣ его страданія, является однимъ изъ самыхъ главныхъ и важныхъ моментовъ. Всѣ эти знахарские способы внушенія—заговоры, нашептыванія, питье наговорной воды, земли съ могилъ и т. п. суевѣрныя средства, съ которыми мы познакомились уже въ достаточной степени, по частотѣ своего примѣненія у душевно-больныхъ въ деревни, могутъ соперничать развѣ только съ внушениемъ и самовнушениемъ религіознымъ, достигаемымъ употребленіемъ различныхъ религіозныхъ средствъ. Примѣненіе этихъ послѣднихъ и въ особенности посыщеніе монастырей съ чтимыми и чудотворными иконами, отчитываніе и чтеніе цѣлительныхъ и заклинательныхъ молитвъ, совершаются чуть ли еще не съ большую настойчивостью, чѣмъ только-что указанныхъ и очень нерѣдко, послѣ тщетной надежды и безплодныхъ исканій, влечетъ за собою прекращеніе всякой дальнѣйшей заботы о больномъ¹⁾.

Всего позже и съ гораздо меньшюю настойчивостью примѣняется врачебная помощь, полезность которой многіе отрицаютъ совершенно: «нешто можно отъ дурости вылечить, вѣдь это напущенное?». Относительно больницъ для душевно-больныхъ поразительно широко распространено убѣжденіе, что тамъ не столько лечатъ больныхъ, сколько «смиряютъ», почему и называются эти боль-

¹⁾ Явленіе это имѣеть свое историческое основаніе. Практика жизни выработала обычай посылать душевно-больныхъ для призрѣнія въ монастыри и Сенатъ, указами въ 1725 и 1727 гг., оформилъ обязанность монастырей принимать душевно-больныхъ «для исправленія ума и для призрѣнія ихъ по долгу христіанской любви». Такой порядокъ продолжалъ существовать почти до конца XVIII ст., когда начали открываться дома для умалищенныхъ.

ницы «смирительными» домами—старое и до сихъ поръ не вышедшее изъ употребленія название. По мнѣнію очень многихъ, отправить туда болѣнаго—это, значитъ, отдать его на добровольное мученіе. Разсказовъ про то, какъ тамъ бываютъ, истязаютъ и даже совсѣмъ умариваются болѣнныхъ, не исключая и тѣхъ, которые уже выздоравливаютъ, циркулируетъ среди крестьянской массы великое множество. Вотъ почему везутъ туда болѣнныхъ почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда они становятся неныносимымъ бременемъ для семьи или проявляютъ преступныя наклонности, вызывающія опасенія, «какъ бы не быть, въ случаѣ чего, въ отвѣтѣ»¹). Помимо страха передъ смирительными домами, иногда выступаетъ и онасеніе, какъ бы такой отправкой не набросить тѣнь и не опорочить семью болѣнаго: «скажутъ тогда, что весь родъ ихъ сумасшедший и дѣвокъ не будутъ братъ нанихъ».—Весьма также часто выступаютъ материальныя соображенія и боязнь, какъ бы не пришлось платить за содержаніе болѣнаго въ больницѣ: «оно хоть и нужно было бы свести въ сумасшедшій домъ, да кто его вѣдаетъ, доколь онъ тамъ пробудется? Хорошо, какъ скоро выздоровѣстъ или погрѣбъ, тогда все-таки терпимо, а, какъ, на грѣхъ, да долго проживетъ, тогда и думай, какъ быть: всю кожу сдеруть, разорять въ корень». Нерѣдко по этой же причинѣ противятся отправкѣ болѣнаго въ психіатрическія учрежденія и сельскія общества².

«—Въ церкви ужъ такъ жутко мнѣ! Какъ войду въ нее, гляну кверху и подумаю: ну, вотъ, сейчасъ завалится» (Жиздринск. у. Калужск.).

— Больше всего не любить онъ поповъ, иконъ, ладану, св. воды, но еще томнѣе ему, какъ запоютъ въ церкви «херувимскую пѣснію» или когда я собираюсь причащаться. Въ это время духъ начнетъ во мнѣ томноваться и ходить: то въ голову вступитъ, то въ руки, то въ ноги, то къ сердцу подвернется, вродѣ комка, то къ горлу подкатится и совсѣмъ заполонитъ мнѣ дыханіе. Другой разъ такъ и думаю, что, вотъ, распроцусь съ своею жизнію» (Ливенскій у. Орл. г.).

**Клиники. Са-
моощущеніе
клиническіи
и представле-
нія народа о
клиническіи.**

¹⁾ Орловск., Болховск., Караб. и Ливенск. уу. Орлов. г., Шуйск. у. Владим. г., Порховск. у. Псковск. г., Ветлужск. у. Костром. г. и др.

²⁾ По этимъ причинамъ, а также вслѣдствіе недостатка психіатрическихъ учрежденій, громадное большинство душевно-больныхъ находится въ лечебного надзора и ухода и пользуется, такъ сказать, домашнимъ деревенскимъ «патронатомъ». Число болѣнныхъ, пользовавшихся больничнымъ призрѣніемъ, къ началу 1898 г., равнялось 22½ тыс. («Изслѣдованіе о душевно-больныхъ по отчетамъ русскихъ психіатрическихъ заведеній». Игнатьевъ. 1902 г.).

«Это была худая, высокая женщина, съ впалой грудью, зеленистымъ цветомъ лица, большими тусклыми глазами и плотно сжатыми губами, на которыхъ никогда не появлялась улыбка. Выраженіе болѣзnenности и тяжелой скорби застыло на ея истощенномъ лицѣ. Она не пропускала ни одной службы и каждую обѣдню, во время чтенія Евангелія и пѣнія Херувимской, начинала кричать кукушкой. Въ большиіе праздники и, въ особенности, на страстной недѣлѣ припадки были сильнѣе и продолжительнѣе. Тогда она кричала даже послѣ службы, подражая всевозможнымъ животнымъ: выла волкомъ, ревѣла коровой, свистала соловьемъ, каркала ворономъ и страшно стонала. «Лихо мнѣ, лихо!—кричала она во время чтенія Евангелія:—жжетъ, совсѣмъ сгорѣла! вотъ же тебѣ, вотъ, не ходи сюда, не мучь меня!» При этомъ кликуша рвала на себѣ волосы и старалась изо всей силы биться головой объ полъ. Часто во время службы она разражалась ругательствами на священника и чѣмъ набожнѣе былъ священникъ, тѣмъ ругательства были ожесточеннѣе. Иногда больная выбѣгала изъ церкви, сбрасывала съ себя верхнюю одежду и засучивала рукава.—«Спи, спи, Пелагея,—обращалась она къ самой себѣ,—а я, добрый молодецъ, Ермолай Ивановичъ, погуляю, вотъ, погуляю»,—и съ неприличными прибаутками плясала въ присядку. Всегда, въ подобныхъ случаяхъ, она окружалась толпою бабъ, которые съ одинаковымъ, каждый разъ, интересомъ слушали и повторяли ея слова: «ипъ, ипъ, расходился, просто ужасъ береть»,—обыкновенно твердили онѣ, покачивая головами.—«Господи, спаси и сохрани отъ этого всякаго крецена!—И есть же такіе злодѣи, что только дѣлаютъ».—«Э, сестры, кто ийдетъ на такія дѣла, тотъ своего родного дѣтенка не пожалѣть: вѣдь, они ему покоя не даютъ, все работы просятъ»,—толкуютъ на разные лады бабы.

Дойдя до изнеможенія, кликуша садилась на землю и сидѣла, упираясь конвульсивно сжатыми руками. Страшно блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ и перекосившимися глазами, съ выраженіемъ злѣрской и безмысленной злобы, она была положительно страшна: въ ней было, дѣйствительно, что-то дьявольское» (Жиздринск. у. Калужской г.).

«Апрасюха лежитъ на полу и кукуетъ кукушкой. Около нея стоитъ мужъ, поддерживая голову, и толпа бабъ, сбѣжавшихся на припадокъ со всѣхъ концовъ деревни.—«Вотъ, мученица-то,—не решаютъся онѣ:—вишь, какъ мается, сердешная».—«Смотри, смотри, у ней што-то подъ глоткой сигаетъ»,—замѣчасть одна баба.

—«А давайте-ка у ей спросимъ, кто ее испортилъ?—предлагаетъ другая:—она, бывало, рассказывала». Апрасюха бросила кричать кукушкой, залаяла по собачьи, а потомъ заговорила: «вы што тамъ балакаете? штобъ я сказала вамъ, кто меня испортилъ? Не скажу, не скажу! Ха-ха-ха! чавъ-чавъ-чавъ! Ку-ку-ку-ку!»—«Послушай, Осипъ, ты бы положилъ ей на грудь поклонный крестъ»,—совѣтуютъ мужу.—«Не хочу, ой, ой, не хочу! Не буду, не буду!—кричитъ Апрасюха. Мужъ беретъ изъ божницы крестъ и несетъ къ больной.—«Гавъ-гавъ-гавъ,—лаетъ она на крестъ и начинаетъ биться и мечтаться, когда хотятъ положить его на грудь: ой, тяжко, умираю!»—кричитъ Апрасюха. Крестъ снимаются и опять ставятся на божницу.—«Ну, Апрасинъ, скажи же, кто тебя испортилъ?—начинаетъ спрашивать мужъ.—«Я не Апрасинъ, я Кузьма: вотъ, кто я.—«Ну, Кузьма, скажи, зачѣмъ ты сюда попалъ?»—«Не скажу».—«Нѣть, скажешь».—«Да што ты ко мнѣ присталъ, идалъ, идалъ, чортъ!»—«Надѣнь ты ей на голову хомутъ, тогда она скажеть»,—прерываетъ допросъ одна изъ бабъ. Приносятъ хомутъ и насильно надѣваютъ на шею Апрасюхѣ.—«Ну, говори теперь, кто тебя усадилъ сюда?»—«Усадила меня мать наша, она теперь умерла».—«А скоро ты отсюда выдешь».—«Мнѣ и тутъ хорошо».—«Што жъ ты одинъ тутъ сидишь, ай васъ тутъ много?»—«Одинъ: я и одинъ управлюсь».—«Охъ, и грѣхъ же ей будетъ,—разсуждаютъ, расходясь, бабы:—на хрестъ-то, разя, можно брехать, какъ она?»—«Да, рази, это она брехала? брехаль тотъ, который сидитъ въ ей».—«Хто жъ тамъ сидить?»—Вѣстимо, кто—чортъ».—«Ну, чортъ въ хрененаго человѣка не поглѣзть—ему нельзя».—«Знамо, какои чортъ? душа заливщика¹⁾ или удавленика, вотъ кто»,—разъясняетъ недоразумѣніе одна изъ бабъ: «хучь онъ и продалъ душу чорту, а все же онъ хрененый, вотъ, и можетъ подойти къ человѣку и влѣзть въ него» (Орловской г. и у.).

Кликушество, болѣзнъ совершенно неизвѣстная нанимъ куль-
турнымъ классамъ и исключительно распространенная среди дере-
венского населенія, какъ нельзя больше доказывается, насколько
сильны среди народа суевѣрія и какъ глубоко проникаютъ они въ
народную душу. Уже въ самомъ названіи «кликуша», или «кри-
кушка»²⁾, заключается указаніе на суевѣрный характеръ этого стра-

Причины кли-
кушества.

¹⁾ Утопленникъ.

²⁾ Въ Орловскомъ у. (Вятск. г.) кликуши, по имени сидящаго бѣса, назы-
ваются «кикиморами».

дания: она выкликает имя того лица, которое ее, будто бы, испортило и называетъ бѣса, который въ ней сидить. Соответствующа эпидеміямъ бѣсноватости, столь частымъ и поглотившимъ столько жертвъ на инквизиціонныхъ кострахъ, въ XV—XVII вв., въ Западной Европѣ, кликушество изъ древней Руси¹⁾ доходитъ до новѣйшаго времени и даетъ не только многочисленные отдельные случаи заболѣваній, особенно часто встречающіеся въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ Россіи, но иногда выражается настоящими эпидемическими взрывами²⁾. Будучи по своему существу истерическимъ неврозомъ, съ цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ проявленій со стороны двигательной и чувствительной сферы, кликушество представляется вмѣстѣ съ тѣмъ явлениемъ настолько своеобразнымъ и сложнымъ, что не укладывается ни въ одну изъ существующихъ рамокъ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Безъ сомнѣнія, въ его развитіи немаловажную роль играетъ, прежде всего, такъ называемое «личное предрасположеніе». При истерической основѣ страданія, лица впечатлительныя и нервныя, съ наклонностью къ истеріи, заболѣваютъ всего чаще. Кликушество почти исключительно свойственно женщинамъ, притомъ, нерѣдко, съ тѣми или другими неправильностями со стороны половой сферы. Между мужчинами «крикуны» такъ же рѣдки, какъ рѣдки субъекты съ истерической организацией и только нѣсколько чаще встречаются между ними «икотники», страдающіе икотной формой кликушества³⁾. Большое значеніе въ развитіи кликушества имѣть также подражаніе. Русская женщина-крестьянка съ юныхъ лѣтъ хорошо запечатлѣваетъ въ себѣ картину кликушечныхъ припадковъ, зрительницей которыхъ она является у себя въ деревнѣ, сельской церкви, близкихъ и дальнихъ монастыряхъ и какъ бы безсознательно обучается тѣмъ проявленіямъ болѣзни, которая воспроизводить и отомъ, благодаря болѣзненному подражанію. Въ нѣ-

¹⁾ Название «кликуша» впервые встречается въ письменныхъ актахъ въ началѣ 17 стол. (Афанасьевъ). До этого времени это явленіе исключительно слыло иодь именемъ бѣснованія, или бѣсноватости.

²⁾ Эпидемія кликушества въ д. Ащеупокій, Гжатск. у. Смоленск. г., въ 1898—1899 гг. и д. Большой Дворъ, Тихвинск. у. Новгор. г., въ 1900 г. (Краинскій). Число кликушъ въ одномъ Гжатскомъ у. было опредѣлено д-ромъ Краинскимъ въ 200—300 ч., а во всей Россіи опредѣляется многими тысячами, если не десятками тысячъ. Особенно много кликушъ въ Московск., Смоленск., Орловск., Калужск., Тульск., Новгородск. и Вологодской гг.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской г. мужчина-икотникъ носитъ название «міряка» (Максимовъ).

которыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ, повидимому, играетъ роль и сознательное притворство, хотя и не имѣть того значенія, какое отводилось ему нашимъ законодательствомъ, начиная съ Петра Великаго и почти до самого послѣдняго времени¹⁾. Но всѣ эти условія даже во всей совокупности не въ состояніи развить полной картины кликушества. Главная основа, на которой оно развивается, это глубокая и неотразимая вѣра въ порчу, въ видѣ вселенія въ кликушу бѣса.

Самые способы порчи при кликушествѣ не отличаются отъ тѣхъ, при помощи которыхъ производятся и другія заболѣванія. Кликушечная порча подкладывается къ порогу, чрезъ который должна пройти намѣченная жертва, подносится въ видѣ пищи и питья, проглатывается въ видѣ мухи, водяного жука, или вертячки, производится часто «насыльнымъ бѣсомъ» въ видѣ собаки, кошки, курицы и т. п. Какъ и въ другихъ случаяхъ, порча эта вызывается и ударомъ по плечу, иногда взглядомъ колдуна и чаще какимъ-нибудь, сказаннымъ въ видѣ угрозы или зложелательства, словомъ²⁾. Вхожденіе бѣса въ человѣка, какъ результатъ порчи, допускается, какъ известно, народными воззрѣніями и при другихъ заболѣваніяхъ, напр., при кашлѣ, чахоткѣ и даже простомъ урчаніи живота, но нигдѣ не получаетъ такого яснаго и рельефнаго выраженія, какъ здѣсь. Въ связи съ указанными выше условіями, идея порчи настолько глубоко овладѣваетъ воображеніемъ кликуши, что приобрѣтаетъ характеръ какъ бы навязчивой идеи, затрагиваетъ, такимъ образомъ, уже чисто психическую сферу и дѣйствуетъ тѣмъ неотразимѣ, что поддерживается почти всеобщимъ убѣждениемъ въ совершенной возможности такого вида заболѣванія. Дѣйствительно, едва ли есть какое-либо другое заболѣваніе, относительно происхожденія котораго царило бы такое всеобщее и единодушное народное согласіе. «Подпустили», «всадили», «посе-

¹⁾ Указъ Петра Великаго, отъ 7 мая 1715 г., о поимкѣ кликушъ и приводѣ въ приказы для розыска. Эта взглядъ на доминирующее значеніе притворства въ кликушествѣ нашелъ себѣ выраженіе и въ позднѣйшемъ законодательствѣ: «такъ называемыя кликуши, которые дѣлаютъ на кого-либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло, будто бы посредствомъ чародѣйства, подвергаются за сей злостный обманъ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8-ми мѣсяцевъ» (ст. 937 Улож. о наказ.).

²⁾ Ливенск., Брянск., Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г., Шуйскій и Мценсковск. уу. Владим. г., Калужск. г. и у., Пензенск. г. и у., Новоладожск. у. С.-Петербург. г., Грязовецк. у. Вологодск. г., Солигалич. у. Костромск. г.

лили» бѣса—таково определение сущности порчи при кликушествѣ почти повсюду. Народное мнѣніе расходится только въ томъ, что одни допускаютъ самовластное вхожденіе бѣса въ кликушу, другіе же исключительно по «насылу» злыхъ людей и колдуновъ». Лишь немногіе, наиболѣе послѣдовательные, придерживаются нѣсколько особенного взгляда, утверждая, что въ кликушахъ сидить не чортъ, а, какъ мы видѣли это выше, души утопленниковъ и другихъ самоубійцъ, такъ какъ въ крещенаго человѣка настоящій бѣсъ вселиться не можетъ (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г., Грязовецк. у. Вологодск. г.).

Такимъ образомъ, кромѣ самовнушенія, какъ основы порчи, на кликушу дѣйствуетъ и общее, какъ бы массовое внущеніе. Существуя вначалѣ лишь въ формѣ боязни и страха, мысль о томъ, что она испорчена, все болѣе и постепенно укрѣпляется въ кликушѣ подъ вліяніемъ тѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя развиваются у ней предъ появлениемъ настоящихъ кликушечныхъ припадковъ. Боль подъ ложечкой, чувство подкатыванія подъ сердце, явленія, которыя, можетъ быть, у ней существовали и раньше, но не фиксировали ея вниманія, стѣсненіе сердца, чувство удушья и истерической глобусъ, онѣмѣніе спины и конечностей, чувство ползанія мурашекъ, фибриллярныя подергиванія и другія разнообразныя и необъяснимыя для кликуши ощущенія чисто нервнаго характера, толкуются ею, какъ несомнѣнное проявленіе злой силы, которая вошла въ нее и производитъ всѣ эти страшныя и тягостныя для нея явленія. Всегдѣ за этимъ у кликуши развивается особенное состояніе, которое характеризуется боязнью и страхомъ святостей.

Бѣсы не любятъ и не выносятъ иконъ, креста, св. воды, ладана, богослуженія и особенно самыхъ важныхъ его моментовъ — чтенія Евангелія, херувимской иѣсни и Св. Причастія. Вынесеть или не вынесеть кликуша святость этихъ моментовъ, когда будетъ въ церкви? вотъ вопросъ, который долженъ разрѣшить еще остающееся сомнѣніе насчетъ присутствія въ ней бѣса. — «Мамочка, голубушка,—просить она въ недоброму предчувствіи,—не губи, не зови ты меня въ церковь, знаю, что не состоится мнѣ». Вся трепещущая, переполненная страхомъ, кликуша ждетъ рокового момента и, при первыхъ словахъ св. иѣсни или Евангелія, разражается кликушечнымъ припадкомъ: наступленіе его становится такимъ же неизбѣжнымъ, какъ явленіе графофобіи или агорафобіи при нѣрастеніи. Кликуша падаетъ на землю и начинаетъ биться въ судорогахъ и

«кричать на голоса». Крикъ этот иногда выражается неопределеными звуками, выкрикиваниемъ или пронзительнымъ визгомъ, иногда прерывается судорожнымъ рыданиемъ, а иногда напоминаетъ голоса животныхъ: собачий лай, пѣніе пѣтуха, ржаніе лошади, мяуканье кошки и т. п. Въ другихъ случаяхъ—это определенные слова, относящіяся съ субъективному состоянію кликуши, испортившему ее лицу, способу порчи и пр.—«Ой, лихо, лихо мнѣ, ой, тошно, ой, тяжко!»—кричитъ кликуша.—«Матрешка, Матрешка, это ты меня испортила, собака ты этакая, это ты, потаскуха, мнѣ бѣса посадила! Вонъ, онъ тутъ, тутъ сидитъ», —увѣряетъ кликуша, ударяя себя по животу: настолько ясно для нея ощущеніе сидящаго въ ней бѣса, непреодолимо убѣжденіе относительно лица, причинившаго порчу и такъ ясень самыій моментъ порчи. Идея бѣсодержимости овладѣваетъ кликушой иногда настолько сильно, что она говоритъ отъ имени сидящаго въ ней бѣса и даже называетъ себя его именемъ. — «Да нѣтъ же, нѣтъ, нельзя мнѣ убить Нелагею,—говорить кликуша сама про себя:—какъ улетитъ ея душенька изъ тѣла, куда я тогда дѣнусь? куда скроюсь?»—«Марфуша, Марфуша!»—зовутъ кликушу.—«Какая я Марфуша? я Евстигній, а не Марфуша»,—отвѣчаетъ она. «Ей, Селифонъ Иванычъ разыгрывается»,—кричитъ третья кликуша въ состояніи кликушечного транса. Выкрикивашія эти сопровождаются судорожными движениями туловища и конечностей, щелканьемъ зубами, иногда пѣной у рта, икотой, рвотными движениями, синюхой лица, потоотдѣленіемъ и тяжелымъ, прерывистымъ дыханіемъ. Во время наивысшаго возбужденія съ языка кликуши нерѣдко сыплются градомъ площадныія ругательства, точныія воспроизведенія тѣхъ, которыхъ обычно приходится слышать въ деревни. Она плюетъ и ругаетъ иконы, бросается на священника, богохульствуетъ, съ неистовствомъ отталкиваетъ Св. Причастіе и часто развиваетъ такую мышечную силу, что нѣсколько сильныхъ мужиковъ едва въ состояніи бываютъ удерживать и бороться съ ней. Картина эта должна действовать на присутствующихъ тѣмъ поразительнѣе, что многихъ изъ этихъ больныхъ они знаютъ въ обыденной жизни за кроткихъ, смиренныхъ, богобоязненныхъ и совсѣмъ не сильныхъ женщинъ. Особенно поражаетъ деревенскую публику наблюдаемая часто бесплодность попытокъ и усилий дать кликушѣ Св. Причастіе. Она доходитъ до послѣднихъ границъ сопротивленія, причастіе, уже введенное въ ротъ, не можетъ проглотить и выражаетъ на своемъ лицѣ непріятворный ужасъ и страданіе: въ это время она чув-

ствует судорожный и мучительный спазм глотки. Убежденie, что больную мучить, корежить и ломать чортъ, передается и окружающимъ, и въ душу каждой присутствующей женщины невольно закрадывается опасеніе и страхъ, что то же можетъ случиться и съ ней.—«Не я одна испорчена, закричать и другія»,—предсказываетъ во время припадка кликуша.—«Не я ли?—въ ужасѣ думаетъ каждая баба, мучится, припоминаетъ каждое слово и разбираетъ малъшіе отгѣшки своихъ отношений къ лицу, которого выклінула и назвала, какъ виновника порчи, кликуша. Создается атмосфера всеобщаго напряженія и массового ожиданія чего-то необычайнаго. Такимъ образомъ возникаетъ эпидемія кликушства.

Первый принадоекъ съ кликушой обыкновенно случается въ церкви, при богослуженіи на дому, во время крестнаго хода и т. п. торжественныхъ моментовъ, а послѣдующіе, когда порча стала несомнѣнной и уже доказанной, вызываются нерѣдко ударомъ церковнаго колокола, встрѣчей со священникомъ, запахомъ ладана, сильными душевными волненіями и особенно часто при видѣ и нанесеніи обѣ испортившемъ кликушу лицъ. Въ некоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, по преимуществу въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ населеніемъ, боязнь святостей замѣняется боязью табачного дыма, а въ другихъ, еще болѣе рѣдкихъ, боязью покойниковъ (Орловск. у. Вятск. г., Тихвинск. у. Новгородск. г., Попехонск. у. Ярославск. г.). Иногда самая боязнь святостей видоизменяется такимъ образомъ, что кликуши не переносятъ только какую-либо одну изъ нихъ. Нѣкоторыя не выносятъ вида духовныхъ лицъ. «Когда я увижу попа,—передаетъ одна кликуша,—то сидящій во мнѣ духъ начинаетъ его ругать, а иногда принуждаетъ броситься на него съ кулаками, обѣщаюсь за это легче меня мучить» (Болховск. у. Орловск. г.). Другія не выносятъ только херувимской пѣсни.—«Молиться Богу и состоять въ церкви могу, только ни за что не могу удержаться, когда запоютъ херувимскую пѣснь: тогда потянетъ во мнѣ всѣ жилы и я подниму воинъ» (Гризов. у. Волог. г.). Многія, проявляя рѣзкую нетерпимость къ другимъ святыямъ, легко выносятъ главную изъ нихъ—Св. Причастіе.—«Когда я приобщаюсь,—передаетъ одна такая кликуша,—онъ молчитъ. Онъ можетъ меня мучить, а до исповѣди и причастія не можетъ не допустить: ему дана власть надъ тѣломъ, а не надъ душой—душой Божія» (Жиздринск. у. Калужск. г.).

**Амнезія и
ясновидѣніе
кликушъ.**

Присутствіемъ духа въ кликушѣ объясняется одно изъ самыхъ постоянныхъ и главныхъ явлений, сопровождающихъ кликушечный

ирипадокъ — это запамятование того, что происходит съ кликушой во время припадка. Все, что говоритъ и продолжаетъ въ припадокъ кликуша, дѣлаетъ и говоритъ не она, а сидящій въ ней духъ и потому то она ничего не помнить о припадокѣ: «это бѣсь кличетъ, а сама баба и не знаетъ, кого она называла». Это состояніе амнезіи относительно припадка очень рѣшительно объясняется крестьянами тѣмъ, что чортъ «отшибаетъ» у кликуши всяющую память (Ливенск. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Тѣмъ же присутствіемъ духа объясняется и другое, не менѣе постоянное явленіе, наблюдаемое у кликушъ — это ихъ ясновидѣніе. Существуютъ многочисленные факты, что кликуши различаютъ св. воду, оказываютъ противодѣйствіе и впадаютъ въ припадокъ при попыткахъ, тайкомъ, надѣть на нихъ крестъ, узнаютъ приближеніе захаря, приглашенаго для лечения кликуши, предчувствуя приѣздъ врача въ деревню и, особенно часто, чувствуютъ приближеніе священника, особенно со Св. Дарами или крестомъ¹⁾. «Несеть его нелегкая, провалиться бы ему, ноги бы ему сломать», ругаетъ священника кликуша, задолго до его приѣзда (Вязниковск. у. Владимірск. г.). «Вонъ, тамъ, далеко, за горкой, и опятьѣдетъ, не пускай его, не хочу, чтобы тутъ онъ былъ», — кричитъ кликуша въ припадокъ и вѣрно предсказываетъ приѣздъ священника, черезъ часъ являющагося въ деревню (Брянск. у. Орлов. г.). «Пошли мы nonб,» — разсказываетъ одна баба, — встрѣтить Тольскую Божію Матушку и взяли съ собой кликушу — Акулину. Дорогой сѣли отдохнуть, такъ, около дороги, за бугоркомъ. Только видимъ, что съ Акулиной стало что-то неладное твориться. Мы, это, посматриваемъ на нее, а она какъ закричитъ, ай, ай, попѣ иде, икону несе, ахъ, матушка, задаве меня! Смотришь, немножко погодя, и вправду, изъ-за бугорка икону подносятъ» (Ливенск. у. Орл. г.).

Но ясновидѣніе кликушъ не ограничивается одной только религіозной сферой. Существуетъ увѣренность, что во время припадка кликуша не только вѣрно опредѣляетъ прошедшее, но можетъ предсказывать и будущее, узнать, какое съ кѣмъ будетъ несчастье или радость, кому грозить смерть и т. п. Она, будто бы, все знаетъ, все выводить на чистую воду, можетъ сказать, кого испортили,

¹⁾ Грязов., Сольвычег. и Кадниковск. уу. Волог. г., Гжатск. и Дорогобуж. уу. Смол. г., Тихвинск. и Черепов. уу. Новгор. г., Меленк. и Вязник. уу. Владим. г., Калужск. у. и г., Орловск., Брянск. и Ливен. уу. Орловск. г., Пощекон. у. Ярославск. г., Новоладожск. у. С.-Петерб. г.

подожгли, обокрали, указать виновное лицо, описать его наружный видъ и указать мѣсто покражи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ только съ кликушой начинается принадолъ, къ ней со всѣхъ сторонъ бѣгутъ узнавать будущее. Женщины спрашиваютъ о дѣтяхъ и мужьяхъ, живущихъ на чужой сторонѣ, девушки о томъ, когда ониѣ выйдутъ замужъ и какой у нихъ будетъ мужъ, а мужики, продать ли муку или овесь, покупать ли лошадь, что дѣлать съ больной скотиной и т. д? Всего чаще мужики пользуются кликушами для определенія покражи, при чемъ приводятся довольно многочисленные факты вѣрнаго указанія на лицо, совершившее покражу и мѣстонахожденіе пропавшей вещи, наряду съ такими, гдѣ такой способъ розыска являлся источникомъ печальныхъ недоразумѣній¹⁾). Для большаго успѣха предсказаній иногда необходимо навѣстить на кликушу замокъ или надѣть хомутъ, такъ какъ при этомъ, будто бы, всего лучшее «сказывается» производящій предсказаніе бѣсъ. Чтобы его задобрить и расположить къ предсказанію, хорошо называть его ласкательнымъ именемъ или величать по имени и отчеству.—«Скажи мнѣ, Кузюшка, — обращается баба къ кликушѣ-угадкѣ, — отдавать мнѣ дочь въ Ястребинку, аль нѣтъ?»—«Отдавай, не раздумывай, сама послѣ узнаешьъ».—«А што, мой сынъ, живъ? — спрашиваетъ другая. — «Живъ, въ трактире сидитъ, чай пьетъ, тебѣ скоро письмо пришлеть».—«Скажи, Кузюшка, итогу меня будутъ дѣти?»—обращается къ кликушѣ третья. — «Нѣтъ, не будутъ: у тебя и твоего мужа кровь запортили, ишио, когда вы были молодые».—«Скажи и мнѣ, Кузюшка»...—«Не скажу больше, пошли вонъ», — гонитъ бабу кликуша и снова начинаетъ кричать «на голоса» (Орлов. г. и у.).

— Прѣѣхали мы, — передаетъ баба, — къ кликушѣ вечеромъ. Народу понадѣжало — конца нѣть. По утру встаемъ, идемъ къ ней въ хату, видимъ: сидитъ на перехресткахъ, подъ святыми, старая старуха, растопыривши ноги, голову въ колѣнки вогнувші. Смотришь, народъ къ ней подходитъ, кладетъ ей въ колѣнки булки и кричитъ: ногадай, Михайлъ Иванычъ! Начинаетъ она сначала ржать по-лошадиному, по-собачьему брехать, а какъ, этта, откричитъ, глаза у ней сдѣлаются все одно, какъ огонь, и начинаетъ она угадывать, кому што будетъ. Рассказывается, кто испорченъ, кому привороты сдѣлали, кому насыпка дѣлается. Къ ней въ хату при насть народу нашло и набѣжало столько, што мы промежу ихъ насили вышли изъ

¹⁾ Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Пензенск. г. и у., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г., Орловск. у. Вятск. г.

избы, я даже поневу тутъ на себѣ, въ народѣ порвала» (Кромск. у. Орловск. г.).

Иногда, чтобы узнать правду, необходимо бываетъ разсердить кликушу, напр., взведя поклѣпъ въ пропажѣ на нее.—«Не я брала, не я,—кричитъ тогда кликуша:—укралъ дворковскій мужикъ Костя, а поклѣпъ въ сарай за сѣно» (Мещовск. у. Калуж. г.). Это ясновидѣніе кликуши въ нѣкоторыхъ случаяхъ находитъ себѣ совершенно особенное объясненіе: будто бы, въ то время, когда, послѣ бурныхъ проявленій припадка кликуша лежитъ безъ движения и какъ бы спить, бѣсъ выходитъ изъ нея, рыскаетъ по свѣту и разузнаетъ о спрашиваемомъ (Пензенск. г. и у.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда заболѣваніе кликуши приписывается не пребыванію въ ней бѣса, а душѣ удавленниковъ и утопленниковъ, имъ же приписывается, хотя и не безъ подмоги чорта, ясновидѣніе кликуши «извѣстно, утопленнику говоритъ чортъ, а утопленникъ намъ»,—утверждаютъ на этотъ счетъ орловскіе мужики¹⁾.

Объясняется ли эта способность ясновидѣнія кликушъ особенностью ихъ чувствъ во время припадка, сводится ли къ чтенію мыслей и двигательнымъ внушеніямъ, или зависитъ отъ какихъ-либо другихъ еще неизвѣстныхъ условій, она стоитъ въ всякихъ сомнѣній и представляется въ высшей степени интересной. Интересъ ея еще болѣе увеличивается, если ее рассматривать въ связи съ амнезіей о припадкѣ кликушъ и необыкновенно сильной внушаемостью: кликуши въ высшей степени легко впадаютъ въ глубокій гипнотической сонъ, не только отъ краткаго словеснаго внушенія, но даже отъ простого закрытія вѣкъ, съ надавливаніемъ пальцами глазъ (Краинскій). Эти три явленія невольно сближаютъ кликушество съ сомнамбулизмомъ, гдѣ также легко наступаетъ гипнотической сонъ, существуетъ такая же амнезія и гдѣ сомнамбула опредѣляетъ задуманное имя и число, называетъ зажатую въ руку монету, отыскиваетъ спрятанные предметы и т. п.²⁾.

Разница между этими двумя состояніями заключается лишь въ

Кликушество
и сомнамбу-
лизмъ.

¹⁾ Нѣкоторые калужане, напротивъ, рѣшительно отвергаютъ ясновидѣніе кликушъ, на томъ основаніи, что «лукавый не можетъ говорить правды» (Жиздрин. у.).

²⁾ Гипнотическое ясновидѣніе въ настоящее время можетъ считаться точно установленнымъ фактомъ и д-ръ Paul Joire, проф. психо-физиологического института въ Парижѣ, считаетъ его даже пригоднымъ для цѣлей юриспруденціи—обстоятельство, дѣлающее уже не такъ смѣшнымъ нашего мужика, въ его розыскахъ покражи черезъ кликушъ («L'hypnotisme et la jurisprudence». Deuxi me congr s international de l'hypnotisme exp rimental et th rapeutique. Paris. 1902).

тому, что внушение со стороны экспериментатора при сомнамбулизме замыкается самовнушением кликуши, которое так же парализует ее волю и дает ее рабой самовнушенной идеи, как внушение экспериментатора дает рабой его воли сомнамбулу (Charcot). Такое состояние пассивности и полного безсилия лица совершенно верно понимается, по существу, и самими кликушами, и народомъ. По всеобщему и единогласному утверждению кликушь, слова и поступки ихъ зависятъ не отъ нихъ, а отъ сидящаго въ нихъ духа, которому онъ противиться не могутъ: «оно само крикнуло», —такъ опредѣляютъ иногда кликуши безсиліе своей воли въ нѣкоторые изъ моментовъ припадка. Точно также думаетъ и народъ: ни площадная ругань кликушь, ни богохульные слова ихъ и кощунственные поступки имъ не ставятся въ вину, такъ какъ, по мнѣнию народа, все это дѣлается не по ихъ волѣ.

Отношение народа къ кликушамъ и ихъ лечению.

Этотъ взглядъ народа на кликушь опредѣляетъ и его отношение къ нимъ. Едва ли какие другие больные встречаются столь же сочувственное отношение къ себѣ, какъ кликуши. Освобожденіе отъ тяжелыхъ работъ, ласковость обращенія, стремленіе угодить и, насколько можно, облегчить ихъ страданія наблюдаются почти повсюду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ лицѣ ихъ видятъ не только несчастныхъ, страдающихъ безвинно, но считаютъ даже мученицами¹). Помимо неприворныхъ страданій, которыхъ испытываютъ кликуши, такое участливое отношение къ нимъ объясняется еще и тѣмъ, что они почти никогда не дѣлаютъ вреда окружающимъ, не внушаютъ страха и для домашнихъ не составляютъ такой обузы, какъ многие другие больные. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ противоположность буйно-помѣшаннымъ, самый бѣсъ, входящій въ кликушу, не причисляется къ разряду злостныхъ, а считается силой, болѣе или менѣе, легкаго порядка: онъ называется иногда «шутомъ» (Муромск. у. Владим. г.), а иногда «кикиморой» (Орловск. у. Вятск. г.).

« — Ее бы слѣдовало свозить къ доктору,» — говорятъ про кликушу. — «Что тутъ докторъ? докторъ лечить простая болѣзни, а отъ порчи не поможетъ: развѣ онъ можетъ выгнать изъ нея бѣса? Тутъ надо искать знахаря или на богомолье сходить».

Такой безнадежный взглядъ ни медицинскую помощь является по меньшей мѣрѣ заслуженнымъ. Кликучество, какъ психическое страданіе, возникающее подъ влияніемъ внушенія и самовнушенія, требуетъ для своего излеченія не столько лекарственныхъ средствъ,

¹) Орловск. у. Вятск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Исадск. у. Пензенск. г.

сколько психическихъ, въ формѣ противовнущенія или лечебнаго внущенія. Поэтому нисколько не удивительно, что народъ, видя безплодность лекарственной медицины, такъ настойчиво стремится къ примѣненію противъ этого страданія молитвословій священниковъ и заговоровъ знахарей. При этомъ опять замѣчательно, что «отчитать» кликушу можетъ не всякий священникъ и снять съ нея порчу можетъ только извѣстное лицо. Иногда кликуша сама можетъ указать этого священника, крича во время припадкѣ: «боюсь попа Василія, боюсь!»—Узнавъ, путемъ разспросовъ, какой этотъ попъ Василій и обратившись къ нему, можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, никакой же другой священникъ кликушу не отчитаетъ¹⁾). То же и относительно сниманія порчи знахарями. Снять порчу, въ большинствѣ случаевъ, можетъ то же самое лицо, которое испортило кликушу, а если другое, то опять, непремѣнно, сильнейшее.—«Я дока,—говорить про себя знахарь,—а тотъ, который испортилъ, еще сильнѣе меня».—Эта народная вѣра въ значеніе личности отчитывающаго священника и врачующаго знахаря, какъ и въ другихъ случаяхъ порчи, нами уже указанныхъ, опять, замѣчательно, совпадаетъ съ фактамъ, установленнымъ школой Шарко относительно значенія, при гипнотическомъ внущеніи, личности гипнотизатора. Что касается знахарской терапіи, то знахарями, при леченіи кликушъ, кромѣ обычныхъ, примѣняются и многія специальныя средства, нерѣдко очень жестокія и неестественнія. Иногда больныхъ кликушъ сѣкутъ по тѣлу плеткой или вѣникомъ изъ разныхъ травъ (Гжатск. у. Смоленск. г.), кормятъ пѣтушиными головами (Грязовецк. у. Волог. г.) и поять водой съ пережженными обрѣзками изъ лошадиныхъ копытъ, собираемыхъ въ кузницѣ (Карачевск. у. Орловск. г.). Для удаленія бѣса выстригаются у кликушъ, на правомъ вискѣ, волосы и часть подоплеки подъ лѣвымъ рукавомъ рубахи, закатываются ихъ въ комокъ и сжигаются (Калужск. г. и у.), привязываются къ ногамъ кликуши лошадиные подковы, прижигаютъ каленымъ желѣзомъ пятки, а иногда, завязавъ рукава рубашки, зажигаютъ ихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ сжигаютъ и самую рубашку (Меленковск. у. Владимірск. г.).

Съ цѣлью предупредить припадокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Грязовецк. у. Вологодск. г.) зажимаютъ правую руку и заступаютъ

¹⁾ Большою популярностью въ этомъ отношеніи и славой настоящихъ цѣлителей, по сообщеніямъ нашихъ сотрудниковъ, пользуются одинъ старничекъ—монахъ въ Суздалѣ (Владим. г.), О. М. въ Московскому Симоновому монастырю, и, въ особенности, О. Г. въ с. Спасъ-Чекрикѣ (Болховск. у. Орловск. губ.).

лѣвую ногу кликуши, а въ другихъ (Пошехонск. у. Ярославск. г.) крѣпко стискиваютъ мизинецъ лѣвой руки. Для прекращенія припадка, когда кликуша раскричится до того, что ее невозможно ни чѣмъ унять, стискиваютъ ей горло (Инсарск. у. Пензен. г.) или надѣваютъ на голову горшокъ, съ дырой на днѣ (Орловск. г. и у.). Но самымъ частымъ терапевтическимъ и вмѣстѣ распознавательнымъ средствомъ, для опредѣленія испортившаго кликушу лица, является надѣваніе на неѣ хомута¹⁾). Будто бы, этого приема не выдерживаетъ ни одинъ бѣсь и сейчасъ же «оказывается». Кликуша, особенно если ее при этомъ взять за безымянный палецъ, непремѣнно указываетъ «врага» и дастъ, такимъ образомъ, возможность раскрыть и парализовать порчу. Тогда приводится къ кликушѣ мнимый колдунъ и она просить простить ее и выгнать изъ нея бѣса. Прощеная колдуномъ кликуша непремѣнно получаетъ испѣленіе, а не получившая прощенія должна искать другого, превосходящаго того по силѣ. Хомутъ, который надѣвается на шею кликушѣ, иногда непремѣнно долженъ быть боронной, въ другихъ случаяхъ сошной, а иногда (Шуйск. у. Владимірск. г. и Зарайск. у. Рязанск. г.) взятый съ потной лошади. Для болѣйшей точности опредѣленія жизнь кликуши при этомъ перевязываютъ иногда черезъ сѣдельникомъ: «тогда она ужь скажетъ вѣрно» (Орлов. г. и у.). Въ некоторыхъ случаяхъ является на сцену не только лошадиная упряжь, но и соха.—«Да, должно быть, испорчена,— глубокомысленно говорить знахарь послѣ осмотра кликуши:—надо ее въ соху запречь да въ поле пахать выѣхать—тогда окажется».—«Куда теперь въ полѣ?— снѣгъ кругомъ»,— возражаютъ ему.—«Это все равно, вѣдь, это не настоящая пашня, а надо только, чтобы сказалось».—«Подняли меня чуть живую,— передаетъ про эту пашню кликуша,— одѣли въ хомутъ, вывели на дворъ, запрягли въ соху, двое меня воло, куть, а двое соху тянутъ. Опомнилась я ужь въ полѣ. Какъ глянула, что кругомъ дѣлается, перепугалась, вырвалась отъ нихъ сбросила хомутъ и пустилась къ лѣсу, да такъ шибко, что никто изъ нихъ не могъ меня поймать. Откуда сила взялась, спряталась между деревьями и опять ничего не помню. Тутъ ужь меня по крику нашли и на рукахъ домой притащили. Билась я, говорять,

¹⁾ Вязниковск., Меленков. и Шуйск. уу. Владимірск. г., Дорогобуж., Юхновск. и Гжатск. уу. Смоленск. г., Грязовецк. у. Вологод. г., Ветлуж. у. Костромск. г., Калужск. и Жиздринск. уу. Калужск. г., Пензен. г. и у., Зарайск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у.

дорогой страсть: сразу оказался» (Жиздринск. у. Калужск. г.). Если кликуша плохо реагируетъ на всѣ подобныя мѣры, легко переносить «пытки» и не отвѣчаетъ на вопросы, то это является плохимъ признакомъ: значитъ, духъ сидитъ въ ней крѣпко, онъ посланъ сильнѣйшимъ колдуномъ и излеченіе кликуши очень трудно (Болховск. у. Орловск. г.). Трудность леченія иногда увеличивается оттого, что бѣсъ напускается въ человѣка на извѣстное время и тутъ, хоть лечи, хоть выговаривай, все равно, толку не будетъ (Ливенск. у. Орлов. г.). Нѣкоторые даже думаютъ, что кликушу можно вылечить только на первыхъ порахъ ея заболѣванія, такъ какъ бѣсъ, или замѣняющая его душа утопленика или удавленика, вѣтъ въ серединѣ человѣка гнѣзда и тогда бываетъ уже совсѣмъ невозможно его изгнать (Орловск. г. и у.).

Изъ религіозно суевѣрныхъ средствъ большой вѣрої въ свои цѣлебныя свойства пользуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непелъ изъ церковныхъ кадиль, собираемый съ 3-хъ великихъ обѣденъ, и церковный ладанъ, въ особенности «херувимскій», изъ Киева. Ладанный пепель настаиваютъ въ теченіе 12 зорь на богоявленской водѣ, взятой изъ 3-хъ церквей (Калужск. г. и у.¹⁾). Въ другихъ случаяхъ 3-хъ церквей мало и нужно гораздо больше.—«Съ 12-ти церквей,—рассказываетъ баба,— мы собирали ладанъ и двѣнадцать разъ за одно утро его кипятили. Начала я пить его, загомонила было крикъ, ино, скоро опять стосковалась. Снова стали мы составлять ладанъ, составили и поставили въ двухъ штохахъ подъ святой уголь. Стояли они до самыхъ полдень. Въ полдняхъ одинъ штохъ вдругъ лопнулъ, злѣй ружья, на мелкія склянки: это врагъ, какой во мнѣ посаженъ, не залюбилъ ладану» (Орловск. г. и. у.).

«—Возьметъ она, — передаетъ другая кликуша про свое лечение у старушки-богомолки,— жаровню, разведетъ въ ней огонь и бросить туда ладанъ. Ну, Пелагеюшка, нагнись, говоритъ, онъ этого страсть не любить. Нагнусь я надѣжаровней, а бабушка накроетъ меня одеждой. Дыши, дыши, говоритъ, не любить онъ этого. И точно, страсть не любить, сразу отомитъ и начнетъ кричать на всѣ голоса» (Жиздринск. у. Калужск. г.). Въ Орловской г. (Болховск. у.) это изгнаніе бѣса изъ кликуши совершается съ совершенно особыннымъ и необыкновенно сложнымъ и торжественнымъ церемоніаломъ. Какъ только женщина заголоситъ, семейные объявляютъ

¹⁾ Вместо кадильного пепла, иногда стараются пріобрѣсти бахрому отъ угловъ «воздуха», пережигаютъ ее и пытъ съ водой (Карабашск. у. Орловск. г.).

объ этомъ сосѣдамъ, прося ихъ «помогнуть» изгнать бѣса изъ больной. Сосѣди приходятъ къ кликушѣ и если она не кричитъ, то стараются ее «раздразнить», чтобы закричала. Для этого зажигаютъ въ кадильницѣ ладанъ, кадятъ имъ около кликуши и спрыскиваютъ ее святою водою, по болѣйшей части, крещенской, чтобы узнать, кликуша ли она или только притворяется: отъ этихъ средствъ настоящая кликуша непремѣнно закричитъ. Какъ только она начнетъ кричать, надѣваютъ на нее пахотный хомутъ, голову обматываютъ скатертью, въ которой носили святить куличи на Пасху, снимаютъ съ божницы поклонный крестъ и кладутъ его кликушѣ на грудь. Сдѣлавъ все это, начинаютъ спрашивать: «духъ нечистый, выйдешь ли ты изъ рабы Божіей, или нѣтъ?» Если кликуша скажетъ—«выйду», то ее опять обрызгиваютъ св. водой и перетаскиваютъ съ полу къ порогу, чтобы выходящая нечистая сила направлялась прямо въ дверь. А чтобы она не могла оставаться въ избѣ, около кликуши, съ трехъ сторонъ, кадятъ съ кадильницы ладаномъ и кропятъ св. водою, оставляя, такимъ образомъ, свободный проходъ нечистой силѣ только къ двери, для чего она растворяется настежь. Если женщина начнетъ биться и перестанетъ кричать на голоса, то это вѣрный признакъ того, что нечистая сила выходитъ. Побившись, женщина обыкновенно впадаетъ въ безпамятство и дѣлается какъ бы мертвою, потомъ тяжело вздыхаетъ и поднимаетъ глаза. Когда кликуша ихъ откроетъ, то ей даютъ испить св. воды, покрошивъ туда немного ладану, для того, чтобы нечистый опять не могъ возвратиться въ кликушу. Когда она встанетъ, то у неї спрашиваютъ: «полегчало ли ей?» и если женщина скажетъ, что полегчало, то присутствующіе опять начинаютъ кадить около ея ладаномъ и кропить св. водою. Если женщина и при этомъ не кричитъ, то, значитъ, бѣсь изъ нея вышелъ совсѣмъ. Когда кликуша окончательно выздоровѣстъ, то ей не даютъ работать цѣлую недѣлю и совсѣмъ не сердиться и не ругаться «чернымъ» словомъ. Если женщина вытерпитъ и не выругается чернымъ словомъ, то бѣсь не въ состояніи войти въ нее снова и женщина навсегда излечивается отъ кликушества. Когда, на вопросъ, «выйдешь ли изъ рабы такой-то или нѣтъ?»—женщина не отвѣтить спрашивающему—«выйду»,—а будетъ все кричать на голоса, тогда одинъ изъ мужиковъ (свекоръ, мужъ или посторонній) беретъ въ руки кнутъ и приступаетъ къ ней съ угрозой, повторяя: «выйдешь ты или нѣтъ? — сейчасъ кнутомъ изсѣкъ!» Если женщина ничего не отвѣтить, тогда сбрызгиваетъ кнутъ св. водою и начинаетъ женщину сѣчь кнутомъ на

отмашь, бόльшею частью, по левому боку, приговаривая: «во имя Отца и Сына, и Св. Духа, я тебе приказываю, нечистый духъ, выйди вонъ!» — и бьет кликушу отъ двѣнадцати до тридцати трехъ разъ.

Довольно часто примѣняемъ средствомъ является купанье кликушъ въ крещенской проруби¹⁾). При этомъ иногда погружаютъ кликушу всю, иногда опускаютъ только ноги, а иногда обливаютъ. Дѣлается это иногда эпически просто.—«При мнѣ,—передаетъ очевидецъ,— купали бабу-кликушу. Ее привели къ проруби въ валенкахъ, въ тулупѣ, съ головой, накрытой шалью, и какъ только освятили воду, кликушу раздѣли и она осталась въ одной рубашкѣ. Два мужика взяли ведра и стали лить на нее воду, окатывая съ головы до ногъ. Послѣ этого накинули ей на плечи тулупъ и повели домой» (Орловск. г. и у.).

Св. вода, девятивинная просфора, свѣчи, масло отъ мощей и иконъ, которыми поятъ кликушъ, и накладываніе на нихъ пелены отъ ракъ преподобныхъ — всѣ эти средства употребляются при кликушествѣ также часто, какъ и при другихъ заболѣваніяхъ. Исключительное значеніе при этомъ страданіи пріобрѣтає путешествіе по монастырямъ, поклоненіе мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, и служеніе «отчетныхъ», т. е. соединенныхъ съ отчитываніемъ молебновъ. Нигдѣ, въ другихъ страданіяхъ, вѣра въ цѣлебность мощей и чудотворныхъ иконъ не обнаруживается съ такой силой и единодушіемъ, какъ здѣсь. Сложившись исторически и являясь выраженіемъ инстинктивного сознанія народомъ дѣйствительности и могущества средствъ духовнаго міра противъ этого душевнаго недуга и питаемая иногда поразительными въ этой области чудесами, вѣра эта, къ сожалѣнію, не всегда остается возвышенной и чистой. Если для истиннаго религіознаго чувства большими и тягостными испытаніемъ являются безчинства, богохульные выкрики и кощунственные выходки въ церкви отдаленной кликуши, то тѣмъ большее и едва ли желательное впечатлѣніе даже въ чисто религіозномъ смыслѣ производить на молящуюся массу то публичное скопленіе кликушъ, которое до настоящаго времени наблюдается въ церквяхъ и нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ²⁾). Не составляетъ также большой рѣдкости

¹⁾ Грязовецк. у. Волог. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смол. г., Пензенск. и Инсарск. уу. Пензен. г., Калужск. и Жиздринск. уу. Калужск. г.

²⁾ Такое скопленіе кликушъ въ присутствіи десятковъ и сотенъ молящихся дѣвушекъ и женщинъ не можетъ не способствовать, если не разви-

видѣть необыкновенно грубую картину, какъ въ церкви сопротивляющаюся кликушу тащать приложиться къ мощамъ 5 — 6 дюжихъ мужиковъ и также насильно протаскиваютъ ее подъ чудотворную икону¹⁾). Поэтому чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производятъ энергическая внушенія тѣхъ священниковъ, которые требуютъ соблюденія благочинія въ храмѣ, во время богослуженія, и удаленія кликуши во время припадковъ изъ церкви. Послѣ одного или нѣсколькихъ такихъ предупрежденій бабы начинаютъ стоять въ церкви смиренхонько, иногда тихо всхлипывая или же, предъ приближенiemъ припадка, выходя изъ церкви (Инсарск. у. Пензен. г., Шуйск. у. Влад. г.). Не говоря о случаяхъ притворства и болѣзненнаго подражанія, въ чистыхъ случаяхъ кликуниства это предупрежденіе можетъ имѣть громадное значеніе, какъ своего рода противовнущеніе.

Сильнымъ средствомъ религіознаго внушенія является отчитываніе, послѣдняя и самая крайняя мѣра при кликушествѣ, послѣ примѣненія которой всякое дальнѣйшее лечение кликуши обыкновенно признается уже безплоднымъ. Кто бы ни отчитывалъ кликушу—начетчикъ, монашка, келейница, священникъ, всѣ они непремѣнно должны быть безупречной, благочестивой и иногда строгой трезвой жизни²⁾). Въ тѣхъ случаяхъ, когда отчитываніе совершаются мірскими лицами, оно состоить изъ чтенія псалмовъ, каноновъ, Евангелія и особыхъ заклинательныхъ молитвъ, взятыхъ изъ старыхъ рукописныхъ или церковныхъ, теперь вышедшихъ изъ употребленія требниковъ. Священники обыкновенно соединяютъ съ отчитываніемъ молебны, извѣстные въ простонародіи подъ наименіемъ «отчетныхъ». Въ нашемъ Большомъ требникѣ заключаются только дрѣ молитвы, произносимыя на такихъ молебнахъ и носящія, въ особенности вторая, простой просительный характеръ³⁾.

тію кликушества, то его поддержанію. Между тѣмъ, кромѣ Петра I, обычай этотъ былъ строго осужденъ еще при Императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ: «къ великому Ея И. В. неудовольствію извѣстно Ей учинилось, что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія кликуши, которыхъ оттого не токмо не унимаются, но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и, сверхъ того, надѣй ними и молитвы читаются» (Указъ Сенату отъ 15 ноября 1737 г.).

¹⁾ Ливенск. у. Орловск. г., Муромск. у. Владим. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Тотемск., Сольвычегод. и Кадник. уу. Вологодск. г.

²⁾ Одоевск. у. Тульск. г., Пензенск., Краснослоб. и Инсарск. уу. Пензен. г., Сѣвск. у. Орловск. г., Вязниковск. у. Владимірск. г.

³⁾ Молитва надѣй обуравляемыми отъ духовъ нечистыхъ: «Боже вѣчный, избавлей насть отъ плѣненія діавола. Изми раба своего (имя рекъ) всякаго дѣйства

Гораздо больше этихъ молитвъ и онѣ имѣютъ ярко демонологическій характеръ въ требникѣ киевскаго митрополита Петра Mogилы (XVII в.), которымъ, кромѣ мірскихъ лицъ, пользуются, несмотря на его изъятіе изъ употребленія, нѣкоторые священники и монахи. Въ виду историческаго интереса, а также той послѣдовательности и систематичности, съ какою проведена здѣсь идея религіознаго внушенія, мы считаемъ необходимымъ изложить въ существенныхъ чертахъ чинъ того молебствія, соединеннаго съ заклинаніемъ, которое совершается по этому требнику надъ кликушами¹⁾. Къ заклинателю предъявляется требованіе, чтобы онъ былъ лишенъ гордости, тщеславія и корыстолюбія, имѣлъ горячую вѣру, обладалъ теплотой внутренняго чувства, былъ чистымъ отъ блуда и подготовился къ своей заклинательной миссіи покаяніемъ и постомъ. Предварительно увѣрившись, что онъ имѣеть дѣло съ дѣйствительно «бѣснымъ», а не страдающимъ, напр., черною желчью (меланхоліей) или какимъ-либо другимъ недугомъ²⁾, заклинатель вопрошаєтъ больного объ имени духовъ вошедшихъ, о времени, когда они вошли, о новодахъ къ вхожденію и производить заклинаніе въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ или церкви, вприсутствіи только близкихъ лицъ. Всѣ предварительныя молитвы, псалмы,

духовъ нечистыхъ. Повели лукавымъ и нечистымъ бѣсовомъ отступити отъ души и тѣла раба Твоего, и да не пребудетъ, ниже да таится въ немъ, но да отбѣжать именемъ Твоимъ Святымъ и Единороднаго Ти Сына и животворящаго Духа отъ созданія рукъ Твоихъ, да очисти вся отъ всякоаго діавольскаго навѣта, преподобнѣ и праведнѣ и благочестнѣ поживеть, сподобляемъ пречистыхъ Таинъ Единороднаго Ти Сына и Бога нашего. Съ нимъ же благословенъ еси и препроправленъ, со Пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, Аминь». Молитва 2-ая, о томъ же: «Услыши ны, Господи, Боже, Спасителю нашу! Еже во утѣсненіе діша и духа во уныніи зовущихъ къ Тебѣ, да не попустиши насть искуситиша паче еже мошѣ носити, но сотвори со искушеніемъ и изводѣство, во еже мошѣ намъ носити. Избави насть отъ всякоаго наведенія исполнена злыхъ, отъ скорби и утѣсненія отъ лукавыхъ духовъ и со-противныя силы. Поддержи немошѣ душѣ нашихъ, исправи ноги наша на путь правый, въ познаніе истины и еже въ Тя упованія. Утверди сердца наша и дажѣ намъ въ совѣсти чистѣ, со дерзновеніемъ проповѣдати слово Твое и служити безъ упражненія во вся дни живота нашего».

¹⁾ «Вослѣдованіе молебное о избавленіи недугующаго отъ обуреванія и на- силія духовъ нечистыхъ и молитвы заклинательныя тѣхже лукавыхъ духовъ».

²⁾ Среди признаковъ бѣснованія указаны слѣдующіе: «иноязычно глаголати многими словесы, или глаголющаго разумѣти: далече сущая и сокровенная открыти: силы паче возраста или паче естественныя мѣры показати и иная симъ подобная, яже многа суть».

экстеніи и каноны произносятся и поются «тихимъ гласомъ и со умиленіемъ», а Евангеліе читается съ возложеніемъ рукъ на болящаго. Самыя заклинательныя молитвы читаются заклинателемъ, стоя на колѣняхъ, «со всякимъ умиленіемъ, аще мощно, со слезами», нѣкоторыя мѣста ихъ, наиболѣе сильныя и всегда точно указанныя, произносятся твердымъ и мощнымъ голосомъ, а нѣкоторыя даже «съ велимъ дерзновеніемъ». Психологической и очень важной особенностью этихъ заклинательныхъ молитвъ является и то, что каждая изъ нихъ чередуется съ обыкновенной молитвой, гдѣ страхъ и угрозы смѣняются тихой мольбой, надеждой и радостью¹⁾.

¹⁾ Эти молитвы и заклинанія, числомъ 9, принадлежать выдающимся ораторамъ и восточнымъ богословамъ: Василію Великому, Григорію Чудотворцу, Іоанну Златоусту и др. Для образца мы приводимъ, съ пропусками, содержание нѣкоторыхъ изъ этихъ заклинательныхъ молитвъ. «Заклинаю Тя, злоначальника худнаго, начальника супротивнаго востанія и самодѣтеля злобы. Заклинаю Тя низверженаго отъ вышняго свѣтоношенія и въ тму глубины низведенаго возношенія ради. Заклинаю тебе и всю ниспадшую силу послѣдователную твоего предложения. Заклинаю тя, душе нечистый, Богомъ Саваоомъ и всѣмъ воинствомъ Ангель Божіихъ, Адонай Елої Бога Вседержителя, изыди и устранися отъ раба Божія (имя рекъ). Заклинаю тя Богомъ, Словомъ вся создавшимъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Единороднымъ Сыномъ Его, прежде вѣкъ неизрѣченно и безстрастно отъ Него рожденнымъ, видимую же и невидимую тварь создавшимъ, по образу своему человѣка сотворшимъ, водою согрѣщеніе сышше потопившимъ и поднебесныя бездны разустившимъ и гиганты нечестовавшія разтѣвшимъ и столбъ скверныхъ растрясшимъ, и землю Сodomовъ и Гоморовъ огнемъ божественнымъ испепелившимъ, жезломъ море раздѣлившимъ и люди ногами немокрыми проведшимъ, и мучителя Фарона и воинство Богооборное волнами нечестиво брань воздвигшее покрывши... «Убойся, умолки, бѣжи и не возвратися, ниже сокрылся съ инѣми злобы нечистыми духи: но отыди въ землю безводную, пустую, недѣланную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, но Богъ единъ презираеть, связаяй всѣхъ уязвляющихъ и злосовѣствующихъ на имя Его, и веригами мрака тартару предавый, въ долгую ноющъ и день тебе всѣхъ злыхъ искуителя и изобрѣтателя діавола: яко велий есть страхъ Божій, и велия слава Отца, и Сына, и Св. Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь» (Василія Великаго).

Въ одной изъ молитвъ (св. Іоанна Златоуста) содержится перечисленіе духовъ, подлежащихъ заклинанію: «...Вострепещи, убойся, устрашися, сокрушися, бѣжи, ниспадай съ небесе и съ тобою вся лукавыя духи: духъ нечистоты, духъ лукавства, духъ инощный и дневный, полуденій же и вечерній, духъ полунощный, духъ привидѣній, духъ срѣщательный или водный, или въ дубравахъ, или въ трости, или въ стремнинахъ, или во двонутіяхъ или трепутіяхъ, въ езерахъ или рѣкахъ, въ домѣхъ, въ дворѣхъ и въ банѣхъ преходай и вреждай, и отъемляй умъ человѣчій». Настолько же интересной, въ смыслѣ освѣщенія нѣкоторыхъ суевѣрій народа и происхожденія нѣкоторыхъ заговоровъ, является «за-

Чтобы понять историческое значение этихъ заклинаній и молитвъ и ту роль, которую играли онѣ при врачеваніи кликушъ, необходимо помнить, что время, къ которому относится требникъ Петра Mogилы, было временемъ расцвѣта и господства поражающихъ и невозможныхъ суевѣрій, пропитавшихъ народную массу, духовенство, боярские и даже придворные круги (Костомаровъ, Забѣлинъ) и въ то же время соединенныхъ съ такой глубиной религіозного чувства и вѣры, какой они едва ли когда-либо достигали потомъ. Соответствуя духу своей эпохи, эти заклинанія и молитвы, безъ сомнѣнія, приносили пользу и исцѣленіе не малому числу наиболѣе религіозныхъ и чувствующихъ натуръ, но для нашего времени являются по меньшей мѣрѣ анахронизмомъ и невыгодны тѣмъ, что поддерживаются въ массѣ народа едва ли желательными суевѣріями и вмѣстѣ съ пассивнымъ отношеніемъ нѣкоторой части духовенства къ кликушеству, косвенно способствуютъ распространению этого столь печального въ нашей жизни явленія. Нашъ народъ и безъ того живетъ во многомъ воззрѣніями глубокой и давно отжившой старины и истинное знаніе, какъ и чистая и свѣтлая вѣра, для него такъ необходимы.

Хотя и медленно, и только нѣкоторой частью, но нашъ народъ идетъ къ нимъ. Безспорнымъ указаниемъ на постепенное освобожденіе народа отъ связывающихъ его суевѣрій, и несомнѣннымъ приобрѣтеніемъ текущаго времени является то, что число кликушъ съ каждымъ годомъ уменьшается¹⁾. Въ мѣстахъ, гдѣ прежде и не такъ давно, не было села, деревни безъ одной или нѣсколькихъ кликушъ, теперь ихъ часто нѣтъ совсѣмъ или онѣ мѣняютъ свой прежній типъ, изъ неистовствующихъ и буйнокричащихъ превращаясь въ «тихопорченыхъ» и «тихомольныхъ».

прещальна» молитва св. священно-муч. Кипріана: «...И ты, душа лукавый, аще и не хотя воздаждь славу имени святому Его, идеже аще сѣдиши въ уdesи тѣла созданія сего: или въ главѣ, или въ темени, или въ бровѣ, или въ очио, или въ щю, или въ устѣхъ, или въ языцѣ, или въ выи, или въ плѣщу, или между плещима, или въ мышца, или въ персехъ, или въ дѣй, или въ сердци, или въ селезенї, или въ плюцахъ, или въ чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣ, или въ естественныхъ предѣлехъ, или въ крѣпости, или въ жилахъ, или въ колѣнахъ, или въ лыстахъ, или въ голенѣ, или въ руку, или въ ногу, или въ лицахъ, или въ кровавицѣ, или въ костехъ, или въ мозгу, или въ крови, или въ власѣхъ, или въ ногтехъ, или въ всемъ тѣлѣ—отлучися, устранися и изде, душа лукавый».

¹⁾ Владимирск., Ярославск., Нижегородск., Саратовск., Костромск., Вологодск. и Вятская гг.

* * *

Современное состояніе народной медицины, со всѣмъ кругомъ понятій въ этой области, невольно напоминаетъ состояніе европейской мысли въ средніе вѣка, до появленія положительного (индуктивнаго) метода мышленія (Бэконъ Верулямскій, XVI ст.). Она также отвлечена, также мало считается съ жизнью, природой и также нерѣдко исходной точкой ея развитія, какъ и въ средне-вѣковой сколастической мысли, являются не опытъ и наблюденіе, а общія и предвзятая идеи и положенія или создаются самыя широкія обобщенія на основаніи лишь немногихъ частностей. О такомъ направленіи и характерѣ народнаго мышленія весьма наглядно свидѣтельствуютъ тѣ отвлеченные возврѣнія народа на болѣзни, которые создаются суевѣрную терапію и профилактику и являются источникомъ также многихъ другихъ отжившихъ аномалій народной жизни. Предвзятая и твердо укоренившаяся мысль о какихъ-то крючкахъ и затворахъ при родахъ, будто бы мѣшающихъ выходу ребенка, ведетъ къ цѣлому ряду самыхъ нелѣпыхъ и мучительныхъ пріемовъ для роженицы, вѣра въ возможность вхожденія бѣса въ человѣка роковымъ образомъ приводить къ кликушеству, а несуществующее отношеніе между примѣняемымъ средствомъ и болѣзнью, въ видѣ простой аналогіи, однородности названій, соотвѣтствія мѣста и времени, виѣшняго сходства и самыхъ отдаленнѣйшихъ признаковъ, кажется крестьянину достаточнымъ основаніемъ для примѣненія доброй половины его лечебныхъ средствъ¹).

Если бы западно-европейская мысль, пользуясь индуктивнымъ методомъ мышленія²), не обратилась къ изслѣдованію природы и жизни, между русской народной медициной и медициной западной была бы линія количественная и частичная разница, теперь же от-

¹⁾ Береза имѣть отношеніе къ бѣлямъ, запоръ къ «опору», золото—къ золотухѣ, янтарь и уснувшая, пожелтѣвшая щука — къ желтухѣ, сырая терпая свекла къ кровотеченію, куры къ куриной слѣпотѣ, змѣиный выползень къ назозѣ, выюнь къ падучей и т. д. Такой же источникъ народнаго мышленія имѣютъ пріемы перепеканія и перерожденія младенца, стрѣляніе изъ ружей и окатываніе водой яицъ и замковъ при родахъ, убѣжденіе, что ребенокъ можетъ запутаться въ кишкахъ и задушиться, если беременная переступить черезъ возжи, что у него сдѣлается грыжа, если мать будетъ носить въ фартукѣ щепки и т. д., и т. д.

²⁾ Созданіе выводовъ и положеній путемъ непрерывнаго и постепеннаго восхожденія.

личіе между ними заключается въ томъ, что одна изъ нихъ является практически и экспериментально-реальной, другая, за исключениемъ лишь небольшой своей части, остается отвлеченно-идеальной и, благодаря этой крайней отвлеченности, иногда дѣлается даже уродливой.

Поднявшись сразу до высоты всегда столь пріятныхъ и все-рѣшающихъ общихъ положеній и явившись стройной системой, гдѣ, хотя и невѣрно, все такъ объяснено и понятно, русская народная медицина, подъ влияніемъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, останавливается въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ развитіи и очень мало мѣняется подъ влияніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя начали проникать въ народную жизнь въ послѣдніе 35—40 лѣтъ, со времени реформъ Императора Александра II. Здѣсь имѣеть значеніе не только краткость протекшаго времени, но и то, что идеи и выводы западно-европейской науки проводились, большою частью, уже въ готовомъ видѣ, въ формѣ различныхъ санитарныхъ требованій и мѣропріятій, въ видѣ тѣхъ или другихъ предлагавшихся народу лекарствъ, врачебныхъ пріемовъ, операций и пр., — всего чаще безъ всякоаго ихъ внутренняго освѣщенія. Нисколько поэтому не мудрено, что народъ, оставшись при своихъ прежнихъ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ на природу, жизнь и самое происхожденіе болѣзней, это новое подчинилъ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ и вотъ почему онъ, признавая научную медицину, какъ реальный и полезный фактъ, въ своихъ взглядахъ на дѣйствіе лекарствъ, на тѣ болѣзни, гдѣ они могутъ или не могутъ помочь, на ихъ дозы и время пріема, на операции, больницы и врачи, въ массѣ, очень часто остается вѣрнымъ своимъ старымъ воззрѣніямъ. Но этой же причинѣ такъ много среди нашего народа давно отжившихъ и самыхъ нелѣпыхъ и вредныхъ суевѣрій, и такъ мало разумныхъ знаній, даже такихъ элементарнѣйшихъ, какія составляютъ основу здоровья и касаются значенія чистоты, пищи и воды.

Такимъ образомъ, возникаетъ въ высшей степени трудный для практическаго осуществленія вопросъ о коренномъ измѣненіи самыхъ основъ народнаго мышленія, всего строя понятій народа въ данной области и даже до нѣкоторой степени самого его мировоззрѣнія.

Едва ли, однако, нужно говорить о томъ, что достижениe подобной задачи невозможно путемъ одного только простого отрицанія или путемъ примѣненія какой-либо заимствованной западно-евро-

пейской идеи, теорії или голої системи. Измѣнить міровоззрѣніе народа можно только мелкой и кропотливой работой, постепеннымъ и преемственнымъ воспитаніемъ его въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, путемъ школы и жизни, послѣдовательно снимая тѣ историческія наслоенія, изъ которыхъ оно образовалось и не производя въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ народа радикальной ломки. Дѣйствуя иначе, можно только разрушить это міровоззрѣніе, не замѣнивъ его инымъ, т. е. не давъ взамѣнъ народу ничего. Какъ бы ни было примитивно, подчасъ даже нелѣпо и уродливо это міровоззрѣніе, съ точки зрењія народа, оно ясно и послѣдовательно и отнять у него это міровоззрѣніе, значитъ, лишить его внутренняго содержанія, его духовнаго «я». Разрушая же лишь постепенно предразсудки народа, начиная съ тѣхъ, которые всего больше мѣшаютъ истинному пониманію вещей и наиболѣе вредны для здоровья и въ жизни, и давая, взамѣнъ ихъ, дѣйствительныя, фактическія и полезныя знанія, начиная съ самыхъ элементарнѣйшихъ, мы изберемъ тотъ послѣдовательный путь, которымъ шла въ своемъ развитіи Западная Европа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически дадимъ народу и сообщимъ ему тотъ методъ мышленія, который создалъ силу и просвѣщеніе народовъ Запада¹⁾.

Говоря о необходимости освобожденія народа отъ подавляющихъ его суевѣрій, мы неизбѣжно должны коснуться религіи, такъ какъ многія изъ нихъ носятъ религіозный характеръ и связаны съ религіей. Но было бы большой ошибкой въ происхожденіи ихъ ви-

¹⁾ Преображеніе у насъ теоретическихъ и общихъ идей, въ ущербъ точнымъ и фактическимъ знаніямъ, показываетъ, что отъ отвлеченно-схоластического направлениія, завѣщанного исторіей, до сихъ поръ не вполнѣ освободилась и наша русская интеллигентная мысль. Предпочитая, взамѣнъ пріобрѣтенія детальныхъ и точныхъ знаній, общія положенія, она совершаетъ ту же ошибку, какая принадлежала средневѣковой европейской мысли до Бэкона. Нѣмецъ, нисколько не болѣе, если не менѣе даровитый, чѣмъ русскій, но наиболѣе освободившійся отъ недостатковъaprіорнаго мышленія, потому представляется часто болѣе основательнымъ и разумнымъ и въ наукѣ, и въ жизни береть перевѣсь надъ русскимъ, что и науку, и дѣло онъ, дѣйствительно, изучаетъ, послѣдовательно и точно наблюдаетъ и узнаетъ факты, мелочи, детали и уже только потомъ обобщаетъ, тогда какъ русскій, чаще всего, старается только «понять» и схватить предметъ «вообще» и также вообще отрицаєтъ. Очень легко подчиняясь по этой причинѣ разнаго рода авторитетамъ и связывая себя той или другой, получающей господство идеей, русскій интеллигентный человѣкъ очень часто обнаруживаетъ такую же мечтательность и такое же отсутствие дѣйствительной свободы и самостоятельности мысли, какъ и нашъ простой народъ.

нить религию. Едва ли не большинство этих суеверий имѣютъ древнейшее, дохристіанское происхожденіе, многія, по преимуществу тѣ, источникомъ которыхъ является грубая вѣра въ бѣсовъ, въ церковномъ смыслѣ этого слова, были вполнѣ неизбѣжны для своего времени, очень многія свидѣтельствуютъ лишь о невѣжествѣ и непониманіи народомъ религіозныхъ истинъ въ ихъ чистомъ видѣ и, наконецъ, не малое число ихъ обязано своимъ происхожденіемъ духовенству прежняго времени, часто такому же невѣжественному и суевѣрному, какъ самъ народъ. Церковь можетъ только желать очищенія религіозныхъ понятій народа отъ примѣси суеверій и лишь стремиться къ тому, чтобы сдѣлать вѣру его свѣтлой и чистой. Не касаясь существа религій, мы скажемъ только, что этотъ тысячелѣтній устой далъ напику народу и государству слишкомъ много: онъ помогъ сохранить народность и языкъ подъ вѣковымъ татарскимъ игомъ, поднималъ и возвышалъ духъ народа въ тяжелыя минуты другихъ историческихъ испытаній и, главное, сохранилъ среди нихъ живую народную душу. Если нашъ народъ, при своей меньшей культурности и несмотря на внѣшнюю, иногда даже грубую оболочку, проникнуть болѣшимъ гуманизмомъ и менышею эгоистичностью, чѣмъ, напр., представители тевтонской или англосаксонской расы, то этими качествами, выражавшими собой дѣйствительный духъ христіанства, онъ всесѣло обязанъ послѣднему. Смягчивъ грубую натуру скифа, христіанство никогда потомъ, даже въ моменты наибольшаго историческаго огрубленія, не ожесточало унасъ души народа: оно не развадило, ad majorem Dei gloriam, инквизиціонныхъ костровъ для еретиковъ, не преслѣдовало, не подвергало пыткамъ и не сжигало душевно-больныхъ и сумасшедшихъ, чѣмъ озnamеновали себя XV, XVI и XVII вв. Западной Европы. Содѣйствовавъ въ то же время выработкѣ семейственныхъ и общественныхъ основъ, христіанство, безъ сомнѣнія, составляетъ все то лучшее, что есть въ жизни нашего народа. Вотъ почему, разрушая суеверія и внѣдряя разумные понятія, было бы преступленіемъ противъ народа колебать его религіозные устои: нашъ русскій человѣкъ, даже окультуренный, но потерявший Бога и освободившійся отъ завѣтовъ религій, необыкновенно легко теряетъ всякую нравственность и совѣсть и, какъ это мы видимъ на многочисленныхъ примѣрахъ современности, часто превращается въ звѣря. Такъ, извращеніе и утрата истиннаго религіознаго чувства народомъ, постепенно терявшимъ тѣ элементы культурности, которые заключались въ его первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и незамѣнявшимъ этихъ эле-

ментовъ другими, имъ равнознѣнными, мало-по-малу, привели его къ тому нелѣпому и отталкивающе-грубому, чего свидѣтелями мы были на многихъ страницахъ этой книги.

Обращаясь теперь къ тому положительному, что заключаетъ въ себѣ народная медицина, мы не будемъ говорить о народныхъ пріемахъ внушенія и массажа и многихъ растительныхъ, и другихъ народныхъ средствахъ, на необходимость внимательного изслѣдованія и самого точного научного изученія которыхъ, особенно въ виду все усиливающагося промышленно-рекламнаго направленія современной западно-европейской фармакологіи, мы уже указали раньше. Не будемъ также говорить о тѣхъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ представленияхъ, оставшихся отъ прошлаго и касающихся былыхъ отношеній нашего народа къ матери-землѣ, водѣ, деревьямъ и растеніямъ и замѣтимъ только, что эти и до сихъ поръ еще сохраняюціяся мѣстами представлениія заключаютъ въ себѣ самые широкіе общественно-санитарные идеалы и, при правильномъ ихъ развитіи, могутъ вырасти въ вполнѣ разумныя и цѣнныя гигіеническія понятія. Мы снова укажемъ на ту глубокую мягкость и человѣчность, которой, въ цѣломъ, проникнута наша народная медицина. Проявляясь всюду—въ пріемахъ знахарей и повитухъ¹⁾, въ отношеніяхъ къ больнымъ родныхъ и постороннихъ и даже въ самомъ требованіи отъ врача, прежде всего, сердечности, эта основная черта народной медицины составляеть такое драгоценное отличие отъ материальнаго направленія медицины и рациональной мысли Запада, которое представляется нескончаемымъ идеаломъ будущаго.

Кромѣ этой глубокой человѣчности и твердой вѣры въ господство духа, мы найдемъ и другіе элементы, указывающіе, насколько народъ нашъ внутренне способенъ къ прогрессу и совершенствованію. Даже среди подавляющей массы народныхъ суевѣй и самыхъ нелѣпѣйшихъ пріемовъ и средствъ мы встрѣчаемъ несомнѣнную наличность мышленія и присутствіе запросовъ духа. Народъ жаждно искать разрѣшенія вопросовъ, предъявляемыхъ жизнью, и хотя и рѣшалъ ихъ въ формѣ, далекой отъ настоящаго наблюдения.

¹⁾ Безъ сомнѣнія, таковы пріемы знахарей и повитухъ въ общемъ. Все то вопіюще-нелѣпое, что часто ими продѣлывается надъ больными, совершается не по жестокости, а подъ влияниемъ ошибочной идеи, что только такимъ путемъ они спасутъ больного. Подобнымъ же образомъ, въ высшихъ цѣляхъ, заставляетъ иногда страдать больныхъ и врачъ, и разница между ними заключается только въ томъ, что послѣдній руководствуется сознаніемъ дѣйствительной пользы большому, а знахари и повитухи—воображаемой.

нія и иногда даже нелѣпой и уродливой, но все же онъ осмысливалъ эти явленія, такъ или иначе, разрѣшать волнующе его вопросы и создавалъ богатый матеріалъ для размышленія. Живая, хотя и фантастическая мысль народа приметъ другое содержаніе, облечется въ другую форму, замѣнится сознательнымъ отношеніемъ къ явленіямъ природы и жизни, но то, неуловимое, что такъ жадно заставляло народъ искать чего-то, что составляетъ сущность народного духа и лежитъ въ основѣ творческихъ силъ народа,—то останется на вѣки неизмѣннымъ. Не указывая на нашъ глубокій и сильный языкъ—это неотъемлемое созданіе и достояніе лишь одного народа¹⁾ и удерживаясь въ границахъ только изслѣдуемой области, мы сошлемся на то обніє ботаническихъ народныхъ названій, которое нестрѣть наши ботаническіе словари, и на ту характерность, образность и, вмѣстѣ, словно научную точность, которыми они отличаются. Понимая смысль явленій природы не всегда вѣрно и часто даже ошибочно, нашъ народъ, однако, не проходилъ мимо ея равнодушно и каждой былинкѣ и цвѣтку дать отличительное и почти всегда выразительное название.

Такимъ образомъ, и въ характерѣ, и въ міровоззрѣніи нашего народа, кромѣ худого и отжившаго, мѣшающаго его дальнѣйшему росту, есть и очень много хорошаго, что всѣми силами слѣдуетъ развивать и поддерживать и съ чѣмъ можно связать то новое, что необходимо внести въ народную жизнь.

Въ этомъ познаніи народа, какъ цѣлаго, со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ, и заключается тотъ истинный націонализмъ, который является залогомъ дѣйствительного прогресса и который съ такою легкостью отвергается очень многими въ наше время.

¹⁾ За все время своего существованія наша интеллигенція не прибавила къ этому языку почти ни одного слова и только ограничивалась заимствованіями словъ изъ чуждыхъ языковъ, слѣдя въ этомъ примѣру образованныхъ классовъ допетровского времени, бравшихъ слова и обороты изъ греческаго и церковно-славянскаго языковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловие и введение	III—VIII
I. ПРИЧИНЫ БОЛѢЗНЕЙ. Условия и особенности заболеваний деревни. Народные понятия объ естественныхъ причинахъ болѣзней. Сверхъ-естественные причины болѣзней и ихъ олицетворение. Непосредственная зависимость заболеваний отъ нечистой силы. Роль духовъ въ происхождении дѣтскихъ заболеваний. Порча. Задомъ и выниманіе слѣда. Порча молодыхъ. Прикосновеніе и взглядъ. Сглазъ, оговоръ и испугъ. Порча и сглазъ, какъ внушеніе. Передача болѣзней и дѣйствіе неодухотворенныхъ причинъ	1—46.
II. ЗНАХАРСТВО. Почва знахарства въ современной деревнѣ. Лечебные приемы знахарей. Знахарская диагностика. Виды знахарей-заговорщиковъ. Значеніе заговорной терапіи знахарей. Зависимость лечебныхъ приемовъ знахарей отъ народныхъ воззрѣній на болѣзни. Знахари-лекари и ихъ специализація. Знахари-шарлатаны	47—89.
III. НАУЧНАЯ МЕДИЦИНА. Старая и новая Русь. Земскіе врачи и отношение къ нимъ народа. Скептики въ медицинѣ. Отношеніе къ больницамъ и операциямъ. Частная медицинская помощь въ деревнѣ	90—119.
IV. ЗАРАЗНЫЙ БОЛѢЗНІИ и САНИТАРНЫЙ МѢРЫ. Понятія о заразительности болѣзней. Оспопрививаніе. Сифилисъ. Отношеніе къ санитарнымъ мѣрамъ и дезинфекціи. Холерные беспорядки и убийство врача Молчанова въ г. Хвалынскѣ	120—151.
V. ДІЭТА и УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ. Диета и отношение къ больнымъ домашнихъ и сосѣдей. Уходъ за больными въ деревнѣ и причины его недостаточности	152—167.
VI. КЛАССИФИКАЦІЯ и СИМПТОМЫ БОЛѢЗНЕЙ. Группировка и общія названія болѣзней. Мѣстныя названія болѣзней. Определеніе симптомовъ и болѣзненныхъ ощущеній. Народная прогнозистика	168—186.

VII. СУЕВЪРНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ. Суевърная профилактика.	
Огонь. Вода. Земля. Деревья и растения. Символические средства.	
Передача болѣзней, какъ приемъ лечения. Суевърные средства, основанныя на аналогіи. Суевърная терапія отдельныхъ заболеваній. Хаотическая средства.	187—224.
Лечебные заговоры. Заговоры профилактическаго и общаго характера. Заговоры частнаго характера.	224—249.
VIII. РЕЛИГІОЗНЫЯ СРЕДСТВА. Значеніе обѣтовъ и народная вѣра въ цѣлебность св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Угодники-цѣлители, молебны и крестные ходы. Посты, св. вода, богослужебные и другіе священные предметы. Пріемы и средства, основанія на суевъріяхъ и религіозномъ нравѣстствѣ народа. Отчитываніе, какъ религіозно-бытовой пріемъ лечения больныхъ.	250—272.
IX. ГРУБО-ЭМПІРИЧЕСКАЯ, НЕЛЪПЫЯ И ВРЕДНЫЯ СРЕДСТВА.	
Грубо-эмпірическія средства. Фантастически-нелѣпые средства. Противоестественные средства. Трупныя средства. Вредныя и героическія средства.	273—292.
X. ЭМПІРИЧЕСКАЯ МЕДІЦИНА. Общій характеръ эмпірической медицины. А. Универсальные средства. Баня и растиранія. Деревенскія ванны, припарки и потогонныя средства. Лечебная роль предметовъ домашняго обихода и другія универсальные средства. Б. Лечение эмпірическими средствами отдельныхъ заболеваній. Внутреннія болѣзни. Хирургическая, кожныя болѣзни и сифилисъ. Глазныя болѣзни. Женскія и дѣтскія болѣзни.	293—324.
XI. РОДЫ. Взглядъ народа на дѣторожденіе и бесплодіе. Предотвращеніе беременности, плодоизгнаніе и выкидыши. Периодъ беременности. Примѣты. Профилактика беременныхъ и уходъ за ними. Нормальные роды. Мѣсто и обстановка родовъ. Моментъ наступленія родовъ. Деревенскія повитухи. Поведеніе и роль мужа при родахъ. Помощь акушерки и врача и пособія при тяжелыхъ родахъ. Выхожденіе послѣдѣа. Обращеніе съ пуповиной и дѣтскимъ мѣстомъ. Послѣродовой периодъ. Взгляды на родильницу. Но-собія обмершимъ дѣтямъ. Исправленіе новорожденного и уходъ за нимъ. Примѣты.	325—362.
XII. СУМАСПЕДИНЕ и КЛИКУШИ. Причины душевныхъ болѣзней. Отношеніе къ слабоумнымъ и помѣшаннымъ. Разсказъ. Леченіе душевно-больныхъ и взглядъ народа на психіатрическія учрежденія. Кликуши. Самоощущеніе кликуши и народныя представления о кликушествѣ. Причины кликушства. Амнезія и ясновидѣніе кликушъ. Кликушество и сомнамбулизмъ. Отношеніе народа къ кликушамъ и ихъ леченіе.	363—395.
Заключеніе.	396—401.